ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

ФИЛАРЕТЪ

ВЪ СХИМОНАШЕСТВѢ ѲЕОДОСІЙ

(Амфитеатровъ)

МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ и ГАЛИЦКІЙ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

Съ портретомъ и текстомъ факсимиле.

СОСТАВЛЕНО

въ трехъ томахъ

АРХИМАНДРИТОМЪ СЕРГІЕМЪ

(Василевскимъ).

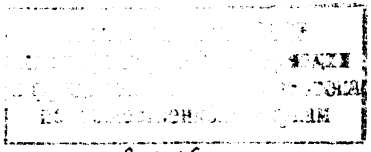
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КАЗАНЬ.

Типографія Окружнаго Штаба.

1888.

БУ
597



2449
II

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Сентября 19 дня 1887 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

* *

„Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета въ рукахъ Божіихъ“. [1])

* *

„Иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ Царствіи небеснѣмъ“. [2])

* *

„Не отъидетъ память его и имя его поживетъ въ роды родовъ. Премудрость его повѣдятъ людіе, и хвалу его исповѣсть Церковь“. [3])

* *

„Сто слишкомъ лѣтъ протекло отъ рожденія и тридцать—уже послѣ блаженной кончины Высокопреосвященнаго Филарета, бывшаго Митрополита Кіевскаго; но доселѣ не явилось въ нашей литературѣ цѣльнаго и полнаго жизнеописанія этого Святителя Божія, бывшаго, истинно, свѣтильникомъ и украшеніемъ не для Кіевской только паствы, но и для всей Православной Русской Церкви“. [4])

---

[1]) Слова, прочитанныя въ Бозѣ почившимъ въ видѣніи, которыя начертаны были на стѣнѣ въ его моленной,—[2]) Матѳ. V. 19.—[3]) Сирах. XXXIX. 12, 13. [4]) Слова, содержащіяся, въ своемъ мѣстѣ, въ настоящей біографіи.

Да ѣтъ Господь Богъ нашего
Іисуса Христа хранить Непоколебимую твердость Благочестивѣйшему
Самодержавнѣйшему Великому
Государю нашему
Филарета Митрополита Кіевскаго

Отъ цензурнаго Комитета при Казанской Духовной Академіи печатать дозволяется, 23 Февраля 1888 г. Членъ Комитета, Инспекторъ Академіи Профессоръ **Николай Бѣляевъ**.

Типо-Литографія **И. С. Перова** въ Казани, на Булакѣ, собств. домъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Предисловіи къ изданному мною жизнеописанію Высокопреосвященнаго Антонія (Амфитеатрова), бывшаго Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго [1]), я высказалъ, что покойный Владыка Антоній поручилъ мнѣ составленіе біографіи дяди своего—Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, въ схимонашествѣ Ѳеодосія, (Амфитеатрова), бывшаго Митрополита Кіевскаго и Галицкаго

„Этотъ трудъ, сказано было мною въ Предисловіи, если Господь благословитъ и благопоспѣшитъ, я уповаю приготовить въ скоромъ времени для напечатанія отдѣльнымъ изданіемъ. На выполненіе этого моего труда я имѣлъ честь и утѣшеніе, въ бытность въ С.-Петербургѣ въ Іюлѣ 1884-го года, лично получить отъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Исидора, Митрополита С.-Петербургскаго особое благословеніе съ выраженіемъ, при этомъ, личнаго его и для меня священнообязательнаго желанія, чтобы выполненіе съ моей стороны послѣдовало возможно скорѣе".

Господь Богъ благоволилъ даровать мнѣ силы и возможность совершить, предпринятый мною, трудъ и, такимъ образомъ, выполнить какъ завѣщаніе покойнаго Архіепископа Антонія, такъ и желаніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Митрополита Исидора.—

---

[1]) Это жизнеописаніе было издано мною въ двухъ томахъ въ 1885-мъ году.

Въ благодарнѣшихъ чувствахъ за отечески милостивое благовниманіе къ моему посильному труду Его Высокопреосвященства, Маститѣйшаго Первосвятителя нашего, я, съ Его личнаго соизволенія, почитаю священнымъ для меня долгомъ и отраднѣйшимъ утѣшеніемъ посвятить Его имени сей самый мой трудъ.

„*Авторъ*“.

Казань
Зилантовъ Успенскій
Монастырь.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬ!

Имени Вашего Высокопреосвященства, какъ бывшаго непосредственнаго Преемника, въ Бозѣ почившаго, Іерарха Русской Церкви Митрополита Кіевскаго Филарета, въ схимонашествѣ Ѳеодосія, и свято чтущаго память его, смиреннѣйше посвящаетъ настоящій трудъ свой—

авторъ—Архимандритъ Сергій.

День
Покрова Пресвятыя
Богородицы.

1-е Октября
1888 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ I.

Время отъ рожденія до окончанія курса семинарскаго образованія.

Глава I. Мѣсторожденіе Высокопреосвященнаго Филарета, его родители и родословная. Первыя отроческія впечатлѣнія и проявленія душевныхъ свойствъ. Стран. 1—20.

Глава II. Домашнее воспитаніе отрока Ѳеодора. Обученіе Ѳеодора Амфитеатрова въ духовномъ училищѣ и Семинаріи. . . . . Стран. 21—46

ОТДѢЛЪ II.

Время служенія въ Орловской духовной Семинаріи въ г. Сѣвскѣ.

Глава III. Испрошеніе отъ родителя благословенія на поступленіе въ монашество на 19-мъ году отъ роду. Первые годы монашества и учительства Филарета. Филаретъ—Префектъ и Ректоръ Семинаріи въ г. Сѣвскѣ на 24-мъ году отъ роду. Перемѣщеніе его въ Уфу. Стран. 47—73.

ОТДѢЛЪ III.

Время служенія въ Оренбургской духовной Семинаріи въ г. Уфѣ.

Глава IV. Первоначальная служба его въ Уфѣ. Служеніе его подъ начальствомъ преосв. Августина. Самыя тяжелыя отношенія преосв. Августина къ Филарету . . . . . Стран. 74—99.

Глава V. Состояніе Оренбургской Семинаріи въ административномъ, учебномъ и педагогическомъ отношеніи. . . . . Стран. 99—117.

Глава VI. Изложеніе судныхъ дѣлъ по службѣ Филарета Настоятельской и Ректорской, возникавшихъ по личнымъ преслѣдованіямъ преосв. Августина. Перемѣщеніе Филарета въ Тобольскъ, какъ человѣка крайне не хорошаго . . . . . Стран. 117—139.

ОТДѢЛЪ IV.

Время служенія Архимандрита Филарета въ Тобольскѣ и въ С.-Петербургѣ.

Глава VII. Служеніе Филарета въ Тобольскѣ; возстановленіе его репутаціи и вызовъ въ С.-Петербургъ на чреду священно-служенія . . . Стран. 140—157.

Глава VIII. Перемѣщеніе его въ Настоятели Волоколамскаго Іосифова Монастыря. Назначеніе Филарета Инспекторомъ С.-Петербургской Академіи. Возведеніе его въ степень Доктора богословія. Отношенія къ нему Ректора С.-Петербургской Академіи Филарета, впослѣдствіи Митрополита Московскаго. Перемѣщеніе Филарета въ новооткрываемую Московскую духовную Академію . . . . . Стран. 158—174.

ОТДѢЛЪ V.

Время служенія въ Московской духовной Академіи.

Глава IX. Составъ лицъ Московской духовной Академіи и открытіе ея.—Дѣятельность Архимандрита Филарета въ Академіи . . . . Стран. 175—207.

Глава X. Характеристика Ректора Филарета, какъ воспитателя и начальника . . . . Стран. 208—224.

Глава XI. Вліяніе личнаго, благочестиваго образа жизни Ректора Филарета на призваніе воспитанниковъ къ иночеству . . . . . Стран. 225—236.

Глава XII. Двукратныя ревизіи Московской духовной Академіи, произведенныя Филаретомъ, Ректоромъ С.-Петербургской Академіи. Личное Высочайшее посѣщеніе Московской Академіи Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ . . . Стран. 237—246.

Глава XIII. Участіе, которое принималъ Филаретъ въ избраніи Корбухи близъ Сергіевой Лавры для скита. Знаменательный фактъ исцѣленія отъ тяжкой болѣзни Игумена Хотьковскаго Монастыря. Стран. 247—268.

ОТДѢЛЪ VI.

Служеніе Епископа Филарета въ Калугѣ.

Глава XIV. Назначеніе Филарета Епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ.—Отличительныя качества его, какъ Епископа . . . . . Стран. 269—294.

Глава XV. Ревностная заботливость преосв. Филарета о построеніи храмовъ Божіихъ, о распредѣленіи церковныхъ приходовъ, объ улучшеніи содержанія причтовъ, о благоустройствѣ монастырей и учрежденіи новыхъ . . . . . Стран. 295—308.

Глава XVI. Особенное расположеніе преосв. Филарета къ Оптиной пустынѣ и устройство имъ въ ней Скита. . . . . Стран. 309—319.

Глава XVII. Административная дѣятельность преосв. Филарета, отношенія его къ духовенству, объѣздъ епархіи, вниманіе къ сиротамъ и вдовамъ. Отношенія его къ учащимся въ Семинаріи и училищахъ. Стран. 321—338.

Глава XVIII. Отношенія Филарета къ родственникамъ Заботы его о раскольникахъ . . Стран. 338—362.

ОТДѢЛЪ VII.

Отношенія высокопреосвященнаго Филарета къ дѣлу о переводѣ Священнаго Писанія на Русскій языкъ.

Глава XIX. Библейское Общество. Оффиціальное отношеніе высокопр. Филарета къ Оберъ-Прокурору Св. Синода Графу А. П. Толстому по дѣлу о переводѣ Священнаго Писанія на Русскій языкъ. Стран. 362—387.

Глава XX. Продолженіе дѣла о переводѣ Священнаго Писанія . . . . . Стран. 388—403.

Глава XXI. Дѣло о переводѣ Протоіерея Павскаго . . . . . Стран. 404—416.

Глава XXII. Дѣло о переводѣ Архимандрита Макарія (Глухарева) . . . . . Стран. 417—436.

Глава XXIII. Нѣсколько словъ о гоненіяхъ на Катихизисъ Филарета Московскаго. Сочувственный откликъ Филарета, Епископа Калужскаго . . Стран. 437—456.

Глава XXIV. Мнѣніе высокопр. Филарета Митрополита Кіевскаго о переводѣ Священнаго Писанія на Русскій Языкъ и отзывъ на это мнѣніе высокопр. Филарета Митрополита Московскаго. . . Стран. 457—518.

ОТДѢЛЪ VIII.

Перемѣщеніе преосвященнаго Филарета изъ Калужской Епархіи въ Рязанскую.

Глава XXV. Прощаніе преосв. Филарета съ Калужскою паствою . . . . . Стран. 518—537.

ОТДѢЛЪ IX.

Служеніе преосв. Филарета въ Рязани.

Глава XXVI. Трехлѣтнее управленіе Рязанскою епархіею. Возведеніе въ санъ Архіепископа. Вызовъ его въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ . . . . . Стран. 538—553.

Глава XXVII. Пребываніе высокопр. Филарета въ С.-Петербургѣ. Отношеніе къ нему столичнаго общества. Замѣчательный фактъ по случаю бывшаго наводненія въ С.-Петербургѣ. Назначеніе высокопр. Филарета на Казанскую Архіепископскую каѳедру. Стран. 553—563.

ОТДѢЛЪ I.

(1779—1798 г.)

ГЛАВА I.

«Благодарю Тя, Господи Боже мой, яко Самъ благодатію Своею вложилъ еси въ бѣдное сердце мое еще въ отрочествѣ избрати житіе иноческое и вчинилъ еси мя въ ликъ иноческій Святыя Чудотворныя Кіевопечерскія Лавры, ея же Настоятельница есть Сама Преблагословенная Пресвятая Владычица Богородица, подъ Ея же Матернимъ Святымъ Покровомъ азъ родихся». [1]).

Въ Орловской губерніи въ Кромскомъ уѣздѣ находится село *Высокое*. У мѣстныхъ жителей сохранились устныя преданія, что на мѣстѣ села Высокаго въ старину были становища какихъ-то буйныхъ поселенцевъ. Затѣмъ, по сказаніямъ достовѣрнымъ, мѣстность эта сдѣлалась вотчинною собственностію лицъ одной изъ древнихъ фамилій Русскаго боярскаго рода *Колычевыхъ* [2]), изъ которой происходилъ по рожденію Святый *Филиппъ* Митрополитъ Московскій, современникъ Царя Іоанна

---

[1]) Слова изъ духовнаго завѣщанія въ Бозѣ почившаго.

[2]) Принадлежность этой мѣстности и образовавшагося на ней села Высокаго, какъ собственности помѣщиковъ фамиліи Колычевыхъ, свидѣтельствуется, между прочимъ, церковными клировыми вѣдомостями. Въ послѣднихъ значится, что церковь каменная трехъпрестольная построена тщаніемъ помѣщика Колычева въ 1835 г.

Грознаго. По описанію одного очевидца, относящемуся лѣтъ за пятьдесятъ до настоящаго времени, село Высокое замѣчательно особенной красивостію своего мѣстоположенія и окрестностей. „Не вдалекѣ отъ села съ одной стороны виднѣлась превосходная роща, съ другой разстилался открытый долъ, тянулись богатые помѣщичьи сады, а между ними струилась быстрая рѣчка *Сосна* и блестѣло озеро *Немецъ*. Все это рисовалось въ особенно прекрасномъ видѣ изъ самаго села, съ того мѣста, гдѣ находилась сельская церковь и домы священно-церковно-служителей. Но еще болѣе пріятными представлялись окрестности и самое село съ церковью съ принадлежащаго церковному причту полеваго участка, находящагося на разстояніи 5—6 верстъ отъ селенія [1]).

Въ этомъ селѣ Высокомъ состоялъ священникомъ при находящейся въ немъ Покровской церкви *о. Георгій Никитичъ (Амфитеатровъ)*—родитель высокопр. Филарета Митрополита Кіевскаго, родившагося въ 1779 г. [2])

---

[1]) Смотр. біографич. очеркъ «Я К. Амфитеатровъ». Кіевъ 1857 г стр. 1 и свѣдѣнія, доставленныя прот Н. Амфитеатровымъ, племянникомъ въ Бозѣ почившаго Митр. Филарета. Эти подробныя топографическія свѣдѣнія приводятся здѣсь потому, что въ дѣтской жизни въ Бозѣ почившаго Первосвятителя указываемая мѣстность, окрестности села и прочая обстановка сельскаго быта имѣли весьма важное вліяніе и значеніе въ дѣлѣ его нравственнаго и физическаго развитія.

[2]) Относительно года рожденія высокопр. Филарета оказываются разности: такъ а) въ послѣднихъ дняхъ жизни высокопр. Филарета—въ некрологѣ—(1857 г Кіевъ), б) въ замѣткахъ высокопреп. Антонія архіеп. Казанскаго о высокопр. Филаретѣ (1879 г. Казань) и в) въ статьѣ—«Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ Митрополитъ Кіевскій» – (Калужскія епархіальныя Вѣдомости 1884 г. въ прибавленіяхъ № 6 стр. 140) годъ рожденія означенъ 1778 г. Этотъ же годъ былъ поставленъ и нами, собственно на основаніи «Некролога и замѣтокъ», въ изданномъ нами сочиненіи: Высокопреосвященный Антоній (Амфитеатровъ) Архіепископъ Казанскій» (изд. 1885 г. Казань).—Но, при составленіи настоящаго нашего труда, мы обращались къ самымъ подлиннымъ даннымъ,—и по этимъ послѣднимъ мы по всей подлинности и точности удостовѣрились, что годъ рожденія высокопр. Филарета есть не 1778, а

17 Апрѣля и нареченнаго при св. крещеніи *Ѳеодоромъ*,— (во имя св. Ѳеодора Сикеота. память коего 22 Апрѣля). Жена о. Георгія.—родительница Филарета. была по имени *Анастасія*. Какъ далеко восходила родословная о. Георгія, не извѣстно. Достовѣрно однако. что родитель іерея Георгія, дѣдъ высокопреосв. Филарета. *Никита* былъ священникомъ въ селѣ Высокомъ: онъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. любилъ заниматься. между прочимъ. обученіемъ грамотѣ своихъ внуковъ и особенно своего любимѣйшаго внука-Ѳеодора. Что же касается самой *фамиліи Амфитеатровыхъ*. то трудно опредѣлить ея происхожденіе. Носилъ ли эту или другую фамилію самый дѣдъ о. Никита. не извѣстно. Знаемъ только, что родной братъ о. Георгія носилъ другую фамилію—*Монастыревъ*. Впослѣдствіи фамилія Амфитеатровыхъ распространилась на значительное число лицъ, ведшихъ свой родъ отъ Іерея Георгія, изъ которыхъ болѣе извѣстны слѣдующія: Преосвященный Антоній, бывшій Архіепископъ Казанскій.—бывшій ординарный профессоръ Московской духовной академіи Егоръ Васильевичъ,—протоіерей въ г. Сѣвскѣ Николай Амфитеатровъ и бывшій профессоръ Кіевской духовной академіи, извѣстный въ литературѣ глубокою ученостію, Я. К. Амфитеатровъ [1]).

1779 г Апрѣля 17 дня. Указываемыя теперь данныя абсолютно не подлежатъ никакому сомнѣнію. Эти данныя: во 1-хъ, соботвенноручное духовное *завѣщаніе* въ Бозѣ почившаго, гдѣ буквально сказано: «родившись отъ благочестивыхъ родителей іерея Георгія и Анастасіи 17 Апрѣля 1779 г. и пр.» · во 2-хъ, *надпись*, вырѣзанная на бронзовой доскѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ надъ мѣстомъ могилы въ Бозѣ почившаго, на которой значится: «здѣсь покоятся останки Синодальнаго Члена Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Священно-Архимандрита Кіево-Печорскія Лавры Филарета въ схимонасѣхъ Ѳеодосія. Родился 17 Апрѣля 1779 года и пр.»—Так. обр во всѣхъ вышеисчисленныхъ сочиненіяхъ годъ рожденія въ 1778 г. долженъ быть признанъ поставленнымъ не вѣрно. *Авт.*

[1]) Яковъ Космичъ имѣлъ прежнюю родовую фамилію по отцу «*Красинъ*», но во время обученія его въ семинаріи, переименованъ былъ въ фамилію «*Амфитеатровъ*» по распоряженію начальство-

Въ самомъ же селѣ Высокомъ фамильный родъ Амфитеатровыхъ пресѣкся въ мужскомъ поколѣніи, такъ какъ о. Георгій самое священническое свое мѣсто уступилъ, по старости и слабости здоровья, зятю своему Космѣ Ивановичу *Красину*, который прежде, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, состоялъ причетникомъ при мѣстной же Покровской церкви и женатъ былъ на второй дочери о. Георгія—Аннѣ.

Это послѣднее обстоятельство, т. е. что родители высокопреосв. Филарета, не смотря на свое священническое званіе, отдали въ замужество дочь свою за причетника, съ одной стороны указываетъ на небогатость ихъ состоянія, а съ другой свидѣтельствуетъ о тогдашнемъ образѣ понятій и взглядовъ, чуждыхъ всякой разсчитанности на знатность рода и званія, и, вообще, о тогдашней простотѣ въ образѣ и условіяхъ жизни и быта. Объ этомъ читаемъ слѣдующія, между прочимъ, свѣдѣнія: „Родители высокопреосв. Филарета, при относительной бѣдности, считались все-таки въ ряду своихъ сельчанъ и прочихъ членовъ притча людьми, какъ говорится, зажиточными. Если доходы отъ священническаго мѣста были и не значительны, то недостатокъ ихъ восполнялся изъ другаго источника—трудолюбія по части сельскихъ домашне-хозяйственныхъ работъ и занятій. У нихъ былъ собственный домъ съ разными хозяйственными при немъ заведеніями, какъ-то: садомъ, огородомъ, конопляникомъ и пчельникомъ. Пчеловодство было вообще развито въ селѣ Высокомъ, чему благопріятствовала самая мѣстность, и составляло, между прочимъ, одинъ изъ достаточныхъ источниковъ для средствъ къ содер-

---

вавшихъ тогда лицъ. Основаніемъ и побужденіемъ къ такой перемѣнѣ фамиліи,—обычной впрочемъ въ тѣ времена,—служило именно то, что имя Филарета, его дяди, получило уже тогда значительную извѣстность; а съ другой стороны самый ученикъ *Красинъ*,—племянникъ Филарета, имѣлъ прекрасныя способности и отличался такими же успѣхами и благонравіемъ. Дававшіе *Красину* новую фамилію *Амфитеатровъ*, сдѣлали это именно изъ почитанія къ Филарету и для поощренія племянника идти по стопамъ дяди.

жанію. На церковной землѣ велось хозяйство въ хорошемъ порядкѣ; имъ занимались, на ряду съ наемными работниками, и самъ о. Георгій съ женою, и всѣ домашніе, не исключая даже дѣтей по мѣрѣ ихъ возраста. Въ этихъ работахъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, участвовалъ высокопр. Филаретъ въ годы своего дѣтства, служа даже для прочихъ братьевъ примѣромъ трудолюбія [1]).

Родители Ѳеодора, до рожденія его, имѣли уже троихъ дѣтей,—двухъ дочерей и сына, бывшихъ еще въ маломъ возрастѣ. Всѣхъ же дѣтей у нихъ было *восьмеро*.—пять сыновей и три дочери. Имена первыхъ—Василій, Ѳеодоръ, Гавріилъ, Симеонъ, Никита,—послѣднихъ—Евдокія, Анна, Марія [2]). При такой многочисленности семейства, само собою, трудно было ожидать, чтобы дѣти были постоянно окружены особенными родительскими заботами. Но какъ Ѳеодоръ, по словамъ доставителя свѣдѣній, въ младенчествѣ былъ слабенькимъ [3]), то мать, при всей обремененности и семействомъ и разными

---

[1]) Смотр. Біографич. очеркъ Я. К. Амфитеатровъ.

[2]) Ѳеодоръ-Филаретъ былъ вторымъ по рожденію изъ пяти сыновей. Самый старшій сынъ былъ Василій, слѣдующій за Филаретомъ былъ Гавріилъ (отецъ преосвященнаго Антонія Архіепископа Казанскаго), четвертый Симеонъ, пятый Никита. Первые двое были въ духовномъ званіи, именно—Василій былъ священникомъ въ селѣ Гнани Орловской епархіи, а Гавріилъ протоіереемъ въ г. Калугѣ. Послѣдніе же двое были въ свѣтскомъ званіи. Симеонъ, принявшій, при поступленіи въ Московскій университетъ фамилію *Рачичъ*, былъ извѣстнымъ въ свое время литераторомъ. Извѣстны его переводы «Виргилиевыхъ Георгикъ» съ латинскаго языка и поэмы Тасса «Освобожденный Іерусалимъ» съ итальянскаго языка —Изъ дочерей Евдокія и Анна были въ замужествѣ за священниками, а Марья за діакономъ. Смотр. «Замѣтки преосв. Антонія о жизни высокопр. Филарета митр. Кіевскаго.» Казань 1879 г.

[3]) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, которыя приводилось пишущему слышать отъ высокопр Антонія архіеп. Казанскаго, младенецъ Ѳеодоръ родился почти *слѣпенькимъ*. Родители были въ сильной печали и почти въ отчаяніи за новорожденнаго *несчастненькаго* сына. Одинъ только дѣдъ—о Никита смотрѣлъ на дѣло иначе, именно свято-евангельски; такъ-какъ при первыхъ же усмотренныхъ признакахъ слѣпоты у младенца, онъ отъ всей глубины вѣры повторилъ

хозяйственными трудами и хлопотами, не оставляла его безъ особенныхъ попеченій и тѣмъ паче, что замѣчала въ немъ какое-то особое выраженіе благодарности за ея попеченія и сочувствія къ ея трудностямъ. Выраженіе это видѣла мать Анастасія въ необычайной его тихости и всегдашнемъ довольствѣ малымъ, начиная съ груднаго молока, котораго, по замѣчанію ея, онъ по средамъ и пятницамъ почти не сосалъ, хотя и бралъ сосокъ въ губы. Эти свойства отъ младенчества перешли и въ послѣдующій дѣтскій его возрастъ. Ими-то онъ обратилъ особенное вниманіе и пріобрѣлъ къ себѣ преимущественное предъ другими дѣтьми расположеніе и любовь родителей и въ частности дѣда о. Никиты [1]).

слова Господа Іисуса Христа о слѣпорожденномъ: *ни сей не согрѣши, ни родителіе его, яко слѣпъ родися, но да явятся дѣла Божія на немъ* (Іоан. IX, 3) Чтобы не давать много тужить самой матери надъ слѣпотою младенца, дѣдъ Никита самъ и нянчился съ нимъ, пеленалъ, клалъ въ люльку и пр. и давалъ его матери только для кормленія грудью – Когда же у младенца стало открываться зрѣніе, тогда и родители и прочіе семейные приписывали это какъ бы чудо молитвамъ о Никиты,—говоря, что Господь услышалъ эти молитвы собственно за такую любовь и неусыпную попечительность дѣда въ отношеніи къ своему внучку. —Высокопр. Филаретъ въ послѣдствіи во всю свою жизнь, если не былъ положительно слабъ зрѣніемъ, за то выглядывалъ подслѣповатымъ или, какъ говорится, мокроглазымъ. Противъ этой слабости зрѣнія онъ употреблялъ, какъ увидимъ, въ извѣстные весьма продолжительные годы своей жизни одно средство, хотя и по секрету,—такъ какъ это средство было—нюханье табаку. А съ другой стороны эта физическая болѣзнь—мокроглазіе было и слѣдствіемъ обильнѣйшаго излія̀нія имъ слезъ молитвенныхъ сколько среди претерпенныхъ имъ тяжкихъ скорбей, столько и отъ образовавшагося въ душѣ его - *дара духовнаго умиленія*. Это слезное умиленіе было у него на столько глубоко и сильно, что онъ не могъ читать въ келейномъ уединеніи ни молитвъ, ни любимой имъ Псалтири, ни Св. Евангелія безъ слезоистеченія. Въ самыя послѣднія предсмертныя минуты, когда читанъ былъ канонъ на исходъ души (говорится въ описаніи его кончины) высокопр. Филаретъ благоговѣйно слушалъ чтеніе и осѣнялъ себя постоянно крестнымъ знаменемъ при каждомъ возглашеніи «Пресвятая Богородице спаси насъ», а изъ померкавшихъ уже и полузакрытыхъ очей его постоянно струились слезы»

[1]) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ прот. Николаемъ Амфитеатровымъ.

Останавливаясь вниманіемъ на сказанныхъ свойствахъ младенца Ѳеодора, можно бы почесть ихъ не болѣе, какъ естественными слѣдствіями одной лишь слабости тѣлесной, но позволительно смотрѣть на подобныя естественныя явленія и съ точки высшаго духовнаго пониманія. Не даромъ и сама мать сознавала въ нихъ что-то особенное. Мы хотимъ сказать, что здѣсь приложимы слова Апостола: „*если внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется*". (2 кор. IV. 16), т. е. этотъ законъ преобладанія внутренняго духовнаго начала надъ внѣшнимъ тѣлеснымъ заранѣе проявляется, по силѣ благодати, въ своихъ дѣйствіяхъ въ самыхъ тѣлесныхъ свойствахъ лицъ, имѣющихъ быть особенными подвижниками въ духовной жизни. У такихъ лицъ, еще при самомъ первомъ ихъ развитіи, плоть *плѣняется* уже *въ послушаніе духу*. Впрочемъ, бывшая у Ѳеодора отъ младенчества, слабость тѣлесная съ послѣдующимъ возрастомъ миновалась. Въ описаніи послѣднихъ дней жизни высокопр. Филарета свидѣтельствуется, что онъ имѣлъ крѣпкое тѣлосложеніе и сохранилъ свои физическія силы отъ всякаго преждевременнаго разстройства и истощанія строгою воздержанною и правильною жизнію, какую всегда велъ отъ самаго ранняго дѣтства, отличаясь до глубокой старости неутомимостію, какъ въ трудахъ своего пастырскаго служенія, такъ и въ подвигахъ строгой иноческой жизни и особливо въ потаенныхъ подвигахъ бдѣнія и молитвы [1]). Это свидѣтельство дѣйствительно оправдывается самыми, можно сказать, разительными фактами, относящимися къ самой ранней жизни въ Бозѣ почившаго Первосвятителя. Любилъ онъ и самъ не рѣдко воспоминать о времени своего дѣтства въ этомъ именно отношеніи и значеніи. Въ подобныхъ воспоминаніяхъ онъ живо и наглядно изображалъ и самую житейско-домашнюю обстановку, перебирая какъ бы по пальцамъ и огородъ и пасѣку

[1]) Послѣдніе дни жизни Филарета Митроп. Кіевскаго. Кіевъ 1858 г. стран. 2.

(пчельникъ) и конопляникъ и сарай съ сѣномъ и опушку лѣса, прилегавшаго къ мѣсту полевыхъ работъ, въ которыхъ участвовалъ. Въ доказательство этого участія онъ показывалъ на лѣвой своей рукѣ—мизинецъ, который подрѣзалъ серпомъ во время жнитва, и который остался у него на всегда согнутымъ въ одномъ изъ суставовъ. Но воспоминанія эти были не плодомъ одной лишь твердой памятливости и живости воображенія, а того внутренняго чувства умиленія при воспоминаніи своей юности, о которой говоритъ Св. Пророкъ: „*Благо есть мужу, егда возметъ яремъ Господень отъ юности своея* (Плач. Іерем. 3, 28). Факты, о которыхъ теперь говорится, взятые именно вмѣстѣ съ самыми воспоминаніями высокопр. Филарета, свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что и пасѣка, и конопляникъ, и огородъ, и опушка лѣса и пр. служили для отрока Ѳеодора истинными питомниками, въ которыхъ онъ не только почерпалъ первые уроки, но совершалъ уже втайнѣ и опыты, какъ бы пробуя свои силы, на сколько онъ могъ взяться за *яремъ Господень отъ юности своея* и *взявшись не озираться вспять*. И потому все это, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, совершалось имъ въ уединеніи и въ тайнѣ отъ другихъ. А это-то самое, говоря словами церковнаго панегирика [1]), „бываетъ тогда, когда благоволитъ Господь, по предвѣдѣнію Своему, избрать кого въ особенное орудіе Своего Промысла для какого либо высокаго служенія, хотя въ то же время Самъ же Господь устрояетъ такъ, что эти избранные сосуды благодати облагаетъ какъ бы закровомъ, подобно какъ пчелы свой улей отъ праздно-любопытныхъ взоровъ наблюдателей, поучая и приготовляя этимъ самымъ избранниковъ своихъ къ храненію себя и своего избранническаго состоянія въ сокровенности, и чрезъ это полагая и утверждая въ нихъ краеугольное основаніе для всякаго истиннаго духовнаго возрастанія и преуспѣянія—*смиреніе*“.

---

[1]) Слово при погребеніи Высокопр. Филарета Митр. Кіев., сказанное бывшимъ тогда Инспекторомъ Кіев. Дух. Академіи Архим. Іоанникіемъ,—нынѣшнимъ высокопр. Митрополит. Московскимъ.

„Такъ и было,—говорилъ тотъ же церковный ораторъ. съ въ Бозѣ почившимъ великимъ Святителемъ-отцемъ нашимъ.—Его, еще юнаго отрока. посылалъ не рѣдко отецъ его на домашній пчельникъ стеречь рои пчелъ и давалъ ему читать тамъ Четь-Минею. И вотъ здѣсь-то. подъ жужжаніемъ пчелъ-дѣлательницъ сота и меда. невинное отроческое сердце Ѳеодора увлекалось чтеніемъ житій Святыхъ и услаждалось ими паче меда и сота. Въ одинъ же изъ этихъ разовъ сердце его особенно усладилось и восхитилось при чтеніи житія праведнаю Филарета-Милостиваго; и юный Феодоръ тогда же рѣшается и даетъ обѣтъ принять на себя имя этого угодника. чтобы всю жизнь идти по слѣдамъ его. Вотъ гдѣ и какъ положено было въ сердцѣ въ Бозѣ почившаго начало и основаніе тѣхъ великихъ духовныхъ подвиговъ, въ коихъ подвизался онъ въ теченіе всей своей жизни,—начиная съ осуществленія, возродившейся въ немъ при настоящемъ случаѣ, рѣшимости принять имя Филарета.—или что тоже принять иноческое званіе“.

Правда, жизнь Св. Праведнаго Филарета была не иноческая. и самые подвиги его благочестія и добродѣтелей совершались въ средѣ мірской-житейской. и потому избраніе имени этого Угодника съ одной стороны какъ бы не соотвѣтствовало тому званію, на которое рѣшился юный Ѳеодоръ—т. е. званію иноческому. Но за то здѣсь имѣла мѣсто и значеніе другая сторона. Читавшіе житіе Св. Праведнаго Филарета-Милостиваго (память его 1-го Декабря) не сомнѣнно знаютъ. что онъ отличался особенными свойствами души—кротостію и довольствомъ малымъ для себя и безграничною щедродательностію для другихъ. А эти-то самыя свойства и были замѣчены въ Ѳеодорѣ еще отъ младенчества матерью его и развивались въ немъ явственно для всѣхъ въ семьѣ, и особливо для отца его, во все дальнѣйшее время. Эти же свойства и въ иноческомъ состояніи составляютъ одно изъ совершенствъ. Такимъ образомъ сколь ни рановременна была по возрасту и потому могла бы казаться не разсудительною самая рѣшимость отрока Ѳеодора обречь себя на иноческое состояніе,

столько же на оборотъ она является самою естественною и по человѣческимъ здравымъ истиннымъ сужденіямъ. и по тѣмъ естественнымъ физическимъ и психическимъ требованіямъ и условіямъ. какими только можетъ опредѣляться истинное призваніе къ иночеству.—Слѣдующее подробное изложеніе того самаго (прежде упомянутаго) факта. что у мальчика Феодора особенно усладилось и восхитилось сердце во время чтенія имъ на пчельникѣ житія Св. Праведн. Филарета-Милостиваго. какъ нельзя болѣе доказываетъ сей часъ указываемую истину.

Дѣло было такъ: [1]). „О. Георгій. имѣя надобность самъ провѣдать пчельникъ, засталъ приставленнаго караульщика роевъ такъ, что хоть самаго унеси... Читавши Четь-Минею. сидя на землѣ. Феодоръ склонился лицомъ на самую книгу и спалъ прекрѣпко... Остановившись надъ спящимъ, о. Георгій замѣтилъ, что изъ глазъ ребенка, предъ его засыпаніемъ, изливались обильныя слезы, сильно измочившія даже самую страницу въ книгѣ, на которой онъ остановился чтеніемъ и заснулъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ изъ самаго положенія лица спавшаго видно было. что онъ не столько склонился отъ одолѣвшаго его сна, сколько припалъ самъ прямо своими губами къ страницѣ. какъ бы цѣлуя ее на извѣстныхъ строкахъ... [2]). О. Георгій присмотрѣлся къ книгѣ и увидѣлъ.

---

[1]) Излагаемый разсказъ передавалъ мнѣ высокопр. Антоній, слышавшій его еще въ дѣтствѣ отъ своего отца.

[2]) Цѣловать при чтеніи св. книгъ извѣстныя въ нихъ строки или слова, въ коихъ находилось имя Господа Іисуса Христа или другое изъ именъ Божественныхъ,—какъ читаемъ въ послѣднихъ дняхъ жизни,—у высокопр Филарета было правиломъ. или точнѣе неотразимымъ влеченіемъ чувства благоговѣнія и умиленія во всю его жизнь. Объ этомъ онъ самъ свидѣтельствовалъ въ предсмертные дни свои въ слѣдующихъ словахъ: «Вотъ я уже теперь не могу читать Божественное Евангеліе, но за то и во снѣ и при всякомъ полузабытьи я вижу предъ собою раскрытое Евангеліе и будто читаю . и хочу по обычаю моему поцѣловать самые слова въ немъ.. но только-что стану наклоняться, чтобы приложиться устами,—вдругъ просыпаюсь.. и смотрю—Евангелія нѣтъ. (Смотр. послѣдніе дни жизни—стран. 16).

что Ѳедей читано было житіе Св. Прав. Филарета Милостиваго. Не трогая сына и осмотрѣвши пчельникъ. о. Георгій замѣтилъ. что изъ одного улья только-что вылѣтѣлъ рой;.. но гдѣ былъ послѣдній.—онъ долго искалъ но понапрасну. Въ чувствѣ досады. онъ готовъ былъ на броситься на спящаго караульщика... какъ въ эту минуту очнулся и самъ Ѳедя.—Отецъ къ нему... и началъ журить его... что онъ-де прозѣвалъ рой;.. который или вовсе пропалъ. залетѣвши не вѣсть куда. или. быть можетъ. былъ уже перехваченъ кѣмъ либо изъ сосѣднихъ пасѣчниковъ... Тогда Федя. нисколько не смутившись недовольствомъ и журеньемъ отца. вдругъ. взглянувши въ книгу. сказалъ: а что же. батюшка, за бѣда, если бы рой этотъ достался кому либо изъ сосѣдей... Вотъ на-ко посмотри. что я сей часъ только читалъ въ Божьей-то книгѣ... вотъ въ житіи Св. Угодника Филарета Милостиваго.—которое я сегодня началъ читать уже во второй разъ... Тутъ Ѳедя, водя. вмѣсто обычной указки. пальцемъ по тѣмъ самымъ строкамъ. которые были омочены слезами. сталъ читать: „Таковая у себе премногая богатства блаженый имѣя, а иныхъ во мнозѣй скудости и въ послѣдней нищетѣ бѣдствующихъ видя. подвижеся на благоутробіе. и умилився душею, глаголаше къ себѣ:— еда ли того ради таковая отъ руки Господни пріяхъ благая, да самъ единъ ими питаюся и въ наслажденіи иждиву оная, угождая чреву... Не имамъ ли тѣхъ великихъ отъ Бога данныхъ мнѣ благъ раздѣлити не имущимъ, вдовамъ. сиротамъ. страннымъ. убогимъ..."—„Такъто. такъ, мой родимый. сказалъ о. Георгій, и слава Богу, что ты такъ вникаешь въ Божественное-то чтеніе; но все-таки не ладно, что ты прокараулилъ рой-то... Впрочемъ можетъ статься, ты и заснулъ-то недавно,— такъ не припомнишь ли, куда могъ пролететь рой-то?!.." Тутъ Ѳедя, оглянувшись на ближайшій кустъ и въ немъ находившійся пенекъ. вдругъ сказалъ отцу: „да вотъ рой-то. батюшка, здѣсь какъ есть... и я помню сквозь дремоту, что онъ кружился и жужжалъ прямо надо мною, да я то больно задумался и задремалъ такъ, что не могъ и отмахнуть его. не то-что бы встать..." Тутъ-то о. Ге-

оргій понялъ все... и значеніе чтенія *своего* сына и знаменательность самаго роя, который кружился надъ самымъ лицемъ ребенка. но не коснулся его, тогда какъ могъ бы изжалить его на смерть,—и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ спокойно усѣлся вблизи. прозѣвавшаго его, караульщика.— Потому-то, когда впослѣдствіи о. Георгій сталъ болѣе и болѣе наблюдать за состояніемъ своего сына Ѳеденьки и высказываться объ немъ (какъ увидимъ вскорѣ изъ его разсказовъ), что *„будетъ прокъ изъ мальчика:* и еще, что *Ѳеденька мой, вѣрно, будетъ монахомъ*, тогда къ слову—монахъ—присовокуплялъ, что будетъ онъ монахомъ, какъ есть Филаретомъ-Милостивымъ!.".

И дѣйствительно, на будущемъ Филаретѣ-инокѣ. проведшемъ въ иночествѣ цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ, оправдалось во всей полнотѣ изреченіе: *„По имени его тако бысть и житіе его.“* Это-то призваніе,—скажемъ опять словами того же панегириста, и самое рвеніе въ Бозѣ почившаго къ духовнымъ подвигимъ, однажды возжегшись въ душѣ его, не прекращались впослѣдствіи никогда. по временамъ же разгорались такимъ яркимъ пламенемъ, который не могъ не быть примѣтенъ и для другихъ, не смотря на то, что духовно-подвижническая жизнь въ Бозѣ почившаго, подобно жизни всѣхъ ревнителей благочестія, запечатлѣна была глубокою сокровенностію. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ тѣлеснымъ онъ возрасталъ и преспѣвалъ въ подвигахъ духовныхъ; восходя по степенямъ служенія выше и выше, онъ въ то же время больше и больше полагалъ въ сердцѣ своемъ и совершалъ духовныя восхожденія къ Богу, доколѣ изъ степеней сего восхожденія не составилась лѣствица, возведшая его отъ земли къ небеси“ [1]). „Впрочемъ мы не можемъ (говорилъ указываемый проповѣдникъ) изображать теперь и здѣсь всѣхъ трудовъ и подвиговъ духовныхъ въ Бозѣ почившаго Архипастыря нашего въ теченіи его 60-ти лѣтней святоиноческой жизни, и про-

---

[1]) Смотр. въ надгробн. словѣ, сказанномъ инспекторомъ Кіев. духов. акад. Архимандр. Іоанникіемъ.

явившихся еще ранѣе отъ дней самаго его дѣтства;— сего не могли не видѣть. имѣвшіе очи видѣти, при возможныхъ наблюденіяхъ за самыми свойствами его души и разнообразными дѣйствіями“.

Указываемыя сей-часъ, свойства уже намъ извѣстны; естественно должны быть извѣстны и самые имѣвшіе очи видѣть и благоразумно наблюдать ихъ проявленіе. Это родители Ѳеодора. Если мать-Анастасія, усматривавшая еще въ младенческомъ возрастѣ своего сына, свойства возбуждавшія въ ней особенное къ нему сочувствіе, и слагала все это только въ сердцѣ своемъ; за-то отецъ Георгій уразумѣвалъ уже силу и значеніе этихъ свойствъ своего сына и потому открыто отзывался о его напр. добротѣ такъ: „Добрый онъ мой сыночекъ—Ѳеденька-то!.. Вотъ ужъ добрый-то! Дай Богъ всякому православному имѣть такую утѣху въ жизни семейной. Бывало другіе дѣти пошалятъ, порѣзвятся, а онъ, мой драгоцѣнный—ходитъ, какъ *овечка смирная*, и воды, бывало, не взмутитъ“. Эти слова отца Георгія характеризуютъ кротость его сына, по видимому, съ одной только стороны, выражавшейся въ его дѣйствіяхъ и поступкахъ, что показываетъ самая наивность уподобленія смирной овечкѣ. Но эта же самая кротость вскорѣ стала усматриваться въ отрокѣ, какъ свободное проявленіе сердечныхъ чувствъ и настроенія душевнаго, когда, по словамъ того же о. Георгія и другихъ свидѣтелей-очевидцевъ, „малый Ѳедя, находясь вмѣстѣ съ другими братьями на полевыхъ работахъ, часто уклонялся являться въ семейную среду, иногда даже забывая о времени и самого обѣда, и не замѣтно удалялся въ опушку лѣса, когда другіе предавались обычному отдыху“ [1]). Эта кротость и уклончивость отъ другихъ не замедлили породить и проявить въ немъ склонность вообще къ уединенію, но не для праздднаго дѣтскаго развлеченія,—какъ другимъ думалось сначала,—а ради удовлетворенія внутренняго стремленія къ

---

[1]) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ о. Прот. Николаемъ Амфитеатровымъ.

Тому, Чья присносущная сила въ красотахъ видимой природы открывалась его невинно-дѣтскому сердцу. По словамъ тѣхъ же лицъ очевидцевъ, „бывало, во время завтрака или полуденнаго отдыха, Ѳедя, отдѣлившись отъ своихъ, не только устранялъ себя отъ пищи и покоя, но въ тишинѣ уединенія въ опушкѣ лѣса бесѣдовалъ съ Богомъ: часто видѣли его тамъ стоящимъ на колѣнахъ и молящимся на Церковь, которая виднѣлась съ мѣста полевыхъ работъ какъ на ладони [1]). Тоже самое бывало часто и въ самомъ домѣ.—Вотъ подлинный разсказъ объ этомъ о. Георгія: „Бывало соберемся обѣдать, и сядемъ уже всѣ за столъ; а Ѳеденьки нѣтъ, какъ нѣтъ. Гдѣ же спрошу другихъ, Ѳедя? Гдѣ онъ?! Никто не знаетъ... И пойду я самъ, бывало, искать его. Ищу по двору, по саду, на пчельникѣ, кличу, зову: нѣтъ моего Ѳеденьки. Взойду на сарай на самую повѣть; смотрю,—а онъ, мой дорогой, стоитъ на колѣняхъ въ конопляхъ и Богу молится. Сойду, бывало, потихоньку съ повѣти, подойду поближе къ коноплянникамъ и громко кликну его, будто бы не вижу его... И онъ—мой голубчикъ, тотчасъ прибѣжитъ, какъ нигдѣ не былъ,—и пойдетъ со мною обѣдать. Или, бывало, ночью братья спятъ, а онъ встанетъ на колѣни на лавочкѣ, или на сѣнѣ подъ сараемъ, да такъ усердно молится... Увижу, бывало, потихоньку перекрещусь и скажу про себя: слава Тебѣ Господи! будетъ добро изъ мальчика. А чтобы прогулять когда нибудь вечерню, или утреню, (не говорю уже—про обѣдню), Боже упаси! Всегда первый прибѣжитъ въ Церковь и послѣдній выйдетъ изъ нея. Ну,—думаю быть моему Феденькѣ монахомъ-молитвенникомъ. Такъ и случилось“ [2]).

Относительно Церкви, кромѣ неопустительно усерднаго посѣщенія мальчикомъ Ѳеодоромъ Богослуженія, нужно замѣтить еще то, что самое *наименованіе* ея

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ о. Протоіер. Евфим. Остромысленскимъ.

во имя *Покрова Пресвятыя Богородицы* имѣло для него свое особенное значеніе. Съ той поры перваго сознанія, говоритъ одинъ изъ доставителей свѣдѣній, когда малютка Ѳеодоръ сталъ умѣть отличать домъ родительскій отъ дома Божія и своимъ лепетомъ произносить священное наименованіе церкви „*Покровъ Пресвятыя Богородицы*",—это наименованіе врѣзалось на всегда въ душѣ его, и приняло въ его дѣтскомъ пониманіи такой неизмѣнный смыслъ, который онъ приложилъ и усвоилъ себѣ, именуя Покровъ Пресвятыя Богородицы *не иначе, какъ ея Материнмъ, собственно надъ нимъ распростертымъ, покровомъ, подъ коимъ онъ родился.* Положимъ, это съ одной стороны было выраженіемъ дѣтскаго наивнаго чувства, но съ другой — здѣсь заключалось, несомнѣнно, знаменательное проявленіе особеннаго избраннического призванія. Свидѣтельствомъ и доказательствомъ послѣдняго служитъ самое, неизмѣнное во всю жизнь, благоговѣйнѣйшее убѣжденіе его въ непрестанномъ покровѣ надъ нимъ Пресвятыя Богородицы. Потому-то, когда Покровская церковь въ селѣ Высокомъ, бывшая деревянная, пришла отъ времени въ крайнюю ветхость, и когда мѣстный помѣщикъ Колычевъ и прихожане видѣли необходимость въ сооруженіи новой [1]), высокопреосв. Филаретъ принялъ самое живое участіе въ послѣднемъ дѣлѣ весьма многими разными отъ себя приношеніями [2]). Наконецъ, когда за 15 лѣтъ до кончины своей, высокопр. Филаретъ, бывши митрополитомъ Кіевскимъ, избралъ для особенныхъ подвиговъ уединенія Голосѣевскую пустынь, то устроилъ на свой счетъ каменную церковь *тоже во*

---

[1]) Въ Клировыхъ церковныхъ вѣдомостяхъ за 1832 г. значится: «Церковь въ селѣ Высокомъ деревянная съ таковою же колокольнею; когда и кѣмъ построена—не извѣстно; въ настоящее время ветха въ крышѣ, стѣнахъ и фундаментѣ. Въ дальнѣйшихъ годахъ значится: Церковь каменная съ таковою же колокольнею, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы съ двумя предѣлами, построена въ 1835 г. тщаніемъ помѣщика Колычева.

[2]) Изъ свѣдѣній, записанныхъ со словъ самого высокопр. Филарета.

имя Покрова Пресвятой Богородицы, и во время стройки носилъ самъ кирпичи; при чемъ онъ свидѣтельствовалъ открыто. что дѣлаетъ это именно въ воспоминаніе *рожденія своего при церкви Покрова Пресвятыя Богородицы* (1). Въ Клировыхъ вѣдомостяхъ значится подъ рубрикой *„Капиталъ причта*: имѣется билетъ въ *1000 руб. сер.*, выданный изъ Орловскаго приказа Общественнаго Призрѣнія, положенный въ 1856 г. Декабря 29, за № 1634 отъ Синодальнаго Члена Митрополита Кіевскаго и Галицкаго Высокопреосвященнаго Филарета на проценты въ пользу причта на поминовеніе его родителей *Священника Георгія и Анастасіи*. Въ описи церковной значатся нѣкоторыя церковныя облаченія, пожертвованныя имъ же“.—Напослѣдокъ всего и въ самомъ духовномъ завѣщаніи своемъ въ Бозѣ почившій, въ особенныхъ чувствованіяхъ умиленнаго исповѣданія всѣхъ неизреченныхъ Благостей къ Нему Господнихъ во всѣхъ возрастахъ и судьбахъ его жизни, изрекъ слѣдующія, между прочимъ, слова: „Благодарю Тя Господи Боже Мой, яко самъ Благодатію Своею вложилъ въ бѣдное сердце мое еще въ отрочествѣ моемъ избрати житіе иноческое; въ послѣдніе же лѣта жизни моей вчинилъ еси мя въ ликъ иноческій во святѣй Чудотворной Кіево-Печерской Лаврѣ, ея же Настоятельница есть Сама Пречистая Преблагословенная Владычица наша Богородица, *подъ Ея же Материнмъ Святымъ Покровомъ азъ родихся*“ 1). А такъ какъ это духовное завѣщаніе было писано имъ въ 1851 г. за 17 лѣтъ до его кончины, когда, (какъ оказалось впослѣдствіи изъ дополнительнаго завѣщанія) высокопр. Филаретъ принялъ, потаенно отъ руки духовнаго отца своего Іеросхимонаха Парѳенія—великую схиму и въ слѣдъ за этимъ устроилъ въ Голосѣевой Пустыни на свой счетъ вышеупомянутую Церковь во Имя Покрова Пресвятыя Богородицы,—то здѣсь открывается особенно знаменательное сочетаніе фактовъ и вы-

---

1) Смотр. послѣдніе дни жизни высокопр. Филарета Митр. Кіев. стран. 71-я.

ясненіе ихъ значенія. Ясно. что, изреченныя въ завѣщаніи, слова благодаренія Господу. вложившему въ сердце его еще въ отрочествѣ желаніе иноческаго житія. теперь, съ принятіемъ схимничества, завершились еще сугубѣйшимъ стремленіемъ къ высшему иночеству. Такимъ образомъ, здѣсь окончательно раскрылась вся полнота и глубина тѣхъ свойствъ души. какія впервые отразились еще. по выраженію свято-иноческихъ писателей. *отъ отроческихъ ногтей* Ѳеодора. затѣмъ развилась и возросла въ лицѣ его—какъ инока Филарета, и наконецъ достигла своего совершенства въ лицѣ Ѳеодосія, когда онъ прикрылъ бѣлый митрополичій клобукъ. съ блистающимъ на немъ бриллiантовымъ крестомъ, смиреннымъ куколемъ схимника. и всѣ первосвятительскія украшенія и отличія—одеждою самоуничиженія [1]). Самъ въ Бозѣ Почившій. хотя и прикровенно. или только намеками указывая на это свое новое высшее подвижническое званіе. въ задушевныхъ бесѣдахъ съ иными. понимавшими и цѣнившими особенно высоко его достоинства по званію Митрополита и въ частности великаго ученаго—Доктора Богословія.—говаривалъ такъ: „нѣтъ и нѣтъ!.. напрасно вы такъ судите... Бѣлый-то клобукъ съ драгоцѣннымъ крестомъ мнѣ пожаловали и носить повелѣли, а черный-то я самъ возжелалъ и воспринялъ на себя съ обѣтами: за него-то я и буду прежде всего истязанъ на страшномъ судищѣ Христовомъ.—Митрополитомъ быть, конечно. знатно. да небольно нашему брату—монаху статно, начиная отъ внѣшняго образа-житія...—То-ли бы дѣло. какъ я часто подумываю. живя въ Голосѣевой,—коли бы сидѣть напр., на пасѣкѣ караулить рои... какъ бывало въ дому у батюшки,—да и спать-то

---

[1]) Эти схимонашескія одежды и возложены были на него по кончинѣ его сверхъ всѣхъ Святительскихъ облаченій, согласно его желанію, выраженному въ дополнительномъ завѣщаніи; равно и на доскѣ бронзовой, прикрѣпленной къ стѣнѣ надъ мѣстомъ его могилы вычеканены по срединѣ митра съ омофоромъ, дикиріями и пр., и съ одной стороны митрополичій клобукъ съ крестомъ, а съ другой куколь съ одѣяніемъ схимническимъ.

бы ложиться подъ сараемъ на сѣнѣ“... Эти послѣднія выраженія оправдывалъ онъ и самымъ дѣломъ, когда напр., бывши уже Митрополитомъ, заѣзжалъ (по пути изъ Петербурга) на родину—въ село Высокое. „Вечеромъ,—такъ разсказывала его сестра [1]),—когда пришло время ложиться спать, я внесла въ горницу свой большой пуховикъ... Какъ братецъ-то вдругъ вскричитъ на меня: „что ты это вздумала, сестрица“... Да я и не умѣю спать-то на пуховикѣ... Я вотъ пойду подъ сарай спать на сѣно, какъ въ старину спалъ бывало съ братьями... И такъ-таки не согласился мой родимый-то братецъ лечь на пуховикѣ, а велѣлъ мнѣ принести въ горницу и послать соломы на полу и накрыть простынею, хотя и на этой-то постелѣ не спалъ: то молился Богу, то писалъ что-то“.

„Такъ, (скажемъ еще словами прежде уже цитированнаго нами надгробнаго слова)—истинно благое сѣмя пало на благоплодную почву, чтобы во время свое принести плодъ сторицею во всемъ Богоизбранническомъ житіи того, кто теперь предлежитъ предъ нами честными останками своими во гробѣ семъ,—въ который и вошелъ онъ, по слову Божію, „*якоже пшеница во время пожатая, или якоже стогъ гумна во время свезенный* (Іов. 5—26). Воистинну,—„*благо есть мужу, егда возметъ яремъ Господень отъ юности своея* (Плач. Іерем. 3—27) и егда, *взявши сей яремъ*, понесетъ его, *яко иго благое и бремя легкое*, хотя бы несеніе сіе было среди тяжкихъ скорбей и страданій, и встрѣчалось съ многими преградами и искушеніями,—что дѣйствительно и совершилось въ долговременномъ житіи въ Бозѣ почившаго Архипастыря нашего, начиная отъ дней юности его, именно, по отношенію къ его призванничеству и рѣшимости принять иночество“.—Такъ онъ,—какъ увидимъ въ подробности въ своемъ мѣстѣ,—еще во время школьнаго воспитанія своего въ духовномъ училищѣ и семинаріи рѣшился было дважды уйдти тайкомъ,—однажды изъ дома

---

[1]) Подробный разсказъ будетъ въ своемъ мѣстѣ.

родительскаго во время вакаціи, а въ другой разъ изъ квартиры, когда учился въ Семинаріи. но въ обоихъ случаяхъ онъ былъ силою удержанъ, а одинъ разъ возвращенъ даже съ дороги. Наконецъ, по окончаніи курса. хотѣлъ было онъ рѣшительно скрыться отъ всѣхъ навсегда, въ ту именно пору. когда о. Георгій силою заставлялъ его ѣздить съ нимъ по нѣсколькимъ селамъ ради пріисканія и избранія ему невѣсты въ прямыхъ видахъ опредѣленія его на свое священническое мѣсто, гдѣ бы будущая невѣстка замѣнила въ управленіи хозяйствомъ, скончавшуюся не задолго предъ симъ.—мать Анастасію.—Но замѣчательно здѣсь, въ частности въ учебно-педагогическомъ отношеніи, то явленіе, что при всемъ столь, можно сказать. исключительномъ настроеніи юноши воспитанника Ѳеодора Амфитеатрова къ иночеству, дѣло научно-образовательное у него не только не выпадало, какъ говорится, изъ рукъ и изъ головы. а на оборотъ онъ успѣвалъ въ наукахъ на столько, что, имѣя только 16-ть лѣтъ отъ роду, онъ былъ уже переведенъ въ богословскій классъ и кончилъ курсъ на 19-мъ году. что въ тогдашнюю пору составляло рѣдкость—диковинную, такъ какъ и въ первые-то классы семинаріи—піитику и реторику поступали изъ училища ученики въ большинствѣ почти-что съ бородами... Самъ въ Бозѣ почившій высокопр. Филаретъ, вспоминая объ этихъ сотоварищахъ, говаривалъ, что ему приходилось отъ нихъ иногда очень жутко, а потому онъ среди ихъ побаивался быть и въ классѣ до прихода наставника или въ перемѣну уроковъ; они его, какъ малаго ребенка, таскали на рукахъ для потѣхи, при чемъ доставалось ему не мало то тасканья за вихоръ и за уши, то толчковъ и подзатыльниковъ... тоже для потѣхи, или въ смыслѣ тогдашнихъ бурсацкихъ любезностей.—Объ особенныхъ же успѣхахъ своихъ, при всей его молодости, онъ свидѣтельствовалъ самъ въ запискахъ, писанныхъ съ его словъ племянникомъ его А. Антоніемъ, что „сему обязанъ былъ онъ тѣмъ, что воспитывался подъ добрымъ надзоромъ и руководствомъ благочестивыхъ родителей и домашнихъ-старшихъ и сбереженъ былъ съ издѣтства

отъ всего неблагопріятнаго для нравственности и способностей къ ученію“.

Дальнѣйшее изложеніе мы и начнемъ съ повѣствованія о домашнемъ и училищно-семинарскомъ воспитаніи въ Бозѣ почившаго Первосвятителя.

ГЛАВА II.

«Первоначальное домашнее воспитаніе получилъ я подъ добрымъ родительскимъ надзоромъ и въ строгомъ исполненіи правилъ благочестія. Самымъ успѣхамъ хорошимъ въ наукахъ и въ училищѣ и семинаріи я обязанъ былъ именно тому, что сбереженъ былъ въ домѣ родительскомъ съ издѣтства отъ неблагопріятныхъ сообществъ и дурныхъ къ чему либо навыковъ» [1]).

Въ настоящее время, когда разсуждаютъ и пишутъ о начальномъ воспитаніи дѣтей, отъ одного многообразія теорій, пріемовъ, методовъ и вообще системъ педагогическихъ, трудно опредѣлить,—какъ совершается на самомъ дѣлѣ нормальное доброе и полезное воспитаніе дѣтей. Родители же, какъ воспитатели дѣтей, занимаютъ едва ли не наименьшее мѣсто и участіе при исполненіи этого первѣйшаго и священнаго для нихъ долга. Родители, если и являются при этомъ дѣятелями, то не столько самостоятельными, сколько почти рабски обязанными выполнителями, часто не приложимыхъ къ положенію ихъ самихъ и дѣтей ихъ, педагогическихъ требованій и условій, и многими едва ли сознаваемыхъ, какъ должно. Не то было въ старину; не такъ разсуждали и поступали тогдашніе родители относительно воспитанія дѣтей,—чему примѣръ увидимъ сейчасъ въ родителяхъ Ѳеодора при воспитаніи его и всѣхъ другихъ дѣтей.

Въ старину не было никакихъ даже разсужденій о методѣ воспитанія. Родители знали только одно, что вос-

---

[1]) Изъ записокъ высокопр. Филарета.

питаніе дѣтей есть ихъ первѣйшій и священнѣйшій долгъ. Они старались передавать и влагать въ дѣтей, именно при самомъ ихъ воспитаніи, все, что имѣли въ себѣ добраго и полезнаго, какъ въ физическомъ и житейско-практическомъ, такъ и въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Какъ на тяжкій грѣхъ смотрѣли прежде, когда у родителей не доставало ревностнаго желанія передать все истинно хорошее и полезное своимъ дѣтямъ, и страшились, какъ величайшаго несчастія, когда замѣчали, что къ дѣтямъ мало прививается доброе воспитаніе. На оборотъ родители не находили словъ къ выраженію своего утѣшенія, когда видѣли въ дѣтяхъ добрые успѣхи и плоды воспитанія. Вспомнимъ, какъ радовался о. Георгій, когда онъ, при одномъ воспоминаніи о дѣтствѣ своего сына Ѳеодора, говаривалъ: „Да добрый былъ онъ мой сыночекъ Ѳеденька; ужъ такой добрый, что дай Богъ всякому родителю имѣть такую утѣху въ жизни“. Да и впослѣдствіи, когда Ѳеодоръ былъ уже архіереемъ, и тогда о. Георгій не находилъ лучшаго и большаго критеріума для оцѣнки достоинствъ его, какъ сравнивая ихъ съ тѣмъ, что видѣлъ онъ въ сынѣ своемъ еще во дни дѣтскаго воспитанія. „Да, говорилъ онъ, каковъ былъ (Филаретъ) Ѳеденькой, таковъ и теперь Филаретомъ епископомъ, да кажется, еще лучше сталъ“.

Такой характеръ и значеніе воспитанія извѣстны не въ описываемую только пору. Въ самыхъ древнихъ жизнеописательныхъ повѣствованіяхъ прежде всего обозначались свойства родителей и цѣлаго фамильнаго рода. Таковы, обыкновенно встрѣчаемыя въ древнихъ жизнеописаніяхъ, выраженія: *„родися сей блаженный отрокъ отъ благочестивыхъ родителей“* или *„произыде яко вѣтвь или отрасль отъ благочестиваго корене* или *съмене“* и т. п.

О родителяхъ высокопр. Филарета и о данномъ ему ими воспитаніи должно сказать не иначе, какъ словами же древнихъ жизнеописателей. Родился онъ отъ благочестивыхъ родителей. Объ этомъ, кромѣ другихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, самъ въ Бозѣ почившій во первыхъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи говоритъ, что

„родился подъ Матернимъ Пресвятой Владычицы святымъ покровомъ отъ благочестивыхъ родителей—іерея Георгія и Анастасіи". Во вторыхъ, въ запискахъ, составленныхъ съ его собственныхъ словъ, читаемъ такое свидѣтельство: первоначальное воспитаніе получилъ я въ домѣ родительскомъ подъ добрымъ строгимъ надзоромъ и въ строгомъ исполненіи правилъ благочестія". И еще: „самымъ успѣхомъ моимъ въ наукахъ въ училищѣ и въ семинаріи я обязанъ былъ именно тому, что сбереженъ былъ дома родителями моими издѣтства отъ неблагопріятныхъ для нравственности и успѣховъ сообществъ", отъ которыхъ онъ дѣйствительно уклонялся даже въ средѣ своихъ товарищей, бывшихъ, сравнительно съ нимъ, очень взрослыхъ и потому могшихъ проявлять какіе либо навыки и поступки, далеко не соотвѣтствовавшіе настроенію кроткаго богобоязненнаго юноши.

Въ чемъ же состояло благочестіе и вообще личныя достоинства родителей Филарета и какъ оно переходило, какъ воспитательное начало, на юнаго Ѳеодора? Чтобы опредѣлить благочестіе самаго отца его достаточно прежде всего принять во вниманіе, что онъ былъ священникъ. Священническое же, какъ и епископское, достойное своего званія, хожденіе св. Апостолъ выражаетъ въ такихъ положеніяхъ: „Подобаетъ быти непорочну, трезвенну, цѣломудру, благоговѣйну, честну, странолюбиву, учительну: не піяницѣ, не бійцѣ, не сварливу: но кротку, не завистливу, не сребролюбцу: свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою. Аще же кто своего дому не умѣетъ правити, како о своей церкви прилежати возможетъ? Подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ: да не въ поношеніе впадетъ и въ сѣть непріязненну". (Тим. 3, 2—7). Потому, если іерей Георгій, чтобы ходить достойно своего званія, твердо памятовалъ и посильно исполнялъ эти слова Апостола, то онъ по истинѣ ходилъ въ благочестіи [1]). Во всякомъ случаѣ, самъ высокопр.

[1]) Эти слова Св. Апостола буквально излагаются въ такъ называемой *ставленной* священнической грамматѣ, которую съ тѣмъ

Филаретъ, составлявшій свое духовное завѣщаніе на 73 году своей жизни, не могъ свидѣтельствовать о родителяхъ пристрастно и ошибочно. Онъ былъ уже столько лѣтъ архипастыремъ и на опытѣ изучилъ разнообразныя состоянія и положенія многочисленнѣйшихъ священно-церковно-служителей и ихъ семействъ, поэтому, болѣе чѣмъ кто другой, могъ вѣрно и достойно опредѣлить, какъ духъ и образъ благочестивой жизни своихъ родителей,—такъ и вліяніе сего духа и образа благочестія,

---

вмѣстѣ повелѣвается прочитывать по часту. Напр. въ инструкціи благочинному, составленной митрополит. моск. Платономъ, повелѣвалось: «Подтверждать, чтобы священники и діаконы *ставленную* грамату каждый воскресный день предъ обѣднею дома у себя прочитывали» (Смотр. § 29-й). Притомъ эта грамата, по заведенному съ издревле обычаю и порядку,—должна быть въ рамкѣ за стекломъ и висѣть на стѣнѣ въ приличномъ и всегда видномъ предъ глазами мѣстѣ. Послѣднее введено въ обычай и правило съ тою парочитою цѣлію, чтобы и прочіе члены семейства грамотные, и въ особенности возрастающіе дѣти, могли также читать сію грамату и назидаться, видя, какова должна быть жизнь ихъ родителя, и каковы они должны быть сами, чтобы не уронить чести и званія своего родителя и самимъ предуготовлять себя къ тому же званію съиздѣтства Высокопр. Филаретъ дѣйствительно съ дѣтства зналъ твердо наизусть Священническую родительскую грамату, изучивши ее именно на стѣнѣ, за этимъ онъ слѣдилъ, бывши архіереемъ, во время поѣздокъ по обозрѣнію епархіи NB Знавшій это, высокопр. Антоній при чтеніи и исправленіи настоящей нашей рукописи приписалъ послѣ сейчасъ приведенныхъ словъ о значеніи священнической грамматы слѣдующую замѣтку: «Да все это было когда-то, да нынѣ сплыло?!. Сыновья и дочери священниковъ нынѣ стыдятся даже, когда говорятъ объ нихъ, что этотъ-де поповичъ, а, эта-де поповна. Потому такіе дѣтки не дозволятъ и висѣть граммотѣ-то отцовской на видномъ переднемъ мѣстѣ, а навѣшиваютъ тутъ картинъ, которыя, такъ и видно, что изъ такъ называемыхъ премій къ газетамъ и журналамъ свѣтскимъ,—а потому и содержанія-то такого же.. Впрочемъ что и дивиться этому, когда вотъ недавно совсѣмъ почти что *распудили* сословіе духовенства, издавши положеніе, по которому дѣти священниковъ и пр. не принадлежатъ къ духовному званію, хотя и пишутся въ клировыхъ вѣдомостяхъ и воспитываются въ духовныхъ заведеніяхъ на духовно-церковные капиталы и посвящаются даже въ стихарь за два года до окончанія курса.. ».

воспринятое имъ въ данномъ родителями воспитаніи отъ пеленъ его дѣтскихъ.

Слѣдуя буквальному значенію вышеприведенныхъ словъ Апостола,—какимъ подобаетъ быть іерею, мы, на основаніи данныхъ, должны отмѣтить слѣдующія черты по отношенію къ о. Георгію, какъ іерею и какъ главѣ семейства. Подобаетъ іерею быти, учитъ св. Апостолъ, домъ свой добрѣ правящу. Аще же кто своего дому не умѣетъ правити, како о своей церкви прилежати возможетъ. Если принимать слова Апостола и въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, т. е. разумѣть подъ управленіемъ домомъ не болѣе, какъ внѣшнюю домохозяйственную обстановку со всѣми принадлежностями и родами сельскихъ занятій, то эта сторона жизни о. Георгія уже отчасти извѣстна намъ, какъ благоустроенная во всѣхъ отношеніяхъ. Но *добръ* ли управлялось и происходило у него все это въ дѣйствительности!" Не рѣдко можно видѣть и иначе, т. е. что при благоуспѣшномъ по видимому веденіи хозяйства, занятія и труды сего рода или поставляются цѣлію любостяжанія, или соединяются съ недовольствомъ и ропотомъ отъ разныхъ встрѣчающихся трудностей и недостатковъ, такъ что все это оказывается похожимъ какъ бы на положеніе, по выраженію Апостола, *вола молотяща*. А такимъ образомъ и самое званіе и служеніе священника оказываются въ томъ значеніи, какъ выражался св. Дмитрій Ростовскій—*не ради Іисуса, а ради хлѣба куса*" [1]). Въ подобныхъ же случаяхъ не рѣдко приводится терпѣть и са-

[1]) Покойный Владыка Антоній при этомъ сдѣлалъ такую приписку: «Отъ этого-то и намъ—архіереямъ бѣда и горе.. когда нѣтъ почти, какъ говорится, отбою отъ священниковъ, являющихся съ просьбами о перемѣщеніяхъ—нерѣдко очень частыхъ и видимо превидимо *ради хлѣба куса*, или точнѣе еще ради большей кромы, которая видится ими на просимомъ новомъ мѣстѣ хотя и занимаемое не скудное; у иныхъ обращается это даже въ привычку, похожую, не въ обиду будь сказано, на quasi *цыганскую* .. Впрочемъ я помню, что и покойный Владыка (Филаретъ) употреблялъ этотъ терминъ и самихъ-то попрошаекъ титуловалъ *прелазниками во дворы чужіе*»..

мымъ дѣтямъ священнослужителей не мало укоризнъ, какъ будто они виновники такихъ тяжкихъ трудовъ и заботъ для родителей, особливо, когда семейство бываетъ многочисленно,—какъ напр. и у самаго о. Георгія состояло оно изъ восьмерыхъ дѣтей и, проживавшихъ у него же,—старца отца его и брата жены его Анастасіи—діакона Іоанна.

Одинъ изъ доставителей біографическихъ свѣдѣній высокопр. Филарета хотя кратко, но характеристично описываетъ образъ жизни и домашне-хозяйственныхъ занятій семейства о. Георгія, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое воспитаніе дѣтей и въ частности сына Ѳеодора. „Мать, пишетъ это лице. была одинокая, (разумѣя), что у нея не было въ семействѣ, при рожденіи Ѳеодора, никого изъ родныхъ женскаго пола, которыя-бы могли раздѣлить ея труды по домашнему хозяйству и пр. Прислуги она не имѣла и потому, можно сказать, постоянно была занята заботами и хлопотами о малолѣтнихъ дѣтяхъ. Для работъ по хозяйству и на полѣ были у о. Георгія и работники, если не постоянные, то по крайней мѣрѣ нанимаемые временно для покоса, пашни, жатвы и молотьбы хлѣба. Но съ тѣмъ вмѣстѣ въ этихъ же самыхъ работахъ участвовали и дѣти. При этомъ въ частности о сынѣ Ѳеодорѣ доставитель свѣдѣній говоритъ такъ: „съ сыновнею готовностью раздѣлялъ онъ полевыя работы во всемъ, въ чемъ только могъ, жалъ, косилъ, возилъ снопы въ житницы. молотилъ хлѣбъ. А такъ какъ въ селѣ Высокомъ церковное поле было на разстояніи 5—6 верстъ отъ села, и потому нужно было въ рабочее время отправляться въ поле еще до восхода солнца,—то, когда прочіе братья его еще спали, онъ, благословенный и трудолюбивый отрокъ, ранѣе самыхъ рабочихъ вставалъ и помогалъ имъ при сборахъ на поле, и тамъ цѣлый день находился съ ними“ [1]). Какъ бы въ неизмѣнное напоминаніе самому въ Бозѣ почившему Святителю и въ осязательное свидѣтельство

---

[1]) Свѣдѣнія изъ письма прот. Н. Амфитеатрова.

другимъ о дѣйствительности описываемыхъ работъ его въ юности мизинецъ на лѣвой рукѣ его остался на всю жизнь согнутымъ въ срединномъ суставѣ. Это произошло отъ порѣза серпомъ въ одно время при занятіи его жнивомъ хлѣба. Въ этихъ работахъ участвовалъ онъ не въ пору лишь дѣтства въ домѣ родительскомъ: онъ въ свободное время упражнялся въ полевыхъ работахъ и съ чужими домохозяевами въ бытность его въ училищѣ. Даже, бывши уже митрополитомъ, принималъ участіе въ хозяйствѣ, дѣлая по временамъ свои замѣчанія и распоряженія на докладахъ экономическихъ,—иногда же лично присутствовалъ при полевыхъ работахъ и не рѣдко обозрѣвалъ хозяйственныя заведенія. Объ этомъ онъ самъ любилъ вспоминать и разсказывать не приближеннымъ только своимъ, а открыто предъ сторонними лицами. „Такъ, когда онъ проѣзжалъ изъ Петербурга въ Кіевъ чрезъ Орелъ и здѣсь по словамъ очевидца, былъ въ каѳедральномъ соборѣ, куда сбѣжалось множество народа, то, помолившись Богу и благословивши народъ, сталъ говорить: „Здравствуйте православные! здравствуйте, мои земляки! Вѣдь я самъ Орловскій уроженецъ. Вотъ здѣсь, гдѣ теперь архіерейскій-то домъ, прежде было уѣздное училище: въ немъ я учился мальчикомъ. А тамъ на нижней слободкѣ монастырской я квартировалъ. Былъ тутъ однодворецъ Селиховъ: что живъ ли онъ? небось ужъ старъ теперь сталъ? И когда въ тотъ же день пришелъ къ нему тотъ самый однодворецъ Селиховъ, Владыка сказалъ: „ну, здравствуй, хозяинъ! ужъ какой ты старый сталъ! А помнишь ли, какъ мы бывало съ тобой снопы возили?—Старикъ не могъ говорить, заплакалъ отъ радости. Я пріѣду къ тебѣ въ домъ“, сказалъ Владыка. И въ самомъ дѣлѣ на другой день Святитель вмѣстѣ съ преосвященнымъ Евлампіемъ [1]) были у Сели-

[1]) Преосвященный Евлампій былъ впослѣдствіи архіепископомъ въ Тобольскѣ, откуда переселился на покой въ Казанскую губернію въ Свіяжскій монастырь, въ которомъ и скончался 17 Марта 1862 г.

хова въ его домѣ. пили у него чай и провели часа два въ воспоминаніяхъ о прошломъ“ [1]).

При всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ о старинномъ образѣ воспитанія и бытѣ учившихся въ заведеніяхъ по нынѣшнимъ взглядамъ на это дѣло. само собою, многое можетъ казатся несообразнымъ съ учебнымъ дѣломъ. какъ напр., самое то, что ученикъ Ѳеодоръ участвовалъ въ возкѣ сноповъ съ хозяиномъ квартиры. Но подобные взгляды неосновательны и совершенно не вѣрны съ историческими данными—именно по части образа и характера всего быта духовенства и учившихся дѣтей его. Въ самыхъ предписаніяхъ высшаго Начальства за описываемое время (напр. въ указѣ Св. Синода 31 Октября 1798 г. въ пунктѣ 7 повелѣвалось,—„чтобы во время пребыванія въ училищахъ ученики пріобрѣтали нужныя свѣдѣнія въ сельской хозяйственно-домашней экономіи. Для этого же пріурочено было и самое время отпуска учениковъ въ домы родителей такъ. чтобы они могли прибывать какъ разъ къ началу полевыхъ работъ—сѣнокосныхъ, жатвенныхъ и другихъ и оставались до первыхъ чиселъ Сентября“.—Впрочемъ этотъ порядокъ относился и не къ слишкомъ стариннымъ временамъ,—а соблюдался и до недавнихъ поръ. Въ этомъ отношеніи замѣчательный фактъ отмѣченъ въ лицѣ наприм., бывшаго знаменитаго Митрополита Литовскаго Іосифа (Семашко). „Любя сельское хозяйство, онъ желалъ. чтобы и священники занимались имъ; этимъ онъ думалъ болѣе привязать ихъ къ самымъ мѣстамъ ихъ служенія. Потому, присутствуя на такъ называемыхъ публичныхъ экзаменахъ въ семинаріи, бывавшихъ всегда въ Іюлѣ предъ отпускомъ учениковъ на вакацію. онъ почти всегда обращался къ нимъ съ наставленіями. чтобы они помогали непремѣнно своимъ родителямъ въ хозяйствѣ, указывая прямо на себя, что онъ и самъ бывало возилъ копны и снопы. Однажды же такъ сказалъ Ректору Семинаріи: „Вы и благослове-

[1]) Свѣдѣнія эти взяты изъ письма о. протоіер Евфимія Остромысленскаго.

нія не давайте тѣмъ изъ возвращающихся съ вакаціи, у которыхъ будутъ бѣлыя руки, это, значитъ,—лѣнтяи: а тѣхъ особенно благословляйте, у которыхъ руки и загорѣли отъ солнца и даже помозолились отъ работъ; видно, что они трудились объ руку съ трудолюбивыми родителями и вообще семейными" [1]).

Покойный высокопр. Антоній (Архіепископъ Казанскій), по прочтеніи этого факта въ первоначальной, бывшей на разсмотрѣніи его, нашей рукописи, высказалъ отъ себя слѣдующее: „Если и не отрицать этого сказанія о Митроп. Іосифѣ (такъ какъ онъ и по происхожденію-то былъ изъ называемыхъ шляхтичей—полубаръ) то нельзя и не признавать его совершеннымъ какъ бы повтореніемъ того же, что извѣстно было мнѣ еще во время моего обученія въ Калужской семинаріи о покойномъ Владыкѣ-Филаретѣ. Бывшему тогда ректору семинаріи архим. Венедикту (впослѣдствіи архіепископу Олонецкому) Владыка говорилъ точь въ точь, что и митроп. Іосифъ. Мало сего Владыка Филаретъ и во время поѣздокъ по епархіи, приходившихся во время семинарско-училищныхъ вакацій, провѣрялъ самъ на мѣстѣ, работали ли дѣти у своихъ родителей, да и самихъ-то родителей пробиралъ порядкомъ, когда замѣчалъ, что полевыя работы запущены, и на дворѣ видѣлъ, что сараи и повѣти, амбары и загороди въ неустройствѣ. „Видно", говорилъ онъ при этомъ, „что все добро изъ рукъ валится отъ явной нерадѣтельности; видно, что хозяева бѣлоручки и любятъ праздность; а отъ отцевъ это переходитъ и на дѣтей. Дѣти, навыкнувъ въ домахъ отцовскихъ цѣлыхъ почти два мѣсяца ничего не дѣлать, и въ школы переносятъ привычку лѣньтяйничать". При подобныхъ случаяхъ онъ высказывалъ и о себѣ, какъ, бывало, занимался работами и дома съ ранняго дѣтства и во время вакацій, и даже находясь въ училищѣ, гдѣ съ хозяиномъ в зилъ снопы,—присовокупляя къ этому,

---

[1]) Вѣстникъ Западн. Россіи 1870 г. книжка XII, IV отдѣленіе, стран. 91-я.

что въ ту же пору книжки-то школьныя не только не выпадали изъ рукъ, а напротивъ. Бывало такъ, что снопы-то возишь, а въ умѣ-то наизусть твердишь, что успѣешь заранѣе предъ этимъ заучить... А еще главное, что при такихъ-то работахъ, само собою, и никакая дурь-то, хотя и ребячья, бывало, не залѣзаетъ въ голову, и наконецъ послѣ трудовъ-то и ѣстся вкусно всякая и простая пища, и спится крѣпко, и силы свѣжѣютъ и все тѣло здоровѣетъ,—а вѣдь сказано: „mens sana in corpore sano“.

Послѣдствіемъ этихъ ревизій и наставленій бывало даже то, что когда иные священники и діаконы и пр., дознанные на мѣстѣ не радѣтельными къ хозяйству напр. подавали прошенія семинарскому или училищному Начальству о принятіи дѣтей ихъ на казенное содержаніе, (коль скоро обучалось таковыхъ одно-временно двое или трое), то Владыка, при всей своей благостности, иногда отказывалъ въ пріемѣ дѣтей для вразумленія таковыхъ отцовъ и дѣтей и въ урокъ для другихъ.—а скорѣе оказывалъ тайныя вспомоществованія для содержанія сказанныхъ учениковъ, препровождая эти вспомоществованія къ хозяевамъ квартиръ чрезъ посредство инспекторовъ или лицъ довѣренныхъ.—Эти мои слова,—сказалъ мнѣ тогда же Владыка Антоній, ты можешь внести въ твоемъ изложеніи цѣликомъ именно здѣсь... Это послужитъ, по моему, хорошимъ правильнымъ финаломъ для всего изложенія о физическо-нравственномъ воспитаніи Владыки Филарета собственно въ домѣ родительскомъ, и переходомъ къ воспитанію учебному домашнему и „дальнѣйшему училищно-семинарскому“.

Въ указныхъ синодальныхъ распоряженіяхъ, относящихся къ половинѣ прошедшаго столѣтія [1]), и остававшихся въ силѣ и дѣйствіи въ описываемую пору, повелѣвалось: „начинать ученіе дѣтей съ семилѣтняго возраста и учить ихъ въ домахъ родительскихъ славяно-россійской грамотѣ, т. е. букварю съ десятословіемъ, часо-

---

[1]) Таковы указы были, между прочимъ, въ 1740, 1742, 1744 г.

слову и псалтири и скорописи, не болѣе трехъ лѣтъ, а потомъ представлять дѣтей въ школу. Въ противномъ случаѣ, священно-церковно-служители обязаны были безъ всякаго опущенія вносить штрафы за непредставленіе дѣтей, въ указанныя мѣста, въ школу, или за невыучку ихъ дома въ назначенные сроки". Значитъ домашнее обученіе сына Ѳеодора, съ цѣлію приготовленія его въ школу, должно было совершаться по сей же указанной программѣ. Это видно изъ того, что самъ высокопр. Филаретъ, когда бывши уже Архіереемъ, принималъ участіе въ воспитаніи осиротѣвшихъ дѣтей роднаго брата [1]), рекомендовалъ держаться этой же самой программы,—т. е. начинать славянскою азбукой и продолжать часословомъ съ псалтирью. Въ этомъ фактѣ замѣчательно особенно то, что высокопр. Филаретъ очень хорошо зналъ о существовавшихъ въ эту пору и, какъ онъ выражался, превозносимыхъ заведеніяхъ для начальнаго образованія дѣтей, но, при всей возможности отдать туда своихъ питомцевъ-сиротъ, предпочелъ для нихъ обученіе домашнее и непремѣнно по старинному обычаю, приводя въ основаніе то, что читающіе увидятъ въ слѣдующихъ письмахъ его по этому предмету. Поводомъ къ этимъ письмамъ послужило то, что самаго младшаго племянника *Сергія*, къ которому высокопр. Филаретъ относился съ особеннымъ участіемъ, какъ бывшему его крестнику [2]), родные (въ Калугѣ) хотѣли отправить въ Москву къ дядѣ его, служившему въ университетѣ, Семену Раичу.

„Если малюткѣ *Сережѣ*, писано было въ первомъ письмѣ, приспѣла пора учиться грамотѣ, пусть начинаетъ славянскою азбукою, а потомъ продолжаетъ часословъ и псалтирь славянскую. Въ нихъ сѣмена благочестія и стра-

---

[1]) Брата *Гавріила*,—отца высокопр. Антонія архіеп. Казанскаго

[2]) Самое имя Сергія наречено было этому племяннику самимъ Филаретомъ по особенному благоговѣйному чествованію Угодника Св. Препод. Сергія Радонежскаго, изъ Лавры Котораго—изъ Ректоровъ Академіи—онъ непосредственно былъ назначенъ Епископомъ въ Калугу, гдѣ при немъ и родился этотъ племянникъ—Сергій.

ха Божія. А тамъ, въ превозносимыхъ нынѣ заведеніяхъ, начинаютъ баснями. Пусть онѣ (басни) въ своемъ родѣ будутъ и превосходны; но намъ-то должно изъ младенцевъ образовывать будущихъ служителей Церкви Божіей инаковымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ *Сережу* пожалуйста никакъ не отпускайте въ Москву *къ нѣмцамъ* [1]). Теперь вотъ и *Яша* становится уже добрымъ Яковомъ [2]), а потому долгъ его прямой принять усердное участіе въ начальномъ обученіи *Сережи*. Если кому, то братьямъ единокровнымъ подобаетъ другъ друга тяготы носить".

Подъ именемъ *нѣмцевъ* Владыка Филаретъ разумѣлъ семейство одного изъ младшихъ родныхъ своихъ братьевъ *Семена* (по фамиліи *Раичъ*), который состоялъ на службѣ въ Москов. университетѣ и былъ извѣстнымъ литераторомъ. Братъ этотъ былъ женатъ *на нѣмкѣ*, потому Владыка Филаретъ и величалъ это семейство *нѣмцами*. Не желая никакъ, чтобы они брали къ себѣ на воспитаніе упоминаемаго въ письмѣ, *Сережу*, въ другомъ своемъ письмѣ Филаретъ выразилъ простодушно, но мѣтко-характеристично, свой взглядъ на самую жизнь этого брата (Семена) въ такихъ словахъ: „Весьма не нравится мнѣ и самое-то *житьишко* Семена *колотырное*..., да и ремесло-то его и занятіе какое-то журнальное, піитическое, а главное все фантастическое... существеннаго ничего нѣтъ. Боже сохрани, ежели пойдетъ этою дорогою кто либо изъ нашихъ [3])...

Впрочемъ сказанная программа обученія дѣтей грамотѣ по часослову и псалтири была въ употребленіи не въ средѣ лишь духовенства; она современна самому изначальному складу и строю православной русской жизни [4]). Даже указанный срокъ начинать обученіе дѣтей

---

[1]) Письмо 17 Октября 1832 г.

[2]) Яковъ—это впослѣдствіи Антоній архіепископъ Казанскій.

[3]) Письмо 2 Іюня 1832 г.

[4]) Въ засѣданіи Московскаго губернскаго училищнаго Совѣта, 30 Декабря 1865 года, разсуждавшаго о распространеніи въ народѣ грамотности и религіозно-нравственнаго образованія, между прочимъ,

съ семилѣтняго возраста былъ такъ же не новостію не только въ описываемую пору, но и въ глубокую старину. Довольно лишь раскрыть любую изъ страницъ въ четьи-минейныхъ житіяхъ, или лѣтописныхъ сказаніяхъ, гдѣ только говорится о начальномъ обученіи въ пору дѣтства,—тамъ встрѣчаются повсюду слѣдующія и подобныя имъ сказанія: *„отроку достигшу седмилѣтняго возраста, вданъ бысть въ ученіе.* или: *исполнившуся седмилѣтію возраста отрочате, вдаша его родители въ ученіе;* и т. п. По сему самыя распоряженія начальственныя имѣли свое значеніе и дѣйствіе въ той силѣ и мѣрѣ, въ какой онѣ соотвѣтствовали, освященному вѣками и жизнію, порядку и въ частности примѣрамъ святоугодническаго научнаго воспитанія. Вышеприведенные Синодальные указы очевидно имѣли, между прочимъ цѣлію подѣйствовать на родителей, не исправныхъ въ обученіи дѣтей и въ особенности на уклонявшихся отъ представленія ихъ въ школы,—что показываетъ самое

вотъ, что было выражено: «Правительство вполнѣ понимаетъ, чего требуетъ народъ отъ грамотности. Народъ хотя и начинаетъ сознавать пользу грамотности для своего внѣшняго быта, но главная цѣль обученія дѣтей грамотѣ и нынѣ у народа таже,—какая была въ теченіе всѣхъ вѣковъ его жизни въ христіанствѣ: пріобрѣтеніе изъ книгъ познанія,—какъ угодить Богу и спасти свою душу. Народъ, по унаслѣдованному отъ предковъ религіозному чувству, знаетъ лучше, что для него потребно, нежели люди другихъ сферъ. Правительство доказало, что оно вслушалось въ голосъ народный. Правительство и народъ всегда будутъ зорко слѣдить за дѣйствіями учительства и строго преслѣдовать все, что можетъ вкрасться въ него противнаго религіозно-нравственному началу. (Духов. Бесѣды Церков. лѣтопись 1866 г. Февраль NB.). Высокопр. Антоній сдѣлалъ здѣсь такую замѣтку: «Да, такъ разсуждали и духовные и свѣтскіе во дни оны... Разсужденія эти осуществились—было и на самомъ дѣлѣ въ начавшихъ учреждаться въ большомъ числѣ церковно-приходскихъ школахъ... Но вдругъ подуло другимъ вѣтромъ... При новоучреждаемыхъ нынѣ министерско-земскихъ народныхъ училищахъ, какъ будто вышибло этимъ вѣтромъ изъ головы самихъ-же разсуждавшихъ все, что было такъ вѣрно и хорошо обсуждено и признавалось самимъ даже Правительствомъ. И уже-ли это безвозвратно?! Да не будетъ!!.»

наложеніе штрафовъ. Благопопечительные же изъ родителей, зная изъ святоугодническихъ и вообще—древнестаринныхъ опытовъ и примѣровъ, что обученіе дѣтей начиналось и раньше семилѣтняго возраста, могли начинать и дѣйствительно начинали обучать своихъ дѣтей и прежде положеннаго въ указахъ срока. Такой примѣръ и видимъ мы на отрокѣ Ѳеодорѣ.

Одинъ изъ доставителей свѣдѣній о дѣтствѣ высокопр. Филарета пишетъ: „охота къ ученію въ немъ рано обнаружилась; *шести* лѣтъ началъ онъ учиться грамотѣ подъ руководствомъ дѣдушки своего о. Іерея Никиты, любившаго Ѳеодора болѣе всѣхъ другихъ внуковъ и внучекъ за его кротость, смиреніе и послушаніе“ [1]). Причиною такой охотности мальчика Ѳеодора къ ученію грамотѣ, несомнѣнно, было его чрезвычайное усердіе къ церкви и богослуженію. Чтобы понять послѣднее, нужно принять во вниманіе, какъ смотрѣли въ старину на грамотность, и какъ происходило самое обученіе. Процессъ обученія былъ, можно сказать, своего рода богослуженіемъ [2]), отъ этого и самое чтеніе происходило похоже на церковное-полураспѣвное. Поэтому, если Ѳеодоръ особенно любилъ бывать въ храмѣ Божіемъ, гдѣ

---

[1]) Письмо протоіер. Н. Амфитеатрова.

[2]) Въ предисловіи къ малому часослову говорится, между прочимъ: «Сего ради, въ общую пользу всѣхъ православныхъ христіанъ, напечатася сія книга, именуемая часословъ, содержащая въ себѣ молитвы, псалмы и хвалы повседневно отъ Церкви Богу возсылаемыя, и иная въ Церкви потребная, да учащеся дѣти письменъ чтенію, купно обыкнутъ молитися Господу Богу о всяческихъ нуждахъ, и славу Ему возсылати о даяніи благъ присно творимыхъ, и да обычай сей вглубитъ кореніе свое въ сердцахъ ихъ, еже бы оному пребывати въ нихъ до кончины живота съ прозябеніемъ добродѣтелей христіанскихъ. Сію убо книгу, вы родителе благочестивіи, яко началоположеніе житія христіанскаго стяжуще, чадомъ вашимъ вручайте ко ученію, увѣщающе ихъ неусыпно навыкновенію въ ней содержимыхъ. Вы же, чада христоименитая, радостно пріемлюще сію книгу, тщитеся чести, и разумѣти напечатанная: да и чтуще молитеся, и молящеся чтете, и да тако вы съ Богомъ глаголете, и Богъ вамъ собесѣдуетъ».

слухъ его оглашался постоянно чтеніемъ и пѣніемъ, изъ котораго хотя онъ мало понималъ, за то, несомнѣнно, воспринималъ многое невинно-дѣтскимъ своимъ сердцемъ, то обнаруженіе особенной охотности къ ученію было самымъ естественнымъ результатомъ частаго посѣщенія Богослуженія. Ѳеодоръ, слыша то, что читается въ церкви, напр., изъ Часослова и Псалтири, самъ естественно сталъ возгараться желаніемъ, какъ бы скорѣе приступить къ ученію, чтобы имѣть возможность повторять и дома то, что слышалъ онъ въ церкви; и еще ему, по чувству любви къ храму Божію, желалось всевозможно скорѣе быть не только слушателемъ читаемаго тамъ, но и читать самому для другихъ. Послѣднее, какъ увидимъ скоро, вполнѣ оправдалось, при томъ такъ же рано, судя по возрасту, какъ рано обнаружилась въ немъ и самая охота къ ученію.

Ѳеодоръ началъ учиться подъ руководствомъ своего дѣда о. Никиты. Явленія и опыты такого рода, т. е. когда родныя бабушки няньчатъ своихъ внуковъ и внучекъ, а дѣдушки обучаютъ ихъ въ первые годы дѣтства грамотѣ, едва-ли и теперь въ рѣдкость. Въ описываемую же пору это было самымъ обычнымъ дѣломъ и входило, можно сказать, въ рядъ почти обязательныхъ отношеній и условій въ семейномъ быту при тогдашней патріархальной жизни, и особливо въ средѣ духовенства. Отцы изъ духовныхъ, при первой возможности и удобности предоставляли дѣтямъ свои служебныя мѣста и доживали при нихъ послѣдніе свои годы. И въ этомъ-то положеніи они, всего естественнѣе, принимали на себя обязанности домашнихъ педагоговъ своихъ внуковъ, чтобы не оставаться праздными и вмѣстѣ съ тѣмъ не даромъ пользоваться пріобрѣтаемымъ дѣтями достояніемъ, и чтобы проводить и упрочивать свое родоначальническое вліяніе не на дѣтей только, но и внуковъ, не рѣдко даже и на правнуковъ. При подобныхъ занятіяхъ старцевъ-дѣдовъ съ дѣтьми-внуками и сами отцы напередъ могли быть увѣрены въ благотворности такого воспитанія дѣтей. Увѣренность эта была тѣмъ болѣе несомнѣнна, когда самые старцы-дѣды были искренно расположены ко внукамъ. Вмѣстѣ съ родствен-

ною любовію первыхъ сама собою соединялась и особенная заботливость объ успѣхахъ ученія послѣднихъ. О. Никита, любившій Ѳеодора болѣе всѣхъ прочихъ внуковъ и внучекъ, дѣйствительно, съ особенною любовію и утѣшеніемъ смотрѣлъ на занятія и успѣхи его, какъ ученика“ [1]). Методъ о. Никиты (говоритъ доставитель свѣдѣній). какъ и вообще тогдашняго обученія, былъ таковъ, чтобы дѣти учились отъ зари до зари съ извѣстными отдыхами. Бывало прочіе соученики братья Ѳеодора какъ либо ускользали и въ недозволенное время отъ своихъ занятій, но онъ, безъ благословенія дѣдушки, никогда не оставлялъ книги и потому ранѣе другихъ успѣлъ. Псалтирь была любимая его книга. Ему было только *восемь* лѣтъ, а онъ читалъ каѳизмы уже очень внятно для народа въ храмѣ Божіемъ“ [2]). Въ этихъ свѣдѣніяхъ, что ни слово, что ни дѣйствіе, буквально вѣетъ тою своеобразностію старины, съ которою менѣе всего можетъ примириться современная педагогика. Но нужно знать, что при старинномъ методѣ имѣлось въ виду не только научить скорѣе дитя читать бѣгло и правильно; обученіе имѣло значеніе своего рода опредѣленнаго курса. Псалтирь и Часословъ не были лишь учебниками для одной практики въ чтеніи; эти книги возможно заучивались на память, соотвѣтственно древлеотеческимъ учебно-воспитательнымъ правиламъ и наставленіямъ. Для этого были задаваемы учащимся такъ называемыя *проучки*, которыя сначала выучивались и твердились въ отдѣльности каждая, а затѣмъ повторялись по нѣскольку вмѣстѣ,—что выражалось извѣстнымъ терминомъ: „*читать зады*“. Отсюда и самый успѣхъ и вообще ходъ ученія опредѣлялся тѣмъ, кто училъ Часословъ, а кто Псалтирь, и въ послѣдней,—которую по счету каѳизму. Дѣлалось все это потому, какъ сказано въ предисловіи къ Часослову, „*да обычай сей вглубитъ кореніе свое въ сердцахъ дѣтей*“. Иначе и въ старину

---

[1]) Письмо прот. Н Амфитеатрова (отъ 14 Іюля 1859 г.)

[2]) Изъ того же письма

развѣ не было скороучекъ. и недоучекъ или недорослей!!? О подобныхъ же явленіяхъ своего времени едва-ли могли не знать и о. Никита и о. Георгій.—при томъ не изъ сценическихъ представленій. а изъ живыхъ опытовъ.—съ которыхъ сняты первыя.—когда въ его время многіе изъ дѣтей дворянъ оказывались едва умѣвшими подписывать свое имя, и когда, между тѣмъ, глумились надъ *Кутейкиными*, а съ ними и надъ самыми изреченіями Слова Божія. какъ видимъ это въ комедіи „Недоросль“. Потому-то о. Никита, какъ служитель Церкви и готовившій питомцевъ-внуковъ своихъ къ тому-же служенію, тѣмъ болѣе старался держаться своего и общепринятаго тогда метода. А что этотъ методъ не препятствовалъ развитію учащихся и усвоенію ими другихъ учебныхъ предметовъ, доказательство въ лицѣ того-же Ѳеодора. Онъ. кромѣ Часослова и Псалтири. обученъ былъ, еще дома же. начаткамъ нѣкоторыхъ наукъ, преподававшихся въ тогдашнихъ училищахъ и, между прочимъ,—начаткамъ латинскаго языка и на столько успѣшно. что, на 10-мъ году возраста, онъ былъ принятъ прямо во 2-й классъ духовнаго училища“ [1]). Да и во все время училищно-семинарскаго образованія, онъ оказывался на столько успѣвавшимъ въ наукахъ, что на 16-мъ году переведенъ былъ въ богословскій классъ“.

Каково же было воспитаніе Ѳеодора въ духовныхъ заведеніяхъ—училищѣ и семинаріи?

Извѣстно. что обученіе въ духовныхъ училищахъ въ описываемую пору сопровождалось большими неудобствами и затрудненіями. Строгость взысканій начальства и учителей съ учениковъ. тѣлесныя наказанія, скудость въ пищи и бѣдность въ одеждѣ не отрадны были для учащихся. Впрочемъ говоря это, мы отнюдь не разумѣемъ тѣхъ описаній, въ родѣ Помяловщинскихъ и К°, гдѣ представлено состояніе указываемыхъ заведеній въ извѣстныхъ каррикатурныхъ картинахъ и въ какомъ-то затаенно-злорадственномъ смыслѣ и тонѣ... Мы обра-

---

[1]) Смотр. Записки лист. 1 стр. 1.

тимся къ самымъ подлиннымъ и притомъ современнымъ именно описываемой порѣ свидѣтельствамъ тѣхъ лицъ, которыя сами переживали тогдашнее свое училищное образованіе.—и наконецъ лицъ авторитетныхъ въ самой высокой степени—даже богопрославленныхъ уже въ святости.—Такъ напр., новоявленный угодникъ Божій—Святитель Тихонъ—самъ свидѣтельствовалъ о себѣ слѣдующее. „Бывало, когда получу казенный хлѣбъ, то изъ онаго оставлю половину для себя, а другую половину продамъ и куплю себѣ свѣчу, и съ нею сяду за печку и читаю книжку. А богатыхъ отцевъ дѣти начнутъ, бывало, надо мною смѣяться". Ради же удовлетворенія другихъ нуждъ, для которыхъ очевидно не доставало продаваемой части хлѣба, тотъ же св. Угодникъ нанимался копать гряды въ огородахъ въ свободное отъ училищнаго и домашняго обученія время [1]). Такъ точно замѣчательны въ этомъ же отношеніи и слова высокопреосв. Филарета Митр. Московскаго, сказанныя имъ при освященіи домовой церкви въ столичной Московской семинаріи въ 1844 г. (1 Ноября) [2]). Слова эти въ особенности замѣчательны тѣмъ, что Московскій Первосвятитель прилагаетъ изображенное имъ состояніе бывшихъ учебныхъ заведеній и учащихся къ себѣ самому, какъ относившееся ко времени его ученія. А какъ онъ былъ сверстникъ и высокопр. Филарету (Кіевскому) и, значитъ, учился въ одну пору, (онъ былъ моложе послѣдняго только на три года), то нижеприводимыя слова перваго совершенно одинаково приложимы къ послѣднему. Мы приведемъ эти слова, какъ истинно замѣчательныя и, по содержанію своему, самыя назидательныя для настоящаго времени при нынѣшнихъ взглядахъ и сужденіяхъ относительно образованія прежнихъ и нынѣшнихъ семинаристовъ.

---

[1]) Смотр. Странникъ 1860 г. Сентябрь. Отдѣлъ II стр 187—188.

[2]) Смотр слова и рѣчи Филарета Митр. Московскаго—Изд. 2-е 1848 г. Часть II, стр. 94.

— „Дѣти—говорилъ Первосвятитель.—вопросите родителей вашихъ, или отцовъ ихъ: съ такою-ли, какъ нынѣ, многообразною заботливостію были они призрѣваемы, когда, полувѣкомъ ранѣе, проходили поприще образованія, вами теперь проходимое? Изъ не благоустроенныхъ жилищъ не рѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы не благоустроенный путь до дома ученія; и случалось, что только *въ поученіи нашемъ разгорался огнь* (Псал. XXXVIII. 4), когда въ согрѣвающемъ, или освѣщающемъ огнѣ нуждалась учебная храмина... Воспоминаю сіе не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имѣетъ свои добрыя и достопочтенныя воспоминанія, но чтобы отдать справедливость настоящему. Вамъ предоставляется жилище, устроенное покойно, даже благолѣпно, величественно: и намъ открывается совсѣмъ новая надобность напоминать вамъ, чтобы вы были въ немъ не болѣе, какъ обласканные и скромные гости, и чтобы не слишкомъ привыкали утѣшаться онымъ... Надлежитъ вамъ помышлять и пріучать себя помышлять съ любовію, что, послѣ сего, можно сказать, вельможескаго дома множайшимъ изъ васъ должно будетъ вновь обитать въ смиренныхъ жилищахъ, посѣщать убогія хижины, и къ сему должно вамъ перейдти не съ чувствомъ тяготящей нужды, но съ чувствомъ освященнаго и вожделѣннаго долга и призванія“.

Но при всемъ сказанномъ не благопріятномъ состояніи, бывшихъ въ старину, училищъ и семинарій относительно Ѳеодора Амфитеатрова можно было положительно надѣяться, что онъ не могъ подпадать подъ строгія взысканія по самой его кротости и хорошимъ успѣхамъ, а отъ скудости содержанія тоже не могъ переносить лишеній по самому прирожденному ему свойству довольствоваться—малымъ. За то, какъ увидимъ впослѣдствіи, когда самъ онъ—Филаретъ былъ Префектомъ и Ректоромъ въ этой же Сѣвской семинаріи, то первый возчувствовалъ все тягостное положеніе и обстановку, бывшихъ при немъ, воспитанниковъ и простеръ свою ревность объ улучшеніи ихъ положенія до того, что самъ потерпѣлъ за это тяжкія преслѣдованія по службѣ. Правда, и во

время школьнаго своего обученія Ѳеодоръ Амфитеатровъ подвергался своего рода тѣлеснымъ наказаніямъ, но это было со стороны своихъ сотоварищей. Объ этомъ было сказано уже отчасти прежде. Здѣсь же мы приведемъ разсказъ [1]), относящійся по времени къ той порѣ, когда высокопр. Филаретъ былъ уже архіепископомъ Казанскимъ и Симбирскимъ. „Обозрѣвая церкви въ Симбирской губерніи, (составлявшей тогда съ казанской одну епархію), Владыка, бывши въ самомъ городѣ Симбирскѣ и посѣтивши тамошнюю гимназію, былъ у Директора, гдѣ находились лица гимназической корпораціи и законоучители гимназическій и училищный. Вдругъ Директоръ говоритъ: „А помните ли, Ваше В—ство, какъ я Васъ бывало за волосы дралъ?! и при этомъ высказалъ нѣсколько напоминательныхъ словъ“... Владыка смиренно промолчалъ. За тѣмъ, проводивъ гостя, хозяинъ-директоръ (А. Ив. Гапоновъ) сталъ разсказывать присутствовавшимъ: „я вѣдь учился вмѣстѣ съ Преосвященнымъ въ одномъ училищѣ. По рожденію я изъ Орловской губерніи: отецъ мой былъ священникъ въ тамошней епархіи. Учился я долго, и наука плохо давалась мнѣ, да и озорникъ я былъ. Учившіеся со мной были нѣкоторые—мальчишки по возрасту, а я уже большой. И вотъ я, бывало, ихъ-то всѣхъ переколочу, а Амфитеатрова просто въ пухъ изобью. Таскаю, бывало, его, таскаю за волосы, да приговариваю: Ѳедька, Ѳедька такой... растакой... а онъ, бывало, слова не скажетъ, руки не оттолкнетъ и учителю не пожалуется. Бывало, какъ суббота, такъ и расправа за другихъ, жаловавшихся, а за Амфитеатрова никогда меня не наказывали. Учители спросятъ его, тебя прибилъ Гапоновъ? а онъ промолчитъ. А то за него-то расправа досталась бы мнѣ еще похруще, потому что всѣ учители

---

[1]) Этотъ разсказъ содержится въ отдѣльной пространной рукописи, которая была доставлена высокопр. Антонію вскорѣ по прибытіи его въ Казань, когда только авторъ ея узналъ о составляемой біографіи Митрополита Кіевскаго Филарета.

особенно любили Амфитеатрова и за кротость его и за прекрасные успѣхи" [1]).

Въ описываемую пору въ Орловской епархіи были два главныхъ духовныхъ училищныхъ заведенія.—одно въ Сѣвскѣ, гдѣ была и резиденція Архіерея, другое въ Орлѣ. По близости къ мѣсту своей родины Ѳеодоръ былъ отданъ въ училище Орловское; это было въ 1789 году. Здѣсь онъ обучался до окончанія философскаго курса; за тѣмъ непосредственно перемѣщенъ былъ въ въ г. Сѣвскъ—въ классъ богословскій. Такое перемѣщеніе зависѣло отъ того, что высшій богословскій классъ относился къ собственно называемой Семинаріи; послѣдняя же находилась въ г. Сѣвскѣ, какъ резиденціи епархіальнаго архіерея, чтобы удобнѣе было ему непосредственно наблюдать за преподаваніемъ богословскихъ предметовъ и за окончательнымъ приготовленіемъ воспитанниковъ къ поступленію въ санъ священства. Потому въ семинарію, или иначе въ богословскій классъ, переводимы были тѣ только воспитанники, которые оказывались вполнѣ способными и готовыми получить полное семинарское образованіе.

Воспитанникъ Ѳеодоръ Амфитеатровъ перемѣщенъ былъ въ Сѣвскую семинарію въ 1795 г.; слѣдовательно, считая отъ времени поступленія его въ училище Орловское, онъ обучался въ послѣднемъ 6-ть лѣтъ. Судя потому, что онъ принятъ былъ прямо во второй классъ, и принимая во вниманіе число существовавшихъ тогда классовъ до философіи включительно, ученіе его продолжалось въ каждомъ классѣ по году. Ясно, что Ѳеодоръ былъ изъ самыхъ успѣшныхъ учениковъ. Не нужно ду-

[1]) Покойный высокопр. Антоній въ рукописи на полѣ противъ этого разсказа написалъ: «Это оставить бы... Словесно же объяснилъ мнѣ, что содержаніе этого разсказа отзывается неделикатностію... и вообще тѣмъ, что не даромъ-де и самъ Владыка не раздѣлилъ этихъ воспоминаній хозяина, а отнесся къ нимъ съ молчаніемъ». Но мы держась положенія, «*изъ сказки или пѣсенки словечка не выбрасываютъ*», привели этотъ разсказъ, предоставляя читателямъ судить, на сколько онъ умѣстенъ.

мать, что тогдашнее ученіе слишкомъ далеко уступало нынѣшнему особливо по степени развитости учащихся. Вообще должно сказать, что въ дѣлѣ тогдашняго научнаго образованія господствовало мудрое положеніе, наслѣдованное отъ вѣковъ древнихъ, преподавать — non multa, sed multum". Такъ, относительно учебныхъ предметовъ, мы читаемъ въ формулярномъ спискѣ въ Бозѣ почившаго, что онъ обучался:—Поэзіи, Риторикѣ, Философіи, Богословію, Исторіи, Географіи и языкамъ: Латинскому, Греческому, Нѣмецкому и Французскому. Положимъ, всѣ эти науки были не обширны по своему составу, и преподаваніе ихъ, какъ свидѣтельствовалъ и самъ въ Бозѣ почившій, въ классѣ бывало иногда *плоховато* [1]); за то требовалось отъ учениковъ возможно твердое изученіе наукъ. Посему кто имѣлъ достаточныя способности и, сознавая цѣну образованія, желалъ получить его не формально только и поверхностно, тому потребенъ былъ трудъ усидчивый и самостоятельный.—Объ этомъ такъ свидѣтельствовалъ самъ же въ Бозѣ почившій: „успѣхамъ въ наукахъ я наиболѣе обязанъ былъ собственному занятію и чтенію" [2]). При этихъ же условіяхъ, хотя и неблагопріятныхъ со стороны самаго преподаванія, пріобрѣталась учившимися особенная развитость всѣхъ способностей въ такой степени и направленіи, что воспитанники, и не особенно даровитые, являлись способными и годными къ усвоенію себѣ серьезныхъ наукъ и познаній, не только чрезъ дальнѣйшее слушаніе уроковъ въ высшихъ заведеніяхъ, но и сами собою посредствомъ чтенія книгъ и собственныхъ занятій. Такой характеръ и достоинство старинаго научнаго образованія оправдывается всею исторіею отъ временъ Ломоносовскихъ до начала позднѣйшихъ преобразованій и спеціализацій воспитательно-научнаго образованія.

Не извѣстно, обладалъ ли особенно отличными спо-

---

[1]) Смотр. записки листъ 1 на оборотѣ.

[2]) Тамъ-же.

собностями въ юношескомъ своемъ возрастѣ высокопр. Филаретъ. За то, какъ увидимъ впослѣдствіи, научныя познанія его сколько были обширны, столько-же отличались строгою отчетливостію и глубокостію мысли и разумѣнія, особливо по отношенію къ религіознымъ и духовно-нравственнымъ истинамъ. Все это въ своей полнотѣ, само собою, достигнуто и усвоено было имъ впослѣдствіи, но несомнѣнно воспринято еще и на скамьѣ школьной, особливо по богословскимъ наукамъ. Послѣ перемѣщенія въ Сѣвскую семинарію въ богословскій классъ, онъ слушалъ здѣсь уроки не менѣе трехъ годовъ [1]), посвятивъ, такимъ образомъ, цѣлую треть учебно-воспитательной жизни спеціально-богословскому образованію, какъ соотвѣтствовавшему его душевному настроенію, такъ и глубоко-понимаемому въ силѣ и значеніи его въ дѣлѣ общеобразовательномъ. Если мы не имѣемъ на это свидѣтельствъ, прямо относящихся къ лицу и состоянію въ Бозѣ почившаго за время его семинарскаго образованія, за то ясно можно видѣть это изъ слѣдующаго.

Когда родной племянникъ высокопреосв. Филарета Яковъ Козмичъ Амфитеатровъ обучался въ двадцатыхъ годахъ въ Орловской семинаріи, и всей душей полюбивъ науку, рѣшился было остаться еще на курсѣ въ среднемъ отдѣленіи, иначе-философскомъ классѣ, тогда дядя-святитель (бывшій въ эту пору епископомъ Калужскимъ), писалъ къ нему: „Мнѣ очень пріятно, что ты имѣешь ревность къ наукамъ. Просвѣщеніе истинное есть высочайшій даръ Божій человѣку. Но мнѣ не очень нравится желаніе твое остаться на другой курсъ въ философскомъ отдѣленіи. Лучше займись изученіемъ богословія, какъ нужнѣйшимъ для всякаго христіанина, и особенно для тѣхъ, которые призываются на служеніе Алтарю Господню“ [2]). И далѣе, когда этотъ пле-

---

[1]) Записки листъ 1 на оборотѣ

[2]) Біографическій очеркъ Я. К. Амфитеатрова соч. Аскоченскаго. Кіевъ. 1857 г. стр. 3—4.

мянникъ его былъ уже воспитанникомъ Кіевской Академіи. Архипастырь писалъ ему, между прочимъ: „Благодарю Господа Бога, помогающаго тебѣ успѣвать въ наукахъ. Мнѣ очень пріятно, что ты въ числѣ отличныхъ студентовъ Академіи по ученію. Будь же отличнѣйшимъ и по благочестивой жизни, и Господь Богъ поможетъ тебѣ совершить *подвигъ* ученія и приготовить себя служителемъ Церкви Его Святой. Мое желаніе, чтобы ты готовилъ себя именно для служенія Алтарю Господню, а потому книги нужны для тебя, болѣе относящіяся къ уразумѣнію догматовъ. Ни Дежерандо, ни Теннеманъ столько для тебя не нужны, чтобы имѣть ихъ собственными. Довольно прочитать ихъ. Старайся успѣть въ Греческомъ языкѣ, яко въ священномъ“ [1]). Тоже читаемъ въ письмахъ высокопр. Филарета относительно другаго племянника (бывшаго архіепископа Казанскаго Антонія), когда онъ обучался (въ тридцатыхъ годахъ) въ Калужской семинаріи. „Купите для *Яши* книгъ, сколько и какихъ только нужно. Да сдѣлайте милость, напитывайте его чтеніемъ книгъ святыхъ. Хорошо бы купить для него Библію латинскую Кастелліона, и читать ему Сираха и Новый Завѣтъ и Псалтирь и прочее по назначенію вашему (опекуна его— профессора тамошней саминаріи), чтобы онъ такимъ образомъ особенно хорошо могъ подготовиться къ слушанію богословскихъ наукъ [2]).

Изъ этихъ писемъ, писанныхъ спустя тридцать лѣтъ по окончаніи курса высокопреосв. Филаретомъ, очевидно, что такой взглядъ на образованіе сложился и сохранился у него не иначе, какъ по собственному опыту. Въ особенности здѣсь замѣчательны слова изъ письма къ первому племяннику—„будь отличнѣйшимъ по благочестивой жизни и Господь поможетъ тебѣ совершить подвигъ ученія“.—Самый терминъ—*подвигъ*,—приложен-

---

[1]) Біографическій очеркъ Я. К. Амфитеатрова соч. Аскочинскаго. Кіевъ 1857 г. стр. 6-я.

[2]) Письмо было писано изъ Казани, отъ 13 Ноября 1831 года.

ный къ слову ученіе, такъ характеристиченъ, что, какъ нельзя болѣе. выражаетъ личное состояніе того, кто и самъ смотрѣлъ на научное образованіе свое не иначе, какъ на подвигъ и не только смотрѣлъ, но и самымъ дѣломъ готовъ былъ, при первой возможности, промѣнять положеніе ученика и званіе ученаго на смиренное послушничество и пустынное подвижничество.

Припомнимъ здѣсь, прежде намѣченные нами факты, когда Ѳеодоръ дважды рѣшался-было тайно уйдти въ какую-либо пустынь. Это было еще,—говоритъ доставитель свѣдѣній, на половинѣ его училищнаго курса. „Когда не исполнилось ему еще 14-ть лѣтъ отъ роду, онъ почувствовалъ въ себѣ такое пламенное стремленіе къ монашеству, что собрался было скрыться или въ Площанскую, или Бѣлобережскую пустыни [1]), которыя извѣстны были ему только еще по слуху, но которыя дѣйствительно какъ тогда, такъ и въ нынѣшнее время отличаются особенною иноческою строгостію устава и жизни. Въ первый разъ рѣшился онъ уйдти тайно изъ дома родительскаго, но былъ возвращенъ уже съ пути старшимъ братомъ—Василіемъ; въ другой разъ собрался съ однимъ изъ жителей г. Орла. „Однажды какъ-то пришелъ Ѳеодоръ отъ вечерни къ себѣ на квартиру и говоритъ своимъ товарищамъ: „Что мы, братцы, живемъ на свѣтѣ въ такой суетѣ житейской! То ли дѣло удалиться отъ міра и водвориться въ пустыни! Уйду въ какую-нибудь далекую-далекую пустынь. Вотъ говорятъ, есть у насъ какая-то Бѣлобережская, или Площанская пустынь; поселюсь тамъ и посвящу себя на молитву Господу.“ Говорилъ онъ это такъ рѣшительно и съ такимъ чувствомъ, что не трудно было догадываться,—какъ бы въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ онъ уйдти въ пустынь. Такъ, дѣйствительно, и случилось. Съ однимъ избраннымъ имъ заблаговременно вожатымъ, онъ совсѣмъ собрался въ путь. Но только благоразуміе самого же вожатаго заставило, такъ или иначе, сообщить о тайномъ намѣреніи Ѳеодора стар-

[1]) Обѣ эти пустыни—въ Орловской губерніи.

шему брату—Василію, а послѣднимъ сообщено родителямъ. Родители же могли удержать его отъ исполненія своего намѣренія по крайней мѣрѣ съ обѣщаніемъ, что они отпустятъ его въ монастырь по окончаніи полнаго курса въ семинаріи [1]).

[1]) Странникъ 1862 г Т. I и изъ другихъ свѣдѣній.

ОТДѢЛЪ II.

(1798—1804 г.)

ГЛАВА III.

«Господь, дивный въ дѣлѣхъ Своихъ, испытавъ послушаніе и терпѣніе юнаго раба своего, родителя его укрѣпилъ во здравіи, а ему назначилъ высокое служеніе въ иноческомъ званіи—быть Пастыремъ пастырей» [1]).—«Проходилъ онъ службу, правда, подъ тяжкимъ крестомъ, начиная еще съ Сѣвска; а особливо онъ нанесъ и мнѣ великую скорбь, когда его заслали въ далекую Сибирь. За то вотъ теперь архіереемъ сталъ мой-то Ѳеденька» [2]).

Въ формулярномъ спискѣ высокопр. Филарета значится: „Обучался въ Орловской семинаріи, и въ 1797 г. кончилъ курсъ наукъ. Опредѣленъ учителемъ Поэзіи и низшаго греческаго класса въ Орловскую же семинарію 1798 г. Марта 1-го дня". Изъ этихъ офиціальныхъ свѣдѣній очевидно, что оставался промежутокъ времени, которое протекло въ жизни кончившаго курсъ Ѳеодора Амфитеатрова безъ опредѣленнаго назначенія. Промежутокъ этотъ равняется приблизительно восьми мѣсяцамъ.—Въ чемъ же прошло это время—или говоря прямѣе: отъ чего Ѳеодоръ Амфитеатровъ, который въ те-

---

[1]) Слова одного изъ воспоминателей.

[2]) Слова изъ разсказовъ о. Георгія—родителя высокопр Филарета.

ченіе курса выказывалъ такое сильное желаніе и стремленіе поступить въ монашество, что не разъ рѣшался даже тайно уйдти въ пустынь, и удержанъ былъ отъ такой рѣшимости лишь волей родителей, и при томъ до окончанія лишь курса,—отъ чего не стремится онъ теперь такъ же горячо и рѣшительно къ своей вожделѣнной призваннической цѣли, а проводитъ время безъ всякаго назначенія и опредѣленнаго дѣла?! Къ тому же изъ формулярнаго списка видно, что онъ вступаетъ на такую службу. которая не имѣлась въ виду и со стороны родителя; послѣдній, какъ отчасти намъ извѣстно. если и желалъ отклонить сына отъ монашества, то съ цѣлію предоставить ему свое священническое мѣсто въ селѣ Высокомъ. Наконецъ Ѳеодоръ является на службѣ, но о монашествѣ нѣтъ пока и помину. Всѣ эти вопросы и обстоятельства объясняются слѣдующимъ.

До окончанія Ѳеодоромъ курса ученія, въ семействѣ о. Георгія произошли многія перемѣны. Двѣ дочери старшія—Евдокія и Анна были выданы въ замужество; старшій сынъ Василій. кончившій курсъ прежде Ѳеодора, былъ уже священникомъ въ другомъ приходѣ; дѣда о. Никиты не стало въ живыхъ, сама мать Анастасія тоже скончалась,—словомъ—о. Георгій осиротѣлъ. Хотя въ семействѣ его находились еще другія дѣти, но какъ они всѣ были болѣе или менѣе не взрослыя, то положеніе о. Георгія было еще затруднительнѣе; къ тому же самъ о. Георгій въ это время сталъ чувствовать слабость своихъ силъ и здоровья. Все это, естественно, не могло не относиться къ личному положенію и будущей судьбѣ Ѳеодора, когда онъ только что кончилъ курсъ. Сколько ни вѣренъ былъ онъ своему призванію къ монашеству, любовь къ отцу и сочувствіе къ положенію его и всего роднаго семейства, а равно и послушаніе волѣ родительской должны были, хотя на время, остановить въ немъ порывы и виды его собственнаго желанія. Доставитель свѣдѣній объ этомъ предметѣ пишетъ: „Окончивъ курсъ богословскихъ наукъ, Ѳеодоръ изъ глубочайшаго сыновняго послушанія согласился-было поступить на родительское мѣсто въ село Высокое по

слабости своего родителя; но Господь, дивный во всѣхъ дѣлѣхъ Своихъ, испытавъ послушаніе и терпѣніе юнаго раба своего, здоровье отца его укрѣпилъ, а послушному сыну назначилъ высокое служеніе въ иноческомъ званіи—быть Пастыремъ-пастырей" [1]).

Болѣе подробное изложеніе этого дѣла читаемъ въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ со словъ самого о. Георгія. На вопросъ собесѣдника, (записавшаго этотъ разсказъ),—„Чтожъ! еще бывши въ семинаріи сынъ вашъ Ѳеодоръ-то пошелъ въ монахи? о. Георгій отвѣчалъ: Нѣтъ! Онъ кончилъ курсъ и пріѣхалъ домой. Я еще ѣздилъ съ нимъ искать ему невѣсту. Были мы въ селѣ Студенкахъ у священника, были еще кои гдѣ во многихъ мѣстахъ.—Но вѣрно уже чему быть, тому не миновать.—Странное дѣло! Ни гдѣ что-то намъ не ладилось. Тамъ невѣста не понравится жениху, въ иномъ же мѣстѣ женихъ не понравится невѣстѣ [2]). Такъ мы ѣзд или-

---

[1]) Изъ письма протоіер. Н. Амфитеатрова

[2]) Покойный высокопр. Антоній (Архіеп. Казанскій) къ этому разсказу присовокупилъ еще слѣдующій, относящійся именно къ этому выраженію—«что *женихъ не нравился невѣстѣ*». Когда и я (Антоній) кончилъ курсъ въ Академіи и оставался цѣлый годъ еще свѣтскимъ, то матушка моя, пріѣзжавшая въ эту пору погостить у меня, чаяла, что авось я тоже подумываю жениться.. , о чемъ она мнѣ отчасти и намекала Бывавши же въ это время часто у Владыки, по-просту по родственному, матушка моя заговорила и съ нимъ обо мнѣ въ этомъ же родѣ Владыка выслушалъ ее довольно внимательно.. Послѣ же рѣчи матушки Владыка обратился ко мнѣ. «Ну что Яковъ?! Вонъ что мать-то толкуетъ о тебѣ,—хочетъ, чтобы ты женился. . Можетъ и ты самъ-то тоже понадумываешь .. Что же ты мнѣ не говорилъ объ этомъ ничего до селѣ?! Скрытность, чадо, здѣсь не статна»... Я промолчалъ; но въ молчаніи этомъ далъ уразумѣть совсѣмъ противное... я сконфузился и покраснѣлъ... Тогда Владыка полушутливо обратился къ матушкѣ: «эхъ мать, мать!... Много ты дѣтей народила, да ума-то въ головѣ мало накопила... Ты, видно, ужъ и совсѣмъ забыла, какъ Господь въ одинъ годъ восхотѣлъ взять у тебя троихъ дѣтей .. и думаешь, что не Самъ же Господь восхощетъ взять у тебя вотъ и его, хотя и не тѣмъ путемъ, а инымъ... А тебѣ втемяшилось, какъ видно, одно, чтобы просто схватить его по рукамъ и за самую шею, лишь бы не пускать отъ

ѣздили съ нимъ и все безъ успѣха. Наконецъ какъ-то однажды пріѣхали мы изъ гостей: вошелъ я въ горницу,—а онъ, драгоцѣнный мой упалъ предо мною въ ноги и заплакалъ...

— Что ты?. говорю. Ѳеденька! что съ тобою?!

себя. . Слушай же, что я тебѣ скажу: и меня мой батюшка въ свое время такъ же, какъ и ты, совсѣмъ было собрался женить; возилъ онъ даже на показъ разнымъ невѣстамъ. . Но, видно, Господь такъ устроилъ, что невѣсты-то были не дуры... чтобы выйдти за такого молодца, каковъ я былъ и казался на ихъ глаза. Правда батюшка — то мой индѣ и улаживалъ было дѣло, и иные родители невѣстъ готовы были приневолить даже ихъ къ согласію, но я грѣшный. признаюсь тебѣ, хитрилъ при этомъ немножко И безъ того я выглядывалъ больно не обтесаннымъ . бурсакомъ. а тутъ-то представлялся чистымъ батракомъ, хомякомъ... Индѣ въ домахъ, гдѣ хотѣли было сосвататься, составлялись ужъ и вечериночки-называемыя смотрины, и приглашались знакомые; а я. бывало, какъ разъ къ этой-то порѣ пойду на дворъ посмотрѣть лошадокъ, дать имъ корму, сводить напоить ихъ, да и около повозки-то тоже повожусь,— при чемъ само собою повыпачкаюсь порядочно, а умыться будто позабуду, или не успѣю. , да такъ и явлюсь въ горницу-то въ среду гостей... Станутъ мнѣ подносить угощеніе орѣхами, да пряниками и проч. а по обычаю тогдашнему подносила сама же невѣста;—глядь, а у меня на рукахъ-то и грязь и деготь . Самъ то я будто и не замѣчаю этого, а посмотрю на другихъ;—они и шушукаютъ промежъ себя. . а затѣмъ вѣстимо, невѣста-то прямо на попятную,—а мы-то съ батюшкой отъ воротъ поворотъ... И въ концѣ концовъ вышло, что куда мы ни заѣзжали,—только не солоно хлебали. Сіе глаголю не въ притчахъ... и потому имѣяй уши слышати да слышитъ,—сказалъ Владыка, взглянувши пристально на меня».—NB. Замѣтимъ здѣсь кстати для читающихъ о самомъ говорѣ высокопр. Филарета. Во 1-хъ, произношеніе его, въ значеніи такъ называемаго *жаргона,* было на *а* (напр. *харашо . абайдемся* и т. п); во 2-хъ, звуки его выходили съ большимъ *пришавкиваньемъ* (отъ старости); въ 3-хъ, говорилъ онъ протяжно, въ чемъ выражались какое-то спокойствіе и съ тѣмъ вмѣстѣ величавость, свойственныя его лицу и сану; въ 4-хъ рѣчь велъ всегда самымъ простымъ образомъ и особенно любилъ употреблять простонародныя слова и выраженія съ разными поговорками, пословицами и прибаутками, и весьма остротно, сколько и пріятно и всегда къ мѣсту и къ дѣлу —Но вышесказанное произношеніе—*на а* онъ не позволялъ себѣ употреблять при Богослуженіи и чтеніи священныхъ книгъ,—и не терпѣлъ, когда произносятъ напр.: *Ва имя Атца и Сына и Святова Духа* . и дѣлалъ замѣчанія объ этомъ.

— Да отпустите,—говоритъ.—меня. батюшка, въ монахи!

— Какъ въ монахи? Что съ тобой?

— Я вѣдь давно ужъ. батюшка, рѣшилъ на этомъ, да только боялся вамъ сказать, а теперь говорю рѣшительно.

— Да перенесешь ли ты труды-то монашескіе. молодой парень?

— А Господь-то и Спаситель!! отвѣтилъ онъ.

— Я замолчалъ. и думаю себѣ: вѣдь въ самомъ дѣлѣ Господь Самъ сказалъ: *„оставите дѣтей приходити ко Мнѣ“*. Богъ съ нимъ! Вѣрно такая судьба его! Снялъ я съ полочки образъ и говорю: ну,—что дѣлать?! Молись, Ѳеденька! Онъ положилъ три земныхъ поклона, приложился къ образу... и я благословилъ его, а самъ заплакалъ... И вотъ теперь видите, къ чему велъ его Господь! Прошелъ онъ. правда. подъ тяжелымъ крестомъ, немалую и мнѣ причинилъ скорбь о своей участи, начиная еще съ Сѣвска, а особливо когда его заслали въ далекую Сибирь... Но за то вотъ теперь Архіереемъ сталъ мой-то Ѳеденька [1]).

Смотря на обстоятельства и ходъ дѣла, нельзя не признать, что пережитое Ѳеодоромъ было великимъ для него испытаніемъ, а равно и послушаніе его было глубочайшее. Будучи человѣкомъ уже развитымъ, съ правами на свободный образъ дѣйствованія и особенно въ дѣлѣ такого выбора и рѣшенія. отъ которыхъ зависѣла вся дальнѣйшая судьба его, и которые прямо клонились и готовы были уже осуществиться совершенно вопреки его внутреннему рѣшительному призванію,—Ѳеодоръ, однако поступаетъ такъ. какъ бы дѣло не его касалось... Онъ является здѣсь именно по прежнему буквальному выраженію отца, *„какъ смирная овечка“*, но въ иномъ смыслѣ этого выраженія. Здѣсь выразился весь, свойственный ему. характеръ какъ человѣка, рѣшившагося поступить

[1]) Изъ письма прот. Евѳимія Остромысленскаго; смотр. и въ странникѣ 1862 г. Т. I, стр. 12, 13.

въ монашество и потому всецѣло отрекшагося даже и отъ своей воли. Онъ если и дозволятъ выразить предъ отцемъ свое прямое желаніе и стремленіе, то не прежде, когда воля и желаніе родительскія уже вполнѣ удовлетворены. Притомъ какъ выражаетъ?.. Не пускаясь ни въ какія объясненія, онъ падаетъ въ ноги отцу и плачетъ; даже на вопросъ отца:—перенесетъ ли онъ монашескіе труды,—отвѣчаетъ не отъ себя, а только указываетъ на помощь Господа Спасителя! Такого характера и образа дѣйствованія можетъ не понимать и цѣнить именно одинъ только духъ и взглядъ суеты мірской! На самомъ же дѣлѣ Ѳеодоръ является здѣсь именно тѣмъ, какъ только можно было ожидать на основаніи всѣхъ, прежде извѣстныхъ о его личномъ характерѣ, данныхъ, или можно сказать болѣе,—онъ превосходитъ здѣсь даже самыя ожиданія... И самъ о. Георгій, котораго мы уже знаемъ вообще, какъ благочестиваго и благоразумнаго Іерея и отца, является здѣсь окончательно достойнымъ своего имени. Въ лицѣ его отецъ побѣжденъ христіаниномъ. При словахъ сына: „а Господь-то и Спаситель! О. Георгій замолчалъ, и явился самъ, во всей силѣ вѣры, послушникомъ и исполнителемъ воли Того, Кто рекъ: *„оставите дѣтей приходити ко мнѣ“*.

И такъ, теперь Ѳеодоръ уже на пути къ своей вожделѣнной цѣли. Послѣ воли и благословенія родительскаго оставалось получить лишь соизволеніе начальства. Въ письменныхъ свѣдѣніяхъ объ этомъ читаемъ между прочимъ: „Владыка (высокопр. Филаретъ), явившись къ строгому преосвящ. Аполлосу, со смиреніемъ возвращаетъ, данный ему для поступленія въ бракъ, билетъ, и въ то же время изъявляетъ желаніе поступить въ монашество. Желаніе было принято Преосвященнымъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ объявлено,—что онъ долженъ поступить въ учители Семинаріи“ [1]). Въ запискахъ, писанныхъ съ устнаго разсказа самого высокопреосв. Филарета, указано еще на слѣдующее, бывшее при этомъ, обстоятельство: „Когда

[1]) Смотр. письмо прот. Н. Амфитеатрова.

онъ былъ уже опредѣленъ учителемъ въ Сѣвской семинаріи. то Ректоръ протоіерей Кутеповъ предлагалъ ему просить мѣсто въ епархіи. указывая на особенныя выгоды; но онъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи и. испросивъ окончательное благословеніе отъ родителя. 22-го Апрѣля (въ день своего ангела) того же года. подалъ прошеніе о монашествѣ". Вскорѣ. по надлежащемъ разрѣшеніи Святѣйшаго Сѵнода. онъ былъ постриженъ на 20-мъ году отъ роду преосв. Аполлосомъ 7 Ноября [1]). Правда и самое учительство. по словамъ въ Бозѣ почившаго. не очень-то было для него *по вкусу* потому. что это служебное положеніе отвлекало его отъ главной желанной цѣли—быть монахомъ. *какъ есть—по монастырски*. но предъ преосв. Аполлосомъ. не даромъ прозваннымъ—*строгимъ*. онъ не смѣлъ уже и заикнуться съ какими либо объясненіями.—Съ своей же стороны преосв. Аполлосъ назначилъ быть ему учителемъ собственно потому, что зналъ его, какъ воспитанника даровитаго. успѣшнаго и отличавшагося особенною доброю нравственностію. и наконецъ какъ будущаго монаха.—На ученыхъ монаховъ тогда по преимуществу обращено было вниманіе въ видахъ учительства и вообще ученыхъ занятій. Такое понятіе объ ученыхъ монахахъ исходило, впрочемъ, не изъ взглядовъ и убѣжденій одного лишь высшаго духовнаго начальства, какъ состоящаго изъ лицъ монашествующихъ же. Значеніе ученаго монашества. какъ и вообще духовнаго просвѣщенія и вліяніе его на общество, оцѣнено и признано такъ. а не иначе, Верховною Властію. Таковъ былъ Именный Высочайшій Указъ (18-го Декабря 1797 г.) объ учрежденіи особой ученой и учебной корпораціи изъ лицъ, монашествующихъ съ званіемъ *Соборныхъ іеромонаховъ*. А какъ исполненіе по сему Высочайшему Указу со стороны Св. Сѵнода послѣдовало 29 Ноября 1798 года, то и начало и конецъ этого дѣла совпадаютъ какъ разъ со временемъ опредѣленія Ѳеодора Амфитеатрова и на долж-

[1]) Смотр записки лист. 1 на обор.

ность учителя и постриженія его въ монашество. Замѣчательно, что въ самомъ опредѣленіи Св. Сунода объ избраніи кандидатовъ въ число Соборныхъ іеромонаховъ значился уже и учитель Ѳеодоръ Амфитеатровъ, хотя объ немъ было только еще представлено преосв. Аполлосомъ, какъ о кандидатѣ на монашество. Мы приведемъ здѣсь, хотя сокращенно, подлинные Указы—и Высочайшій и Сунодальный.

Въ помянутомъ Высочайшемъ Именномъ указѣ, данномъ Св. Суноду 18 Декабря 1797 года, [1]) объ учрежденіи духовныхъ академій въ С.-Петербургѣ *и Казани* и проч., изложено слѣдующее: „Попеченіе о благоустройствѣ Церкви и призрѣніе къ служащимъ ей почитая одною изъ главнѣйшихъ обязанностей Царствованія, приняли Мы за благо сдѣлать на пользу оной слѣдующія распоряженія: 1) Какъ просвѣщеніе и благонравіе духовнаго чина способствуетъ просвѣщенію и утвержденію добрыхъ нравовъ и въ мірскихъ, то и полагаемъ начальнѣйшею надобностію устроеніе, въ лучшемъ по возможности видѣ, духовныхъ училищъ, и для сего повелѣваемъ, сверхъ бывшихъ до нынѣ духовныхъ академій въ Москвѣ и Кіевѣ, учредить таковыя же въ С.-Петербургѣ при Александро-Невскомъ монастырѣ и *въ Казани* и пр. 2) Въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ Александро-Невскомъ монастырѣ, который повелѣваемъ переименовать Лаврою, также въ Москвѣ—въ ставропіальномъ Донскомъ монастырѣ имѣть, въ каждомъ мѣстѣ, *по 10-ти соборныхъ іеромонаховъ* съ прибавкою имъ оклада, по росписи показаннаго, опредѣляя на сіи мѣста, по дозволенію Сунода, изъ монашествующихъ, ученіе свое въ семинаріяхъ и академіяхъ съ успѣхомъ и пользою окончившихъ. Сунодъ Нашъ не оставитъ предписать точную ихъ должность, имѣя за правило, чтобы они упражнялись въ переводахъ, сочиненіяхъ, въ проповѣди Слова Божія, въ

[1]) Смотр. Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи съ 1649 г. Томъ IV (съ 6-го Ноября 1796 г. по 1798 г.) Изд 1830 г. № 18.273

преподаваніи наукъ по академіямъ или семинаріямъ, сверхъ того, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ состоятъ *соборныя*, отправляли службу Божію соборомъ своимъ въ назначаемые имъ дни, какъ-то въ первѣйшіе Господскіе праздники, такожъ во дни Рожденія, Тезоименитства и Коронованія Государскаго, да и вообще, чтобы они не въ праздности обращалися, но прямо на пользу церковную и государственную служили, отличаяся добрымъ поведеніемъ, а тѣмъ и могли бы достигать помѣщенія на степени архіерейскія".

Во исполненіе сего Высочайшаго Указа не замедлили послѣдовать распоряженія Св. Сунода. Первое изъ этихъ распоряженій состояло въ собраніи нужныхъ предварительныхъ свѣдѣній. Было предписано циркулярно всѣмъ Сунодальнымъ Членамъ и епархіальнымъ архіереямъ указали (въ Февралѣ 1798 г.) доставить между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія: а) сколько въ каждой семинаріи учителей и впредь настоящаго числа ихъ можетъ ли быть довольно? б) монахи ли они, или священники, или свѣтскіе? в) гдѣ и чему обучались, и чему обучаютъ и къ продолженію того обученія способны ли? г) изъ нихъ монахи къ помѣщенію въ число Соборныхъ при Лаврахъ и въ Донскомъ Монастырѣ достойны ли? и д) изъ свѣтскихъ же холостыхъ желаетъ ли кто принять монашество, и надеженъ ли къ помѣщенію въ число Соборныхъ"? [1]).

Вслѣдствіе сего Сунодальнаго указа въ скоромъ времени поступили рапорты съ представленіемъ кандидатовъ на званіе соборныхъ іеромонаховъ. Кандидаты эти были какъ изъ монашествующихъ, такъ и свѣтскихъ лицъ, состоящихъ на разныхъ служебныхъ степеняхъ, начиная съ префектовъ до учителей грамматики, а по отношенію къ духовному сану—съ архимандритовъ до простыхъ монаховъ. Св. Сунодомъ кандидатами изъ свѣтскихъ были признаны собственно тѣ, которые заявили уже желаніе

[1]) Опредѣленіе Сунода о семъ указѣ состоялось 11 Февраля 1798 года.

вступить въ монашество. Всѣхъ кандидатовъ, удостоенныхъ Св. Сунодомъ помѣщенія въ число соборныхъ іеромонаховъ, на первый разъ было двадцать одинъ. По перечисленіи всѣхъ лицъ изъ монашествующихъ и другихъ, назначенныхъ въ число Соборныхъ іеромонаховъ въ Донскомъ монастырѣ, въ Сунодальномъ опредѣленіи сказано: „да сверхъ того быть Соборными іеромонахами въ семъ монастырѣ учителямъ же, о постриженіи коихъ въ монашество и предписаніе изъ Св. Сунода уже послѣдовало,—Московской академіи Сергію Москворѣцкому и *Орловской* семинаріи *Ѳеодору Амфитеатрову*". При сличеніи этихъ свѣдѣній съ значущимися въ формулярномъ спискѣ оказывается, что дѣйствительно Филаретъ, пока послѣдовало это циркулярное распоряженіе Св. Сунода, на основаніи особаго предписанія былъ уже постриженъ въ монашество 7-го Ноября, а 9-го числа сего же мѣсяца—посвященъ въ іеродіаконы. Соотвѣтственно самому званію Соборнаго іеромонаха, оставалось быть посвященнымъ въ іеромонахи; но какъ въ эту пору произошла перемѣна въ святителяхъ Орловскихъ,—вмѣсто преосв. Аполлоса назначенъ былъ преосв. Досиѳей,—то посвященіе въ іеромонахи послѣдовало уже по прибытіи послѣдняго въ г. Сѣвскъ.

Посвященіе въ іеромонахи было совершено 13 Января 1799 г. и произошло замѣчательнымъ образомъ, какъ читаемъ объ этомъ въ запискахъ самого въ Бозѣ почившаго. „Замѣчательно это посвященіе тѣмъ, что новоприбывшій Преосв. Досиѳей, нисколько заранѣе не предъувѣдомивъ никого о ставленникѣ, вдругъ при самомъ служеніи, въ которомъ участвовалъ іеродіаконъ Филаретъ,—именно во время пѣнія херувимской пѣсни, подозвалъ его къ себѣ и приказалъ ему быть готовымъ къ рукоположенію въ санъ священства" [1]). Такой образъ рукоположенія дѣйствительно былъ оригиналенъ, т. е., что не былъ предъувѣдомленъ даже и самъ ставленникъ, для котораго, и по естественному и по установленному Церковію порядку,

[1]) Смотр. Записки, лист. 1 на обор.

потребно было особенное приготовленіе съ особою исповѣдію. Во всякомъ случаѣ если и бывали подобные примѣры съ другими лицами [1]), то они несомнѣнно относились къ числу самыхъ рѣдкихъ и, такъ или иначе, знаменательныхъ по духовно-благодатному разумѣнію. И если, при всей естественной скромности самого свидѣтельствовавшаго, этотъ фактъ признанъ имъ тогда же замѣчательнымъ, то намъ теперь, *взирающимъ на скончаніе всего жительства* въ Бозѣ почившаго, остается признать здѣсь не какъ замѣчательное только, но явнознаменательное дѣйствіе Того, Кто отъ млека матерняго избралъ и уготовлялъ Себѣ будущаго Іерарха Церкви, ведя его къ сему высокому званію по степенямъ Церковно-общественнаго служебнаго поприща, начиная отъ степени іеромонаха и учителя духовнаго юношества.

Обращаясь къ самымъ первымъ годамъ службы Іеромонаха Филарета, нельзя не сказать, что повышенія его по службѣ были весьма быстры, особенно, если судить, по его лѣтамъ. Вскорѣ послѣ посвященія въ Іеромонахи онъ былъ сдѣланъ Префектомъ (инспекторомъ) Сѣвской семинаріи, и за тѣмъ послѣ трехъ лѣтъ службы, когда было ему отъ роду только еще двадцать три года, онъ опредѣленъ былъ уже Ректоромъ той же Семинаріи, сперва въ санѣ Игумена, а потомъ менѣе чѣмъ чрезъ два года возведенъ въ санъ Архимандрита. Можно приписать это отчасти особенному благоволенію преосв. Досиѳея. Но благоволеніе это нужно было заслужить, и оно дѣйствительно было заслуженное,—хотя Филаретъ отнюдь не увлекался имъ, да и на самую учебную службу смотрѣлъ такъ, что дважды рѣшался оставить ее, какъ нѣкогда свое образованіе въ семинаріи, чтобы поступить куда либо въ монастырь пустынный. Въ запискахъ самого въ Бозѣ почившаго читаемъ объ этомъ слѣдующія

[1]) Въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что и самъ высокопр. Филаретъ совершилъ такъ же точно рукоположеніе одного Іеродіакона въ Великой Лаврской Церкви, который былъ впослѣдствіи Благочиннымъ Лавры.

свѣдѣнія: „Спустя не долгое время по посвященіи въ іеромонахи, я вдругъ почувствовалъ въ себѣ такое влеченіе въ пустынь, что рѣшился тогда же подать прошеніе преосв. Досиѳею объ увольненіи меня въ пустынь Бѣлобережскую; но Преосвященный не пустилъ въ ходъ мое прошеніе" [1]). Въ другой разъ дѣло было такъ: „Будучи уже Префектомъ семинаріи и учителемъ Философіи, Филаретъ возымѣлъ желаніе перемѣститься въ Сергіеву Лавру, чтобы въ тамошней семинаріи (Троицкой) усовершенствовать себя въ наукахъ и съ тѣмъ вмѣстѣ жить среди братіи иноческой, о чемъ и послалъ прошеніе лично митрополиту Платону (въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго состояла эта, по тогдашнему образцовая, семинарія). Митрополитъ Платонъ поручилъ Викарію своему преосв. Серафиму написать къ преосв. Досиѳею Орловскому, что онъ согласенъ принять просителя, если не будетъ препятствія со стороны преосв. Досиѳея. Но сей послѣдній, получивъ письмо и не сказавъ объ немъ Филарету, отвѣтилъ, что проситель отложилъ уже свое намѣреніе, и, такимъ образомъ, оставилъ Филарета при себѣ. Сколько за тѣмъ Филаретъ ни усиливался испросить себѣ отпускъ, Досиѳей удержалъ его, обѣщавъ ему всякое свое покровительство [2]). Такъ поступилъ Преосвященный въ первомъ случаѣ, какъ объяснилось, потому что въ желаніи просившагося въ пустынь видѣлъ не болѣе, какъ временный порывъ юнаго монаха, а притомъ стѣснялся и тѣмъ, что проситель состоялъ въ званіи Соборнаго Іеромонаха, съ коимъ соединялась прямая обязанность или служить въ учебныхъ заведеніяхъ, или находиться въ наличномъ штатѣ Донскаго монастыря, гдѣ онъ былъ зачисленъ въ Соборные Іеромонахи, а не въ какой либо пустыни. Наконецъ усмотрѣвъ на первыхъ же порахъ въ Филаретѣ хорошія способности къ службѣ,

---

[1]) Смотр. въ Запискахъ листъ 1-й и въ словѣ, сказанномъ архимандр Іоанникіемъ при погребеніи,—въ подстрочномъ примѣчаніи на страницѣ 94-й.

[2]) Смотр. въ Запискахъ лист. 1.

Архипастырь нашелъ полезнымъ и нужнымъ для юнаго монаха и для семинаріи оставить его на своемъ мѣстѣ.— да и не имѣлъ въ виду, кѣмъ замѣнить его. Что же касается до втораго случая, то преосв. Досиѳей руководился здѣсь тѣмъ, что и способности и степень образованія своего Префекта, а равно и дѣятельность и успѣхи его на училищной службѣ находилъ столь удовлетворительными, что, изъ благожеланія ему же, считалъ излишнимъ для него тратить еще трудъ и время на прохожденіе новаго учебнаго курса. При всемъ этомъ преосв. Досиѳей прямо обѣщалъ Филарету свое особенное покровительство, что и не замедлилъ оправдать самымъ дѣломъ. Въ Мартѣ 1802 года, по представленію преосв. Досиѳея, Филаретъ сдѣланъ былъ Ректоромъ Семинаріи и учителемъ Богословія и опредѣленъ Настоятелемъ Свѣнскаго монастыря".

Вскорѣ—въ 1804 году (лѣтомъ наканунѣ Троицына дня) былъ въ Сѣвскѣ митрополитъ Платонъ на обратномъ пути изъ Кіева. Бывши въ это время уже ректоромъ, Филаретъ встрѣтилъ Митрополита рано утромъ въ семинаріи и водилъ по всему корпусу. Здѣсь Митроп. Платонъ вспомнилъ, что онъ просился къ нему въ Троицкую семинарію. Затѣмъ, во время представленія митр. Платону въ архіерейскихъ покояхъ, ректоръ Филаретъ сказалъ Платону рѣчь, которая очень понравилась ему, и онъ, тутъ же вслухъ предъ всѣми, далъ такой отзывъ, „*такая рѣчь годилась бы у него и въ Троицѣ*" [1]). Одинъ этотъ отзывъ митрополита Платона о рѣчи Филарета служилъ такимъ аттестатомъ, какъ если бы Филаретъ выслушалъ полный курсъ ученія въ Троицкой семинаріи и даже болѣе потому, что рѣчь его признана Платономъ годною для Троицы, не какъ произведеніе лишь кончившаго курсъ студента, а какъ ректора, очевидно, показавшаго здѣсь зрѣлую самостоятельную ученость.

Чѣмъ и какъ могъ достигнуть такой степени учености Филаретъ на первыхъ же годахъ своей службы?—

---

[1]) Смотр въ Запискахъ лист. 1

Отвѣтомъ на это, прежде всего, должно служить то, что сказано было выше о старинномъ семинарскомъ образованіи—относительно особенной развитости умственныхъ силъ и пріобрѣтенія учившимися тогда навыка и способности къ самымъ усидчивымъ занятіямъ науками. О Филаретѣ читаемъ именно такого рода свидѣтельство. „Новыя званія и должности требовали отъ него большихъ трудовъ, особливо усовершенія себя въ богословскихъ наукахъ посредствомъ чтенія Отцевъ Церкви и системъ Богословскихъ. Трудамъ этимъ онъ такъ предался, что даже разстроилъ свое здоровье и едва остался живъ, такъ какъ при этихъ трудахъ мучила его еще болѣе двухъ лѣтъ лихорадка, особенно господствовавшая въ болотной мѣстности, гдѣ находилась семинарія“ [1]). Въ ряду служебныхъ званій, требовавшихъ такихъ усиленныхъ занятій, несомнѣнно было и соборное іеромонашество, такъ какъ, по самому правительственному по-

[1]) Смотр. Замѣтки о жизни высокопр Филарета (1879 г. Казань). Къ этому покойный высокопр. Антоній присовокупилъ слѣдующее: «— По причинѣ столь долго мучившей Владыку Филарета болѣзни—лихорадки, онъ въ Январѣ 1802 г. ѣздилъ, по обѣщанію, на богомолье въ Кіевъ, гдѣ былъ Митрополитомъ тогда Гавріилъ (Бонулеско), весьма привѣтливо отнесшійся къ юному ученому монаху Тутъ же онъ особенно хорошо (въ значеніи духовно-иноческомъ) познакомился и съ бывшимъ тогда Намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры Архимандритомъ Антоніемъ, отличавшимся примѣрно-высокою духовною жизнію и бывшимъ съ этой стороны извѣстнымъ и почитаемымъ Самимъ Государемъ Александромъ I, Который поэтому Самъ лично изволилъ назначить Архим. Антонія Епископомъ въ Воронежъ, гдѣ при его Святительствѣ обрѣтены и открыто прославлены Св. мощи Святителя Воронежскаго Митрофана».—Съ своей стороны присовокупимъ, что оба духовные знакомцы—Антоній и Филаретъ имѣли еще личное свиданіе въ Воронежѣ, куда пріѣзжалъ, по особенному же обѣщанію и по причинѣ болѣзни же, Филаретъ, бывшій уже Архіепископомъ Казанскимъ, на поклоненіе новоявленному тогда угоднику Святителю Митрофану. Это было въ Апрѣлѣ 1836 г, когда Высокопр Филаретъ вызванъ былъ изъ Казани въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ,—каковымъ вызовомъ онъ и воспользовался, чтобы на пути въ С.-Петербургъ заѣхать въ Воронежъ.—Объ этомъ свиданіи будетъ сказано нами подробно въ своемъ мѣстѣ.—Авт.

ложенію лицамъ, носившимъ это званіе, назначались особенныя серьезныя занятія, и на первыхъ порахъ, конечно всего болѣе, требовалось отъ нихъ не номинальное только пользованіе этимъ званіемъ, какъ это видимъ впослѣдствіи, и до настоящихъ дней, когда соборное іеромонашество стало составлять нѣчто въ родѣ лишь награды и какъ бы переходной ступени къ возведенію въ высшій санъ, а самое-то значеніе этого званія, по части ученыхъ трудовъ, оставалось не рѣдко въ сторонѣ, а теперь и совсѣмъ забыто.

Вообще же ревность Филарета къ занятіямъ науками, равно какъ и взглядъ на значеніе ученой службы объясняются тѣмъ же самымъ, чѣмъ занятія и успѣхи его во время еще самаго ученія: и на училищную службу онъ смотрѣлъ не иначе, какъ *на подвигъ*, и тѣмъ болѣе въ званіи монашескомъ. Какъ, бывши воспитанникомъ, онъ обязанъ былъ успѣхами своими тому, что былъ сбереженъ изъ дѣтства и самъ себя охранялъ отъ худыхъ сообществъ, такъ и теперь ревность его къ ученымъ занятіямъ и самые успѣхи зависѣли отъ сообщества его съ такими сослуживцами, изъ коихъ многіе отличались ученостію и были извѣстны литературными трудами. Извѣстный своею талантливостію знатокъ-композиторъ церковнаго пѣнія, протоіерей Петръ Ив. Турчаниновъ, бывшій въ описываемую пору въ Сѣвскѣ священникомъ и регентомъ архіерейскаго хора и находившійся въ прекрасныхъ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми, служившими въ Семинаріи, вотъ что пишетъ вообще объ нихъ и въ частности о Филаретѣ въ своей автобіографіи: „Сослуживцами его (Филарета) въ первую пору его службы въ семинаріи были Ректоръ Архимандритъ Израиль, іеромонахъ Діонисій (занявшій впослѣдствіи мѣсто Филарета по ректурѣ) и изъ свѣтскихъ— учители: Иванъ Михайловичъ *Фовицкій* (вызванный впослѣдствіи въ С.-Петербургъ для высшаго назначенія), *Крыловъ* переводчикъ „Іерузалема“ и „Часовъ благоговенія“, Андрей Кондратьевичъ *Сильвестровъ*—переводчикъ книги: „Богъ въ натурѣ“. и еще другіе, коихъ имена теперь не припомню; но были они всѣ люди пре-

красные, трезвые, ученые.—Мы жили, какъ родные братья. и каждый почти день въ свободное время сходились вмѣстѣ, пили чай, бесѣдовали, и вели ученые разговоры и шутили,—и время текло невинно и пріятно. Когда же о. Филарета, бывшаго уже впослѣдствіи Ректоромъ, перевели въ Уфу Ректоромъ же семинаріи,—и это совершилось такъ неожиданно...,—то мы всѣ лица служащія и вся семинарія провожали его со слезами; такъ искренно любили его всѣ [1]).

Изъ послѣднихъ словъ ясно, что вмѣстѣ съ ревностною ученою дѣятельностію Архимандрита Филарета соединялась такая же ревностная и благополезная дѣятельность его и начальственно-служебная, привязавшая къ нему крѣпкою искреннею любовію всѣхъ бывшихъ въ Семинаріи: иначе не изъ-за чего было-бы проливать слезы при разставаніи съ начальникомъ—ректоромъ. О такой именно дѣятельности свидѣтельствуютъ слѣдующія свѣдѣнія: „Юный монахъ вступаетъ въ званіе учителя семинаріи, трудится для блага Церкви, и скоро дѣлается сперва Префектомъ (инспекторомъ), а потомъ Ректоромъ семинаріи. И здѣсь-то сразу вполнѣ была замѣчена его ревность и усиліе дать юнымъ питомцамъ не одно внѣшнее образованіе, но болѣе внутреннее-духовное; строгость и жестокое обхожденіе съ дѣтьми прекращены; сироты и несчастные, не смотря на несуществованіе бурсы, призрѣны. Пусть,—говорилъ онъ самъ. и сіи питаются отъ крупицъ падающихъ... Тогда ученики семинаріи жили въ корпусѣ съ платою; за то по выбытіи его въ 1804 г. изъ Орловской семинаріи. много изъ нихъ выбыло изъ общей бурсы" [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни кратки эти свѣдѣнія о начальническихъ дѣйствіяхъ въ учебномъ заведеніи, за то въ нихъ что ни слово, то черта истинно рекомендательнаго достоинства. Главное же и особенно важное

---

[1]) Автобіогр. П. И Турчанинова въ Домашней Бесѣдѣ 1863 г. вып. 4 стран 90—91.

[2]) Изъ письма протоіер. Н. Амфитеатрова.

здѣсь то, что всѣ эти начальническія дѣйствія и черты относятся къ лицу и состоянію Филарета не какъ общія, приложимыя болѣе или менѣе ко всякому начальнику учебнаго заведенія, но всецѣло живо и вѣрно отражающія его характеръ, его свойства и направленіе, словомъ все то, что постоянно раскрывалось въ его личномъ внутреннемъ и внѣшнемъ состояніи отъ самыхъ первыхъ дней дѣтства и во все время его обученія. Какъ онъ самъ съ ранняго дѣтства стремился къ единому на потребу и проходилъ курсъ ученія въ смыслѣ духовнаго подвига, такъ и теперь, ставши начальникомъ, онъ главнѣе всего старался дать питомцамъ не одно внѣшнее, но, болѣе всего, внутреннее духовное образованіе. Такъ же точно самъ отличаясь съ дѣтства своего кротостію и покорностію, могъ ли онъ не обратить болѣе всего вниманіе на бывшія строгости и жестокости въ обхожденіи съ дѣтьми-воспитанниками? Наконецъ, отъ груди матерней являя въ себѣ довольство малымъ, и затѣмъ еще въ отрочествѣ предъизбравши себѣ имя Филарета „*милостиваго*“, и такимъ образомъ постоянно проникнутый духомъ нестяжательности для себя и щедрости въ пользу ближнихъ нуждающихся, сирыхъ и несчастныхъ,—не онъ ли, преимущественно предъ всѣми сослуживцами, могъ и долженъ былъ оказать всевозможное вспомоществованіе бѣднымъ воспитанникамъ Семинаріи въ средствахъ къ содержанію и въ особенности въ помѣщеніи ихъ въ общей бурсѣ?!. Чтобы понять и оцѣнить всю благодѣтельность послѣдней его мѣры для облегченія воспитанниковъ, довольно только ознакомиться съ мѣстностію, занимаемою тогдашнею Сѣвскою Семинаріею. Приведемъ здѣсь слова изъ воспоминаній одного воспитанника Сѣвской семинаріи, обучавшагося въ ней между 1814—20 годами.—„Больно даже и вспомнить о Сѣвской Семинаріи! Въ ней воспитывалось *болѣе тысячи* дѣтей. Семинарія эта была на разстояніи отъ города около двухъ верстъ, окруженная со всѣхъ сторонъ болотами, въ то время непроходимыми, съ свирѣпствовавшими тамъ лихорадками и сильными горячками. Сколько дѣтей здѣсь померло! Сколько вышло ихъ съ хрониче-

скими болѣзнями! [1]) Если таково было состояніе Семинаріи и учившихся въ ней въ двадцатыхъ годахъ, то что же было въ описываемую пору, и какъ велико, значитъ, было благодѣяніе, когда найдены были ректоромъ Филаретомъ средства, такъ или иначе, облегчить участь воспитанниковъ. Положимъ, помѣщеніе воспитанниковъ въ общей бурсѣ не избавляло ихъ совершенно отъ зловредности самой мѣстности, за то чего стоило одно избавленіе ихъ отъ хожденія въ классы изъ города на разстояніи такого пространства и по болотистымъ мѣстамъ [2]).

Дѣйствительно ректоръ Филаретъ и самъ сознавалъ недостаточность одной этой мѣры—устройство бурсы (общежитія). Въ запискахъ говорится, что онъ „настаивалъ на необходимости перевесть Семинарію изъ Сѣвска въ Орелъ; но преосв. Досиѳею этого не хотѣлось, равно какъ особенно не желалось переносить и архіерейскую резиденцію [3]). И этотъ-то фактъ послужилъ, между прочимъ, поводомъ къ тому, (какъ замѣчено въ тѣхъ же запискахъ), что „преосв. Досиѳей не только перемѣнился въ своемъ расположеніи къ ректору Филарету, но послѣдній, по его же желанію, былъ перемѣщенъ изъ Сѣвска въ Уфу на должность ректора тамошней Оренбургской семинаріи [4]), гдѣ тотъ же преосв. Досиѳей не переставалъ, такъ сказать, отплачивать ему прямымъ нерасположеніемъ,—какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Смотря на этотъ фактъ, по самой краткости изложенія, трудно опредѣлить его значеніе, въ какомъ онъ здѣсь представленъ. Трудно примириться съ мыслію о

---

[1]) Смотр Біографич. очеркъ «Амфитеатровъ Я. К.» соч. Аскочинскаго. Кіевъ. 1857 г. стр 2.

[2]) Въ 1867 г. пишущій самъ посѣщалъ эту мѣстность, гдѣ, въ эту пору, находилось духовное училище. И что-жъ? Вмѣсто всякихъ осматриваній оставалось только покачивать головою и повторить слова Премудраго: «*видѣніе паче слуха*»...

[3]) Смотр. Записки листъ 1, стр. 1.

[4]) Смотр Записки лист. 1, стран. 1.

возможности столь быстрыхъ рѣзкихъ послѣдствій, судя по служебнымъ достоинствамъ Филарета и по самому дѣлу, на которомъ онъ настаивалъ, какъ на необходимомъ для блага заведенія, и наконецъ судя по самому бывшему расположенію преосв. Досиѳея къ Филарету. Здѣсь раждаются скорѣе естественныя предположенія: или фактъ этотъ былъ не единственный, или самая настойчивость, съ какою дѣйствовалъ здѣсь ректоръ Филаретъ, была слишкомъ неумѣренна и неумѣстна, или наконецъ привходили сюда еще какія-либо обстоятельства и условія, лично относившіяся къ преосв. Досиѳею. Всѣ эти предположенія дѣйствительно оказываются не гадательными только, хотя въ свое время и для самого потерпѣвшаго—Филарета фактическая сторона не была, какъ видно, вполнѣ извѣстна и понятна.

Было уже замѣчено, что Филаретъ хотя пользовался и заслуженно расположенностію преосв. Досиѳея, но не увлекался этими личными выгодами своего положенія; напротивъ, гдѣ только дѣло касалось прямаго долга и пользы службы, тамъ онъ дѣйствовалъ рѣшительно, не взирая ни на какія послѣдствія, хотя бы угрожавшія и явно неблагопріятныя. Въ запискахъ его видимъ, что съ первыхъ же поръ службы у него сложилось и осталось на всю жизнь неизмѣннымъ правило, которое онъ любилъ передавать и другимъ въ наставленіе и руководство: „Иди всегда, говаривалъ онъ племяннику своему [1]) прямымъ путемъ: это было моимъ постояннымъ правиломъ и было хорошо. Часто случалось мнѣ, *съ самыхъ первыхъ поръ службы*, бывать въ большой тѣснотѣ обстоятельствъ: и сверху давятъ, и снизу не благопріятствуютъ, и со сторонъ тѣснятъ, а я все держался одного прямаго пути и такъ разсуждалъ: какъ люди ни хитрятъ и ни усиливаются, а Богъ всѣхъ перемудритъ и пересилитъ“ [2]).

---

[1]) Покойному Антонію (Амфитеатрову) бывшему архіепископу Казанскому.

[2]) Въ запискахъ—листъ 2.

Изъ такого образа и характера дѣйствованія и изъ указанія на часто случавшуюся съ самыхъ первыхъ поръ службы тѣсноту обстоятельствъ становится уже понятнымъ, что образъ дѣйствованія Филарета, по дѣлу о перемѣщеніи Семинаріи, былъ на столько прямой и рѣшительный, что могъ вызвать *давленіе сверху*, именно отъ преосв. Досиѳея; равно понятно и то, что этотъ случай былъ не единственный. Приведемъ здѣсь фактъ, помѣщенный въ воспоминаніяхъ одного достопочтеннаго автобіографа, относящійся къ описываемой порѣ, когда Филаретъ былъ Префектомъ, а автобіографъ былъ его ученикомъ.

„Въ пятомъ классѣ Семинаріи, (Сѣвской) меня едва не постигло несчастіе. Нашъ Ректоръ Архимандритъ Израиль, поступившій въ монашество изъ военныхъ, вздумалъ всѣхъ учениковъ въ училищѣ и Семинаріи, да и самыхъ учителей, привести къ добровольному признанію своихъ погрѣшностей и недостатковъ. Онъ приказалъ, съ дозволенія бывшаго тогда преосвященнаго Досиѳея, чтобы каждый сдѣлалъ письменное изложеніе своихъ грѣховъ и дурныхъ поступковъ своихъ товарищей, и подалъ бы такое изложеніе ему—Ректору. Такое изложеніе всѣ написали, кромѣ Префекта іеромонаха Филарета, бывшаго впослѣдствіи Митрополита Кіевскаго. Онъ эту исповѣдь открыто назвалъ *неумѣстною и беззаконною*, не смотря на то, что неминуемо долженъ былъ подвергнуться за это гнѣву Архіерея. По этому-то случаю одинъ изъ моихъ товарищей показалъ на меня въ своемъ признаніи чистую небылицу. Когда же клевета эта на меня дошла со свѣдѣнія Префекта Филарета, онъ заступился за меня, и я избавленъ былъ отъ наказанія; иныхъ же сѣкли, другихъ не отпускали на вакаціонное время домой, а иныхъ исключали изъ Семинаріи и училища. Вскорѣ послѣ этой беззаконной исповѣди Префектъ Филаретъ, котораго вся Семинарія называла отцемъ и защитникомъ, подвергся неблаговоленію преосв. Досиѳея и перемѣщенъ былъ въ другую епархію въ Уфу, подъ власть другаго архіерея, знакомаго епископу Досиѳею. И этотъ архіерей, какъ слышно было, по предубѣжденію, пере-

шедшему къ нему отъ епископа Досиѳея, весьма не благоволилъ къ о. Филарету [1]).

При соображеніи этого разсказа съ общимъ ходомъ дѣла и съ обстоятельствами времени, въ немъ очевидна нѣкоторая неточность. Авторъ, разсказанному имъ, факту приписываетъ такое значеніе, что будто бы изъ-за этого факта послѣдовало и самое перемѣщеніе Филарета, по недоброжелательству преосв. Досиѳея, изъ Сѣвска въ Уфу, тогда какъ этотъ фактъ относится ко времени еще его инспекторства, послѣ котораго онъ былъ около двухъ лѣтъ Ректоромъ въ Сѣвской же Семинаріи. Но помимо этой неточности,—которая легко могла произойдти или отъ забывчивости автобіографа, или даже отъ невозможности для него, какъ бывшаго тогда воспитанника, знать въ точности, что происходило въ сферѣ начальническихъ дѣйствій и отношеній,—описанный фактъ показываетъ, что преосв. Досиѳей съ одной стороны не могъ не почувствовать неудовольствія на Префекта Филарета, возставшаго противъ распоряженія ректорскаго, на которое соизволилъ самъ Досиѳей; а съ другой стороны этотъ фактъ ясно далъ понять преосв. Досиѳею,—какого характера Филаретъ, и что его нельзя было, такъ сказать, ублажить и самыми благоволеніями къ нему.

Во всякомъ случаѣ изъ всего хода разсматриваемаго дѣла съ сопоставленіемъ разныхъ обстоятельствъ становится яснымъ одно, что охлажденіе преосв. Досиѳея къ Филарету было постепенное. Такъ, въ слѣдъ за изложеннымъ фактомъ, нужно признать поводомъ къ охлажденію и тотъ, прежде приведенный нами, фактъ,—когда былъ въ Сѣвскѣ Митр. Платонъ.—Одно то, что самъ Платонъ вспомнилъ о Филаретѣ, просившемся къ нему въ Семинарію и будто-бы отказавшемся, какъ сообщилъ объ этомъ, безъ вѣдома Филарета, преосв. Досиѳей, естественно вызываетъ мысль, что это обстоятельство не ограничилось только воспоминаніемъ одного безъ всякихъ

---

[1]) Брошюра: «Пути Промысла Божія въ моей жизни». Записки протоіерея Луки Ефремова С.П.Б 1862 г. изд. 2. стран. 7.

объясненій истины со стороны другаго. Далѣе самая похвала, высказанная Митрополитомъ Филарету за его рѣчь прямо въ глазахъ самого архіерея Досиѳея, даетъ тоже разумѣть, что это было въ родѣ тонкаго намека послѣднему касательно извѣстной отписи его о Филаретѣ. А наконецъ, самое произнесеніе рѣчи Филаретомъ въ присутствіи своего Архіерея и въ его покояхъ предъ такимъ высокимъ Посѣтителемъ запало особенно въ душу преосв. Досиѳея. Онъ сталъ съ этой поры считать его, какъ говорится, *выскочкой*... Можно сказать болѣе, что подъ вліяніемъ непріязненнаго чувства преосв. Досиѳей, вѣроятно, не удержался высказать что либо прямо не въ пользу Филарета,—хотя самъ Митрополитъ, какъ оказывается, этотъ невыгодный отзывъ Начальника о подчиненномъ понялъ иначе—въ обратную сторону, такъ что отнесъ его къ роду тѣхъ, какіе свойственны *злымъ* только *людямъ*. Что это послѣднее такъ,—вотъ подлинный фактъ, записанный со словъ самого высокопр. Филарета: „Когда онъ (Филаретъ), ѣхалъ къ мѣсту своей новой должности въ Уфу, то на пути чрезъ Москву былъ у Митрополита Платона на Перервѣ. Митрополитъ принялъ его ласково; вспомнилъ объ немъ по бывшему свиданію съ нимъ въ Сѣвскѣ и пожалѣлъ, что ему не удалось въ свое время перемѣститься къ нему, въ Троицкую Семинарію, и что теперь онъ такъ далеко посланъ... Когда же на это Филаретъ отвѣтилъ, что „видно такъ угодно было Богу“,—Митроп. Платонъ сказалъ: „Нѣтъ! не говори этого... Богу угодно было другое, да *злые люди помѣшали*“ [1]). Ясно, что въ числѣ этихъ-то *злыхъ людей* былъ разумѣемъ, и чуть ли не главный,—именно преосв. Досиѳей; во всякомъ случаѣ едва ли могъ иначе разумѣть эти слова Первосвятителя и самъ Филаретъ, хотя бы и не имѣлъ въ душѣ своей такихъ понятій о своемъ Архипастырѣ, вообще бывшемъ къ нему расположеннымъ, и не могшемъ, по видимому, стать для него *злымъ человѣкомъ*... Но что преосв. Досиѳей дѣйствительно былъ

---

[1]) Смотр въ запискахъ листъ 1.

способенъ измѣняться въ отношеніяхъ къ лицамъ подчиненнымъ, къ которымъ имѣлъ даже особенную расположенность.—объ этомъ ясное свидѣтельство встрѣчаемъ въ другомъ лицѣ.—свидѣтельство такое, которое имѣетъ самое прямое отношеніе и къ описываемому нами дѣлу, такъ какъ оно и приведено собственно въ объясненіе положенія Филарета, подпавшаго подъ опалу преосв. Досиѳея. Свидѣтельствующее объ этомъ лице, прежде упоминаемый о. Протоіерей Петръ Ив. Турчаниновъ, въ своей автобіографіи говоритъ о себѣ самомъ, что „зависть и клевета вооружили противъ него Досиѳея, не смотря на его бывшее дотолѣ совершеннѣйшее къ нему расположеніе и покровительство, чуть не родственное... Такъ же точно поступлено было со стороны Досиѳея и съ Филаретомъ, къ которому онъ прежде благоволилъ, а за тѣмъ готовъ былъ, какъ говорится, стереть его съ лица земли".

Окончательнымъ поводомъ къ крайнему недовольству преосв. Досиѳея на Ректора Филарета послужило именно то, когда Филаретъ выступилъ съ своею рѣшительною настойчивостію о необходимости перемѣщенія Семинаріи изъ г. Сѣвска въ губернскій городъ—Орелъ; хотя онъ—(Филаретъ) и не зналъ тогда хорошенько, изъ-за чего, какъ говорится, такъ сильно сыръ боръ загорѣлся.—Такое невѣдѣніе Ректора Филарета свидѣтельствуется уже извѣстнымъ отвѣтомъ его Митрополиту Платону, даннымъ, конечно, не притворно; да и знать ему что либо едва ли возможно. Протоіерей Турчаниновъ, въ автобіографіи котораго главнымъ образомъ и раскрываются подробности сего дѣла, говоритъ между прочимъ: „Вотъ какъ премудры пути Провидѣнія!.. Не пріѣзжай я въ столицу и не познакомься дружески съ секретаремъ Митрополита, (С.-Петербургскаго Амвросія), причина перевода Филарета изъ Сѣвска въ Уфу осталась бы, пожалуй, для всѣхъ тайною"... Тайна же эта состояла собственно въ томъ, что преосв. Досиѳей имѣлъ въ настоящемъ дѣлѣ свои личные виды, по коимъ и не хотѣлъ, во чтобы то ни стало, согласиться на переводъ Семинаріи изъ Сѣвска въ Орелъ.—Дѣло это было такъ".

„Ректоръ Филаретъ хотя сознавалъ необходимость перевести Семинарію изъ Сѣвска въ Орелъ по своимъ вѣрнымъ и основательнымъ соображеніямъ, но начинать это дѣло при несогласіи на это Преосвященнаго, само собою разумѣется, не могъ. Но вотъ какъ разъ къ этой порѣ послѣдовало Высшее распоряженіе, чтобы резиденціи епархіальныхъ архіереевъ, находившихся дотолѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ въ городахъ уѣздныхъ, были переведены непремѣнно въ города губернскіе. Это-то распоряженіе ректоръ Филаретъ и взялъ какъ главную основу и опору для себя, чтобы настаивать на переводѣ Семинаріи въ г. Орелъ по самымъ отношеніямъ заведенія къ главному начальнику—епархіальному Архіерею. Между тѣмъ онъ не зналъ, какъ смотрѣлъ самъ-то Архипастырь Орловскій на распоряженіе о перенесеніи каѳедры своей въ Орелъ. Преосвященный Досиѳей, еще прежде своего епископства, былъ ректоромъ Сѣвской Семинаріи, и вотъ этимъ-то объясняется, почему ему не хотѣлось разстаться съ Сѣвскомъ. Онъ сжился съ Сѣвскомъ, гдѣ имѣлъ большое и короткое знакомство съ тамошнимъ обществомъ и въ особенности съ нѣкоторыми домами. Преосв. Досиѳей, (пишетъ о себѣ о. Турчаниновъ) самъ даже сватался за меня невѣсту [1]) у госпожи Зайцевой, урожденной Тимиковой, отецъ которой былъ знакомъ съ преосв. Досиѳеемъ еще въ бытность его ректоромъ. Фамилія же Зайцевыхъ была одною изъ лучшихъ въ городѣ, такъ какъ они были фабриканты и жили богато и хорошо. Съ другой стороны желаніе свое и самую надежду остаться по прежнему въ Сѣвскѣ преосв. Досиѳей основывалъ на отношеніяхъ тогдашняго митроп. С.-Петербургскаго Амвросія какъ къ нему лично, такъ и къ самому городу Сѣвску. Послѣдній и самъ жилъ въ Сѣвскѣ, бывши прежде епископомъ Орловскимъ въ ту именно пору, когда преосв. Досиѳей былъ ректоромъ въ Сѣвской Семинаріи. На этомъ основаніи преосв. Досиѳей писалъ митроп. Амвросію о своемъ нежеланіи

[1]) Потому-то о прот. Турчаниновъ и выразился (какъ видѣли читатели),—что преосв. Досиѳей имѣлъ къ нему совершеннѣйшее расположеніе, *чуть не родственное*.

разстаться съ своей резиденціей, и получилъ отвѣтъ въ такомъ родѣ, что онъ можетъ подъ какими-нибудь предлогами не спѣшить исполненіемъ распоряженія и такимъ образомъ проживать по прежнему въ своемъ мѣстѣ".

„Не зная ничего этого и съ тѣмъ вмѣстѣ видя, что преосв. Досиѳей не только не хотѣлъ переводить Семинаріи, но не думалъ и самъ перемѣщаться въ Орелъ, ректоръ Филаретъ простеръ свою ревность до того, что рѣшился написать по этому дѣлу письмо къ С.-Петербургскому Митрополиту Амвросію. Каково было подлинное содержаніе этого письма, не извѣстно; но можно понимать это изъ слѣдующихъ выраженій самого въ Бозѣ почившаго, когда онъ, любя вспоминать былое въ своей жизни въ назиданіе себѣ и другимъ говаривалъ такъ: „да, и я когда-то былъ больно боекъ... думалъ было тягаться съ архіереемъ... но Господь научилъ смиренію". Въ этихъ словахъ хотя болѣе всего слышится голосъ христіански-смиреннаго самоосужденія, но съ тѣмъ вмѣстѣ очевидна доля сознанія и провинности въ общечеловѣческомъ значеніи. Во всякомъ случаѣ для преосв. Досиѳея такой поступокъ Ректора могъ послужить побужденіемъ къ окончательному недовольству на него, и поводомъ просить объ удаленіи его изъ настоящаго мѣста службы. Все это было тѣмъ естественнѣе, что митроп. Амвросій препроводилъ самое письмо ректора Филарета къ преосв. Досиѳею и этимъ самымъ, какъ говорится, живьемъ выдалъ перваго въ руки послѣдняго. Какъ только преосв. Досиѳей получилъ возвращенное ему письмо, то такъ распалился гнѣвомъ на Филарета, что велѣлъ просто-на-просто схватить его и запереть въ одну изъ башенъ архіерейскаго монастыря; но доброжелатели тайно высвободили его отъ такого заключенія тѣмъ болѣе, что опасались, какъ бы Досиѳей не рѣшился выполнить всѣ угрозы, высказанныя имъ въ пылу перваго гнѣва,—именно въ родѣ расправы *батогами*... [1]).

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ передалъ мнѣ лично высокопр митроп. Кіевскій Арсеній, когда я былъ въ 1867 г. въ Кіевѣ для собира-

Поступивши такъ жестоко и грубо съ Ректоромъ, преосв. Досиѳеей, съ тѣмъ вмѣстѣ, не замедлилъ сдѣлать представленіе объ немъ къ Высшему начальству, какъ о человѣкѣ строптивомъ и не терпимомъ на мѣстѣ настоящей службы. Въ частности же въ письмѣ своемъ къ митроп. Амвросію Досиѳеей описалъ ректора Филарета такъ, что „когда прочиталъ я, пишетъ о. прот. Турчаниновъ, это письмо, то ужаснулся и невольно заплакалъ. Ибо зная коротко о. Филарета, безпорочность его жизни и доброту его характера, я увидѣлъ въ письмѣ всю клевету, по которой такъ худо поставилъ его предъ Митрополитомъ преосв. Досиѳеей, просившій при этомъ, какъ милости, удалить его изъ Сѣвской Семинаріи и перевесть въ такой городъ, гдѣ бы онъ съ жалостію вспоминалъ о Сѣвскѣ". Въ письмѣ выражено было, между прочимъ, что „онъ—Ректоръ дурной жизни, имѣетъ характеръ упрямый, гордый, своенравный, безпокойный, выскочка, скучаетъ въ Сѣвскѣ, не даетъ ему покоя и все бредитъ губернскими городами". Потому-то и лично пропекая всячески Филарета, преосв. Досиѳеей прямо при всѣхъ говорилъ ему: „вотъ погоди... увидишь!!. Чѣмъ перемѣщать Семинарію, я тебя-то самого скоро спроважу туда, куда Макаръ и телятъ не гонялъ".—„И вотъ Митрополитъ, продолжаетъ тотъ же Протоіерей, уважая желаніе преосв. Досиѳея и вѣря ему во всемъ, перевелъ Филарета въ Уфу, такой городъ, котораго хуже едва ли было тогда въ Россіи". Когда уже былъ полученъ указъ Св. Сунода о перемѣщеніи Филарета въ Уфу, то Досиѳеей и тутъ не опустилъ случая высказаться не по святительски, а чисто злорадственно. „Вотъ и прекрасно... и по дѣломъ ему!! Слишкомъ онъ

ція біографическихъ матеріаловъ. Ему же,—Арсенію, по словамъ его, сообщилъ это свѣдѣніе въ дружеской бесѣдѣ самъ Владыка Филаретъ въ 1856 г., когда Арсеній гостилъ у него, заѣхавши изъ Варшавы на пути въ Москву на Коронацію Покойный высокопр. Антоній тоже подтвердилъ это свѣдѣніе, присовокупивъ, что главнымъ-то освободителемъ заключеннаго въ башню былъ именно прот. Турчаниновъ, съумѣвшій воспользоваться содѣйствіемъ архіерейскихъ домовыхъ лицъ, близко ему знакомыхъ.

горячка и *выскочка*. Пусть-ка теперь прохолодится тамъ близь Уральскихъ-то снѣговыхъ хребтовъ... Да не даромъ *Уфа* по риѳмѣ зовется *глухи*... значитъ тамъ въ глуши и выскочкой-то не предъ кѣмъ быть"... „Преосвященный Досиѳей наконецъ не удовольствовался и этимъ, но продолжалъ свое недоброжелательство и прямую месть къ Филарету и дальше. Когда вскорѣ, по перемѣщеніи Филарета въ Уфу, назначенъ былъ туда Епископомъ преосв. Августинъ, то преосв. Досиѳей писалъ къ послѣднему, какъ хорошо ему знакомому, всячески очернивъ Филарета и прося Августина, чтобы онъ держалъ его, какъ говорится, *въ ежовыхъ*... и *повынѣръ* его хорошенько!" Преосвященный же Августинъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, и безъ того былъ такого характера, что могъ превзойти желанія и ожиданія просившаго. Отъ этого и сложился собственно тотъ крестъ тяжкихъ испытаній и скорбей, подъ коимъ едва было въ конецъ не палъ духомъ въ Бозѣ почившій, если бы не былъ укрѣпленъ особеннымъ чудеснымъ образомъ, явленнымъ ему въ видѣніи въ начертанныхъ на стѣнѣ словахъ: „*Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета въ рукахъ Божіихъ!*"

ОТДѢЛЪ III.

(1804—1810 г.)

ГЛАВА IV.

«Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета въ Рукахъ Божіихъ» [1]). «Пятый уже годъ каждый день паче всякія мѣры отягощаемо было сердце мое, яко не надѣятися мнѣ и живу быти. Состояніе мое можно, не обинуяся, приравнять къ состоянію Іосифа во рвѣ. Обаче Господь Спаситель сподобилъ меня сохранить все незлобіе такъ, что воистинну я готовъ возлюбить во вѣкъ всякаго, творящаго мнѣ напасти» [2]).

Тяжкія испытанія и скорби, о которыхъ только что предъуказано нами въ предшествующей главѣ, постигли Архимандрита Филарета не непосредственно по вступленіи его на службу въ Уфѣ. но спустя полтора года. такъ какъ и самый виновникъ ихъ—преосв. Августинъ—прибылъ сюда Епископомъ въ эту только пору. Поэтому. оставляя пока въ сторонѣ эти обстоятельства, скажемъ сначала о состояніи перемѣщеннаго и о положеніи самыхъ дѣлъ на новомъ мѣстѣ его службы, изъ чего тѣмъ яснѣе будетъ видно. что все, что привелось впослѣдствіи испытать въ Бозѣ почившему, произошло

---

[1]) Слова, видѣнныя Филаретомъ начертанными на стѣнѣ въ его молитвенной келліи.

[2]) Слова изъ письма Филарета къ Петру Ив—чу Турчанинову.

дѣйствительно отъ прямыхъ недоброжелательствъ и преслѣдованій извѣстныхъ лицъ.

О самомъ прибытіи въ Уфу и первоначальномъ своемъ положеніи въ ней Филаретъ самъ говоритъ въ своихъ запискахъ: „Въ Уфу пріѣхалъ я зимою на святкахъ, въ сопровожденіи роднаго брата своего Гавріила [1]) и одного іеромонаха. Тамошній преосвященный Амвросій (Келембетъ) принялъ меня весьма ласково,— оставилъ у себя обѣдать и потомъ уже на ночь отпустилъ меня въ Монастырь, мнѣ назначенный. Монастырь этотъ, только что открытый въ 1801 году, находился внѣ города въ чистомъ полѣ, обнесенъ плетневымъ заборомъ и состоялъ изъ нѣсколькихъ мазанокъ, почти совсѣмъ занесенныхъ снѣгомъ. Поутру вставъ, я пошелъ обозрѣвать свой Монастырь и увидѣлъ единственную деревянную бѣдную ветхую церковь и только начавшуюся постройкою новую-каменную. Это произвело на меня крайне грустное впечатлѣніе и до слезъ разстрогало меня. Этими слезами я началъ здѣсь свое служеніе“.

Передавая эти свѣдѣнія для внесенія въ записки, въ Бозѣ почившій объяснялъ, между прочимъ, что самъ преосв. Амвросій потому-то и продержалъ его у себя въ первый день пріѣзда до поздней поры, и отпустилъ лишь на ночь въ Монастырь, чтобы (какъ объяснилъ самъ Амвросій) не дать ему вдругъ увидѣть все жалкое положеніе Монастыря [2]).

Описываемая скорбь при видѣ своего Монастыря для Филарета была тѣмъ естественнѣе, что въ этомъ Монастырѣ онъ долженъ былъ имѣть и постоянное жительство, такъ какъ въ Семинаріи не имѣлось помѣщенія для Ректора, а Семинарія отстояла отъ монастыря

---

[1]) Этотъ братъ Гавріилъ былъ при немъ въ Сѣвскѣ, обучавшись тамъ въ философскомъ классѣ; здѣсь въ Уфѣ онъ поступилъ въ классъ Богословскій и, по окончаніи курса, былъ опредѣленъ учителемъ Нѣмецкаго языка въ Семинаріи. Въ Уфѣ онъ женился и поступилъ во священники.

[2]) Записки лист. 1, стран. 4.

на разстояніи около четырехъ верстъ. Что же касается средствъ самого Монастыря, то трудно почти повѣрить ихъ скудости [1]). Такъ напр. въ монастырской экономіи не было даже особой лошади, на которой бы Настоятель Монастыря могъ отправляться къ мѣсту службы своей по званію Ректора Семинаріи и члена Консисторіи, а долженъ былъ ходить, иногда даже пѣшкомъ, не смотря на четырехверстное разстояніе Монастыря отъ Семинаріи. Завести же свой собственный выѣздъ Филаретъ тоже не могъ. Сколько скудны были его средства отъ Монастыря, столько же не велики и отъ Семинаріи, о чемъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Объ этихъ крайнихъ недостаткахъ привелось намъ слышать слѣдующій, между прочимъ, разсказъ отъ одного лица, бывшаго въ 1850 г. въ Кіевѣ на благословеніи у высокопр. Филарета. „Когда Митрополитъ услышалъ, что я прибылъ изъ Уфы и узналъ мою фамилію, (Ломоносовъ) то обратился ко мнѣ съ такими словами: „А знаете ли вы, что вашъ дѣдъ-Александръ Борисовичъ былъ великій мой благодѣтель. Когда я служилъ въ Уфѣ и мнѣ приводилось ходить мимо дома вашего дѣдушки пѣшкомъ изъ монастыря въ семинарію и обратно,—потому что завести особую лошадь на монастырскій или на свой счетъ мнѣ не было возможности,—то вотъ дѣдушка-то вашъ, дай Богъ ему царство небесное, сжалился надо мною и подарилъ мнѣ лошадку, на которой я послѣ того и разъѣзжалъ“.

Впрочемъ Филаретъ успѣлъ и достроить церковь и устроить келліи для братіи почти безъ всякихъ готовыхъ

[1]) Скудость эта объясняется тѣмъ, что Монастырь хотя существовалъ прежде съ давнихъ поръ, но въ Царствованіе Екатерины II-й былъ упраздненъ и всѣ бывшія угодія были отобраны. Возстановленъ же онъ въ 1801 году, слѣдовательно за три только года до прибытія Филарета, а потому, по самой новости своей, не могъ имѣть почти никакихъ средствъ ни денежныхъ, ни экономическихъ. О скудости Уфимскаго Монастыря достаточно сказать, что онъ до тридцатыхъ и болѣе годовъ въ общемъ мѣстномъ выраженіи именовался «*Плетневымъ*», такъ какъ былъ огороженъ плетнемъ.

монастырскихъ средствъ. Ясно. что эти послѣднія получались отъ лицъ же, подобныхъ сейчасъ сказанному благодѣтелю, сколько по усердію къ монастырю, только-что возстановленному, столько же и по чувствамъ уваженія и любви къ самому Настоятелю. Объ этихъ чувствахъ и отношеніяхъ не только мѣстныхъ гражданъ. но и вообще жителей губерніи, равно какъ и о самыхъ достоинствахъ, коими заслужилъ ихъ въ Бозѣ почившій, вотъ что свидѣтельствуетъ одинъ изъ доставителей свѣдѣній.

„Когда Филаретъ переведенъ былъ въ 1810 г. въ Тобольскъ ректоромъ тамошней Семинаріи, то жители Уфы и всѣ знавшіе его вообще въ тамошней губерніи крайне о семъ сожалѣли и провожали его къ новому мѣсту со слезами. Такова была преданность къ Филарету всей паствы Оренбургской губерніи. И онъ дѣйствительно вполнѣ заслужилъ добрую о себѣ память. Жизнь его въ семъ Монастырѣ была самая монашеская, самая уединенная. проходившая вся въ трудахъ, въ богомысліи и ученыхъ занятіяхъ, среди которыхъ онъ иногда по цѣлымъ ночамъ на пролетъ не спалъ. Посты соблюдалъ Филаретъ самымъ строжайшимъ образомъ. и братію монастырскую содержалъ въ отличномъ порядкѣ; особенно изъ среды оной старался изгонять пьянство, которое до его управленія монастыремъ сильно было тамъ развито. Словомъ, Филаретъ. будучи архимандритомъ въ Уфѣ, хотя самъ и молодъ былъ еще лѣтами, но былъ удивительный монахъ по духу и жизни и служилъ образцемъ для старыхъ, такъ что его доблестямъ монашескимъ удивлялись всѣ, видѣвшіе и знавшіе его [1]).

---

[1]) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Як. Григ Несмѣловымъ, учившимся въ Семинаріи при Филаретѣ и затѣмъ при немъ же въ Моск. духовн. Академіи. Былъ онъ старш Сов. Губерн. Правленія въ Могилевѣ,—оттуда и доставлены были имъ эти и другія свѣдѣнія —На сестрѣ этого Несмѣлова, былъ женатъ родной братъ высокопр. Филарета Гавріилъ.—отецъ покойнаго высокопр. Антонія, архіеп. Казанскаго

Сверхъ этихъ данныхъ, столько рекомендательныхъ и располагавшихъ къ достойному почитанію новоприбывшаго Настоятеля монастыря, само собою, служило къ этому же и служебное положеніе его, какъ Ректора Семинаріи. На этой должности онъ былъ первый еще Ректоръ въ санѣ Архимандрита; до него съ начала открытія Семинаріи въ 1800 г., управлялъ ею іеромонахъ Тихонъ, бывшій въ тоже время экономомъ архіерейскаго дома. По своему образованію Филаретъ былъ тоже изъ числа первыхъ ученыхъ по тогдашнему времени. Все это несомнѣнно заставляло обратить на него вниманіе, и тѣмъ болѣе, что и самъ преосв. Амвросій, видимо для всѣхъ, цѣнилъ его достоинства и по жизни, и въ ученомъ отношеніи, и въ дѣлахъ служебныхъ по званію Настоятеля и Ректора.

О самой начальной служебной дѣятельности Филарета, какъ Ректора и Учителя Семинаріи, мы не можемъ указать какихъ-либо подробностей изъ дѣлъ оффиціальныхъ потому, что, въ 1806 г. съ 5-го на 6-е число Марта, въ самую полночь, зданіе, въ которомъ помѣщалось Семинарское Правленіе, сгорѣло; съ нимъ сгорѣли и всѣ дѣла, бывшія съ основанія Семинаріи. На донесеніи Семинарскаго Начальства объ этомъ несчастіи преосв. Амвросій написалъ резолюцію въ своемъ родѣ замѣчательную,—а именно: „Что совершилось, того не возвратить. Напредь же будущее время, для охраны отъ подобнаго несчастія, учредить изъ старшихъ взрослыхъ семинаристовъ стражу по подобію воинской“ [1]). Такъ какъ это событіе случилось предъ самымъ перемѣщеніемъ преосв. Амвросія изъ Уфы въ Тобольскъ, то нельзя не видѣть здѣсь, какъ бы своего рода, предзнаменованія въ отношеніи къ судьбѣ самаго Филарета.

---

[1]) Смотр. Историческій краткій очеркъ Оренбургской Семинаріи и вообще развитія духовнаго просвѣщенія въ Оренбургскомъ краѣ. Очеркъ этотъ былъ составленъ пишущимъ по случаю совершившагося въ 1850 г. пятидесятилѣтія Оренбургской Семинаріи открытой въ 1800 г. 25 Сентября. Очеркъ напечатанъ былъ въ мѣстныхъ Губерн. Вѣдомостяхъ за 1852 г.

„Съ перемѣщеніемъ сего Святителя, говорится въ запискахъ о немъ, измѣнилось положеніе его совершенно. Преемникъ Амвросія—преосв. Августинъ съ первыхъ же поръ показалъ себя не расположеннымъ къ нему, и это было причиною, впослѣдствіи, всѣхъ тяжкихъ искушеній и скорбей для него [1])".

Самыя начальныя причины нерасположенности преосв. Августина къ Ректору Филарету читающимъ уже отчасти извѣстны; онѣ состояли въ предзанятомъ мнѣніи. внушенномъ ему со стороны—отъ преосв. Досиѳея. Но отъ чего это мнѣніе не измѣнилось и со временемъ, когда Августинъ могъ бы, кажется, убѣдиться въ его неосновательности и несправедливости, узнавъ короче Филарета,—а напротивъ перешло въ прямую непріязнь и открытое даже преслѣдованіе, кончившееся лишь тогда, когда, выстрадавшій всю тяжесть его, Филаретъ былъ переведенъ изъ Уфы въ другое мѣсто и притомъ лишь въ смыслѣ послѣдняго снисхожденія къ нему, какъ бы къ падшему несчастному человѣку?!... Какія же, въ самомъ дѣлѣ, были этому причины, и какъ вообще сложились обстоятельства, поставившія самого преслѣдуемаго въ такое безвыходное положеніе и безотвѣтное состояніе?!...

Сила и степень предзанятыхъ убѣжденій и дѣйствій зависятъ отъ разныхъ условій и обстоятельствъ. Всего сильнѣе бываютъ предубѣжденія, когда онѣ исходятъ отъ лицъ, имѣющихъ вліяніе на тѣхъ, кому передаются и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подходятъ болѣе всего подъ собственный взглядъ и характеръ послѣднихъ. Въ этомъ случаѣ изъ предзанятыхъ извнѣ предубѣжденія переходятъ уже въ положительныя личныя, и тогда-то становятся онѣ ничѣмъ неотразимыми со стороны имѣющихъ несчастіе подвергнуться имъ. Самая безпрекословность и благодушная терпѣливость преслѣдуемыхъ не только не облегчаютъ ихъ положенія, но-или еще болѣе раздражаютъ виновниковъ ихъ несчастія, или же представляются имъ какъ бы фальшивымъ притворнымъ оправданіемъ для

---

1) Смотр. Записки, лист. 1.

себя даже въ глазахъ другихъ... Такъ и было въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ Августина и въ страдальческомъ положеніи въ Бозѣ почившаго.

Преосв. Августинъ началъ свое недоброжелательство къ Ректору Филарету дѣйствительно вслѣдствіе, какъ извѣстно, письма преосв. Досиѳея [1]), который хотѣлъ не только предупредить, но прямо вооружить перваго противъ втораго. Писавшій же, подъ вліяніемъ личнаго озлобленія, конечно не пожалѣлъ красокъ, чтобы обрисовать преслѣдуемаго съ невыгодной стороны возможно рѣзче. Достаточно впрочемъ, если онъ прописалъ здѣсь тоже самое, что писалъ и къ Митрополиту Амвросію. Да и самъ Митрополитъ, могло-статься [2]), не умолчалъ объ этомъ предъ Августиномъ, когда отпускалъ его въ Уфу на епископство. По крайней мѣрѣ извѣстно, что преосв. Августинъ самъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Митрополиту Амвросію и дорожилъ ими, даже до нѣкоторой степени заискивалъ у Митрополита, такъ какъ эта черта была замѣтна въ немъ и въ отношеніи къ другимъ знатнымъ лицамъ въ Петербургѣ. Въ такія личныя отношенія къ Митрополиту и прочимъ преосв. Августинъ вошелъ еще тогда, когда, до назначенія въ епископы, служилъ въ Петербургѣ въ должности Законоучителя въ одномъ изъ Кадетскихъ корпусовъ и извѣстенъ былъ, между прочимъ, хорошимъ проповѣдничествомъ. Для поддержанія этихъ-то отношеній онъ велъ и изъ Уфы постоянную переписку съ Петербургомъ, о чемъ не скрывалъ даже предъ знакомыми въ своей паствѣ, чтобы выставить чрезъ это особенныя свои достоинства. Обо всемъ этомъ довольно подробно говорится въ изданномъ

---

[1]) Преосв. Августинъ, когда выражалъ и предъ другими крайнее свое недовольство Филаретомъ, приговаривалъ: «да, вѣдь, онъ (Филаретъ) и въ Сѣвскѣ-то былъ ай-яй каковъ!!...» Мнѣ описалъ все подробно тамошній Преосвященный, который радъ-радешенекъ, что сбылъ его отъ себя».

[2]) Изъ данныхъ послѣдующихъ дѣйствительно оказывается такъ

біографическомъ очеркѣ его жизни [1]), гдѣ видно, между прочимъ, какъ наивны до странности были нѣкоторыя изъ его писемъ, посылаемыхъ въ Петербургъ въ смыслѣ сказаннаго заискиванія. Письма такого рода были напр. къ кн. Голицыну. Въ частности же объ отношеніяхъ преосв. Августина къ митропол. Амвросію и о взаимной между ними перепискѣ въ біографическомъ очеркѣ говорится, что, во время пребыванія своего въ Уфѣ, Августинъ написалъ весьма много писемъ къ Митрополиту и почти на каждое изъ нихъ получалъ самые любезные отвѣты [2]). Въ такой частой перепискѣ, въ ряду прочихъ лицъ и предметовъ, естественно, не могъ быть забываемъ и Филаретъ и, очевидно, не въ пользу его [3]), такъ какъ и самъ Августинъ, начавъ сразу относиться къ Филарету недоброжелательно, отнюдь не измѣнялся, а напротивъ; да къ этому же побуждала его и дружба съ преосв. Досиѳеемъ, о чемъ прямо свидѣтельствуетъ П. И. Турчаниновъ: „изъ-за дружбы къ Досиѳею Августинъ писалъ дурно о Филаретѣ къ Митрополиту Амвросію, желая этимъ поддержать перваго и угодить ему“.

И такъ, что же оставалось на долю Филарета, какъ не одно лишь самое безвыходное положеніе при всей его безвинности!.. Искать ему защиты себѣ было не у кого, да и не могло быть надежды на успѣхъ.—Надобно замѣтить, что въ тогдашнюю пору главное управленіе всѣмъ духовно-учебнымъ Вѣдомствомъ состояло въ исключительномъ почти вѣдѣніи и власти Митрополита С.-Петербургскаго; а потому искать и просить защиты Филаретъ могъ только у Митрополита же Амвросія.—Но это привело бы скорѣе къ результатамъ, еще болѣе неблагопріятнымъ; всякою просьбою онъ могъ бы вызвать лишь новые невыгодные взгляды и мнѣнія о себѣ, какъ

---

[1]) Біографич. очеркъ жизни преосв Августина напечатанъ въ 1866 г. въ журналѣ «Странникъ».

[2]) Тамъ же.

[3]) Это было дѣйствительно такъ,—что подтверждается фактомъ, значущимся ниже.

о строптивомъ подчиненномъ и лживомъ или докучливомъ жалобщикѣ... [1]) Не больше было для него надежды и на то, чтобы личными своими истинно-добрыми качествами и поступками измѣнить отношенія къ себѣ самого преосв. Августина. Личный характеръ послѣдняго и самый образъ жизни и дѣйствій его были самые оригинальные до странности и тяжелые въ отношеніи къ подчиненнымъ. Объ этомъ читаемъ у разныхъ доставителей свѣдѣній слѣдующія описанія личнаго характера и поступковъ преосв. Августина.

„Преосв. Августинъ былъ въ родѣ какъ бы юродиваго. Онъ носилъ крашенинную рясу и такой же подрясникъ, подпоясывался простымъ мужицкимъ кушакомъ; ѣздилъ всегда, даже и въ торжественные дни, къ обѣднѣ въ простой извощичьей лубочной кибиткѣ на одной лошади, рѣдко на двухъ. А за что отъ этого Преосвященнаго было страшное постоянное гоненіе Филарету,—Богъ вѣсть! Развѣ, какъ слышно было, за то, что Филаретъ не раздѣлялъ съ нимъ его полу-юродства,—а велъ себя во всемъ прилично своему тогдашнему званію; былъ всѣми любимъ въ Уфѣ за свою кротость и смиреніе болѣе, нежели самъ Августинъ“ [2]). Другой свидѣтель пишетъ: „Преосв. Августинъ имѣлъ странности, напр. онъ ѣздилъ по епархіи въ крестьянской кибиткѣ; бралъ съ собою иногда и Ректора, котораго сажалъ не иначе, какъ на козлахъ съ кучеромъ“ [3]). О сидѣньѣ на козлахъ

---

[1]) Подобные взгляды и мнѣнія тѣмъ болѣе могли быть со стороны Митрополита и самого Св. Сунода, что, кромѣ личныхъ оффиціальныхъ преслѣдованій Филарета на мѣстѣ, преосв. Августинъ многократно дѣлалъ донесенія Св. Суноду съ представленіемъ подлинныхъ слѣдственныхъ дѣлъ съ прямыми обвиненіями Филарета.

[2]) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Я. Г. Несмѣловымъ.

[3]) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ изъ Казани отъ 25 Января 1858 г. Это свѣдѣніе, по справкамъ, оказывается подлежащимъ сомнѣнію. Оно, вѣроятно, смѣшано съ другимъ—нижеслѣдующимъ въ нашемъ изложеніи,—т. е. ѣздилъ на козлахъ не Ректоръ, а священникъ Поповъ.

съ кучеромъ сообщенъ былъ мнѣ разсказъ бывшимъ Каѳедр. Уфимскимъ Прот. (въ 1849—54 г.) Ил. Петр. Поповымъ, который, во время епископства Августина, бывши вдовымъ молодымъ священникомъ, состоялъ у него и экономомъ дома и вмѣстѣ келейникомъ его.—„Мнѣ, говорилъ онъ, особенно памятна кибитка Августиновская, а главное—козлы; на нихъ мнѣ—Священнику, одѣтому въ рясу, приводилось обязательно... присаживаться къ кучеру, чтобы сопровождать Архіерея въ поѣздкахъ къ Богослуженію, а также и къ знакомымъ лицамъ въ городѣ. Но этого мало,—такъ какъ преосв. Августинъ, посѣщая знакомыхъ, не любилъ и не принималъ никакихъ угощеній, даже и чаю, и кофею, а, между тѣмъ, любилъ пить кофей ячменный, то, желая иногда угодить посѣщаемымъ, доставить себѣ угощеніе, онъ приказывалъ приготовлять мнѣ еще дома большой чайникъ съ ячменнымъ кофеемъ, уже свареннымъ, и брать этотъ чайникъ съ собой, держа въ рукахъ на козлахъ. И вотъ, бывало, какъ только пріѣдемъ въ домъ, гдѣ Владыкѣ угодно подольше посидѣть, то онъ лишь сядетъ на мѣсто, мнѣ тотчасъ же велитъ отправляться на кухню, чтобы разогрѣть въ чайникѣ его кофей и принести для него въ гостинную, гдѣ онъ и угощался“. „Преосв. Августинъ,—говорится въ его біограф. очеркѣ,—и дома не любилъ не только чего либо излишняго въ пищѣ, но и въ самой посудѣ столовой и чайной. Къ обѣду подавали ему на деревянномъ подносѣ два, а по праздникамъ три маленькихъ горшка, изъ которыхъ прямо и употреблялъ онъ пищу, не требуя никакой болѣе посуды. Серебра на столѣ терпѣть не могъ, а когда гдѣ подавали серебренную ложку, онъ отвергалъ ее съ презрѣніемъ и требовалъ деревянной“...

Вотъ что еще свидѣтельствуетъ объ этомъ первый изъ доставителей свѣдѣній: „Ректоръ Филаретъ, съ самаго перваго времени по пріѣздѣ въ Уфу новаго архіерея Августина, терпѣлъ отъ сего Владыки страшное гоненіе, которое простиралось до того, что Августинъ иногда, ни съ того ни съ сего,—запрещалъ ему служеніе, или ставилъ его предъ мѣстными иконами въ церк-

ви на поклоны. Посѣщая семинарскіе классы, дѣлалъ ему жесточайшіе выговоры, въ буквальномъ смыслѣ бранные, къ соблазну семинаристовъ; иногда же созывалъ для такой брани въ одну огромную комнату архіерейскаго дома учениковъ всѣхъ классовъ Семинаріи и при нихъ доводилъ кроткаго Филарета, безмолвно стоявшаго, до горькихъ слезъ... Я самъ былъ свидѣтелемъ таковыхъ выходокъ Августиновыхъ, будучи тогда ученикомъ Семинаріи. Даже въ Консисторію, бывало, послѣ классовъ зазоветъ Августинъ многихъ изъ семинаристовъ и тамъ при нихъ часа по два бранитъ Филарета, котораго, бывало, такъ станетъ намъ жаль, что мы особенно малые, сами истощенные иногда усталостію послѣ классовъ и отъ долгаго стоянія тутъ на ногахъ, плачемъ горько.— Смиренный же Филаретъ при этомъ только бывало, вздыхаетъ, ни слова не говоря Архіерею, а только, развѣ низко кланяясь ему“ [1]). Въ другихъ свѣдѣніяхъ читаемъ: „Преосв. Августинъ подвергалъ Ректора Филарета по Консисторіи даже штрафу, взыску и описи имѣнія, тогда какъ все имѣніе его состояло изъ двухъ лишь рясъ— одной будничной, а другой праздничной,—о чемъ онъ лично самъ говорилъ Владыкѣ-Августину“ [2]). Относительно этого послѣдняго факта—конфискаціи имущества Филаретова въ Монастырѣ прежде упоминавшійся о. Илья Петр^в. Поповъ сообщилъ мнѣ объясненія такого рода.—Когда преосв. Августинъ постепенно узнавалъ, что Филаретъ устраиваетъ и церковь каменную и другія монастырскія зданія, и наконецъ, что онъ самъ ѣздитъ на очень хорошей лошади и тележкѣ,—а между тѣмъ высказывается постоянно, что средствъ у Монастыря совершенно нѣтъ никакихъ, — тогда преосв. Августинъ вдругъ и забралъ себѣ въ голову (хотя конечно нашлись тутъ и не добрые люди, особенно выслужившіеся предъ Августиномъ), что Филаретъ или только прики-

---

[1]) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Я. Г. Несмѣловымъ.

[2]) Изъ брошюры протоіерея Луки Ефремова: «Пути Промысла Божія въ моей жизни».

дывается по части скудости, или просто на-просто злоупотребляетъ средствами Монастыря, заведя себѣ даже выѣздъ, о которомъ Августинъ и вѣрить не хотѣлъ, что это подарокъ извѣстнаго лица А. Б. Вслѣдствіе этого преосв. Августинъ велѣлъ произвести конфискацію всего имущества Филарета [1]). Конфискація эта и была произведена совершенно внезапно. Филаретъ, застигнутый прибывшею Коммисіею врасплохъ въ келейномъ простомъ одѣяніи, по выслушаніи Указа, все-таки заявилъ, что онъ не можетъ же остаться въ томъ, въ чемъ есть, и, потому тутъ же, надѣвши рясу, крестъ, клобукъ, взявши четки и помолившись съ земнымъ поклономъ предъ иконами, сказалъ: „ну вотъ теперь я могу сказать истинно словами какого-то древняго мудреца „omnia mea mecum porto“, —такъ доложите и Владыкѣ... и тутъ не удержался,— крѣпко зарыдалъ... Послѣ же отъѣзда Коммисіи, Филаретъ наконецъ увидѣлъ, что какъ онъ былъ застигнутъ безъ сапогъ, а въ домашнихъ туфляхъ,—къ тому же разбитыхъ,—такъ въ нихъ и остался потому, что все имущество его и бѣлье и сапоги были описаны и заперты. Въ этихъ-то туфляхъ приводилось Филарету нѣкоторое время даже являться и на должность, пока не поспѣшилъ доставить ему сапоги искренній его знакомый—священникъ Григорій Андр. Несмѣловъ, хотя и то тайкомъ „*страха ради архіерейска...*“ Этотъ фактъ, естественно, поражалъ всѣхъ въ обществѣ, особенно хорошо знавшихъ Филарета; но Августинъ и тутъ не щадилъ преслѣдуемаго: онъ въ самомъ этомъ фактѣ—въ хожденіи въ туфляхъ—подозрѣвалъ и уличалъ Филарета въ ханжествѣ, такъ какъ и вообще въ домахъ знакомыхъ титуловалъ его—*хитрой лукавой жучкой* [2]).

[1]) Впослѣдствіи увидимъ изъ подлинныхъ документовъ Консисторскихъ, что преосв. Августинъ, въ описываемую пору, назначилъ формальное слѣдствіе по дѣлу, о яко-бы самопроизвольно собранныхъ и безотчетно израсходованныхъ Филаретомъ на постройку церкви деньгахъ—6506 р. 21 коп. ассигн., о чемъ было донесено преосв. Августиномъ и Св. Суноду.

[2]) Прозвище «*жучка*» далъ Филарету Августинъ, собственно, по весьма смуглому цвѣту лица его и весьма чернымъ волосамъ.

При одномъ представленіи всѣхъ этихъ, истинно поразительныхъ, обстоятельствъ въ жизни въ Бозѣ почившаго, приходится помышлять только.—каково должно было быть его состояніе и внутреннее и внѣшнее за все, пережитое имъ, время, притомъ столь продолжительное.—Для отвѣта на это нужно было бы только развѣ заглянуть, какъ говорится, въ душу самого страдавшаго! И вотъ къ счастію, дѣйствительно, имѣется на это самое непогрѣшительное свидѣтельство, заключающееся въ подлинномъ письмѣ Филарета къ искреннѣйшему другу своему—Прот. Петру Ив. Турчанинову.

„Вѣсть, которую Вы мнѣ сообщили (писалъ Филаретъ къ П. И. Турчанинову) для обремененнаго скорбями сердца моего есть тоже, что для добродѣтельнаго Іакова-Патріарха было извѣстіе о жизни и счастіи, оплакиваемаго имъ, Іосифа: честь, довѣренность, должность, полезное служеніе Церкви святой, словомъ все, что есть достойнаго и пріятнаго въ общественной жизни, я все считалъ для себя потеряннымъ. Пятый годъ сердце мое, коего чувствованія вамъ извѣстны, каждый день *паче всякой мѣры* отягощаемо было. *яко не надѣятися мнѣ и живу быти*... Бывшее состояніе мое можно, необинуяся, приравнять къ состоянію *Іосифа во рвѣ*. Избавляяй же смиренныя Богъ избавилъ меня отъ всякаго грѣха, и вѣмъ, яко и еще избавитъ меня. Ежели бы я хотѣлъ описать вамъ всѣ мои страданія, надлежало бы написать къ вамъ цѣлую книгу. Ежели бы случилось мнѣ лично съ вами бесѣдовать о томъ, вы бы не повѣрили и мнѣ. Но при всемъ томъ Спаситель мой сподобилъ меня *сохранити незлобіе мое*... Я и теперь его сохраняю, и паче сохраню, даже до того, что *воистинну я готовъ возлюбить во вѣкъ всякаго, творящаго мнѣ напасти*. Я не знаю, чѣмъ могу достойно возблагодарить ангела утѣ-

---

Хитрость же и лукавство приписывалъ ему потому, что въ средѣ всего городскаго общества Филаретъ пользовался искреннимъ глубокимъ сочувствіемъ и почитаніемъ, какъ смиренный истинный монахъ, а это-то и относилъ Августинъ къ пронырству и заискиванію Филарета.

шителя Всероссійской Церкви—Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита. Ежели бы не его мудрость, проницательность и благость удержали наконецъ стремленіе, воздвигнутой на насъ, бури, то я и около десяти отцовъ семействъ должны бы были пить чашу невинныхъ страданій до самаго гроба. Я поставленъ былъ главнымъ предметомъ, на который столь долговременно и столь сильно устремляемы были всѣ стрѣлы разогорченнаго Епископа. Но Богъ мнѣ помогъ такъ все перенести, что изъ всѣхъ моихъ страдальцевъ никто не потерянъ. Любовію и уваженіемъ всѣхъ здѣсь добродѣтельныхъ я слишкомъ награжденъ, хоть за сіе и терпѣлъ я несказанно много... Равно и попеченія ваши о мнѣ я никакъ оцѣнить не могу,—онѣ для меня останутся вѣчно наиважнѣйшими въ жизни моей. Я ихъ пріемлю точно такъ: какъ св. Павелъ, *находясь въ злостраданіяхъ*, принималъ отъ любящихъ его. Я тѣмъ же духомъ молю Спасителя моего, да дастъ вамъ Господь обрѣсти милость отъ Господа *въ день онъ*. Не писалъ же я къ вамъ доселѣ потому, что былъ не извѣстенъ о Вашемъ мѣстопребываніи“ [1]).

Письмо это, какъ показываетъ самое содержаніе, писано было подъ конецъ всѣхъ страданій, когда видѣлась уже надежда избавиться отъ нихъ въ недалекомъ будущемъ. Отъ этого, естественно, и тяжесть страданій и самое состояніе страдавшаго могли уже нѣсколько облегчиться. Но каково было Филарету въ самую пору страданій, коими въ теченіе пяти лѣтъ каждый день, по его выраженію, „*паче всякой мѣры* отягощаемо было сердце его“, и для описанія которыхъ потребна была бы цѣлая книга“? Благо, что такъ тверды были и сохранились въ немъ вѣра и упованіе и то незлобіе и смиреніе, о коихъ, не обинуясь, съ Апостольскимъ дерзновеніемъ, засвидѣтельствовалъ писавшій;—но чего стоило сохранить все это, когда отягощеніе доходило до того.

---

[1]) Смотр. въ автобіографіи протоіерея Петра Ивановича Турчанинова, напечатанной въ Домашней Бесѣдѣ за 1864 годъ.

яко не надѣятися ему и живу быти?..—Не здѣсь ли должно всецѣло признать оправданіе, на самомъ дѣлѣ, всего того, въ чемъ доселѣ отъ самаго дѣтства проявлялись повременно сила и значеніе особенныхъ внутреннихъ свойствъ души и всего истинно-подвижническаго призванія и настроенія въ Бозѣ почившаго?!.

Въ самомъ дѣлѣ, если судить по одному только содержанію и тону письма,—ясно, что нельзя смотрѣть на всѣ описываемые обстоятельства и факты, какъ на внѣшнія и случайныя только столкновенія и неблагопріятности служебныя и вообще житейскія. „Это былъ крестъ, хотя видимо для другихъ сложившійся изъ внѣшнихъ обстоятельствъ и дѣйствій, но здѣсь—подъ видимымъ скрывался незримый, внутренній, духовный, которому Самъ Господь, въ особенныхъ путяхъ Промысла Своего, подвергаетъ избранныхъ Своихъ, съ *оставленіемъ* ихъ даже *на мало время*, дабы послѣ того *милостію великою помиловать их*ъ (Исаіи 54, 7), такъ какъ и сами избранные, *претерпѣвшіе* подобное испытаніе *до конца*, всегда видятъ въ немъ впослѣдствіи явное благодѣяніе къ нимъ Промысла Божія [1]). Объ этомъ состояніи въ Бозѣ почившаго сохранились хотя краткія свѣдѣнія, за то ясно и вѣрно характеризующія свойства и все направленіе его.

„Съ половины 1806 года до конца 1810 г., говорится въ запискахъ о немъ, былъ онъ подъ тяжкимъ крестомъ, который и перенесъ съ терпѣніемъ: и все это обратилось ему въ истинную пользу духовную. Здѣсь слезами своими омылъ онъ грѣхи юности своей“. Каковы же были эти слезы, въ буквальномъ значеніи слова проливаемыя имъ въ эту пору,—объ этомъ сохранилось свидѣтельс во одного святителя — бывшаго преосвящ. Орловскаго Поликарпа. „Находясь въ Уфѣ Инспекторомъ Семинаріи—спустя двадцать лѣтъ послѣ ректорства Филарета, этотъ Преосвященный сообщалъ, что онъ въ

---

[1]) Слова въ одной изъ надгробныхъ рѣчей. Смотр. «Послѣдніе дни жизни».

Уфимскомъ Монастырѣ видѣлъ простенькой работы полукресло, на которомъ сидя Филаретъ облегчалъ свое горе слезами, отъ которыхъ остались пятнышки на самомъ полукреслѣ [1]). Конечно среди этого горя и самыхъ слезъ онъ искалъ и находилъ себѣ облегченіе и иного рода, а именно: „онъ въ это время,—какъ значится въ запискахъ о немъ,—выучилъ наизусть всю Псалтирь и послѣднія бесѣды Господа Спасителя съ учениками своими и много-много созрѣлъ въ жизни духовной... [2]). Но, какъ видно, тяжесть скорби его доходила наконецъ до такой мѣры и степени, какая бываетъ посылаема отъ Бога, и то рѣдко, на особенныхъ только избранниковъ Его: это-минуты того *оставленія на мало время*, въ кои или остается страждущему взывать: „*Боже Боже мой, вскуюмя оставилъ еси*“, или быть объятымъ и преодолѣваемымъ тою *бурею помышленій сумнительныхъ*, которыя, можетъ быть, опаснѣе самыхъ тяжкихъ страданій, и потому для избавленія отъ нихъ всегда является Божія помощь въ особенныхъ явленіяхъ и знаменіяхъ.

Въ запискахъ о въ Бозѣ почившемъ значится слѣдующій фактъ: „Однажды послѣ одного изъ самыхъ тяжкихъ оскорбленій, нанесенныхъ ему Августиномъ, среди пламенной и слезной ночной молитвы, Филаретъ полузаснулъ на полу, (на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ колѣнопреклоненный совершалъ молитву), и увидѣлъ въ полусонномъ видѣніи руку, писавшую на стѣнѣ: „*Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета въ рукахъ Божіихъ!..*“ Воспрянувъ въ туже минуту отъ своего полусоннаго состоянія, Филаретъ ощутилъ въ душѣ своей такое отрадное чувство внутренняго спокойствія и утѣшенія, что забылъ всѣ свои прежнія скорби и, вмѣстѣ съ симъ, возчувствовалъ въ себѣ какую то особенную крѣпость духа и готовность на подвигъ всякаго терпѣнія, какой бы ни предстоялъ ему въ будущемъ. И вотъ, послѣ этого,

---

[1]) Смотр Странникъ 1870 г. Мартъ стр. 250. Біографическій очеркъ Преосв Поликарпа, епископа Орловскаго

[2]) Смотр. въ запискахъ и въ надгробномъ словѣ.

(какъ сказано въ надгробномъ словѣ), и послѣдовала *„измѣна десницы Вышняго въ судьбѣ его. Господь извелъ, яко свѣтъ правду его и судьбу, его яко полудне.* (Псал. 36. 6) [1]).

Но что же было предъ этимъ?! По одному уже понятію о знаменіяхъ Божіихъ и тѣмъ болѣе по самому выраженію—*„не бойся“*—можно судить, что въ состояніи страдавшаго совершалось что-то такое, за исходъ чего можно было даже опасаться... Въ Бозѣ почившій, сообщивъ самъ въ своихъ разсказахъ о явленномъ ему видѣніи, передавалъ и то, что предшествовало сему видѣнію въ его личномъ состояніи,—но вносить въ записки послѣднее не позволилъ слушавшему и записавшему лицу, племяннику своему, бывшему тогда Ректору Кіев. Академіи Архим. Антонію (впослѣдствіи Архіепископу Казанскому) [2]). Между тѣмъ послѣдній повѣдалъ, слышанный имъ разсказъ мнѣ, чтобы помѣстить его и въ біографіи,—именно въ слѣдующемъ содержаніи. „Когда покойному Владыкѣ приходилось испытывать то состояніе, среди котораго, какъ онъ выразился въ письмѣ къ о. Турчанинову, *сердце его каждый день было паче всякой мѣры отягощаемо*, тогда онъ приходилъ къ мысли и убѣжденію оставить учебную службу и удалиться куда-либо въ пустынную обитель,—чего самъ онъ первоначально такъ желалъ и на что давалъ особенный не разъ обѣтъ. И, вотъ, эта-то мысль особенно и запала ему въ душу, когда онъ началъ молиться. Ему такъ и чуялось, что, вотъ, Господь видимо, преслѣдуетъ его за неисполненіе даннаго обѣта; ему представлялось, что онъ какъ бы подобно Савлу *„претъ противъ рожна“*, и что, поэтому, самое его состояніе, хотя и невинно-страдальческое, не угодно Богу и не будетъ угоднымъ никогда... Даже у Владыки промелькала мысль и такая, что-де не по достоинству онъ принялъ на себя и самое-то монашество...

---

[1]) Смотр. въ запискахъ и въ надгробномъ словѣ.

[2]) Смотр. замѣтки о жизни высокопр. Филарета Митроп. Кіевскаго, составленныя Казан. Архіеп. Антоніемъ,—въ предисловіи. Казань. 1879 г.

а потому, намѣреваясь удалиться въ какую-либо пустынную обитель, онъ хотѣлъ было поступить такъ, чтобы отречься тайно отъ самого своего сана, и быть простымъ монахомъ, самымъ послѣднимъ послушникомъ, такъ что онъ тогда-то готовъ бы быть, по слову Св. Апостола, *отребіемъ міру и попраніемъ для всѣхъ*.—такъ какъ тогда не было бы и молвы, и соблазна изъ-за него, какъ это, невольно, происходило теперь при настоящемъ его званіи и служебномъ положеніи въ средѣ общества, сочувствіе котораго для него составляло особую горькую чашу, и тѣмъ болѣе, что эту послѣднюю,—какъ выражено было и въ письмѣ его,—должны были пить неповинно не мало отцовъ семействъ... Потому-то,—заключилъ покойный высокопр. Антоній свой повѣданный разсказъ,—и не умедлило послѣдовать столь явное успокоеніе и ободреніе страдавшему и отъ тяжкихъ внѣшнихъ озлобленій и отъ внутреннихъ его помысловъ со стороны Того, Кто *возноситъ смиренныя*. „*Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета въ Рукахъ Божіихъ!*“

Такъ все это и оправдалось. Въ то самое время, какъ совершился этотъ, такъ сказать, кризисъ въ личномъ внутреннемъ состояніи въ Бозѣ почившаго, уже начиналось иное направленіе судьбы его, хотя совершенно невѣдомыми и неожиданными для него путями, но прямо оправдывавшими истину бывшаго видѣнія.— Изъ приведеннаго выше письма ясно, что Филаретъ совершенно не зналъ о мѣстѣ служенія протоіерея Турчанинова; послѣдній же хотя и зналъ прежде, что Филаретъ былъ перемѣщенъ въ Уфу, но оставался въ невѣдѣніи относительно его тяжкаго положенія; да когда и узналъ объ этомъ и почувствовалъ въ себѣ рѣшимость явиться ходатаемъ за него, то во всемъ этомъ признавалъ впослѣдствіи особенные пути Божіи. „Вотъ какъ премудры пути Провидѣнія! говоритъ онъ въ своей автобіографіи. „Не пріѣзжай я въ столицу и не познакомься дружески съ Секретаремъ Митрополита, то какъ переводъ Филарета въ Уфу остался бы для меня тайною, такъ и изъ Уфы ему мудрено было бы выбраться“. Въ такомъ же чувствѣ благоговѣйнаго исповѣданія пу-

тей Божіихъ онъ излагаетъ и все дальнѣйшее дѣло въ слѣдующихъ подробностяхъ.

„Съ домашнимъ Секретаремъ Митрополита В. В. Юліановымъ я сошелся дружески и мы часто бывали другъ у друга. Въ одинъ вечеръ я началъ разсказывать ему о Сѣвскѣ, о тамошнихъ пріятеляхъ, а особенно о Филаретѣ, усланномъ въ Уфу, какъ человѣкѣ высокой жизни и добродѣтелей. Когда же, къ удивленію моему, узналъ я тутъ же отъ Секретаря всѣ обстоятельства и увидѣлъ всю клевету и пр., то возблагодарилъ Господа, что предо мною все открылось, и что я могу, при помощи Божіей, отыскать возможность помочь невинно-обнесенному Филарету, выяснивъ предъ Митрополитомъ все его положеніе. Хотя Секретарь и говорилъ мнѣ, что трудно сдѣлать что-либо для Филарета, потому что Митрополитъ любитъ Досиѳея, да и Августинъ писалъ тоже худо о Филаретѣ, а что этимъ я могу только повредить самому себѣ;—но я, не смотря на все, рѣшился защитить невиннаго и былъ увѣренъ, что Господь мнѣ поможетъ въ томъ“.

„Не медля, я написалъ Филарету въ Уфу, объяснивъ ему все, и совѣтовалъ ему отвѣчать мнѣ письмомъ, въ которомъ бы объяснилъ онъ мнѣ все, что съ нимъ дѣлается и какъ онъ поживаетъ въ Уфѣ, и написать такъ, чтобы я письмо его могъ показать о. Архимандриту Филарету, (впослѣдствіи высокопр. Митрополиту Московскому), который былъ уже Ректоромъ Академіи и въ большой милости у Митрополита и у князя Голицына.—По милостивому его ко мнѣ расположенію, я надѣялся, что онъ приметъ участіе въ судьбѣ Филарета и доложитъ все обстоятельно Митрополиту“.

„Скоро за симъ получилъ я письмо отъ Филарета изъ Уфы, которымъ онъ со слезами объяснилъ мнѣ всѣ свои несчастія и страданія. Помолясь Господу, я пошелъ къ о. Ректору Филарету, разсказалъ ему,—за что преосв. Досиѳей разсердился на Филарета и, показавъ его письмо ко мнѣ, убѣдительнѣйше просилъ вступиться за невиннаго и упросить Митрополита вызвать его на чреду, или перевести въ другую епархію, чтобы только

высвободить изъ Уфы. О. Ректоръ Филаретъ долго колебался, совсѣмъ не зная Филарета, но по усиленной моей просьбѣ согласился ходатайствовать, при чемъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ просить Митрополита, но когда тотъ его спроситъ,—почему онъ принимаетъ въ немъ участіе и какъ ему извѣстны всѣ обстоятельства,—то онъ покажетъ на меня. Надѣясь на Господа, я твердо былъ увѣренъ, что Филаретъ невиненъ, а невинныхъ Господь Богъ оправдываетъ; любя же его вседушно и помня нашу дружбу и нашу пріятную жизнь въ Сѣвскѣ, я увѣрилъ о. Ректора Филарета, что не сробѣю; и когда Митрополитъ меня спроситъ, то я и ему буду тоже говорить. И, благодареніе Господу, все устроилось такъ, какъ мнѣ то желалось!“

„О. Ректоръ Филаретъ взялъ отъ меня письмо и на другой же день объяснилъ все Высокопреосвященному. Митрополитъ позвалъ меня и сталъ распрашивать; я не оробѣлъ, но, подкрѣпленный любовію и справедливостію, объяснилъ ему все аккуратно, что служило къ оправданію о. архимандрита Филарета. Митрополитъ, выслушавъ, сказалъ: „ну смотри, Петръ Ивановичъ,—я дознаю о твоемъ добромъ Филаретѣ, переведу его еще въ иную епархію и велю архіерею каждую треть доносить мнѣ объ немъ; я увѣренъ, что этотъ архіерей не обманетъ меня. Если же и онъ будетъ худо рекомендовать Филарета, то вся бѣда обрушится на тебя.—Ты не боишься этого?!“... Ни мало былъ отвѣтъ: я увѣренъ, что гонимый оправдаетъ мою рекомендацію о немъ вполнѣ. Митрополитъ сказалъ: хорошо! а чрезъ нѣсколько дней Филаретъ изъ Уфы переведенъ былъ въ Тобольскъ Ректоромъ Семинаріи и учителемъ богословія. Изъ всего этого я ясно увидѣлъ, что Промыслъ Божій Самъ все устроилъ къ счастію о. Архимандрита, и что онъ, яко злато, искушенное въ горнилѣ, возсіяетъ. Я же всегда радовался и благодарилъ Господа и прежде и теперь, что удостоился, по недостоинству моему, быть, нѣкоторымъ образомъ, орудіемъ Промысла въ дѣлѣ избавленія и послѣдующаго благополучія такого лица. Письма его,

хранящіяся у меня, доказываютъ и его чувствованія ко мнѣ“ [1]).

Высказанное о. протоіер. Турчаниновымъ подтверждаетъ еще другое лицо, въ такомъ же духѣ и чувствѣ признающее во всемъ пути Промысла Божія, такъ какъ и самое автобіографическое повѣствованіе этого лица, въ которомъ изложены между прочимъ свѣдѣнія, касавшіяся высокопр. Филарета, носитъ названіе: „Пути Промысла Божія въ моей жизни“. Лице это, уже извѣстное намъ,—протоіерей Лука Ефремовъ. Онъ, разсказавъ, какъ совершилось избавленіе Филарета чрезъ ходатайство о. Турчанинова, у котораго, по знакомству съ нимъ, онъ видѣлъ и самыя письма перваго, описываетъ слѣдующій фактъ, о которомъ умолчалъ, вѣроятно, по скромности, самъ о. Турчаниновъ. „Когда Петръ Ивановичъ Турчаниновъ былъ однажды въ Кіевѣ на поклоненіи, и явился къ высокопреосвященному Филарету, то Первосвятитель, взявъ за руку своего благодѣтеля, вывелъ его предъ лице всего, случившагося у него, собранія многихъ знатныхъ особъ, и сказалъ: господа! вотъ мой благодѣтель! Онъ меня своею любовію и своею рекомендаціею, когда я былъ только еще архимандритомъ, избавилъ отъ притѣсненій недоброжелателей и какъ Іосифа извелъ изъ рва несчастій“. Этотъ фактъ достопочтенный автобіографъ закончилъ такими словами: „пріятно и поучительно намъ бываетъ слышать, или видѣть, когда великіе люди, стоя уже на высотѣ почести и славы, не забываютъ оказанной имъ услуги и не стыдятся такъ открыто признавать своими благодѣтелями какого-либо школьнаго товарища, или друга юности, хотя и отставшихъ отъ нихъ впослѣдствіи далеко по своему званію и значенію!!...

Такой поучительный выводъ дѣйствительно вѣренъ и по всему праву достойно приложимъ къ значенію изложеннаго факта и къ самому лицу. Впрочемъ, здѣсь все-таки видны чувства и отношенія лица, облагодѣтельствованнаго, къ своему благодѣтелю за избавленіе его

---

[1]) Смотр. въ указанной прежде «Автобіографіи П. И. Турчанинова», напечатанной въ Домашней Бесѣдѣ.

отъ тяжкихъ бѣдствій. Но особенно замѣчательно и назидательно въ лицѣ и дѣйствіяхъ Филарета то, какія чувства сохранилъ онъ къ самымъ виновникамъ своихъ бѣдствій и страданій.—Въ письмѣ своемъ, какъ мы видѣли Филаретъ писалъ: „Господь Спаситель сподобилъ меня сохранить все незлобіе; я и теперь его сохраняю (т. е. когда-бы, по видимому, онъ могъ питать иное чувство, имѣя вѣрную надежду скоро избавиться изъ подъ власти Августина), и паче сохраню даже до того, что истинно готовъ любить во вѣкъ всякаго, творящаго мнѣ напасти! И это были не слова только, выраженныя лишь въ порывѣ временнаго чувствованія. Доказательство на это мы увидимъ въ многочисленныхъ фактахъ, когда будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ о послѣдующихъ отношеніяхъ высокопр. Филарета къ преосв. Августину, главному виновнику притѣсненій его. Приведемъ здѣсь фактъ, изложенный въ біографическомъ очеркѣ Августина. „Могилу его. (Августина),—пишетъ авторъ очерка,—почтилъ своимъ посѣщеніемъ покойный Митрополитъ Кіевскій Филаретъ, служившій нѣкогда подъ начальствомъ Августина въ Уфѣ въ званіи Ректора Семинаріи. Онъ нарочито пріѣзжалъ (въ Маѣ 1842 г.) въ Варницкій монастырь (въ г. Ростовѣ), чтобы поклониться его праху, и во все время совершенія панихиды стоялъ на колѣнахъ и усердно молился надъ могилою. Когда, тутъ-же присутствовавшій, Настоятель Спасопреображенскаго Димитріева Ставропигіяльнаго Монастыря спросилъ у него: почему воздаетъ онъ такую честь лицу, находившемуся съ нимъ въ извѣстныхъ непріятныхъ отношеніяхъ по службѣ?“—Высокопреосвященный отвѣчалъ: „я долженъ преклоняться предъ этимъ человѣкомъ, потому что онъ научилъ меня терпѣнію и смиренію; безъ его наставленій и уроковъ, прибавилъ Высокопреосвященный, я, быть можетъ, и не былъ-бы Митрополитомъ [1]). Фактъ этотъ относится, по времени, къ 1842 году:—потому излишне и говорить, какъ, зна-

[1]) Смотр Странникъ 1866 г. Май отд. 1, стран. 92

читъ, неизмѣнны были чувства незлобія въ претерпѣвшемъ напасти къ виновнику ихъ—преосв. Августину. При самой же жизни Августина въ этомъ бѣдномъ Монастырѣ Варницкомъ, когда высокопр. Филаретъ, находившійся между прочимъ въ Сѵнодѣ по званію Члена, узналъ, что преосв. Августинъ получалъ очень малую, издавна еще назначенную ему, пенсію, то принялъ лично ходатайство предъ Сѵнодомъ объ увеличеніи пенсіи,—что и было тогда же сдѣлано [1]).

Что же касается самого преосв. Августина, то оказывается, что онъ до послѣднихъ поръ не совсѣмъ-то измѣнилъ о высокопр. Филаретѣ свои прежнія мнѣнія, о которыхъ при случаяхъ и высказывался. Объ этомъ ясно увидятъ читающіе изъ слѣдующихъ разновременныхъ фактовъ.

Когда высокопр. Филаретъ, въ бытность свою Архіепископомъ Рязанскимъ издалъ въ печати свои „Толковательныя Бесѣды на Ев. Матѳея“ (глав. V, VI, VII, VIII и IX), то препроводилъ экземпляръ сего изданія и къ преосв. Августину при письмѣ, въ которомъ выразилъ самыя искреннія чувства почитанія къ нему. Преосв. Августинъ тогда же приказалъ списать это письмо въ нѣсколькихъ (до двадцати) копіяхъ и раздавалъ ихъ своимъ знакомымъ изъ знатныхъ лицъ, говоря: „вотъ какъ чтитъ меня Архіепископъ и присутствующій въ Сѵнодѣ, но за-то онъ былъ долго у меня въ свое время подъ руками...“ [2]). Въ другой разъ, когда высокопр. Филаретъ

---

[1]) Смотр. замѣтки о жизни высокопр. Филарета, составл. Архіеп. Казан. Антоніемъ стран. 15.—NB. Такое ходатайство предъ Св Сѵнодомъ принялъ на себя высокопр. Филаретъ даже по праву и долгу, потому что онъ, въ это время, былъ перемѣщенъ изъ Казанской архіепископіи на Ярославскую, въ которой и находился Варницкій Монастырь, гдѣ проживавшій на покоѣ, преосв. Августинъ оказывался, такимъ образомъ, состоявшимъ подъ властнымъ вѣдѣніемъ Филарета.—Въ Ярославской епархіи, впрочемъ, и не привелось быть вовсе высокопр Филарету, такъ какъ, находясь еще въ Петербургѣ въ 1837 г онъ былъ назначенъ Митрополитомъ Кіевскимъ 17-го Апрѣля.

[2]) Изъ разсказа, мнѣ пишущему лично сообщеннаго Казначеемъ Ростовскаго Богоявленскаго Авраамиева Монастыря о. іеромо-

сдѣлался уже Митрополитомъ Кіевскимъ, послалъ въ даръ отъ себя преосв. Августину Патерикъ Кіевскій, въ прекрасномъ переплетѣ, и на заглавномъ бѣломъ листѣ его написалъ ему весьма много, такъ что, по словамъ разсказчика-очевидца, весь этотъ листъ на обѣихъ сторонахъ былъ исписанъ. Написанное состояло въ самыхъ почтительныхъ и смиренныхъ чувствахъ и выраженіяхъ и начиналось такъ:„—Наставнику моей юности и пр.“ Преосвящ. Августинъ это писаніе тоже прочитывалъ всѣмъ знакомымъ и близкимъ и въ томъ числѣ самому разсказчику. По прочтеніи послѣднему онъ, между прочимъ, сказалъ: „Да!—а знаешь ли, что я выгналъ этого-то Филарета изъ Уфы за дурную его жизнь“. [1]).

Еще: когда высокопр. Филаретъ былъ Казанскимъ Архіепископомъ, одинъ изъ купцевъ казанскихъ Костылевъ, церковный староста и отлично извѣстный высокопр. Филарету, отправившись на родину въ Ростовъ, посѣтилъ, между прочимъ, Варницкій монастырь и зашелъ на благословеніе къ преосв. Августину. Преосвященный принялъ его, какъ земляка (самъ онъ былъ родомъ изъ Ростова) радушно и за чаемъ высказалъ: „у васъ Архіерей Филаретъ?—„А Вы его знаете? спросилъ посѣтитель. Гмъ!.. Я былъ архіерей, а онъ у меня былъ Ректоромъ Семинаріи: небось помнитъ меня...“ Купецъ Костылевъ, пріѣхавъ въ Казань ничего не сказалъ высокопр. Филарету о томъ, что говорилъ его бывшій начальникъ. На другой годъ Костылеву нужно было опять ѣхать въ Ростовъ, и, вотъ, принимая напутственное благословеніе отъ Владыки Филарета, онъ сказалъ ему: „посылайте поклонъ Вашему бывшему Начальнику преосв. Августину“. „Кланяйтесь-кланяйтесь отъ меня моему отцу и благодѣтелю: если бы онъ не такъ поступалъ со мною, то я не былъ бы такимъ;—онъ научилъ меня терпѣнію

нахомъ Николаемъ, который читалъ не разъ эти копіи съ письма у разныхъ лицъ.—Къ сожалѣнію мнѣ не удалось пріобрѣсти эту копію.

[1]) Изъ разсказа о. Константина, іеромонаха Ростовскаго Спасо-Преображенскаго Димитріева Монастыря.

и раскрылъ мои недостатки, которыхъ я самъ не могъ видѣть, а потому и освободиться отъ нихъ".

При вторичномъ свиданіи съ преосв. Августиномъ Костылевъ сказалъ: „Преосвященный Филаретъ нашъ Архіепископъ прислалъ Вамъ поклонъ".—„Полно врать", отрывисто возразилъ энергичный Владыка. — „Божусь вамъ!.." Преосвященный Августинъ посмотрѣлъ на Костылева зорко и,—готовый какъ бы прослезиться, или какъ бы проглатывая слезы минутъ пять, наконецъ промолвилъ: „да я много его пробиралъ и, пожалуй, обижалъ... Что дѣлать?—характеръ таковъ у меня. Но Св. Апостолъ учитъ: *повинуйтеся владыкамъ не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ*... За-то вонъ онъ кто теперь сталъ...—Архіепископъ въ старѣйшей знатной Епархіи, изъ которой переходъ только прямо въ Митрополиты... Впрочемъ онъ былъ и у меня по службѣ человѣкомъ ретивымъ и толковымъ" [1]).

Всѣ эти факты не требуютъ поясненій, чтобы видѣть въ нихъ и характеръ Августина и чувства и отношенія его, до послѣднихъ поръ, къ высокопр. Филарету. Останавливаясь же вниманіемъ на послѣднихъ словахъ Августина, что „Филаретъ былъ у него на службѣ человѣкомъ ретивымъ и толковымъ", мы обратимся къ изложенію данныхъ, которыя вполнѣ подтверждаютъ этотъ отзывъ бывшаго, хотя столь суроваго и прямо непріязненнаго, Начальника о подчиненномъ.—Указываемую рекомендацію о ретивости и толковости по службѣ Филаретъ, очевидно, могъ заслужить по преимуществу и даже исключительно по учебнымъ должностямъ, какъ Ректоръ и Преподаватель въ Семинаріи, такъ какъ другія служебныя его обязанности,—каковы: Настоятеля въ Монастырѣ и Члена въ Консисторіи,—были, такъ сказать, побочными и не могли представлять такого поприща для дѣятельности, гдѣ бы могла проявляться особая толко-

---

[1]) Разсказы эти изложены въ рукописи г. Карачева, доставленной имъ покойному Антонію Архіепископу вскорѣ же по прибытіи его въ Казань.

вость, въ широкомъ высшемъ значеніи этого слова. Семинарія же на оборотъ, по самой новости ея открытія въ г. Уфѣ—въ 1800 г., и потому, что въ первые четыре года не было почти и Ректора въ Семинаріи, а былъ лишь приставленный временно къ управленію ею бывшій экономъ архіерейскаго дома, наконецъ и потому, что не было еще опредѣленныхъ Высшимъ Начальствомъ и устава и штатовъ ни въ административномъ, ни въ учебномъ, ни въ хозяйственномъ отношеніи,—Семинарія, говоримъ, напротивъ требовала отъ новоопредѣленнаго Ректора и ретивости и толковости особливо подъ такимъ главнымъ начальствомъ, каково было Августиновское.

Въ свое время (въ 1849—50 г.) мы (пишущій) имѣли счастливый случай пользоваться всѣми данными архива Оренбургской Семинаріи въ виду, предпринятаго нами тогда, посильнаго труда—составленія „Краткаго Историческаго очерка развитія духовнаго просвѣщенія въ Оренбургскомъ краѣ и въ частности въ Оренбургской духовной Семинаріи“, которой въ эту пору исполнилось *пятидесятилѣтіе* ея существованія (съ 25 Сентября 1800 г. по 25 Сентября 1850 г.) [1]). Съ особенною душевною отрадою обращаемся мы теперь къ страницамъ нашей, юношескимъ еще перомъ начертанной, рукописи, чтобы извлечь изъ нея все, подходящее теперь къ содержанію настоящаго нашего повѣствованія,—именно къ описываемому времени ректорства Архимандрита Филарета—(1806—1810 г.).

[1]) Этотъ очеркъ былъ напечатанъ (хотя и не во всемъ полномъ его изложеніи) въ Оренбургскихъ Губерн. Вѣдомост. въ 1852 г.—и. въ выдержкахъ, въ Географическомъ Обществѣ

ГЛАВА V.

«Будучи призванъ государственною обязанностію въ г. Уфу на выборъ судей, я имѣлъ удовольствіе замѣтить въ здѣшней Семинаріи благословенные успѣхи, обучающагося въ оной, юношества въ духовномъ просвѣщеніи. При семъ не могъ я не усмотрѣть, что Семинарія сія обязана въ семъ, цвѣтущемъ во всѣхъ частяхъ, благоустроенномъ порядкѣ единственно отличнымъ распоряженіямъ своего Начальства. Но какъ Семинарія сія не имѣетъ постоянной библіотеки, то я жертвую изъ моего собственнаго капитала безъ возврата десять тысячъ руб. асс. въ пользу Оренбургской Семинаріи» [1].

„Оренбургская духовная Семинарія,—такъ выражено было въ подлинной рукописи,—справедливо можетъ хвалиться славою, что первымъ своимъ учредителемъ имѣла лицо, знаменитое своимъ высокимъ духовнымъ просвѣщеніемъ, лицо, начальствовавшее впослѣдствіи въ двухъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ [2]), лицо и нынѣ занимающее одно изъ высшихъ мѣстъ въ іерархіи Русской Церкви. Это—*Филаретъ*,—съ 1804 года Архимандритъ Ректоръ Оренбургской Семинаріи, Настоятель Уфимскаго Успенскаго Монастыря, нынѣ—Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Членъ Святѣйшаго Сунода, Священно-Архимандритъ Кіевопечерской Лавры. Онъ изъ Ректоровъ Орловской Семинаріи опредѣленъ въ Оренбург-

---

[1]) Слова изъ акта жертвователя помѣщика Оренбургской губ. г. Тоузакова

[2]) Инспекторомъ въ С.-Петербургской духовной Академіи и въ Московской — сначала Инспекторомъ, а потомъ Ректоромъ въ 1814—19 г.г.

скую Указомъ Св. Сѵнода отъ 10 Октября 1804 года и управлялъ ею до конца 1810 г. Ему, по всей справедливости, принадлежитъ имя перваго устроителя здѣшней Семинаріи. Послѣ него Семинарія опять оставалась нѣсколько времени безъ главнаго Правителя подъ вѣдѣніемъ префектовъ. изъ числа коихъ въ санѣ Архимандрита былъ Аѳанасій (въ мірѣ Александръ Инфантьевъ), бывшій воспитанникъ въ здѣшней Семинаріи самого же Филарета, проходившій при немъ разныя должности. начиная съ комиссарской. еще во время своего ученія въ Семинаріи.

„Почти съ началомъ управленія здѣшнею Семинаріею Ректора Архимандрита Филарета совпадаетъ начало управленія здѣшнею Епархіею одного изъ ея архипастырей, особенно памятнаго для своей паствы какъ по продолжительности управленія ею, такъ и по своей неутомимой дѣятельности и ближайшему вниманію къ Семинаріи—преосвященнаго Августина. Тогдашнее Семинарское Правленіе, состоявшее изъ Ректора и Префекта, находясь въ полной безусловной зависимости отъ епархіальнаго Архіерея, въ тоже время зависѣло во всѣхъ своихъ внутреннихъ распоряженіяхъ и отъ мѣстной Консисторіи, которая давала ему указы, а Правленіе входило въ Консисторію рапортами, донесеніями, объясненіями и т. п. При такой зависимости Семинарское Правленіе совершенно было, такъ сказать, затѣнено Консисторіею и не имѣло прямыхъ сношеній съ другими присутственными мѣстами. которыя едва знали о его существованіи.

„Что касается до способовъ и условій преподаванія наукъ въ тогдашней Семинаріи, то въ этомъ отношеніи всему надобно было только еще полагать начало, всему давать первое движеніе и правильный ходъ. Выбирать было и некогда и не изъ чего; надобно было довольствоваться тѣмъ, что было подъ рукою. Но тѣмъ не менѣе къ чести Оренбургской Семинаріи нужно отнести, что въ ней при общихъ первостепенныхъ, по своей важности для духовнаго просвѣщенія, предметахъ на первыхъ же порахъ было вводимо преподаваніе и дру-

гихъ предметовъ, составлявшихъ уже какъ бы роскошь образованія. Такъ въ 1807 г. открытъ былъ классъ рисованія; въ томъ же году открытъ классъ славяно-греколатинскаго церковнаго краснорѣчія, порученный Префекту Протоіерею Усовичу, и введено преподаваніе Медицины, принятое на себя тремя тогдашними членами здѣшней врачебной Управы: (преподавались—Патологія, Терапія и Хирургія). Въ 1808 году открытъ классъ Французскаго языка; преподаваніе же Нѣмецкаго введено было еще ранѣе [1]); а въ это время оно раздѣлено на два класса—высшій и низшій. Нѣтъ свѣдѣній, долго ли и съ какимъ успѣхомъ продолжалось преподаваніе каждаго изъ этихъ предметовъ. Но, во всякомъ случаѣ, самое введеніе ихъ показываетъ и заботливую попечительность Ректора Филарета и ясное сознаніе пользы вводимыхъ предметовъ.

„Съ такою же заботливостію старался Филаретъ и о заведеніи библіотеки. На первыхъ порахъ было уже пріобрѣтено книгъ на сумму до 3,000 руб. асс. Такъ, въ одномъ 1807 году, по порученію Правленія, доставлено изъ Москвы купцомъ Подъячевымъ книгъ 39-ть пудовъ на сумму—1,164 руб. 14¾ коп. За неимѣніемъ, по тогдашнему времени, собственныхъ средствъ Семинарія обязана была заведеніемъ библіотеки пособіямъ со стороны жертвователей. Особенно важно и благодѣтельно было для Семинаріи пожертвованіе въ 1809 году помѣщика Оренбургской губерніи, Надворнаго Совѣтника Петра Яковлевича *Тоузакова*, пожертвовавшаго въ пользу Семинарской библіотеки *десять тысячъ рублей* ассигнаціями. Это, важное по количеству капитала, пожертвованіе важно и достойно особеннаго вниманія по самымъ

---

[1]) Первымъ преподавателемъ былъ родной братъ Ректора Филарета—*Гавріилъ Амфитеатровъ*, пріѣхавшій съ нимъ изъ философскаго класса Сѣвской Семинаріи и здѣсь въ Уфѣ докончившій курсъ. Этотъ Гавріилъ Амф—ровъ, впослѣдствіи бывшій священникомъ въ Миясскомъ заводѣ Оренбург. губ.,—отецъ покойнаго высокопр. Антонія—архіеп. Казанскаго, родившагося въ этомъ заводѣ—въ 1815 г. 15 Октября

побужденіямъ. вызвавшимъ его. Здѣсь мы видимъ безпристрастное свидѣтельство о самомъ благосостояніи Семинаріи и о достоинствахъ лицъ начальственныхъ. Вотъ собственныя слова жертвователя въ подлинномъ актѣ пожертвованія. Г. Тоузаковъ [1]) писалъ.—что „будучи призванъ государственною обязанностію въ г. Уфу на выборы судей, онъ имѣлъ высокое удовольствіе замѣтить въ Семинаріи благословенные успѣхи духовнаго юношества въ просвѣщеніи на самомъ опытѣ; что. отдавая всю справедливость успѣхамъ его. онъ не могъ не усмотрѣть, что Семинарія обязана въ семъ. цвѣтущемъ во всѣхъ частяхъ. благоустроенномъ порядкѣ единственно отличнымъ распоряженіямъ своего начальства. Но какъ постоянной библіотеки,—наинужнѣйшаго пособія къ образованію, во всѣхъ частяхъ духовнаго просвѣщенія,—Семинарія не имѣетъ. то, подражая всеоживляющему духу Высокомонаршей благотворительности Его Императорскаго Величества Самодержца Александра I и безприпримѣрной любви Его къ христіанскому просвѣщенію. онъ на сію потребность для Оренбургской Семинаріи жертвуетъ изъ благопріобрѣтеннаго имъ собственнаго капитала *десять тысячъ рублей* асс. и всю эту сумму, яко благопріобрѣтенную его собственность. безъ возврата посвящаетъ въ пользу Оренбургской Семинаріи“.

„Указанная недостаточность собственныхъ средствъ Семинаріи для заведенія библіотеки зависѣла отъ тогдашней скудости и самой неопредѣленности источниковъ этихъ средствъ. Какое напр. жалованье получали тогдашніе труженики науки, трудно и повѣрить!!. Всѣ они получали жалованье, нужно замѣтить, не по штатному утвержденному положенію, а по усмотрѣнію епархіальна-

---

[1]) Г. Тоузаковъ помѣщикъ Бугурусланскаго уѣзда, тогдашней Оренбургской губерніи. Онъ извѣстенъ сдѣлался на всю губернію несчастною смертію: по интригамъ жены и ея фаворита онъ былъ усыпленъ и заживо схороненъ .. Высочайше назначеннымъ слѣдствіемъ все это злодѣяніе было обнаружено —Портретъ Г. Тоузакова, прекрасно написаный въ натуральный видъ, хранится до днесь въ Семинарской Библіотекѣ.

го Преосвященнаго, судя по важности преподаваемыхъ предметовъ и по степени усердія къ дѣлу. И какъ велико было это жалованье?! Ректоръ Семинаріи получалъ 50 руб.. Префектъ 40 р., наставники отъ 15 до 35 р. ассигн.;—и это не въ мѣсяцъ,—а *за цѣлую треть года!!* Но всѣ, какъ видно, были довольны. по крайней мѣрѣ сыты отъ высшихъ чиновъ до послѣдняго *калефактора* [1]) (истопника). получавшаго *два рубля* асс. третнаго жалованья".

„Для сиротъ и бѣдныхъ безпомощныхъ учениковъ былъ учрежденъ при Семинаріи сиротскій домъ, гдѣ помѣщались ученики. пользуясь столомъ. одеждою, освѣщеніемъ и проч. По подробному разсчету, сдѣланному въ Правленіи въ 1809 году, полное содержаніе сироты стоило казнѣ 41 руб. 50 коп. ассигн. Послѣдняя, впрочемъ, цифра оказывается очень значительною сравнительно съ ассигнованнымъ въ тогдашнихъ годахъ количествомъ жалованья тогдашнимъ наставникамъ".

„Въ заключеніи изложеннаго историческаго очерка, именно относительно описываемаго перваго періода существованія Оренбургской Семинаріи, былъ въ нашей рукописи поставленъ вопросъ: „какъ же велики и полезны были труды и успѣхи учащихъ и учащихся?—Этотъ же вопросъ ставимъ и теперь, и въ отвѣтъ на него приведемъ подлинный отзывъ тогдашняго преосвященнаго Августина, данный 1807 года Мая 5 дня, на одномъ изъ донесеній Правленія о занятіяхъ и успѣхахъ учащихъ и учащихся: „Съ полнымъ удовольствіемъ признательнаго сердца разсматривалъ я, представленные мнѣ отъ семинарскаго Правленія за минувшіе Мартъ и Апрѣль мѣсяцы (1807 г.), классическіе труды учащихъ и учащихся, которымъ объявить всѣмъ совершенную мою радость и душевное желаніе подобно счастливыхъ и впредь трудовъ и успѣховъ въ классическомъ ученіи" [2]). А

---

[1]) Этотъ терминъ употреблялся въ дѣловыхъ семинарскихъ бумагахъ.

[2]) При разборѣ дѣлъ Семинарскаго архива по поводу составленія мною «Историческаго Очерка» къ юбилею Оренбургской Се-

нужно замѣтить, что этотъ архипастырь не любилъ разсыпать похвалъ: а между тѣмъ такихъ похвальныхъ отзывовъ отъ него было много".

Всѣ эти свѣдѣнія, приведенныя изъ Историческаго Очерка, равно какъ и послѣднее замѣчаніе, въ немъ же

минаріи я интересовался, между прочимъ, свѣдѣніями о трудахъ и успѣхахъ учащихъ и учащихся, изъ которыхъ нѣкоторые въ эту пору занимали заслуженныя высшія въ епархіи мѣста и должности, и съ которыми я былъ весьма хорошо знакомъ. Всѣ эти архивныя свѣдѣнія, указываемыя лица вполнѣ признавали и съ глубокою благодарностію относили всѣ успѣхи свои бывшему ихъ Ректору Филарету, отъ котораго, по ихъ искреннему признанію они переняли и унаслѣдовали изъ его личнаго характера и образа жизни и служебной дѣятельности все то, чему обязаны они и въ послѣдующихъ успѣхахъ по своимъ служебнымъ должностямъ и вообще по житейскому положенію. Таковы были слѣдующія лица: А. А. Кандарицкій, Каѳедральный протоіерей и Членъ Консисторіи,—И. А. Брѣевъ,—тоже протоіерей и Членъ Консисторіи,—два брата родные протоіереи же и Члены—П. Г и И Г. Несмѣловы,—Прот и Благочинный городской М. Е. Борецкій и ключарь Собора прот. А. С. Лепоринскій. Изъ свѣтскихъ—А. Г. Несмѣловъ. бывш. Старшій Совѣтн Губерн. Правленія, и другіе, изъ коихъ мы не можемъ не указать, въ частности, на одно лицо.—Это бывшій по рожденію сынъ священника Стерлитамакскаго уѣзда Оренб. епархіи и семинаристъ, впослѣдствіи же сдѣлавшійся извѣстнымъ по своимъ огромнымъ финансовымъ средствамъ и пр., Иванъ Ѳеодоровичъ *Базилевскій,* который изъ Оренбургской Семинаріи былъ посланъ для усовершенствованія въ наукахъ въ бывшую въ то время Казанскую Академію. Что И. Ѳ. Базилевскій сохранилъ во всю свою жизнь, не смотря на свое богатое и знатное положеніе, живую благодарную память къ мѣсту своего начальнаго образованія,—это доказано имъ тѣмъ, что, не задолго до кончины своей, онъ пожертвовалъ въ собственность, бывшей Оренбургской—нынѣшней Уфимской, Семинаріи капиталъ *въ десять тысячъ* руб. сер., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы ежегодно выдавались двумъ оканчивающимъ полный семинарскій курсъ, студентамъ, стоящимъ по списку подъ №№ 1-мъ и 2-мъ. Когда впослѣдствіи высокопр. Филаретъ живалъ, по званію Члена Св. Сѵнода, въ С.-Петербургѣ, гдѣ проживалъ и И. Ѳ. Базилевскій, то между ними было близкое искреннее знакомство, начавшееся именно по памяти о давнемъ житьѣ-бытьѣ въ Уфѣ.—Ив. Ѳ—чъ бывалъ, впрочемъ, и прежде у высокопр. Филарета въ бытность его Архіепископомъ Казанскимъ Въ Казань же пріѣзжали къ нему и нѣкоторые изъ упомянутыхъ духовныхъ лицъ, именно—протоіереи Несмѣловы, Кандарицкій и Лепоринскій. Авт.

сдѣланное, о характеристической чертѣ преосв. Августина имѣютъ, очевидно, самое прямое и ясное отношеніе къ настоящему нашему повѣствованію. Всѣ данныя, свидѣтельствующія о несомнѣнномъ, возможномъ для тогдашняго времени, благосостояніи Семинаріи падаютъ исключительно на время ректорства въ ней Филарета. Если и приписать честь и заслугу въ этомъ самому преосвящ. Августину, особенно памятному,—какъ сказано и въ Историческомъ Очеркѣ,—для всей Оренбургской паствы и по продолжительности управленія его и по его неутомимой дѣятельности и ближайшему вниманію и участію къ Семинаріи, то, само собою, эта же честь и заслуга нераздѣльно должны принадлежать и Ректору, какъ ближайшему Начальнику заведенія и притомъ такому, каковъ былъ Филаретъ по отзыву самого же Августина, т. е. ретивый и толковый. Эти же качества тѣмъ болѣе могли быть проявляемы со стороны Филарета, что онъ былъ не новичекъ на своей службѣ, такъ какъ служилъ Префектомъ и Ректоромъ въ Орловской Семинаріи, уже устроенной, да и здѣсь въ Уфѣ, до Августина, прослужилъ тоже уже два года. Наконецъ, если Августинъ дѣлалъ много похвальныхъ отзывовъ о благосостояніи Семинаріи, при всемъ томъ, что не любилъ расточать похвалъ даромъ и, всего менѣе, конечно къ непріязненному лицу — Филарету, то приведенный выше отзывъ его и многіе другіе подобные, разсматриваемые,—помимо личныхъ чувствъ и отношеній Начальника къ подчиненному, а съ прямой оффиціальной стороны, ясно свидѣтельствовали о достоинствахъ и заслугахъ по преимуществу Ректора Филарета по управленію Семинаріей.

Послѣ всѣхъ этихъ данныхъ становится почти совершенно непонятнымъ: какъ же это такъ,—что преосв. Августинъ давалъ оффиціально похвальные отзывы о Ректорѣ Филаретѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ самъ лично преслѣдовалъ его и доносилъ объ немъ съ худой стороны высшему начальству—Митрополиту С.-Петербургскому? Отвѣтомъ на это съ одной стороны, и кажется болѣе всего, служитъ то, что извѣстно уже о свойствѣ

личнаго характера преосв. Августина и о его отношеніяхъ къ извѣстнымъ лицамъ, коимъ онъ желалъ угодить преслѣдованіемъ Филарета. Поступать же такъ, какъ только ему хотѣлось, онъ могъ совершенно свободно по силѣ всецѣлой зависимости тогдашнихъ ректоровъ Семинаріи отъ мѣстныхъ архіереевъ и даже отъ Консисторій. Къ тому же тогдашнія оффиціальныя распоряженія архіереевъ по дѣламъ Семинаріи, равно какъ и всѣ аттестаціи о служащихъ въ ней лицахъ не восходили опредѣленнымъ административнымъ путемъ къ высшему начальству и не были повѣряемы какими-либо ревизіями. Слѣдовательно, писавши одно на оффиціальныхъ бумагахъ Семинарскаго Правленія, Августинъ могъ лично отъ себя поступать совершенно иначе и доносить такъ же по своимъ видамъ и соображеніямъ. Сказать ли, что это явная несправедливость и обида; но самъ преосвящ. Августинъ, какъ уже извѣстно, признавался, что онъ дѣйствительно обижалъ даже Филарета несправедливо... Съ другой стороны изъ приведенныхъ же, за послѣдующее время жизни, отзывовъ преосвященнаго Августина прямо видно, что онъ свидѣтельствовалъ о Филаретѣ, какъ о человѣкѣ, собственно по службѣ, достойномъ-ретивомъ и толковомъ, а относительно жизни на оборотъ такъ, что за послѣднюю, какъ *дурную*, долженъ былъ прогнать его отъ себя изъ Уфы.—Потому-то и въ донесеніяхъ своихъ Митроп. С.-Петербугскому Августинъ, всего вѣроятнѣе, и могъ чернить Филарета именно за его поведеніе, хотя-бы послѣднее было истинно-безукоризненное, но могло казаться на крайне-оригинальный, даже какъ-бы юродливый, взглядъ и нравъ Августина совершенно инаковымъ... Наконецъ были, само собою, недостатки въ образѣ дѣйствій и самого Филарета,—въ чемъ онъ и самъ,—какъ мы уже видѣли, сколько смиренно, столько и откровенно признавался, говоря при этомъ, что именно Августинъ-то и былъ для него истиннымъ благодѣтелемъ-наставникомъ, который раскрылъ ему эти его недостатки, которыхъ онъ самъ не могъ бы видѣть и потому освободиться отъ нихъ".— Наконецъ то обстоятельство, о которомъ, съ особенною

скорбію въ душѣ. писалъ Филаретъ въ письмѣ къ Турчанинову, т. е. что „отъ воздвигнутой Августиномъ бури гоненій вмѣстѣ съ нимъ (Филаретомъ) должны были пить чашу неповинныхъ страданій нѣсколько отцовъ семействъ.—это обстоятельство даетъ разумѣть, что самые сопричастники страданій могли вызывать, и не зависимо отъ Филарета. недовольство и преслѣдованія Августина противъ самихъ себя. и нераздѣльно и противъ Филарета. У одного изъ доставителей свѣдѣній сказано: за что преосв. Августинъ преслѣдовалъ Ректора Филарета. Богъ вѣсть,—развѣ за то, что всѣ любили, почитали и хвалили послѣдняго болѣе, чѣмъ перваго; причемъ Филарету было дано и открыто произносилось наименованіе „*милостиваго*“. а Августину „*суроваго*“. ничѣмъ и никѣмъ *неумолимаго* [1]). Понятно, что подобныя выраженія любви и почитанія, и особенно превосходившія, какъ случается, мѣру и не всегда умѣстныя. могли, что называется. задѣвать за живое, кого угодно на мѣстѣ Начальника въ отношеніи къ подчиненному,— Августина же тѣмъ болѣе. Недаромъ же онъ и самъ, какъ бы по выраженію „невѣсткѣ въ отместку“ рекомендовалъ предъ другими, даже знатными, Филарета очень неодобрительно. титулуя его „*хитрой лукавой жучкой*“.

Впрочемъ чѣмъ труднѣе дойти здѣсь до какихъ-либо опредѣленныхъ объясненій по однимъ лишь человѣческимъ соображеніямъ, тѣмъ яснѣе становится та истина, что въ подобныхъ путяхъ и дѣйствіяхъ человѣческихъ, не нарушая ихъ свободнаго теченія, совершаются тайныя судьбы и пути Промысла Божія. По отношенію къ лицу и жизни въ Бозѣ почившаго Филарета это не подлежитъ сомнѣнію; здѣсь было для него истинное горнило внутренняго испытанія и очищенія, а въ

---

[1]) Въ средѣ духовенства сложилась даже риѳмованная поговорка,—или такъ называвшаяся *горемычная пѣсенка*. «Коли Августинъ на кого напустилъ,—такъ тому ужъ не стать—сдобровать; хоть горюй, хоть тужи, хоть молебны служи; будетъ все понапрасну; Августинъ архіерей, страхъ, ужасный».

мѣру сего послѣдняго готовилось для него и измѣненіе въ самой судьбѣ его и притомъ въ такую пору, когда онъ и самъ почиталъ себя потерявшимъ все, и честь, и службу и пр., и когда преосв. Августинъ едва-ли чаялъ или вѣрнѣе едва-ли желалъ ему чего-либо добраго, равно какъ и Митрополитъ Амвросій, только какъ бы не хотя, согласился перевести его въ иное мѣсто, считая его на столько неблагонадежнымъ, что не предполагалъ и на новомъ мѣстѣ его исправленія,—почему и предписано было тогда же новому его Начальнику—Тобольскому архіепископу Амвросію доносить о его службѣ и поведеніи послѣ каждыхъ трехъ мѣсяцевъ.

Но если таковы были пути Божественнаго Промысла въ судьбахъ преслѣдованнаго Филарета, то что же помышлять объ Августинѣ въ этомъ отношеніи и значеніи? Если самъ Филаретъ во всю жизнь свою почиталъ Августина своимъ благодѣтелемъ, и считалъ себя обязаннымъ, по его собственному выраженію, преклоняться предъ нимъ, такъ какъ безъ его уроковъ и наставленій онъ быть можетъ и не былъ бы тѣмъ, кѣмъ сталъ, быть—Митрополитомъ,—однимъ словомъ признавалъ и исповѣдывалъ предъ другими въ лицѣ и дѣйствіяхъ Августина явное орудіе Того же Божественнаго Промысла, то, вмѣсто какихъ-либо человѣческихъ чувствъ и взглядовъ, невольно какъ бы слагающихся въ смыслѣ укоризны Святителю, остается всего справедливѣе раздѣлить чувства и признаніе самого же Филарета. При этомъ самыя даже свѣдѣнія, приведенныя нами отъ лица современниковъ-свидѣтелей, о личномъ характерѣ и образѣ дѣйствій преосв. Августина могутъ быть на столько справедливы, на сколько естественно было судить объ нихъ подъ живыми впечатлѣніями, такъ какъ и самъ Филаретъ не прочь былъ въ свое время изливать всю свою душевную скорбь и горечь, когда изображалъ, въ извѣстномъ письмѣ, свое самое тягостнѣйшее состояніе—*яко не надѣлтися и живу ему быти*... Къ тому же самыя свѣдѣнія, здѣсь разумѣемыя, относились, какъ говорится, къ одной лишь сторонѣ медали. И въ біографическомъ очеркѣ „Преосвященный Августинъ“, (прежде нами ци-

тованномъ), и въ живыхъ сказаніяхъ, доходившихъ до насъ лично отъ многихъ, хорошо помнившихъ время епископства преосв. Августина въ Уфѣ въ теченіи цѣлыхъ 12-ти лѣтъ, дѣйствительно есть объ немъ свѣдѣнія и совсѣмъ другаго рода,—именно, какъ о лицѣ высокой духовной жизни. Самое какъ бы юродство его могло казаться заслуживающимъ неодобренія, быть можетъ, только по близорукости смотрѣвшихъ на него. Сохранились несомнѣннѣйшія сказанія о преосв. Августинѣ даже такія, что онъ обладалъ духовно-благодатнымъ даромъ *прозорливости* и сподоблялся многихъ видѣній и откровеній, какъ оказалось это фактически при его кончинѣ,—о чемъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Фактъ же особенно памятный, какъ бывшій извѣстнымъ всѣмъ современникамъ жителямъ Уфы, сохранился слѣдующій: „Когда въ Уфу, въ теченіи всего *двѣнадцатаго* года, по самой отдаленности, менѣе всего конечно, могли доходить какія-либо свѣдѣнія и слухи о военныхъ дѣйствіяхъ, вступившаго уже въ предѣлы Россіи, Наполеона, тогда истинно изумлялъ всѣхъ преосв. Августинъ, когда въ частныхъ искреннихъ бесѣдахъ разсуждалъ онъ о тогдашнихъ событіяхъ, какъ будто получавшій какія депеши съ театра военныхъ дѣйствій... Когда же всего менѣе можно было даже гадать объ извѣстномъ исходѣ войны, всѣ жители города Уфы были буквально поражены, услышавши вдругъ благовѣстъ въ большой колоколъ въ Соборѣ... Всѣ смутились, засуетились, не зная совершенно,—что значитъ такой праздничный звонъ... Поспѣшили въ Соборъ, видятъ, что пріѣхалъ Архіерей, собралось все духовенство... Послѣ облаченія преосв. Августинъ выходитъ на амвонъ.. сначала онъ положилъ три земные поклона предъ царскими вратами, затѣмъ, вдругъ обратившись къ народу, началъ какимъ-то необыкновеннымъ истинно вдохновеннымъ голосомъ говорить: „И такъ врагъ—супостатъ *нынѣ изгоняется вонъ* изъ твердынь и стогновъ нашей первостольной столицы Православной Москвы!! Вознесемъ убо молитвы и моленія и благодаренія Господу Силъ и побѣдъ! и проч.“. И что-же, сказывалъ намъ бывшій очевидецъ этого со-

бытія,—сказать по правдѣ, нѣкоторые усумнились... и заподозрили было преосв. Августина... и въ чемъ именно?!. въ томъ,—не ряхнулся ли-де нашъ Владыка въ умѣ... а другіе—власть имѣющіе и озадаченные этою необычайностію событія и притомъ опасавшіеся какихъ-то послѣдствій за видимую неосновательность такой прокламаціи Архіерея, хотѣли было писать экстренный доносъ на него... и, кажется, даже писали... Но вотъ, недѣли чрезъ три, все это оправдалось точь въ точь:—въ тотъ же день именно—12 Октября, въ который преосв. Августинъ совершилъ торжественное благодарное молебствіе, дѣйствительно Наполеонъ выступилъ съ своими полчищами взъ Москвы. Съ этой поры въ особенности имя преосв. Августина стало почитаться почти всѣми, какъ великаго Святителя, и любовь къ нему была неизмѣнна до самаго увольненія его изъ Уфы, которое онъ самъ себѣ испросилъ, чтобы удалиться на покой въ одинъ изъ бѣдныхъ монастырей на своей родинѣ—въ г. Ростовѣ.—Очевиднѣйшимъ же для всѣхъ доказательствомъ такихъ чувствъ и отношеній Оренбургской паствы къ преосв. Августину былъ портретъ его, который можно было видѣть во многихъ домахъ даже въ 40—50 годахъ. Портретъ этотъ, вышиною въ 7 верш. и шириною въ 5-ть, сдѣланъ пунктиромъ и очень хорошею рукою. Подъ портретомъ печатная (курсивная)—надпись слѣдующая: „Августинъ, Епископъ Оренбургскій и Уфимскій, родился въ 1768 г. Ярославской губерніи въ городѣ Ростовѣ; хиротонисанъ въ Епископа въ 1806 г. Іюня 18 дня“.—Въ двухъ же нижнихъ строкахъ написано: „Изъ признательности и любви иждивеніемъ дворянства, купечества Оренбургской губерніи 1818 г. [1]). Въ этихъ же чувствахъ

---

[1]) Какъ изъ этой подписи, такъ и изъ другихъ, извѣстныхъ намъ, свѣдѣній оказывалось, что духовенство не приглашено было къ участію въ этомъ иждивеніи; за-то экземпляры портрета пріобрѣтены были во всѣ приходы. По поводу этого бывали разсказы, слышанные и нами не разъ, о томъ, какъ памятенъ былъ преосв. Августинъ въ средѣ духовенства необычайно строгими его взысканіями за нравственные проступки и, въ частности, за винопійство. Когда

и иждивеніемъ тѣхъ же сословій ко времени проводовъ преосв. Августина,—какъ сообщилъ намъ за достовѣрное бывшій при немъ священникъ-келейникъ (ѣздившій на козлахъ съ кофейнымъ чайникомъ) И. П. Поповъ,—сдѣлано было полное архіерейское облаченіе и митра для него, такъ какъ онъ ѣхалъ въ бѣдный монастырь, гдѣ тѣмъ болѣе не могло быть архіерейскихъ облаченій, а самъ преосв. Августинъ тоже не имѣлъ своихъ собственныхъ. Это приношеніе было сдѣлано даже съ тѣмъ, чтобы преосв. Августинъ возлегъ въ немъ и во гробъ. Но оказалось, что, по завѣщанію въ Бозѣ почившаго, облаченіе и митра были возвращены въ Уфимскій каѳедральный соборъ [1]).

Зная все это лично въ Уфѣ въ свое время и бывши въ 1866 г. (1—4 Сентября) въ Ростовѣ и въ Варницкомъ монастырѣ для собиранія біографическихъ матеріаловъ о высокопр. Филаретѣ, я полюбопытствовалъ спросить о томъ,—въ какомъ же облаченіи погребенъ преосв. Августинъ? Бывшій при немъ келейный (въ описываемую же пору уже іеромонахъ К.) сообщилъ мнѣ, что покойный Преосвященный приготовилъ себѣ на свой счетъ особое погребальное облаченіе—саккосъ, омофоръ и пр. изъ самой грубой шерстяновласяной, (такъ называемой

кому либо изъдуховныхъ приходила охота выпить, или, когда собиралась у кого либо дружеская компанія, по обычаю нужно было угощаться и по части чарочной,—то не прежде будто бы рѣшались поставить чарочное угощеніе, какъ предварительно обернувши портретъ Августина лицемъ къ стѣнѣ... Иначе, говорили нѣкоторые, просто не удержишь чарку,—и отъ заочнаго страха и трепета руки трясутся. Въ этихъ самыхъ разсказахъ, передаваемыхъ хотя въ смыслѣ и тонѣ забавномъ, все-таки ясенъ голосъ той правды, что преосв. Августинъ оставилъ по себѣ память, какъ Архипастырь съ сильнымъ и дѣйственнымъ вліяніемъ на нравственную сторону въ жизни духовенства.

[1]) По завѣщанію же его присланы были въ Семинарскую Библіотеку весьма многія рѣдкія и цѣнныя книги изъ древнихъ фолліантовъ,—а какъ денегъ не осталось послѣ покойнаго ни копѣйки, то исполнители завѣщанія не могли доставать эти книги, которыя наконецъ были пересланы на счетъ Семинарскихъ суммъ въ 1846 г.

манатейной) черной матеріи и вмѣсто гаса употребилъ и на каймы и на кресты простой нитяный неширокій бѣлый снурокъ. Вмѣстѣ же съ положеніемъ себя въ гробъ онъ строго на строго приказалъ положить туда *двѣнадцать* небольшихъ иконъ разныхъ, сдѣланныхъ имъ по нарочитому заказу по случаю разныхъ бывшихъ ему видѣній и откровеній въ жизни.—Иконы эти были тѣхъ Святыхъ, во дни которыхъ были видѣнія и откровенія". Я спросилъ разсказчика—о. К., былъ ли онъ тутъ въ самую ту пору, когда пріѣзжалъ, въ 1842 г. въ Маѣ, въ Ростовъ бывшій Митроп. Кіевскій Филаретъ, и посѣщалъ могилу покойнаго Августина, и не припомнитъ ли онъ чего-либо особеннаго, бывшаго при этомъ посѣщеніи?—„Да, отвѣчалъ съ какимъ-то умиленіемъ о. К., я именно былъ тутъ, какъ вотъ теперь съ вами нахожусь,—и во вѣкъ не забуду этого случая. Владыка-то Митрополитъ всѣхъ насъ просто поразилъ своимъ безпримѣрнымъ смиреніемъ и благоговѣніемъ предъ нашимъ бывшимъ Владыкою Августиномъ, котораго, сказать по правдѣ, немногіе и изъ здѣшнихъ хорошо понимали. При этомъ о. К. передалъ мнѣ прежде всего то, какъ высокопр. Филаретъ, стоялъ на колѣняхъ и просто-почти обливался слезами во все время панихиды и что говорилъ...—о чемъ уже сказано было нами прежде.—Послѣ совершенной мною панихиды надъ могилою преосв. Августина (погребеннаго въ Церкви), добродушный К. самъ разохотился передать мнѣ все, ему извѣстное изъ обстоятельствъ посѣщенія Митр. Филирета,—узнавши отъ меня, что я собираю матеріалы для біографіи послѣдняго.

„Вотъ говорилъ о. К., по выходѣ изъ Церкви на паперть,—обитель-то наша повинна предъ Владыкою Митрополитомъ, что не сохранила его завѣта, лично имъ высказаннаго тогда въ слухъ предъ всѣми... Какого же именно? спросилъ я, заинтересовавшись свѣдѣніемъ.—„Да вотъ видите вы въ этомъ садикѣ бесѣдку... но это вовсе не бесѣдка, а было крыльцо у того домика, въ которомъ жительствовалъ преосв. Августинъ. Оно-то только теперь и осталось, а домикъ проданъ на сломъ. Между тѣмъ

Кіевскій Митроп. Филаретъ, побывавши въ существовавшемъ тогда домикѣ и много много побесѣдовавши, и распрашивая о житьѣ-бытьѣ преосв. Августина, наказалъ строго, чтобы это жилище, или какъ онъ назвалъ тогда, это *гнѣздышко благодатнаго соловья* [1]) было непремѣнно поддерживаемо въ цѣлости, причемъ прямо сказалъ, что онъ на это жертвуетъ свои деньги, которыя дѣйствительно тутъ же и далъ, да и послѣ присылалъ. Но домикъ-то не поддерживался и пришлось сломать".—А передавали ли вы, спросилъ я о. К., Владыкѣ Кіевскому то, что и мнѣ теперь относительно погре-

---

[1]) Замѣчательно, что такое же самое выраженіе употребилъ и высокопр. Филаретъ Митрополитъ Московскій при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1836 г. въ Іюнѣ Московскій Владыка пріѣзжалъ на освященіе храма, въ Ростовскомъ Ставропигіальномъ Преображенскомъ,—иначе именуемомъ Яковлевско-Димитріевскомъ Монастырѣ, созданнаго усердіемъ и средствами извѣстной Графини Анны Алексѣевны Орловой, которая *сама лично просила Митрополита* прибыть на освященіе храма, хотя Монастырь и былъ внѣ его Епархіи. Находясь, по этому поводу, въ Ростовѣ Митроп. Московскій пожелалъ посѣтить всѣ тамошніе Монастыри и въ особенности Варницкій, ознаменованный извѣстнымъ событіемъ въ отроческой жизни Св. Преподобнаго Сергія Радонежскаго,—и съ тѣмъ вмѣстѣ лично посѣтить, проживавшаго тутъ, преосв Августина, узнавши предварительно, что онъ находится дома. Преосв. Августину дано было знать объ ожидаемомъ посѣщеніи Монастыря Митрополитомъ Московскимъ. Митрополитъ дѣйствительно прибылъ и, по осмотрѣ Монастыря, пошелъ посѣтить Августина, о которомъ ему доложили, что онъ дома. Но когда подошли къ крыльцу, къ удивленію всѣхъ, оказался замокъ снаружи на дверяхъ Спросили, кого слѣдовало: гдѣ преосвященный.—и не вышелъ ли онъ, развѣ, на прогулку? . Но послѣдовалъ отвѣтъ, что онъ-де преосв. Августинъ самъ лично приказалъ заблаговременно приготовить свою телѣжку и тайно отъ всѣхъ уѣхалъ изъ Монастыря, вѣроятно, въ свое родное село, въ которое ѣзжалъ нерѣдко. какъ находившееся невдалекѣ отъ г. Ростова.—Владыка Московскій. нисколько не смутился этимъ, а только проговорилъ въ слухъ всѣхъ: «Да, недаромъ замѣчено, что *отличный соловей* никогда не любитъ сидѣть *на мѣстѣ своего гнѣзда,* а порхаетъ и распѣваетъ, гдѣ ему свободнѣе и пріятнѣе». Этотъ фактъ значится и въ біографическомъ очеркѣ (Странникъ 1866 г.), и я лично слышалъ разсказъ объ этомъ, при описанномъ выше посѣщеніи мною Варницкаго Монастыря.

бальнаго облаченія и объ иконахъ, положенныхъ во гробъ вмѣстѣ съ покойнымъ Августиномъ?—„Ахъ-да, какъ же!! И мнѣ это особенно памятно... какъ теперь смотрю на бывшаго Митрополита, когда онъ выслушивалъ мой разсказъ... Онъ при этомъ какъ будто забылся, или какъ бы унесся куда-то и духомъ и тѣломъ... И вдругъ очнувшись, перекрестился на всѣ почти стороны и промолвилъ: да! *нѣсть сіе мѣсто, но домъ Божій!!*“... Вѣдь недаромъ же, говорилъ онъ далѣе,—и сія самая обитель основана на томъ именно мѣстѣ, гдѣ св. Преподобный Сергій Радонежскій, бывши еще малымъ отрокомъ, сподобился видѣнія въ лицѣ старца [1]). Значитъ, духъ благодатныхъ общеній съ небожителями здѣсь и до днесь пребываетъ для достойныхъ сего... и тѣмъ паче сіе *и сердцемъ вѣруется и усты исповѣдуется*, что св. угодникъ Божій Сергій Радонежскій несомнѣнно посѣщаетъ духомъ и тѣломъ для *имѣющихъ очи видѣти* мѣсто сіе, какъ излюбленное отъ невиннаго еще своего возраста. И вотъ вашъ-то, жительствовавшій въ сей храминѣ, Святитель Божій несомнѣнно имѣлъ сіи *очи видѣти*... Недаромъ онъ и всегда прежде, еще на Святительской каѳедрѣ, тщился подражать Св. Угоднику Сергію, отъ юности возлюбившему нищету рубищную, не одѣвавшись никогда, вотъ по нашему грѣшному обычаю—въ шелкъ и бархатъ, а въ простую крашенину;—да вотъ и самое-то погребальное облаченіе, какъ теперь извѣстно, онъ уготовалъ себѣ такое же... О братіе-братіе! Истинно блаженны мы, что сподобляемся хотя *имѣть уши слышати*, что я слышалъ здѣсь теперь; о когда бы и сердцемъ всѣмъ воспринять въ себя слышанное въ посильное достоподражаніе“ [2]).

---

[1]) Монастырь Варницкій (названный такъ отъ бывшихъ тутъ солеварницъ) основанъ былъ, дѣйствительно, на томъ полѣ съ дубровой, гдѣ отрокъ Варѳоломей (имя Св. Пр. Сергія при крещеніи) искалъ лошадей родительскихъ и встрѣтилъ тутъ явленіе ему Божественнаго Старца... На называемыхъ Святыхъ воротахъ теперешняго Монастыря написано иконное изображеніе сего событія.

[2]) Это достоподражаніе и осуществилось въ лицѣ и состояніи самого высокопр. Филарета, который дѣйствительно, уволившись въ

И намъ, при выслушаніи столь смиренномудреннаго разсужденія въ Бозѣ почившаго Святителя, что иное остается, какъ *сложить въ сердцѣ* то неложное окончательное убѣжденіе, что, дѣйствительно, какъ бы ни представлялись по человѣческимъ взглядамъ и соображеніямъ всѣ, бывшія неблагопріятныя личныя и служебныя, отношенія преосв. Августина къ архимандриту Филарету въ дни оны,—но вѣрна и *всякого пріятія*, по выраженію св. Апостола, *достойна* та истина, что подъ видимыми житейскими обстоятельствами, дѣйствіями и путями людей, не нарушая образа ихъ проявленія, совершаются въ жизни избранниковъ именно тѣ судьбы, о коихъ начертано было Филарету: „*Не бойся! Судьбы архимандрита Филарета въ рукахъ Божіихъ*“, хотя оправданіе этихъ судебъ было еще въ будущемъ неопредѣленномъ... Изъ Уфы Филаретъ долженъ былъ отправиться еще въ дальнѣйшую область Сибирскую—въ *Тобольскъ*.

Перемѣщеніе это совершилось по распоряженію Св. Сѵнода [1]), и вслѣдствіе именно того, что преосвящ. Августинъ, (о чемъ были уже сдѣланы нами предъуказанія), кромѣ личныхъ и оффиціальныхъ преслѣдованій Филарета на мѣстѣ, дѣлалъ, особенно въ теченіе послѣднихъ полутора годовъ, столь учащательныя донесенія Св. Сѵноду съ приложеніемъ разныхъ слѣдственныхъ дѣлъ обвинительныхъ противъ Филарета, что самъ Св. Сѵнодъ поставилъ ему это, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, на замѣчаніе въ такихъ именно словахъ: „таковыми дѣлами, кои болѣе всего зависятъ отъ архипастырскаго разсмотрѣнія, Ваше Преосвященство затрудняете и отвлекаете самый Св. Сѵнодъ отъ важнѣйшихъ его занятій... да и вообще Св. Сѵнодъ находитъ Васъ

эту пору навсегда отъ личнаго присутствованія въ Св. Сѵнодѣ и избравши себѣ Голосѣеву Пустынь для уединеннаго по временамъ пребыванія,—вмѣсто шелка и бархата облекался тамъ въ простыя схимническія одѣянія, принявъ потаенно и самый постригъ-схимническій съ именемъ Св. Преп. Ѳеодосія Кіево-Печерскаго.

[1]) Указъ объ этомъ былъ отъ 10 Ноября 1810 г. за № 3072-мъ.

въ образѣ управленія ввѣренною Вамъ епархіею тягостнымъ и пр...“ [1]) Какіе же были предметы и дѣйствія, по которымъ назначалъ преосв. Августинъ слѣдственныя производства, и по послѣднимъ находилъ Архимандрита Филарета подлежащимъ даже суду самого Святѣйшаго Сунода.—это увидятъ читатели въ подлинныхъ документахъ, изложенныхъ въ слѣдующей главѣ. Въ этихъ же документахъ, ясно увидится и то, на сколько придирчивы и прямо притѣснительны были вообще оффиціальныя дѣйствія преосв. Августина и самой Консисторіи по отношенію къ Архимандриту Филарету по управленію его какъ Монастыремъ, такъ и Семинаріей.

[1]) Указъ Св. Сунода отъ 9-го Декабря 1810 г. за № 3771-мъ.

ГЛАВА VI.

«Оренбургская Духовная Консисторія напрасно и незаконно завлекаетъ меня въ судъ за такое дѣло, которое и Богу угодно и съ должностію Монастырскаго Настоятеля сообразно» [1]. «Св. Сунодъ по симъ и другимъ дѣламъ усматриваетъ, что Ваше Преосвященство резолюціями своими останавливаете законныя дѣйствія дѣлъ по такимъ предметамъ, кои по своему существу никакой важности не составляютъ, къ непомѣрному Консисторіи и подсуднаго Вамъ духовенства отягощенію, да и самый Св. Сунодъ таковыми дѣлами затрудняете и отвлекаете отъ важнѣйшихъ его занятій и проч.» [2])

Документальныя данныя, которыя имѣютъ быть представлены въ настоящей главѣ, извлечены нами во 1-хъ, изъ подлинныхъ дѣлъ, сохранившихся въ архивѣ Консисторіи, бывшей тогда Оренбургской — нынѣшней Уфимской [3]), и во 2-хъ, изъ такихъ же дѣлъ въ Архивѣ Святѣйшаго Сунода [4]).

---

[1]) Слова въ постраничной подписи Архимандрита Филарета на экстрактѣ одного дѣла.

[2]) Слова въ Указѣ Св. Сунода отъ 9-го Декабря 1810 г. за № 3771-мъ.

[3]) Въ 1886 г. въ Іюлѣ я нарочито ѣздилъ въ Уфу, чтобы разсмотрѣть всѣ дѣла съ 1804 по 1810 г., относившіяся къ лицу въ Бозѣ почившаго Высокопр. Филарета по службѣ его въ Уфѣ, какъ Настоятеля Монастыря, Члена Консисторіи, Ректора Семинаріи и съ тѣмъ вмѣстѣ учителя Богословія.

[4]) Для извлеченія указываемыхъ данныхъ изъ дѣлъ Сунодальнаго Архива, равно какъ и другихъ свѣдѣній, относящихся къ біографіи высокопр. Филарета, пишущій тоже былъ нарочито въ С.-Петербургѣ въ Августѣ и Сентябрѣ 1887 г.

Въ ряду излагаемыхъ дѣлъ на первомъ мѣстѣ, и по порядку времени и по видимой важности, мы встрѣтили въ документахъ консисторскихъ дѣло о подсудности архимандрита Филарета, какъ Настоятеля Монастыря, по возводимымъ на него обвиненіямъ въ сборныхъ деньгахъ на устройство церкви,—и будто бы израсходованныхъ имъ самопроизвольно и безотчетно.—Дѣло это помѣчено такъ: „началось 1806 г. Марта 23. кончилось 6 Сентября 1810 г.; все дѣло на 106-ти листахъ". Слѣдовательно, это дѣло тянулось, какъ разъ, отъ самаго перваго времени прибытія преосв. Августина на епархію и до перемѣщенія Архимандрита Филарета изъ Уфы въ Тобольскъ. Оно доходило не разъ и до Св. Сѵнода. Изложимъ процедуру его хотя въ возможно сокращенномъ извлеченіи.

На предметъ устройства церкви въ Монастырѣ была выдана сборная книга еще на имя предмѣстника Архимандрита Филарета—бывшаго Настоятеля Лаврентія. По этой книгѣ продолжались сборы и при арх. Филаретѣ какъ имъ самимъ лично, такъ и чрезъ посредство другихъ,—на что право было означено въ самомъ заглавіи на сборной книгѣ.—Эту-то книгу архим. Филаретъ и передалъ однажды (въ 1805 г.) Бузулукскому протоіерею Усовичу, бывшему въ тоже время и Префектомъ Семинаріи, для сбора подаяній въ Бузулукскомъ уѣздѣ [1]) и смежномъ съ нимъ Оренбургскомъ.—Прот. Усовичъ попросилъ отъ себя другихъ духовныхъ-благочинныхъ и священниковъ посодѣйствовать сбору подаяній. Одинъ изъ священниковъ (Сорочинской крѣпости Оренб. уѣзда) Егоръ Гавриловъ завелъ, по особенному усердію самъ отъ себя, тетрадь для вписыванія собираемыхъ денегъ, и передавалъ ее и другимъ сосѣднимъ сельскимъ священникамъ, а собиравшіяся деньги отсылалъ или прямо въ Монастырь, или въ Оренбург-

[1]) О. Усовичъ, бывши Префектомъ Семинаріи въ Уфѣ, состоялъ въ тоже время штатнымъ Протоіереемъ г. Бузулука (Оренб. епархіи), куда обыкновенно онъ и отправлялся во время вакаціонное.

ское духовное Правленіе. которое представляло эти деньги въ Консисторію. что и продолжалось долгое время. Но. вотъ. преосв. Августинъ, разсматривая вѣдомости о дѣлахъ Оренбургскаго духовнаго Правленія, увидѣлъ дѣло и о производившемся сборѣ денегъ по тетради... и далъ (12 Мая) Консисторіи такое предписаніе: „Взять отъ Настоятеля Уфимскаго Успенскаго Монастыря—Филарета письменное объясненіе въ томъ: по собственному ли его желанію и съ чьего дозволенія, кому и въ какое время дана была тетрадь для собиранія денежной суммы отъ доброхотныхъ дателей на построеніе церкви въ Уфимскомъ Монастырѣ.—и представить оное объясненіе при журналѣ“ [1]).

Приглашенный въ присутствіи Консисторіи для выслушанія предписанія преосв. Августина и для дачи объясненія архим. Филаретъ написалъ: „симъ почтеннѣйше объясняюсь. что тетрадь для собиранія денежной суммы отъ доброхотныхъ дателей на построеніе церкви Уфимскаго Монастыря съ чьего дозволенія, кѣмъ и кому именно и въ какое время была дана, мнѣ не извѣстно“. На журналѣ Консисторіи по этому объясненію преосв. написалъ резолюцію: „Дополнить объясненіями протоіереевъ Іоанна Усовича и Михаила Нѣмкова члена Оренбургскаго духовн. Правленія [2]). Оба эти протоіереи объяснили тоже, что и Филаретъ, т. е. что имъ относительно тетради ничего не извѣстно. Отсюда-то и пошло дальнѣйшее разслѣдованіе, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ и сведенное къ тому, что вся вина падала на архим. Филарета въ томъ. что онъ передавалъ самовольно сборную книгу протоіерею Усовичу.

1-го Сентября 1809 года архимандриту Филарету была послана повѣстка такого содержанія: „Имѣете вы сего Сентября втораго числа для нѣкоторой надобности явиться въ Оренбургскую духовную Консисторію, о чемъ къ выполненію сего на оборотѣ сей повѣстки подписав-

---

[1]) Въ дѣлѣ стр. 13.

[2]) Стр. 14.

шись, прислать оную обратно въ Консисторію. Оказалось, что эта нѣкоторая надобность и состояла въ выслушаніи экстракта изъ слѣдственнаго дѣла.

По выслушаніи въ самомъ присутствіи Консисторіи этого экстракта, изложеннаго на 7½ листахъ, подсудимый архимандритъ Филаретъ, въ сдѣланной имъ по страницамъ подписи, написалъ слѣдующее: „1809 года Сентября 2 дня сей экстрактъ въ присутствіи Оренбургской духовной Консисторіи я—архимандритъ Филаретъ читалъ и въ немъ нахожу, что вины въ дачѣ мною Бузулукскому протоіерею Іоанну Усовичу сборной книги на устроеніе Уфимскаго Успенскаго Монастыря никакой нѣтъ. Ибо 1-е—оная книга нефальшивая, а данная изъ Оренбургской духовной Консисторіи. 2-е—дана была мною книга для вписыванія вкладовъ на Уфимскій Успенскій Монастырь ни съ какимъ худымъ умысломъ, а единственно потому, что считалъ я и считаю обязанностію моею находить всѣ законные способы для устроенія онаго монастыря, яко вновь заведеннаго и созидаемаго усердіемъ доброхотныхъ дателей, къ тому же самое право на передачу этой книги другимъ довѣреннымъ лицамъ означено въ надписи консисторской на самой же книгѣ. 3-е—собранныя, отъ доброхотныхъ дателей, деньги употреблены, дѣйствительно, на устроеніе означеннаго Монастыря. А потому и выписанныя къ сему дѣлу узаконенія къ поступку моему не относятся. И Оренбургская духовная Консисторія напрасно завлекаетъ меня въ судъ за такое дѣло, которое и Богу угодно и съ должностію монастырскаго настоятеля сообразно. Того ради всепокорнѣйше прошу Оренбургскую духовную Консисторію освободить меня отъ сего дѣла“. Изъ самаго дѣла оказывается, что архимандритомъ Филаретомъ собрано денегъ на построеніе церкви 6.506 руб. 21 коп. ассиг. Что же касается до выписанныхъ къ дѣлу узаконеній, которыя признавалъ архим. Филаретъ къ его поступку не относящимися,—то дѣйствительно онѣ были таковы.— Узаконенія эти приведены и изъ Соборныхъ правилъ и изъ генеральнаго Регламента, и даже изъ воинскихъ

артикуловъ и указовъ, начиная съ 1714 г. [1]) и съ явною натяжкою по отношенію къ дѣлу; а съ тѣмъ вмѣстѣ эти узаконенія угрожали подсудимому страшными наказаніями даже до ссылки на галеры... съ отнятіемъ

---

[1]) При разсматриваніи многихъ архивныхъ дѣлъ Консисторіи почти всюду встрѣчалось обиліе всевозможныхъ узаконеній, выписанныхъ въ справкахъ при журналахъ и другихъ постановленіяхъ Консисторіи. Такого порядка требовалъ преосв. Августинъ своими прямыми резолюціями съ указаніемъ даже отъ себя на тѣ, или иныя узаконенія.—Отъ чего это такъ—считаемъ умѣстнымъ объяснить — Преосв. Августинъ слылъ во все время епископства за великаго юриста-законовѣда; это наконецъ стало извѣстно и Св Суноду, когда преосв Августинъ, въ послѣдніе годы предъ отставкою, сталъ представлять отъ себя въ Св. Сунодъ цѣлые томы свода узаконеній по Церковному управленію и вообще по вѣдомству духовному, настоятельно прося и требуя отъ Св. Сунода надлежащаго разсмотрѣнія и утвержденія этихъ узаконеній въ смыслѣ законодательномъ... Но оказалось, что Св. Сунодъ, находя въ представляемыхъ Августиномъ огромныхъ томахъ чрезчурное обиліе матеріаловъ, невыдерживающихъ, а во множествѣ и не заслуживающихъ критики, пришелъ къ мысли, что преосв. Августинъ увлекся этою своею спеціальностію, какъ говорится, до plus ultra, и въ самыхъ своихъ представленіяхъ выражалъ, иногда, нѣчто въ этомъ же родѣ... А съ тѣмъ вмѣстѣ усматривая изъ текущихъ дѣлъ по управленію Епархіею тотъ же, прежній тягостный образъ дѣйствованія, который былъ поставленъ ему на замѣчаніе, Св. Сунодъ, сколько извѣстно по вѣрнымъ сказаніямъ, призналъ потребнымъ предложить ему уволиться *по его прошенію* на покой... Но преосв. Августинъ, и проживая на покоѣ, продолжалъ излюбленныя имъ занятія. По смерти его оказалось *сорокъ* огромныхъ томовъ, со включеніемъ прежнихъ,—которые и хранились у наслѣдниковъ, обреченные, конечно, если не на продажу *на вѣсъ*, то на совершенную безъизвѣстность подъ спудомъ. . Но,—что весьма замѣчательно.—изъ подъ спуда этого извлечены были всѣ *сорокъ* томовъ на свѣтъ міра. . и когда же и кѣмъ?! Отвѣтъ на это, быть можетъ, многіе изъ читателей знаютъ и сами изъ газетныхъ извѣстій, (вполнѣ достовѣрныхъ), за тотъ періодъ времени, когда выступилъ вопросъ и вырабатывался самый проэктъ о пресловутой «Церковно и духовно-судной Реформѣ». Въ газетныхъ извѣстіяхъ сообщалось, что по распоряженію Высшаго дух. Начальства, вытребованы были отъ наслѣдниковъ преосв. Августина всѣ сказанные томы въ распоряженіе бывшаго Комитета по предмету помянутой реформы,—въ видахъ употребленія ихъ въ дѣло. Когда объ этомъ было прочитано мною изъ одной газеты покойному Архі-

имѣнія и лишеніемъ чина... На основаніи этихъ-то узаконеній, очевидно, и было конфисковано имущество арх. Филарета, такъ что онъ остался даже безъ сапоговъ, какъ уже извѣстно читателямъ.

Послѣ сдѣланнаго въ рукоприкладствѣ архимандрита Филарета протеста,—дѣло это почему-то затянулось. Чрезъ долгое уже время архим. Филаретъ вошелъ въ Консисторію съ новымъ прошеніемъ, чтобы благоволено было рѣшить это дѣло,—и какое по оному Консисторія учинитъ постановленіе, въ томъ,—писалъ онъ,—полагаюсь совершенно на милость и судъ Оренбургскаго Епар-

---

епископу Казанскому Антонію, и при этомъ передано было о прежней судьбѣ всего многотомнаго труда Августинова, начиная съ того, какой взглядъ въ свое время имѣлъ самъ Св Сунодъ и на трудъ и труженика.—то Владыка Антоній улыбнувшись сказалъ: «а знаешь ли, что въ сію же минуту мелькнуло у меня въ головѣ?!. О взглядѣ-то Св. Сунода ты выразился слишкомъ скромно; а я самъ знаю, что Св. Сунодъ признавалъ Августина почти помѣшавшимся въ умѣ,—почему и предложилъ ему уволиться по прошенію... А отсюда не логически ли и исторически-фактически выходитъ, что Святѣйшему-то Суноду и теперь слѣдовало бы и по Закону, и по всей сущей правдѣ, признать и всѣхъ теперешнихъ затѣйщиковъ, и коноводовъ по дѣлу *духовно-судной реформы* не только не въ меньшей, но еще въ большей степени *того же* Августиновскаго *состоянія* . Да-да!—Ты не забудь, пожалуйста, помѣстить эту мою сентенцію, гдѣ будетъ нужно въ Біографіи дяди-Владыки, который самъ же и разсказывалъ мнѣ о многотомномъ трудѣ Августина,— при чемъ онъ отзывался, однако, что въ этомъ трудѣ было довольно много дѣльнаго, и потому потребнаго и полезнаго для общаго свода церковно-духовныхъ законовъ и правилъ по Сунодальному и Епархіальному управленіямъ». — Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мнѣ пишущему привелось дѣйствительно услышать отзывъ о трудѣ преосв. Августина, въ самое недавнее время, отъ профес Кіевской духовной Академіи П А. Лашкарева, (моего сотоварища по Академіи). При личномъ разговорѣ (въ бытность мою въ Кіевѣ въ Окт. 1887 г.) о составленной мною біографіи помянулось какъ-то и имя *Августина*... Петръ Александровичъ тутъ же проговорилъ: «А знаете ли, что я знакомъ съ этимъ Августиномъ по его труду авторскому... Мнѣ поручено было, вслѣдствіе распоряженія Духовн Учебн Комитета, разсмотрѣть нѣсколько его томовъ по части Церковнаго Законодательства. И я нашелъ довольно-таки стоющаго вниманія»... Авт.

хіальнаго начальства [1]). Прямаго отдѣльнаго постановленія по этому дѣлу однако не послѣдовало; а между тѣмъ, въ сдѣланномъ впослѣдствіи (уже въ 1810 г.) донесеніи Св. Сѵноду, оно было включено въ число прочихъ обвинительныхъ пунктовъ.

Между тѣмъ, во все время продолжавшагося сказаннаго дѣла, преосв. Августинъ не упускалъ никакого случая, чтобы находить въ управленіи Филарета Монастыремъ какія-бы то ни было неисправности и чрезъ это представить и признать его неумѣлымъ и неспособнымъ распоряжаться по части экономическихъ и хозяйственныхъ предметовъ и дѣйствій.

Въ этомъ отношеніи мы встрѣтили подлинныя, проходившія всегда чрезъ журналы Консисторіи, такія распоряженія, въ которыхъ самымъ нагляднѣйшимъ образомъ открывается и вся преслѣдовательность и съ тѣмъ вмѣстѣ скрупулезность возможно придирчивыхъ дѣйствій преосв. Августина,—хотя и выходившихъ, какъ всюду видно, изъ ревности его объ исправности подчиненныхъ и объ интересахъ служебныхъ, равно какъ и экономическихъ.

Для образчика мы выписали изъ архивныхъ документовъ два—три дѣла подобнаго рода.—Въ дѣлѣ, (на восьми листахъ) [2]) читаемъ слѣдующее: „По предложенію Его Преосвященства учинена въ Оренбургской духовной Консисторіи сія образцовая инструкція, по каковой должно дѣйствовать Настоятелю монастыря неотмѣнно и безъ малѣйшаго опущенія. Всѣхъ пунктовъ въ этой инструкціи 12-ть, но мы для краткости выпишемъ только слѣдующіе: *Пунктъ VI.*—„Конюхи должны каждый день лошадей чистить, экипажи и конюшенные [3])

---

[1]) Подпись на этомъ прошеніи была сдѣлана: «Сіе прошеніе сочинялъ, набѣло переписывалъ и къ оному руку приложилъ—Ректоръ Архиман. Филаретъ». (Въ дѣлѣ—стр. 56).

[2]) По описи архивной 1807 г. № 398.

[3]) Читатели, несомнѣнно сами, припомнятъ,—сколько было лошадей въ Монастырѣ, и какіе могли быть экипажи, когда На-

всѣ приборы содержать въ порядкѣ и опрятности;—лошадей кормить чаще, но только по немногу, поить ихъ три раза въ сутки, но умѣренно; самую же конюшню отъ сора ежедневно месть (выметать), непремѣнно, выводя въ это время лошадей изъ конюшни, а затѣмъ и самыхъ лошадей выводя же чистить, дабы волосы ихъ въ сѣно не попали, отъ чего бываетъ вредъ и кашель. *Пунктъ VIII.*—Въ лѣтнее время сѣно косить ранѣе, дабы сокъ и влажность изъ травы высохнуть не могли, и трава имѣла-бы въ себѣ потребную для животныхъ вкусность и питательность; производить же оную сѣнокосную работу всячески поспѣшнымъ образомъ, а именно, въ шесть дней, а по крайней мѣрѣ въ десять дней; косить съ вечера, а ежели ночь свѣтлая, то всю ночь и утро, пока роса есть, а въ самое жаркое время отнюдь не косить и прочихъ работъ не дѣлать: ибо какъ людямъ, такъ и животнымъ сіе весьма вредно, а именно отъ десятаго часа пополуночи до четвертаго пополудни, то есть въ самое жаркое время имѣть всѣмъ свободу; смотрѣть же, дабы во время самой работы ни малой лѣности происходить не могло. Для самаго же сѣнокошенія должно приготовить заблаговременно косы, брусья (точильные), вилы, грабли и прочее, дабы ни въ чемъ не было никакой остановки".

Далѣе въ одномъ еще пунктѣ говорится о погребахъ и ледникахъ,—какъ первые содержать, очищать и хранить въ нихъ положенные припасы,—а касательно ледниковъ предписывается,—когда и какъ набивать ихъ льдомъ;—колоть напр. ледъ неотмѣнно въ концѣ Января или не позже первыхъ чиселъ Февраля, дабы и самая возка льду была удобна, т. е. пока дорога снѣговая не стала дѣлаться рыхлою; складывать ледъ не медля, чтобы не таялъ и набивать всячески плотно"...

Наконецъ приведемъ еще въ доказательство придирчивости со стороны Консисторіи, а болѣе всего са-

---

стоятелю не на чемъ было выѣзжать... а отсюда понятно, могли-ли быть какіе-либо конюхи, да и самыя конюшни, когда для помѣщенія братіи были мазанки и Монастырь огороженъ плетнемъ!!.

мого преосв. Августина, слѣдующее дѣло: [1]) „Въ рапортѣ своемъ отъ 8 Февраля 1809 г. архимандритъ Филаретъ доносилъ Консисторіи, съ приложеніемъ къ дѣлу подлиннаго рапорта ему отъ казначея со старшею братіею, что въ Декабрѣ минувшаго 1808 г. пала буланая лошадь, состоящая по описи вторая“,—и просилъ Консисторію „объ исключеніи сей павшей лошади изъ описи монастырской, о чемъ и снабдить его съ братіею указомъ“. Консисторія, въ журналѣ отъ 15 Января, постановила: „объ исключеніи изъ описи павшей лошади послать архимандриту Филарету съ братіею указъ; отъ чего же оная лошадь пала—отъ старости-ли, или отъ болѣзни, или отъ чего иного прилучившагося,—предписать ему Архимандриту отрепортовать въ Консисторію особо.—Журналъ сей взнесть въ копіи къ Его Преосвященству на благоусмотрѣніе“.—Но замѣчательно, что въ первоначальной копіи, представленной Преосвященному, словъ: „отъ чего же оная лошадь пала и пр.“, не было, а вставлены эти слова совсѣмъ другою рукою, и чернилами совершенно *отличными* отъ написанной консисторской копіи, но за то *совершенно сходными* съ тѣми, какими написана на ней резолюція Преосвященнаго.

Къ числу подобныхъ же придирчивостей и прямыхъ стѣснительностей должно отнести и то указное распоряженіе, что въ случаѣ малѣйшей болѣзни, по которой архимандритъ Филаретъ не могъ явиться на службу въ Консисторію или въ Семинарію, онъ долженъ былъ всегда въ *самый же день заболѣванія* представлять рапорты и въ Консисторію и въ Семинарское Правленіе, которое обязано было тотчасъ-же рапортовать въ Консисторію,—а послѣдняя обыкновенно составляла журналъ съ такимъ опредѣленіемъ: „Взнесть оригиналомъ къ Его Преосвященству,—который давалъ резолюціи: „Принять во извѣстіе, сдать въ повытье“; Семинарскому же правленію или Префекту предписывалъ доносить, сколько уроковъ опущено Ректоромъ по

[1]) По описи архивной дѣло № 115.

случаю болѣзни,—и могутъ-ли и когда эти уроки быть имъ восполнены и во всей ли исправности?"—Вслѣдствіе этого Ректоръ Филаретъ обязанъ былъ представлять, послѣ каждой болѣзни, Преосвященному рапорты съ подробнымъ изложеніемъ,—въ какое время и въ чемъ именно онъ могъ успѣвать восполнять всѣ уроки [1]). Вообще же на Ректорѣ лежали самыя широкія и труднѣйшія обязанности въ отношеніи къ учебному дѣлу. Такъ, по личному предписанію преосв. Августина съ перваго же года его служенія (съ 1-го Сент. 1806 г.), Ректоръ обязанъ былъ во всѣхъ классахъ вести собственноручную подробную дневную запись классическихъ занятій учениковъ, а учениковъ бывало обыкновенно въ каждомъ классѣ не менѣе 70-ти, и по окончаніи каждой недѣли представлять ему—Преосвященному при рапортѣ для надлежащаго засвидѣтельствованія, а сверхъ сего, по прошествіи каждаго дня въ шесть часовъ пополудни въ учебные дни доносить Преосвященному объ исправности занятій всѣхъ учителей; по окончаніи же каждаго мѣсяца дѣлать для всѣхъ классовъ (восьми) генеральный списокъ учениковъ и при немъ генеральную нотату, въ которой отмѣчать противу имени каждаго ученика успѣхи въ каждомъ на память выученномъ и на изусть прочитанномъ классическомъ урокѣ, и въ каждомъ письменномъ упражненіи, въ чемъ бы оно ни состояло, по всѣмъ преподаваемымъ, во всѣхъ классахъ, учебнымъ предметамъ въ надлежащемъ видѣ отмѣчать и за подписомъ всѣхъ учителей, каждаго по своему классу и предмету и за свидѣтельствомъ Семинарскаго Правленія ему—Преосвященному представлять [2]).

---

[1]) Въ своемъ мѣстѣ увидимъ такой фактъ: въ 1809 г. съ 1-го по 18-е Сентября Ректоръ Филаретъ не могъ преподавать уроки Преосв. Августинъ во 1-хъ, удержалъ у него жалованье въ количествѣ 100 руб., во 2-хъ, назначилъ по этому случаю слѣдствіе, которое продолжалось до 22 Декабря и наконецъ въ 3-хъ. донесъ объ этомъ Св. Суноду вмѣстѣ съ другими фактами, обвинительными противъ Филарета

[2]) Указъ Консисторіи Семинарскому Правленію—отъ 10 Августа 1806 г.

При такой, справедливо сказать, почти невозможной къ выполненію многосложности занятій по должности ректорской, и при совмѣстной къ тому же должности, Члена Консисторіи и Настоятеля Монастыря, и при нерѣдкихъ случаяхъ заболѣванія, а наконецъ при тѣхъ разнообразныхъ притязаніяхъ, какія мы уже видѣли и еще увидимъ,—архимандритъ Филаретъ вынудился просить себѣ увольненія отъ всѣхъ должностей [1]). Прошеніе объ увольненіи было подано имъ преосв. Августину 28 Февраля 1808 г.—Изложивши въ просьбѣ сначала вкратцѣ всю свою прежнюю службу, архимандритъ Филаретъ писалъ: „Но какъ нынѣ по разстроенному моему здоровью и по причинѣ истощенныхъ тѣлесныхъ моихъ силъ въ теченіе десятилѣтней моей службы, къ исправленію возложенныхъ на меня должностей нахожу себя неспособнымъ,—того ради Ваше Преосвященство всепокорнѣйше прошу отъ должности присутствующаго въ Консисторіи меня уволить,—а объ увольненіи меня отъ должностей—Настоятеля Монастыря и Семинаріи Ректора и Богословіи учителя, а равно и объ опредѣленіи меня, куда благоугодно будетъ Главному Начальству, для поправленія разстроеннаго моего здоровья, представить Св. Правительствующему Сѵноду на милостивѣйшее благоусмотрѣніе“.

Прошеніе было того же 28 Февраля сдано Преосвященнымъ въ Консисторію съ резолюціею: „Разсмотрѣвъ, удовлетворить прошенію на законномъ основаніи.— Консисторія по выпискѣ разнообразныхъ узаконеній постановила: „отнестись въ Врачебную Управу, дабы благоволила архимандрита Филарета въ существующей въ немъ болѣзни, чрезъ кого слѣдуетъ, освидѣтельствовать и по учиненіи онаго свидѣтельствованія увѣдомить Консисторію [2]). По освидѣтельствованіи состоянія здоровья

---

[1]) Побужденіемъ къ подачѣ этого прошенія послужило притязаніе Консисторіи къ Филарету съ прямымъ обвиненіемъ его въ допущенныхъ имъ будто, безпорядкахъ въ сдачѣ Библіотеки Семинарской,—о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Отношеніе отъ 13 Марта за № 566.

Архимандрита Филарета чрезъ Штабъ-лѣкаря Граденкова, Врачебная Управа сообщила Консисторіи,—что „Архимандритъ Филаретъ, дѣйствительно, оказался одержимъ, отъ прежде бывшей лихорадки, внутреннею въ правомъ боку затвердѣлостію и частыми спазмами въ груди, равно же разслабленіемъ всего тѣла". На журналѣ Консисторіи по сему предмету преосв. Августинъ далъ резолюцію (14 Апрѣля): „Отобравъ отъ Ректора Архимандрита Филарета показаніе,—на какомъ основаніи желаетъ онъ быть уволеннымъ отъ занимаемыхъ имъ должностей, изготовить доношеніе Св. Суноду при журналѣ Консисторіи".—Архимандритъ Филаретъ въ показаніи своемъ въ самомъ присутствіи Консисторіи написалъ: „Симъ почтительнѣйше объясняюся: ежели благоугодно будетъ Святѣйшему Правительствующему Суноду, милостивѣйше возрѣвъ на мою десятилѣтнюю безпорочную службу, перемѣстить меня изъ Оренбургской въ какую-либо иную епархію къ одной настоятельской должности, то я надѣюсь, по нестарымъ моимъ лѣтамъ, освободившись помощію Божіею отъ болѣзней моихъ, принять и другія послушанія, какія благоугодно будетъ Начальству возложить на меня".—Показаніе это было дано 2 Мая, но дѣло не двигалось, почему-то, до 23 Октября. Въ это число было объявлено Архимандриту Филарету объ увольненіи его отъ присутствованія въ Консисторіи,—въ чемъ и отобрана была отъ него подписка. Что же касалось до увольненія Архимандрита Филарета отъ должностей ректорской и учительской въ Семинаріи, то преосв. Августинъ въ представленіи своемъ Св. Суноду объ этомъ увольненіи прописалъ, что „онъ—Архимандритъ Филаретъ, если и желаетъ быть уволенъ отъ должностей, то не можетъ быть перемѣщенъ въ иную епархію, такъ какъ вмѣстѣ съ другими лицами, служащими въ Консисторіи, находится подъ слѣдствіемъ и имѣетъ подлежать денежному взысканію,—на что онъ—преосв. и просилъ Св. Сунодъ дать ему особый указъ,—какъ поступить ему въ случаѣ увольненія Архимандрита Филарета" [1]).

[1]) Представленіе въ Сунодъ отъ 28 Октября 1808 г.

Зналъ ли, или не зналъ объ этомъ содержаніи представленія Архимандритъ Филаретъ, изъ дѣла не видно. Во всякомъ случаѣ, видя замедлительность въ удовлетвореніи его прошенія, онъ подалъ 24 Февраля 1809 года (слѣд., послѣ перваго прошенія ровно чрезъ годъ) вторичное прошеніе преосвященному Августину на Высочайшее Имя такого содержанія [1]):

„Поданнымъ мною 28 Февраля прошлаго 1808 г. на имя Преосвященнаго Августина Епископа Оренбургскаго и Уфимскаго прошеніемъ просилъ я о увольненіи меня, по причинѣ разстроеннаго моего здоровья, отъ всѣхъ должностей въ Оренбургской Епархіи, мною занимаемыхъ, и о перемѣщеніи меня въ другую Епархію къ настоятельской въ какомъ-либо монастырѣ должности; по каковому прошенію 23 Октября 1808 г. отъ должности присутствующаго въ Оренбургской Консисторіи я уволенъ. Но поелику я, по болѣзнямъ моимъ, къ исправленію должностей въ Оренбургской Семинаріи Ректора, Богословіи учителя и монастырскаго Настоятеля нахожу себя неспособнымъ,—того ради всеподданнѣйше прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелѣно было меня—отъ вышеозначенныхъ должностей уволить, а для содержанія моего и излѣченія болѣзней моихъ даровать мнѣ половинную изъ настоятельскаго жалованья пенсію, позволивъ имѣть лишь пребываніе въ Уфимскомъ Успенскомъ Монастырѣ“.

Вслѣдствіе этого прошенія, преосв. Августинъ вошелъ вторичнымъ представленіемъ въ Св. Сунодъ отъ 3 Марта № 604, но съ прописаніемъ почти слово въ слово прежняго своего представленія. Но какъ изъ Св. Сунода не послѣдовало почему-то никакого распоряженія, то отъ 23 Іюля 1810 года еще представлено было преосв. Августиномъ Св. Суноду, съ прописаніемъ новыхъ дѣлъ, о совершенномъ удаленіи Архимандрита Филарета изъ Оренбургской въ другую епархію для прекращенія, наносимыхъ отъ него, безпокойствъ Оренбургскому Епар-

---

[1]) Дѣло описи № 204—на 26-ти листахъ

хіальному Начальству и о назначеніи вмѣсто его такого Настоятеля, который бы былъ совершенно опытенъ въ устроеніи монастыря и въ управленіи монашествующею братіею, и который бы въ Оренбургской Семинаріи могъ съ успѣхомъ проходить должность учителя Богословія и должность Ректора, а равно и должность присутствующаго въ Оренбургской Консисторіи". Наконецъ это же самое представленіе было еще повторено въ Октябрѣ 1810 г. (за № 1025) [1]). Однимъ словомъ—всѣ дѣла и представленія, касавшіяся Архимандрита Филарета, были направляемы преосв. Августиномъ къ тому, чтобы онъ—Филаретъ былъ уволенъ *не по прошенію*, но какъ человѣкъ неспособный, неисправный и ненадежный ни къ какой службѣ, и притомъ чтобы „онъ,—какъ выражено буквально въ представленіи преосв. Августина Св. Суноду—былъ оставленъ на настоящемъ мѣстожительствѣ въ полной зависимости преосв. Августина для возложенія на него монастырскихъ послушаній".

Св. Сунодъ, въ силу такихъ учащательныхъ доношеній преосв. Августина, призналъ, наконецъ, необходимымъ перемѣстить Архимандрита въ Тобольскъ въ Знаменскій Монастырь; но съ тѣмъ вмѣстѣ съ особенною строгостію разсмотрѣвъ и обсудивъ самыя доношенія преосв. Августина по всѣмъ дѣламъ, въ которыхъ онъ — Августинъ подвергалъ Архимандрита Филарета суду и обвиненію, въ результатѣ по всѣмъ пунктамъ находилъ послѣдняго не подлежащимъ обвиненію, а напротивъ нашелъ дѣйствія самого Преосвященнаго по управленію вообще и самыя доношенія его неодобрительными по ихъ содержанію и опредѣлилъ поставить это на замѣчаніе Преосв. Августину [2]).

Содержаніе сейчасъ сказаннаго опредѣленія мы увидимъ въ концѣ настоящаго изложенія. Теперь же для полнаго и точнаго ознакомленія съ содержаніемъ другихъ

---

[1]) Дѣло по архивной консисторской описи № 1204 на 16-ти листахъ.

[2]) Указъ отъ 9 Декабря 1810 г. № 3771.

дѣлъ, представленныхъ въ Св. Сунодъ преосв. Августиномъ въ прямое обвиненіе Архимандрита Филарета по его служебнымъ должностямъ собственно въ Семинаріи, мы представимъ краткую выписку еще изъ двухъ Указовъ Св. Сунода [1]).

Содержаніе перваго изъ указываемыхъ указовъ слѣдующее: „Святѣйшій Сунодъ *слушали* доношеніе Вашего Преосвященства съ мнѣніемъ о удаленіи Уфимскаго Успенскаго Монастыря Настоятеля, Оренбургской Семинаріи Ректора и Богословія учителя Архимандрита Филарета отъ занимаемыхъ имъ нынѣ должностей и *объ оставленіи его въ полной зависимости Вашего Преосвященства для возложенія на него монастырскихъ послушаній* [2]), якобы виновнымъ оказавшагося—во 1-хъ, въ причиненіи бывшимъ въ Семинаріи ученикамъ Ильину и Яковлеву и другимъ сотоварищамъ ихъ жестокостей; во 2-хъ, въ безпорядкахъ и упущеніяхъ при сдачѣ семинарской библіотеки, въ 3-хъ, въ неисполненіи должности ректорской и учительской нехожденіемъ въ Семинарію съ 1 по 18 Сентября 1809 г. [3]). По выслушаніи, *приказали:* „Соображая обстоятельства, въ представленныхъ выпискахъ и доношеніи Вашего Преосвященства по каждому дѣлу описанныя, Сунодъ находитъ по *первому* дѣлу о причиненныхъ семинаристамъ Ильину и Яковлеву жестокостяхъ, что они наказаны и исключены изъ Семинаріи были еще въ Мартѣ мѣсяцѣ 1806 г. по резолюціи Преосвященнаго Амвросія, бывшаго Епископа Оренбургскаго, (что нынѣ Архіепископъ Тобольскій), по докладу Семинарскаго правленія за худое ихъ поведеніе и буйные поступки, оказанные съ прочими сотоварищами ихъ, изъ

---

[1]) Указъ 1-й отъ 9 Декабря 1810 г. за № 3779 и указъ 2-й отъ 19 Декабря 1810 за № 3839.

[2]) Этого-то, понятно, болѣе всего и хотѣлось преосв. Августину!!.

[3]) Наконецъ тутъ же въ 4-хъ было и обвиненіе «въ употребленіи (какъ буквально выражено въ доношеніи преосв. Августина) имъ—Архимандритомъ Филаретомъ, на строеніе каменной въ Монастырѣ церкви сборной суммы—6056 р. 21 коп. ассигн безъ письменнаго на то отъ Епархіальнаго Начальства дозволенія».

коихъ по показанію Архим. Филарета отданъ одинъ въ военную службу. Послѣ таковаго разъясненія дѣла слѣдовало ожидать и забвенія сихъ происшествій; но вмѣсто того, по прошествіи трехъ лѣтъ, именно Августа 11 дня 1809 г., Консисторія, неизвѣстно съ чего, учинивъ постановленіе, отбирала отъ Ректора Архимандрита Филарета и бывшаго Префекта Бузулукскаго Протоіерея Усовича новыя объясненія объ оныхъ ученикахъ, не имѣя уже ни отъ кого изъ нихъ о семъ жалобъ, въ явную противность Высочайшихъ о губерніяхъ учрежденій 130 ст. и именному 1714 г. Марта 17 дня Высочайшему Указу, изъ коихъ первою статьею „Палатамъ собственныхъ своихъ рѣшеній перевершать запрещено", а вторымъ—„въ дѣла, гласъ о себѣ имѣющія, и фискаламъ вступаться не позволено".—Сверхъ того, когда въ рукоприкладствѣ подъ выпискою Архим. Филаретъ и Префектъ Протоіерей Усовичъ просили о дополненіи въ эту выписку во 1-хъ, представленія Семинарскаго Правленія къ Преосвященному Амвросію о исключеніи учениковъ Ильина и Яковлева съ товарищами изъ Семинаріи; во 2-хъ, журналовъ Семинарскаго Правленія по рапортамъ ихъ и прочихъ учителей о тѣхъ ученикахъ; въ 3-хъ, справки о Ильинѣ и Яковлевѣ, когда къ какимъ должностямъ они опредѣлены и гдѣ находятся? въ 4-хъ, имѣются ли отъ нихъ, поданныя на кого, прошенія о какой-либо обидѣ; въ 5-хъ, по какимъ законамъ, рѣшенныя объ нихъ въ 1806 г., дѣла вновь производствомъ начаты?—то Консисторіею не только не учинено сего въ явную противность многихъ узаконеній, но еще въ доношеніи Вашего Преосвященства написано, что „всѣ упомянутыя въ рукоприкладствѣ узаконенія по содержанію своему нимало не принадлежатъ ни къ существу дѣла, ни къ оправданію подсудимыхъ; а что уважено дѣло сіе особымъ изслѣдованіемъ по прошествіи трехъ годовъ, то единственно по той причинѣ, что Ректоръ и Префектъ нанесли еще многимъ ученикамъ въ Мартѣ мѣсяцѣ сего 1809 г. опасность новыхъ жестокостей и притѣсненій..." „Но, какъ видно изъ выписки, дѣло это ничѣмъ не доказано".

По второму дѣлу о допущеніи безпорядковъ Ректоромъ и Префектомъ въ сдачѣ библіотеки ясно оказывается, что, хотя все изслѣдованіе по нему продолжалось цѣлые пять мѣсяцевъ, но не инымъ чѣмъ кончилось, какъ тѣмъ, что, по неоднократной уже просьбѣ Ректора Архимандрита, семинарская библіотека, по учиненному въ 11 день Іюля того 1809 г. членами Семинарскаго Правленія свидѣтельству, найдена вся въ цѣлости".

По третьему дѣлу о нехожденіи Ректора Архим. Филарета 1809 г. Сентября, съ 1-го по 18-е число того-же мѣсяца, въ классъ для преподаванія богословскихъ лекцій оказалось по слѣдствію, что послѣ вакаціи учениковъ богословіи, ходившихъ въ классъ было только двое, какъ сами сіи ученики показали подъ присягою, для которыхъ, яко малаго количества, не дождавшись прочихъ учениковъ, и преподавать богословскихъ лекцій далѣе не настояло никакой надобности, кромѣ повторенія самими ими прочитанныхъ предметовъ; да ежели бы сіе и необходимо было нужно, то и тогда Ваше Преосвященство, яко начальникъ ввѣренной Вамъ паствы, могли бы приватнымъ образомъ внушить Ректору о продолженіи лекцій, нежели начинать о семъ слѣдствіе; ибо во 1-хъ, во время продолженія слѣдствія, съ 18-го Сентября по 22-е Декабря, и по причинѣ требованій отъ Ректора неоднократныхъ отвѣтовъ, безъ сомнѣнія отнято болѣе способовъ къ преподаванію всѣмъ ученикамъ лекцій, нежели упущено оныхъ двумъ въ 17 дней. Во 2-хъ, допустить Консисторіи до спрашиванія учениковъ богословіи *подъ присягою* о томъ только, всякій ли учебный день ходили они въ классъ, противно и Слову Божію и здравому разсудку; и наконецъ въ 3-хъ, винить по сему дѣлу Ректора и преждевременно *убавлять у него жалованья сто рублей* подъ предлогомъ малаго числа въ его классѣ учениковъ и неимѣнія о богословскомъ классѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль попеченія, крайне предосудительно и есть сущее притѣсненіе".

„Посему, по всѣмъ вышеписаннымъ дѣламъ, мнѣніе Вашего Преосвященства, относительно виновно-

сти Архимандрита и Протоіерея. яко оказавшихся невинными. отставить. А какъ Св. Сунодъ и по симъ и другимъ дѣламъ усматриваетъ. что Вы резолюціями своими. останавливая законныя дѣйствія дѣлъ. обязывали неоднократно Консисторію производить новыя изслѣдованія по такимъ предметамъ. кои по существу своему никакой важности не составляли къ непомѣрному ея и подсуднаго Вамъ духовенства отягощенію. и таковыми дѣлами, кои болѣе зависятъ отъ Архипастырскаго Вашего Преосвященства разсмотрѣнія, затрудняете и отвлекаете самый Св. Сунодъ отъ важнѣйшихъ его занятій по лежащей на немъ должности; да и вообще Св. Сунодъ, находя Васъ во образѣ управленія ввѣренною Вамъ епархіею тягостнымъ, не можетъ не обратить на все сіе вниманіе и для того *замѣтивъ оное Вамъ* подтвердить, чтобы впредь въ правленіи ввѣренной Вамъ паствы поступали Вы сообразно правиламъ Св. Апостолъ и Отецъ, клятвенному при посвященіи Васъ въ сей санъ обѣщанію, духовному регламенту и указамъ. И о томъ къ Вашему Преосвященству для надлежащаго исполненія послать сей указъ, съ тѣмъ, что какъ Архим. Филаретъ переведенъ уже въ Тобольскую епархію, то для объявленія ему рѣшенія Сунода, сообщить въ тамошнюю Консисторію изъ Оренбургской [1]).

Но прежде чѣмъ послѣдовало, изложенное въ приведенномъ указѣ. опредѣленіе Св. Сунода, о которомъ, очевидно, не зналъ да, быть можетъ, отнюдь и не предполагалъ преосв. Августинъ,—онъ успѣлъ въ промежутокъ времени сдѣлать еще донесеніе Св. Суноду, съ приложеніемъ подлиннаго журнала Оренбургской Консисторіи и учиненнаго по тому журналу опредѣленія объ оказанныхъ Ректоромъ Оренбургской Семинаріи Уфимскаго Успенскаго Монастыря Архимандритомъ Филаретомъ ему самому Преосвященному и Оренбургской Консисторіи личныхъ оскорбленіяхъ—въ такихъ яко бы выраженіяхъ, (какія внесла въ журналъ свой Консисторія),—что „Вы—

---

[1]) Указъ Св Сунода отъ 9-го Декабря 1810 г. за № 3771-мъ.

Архіерей не есть-начальникъ, и что, изготовленные отъ Оренбургской Консисторіи и Вами утвержденные, вопросные пункты, предложенные ему, Архимандриту, не годятся".—Но по долгомъ упорствѣ, сопровождаемомъ разными его, Архимандрита, наглостями, согласился онъ наконецъ дать письменное на тѣ вопросные пункты показаніе. По этому дѣлу Консисторія мнѣніе свое, утвержденное Преосвященнымъ, положила такое: „поелику Архимандритъ Филаретъ объявилъ въ присутствіи Консисторіи, что Архіерей ему не начальникъ, и отзывался въ томъ же присутствіи, что предложенные ему вопросные пункты не годятся, и притомъ оказывалъ разныя наглости, состоящія въ неправильныхъ спорахъ и выраженіяхъ, оскорбительныхъ для начальства, каковымъ поступкомъ Архимандрита Филарета, по силѣ Высочайшаго манифеста 1787 г. 21 Апрѣля, нанесена Его Преосвященству и Консисторіи тяжкая обида и поелику Архим. Филаретъ за означенный учиненный имъ поступокъ, по силѣ 17 ст. означеннаго манифеста, подлежитъ отвѣту, къ требованію котораго отъ него, Филарета, ни Преосвященный, ни Консисторія, яко уже обиженные отъ него, по силѣ того же манифеста 1 ст., приступить не могутъ, то сіе обстоятельство представить на высокое уваженіе Св. Сунода съ таковымъ донесеніемъ, что Преосвященный и Оренбургская Консисторія, (слѣдуя побужденію миролюбивыхъ чувствованій, по данному 21 ст. означеннаго манифеста дозволенію), оставляютъ безъ иску нанесенную отъ него, Архимандрита Филарета, тяжкую обиду, ежели онъ, Архимандритъ, будетъ совершенно удаленъ не только отъ занимаемыхъ имъ должностей, но и изъ Оренбургской епархіи, для прекращенія всѣхъ безпрерывно наносимыхъ отъ него, епархіальному Начальству разныхъ безпокойствъ и тяжкихъ оскорбленій". Свят. Сунодъ, по содержанію сего донесенія и по справкѣ, постановилъ: „Поелику изъ доношенія Вашего Преосвященства видно, что Архим. Филаретъ, при требованіи отъ него отвѣтовъ, оказалъ ослушаніе Консисторіи въ присутствіи оной, а въ имянномъ Высочайшемъ указѣ, состоявшемся 1724 г. Января 21 дня,

изображено: „какъ пришедшимъ въ судное мѣсто поступать, такъ и какое наказаніе чинить тѣмъ, кто противно тому поступитъ, то и слѣдовало Консисторіи въ самое же то время поступить съ нимъ. Архимандритомъ, по точной силѣ упоминаемаго Высочайшаго указа; но какъ сего съ нимъ тогда не учинено, а наконецъ онъ же согласился дать требуемое отъ него показаніе, чѣмъ и призналъ надъ собою власть епархіальнаго Начальства; притомъ же изъ вѣдомства Оренбургской епархіи онъ выбылъ, то симъ самымъ прекращаются и всѣ между вами неудовольствія и о томъ къ Вашему Преосвященству послать указъ [1]).

Оба изложенные указы Св. Сунода были получены преосв. Августиномъ спустя уже мѣсяцъ послѣ указа о перемѣщеніи Архимандрита изъ Уфы въ Тобольскъ. Судя же по тому,—на сколько были сильно неблагопріятны для преосв. Августина рѣшенія Св. Сунода по его донесеніямъ противъ Филарета, не трудно представить себѣ, что было бы съ Филаретомъ, если бы онъ оставался на мѣстѣ... Какія бы чувствованія и отношенія могли бы, всего естественнѣе, неудержимо вырваться у преосв. Августина противъ Филарета, какъ виновника такихъ, неожиданныхъ и столь неблагопріятныхъ для доносившаго, рѣшеній Св. Сунода съ прямымъ даже поставленіемъ ему на видъ и замѣчаніе неодобрительнаго вообще и тягостнаго для подчиненныхъ образа и характера управленія паствою.—Не мудрено, что Филарету, быть можетъ, пришлось бы подвергнуться той же опасности, какой подвергался онъ въ Сѣвскѣ со стороны преосв. Досиѳея, особливо если бы о перемѣщеніи его въ Тобольскъ не было въ эту пору Указа. Во всякомъ случаѣ даже и тогда, когда послѣдовалъ этотъ указъ за мѣсяцъ ранѣе (отъ 10 Ноября 1810 г. за № 3072) и объявленъ былъ Филарету въ присутствіи Консисторіи съ подпи-

---

[1]) Указъ этотъ послѣдовалъ отъ 19-го Декабря 1810 года за № 3839, слѣдов. чрезъ 10-ть дней послѣ предшествовавшаго—(отъ 9 Дек. № 3771).

скою 1 Декабря (въ день его Ангела),—преосв. Августинъ не замедлилъ и тутъ проявить свое нагнетѣніе. Онъ назначилъ ему срокъ выѣзда не далѣе трехъ сутокъ по объявленіи указа, о чемъ приказалъ Консисторіи взять съ него особую подписку и немедленно же приготовить донесеніе Св. Синоду, въ которомъ собственноручно обозначилъ день выбытія изъ Уфы—4-мъ числомъ Декабря, и самъ же расчиталъ прогонныя ему деньги на 1248½ верстъ на шесть лошадей по 1 коп. асс. на лошадь—всего въ количествѣ 74 руб. 99 коп. асс.

Впрочемъ такой краткій и неотложный срокъ не былъ затруднителенъ для Архимандрита Филарета собственно по части сборовъ къ отъѣзду; вся укладка имущества потребовала не болѣе двухъ мѣшковъ, изъ коихъ одинъ былъ наполненъ учебными тетрадями и нѣсколькими книгами. Но крайнее затрудненіе было для Филарета въ томъ, что онъ ни какъ не могъ, по скорости отъѣзда, получить прогонныя деньги изъ Казенной Палаты, а о своихъ собственныхъ деньгахъ нечего было и помышлять. Потому архимандритъ Филаретъ далъ довѣренность на полученіе денегъ изъ Казенной Палаты доброму знакомому священнику г. Уфы Троицкой Церкви Андрею Семенову, который и получилъ ихъ уже въ Январѣ 1811 г., а деньги на проѣздъ взялъ Филаретъ взаймы у своихъ родственниковъ.—При этомъ же помогъ ему, прежде упоминавшійся, г. Ломоносовъ отчасти деньгами, а главнѣе всего онъ далъ Филарету свою хорошую теплую кибитку и хорошій тулупъ;—родные тоже снабдили его нужными для дороги вещами и провизіей.

О личномъ состояніи Филарета и проводахъ прощальныхъ въ домѣ родственниковъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Настоящее же изложеніе мы закончимъ свѣдѣніемъ о томъ,—какъ поступалъ преосв. Августинъ, когда самъ получилъ увольненіе на покой въ Ноябрѣ 1818 г.—Объ этомъ мы встрѣтили въ дѣлахъ Консисторіи слѣдующій документъ [1]). „Экономъ архіерейскаго

[1]) Дѣло по описи архива 1818 г. № 4269.

дома іеромонахъ Никодимъ вошелъ съ доношеніемъ въ Консисторію такого содержанія: „По прекращеніи производства жалованья преосвященному Августину, со времени полученія указа объ его увольненіи. не только находящіеся при его особѣ три служителя, но и самъ преосв. Епископъ Августинъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ—Декабря и Января не имѣлъ насущнаго пропитанія и проводилъ болѣзненную свою жизнь чрезъ продажу необходимо нужной своей собственности и помѣщается донынѣ (по 4 Февраля). по неимѣнію жалованья и услуги, въ одной тѣсной и холодной кельѣ, и не пользуется отъ Оренбургскаго архіерейскаго дома ни какимъ пособіемъ. Донося о семъ Духовной Консисторіи. прошу принять во вниманіе всѣ. претерпѣваемые преосв. Августиномъ. недостатки въ насущномъ его пропитаніи". По наведеннымъ справкамъ. чрезъ посредство одного Члена Консисторіи, однако оказалось, что преосв. Августинъ самъ на отрѣзъ отказался отъ всякихъ пособій отъ архіерейскаго дома и. по собственному желанію, перемѣстился въ сказанную келлію изъ архіерейскихъ комнатъ, которыя во все это время и оставались совершенно свободными,—и сдѣлалъ онъ это съ тѣмъ, чтобы экономъ донесъ Консисторіи. а чтобы послѣдняя довела о семъ до свѣдѣнія Высшему начальству [1]).

[1]) Въ біографическомъ очеркѣ, прежде нами упоминаемомъ, (смотр. Странникъ 1866 г.), есть свѣдѣнія въ подобномъ же родѣ, т. е. преосв. Августинъ, любивши часто писать къ высокопоставленнымъ лицамъ, какъ напр. Князю Голицыну, не рѣдко описывалъ свое положеніе въ такомъ видѣ, что приводится терпѣть скудость въ средствахъ и лишенія въ насущномъ иногда содержаніи, такъ какъ онъ и имѣющіяся средства денежныя необходимо долженъ былъ употреблять на восполненіе нуждъ по епархіальному управленію,—какъ напр на вспомоществованіе служащимъ въ Консисторіи и даже на поѣздки по Епархіи и пр.

ОТДѢЛЪ IV.

(1810—1814 г.)

ГЛАВА VII.

«Ну смотри, Петръ Иванычъ, я дознаю о твоемъ добромъ Филаретѣ,—переведу его еще въ иную епархію и велю тамошнему Архіерею каждую треть года доносить мнѣ объ немъ. Я увѣренъ, что этотъ Архіерей не обманетъ меня» [1].—Ваше Высокопреосвященство прислали ко мнѣ на испытаніе «не человѣка, а ангела во плоти» [2].

Въ письмѣ Архимандрита Филарета къ Протоіер. Турчанинову мы видѣли, что онъ не находилъ словъ выразить своихъ чувствъ благодаренія ангелу-утѣшителю Митрополиту С.-Петербургскому Амвросію за его мудрость, проницательность и благость, которыя удержали, наконецъ, стремленіе воздвигнутой бури..; но онъ не зналъ, чѣмъ и какъ все это закончится.—Самъ Турчаниновъ, какъ видно, тоже не писалъ Филарету въ отвѣтъ на его письмо; да и писать что либо опредѣленное не могъ, такъ какъ и самъ получилъ отъ Митрополита только обѣщаніе перевести Филарета въ другую епархію и притомъ въ смыслѣ дознанія на будущемъ новомъ мѣ-

---

[1]) Слова С.-Петерб. Митрополита Амвросія Протоіер. Турчанинову.

[2]) Слова изъ донесенія Тобольскаго Архіеп. Амвросія Митрополиту С.-Петербургскому о Филаретѣ.

стѣ его служенія, гдѣ онъ имѣлъ въ виду Архіерея къ нему искренняго и довѣреннаго. О самомъ же мѣстѣ и объ Архіереѣ не упомянулъ.

Но, вотъ, скоро состоялось опредѣленіе Св. Сунода (18 Октября 1810 г.) о перемѣщеніи Ректора Оренбургской Семинаріи Филарета въ Тобольскую епархію съ назначеніемъ его только Настоятелемъ тамошняго Знаменскаго второкласснаго Монастыря, хотя при этомъ же Монастырѣ находилась самая Семинарія. Вѣсть объ этомъ перемѣщеніи съ одной стороны была для Филарета отрадною; во всякомъ случаѣ, онъ,—какъ самъ выражался словами Псалмопѣвца,—*избавлялся отъ потопленія, и отъ бури;* но съ другой, узнавши изъ Указа Св. Сунода, что онъ перемѣщается на новое мѣсто во 1-хъ, только въ Настоятели Монастыря [1]), и во 2-хъ, въ видахъ окончательнаго испытанія и дознанія его благонадежности, онъ, само собою, былъ не мало озадаченъ этимъ. Въ частности же озадачивала его самая мѣстность, столь отдаленная и глухая, и онъ называлъ это перемѣщеніе *прямою ссылкою* въ Сибирь, чтобы не чаять никогда оттуда и возвратиться. Эти мысли и чувствованія всего болѣе невольно высказывались имъ предъ своимъ братомъ—Гавріиломъ, прибывшимъ съ нимъ изъ Сѣвска и здѣсь въ Уфѣ бывшимъ, по окончаніи курса въ Семинаріи, Преподавателемъ Нѣмецкаго языка, а потомъ уже женившимся на дочери того самаго священника Григорія Андр. Несмѣлова, который, изъ состраданія къ Филарету, оставшемуся въ однихъ дырявыхъ туфляхъ, поусердствовалъ доставить ему сапоги. Филаретъ, во всякомъ случаѣ, никакъ не рѣшался приглашать съ собою въ Тобольскъ своего брата, да и родители жены его ни за что не соглашались отправить дочь въ такую даль, и тѣмъ болѣе, что самъ Филаретъ не скрывалъ своихъ, сказанныхъ выше, мыслей о будущемъ своемъ какъ бы

[1]) Ровно чрезъ два мѣсяца послѣдовало и другое опредѣленіе Св. Сунода (16 Декабря 1810 г.) объ опредѣленіи Филарета и Ректоромъ Семинаріи и даже Благочиннымъ надъ Монастырями; (такъ значится въ формулярномъ спискѣ).

ссылочномъ положеніи. И такъ рѣшено было,—разсказывалъ отецъ Григ. Андреевичъ,—идти къ *немилостивцу* (Августину) искать милости, чтобы благословилъ онъ моему зятю остаться въ Оренбургской епархіи, гдѣ онъ уже поступилъ священникомъ въ золотопріисковомъ заводѣ Міясскомъ. Августинъ хотя тутъ и кольнулъ меня снова за сапоги [1]), но вдругъ что-то взмиловался. О самомъ-же Филаретѣ промолвилъ: „вотъ ему—свату-то твоему можешь подарить теперь лапти съ хорошими оборами и теплыми онучами на дорогу... ну а тамъ онъ самъ увидитъ, во что его обуютъ по его заслугамъ“.

Въ личномъ состояніи и настроеніи самого Филарета, отправлявшагося къ мѣсту своего назначенія, казалось-бы можно предполагать чувства, ободряющія его. Довольно представить, что будущій его Начальникъ—Архіепископъ Тобольскій былъ тотъ самый—Амвросій (*Келембетъ*), который, въ бытность свою Епископомъ въ Уфѣ, вполнѣ благоволилъ къ Филарету, прослужившему при немъ два года (1804—1806 г.). Но Августинъ во 1-хъ, чрезъ посредство уже свата Несмѣлова напутствовалъ Филарета слишкомъ неотрадными словами, а во 2-хъ, и чрезъ келейнаго священника Ил. Петр. Попова тоже передалъ не утѣшительныя предсказанія: „пусть-ка теперь не больно разсчитываетъ на свою *хитрость и пронырство*, чтобы объѣхать Амвросія Тобольскаго по прежнему, какъ здѣсь въ Уфѣ... Туда сообщено все, что нужно, и строго на строго предписано, чтобы не взирать ни на какія его *ласкосердія*... да и не прикрывать и не замедлять доносить объ немъ прямо Митрополиту въ положенные сроки... а Митрополитъ-то уже спуску не дастъ ни при какихъ забѣгательствахъ его пріятелей въ Петербургѣ“!!.. [2]). Да и самъ Филаретъ,

[1]) Священникъ Несмѣловъ сказывалъ, что преосв. Августинъ проговорилъ ему такія слова: «ты самъ-то вѣроятно не давно сталъ носить сапоги. . а прежде хаживалъ же когда нибудь и въ лаптяхъ.—Смотри же у меня, чтобы тебѣ не пришлось обуться снова въ лапти. .».

[2]) Оказывалось, что преосв. Августинъ узналъ о ходатайствѣ П. И. Турчанинова за Филарета предъ Митроп. Амвросіемъ и предъ

впрочемъ, вовсе не разсчитывалъ на помилованіе, какъ видно было изъ его словъ предъ родными,—что онъ ѣдетъ чисто въ ссылку... Самое, прежде-бывшее къ нему, благоволеніе Амвросія въ Уфѣ,—куда онъ тоже явился къ нему какъ опальный..., и гдѣ считалъ себя обязаннымъ только личнымъ его чувствамъ, чтобы пользоваться его архипастырскимъ благоволеніемъ,—въ настоящій разъ, всего естественнѣе, стѣсняло и мучило его... Если онъ,—Филаретъ, въ письмѣ своемъ къ другу,—Турчанинову, выражался такъ, что и честь, и увѣренность, и должность,—словомъ все, что есть въ служеніи и жизни достойное,—все для него было уже потеряно,—и если сердце его *паче всякой мѣры было* отягощено и истощено,—и наконецъ, какъ извѣстно, въ бывшихъ порывахъ самоуничиженія Филаретъ желалъ себѣ только одного, чтобы быть *отребіемъ міру и попраніемъ для всѣхъ*... то, кажется, не можетъ быть болѣе подходящаго изображенія душевнаго состоянія Филарета, отправлявшагося въ Тобольскъ подъ начальство своего бывшаго, благоволившаго къ нему, Архипастыря,—какъ въ родѣ состоянія блуднаго Евангельскаго сына...

Покойный высопр. Антоній (архіепископъ Казанскій—племянникъ Филарета)—по прочтеніи сейчасъ изложеннаго въ прежней, бывшей въ его разсмотрѣніи, моей рукописи сказалъ: „все это было естественно и совершенно правда, сколько мнѣ извѣстно, какъ изъ словъ самого Владыки Филарета, хотя въ краткихъ намекахъ, (когда я записывалъ съ его разсказовъ свѣдѣнія о его жизни),—такъ и изъ разсказовъ моихъ родителей, особенно моей матушки. И вотъ я кстати выскажу тебѣ, что нужно, и что можешь ты, хотя въ короткѣ, изложить въ твоемъ трудѣ.—Мои родители—по случаю прибыли въ Уфу какъ разъ къ порѣ проводовъ, и тутъ-то окончательно рѣшался вопросъ: нужно-ли и

другими въ Сѵнодѣ.—Этому онъ приписывалъ и самыя рѣшенія Св. Сѵнода въ пользу Филарета и въ неблагопріятность ему, какія были изложены въ двухъ послѣднихъ Указахъ Сѵнодальныхъ

имъ перемѣщаться изъ Уфимской епархіи въ Тобольскую, если не теперь, то со временемъ—по лѣту,—или вовсе оставить подобное предполождніе... Матушка-то и разсказывала, что Владыка Филаретъ, собиравшійся въ дорогу, просто изумлялъ всѣхъ насъ... и мы даже чего-то опасались за него... Ужъ такой-то онъ былъ унылый; а если заговаривалъ о чемъ со мной-ли, или о. Гавріиломъ въ особенности, то какъ будто-бы сквозь слезы... Батюшка одинъ только и выводилъ его изъ этого состоянія; онъ былъ, вѣдь, у насъ такой весельчакъ и забавникъ. Помню, наканунѣ уже самого отъѣзда собрались къ намъ вечеромъ многіе; батюшка старался всячески развеселить всѣхъ и самого Филарета; заставилъ братцевъ Петрушу, Ваню, Яшу пѣть духовные канты, которые любилъ и Филаретъ.—И тутъ-то онъ вдругъ самъ запѣлъ священную пѣснь: „*Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый!!*. и ужъ такъ жалобно, что мы всѣ чуть не навзрыдъ заплакали... и самъ батюшка прослезился, хотя тутъ же оправился и сказалъ Филарету: „Эхъ, сватъ, сватъ мой любезный! Ты, вѣдь, какъ отличный богословъ самъ знаешь, что и ослица была нѣкогда пророчицей..., такъ и я тебѣ скажу: вотъ мнѣ Августинъ велѣлъ тебѣ приготовить для Тобольска лапти..., а я такъ крѣпко-на крѣпко вѣрую, что тамъ тебя встрѣтитъ архіерей, бывшій нашъ добрѣйшій Амвросій, право же, по Евангельски, обниметъ и облобызаетъ тебя, какъ истиннаго сына. И помяни мое слово, да я самъ доживу до той поры, что увижу тебя не только въ хорошихъ сапогахъ, но и стоящимъ на орлецахъ [1]). И такъ вмѣсто—„*вскую мя отринулъ еси...*, давай-ка споемъ на этотъ же гласъ ирмосъ: „*Ты моя крѣпость Господи, Ты моя и сила, Ты мой Богъ, Ты мое радованіе.. и нашу нищету посѣтивъ!!*. Да, братъ-сватъ, ты знаешь поговорку здѣшнюю: „*Горе коли Августинъ на*

---

[1]) Впослѣдствіи это оправдалось; и о. Григ. Андр. Несмѣловъ пріѣзжалъ въ Калугу, гдѣ Филаретъ былъ Епископомъ и куда перемѣщенъ былъ имъ братъ его Гавріилъ съ семействомъ.

кого напустилъ... но за то я тебѣ теперь же сріемую другую:—„Благо, лишь-бы Амвросій насъ-то не бросилъ... Такъ не томись, не тужи—а лишь Богу молись,—вѣрой-правдой служи!! И вотъ на-ко тебѣ чарочка твоего любимаго *красненькаго*, а мнѣ моя *со свѣтленькимъ*... и да будутъ всѣмъ намъ дни жизни *красные, свѣтлые, ясные!!* Тутъ-то они, сватушки, обнялись, поцѣловались, и батюшка вдругъ запѣлъ: „*Тебе Бога хвалимъ*“... а мы всѣ подхватили... Послѣ же пропѣтія, самъ Филаретъ сказалъ какимъ-то особенно-спокойнымъ тономъ, обращаясь ко всѣмъ намъ: „да, присные мои! во истинну такъ: „*На Тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки. Аминь.* т. е. повторилъ послѣднія слова пропѣтой пѣсни, и послѣ этого совершенно успокоился и даже повеселѣлъ,—а съ нимъ и всѣ мы. Такъ мы на другой день, помолившись, и проводили его, даже и не плакали, а чего-то чаяли въ душѣ какъ будто отраднаго... что и сотворилъ всемилосердый Господь съ дядюшкой Филаретомъ вскорѣ же тамъ въ Тобольскѣ, о чемъ онъ намъ обо всемъ, бывало, писалъ, доколѣ наконецъ самъ пріѣхалъ къ намъ по пути, когда его перевели ужъ совсѣмъ изъ Тобольска куда-то подъ Москву или въ самый Петербургъ“.—Такъ вотъ, присовокупилъ покойный высокопр. Антоній,—послѣ этого моего теперешняго разсказа какъ разъ кстати и будутъ слѣдовать въ твоемъ изложеніи и дальнѣйшія слова Владыки въ моихъ запискахъ“.

Эти указываемыя слова слѣдующія: „По прибытіи его (Филарета) въ Тобольскъ, тамошній преосв. Амвросій (Келембетъ) прежній благодѣтель его въ Уфѣ, опять принялъ его съ радостію, утѣшилъ, поддержалъ его..., о чемъ онъ (Филаретъ) во всю жизнь свою воспоминалъ съ глубочайшею благодарностію“. Чтобы понять такой пріемъ и вообще оборотъ дѣла, естественнѣе всего думать, что Филаретъ, по прибытіи въ Тобольскъ, разсказывалъ преосв. Амвросію все подробно о злосчастныхъ обстоятельствахъ, постигшихъ его въ Уфѣ—и разсказывалъ тѣмъ откровеннѣе, чѣмъ яснѣе сразу увидѣлъ, что преосв. Амвросій оказался къ нему съ прежнимъ не-

измѣннымъ благоволеніемъ. Съ своей стороны и преосв. Амвросій тѣмъ скорѣе могъ повѣрить всему этому, что и прежде въ Уфу перемѣщенъ былъ къ нему Филаретъ тоже по подобнымъ обстоятельствамъ, какъ человѣкъ весьма не хорошій, но оказался совсѣмъ инымъ. Наконецъ, по словамъ одного доставителя свѣдѣній, преосв. Амвросій тѣмъ болѣе могъ принимать такое сострадательное участіе въ состояніи Филарета, что онъ и самъ, какъ извѣстно, въ двухъ же мѣстахъ прежней своей службы до архіерейства—въ Кіевѣ и въ Воронежѣ, подвергался большимъ напраслинамъ и много отъ нихъ выстрадалъ“ [1]).

На службѣ въ Тобольскѣ Филаретъ пробылъ не долго,—менѣе трехъ лѣтъ; по опредѣленію Св. Сунода, 2-го Декабря 1813 г., онъ былъ перемѣщенъ Настоятелемъ въ Волоколамскій Іосифовъ Монастырь и, съ тѣмъ вмѣстѣ, вызванъ былъ въ С.-Петербургъ на чреду для священнослуженія и проповѣдыванія слова Божія.— Эта самая недолговременность пребыванія Филарета въ Тобольскѣ показываетъ, что преосв. Амвросій, выполняя предписаніе, чтобы доносить, послѣ каждой трети года, о Филаретѣ, въ своихъ доношеніяхъ свидѣтельствовалъ объ немъ прямо въ его пользу. Не зная всѣхъ другихъ подобныхъ отзывовъ преосв. Амвросія, мы можемъ за то представить одинъ изъ такихъ, который съ избыткомъ восполняетъ всѣ другіе, какъ бы хороши они ни были. Довольно сказать только, что въ этомъ указываемомъ донесеніи своемъ Митроп. Амвросію, преосв. Амвросій Тобольскій выразился буквально такъ: „*Ваше Высокопреосвященство прислали ко мнѣ на испытаніе не человѣка, а ангела во плоти*“. Приведя эти именно слова, прежде упоминаемый автобіографъ о. прот. Лука Ефремовъ говоритъ, что, когда Митрополитъ получилъ это донесеніе, въ которомъ преосв. Тобольскій, употребивъ

---

[1]) Свѣдѣнія эти были доставлены покойному высокопр. Антонію,—но отъ кого не извѣстно; письмо, при которомъ онѣ присланы, не сохранилось.

сказанныя выраженія, описалъ затѣмъ характеръ, поведеніе и умъ Ректора Филарета самыми блестящими красками, то потребовалъ къ себѣ П. Н. Турчанинова и говорилъ ему:—„ну, Петръ Иванычъ, твоя рекомендація о Филаретѣ на самомъ дѣлѣ оправдалась; архіерей доноситъ мнѣ объ немъ съ великою похвалою, и прочиталъ ему все донесеніе". Самъ о. Прот. Турчаниновъ пишетъ, что „вскорѣ за симъ Филаретъ былъ вызванъ на чреду служенія въ С.-Петербургъ; Митрополитъ обласкалъ его и, имѣя объ немъ письмо отъ Тобольскаго архіепископа, который отлично о немъ писалъ, совѣтовалъ Филарету забыть всѣ прежнія горести и страданія".

Изъ этихъ свѣдѣній нельзя не видѣть, что одобрительныхъ рекомендацій со стороны преосв. Амвросія Тобольскаго было немало, и что эта, сей часъ приведенная, была, вѣроятно, самая послѣдняя. Иначе Митрополитъ, какъ сильно предубѣжденный противъ Филарета, не могъ бы съ перваго разу и повѣрить такому, можно сказать, необычайному отзыву о немъ, сколько ни былъ увѣренъ по его же словамъ, что новый архіерей не обманетъ его; особливо же не могъ онъ принять этотъ первый отзывъ съ такою рѣшительною достовѣрностію, чтобы объявлять объ немъ Турчанинову. Да и самъ преосв. Тобольскій не могъ дать на самыхъ же первыхъ порахъ такого отзыва о Филаретѣ. Положимъ, онъ зналъ Филарета еще прежде по службѣ въ Уфѣ, но все-таки видѣлъ, что теперь онъ перемѣщенъ былъ къ нему сколько на службу, столько подъ надзоръ и испытаніе, и потому долженъ былъ выждать покрайней мѣрѣ время, чтобы дать сгладиться прежнимъ впечатлѣніямъ тамъ въ Петербургѣ и, тѣмъ вѣрнѣе, постепенно провести другія.

Чѣмъ же руководился Тобольскій Архипастырь, что такъ вообще похвально рекомендовалъ новоопредѣленнаго къ нему Архимандрита, не смотря на-то, что послѣдній былъ понимаемъ высшимъ Начальствомъ совсѣмъ совершенно иначе?!. Однихъ чувствъ состраданія, само собою, было здѣсь не достаточно, сколько бы ни былъ христіански любвеобиленъ Начальникъ. Искомый отвѣтъ, очевидно, долженъ заключаться въ дѣйствительныхъ до-

стоинствахъ лица подчиненнаго. Но эти послѣднія, какъ оказывается изъ хода и положенія дѣла, такъ сказать, раздвоялись. Самъ, преслѣдовавшій Филарета, Августинъ, какъ извѣстно, отзывался объ немъ двойственно—именно, что „у него на службѣ въ Уфѣ былъ человѣкъ ретивый и толковый“, но что „онъ прогналъ его изъ Уфы за дурную жизнь“. Такимъ образомъ первая—служебная сторона жизни Филарета въ Тобольскѣ едва-ли и должна была подлежать особенному испытанію и контролю, тѣмъ паче, что и самъ Амвросій, бывши въ Уфѣ, могъ это видѣть и вѣдать. Ясно, что Амвросій, если долженъ былъ строго прослѣдить и провѣрить Филарета, то собственно по части его нравственности и образа жизни.—И дѣйствительно, тотъ самый отзывъ преосв. Амвросія, гдѣ онъ выразился о Филаретѣ такъ, что недоумѣвалъ какъ-бы,—кого ему прислали подъ надзоръ и на испытаніе,—человѣка-ли, или ангела во плоти,—ясно характеризуетъ именно эту нравственную сторону лица, имъ такъ аттестованнаго,—хотя эта послѣдняя, естественно, могла и должна была отражаться и на сторонѣ служебной и по званію его, какъ начальника и воспитателя духовнаго юношества, и какъ Настоятеля Монастыря и даже благочиннаго надъ монастырями... Правда, здѣсь какъ бы невольно встрѣчается вопросъ:—чѣмъ и какъ могъ особенно зарекомендовать себя Филаретъ по самой недолговременности его службы въ Тобольскѣ? Но если кто, то преосв. Амвросій болѣе другихъ имѣлъ основаніе и право приложить здѣсь, такъ сказать, плюсъ къ плюсу—т. е. къ настоящей службѣ Филарета въ Тобольскѣ таковую же, бывшую при немъ самомъ, и Уфимскую. Для этого потребна была одна лишь дѣйствительность вѣрныхъ фактовъ. И вотъ, при всей краткости данныхъ, читающіе могутъ съ увѣренностію убѣдиться въ настоящемъ значеніи ихъ.

Въ напечатанныхъ краткихъ замѣткахъ покойнаго высокопреосв. Антонія читаемъ: „Въ Тобольскѣ Филаретъ пробылъ до начала 1814 г.—Тутъ ему пришлось, сверхъ обычныхъ трудовъ по управленію Семинаріею и и Монастыремъ, строить каменныя Семинарскія зданія,—

и все это было исполнено имъ благоуспѣшно: „И только.—Но этого рода дѣятельность. хотя и составляетъ заслугу предъ Начальствомъ,—въ разсматриваемомъ дѣлѣ едва-ли могла имѣть особенное значеніе.—Изъ доставленныхъ другихъ свѣдѣній [1]). хотя и краткихъ же, открывается многое. въ чемъ дѣйствительно Филаретъ выдавался предъ глазами всѣхъ. кто-бы ни были свидѣтели—цѣнители его качествъ и достоинствъ въ разныхъ отношеніяхъ. Послѣ выбывшаго въ 1808 г.,—пишетъ одинъ доставитель свѣдѣній.—Ректора Тобольской Семинаріи Архимандрита Михаила. Семинарія эта была временно управляема Гавріиломъ—Архимандритомъ Тюменскаго Монастыря—и потомъ. по смерти его, бывшимъ въ ней Префектомъ протоіереемъ Земляницынымъ.—Только уже въ самомъ концѣ 1810 г. назначенъ былъ сюда Ректоромъ бывшій Ректоръ Оренбургской Семинаріи Архимандритъ Филаретъ (Амфитеатровъ). Самое же перемѣщеніе его изъ Уфы въ Тобольскъ состоялось потому. (какъ стало тогда же извѣстнымъ), что тамошній Уфимскій архіерей крайне не любилъ его и довелъ до того, что этого Филарета едва было не устранили вовсе отъ духовно-учебной службы. Потому-то онъ. Указомъ Св. Сѵнода отъ 16 Декабря 1810 г., перемѣщенъ изъ Уфимской Семинаріи въ Семинарію Тобольскую съ замѣчаніемъ отъ Петербургскаго Митрополита, „что если еще и Тобольскій архіерей найдетъ его, Архимандрита Филарета, не хорошимъ, тогда пусть уже Филаретъ пенятъ самъ на себя“. Но къ счастію предостереженіе высокопреосвященнаго Митрополита оказалось не нужнымъ: Филаретъ велъ жизнь самую строгую, Начальству былъ благопокоренъ, обращался съ сослуживцами, подчиненными и встрѣчавшимися посторонними лицами тихо и вѣжливо; проходилъ свои обязанности, какъ по званію Ректора и преподавателя Семинаріи, такъ и по зва-

---

[1]) Приводимыя свѣдѣнія были доставлены изъ Тобольска покойному Владыкѣ Антонію тѣмъ же лицомъ, намъ неизвѣстнымъ, о чемъ сказано выше

нію члена Консисторіи и благочиннаго монастырей, съ усердіемъ и пользою.—Преосвященный Амвросій все это видѣлъ, все это зналъ и цѣнилъ своего Ректора по достоинству. Потому отзывы его предъ высшимъ Начальствомъ о Филаретѣ завсегда были наилучшіе, и, потому скоро, чрезъ два или чрезъ два съ половиною года службы въ Тобольскѣ, Филарета вызвали на чреду священнослуженія въ С.-Петербургъ". Далѣе доставитель этихъ свѣдѣній, въ видѣ примѣчанія въ подстрочномъ текстѣ, пишетъ: „Филаретъ въ Тобольской Семинаріи преподавалъ Философію, за увольненіемъ тогда отъ преподаванія ея ученаго, но слабаго, Игумена Веніамина. Богословія же онъ, вопреки обычаю почти всѣхъ Ректоровъ того и послѣдующаго времени, не преподавалъ затѣмъ, что, при пріѣздѣ его въ Тобольскъ, да и во все время службы его въ Тобольскѣ, въ Семинаріи богословскую каѳедру занималъ весьма почтенный Префектъ ея, каѳедральный протоіерей Л. В. Земляницынъ. Филаретъ оставилъ по себѣ въ Тобольской Семинаріи нѣкоторую память тѣмъ еще, что очень хорошо выучился, занимаясь частнымъ домашнимъ образомъ, Французскому языку у одного богослова (Матвѣя Неводчикова), который началъ (въ 1811 г.) первый преподавать этотъ языкъ въ Семинаріи. Объ этомъ же Филаретѣ мнѣ пишущему, (говоритъ доставитель свѣдѣній), въ концѣ 30-хъ годовъ не разъ доводилось слыхать отъ даровитѣйшаго ученика его по Орловской Семинаріи, бывшаго Совѣтника Тобольскаго Губернскаго Правленія—Степана Михайловича Семенова, какъ объ отлично-способномъ преподавателѣ наукъ, вообще преподаваемыхъ въ среднемъ дудуховно-учебномъ заведеніи. Наконецъ еще объ этомъ же Филаретѣ осталось памятнымъ то, что, по весьма ограниченному тогдашнему семинарскому жалованью, и по скуднымъ монастырскимъ доходамъ и особенно по своему нищелюбію, Филаретъ, при отъѣздѣ изъ Тобольска, не имѣлъ даже теплой шубы, а уѣхалъ въ шубѣ, подаренной ему купцомъ Алексѣемъ Мир. Гнѣвашевымъ".

Другой доставитель свѣдѣній [1]) пишетъ: „Въ бытность высокопр. Митропол. Кіевскаго Филарета въ Тобольскѣ Ректоромъ Семинаріи и Настоятелемъ Знаменскаго Монастыря,—Казначеемъ послѣдняго былъ, изъ кончившихъ курсъ Семинарскаго ученія, вдовый діаконъ Константинъ Алексѣевичъ Поповъ. Этотъ Константинъ, впослѣдствіи Архимандритъ-Настоятель Енисейскаго Монастыря Ксенофонтъ,—лично неоднократно разсказывалъ, что 1) Архимандритъ Филаретъ имѣлъ только двѣ рясы—одну—самую простую, другую въ родѣ шелковой. 2) Когда приходилъ кто-либо изъ почетныхъ лицъ къ нему въ гости, онъ приказывалъ казначею купить полштофикъ краснаго вина и только. 3) Каждый день ходилъ къ ранней обѣднѣ, (совершеніе которой онъ первый завелъ) и послѣ нея пилъ чай съ чернымъ семинарскимъ хлѣбомъ.—Одинъ изъ іеромонаховъ монастырскихъ Израиль, человѣкъ честный, трезвый, добрый, но со странностями, тяготился весьма этими ранними обѣднями, при маломъ числѣ іеромонаховъ. Когда въ 1812 г. достигла до Тобольска вѣсть объ изгнаніи французовъ изъ Москвы, то въ одинъ праздничный день послѣ обѣдни у Настоятеля Филарета вели разговоръ, что-то будетъ съ Наполеономъ.—И тутъ-то спросили о. Израиля,—что онъ думалъ бы сдѣлать съ Наполеономъ? Онъ рѣзко отвѣтилъ: „Я бы отрядилъ его въ Тобольскій Знаменскій Монастырь на полгода служить раннія обѣдни!!.“—Вообще же о. Архимандритъ Филаретъ оставилъ по себѣ въ Тобольскѣ самую прекрасную память у всѣхъ“.

Всѣ эти свѣдѣнія, сколько ни кратки и отрывочны по своему содержанію и самому изложенію, представляютъ такую характеристику Филарета, какая ближе всего подходитъ къ переживаемому имъ въ Тобольскѣ поло-

---

[1]) Достопочтенный о. каѳедр прот въ г Красноярскѣ Василій Дмитріевичъ Касьяновъ сообщилъ настоящія свѣдѣнія въ письмѣ своемъ ко мнѣ, отъ 6-го Іюля сего 1885 года, когда узналъ, изъ изданной мною біографіи высокопреосвящен. Казанск. Антонія, что я приготовляю къ изданію и біографію высокопр. Митрополита Кіев. Филарета.

женію, равно какъ эта характеристика вполнѣ соотвѣтствуетъ и тому, что извѣстно о его жизни и службѣ въ Уфѣ и даже въ Сѣвскѣ. Сюда остается только присовокупить еще тотъ психологическій и прагматическій выводъ, что самъ Филаретъ, послѣ суровыхъ, тяжкихъ опытовъ и уроковъ на службѣ въ Уфѣ, всеконечно, научился прилагать ихъ къ дѣлу и къ жизни, а равно, чувствуя себя теперь въ благопріятномъ состояніи, онъ еще болѣе могъ раскрывать и проявлять свои природныя дарованія и свойства, чтобы употребить ихъ на пользу общую въ сферѣ его служебной дѣятельности и общественнаго положенія.—Въ первомъ отношеніи недаромъ же онъ самъ свидѣтельствовалъ объ Августинѣ, „какъ лучшемъ его наставникѣ и исправителѣ недостатковъ, каковы бы они ни были, которыхъ онъ безъ него не могъ бы самъ сознавать и отъ нихъ освободиться".— Въ другомъ же отношеніи, дѣйствительно, не незамѣчателенъ тотъ фактъ, что Филаретъ созналъ потребность, (очевидно, для своихъ учено-служебныхъ цѣлей) и употребилъ и время и трудъ, чтобы изучить Французскій языкъ, не стѣсняясь даже тѣмъ, что учителемъ для него долженъ былъ быть его же ученикъ. Такихъ же, въ своемъ родѣ новыхъ и усиленныхъ, трудовъ требовало отъ Филарета и самое преподаваніе философскихъ наукъ вмѣсто богословскихъ. Далѣе, что касается религіозно-духовной стороны въ жизни Филарета, то и въ этомъ отношеніи имѣетъ свое особенное значеніе, заведенное имъ, совершеніе раннихъ литургій и неопустительное посѣщеніе ихъ имъ самимъ,—чего онъ не могъ выполнять прежде ни въ Сѣвскѣ, ни въ Уфѣ по самому неимѣнію возможности къ этому. Наконецъ относительно нравственной иноческой жизни Филарета, кромѣ прочихъ качествъ и дѣйствій, указанныхъ въ изложенныхъ свѣдѣніяхъ, особенно рельефно выдается тотъ фактъ,—на сколько онъ былъ, какъ истый монахъ, не стяжателенъ, когда не нашлось у него средствъ, чтобы имѣть необходимѣйшую вещь—теплую шубу. И это не отъ неизбѣжной случайности, когда при-

водилось ему не имѣть даже сапоговъ—въ Уфѣ, а отъ произвольнаго самолишенія и христіанскаго нищелюбія.

И такъ искомый отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ руководился преосв. Амвросій, что такъ похвально рекомендовалъ Филарета предъ Митрополитомъ С.-Петербургскимъ, кажется, по всей справедливости можетъ въ полной достаточности заключаться и въ однихъ этихъ, хотя краткихъ, свѣдѣніяхъ.—Но преосв. Амвросій, сколько вѣроятнѣе всего, зналъ о Филаретѣ и то, что могли знать и другія болѣе или менѣе стороннія лица, столько и непосредственно самъ лично не могъ не видѣть и иного многаго и не убѣждаться, что дѣйствительно Филаретъ по всему оправдывалъ на себѣ истину, что по имени его было тако и житье его [1]). Съ своей стороны и самъ Филаретъ, столько обласканный и утѣшенный съ перваго раза преосв. Амвросіемъ и затѣмъ постоянно видѣвшій къ себѣ такое отеческое его расположеніе, о чемъ онъ, какъ читаемъ въ его запискахъ, во всю жизнь свою воспоминалъ съ глубочайшею благодарностью,—самъ, говоримъ, Филаретъ, несомнѣнно, держалъ себя въ отношеніи къ преосв. Амвросію, какъ всепреданнѣйшій сынъ къ отцу со всею чистосердечностію, откровенностію, сколько и съ полнѣйшимъ смиреніемъ. Это же все, само собою, давало преосв. Амвросію прямую и полную возможность видѣть и читать, какъ говорится, насквозь всю душу своего подчиненнаго-приближеннаго и опредѣлять *самая внутренняя души его*. Въ силу этого, отъ избытка своего любвеобильнаго сердца и святительскаго духа ревности о правдѣ и истинѣ, преосв. Амвросію дѣйствительно оставалось свидѣтельствовать и предъ Митрополитомъ о лицѣ Филарета не иными, какъ этими словами: „Вы прислали ко мнѣ не человѣка, а ангела во плоти“.

Что было прямымъ и окончательнымъ результатомъ всѣхъ доношеній преосв. Амвросія и особливо съ послѣд-

---

[1]) Самое слово греческое φιλάρετος по переводу на русскій языкъ, значитъ: «*любитель добродѣтели*».

дней рекомендаціи объ Архимандритѣ Филаретѣ на службѣ его въ Тобольскѣ, уже извѣстно изъ приведенныхъ прежде словъ друга — ходатая его о. Турчанинова,—именно: „Филаретъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія". Опредѣленіе Св. Сунода объ этомъ состоялось 2-го Декабря 1813 года, по которому Филаретъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ перемѣщенъ вовсе изъ Тобольска съ назначеніемъ его Настоятелемъ Волоколамскаго Іосифова Монастыря.—И вотъ съ этой-то поры началась и стала совершаться, какъ выражено въ надгробномъ словѣ, въ жизни Архимандрита Филарета *„измѣна Десницы Вышняго.* Который *извелъ*, по слову Псалмопѣвца, *„яко свѣтъ правду его и судьбу его яко полудне* (Псал. 36. 6) и здѣсь-то такъ видимо оправдалось, явленное ему въ начертаніи на стѣнѣ изреченіе: *„Не бойся! судьбы Архимандрита Филарета въ рукахъ Божіихъ"*!.

Перенося наше повѣствованіе, вмѣстѣ съ перемѣщеніемъ Филарета, отъ береговъ Иртыша къ берегамъ Невы, послѣдуемъ за нимъ по пути его шествія, остановясь, между прочимъ, на кратковременномъ пребываніи его у его роднаго брата—священника Міясскаго золото-пріисковаго завода въ Троицкомъ уѣздѣ, Оренбурской епархіи,—того самаго о. Гавріила Георгіевича Амфитеатрова, который, вмѣстѣ съ женой своей—Татіаной Григорьевной (дочерью извѣстнаго Уфимскаго священника Григ. Андр. Несмѣлова), находился и при проводахъ, изъ Уфы въ Тобольскъ, своего брата Филарета. Все содержаніе настоящаго эпизода въ нашемъ повѣствованіи мы беремъ исключительно изъ того же источника, изъ котораго былъ приведенъ разсказъ о бывшихъ проводахъ Филарета. Мы будемъ слушать здѣсь того же покойнаго высокопр. Антонія (Архіеп. Казанскаго), слышавшаго въ свое время не разъ отъ своихъ родителей, а всего болѣе отъ его словоохотливой матушки,—какъ принимали они у себя столь безцѣннаго гостя, возвращавшагося оттуда, откуда онъ и самъ не чаялъ никакъ и никогда выбраться, а тѣмъ болѣе въ такомъ благополучномъ для него состояніи.

„Ждать-то мы, и не знай какъ, больно ждали (таковъ былъ разсказъ матушки въ свое время сыну сво-

ему Яшѣ) [1]). дядюшку-то Филарета на пути изъ Тобольска къ намъ; мы почти что и не вѣрили, что это сбудется. Мнѣ грѣшной даже и не вѣрилось, что живъ-то онъ и цѣлъ, хотя и думалось тогда же, что это было у меня и отъ радости свиданія и отъ нетерпѣнія... И онъ самъ, родимый нашъ, какъ оказалось, только-только что на суточки еле урвался побывать у насъ, своротивши очень-таки далеко отъ трактовой дороги.—И вотъ я помню, что какъ только вступилъ онъ на крыльцо, то перекрестившись, вмѣсто всякаго привѣтствія намъ, сказалъ первыя слова такія: *Возвеличите Господа со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ*!!. А мы-то какъ будто онѣмѣли, и только тоже перекрестились... Потомъ уже пошли, конечно, разговоры. Онъ тутъ же однако объявилъ, что заѣхалъ къ намъ только мимолетомъ потому, что ему строго предписано явиться всевозможно наскоро,—да и попутчикъ какой-то купецъ ожидать долженъ былъ его въ какомъ-то городѣ, такъ что этотъ купецъ далъ ему будто бы въ задатокъ и свою шубу на проѣздъ. Намъ-то, конечно всего болѣе, хотѣлось знать,—куда же именно его перевели—на хорошее ли мѣсто, и будетъ ли тамъ къ нему какая особенная милость... Но онъ что-то мало насъ утѣшилъ отвѣтомъ, сказавъ, что его вызываютъ еще не на мѣсто, а на новую провѣрку, при этомъ показалъ впрочемъ на письмо, которое далъ ему отъ себя Тобольскій Архіерей.—А, впрочемъ, проговорилъ онъ полушутливо: „ну, ужъ если не заѣла меня мачиха-Сибирь, то не будетъ же мачихой сама матушка-Россія". — Распрашивалъ онъ и насъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ; осматривалъ самъ все хозяйство; узнавши же, что прихожане у насъ, больше всего, были переселенцы изъ Орловской губерніи [2]), онъ ужъ особенно этому обрадовался, велѣлъ позвать нѣсколькихъ и долго съ ними бесѣдовалъ по ихнему тамошнему говору, что

---

[1]) Яковъ—имя покойнаго высокопр. Антонія.

[2]) Свѣдѣнія, относящіяся къ этому предмету, изложены подробно въ Біографіи высокопр. Антонія Архіепископа Казанскаго; приводить ихъ здѣсь было бы излишне.

мужичкамъ-то особенно понравилось; говорилъ имъ и о церкви, которая только еще строилась, обѣщавши въ случаѣ помочь... Я сама какъ-то захлопоталась въ стряпущей избѣ, но онъ и туда приходилъ и говорилъ мнѣ настрого, чтобы я отнюдь ничего не затѣвала стряпать лишняго, да и съ чаемъ-то не захотѣлъ употреблять моихъ сдобненькихъ лепешечекъ, а попросилъ простаго чернаго хлѣбца.—Вѣрочку, (старшая дочь), больно ласкалъ, заставлялъ креститься хорошенько, и Павлушу, бывшаго тогда еще въ люлькѣ, самъ покачалъ, приговаривая прибаутки, а главное, чтобы росъ въ славу Божію и былъ-бы священникомъ. А о тебѣ-то, Яша, какъ будто онъ спророчилъ, что скоро родится второй сынъ [1]). Ну, вотъ такъ и такъ—а времячко-то и пролетѣло, и удержать его было нельзя. Но всетаки мы разставались въ какой-то непремѣнной надеждѣ, что Богъ дастъ, быть можетъ, и скоро мы не только увидимся, но и жить будемъ вмѣстѣ. Онъ и самъ объ этомъ промолвилъ: „ну, братецъ мой—о. Гавріилъ, изъ-за меня ты попалъ сюда въ за-уральскія-то горы; помоги же Господи, что-бы я могъ высвободить тебя когда нибудь опять на родную сторонушку. Сталъ онъ намъ давать денегъ,—мы всячески отказывались; но нѣтъ—выложилъ, кажется, чуть не половину изъ всего, сколько у него было, велѣвши часть употребить и на церковь строившуюся. Я, между временемъ, полюбопытствовала, сколько съ нимъ всей поклажи дорожной... Посмотрѣла и удивилась, что у него почти ничего не было изъ пожитковъ... Подумала и спросила его... а онъ сперва будто сконфузился, а потомъ какъ бы спохватился, да и говоритъ: „чтожъ? я вѣдь къ вамъ только мимолетомъ, налегкѣ,—а поклажа-то моя вся тамъ съ попутчикомъ купцомъ“... Послѣ-то на правду вышло иначе; у него дѣйствительно ничего не было кромѣ книгъ и бумагъ разныхъ въ двухъ коробкахъ...

---

[1]) Описываемое посѣщеніе своего брата Филаретомъ было въ Январѣ 1814 г., а сынъ Яковъ—высокопр. Антоній, родился въ 1815 г 15 Октября.

да и шуба-то была дѣйствительно чужая, но только подаренная ему навсегда,—въ чемъ онъ и самъ, вспоминаючи про этотъ случай уже въ Калугѣ, высказывался намъ,—а въ эту самую пору не хотѣлъ насъ опечаливать своею бѣдностію".

Что высокопр. Филаретъ любилъ самъ вспоминать про это былое время, пишущему приводилось въ Кіевѣ имѣть случаи слышать разсказы его именно и объ Уфѣ и Тобольскѣ и даже о сейчасъ описанномъ Міясскомъ заводѣ.—„Да, землякъ, говорилъ онъ однажды, ты вотъ и самъ, какъ видно, твердо знаешь отъ Уфимскихъ нашихъ родныхъ, когда и какъ служилъ я въ Уфѣ-то... Она-то мнѣ, сказать правду, больно-больно памятна на всю жизнь... за что и Слава Богу. Да и всю тамошнюю вашу Уральскую и за-Уральскую Сибирь я поисколесилъ, сколько и самъ Ермакъ—покоритель ея... Я вотъ знаю и колыбельную-то родину его (Антонія, при которомъ и была ведена рѣчь), золотопріисковый Міясскій заводъ. Я заѣзжалъ туда повидѣться съ братцемъ моимъ—Гавріиломъ—вотъ его батюшкой,—когда отправлялся изъ Тобольска въ Петербургъ, куда я былъ вызванъ тогда на чреду священно-служенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вовсе былъ возвращенъ изъ Сибири-то"...

О подобныхъ вспоминаніяхъ высокопр. Филарета и, въ частности, объ отношеніяхъ его къ брату своему Гавріилу и, по смерти его, ко всему семейству и роду, изъ котораго произошелъ и именовавшійся *„дитя его сердца"*—Антоній, будетъ рѣчь еще много разъ въ дальнѣйшемъ повѣствованіи съ самой первой поры его епископства въ Калугѣ и до самаго послѣдняго времени его жизни.—До времени же епископства почти шесть лѣтъ (1814—19 г.) службы Филарета проведены были имъ въ двухъ Академіяхъ—С.-Петербургской и Московской.

ГЛАВА VIII.

«Съ этой поры начала и стала явственно совершаться въ жизни въ Бозѣ почившаго «*измѣна Десницы Вышняго*, Который *извелъ яко свѣтъ правду* его *и судьбу* его *яко полудне* (Псал. 36, 6), и здѣсь-то оправдалось, явленное ему въ начертаніи на стѣнѣ, изреченіе: «Не бойся! Судьбы Архимандрита Филарета въ рукахъ Божіихъ» [1]).

Вызываемые въ С.-Петербургъ на чреду священно-служенія и проповѣди, Архимандриты, обыкновенно, удостоиваются этого избранія по вниманію къ ихъ особеннымъ достоинствамъ и заслугамъ, съ тѣмъ чтобы высшее начальство, лично удостовѣрившись въ ихъ достоинствахъ, могло имѣть въ виду высшее имъ назначеніе, которое, по преимуществу, состоитъ въ кандидатствѣ на епископство. Такой порядокъ въ прежнюю пору имѣлъ, между прочимъ, прямую связь съ Правительственнымъ законоположеніемъ объ учрежденіи особаго званія и штата „*Соборныхъ іеромонаховъ*“, въ прямую обязанность которыхъ было поставлено проповѣданіе слова Божія, соборныя священно-служенія и проч., такъ, чтобы они чрезъ это могли достигать, какъ сказано въ Высочайшемъ Указѣ, возведенія и на степени архіерейскія“. Потому-то Архимандритъ Филаретъ, какъ удостоенный избранія въ штатъ Соборныхъ іеромонаховъ при самомъ еще вступленіи его въ учители, кромѣ даже про-

---

[1]) Слова изъ надгробнаго слова, сказаннаго бывшимъ Инспекторомъ Кіев. дух. Академіи Архимандритомъ Іоанникіемъ. нынѣшнимъ Митрополитомъ Московскимъ.

чихъ достоинствъ и заслугъ по службѣ, могъ имѣть право на вызовъ на чреду священно-служенія. Чередовые архимандриты обыкновенно состоятъ, во все время ихъ пребыванія въ столицѣ, въ непосредственномъ вѣдѣніи Митрополита С.-Петербургскаго; для этого они и помѣщаются на жительство въ Александро-Невской Лаврѣ. Обязанности и занятія ихъ состоятъ въ служеніи съ Митрополитомъ, или Викаріемъ его, въ сказываніи проповѣдей въ особо-назначенные дни, а также въ занятіяхъ дѣлами С.-Петербургской Консисторіи, или по особымъ какимъ-либо порученіямъ. Въ прежнее время, нужно замѣтить, порядокъ и значеніе этихъ вызововъ былъ опредѣленнѣе и серьезнѣе. Самое то, что вызываемыя на чреду лица и нынѣ состоятъ въ особенномъ непосредственномъ вѣдѣніи Митрополита С.-Петербургскаго, есть, можно сказать, остатокъ прежняго. Въ то время, когда съ преобразованіемъ учебныхъ заведеній, учреждена была Коммиссія духовныхъ училищъ, то въ ней Первенствующимъ Членомъ и главнымъ дѣятелемъ и распорядителемъ былъ Митрополитъ С.-Петербургскій. А какъ Коммиссія завѣдывала всѣми дѣлами духовно-учебнаго Вѣдомства и ей принадлежало право избирать и назначать лицъ на начальническія и наставническія должности въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и такъ же точно изъ этихъ лицъ указывать достойныхъ и для вызова на чреду священно-служенія и для назначенія на какія-либо высшія должности, то Митрополитъ, какъ главный администраторъ въ дѣлахъ Коммиссіи, могъ ближе и вѣрнѣе удостовѣряться въ достоинствахъ указываемыхъ лицъ, имѣя ихъ у себя постоянно предъ глазами и подъ руками. Такъ было и съ вызваннымъ на чреду Архимандритомъ Филаретомъ. Въ формулярномъ спискѣ его значится: „что онъ именно Коммиссіею духовныхъ училищъ былъ опредѣленъ Инспекторомъ С.-Петербугской духовной Академіи 15 Февраля 1814 г.“

Смотря на сейчасъ указанное время опредѣленія Филарета на должность Инспектора С.-Пб. Академіи и на время самого вызова его на чреду служенія (2 Декабря 1813 г.), промежутокъ оказывается такъ малъ, что,

если принять во вниманіе срокъ для проѣзда отъ Тобольска до Петербурга, при тогдашнихъ сообщеніяхъ,— то назначеніе его на инспекторство послѣдовало очень-очень скоро,—въ какой-либо одинъ мѣсяцъ по явкѣ его въ С.-Петербургъ. Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть особаго значенія: имъ окончательно свидѣтельствуется, какое благодѣтельное для него вліяніе имѣли бывшіе отзывы объ немъ Тобольскаго Преосвященнаго. и, быть можетъ въ особенности, письмо его къ Митрополиту, врученное самому Филарету,—что дѣйствительно гармонируетъ и съ тѣмъ особенно благоволительнымъ пріемомъ, какого удостоился Филаретъ при первомъ своемъ представленіи къ Митрополиту.—Дѣло это объясняется слѣдующими обстоятельствами.

О. Турчаниновъ пишетъ: „По прибытіи въ С.-Петербургъ Архим. Филаретъ пріѣхалъ прямо ко мнѣ. Обоюдной нашей радости, послѣ столь долгой разлуки. и описать нельзя,—такъ она велика! Потомъ мы пошли къ о. Ректору Академіи Филарету, главному виновнику улучшенія участи безвинно-гонимаго. Онъ принялъ его очень хорошо, долго съ нимъ бесѣдовалъ и представилъ его Митрополиту. Затѣмъ о. Ректоръ Филаретъ весьма полюбилъ его и благодарилъ меня, что я, будучи самъ новъ у Митрополита. не убоялся защищать невинно-страждущаго и твердо постоялъ за него. Скоро о. Ректоръ Филаретъ сдѣлалъ его своимъ сотрудникомъ-Инспекторомъ Академіи“. Изъ этихъ свѣдѣній очевидно, что опредѣленіемъ на должность Инспектора, равно какъ и самымъ ускореніемъ сего дѣла новоприбывшій Филаретъ былъ обязанъ Ректору Филарету. Послѣдній же могъ сдѣлать это сколько съ соизволенія Митрополита, столько же и по своему служебному положенію, какъ Ректоръ Академіи и какъ Членъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, а наконецъ по особеннымъ близкимъ его отношеніямъ къ тогдашнему Оберъ-Прокурору Св. Сунода Кн. Голицыну. Изъ этихъ свѣдѣній нельзя не усматривать такъ же и самыхъ побужденій и основаній къ избранію на эту должность не другаго кого. какъ Филарета. Если Ректоръ Филаретъ, уже и въ ту пору, при всей

молодости своей, отличавшійся всѣмъ извѣстною геніальностію, сразу полюбилъ новоявившагося соименника своего, такъ что благодарилъ виновника вызова его въ С.-Петербургъ—Турчанинова, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ сразу же опредѣлилъ и его достоинства и способности, чтобы избрать его себѣ въ сотрудники по Академіи, требовавшей, по самой новости своего образованія, дѣятелей особенно благонадежныхъ. Самъ въ Бозѣ почившій высокопр. Филаретъ Митроп. Московскій, при личной бесѣдѣ со мною, [1]) о настоящемъ предметѣ, говорилъ такъ: „все, что о. протоіерей Турчаниновъ свидѣтельствуетъ въ своей автобіографіи объ его собственномъ участіи въ судьбѣ блаженной памяти преосв. Филарета, вѣрно и справедливо: приписываемое же имъ мнѣ зависѣло отъ него же.—Я дѣйствовалъ на основаніи его завѣреній, въ коихъ не думалъ ошибаться и не ошибся. Выборъ же въ Инспекторы палъ на него по моей мысли и по моему указанію, равно какъ и назначеніе его, впослѣдствіи, въ ново-открывшуюся Московскую Академію сначала Инспекторомъ, а потомъ Ректоромъ, состоялось тоже по моимъ указаніямъ“. Впрочемъ, относительно опредѣленія Филарета на какую-либо должность именно въ С.-Петербургѣ, принималъ прямое участіе тотъ же неизмѣнный ходатай за него о. протоіерей Турчаниновъ. Онъ, желая вѣрнѣе обезопасить положеніе Филарета, а для этого находя всего болѣе надежнымъ быть ему подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ высшаго Начальства, обратился,—какъ пишетъ одинъ изъ доставителей свѣдѣній,—къ Ректору Филарету съ просьбой о содѣйствіи. Тутъ-то Ректоръ Филаретъ сказалъ Турчанинову: „спросите своего товарища,—согласенъ ли онъ быть Инспек-

[1]) Лично бесѣдовать съ нимъ объ этомъ я имѣлъ счастіе не разъ въ бытность мою въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ въ Августѣ и Сентябрѣ 1866 г., для собиранія собственно матеріаловъ по настоящей біографіи. изъ коихъ по нѣкоторымъ предметамъ, напр. по части двухъ ревизій въ Москов. Академіи, я докладывалъ высокопр. Филарету нѣкоторые вопросы для разъясненія. Объ этомъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ. Авт.

торомъ здѣшней Академіи?!. И Филаретъ (Тобольскій) согласился“ [1]).

Судя по нынѣшнему порядку представляется страннымъ, что лицо, бывшее уже въ трехъ Семинаріяхъ Ректоромъ, назначается Инспекторомъ, хотя бы то и Академіи. Но, во первыхъ, Архимандритъ Филаретъ былъ Ректоромъ Семинарій еще стариннаго характера, и потому служба при Академіи, въ ея новообразованномъ состояніи, была выше. Далѣе нужно отдать справедливую честь тогдашнему времени, что благо просвѣщенія предпочиталось личнымъ служебнымъ интересамъ. Въ доказательство можно указать на тотъ, невѣроятный почти, примѣръ, что въ число профессоровъ новообразованной С.-Петербургской Академіи не стѣснился поступить даже архіепископъ Рязанскій Θеофилактъ, и при томъ безъ всякаго вознагражденія за труды [2]), имѣвши впрочемъ при себѣ помощника въ званіи баккалавра, котораго самъ же онъ и рекомендовалъ впослѣдствіи на свое мѣсто. Наконецъ назначеніе Ректора Семинаріи Архимандрита Филарета въ Инспекторы Академіи составляло не первый и не единственный опытъ. Оба предмѣстника Филарета были Инспекторами изъ Ректоровъ же Семинарій, и тоже вызванныхъ на чреду, а именно: Архимандритъ Іона. бывшій прежде Ректоромъ Калужской Семинаріи. Вызванный на чреду въ 1810 г.. онъ тогда же былъ опредѣленъ Инспекторомъ Академіи и вмѣстѣ даже экономомъ, а вскорѣ затѣмъ хиротонисанъ въ епископа Тамбовскаго [3]). Послѣ Іоны былъ

---

[1]) Смотр. въ прежде упоминаемой брошюрѣ протоіер. Луки Ефремова.

[2]) Въ опредѣленіи Коммиссіи духовныхъ училищъ отъ 22 Іюня 1809 г. сказано: «Коммиссія, удовлетворяя достохвальному желанію преосв. Θеофилакта архіепископа Рязанскаго, жалованья ему не полагаетъ». Оберъ-Прокуроръ Св. Сѵнода довелъ, о принятіи на себя преосв Θеофилактомъ должности профессора, до свѣдѣнія Государя Императора, и Его Величество изъявилъ за сіе ему Свое Благоволеніе (Истор. С.-Петерб. Дух. Академіи стр. 183).

[3]) Впослѣдствіи Іона былъ экзархомъ Грузіи и скончался въ 1849 г 22 Іюня. въ санѣ митрополита, который носилъ 20-ть лѣтъ (Смотр. Истор. С.-Петерб Академіи, стран. 246—247).

Инспекторомъ Ректоръ Вологодской Семинаріи Архимандритъ Амвросій, на мѣсто котораго въ началѣ 1814 г. и поступилъ Архимандритъ Филаретъ [1]). Впрочемъ эти лица, назначаемыя инспекторами, не имѣли занятій по преподаванію предметовъ. Коммиссія духовныхъ училищъ, при опредѣленіи въ инспекторы перваго изъ сказанныхъ ректоровъ—Архимандрита Іоны, разсудила такъ: „по многимъ уважительнымъ предметамъ, въ составъ должности инспектора входящимъ, и для ближайшаго надзора за студентами, признается нужнымъ опредѣлить къ ея исправленію такого человѣка, который бы не былъ отвлекаемъ никакими учебными упражненіями" [2]).

О всѣхъ этихъ преемственно бывшихъ инспекторахъ читаемъ, между прочимъ, въ „Обозрѣніи пятидесятилѣтняго существованія С.-Петерб. Академіи", слѣдующія строки: „Устроителями *нравственной жизни и внѣшняго поведенія* первыхъ воспитанниковъ были знаменитые впослѣдствіи пастыри нашей Церкви: *Евгеній* архіеп. Ярославскій, митроп. *Іона*, и *Филаретъ* митроп. Кіевскій. Рѣдкое сочетаніе именъ, такъ чтимыхъ цѣлою Россіею" [3]).

Служеніе Филарета на должности Инспектора въ С.-Петербургской Академіи продолжалось очень не долго—только полгода, за то въ самую важную пору. Въ Іюлѣ 1814 г. состоялся первый выпускъ воспитанниковъ сей Академіи послѣ ея преобразованія. Важность этого событія, можетъ быть, въ наши времена покажется вовсе не такою, какова она была на самомъ дѣлѣ, не по отношенію лишь къ тогдашнему состоянію просвѣщенія, но и къ настоящему и даже къ всегдашнему будущему въ нашемъ православномъ отечествѣ въ средѣ духовенства. Несомнѣннымъ увѣреніемъ и ручатель-

---

[1]) Тамъ же стран. 247—248.

[2]) Журналъ Коммис. дух. учил. 12 Генваря 1810 г. отд. IV. стр. 16.

[3]) Смотр въ изд. «Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской духовной Академіи 17 Февраля 1859 г.»—стран. 4.

ствомъ въ этомъ служитъ то, что Государь Императоръ Александръ I изволилъ, между прочимъ, сказать по выслушаніи благодарственной Ему рѣчи, сказанной отъ лица Св. Сунода Митрополитомъ Амвросіемъ, за дарованные Церкви способы къ утвержденію и процвѣтанію духовныхъ училищъ. Вотъ слова МОНАРХА: „Я, представляя выгоды для духовныхъ училищъ, имѣю въ виду то удовольствіе, что сіи (училища), и при распространеніи общенароднаго просвѣщенія *всегда будутъ стараться идти*, по прежнему, *впереди*“ [1]). И вотъ, при окончаніи перваго курса студентами С.-Петербургской Академіи, и должно было оправдаться то, чего съ удовольствіемъ желало и ожидало Сердце Царево. Дѣйствительно, когда представлено было Государю Императору отъ Коммиссіи духовныхъ училищъ объ окончаніи сего курса, Его Величество благоизволилъ удостоить Высочайшими рескриптами первенствующаго Члена Коммиссіи Митрополита Амвросія, а также и Ректора Академіи Архимандрита Филарета. Въ первомъ рескриптѣ, между прочимъ, сказано: „Разсмотрѣвъ докладъ Коммиссіи духовныхъ училищъ объ окончаніи перваго курса новообразованной С.-Петербургской Академіи, остаюсь увѣреннымъ, что сей вертоградъ наукъ дастъ въ свое время плоды обильные, по колику принялъ сѣмена благія, и расцвѣлъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ искусныхъ смотрителей. Слава и благодареніе Всевышнему, тако благословившему намѣренія МОИ представить Церкви достойныхъ пастырей“ [2]). Во второмъ рескриптѣ на имя Ректора Академіи Архимандрита Филарета сказано: „Донесеніе объ успѣшномъ окончаніи перваго академическаго курса обратило МОЕ вниманіе на отличные труды ваши и способность къ образованію юношества. Начальство отдаетъ вамъ справедливость, ввѣряя опытности вашей успѣхъ втораго курса. Богъ да подкрѣпитъ силы ваши къ перенесенію трудовъ на новомъ поприщѣ. По бла-

---

[1]) Смотр. Истор. С.-Петерб. Академіи стран. 178.

[2]) Тамъ же стран. 237.

гимъ расположеніямъ души вашей надѣюсь, что питомцы, призванные на служеніе Церкви, научатся отъ васъ ходить въ заповѣдяхъ Божіихъ и просвѣтятся внутренно свѣтомъ Евангельскаго ученія“ [1]).

Въ такую, говоримъ, важную пору новоначавшейся свѣтлой эпохи духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, суждено было быть Филарету въ числѣ дѣятелей, или, какъ выражено самимъ Вѣнценосцемъ, искусныхъ смотрителей, подъ непосредственнымъ вліяніемъ коихъ самый первый новоучрежденный вертоградъ наукъ принялъ сѣмена благія и расцвѣлъ, чтобы дать въ свое время плоды обильные“. Само собою разумѣется, что, изъявленное Государемъ Императоромъ, столь лестное благоволеніе къ главнымъ представителямъ Академіи, относилось, въ извѣстной долѣ, и къ лицу Архимандрита Филарета, какъ Инспектора Академіи, и слѣдовательно ближайшаго сотрудника Ректора Филарета, хотя это сотрудничество и было весьма непродолжительно. Кромѣ же этого посредственнаго удостоенія чести въ лицѣ своего Начальства Инспекторъ Филаретъ былъ тогда же почтенъ самою высшею степенью ученаго достоинства—степенью Доктора Православнаго Богословія. Эта степень, именно тогда, при самомъ первомъ ея установленіи, имѣла, само собою, особенно важное значеніе. Вотъ что читаемъ, между прочимъ, въ тогдашнемъ актѣ по этому предмету.

„Предъ торжественнымъ собраніемъ Конференціи Академіи, 3-го Августа 1814 г. она имѣла предварительное чрезвычайное совѣщаніе для принятія и представленія Начальству правильныхъ мѣръ къ открытію въ особенности степени Доктора Православнаго Богословія. Собраніе сіе, слѣдуя тому опыту, что лучшія заведенія какъ во внутреннемъ совершенствѣ своемъ, такъ и во мнѣніи народномъ, возвышаются, или унижаются вліяніемъ и примѣромъ лицъ, къ нимъ принадлежащихъ, и по сему разсуждая, что весьма важно для духовнаго въ Россіи просвѣщенія то, какія лица на первый разъ

[1]) Истор. С.-Петерб. дух. Академіи стран. 237.

будутъ избирателями въ степень доктора Богословія и какъ поддержатъ возникающее заведеніе важностію своего примѣра, составило проэктъ. По утвержденіи сего проэкта, Конференція въ торжественномъ своемъ собраніи, чрезъ избранныхъ депутатовъ, поднесла докторальную книгу—1) митрополиту С.-Петербургскому Амвросію. 2) преосв. Михаилу Архіепископу Черниговскому, и 3) преосв. Серафиму Архіепископу Минскому и Литовскому [1]). Эти лица, принявъ званіе Докторовъ почетныхъ, или мужей знаменитыхъ духовными сочиненіями и благодѣтельнымъ вліяніемъ на духовное просвѣщеніе, приняли на себя характеръ избирателей, и, при первомъ случаѣ избранія, признали достойными возведенія на степень Доктора: 1) С.-Петербургской Академіи Ректора и профессора Богословія Архимандрита Филарета, 2) здѣшней же Академіи Инспектора Архимандрита Филарета, и 3) здѣшней же Семинаріи Ректора Архимандрита Иннокентія“ [2]).

Смотря на эти удостоенія степени Доктора, кто либо подумаетъ,—какія же могли быть особенныя достоинства архим. Филарета въ ученомъ собственно отношеніи, чтобы получить высшую степень Доктора, когда онъ не былъ даже и профессоромъ Академіи, а также не извѣстенъ былъ и на литературномъ поприщѣ?! Думать такъ позволительно, особливо когда извѣстно, что Докторство давалось въ послѣдующее время почти исключительно за ученые труды, относящіеся при томъ къ такимъ систематическимъ богословскимъ сочиненіямъ, которыя могли бы быть приняты въ учебникъ, или въ

---

[1]) Архіепископы *Михаилъ* и *Серафимъ*, по кончинѣ Митроп Амвросія, оба были Митрополитами С.-Петербургскими—сначала первый, потомъ второй.

[2]) Истор. С.-Петерб. духовн. Академіи стран. 234—235. NB. Этотъ актъ избранія *трехъ* кандидатовъ на докторство изложенъ здѣсь не точно, по крайней мѣрѣ не въ полномъ содержаніи, а отсюда выходитъ неопредѣленность по отношенію къ самому основанію избранія этихъ лицъ.—Мы восполнимъ это изъ подлинныхъ документовъ. Авт.

пособіе преподаванія въ духовныхъ заведеніяхъ, или когда въ настоящее время требуется отъ докторантовъ представленіе особаго, возможно-капитальнаго, научнаго труда. Но во 1-хъ, зная то, съ какою похвалою отозвался объ архимандритѣ Филаретѣ Митрополитъ Платонъ, когда выслушалъ его привѣтственную рѣчь въ Сѣвской Семинаріи, и вообще съ какою ревностію занимался Филаретъ науками попреимуществу богословскими какъ въ бытность свою въ Сѣвскѣ, такъ и въ Уфѣ и Тобольскѣ,—было бы несправедливо отнимать отъ него ученое достоинство по тогдашнему состоянію духовнаго просвѣщенія. Къ тому же мы скоро увидимъ ясное доказательство учености Архимандрита Филарета—именно въ бытность его Ректоромъ и Профессоромъ Москов. дух. Академіи въ 1814—19 г., гдѣ онъ изъ академическихъ лекцій своихъ составилъ полную систему Догматическаго Богословія, (бывшую даже на разсмотрѣніи Коммисіи Дух. училищъ), и также часть толкованій по Св. Писанію В. Завѣта. Во 2-хъ, докторство Богословія, по самому статуту назначалось не за однѣ собственно ученыя достоинства лица, но и за то, что означено на самомъ докторскомъ крестѣ, именно: *Иже сотворитъ и научитъ, сей великій наречется въ царствіи небесномъ* (Матѳ. V, 19). Потому-то и въ Уставѣ было сказано: „никакое совершенство сочиненія не должно доставлять званія Доктора Богословія тому, кто чистымъ и неукоризненнымъ образомъ жизни не засвидѣтельствовалъ о себѣ выпяного званія быть учителемъ христіанскимъ".—Въ этомъ же послѣднемъ отношеніи кто усомнится въ истинныхъ достоинствахъ въ Бозѣ почившаго, дающихъ ему неоспоримое право на Докторство?!. Съ другой стороны всѣ званія и знаки отличія сколько составляютъ награду за труды, или свидѣтельство о достоинствахъ отличаемаго, столько же имѣютъ (особенно въ самомъ началѣ ихъ установленія)—значеніе поощренія и возбужденія большей готовности и ревности къ дальнѣйшимъ трудамъ и успѣхамъ. Весьма интересно и даже поучительно привести здѣсь слова изъ благодарственной рѣчи, говоренной именно на эту тему,—собра-

нію Конференціи однимъ изъ новопроизведенныхъ магистровъ. (воспитанниковъ перваго курса С.-Петербургской дух. академіи)—*Георгіемъ Постниковымъ* [1]).

„Силы умственныя умножаются. говорилъ юный Магистръ. не иначе, какъ трудами. Но поелику человѣческая природа въ каждомъ трудѣ привыкла увеличивать тягости и изнуренія: то. дабы предупредить возмущеніе природы, надобно было въ однихъ изъ насъ произвести ревность. въ другихъ соревнованіе. Дарованныя и предназначенныя намъ, отличія будутъ поддерживать и въ насъ и въ нашихъ преемникахъ готовность къ понесенію всѣхъ трудовъ. на насъ возлагаемыхъ. Сія же готовность. распространяясь. очищаясь и превращаясь въ безкорыстную ревность Божію. чрезъ спѣяніе просвѣщенія можетъ послужить къ преспѣянію благочестія“. И затѣмъ, обращаясь къ своимъ сотоварищамъ по воспитанію, тотъ же юный магистръ-витія выразилъ слѣдующія прекраснѣйшія мысли и чувства о значеніи самого креста, какъ знака отличія для духовно-ученаго мужа: „Крестъ сей, какъ видимое отличіе учительства. не долженъ быть для однихъ предметомъ тщеславія. а для другихъ предметомъ неправильнаго домогательства: онъ служитъ только къ тому. дабы единственная должность учителя Церкви — его собственный крестъ — никогда не была забвена учителемъ. и чтобы онъ постоянно, имѣя предъ очами свою должность, всею полнотою силъ своихъ стремился къ ея исполненію,—чтобы не внѣшно носилъ крестъ, но внутренно, не на себя токмо возлагалъ его, но и себя пригвождалъ къ нему—распинался на немъ“ [2]). Принимая въ этомъ же и высшемъ значеніи и смыслѣ званіе и должность Доктора. котораго удостоенъ былъ Архимандритъ Филаретъ. кто не согласится.

---

[1]) Воспитанникъ Георгій Постниковъ. въ монашествѣ Григорій, — впослѣдствіи Докторъ Богословія и бывшій Митрополитъ С.-Петербургскій.

[2]) Смотр. Истор. С.-Петерб. Академ. стр. 235—236.

сколь достойно и праведно идетъ крестъ *Докторскій* къ лицу пожалованнаго имъ.—„всю жизнь. по его собственному выраженію. жившаго на крестѣ духовнаго подвижничества и умершаго на крестѣ“ [1]).

Впрочемъ. въ прямое разъясненіе и рѣшеніе разсматриваемаго вопроса о заслуживаемомъ Архимандритомъ Филаретомъ правѣ на достоинство Докторской степени. мы имѣли возможность найдти *подлинный документъ* [2]) по этому собственно дѣлу.—слѣдующаго буквальнаго содержанія:

„Коммиссіи Духовныхъ Училищъ отъ нижеподписавшихся—Предложеніе.

„Санктпетербургскою Духовною Академіею бывъ мы избраны и Коммиссіею Духовныхъ Училищъ утверждены въ званіи Почетныхъ Докторовъ Богословіи съ правомъ избранія и другихъ въ сію степень. долгомъ поставили мы предложить Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. что мы избираемъ и признаемъ достойными степени Доктора—Академіи оной Ректора и Богословіи Профессора Архимандрита Филарета и Инспектора. бывшаго въ трехъ Семинаріяхъ Ректора и Богословіи учителя, и нынѣ по одобренному Конспекту къ обученію оной (Богословіи) назначеннаго, — (здѣсь разумѣется назначеніе Филарета въ Московскую Академію), Архимандрита Филарета; и здѣшней же Семинаріи Ректора Архимандрита Иннокентія“.—„*Подписались: Амвросій* Митрополитъ Новгородскій,—*Михаилъ* Архіепископъ Черниговскій,—*Серафимъ* Архіепископъ Минскій“.

Этотъ документъ. дѣйствительно. раскрываетъ дѣло

---

[1]) Смотр. въ «послѣднихъ дняхъ жизни высокопр. Филарета Митроп. Кіевскаго». Эти слова его были буквальныя—предъ самою кончиною.

[2]) Этотъ документъ найденъ мною, въ бытность мою съ Спб.. въ Сентябрѣ 1887 г.. въ архивѣ Канцеляріи Новгородскаго и С.-Петербургскаго Митрополита Смотр. дѣло 1814 г на трехъ листахъ; по архивной описи № 709. На него-то и указано было прежде, гдѣ замѣчено нами было о неточности или неполнотѣ изложенія этого дѣла въ Исторіи С.-Петербургской духовной Академи.

въ полнотѣ и ясности. Если Архимандритъ Филаретъ, какъ вызванный на чреду, былъ назначенъ на должность Инспектора С.-Петербургской Академіи какъ бы только временно и притомъ безъ профессорской каѳедры, то избраніе и опредѣленіе его не Инспекторомъ только, а и Профессоромъ богословскихъ наукъ въ новооткрываемой Московской Академіи послѣдовало со стороны Начальства, само собою, не безъ увѣренности въ его ученыхъ достоинствахъ. А эта-то увѣренность и самыя достоинства основывались именно на томъ, что прямо выражено въ приведенномъ выше предложеніи трехъ Почетныхъ Докторовъ-избирателей, бывшихъ въ тоже время Членовъ Святѣйшаго Сунода. При этомъ наконецъ нельзя не принять во вниманіе, что, если въ эту же Академію — Московскую назначены были одновременно съ Филаретомъ нѣсколько (числомъ восемь) изъ лучшихъ магистровъ-воспитанниковъ перваго курса С.-Петербургской Академіи, — слѣдовательно, и Филаретъ долженъ былъ равняться съ ними въ степени образованія. Относительно же значенія и степени тогдашняго образованія, въ лицѣ только что кончившихъ курсъ и назначаемыхъ на учебную службу, интересно знать разсужденія объ этомъ предметѣ самой Коммиссіи Духовныхъ Училищъ: „Новость заведенія не токмо не должна унижать понятія о воспитанникахъ настоящаго перваго курса, но еще можетъ возвышать оное. Живость и напряженіе силъ, преимущественно свойственныя началу всякаго дѣла, нерѣдко даютъ новымъ заведеніямъ качество неутомимости; а сія уже ручается за успѣхъ во всякомъ родѣ“ [1]). Вообще же въ дѣлѣ избранія и опредѣленія указываемыхъ лицъ, и въ томъ числѣ архим. Филарета, на должность въ новооткрываемую Московскую Академію, Коммиссія не только руководилась своими соображеніями, но и прямымъ указаніемъ воли и желанія Самого Монарха. Въ Именномъ Указѣ Своемъ Государь Императоръ изрекъ: „Считаю нужнымъ изъяс-

[1]) Смотр. Истор. С.-Петерб. дух. Акад. стр. 258.

нить Коммиссіи МОИ намѣренія о воспитаніи духовнаго юношества. Первый учебный курсъ Александро-Невской Академіи конченъ, образовавшій учителей для втораго курса С.-Петербургскаго Округа и открытія вновь Московскаго: то Я желаю, чтобы Коммиссія обратила свое вниманіе какъ на сихъ новообразованныхъ учителей, такъ и на самыя училища, чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ училищами истины" [1]). Соотвѣтственно этимъ словамъ Благословеннаго Монарха Коммиссія, при назначеніи начальствующихъ и учащихъ лицъ въ Московскую Академію, дѣйствительно, сдѣлала одинъ изъ удачныхъ выборовъ въ лицѣ Архимандрита Филарета;—это оправдалось всею его административною и учебною дѣятельностію въ теченіе пятилѣтняго его служенія въ Московской Академіи. Объ этомъ служеніи въ Бозѣ почившій самъ необинуясь засвидѣтельствовалъ въ слѣдующихъ словахъ, значащихся въ запискахъ: „Служеніе въ Академіи Московской стоило особенно великихъ трудовъ, которые и были всѣ вполнѣ благоплодны" [2]).

Правда относительно этого, такъ скоро состоявшагося, перемѣщенія Филарета изъ инспекторовъ С.-Петербургской Академіи въ Московскую приводилось намъ слышать свѣдѣнія и сужденія иного рода. Выше было сказано, что это опредѣленіе состоялось по мысли и указанію Ректора Филарета. По этому-то поводу, въ ту ли самую пору, или впослѣдствіи, сложились мнѣнія, что будто-бы Ректоръ Филаретъ, какъ поспѣшно избралъ Филарета въ свои сотрудники — въ Инспекторы, такъ же скоро и разубѣдился въ немъ; потому, чтобы не имѣть его при себѣ на будущее время, онъ воспользовался случаемъ указать ему другое назначеніе. На чемъ основаны эти свѣдѣнія, трудно было дознать, но неосновательность ихъ очевидна будетъ для всякаго изъ послѣдующихъ данныхъ, опирающихся на личныхъ и оффиціальныхъ свидѣтельствахъ самого Филарета, быв-

[1]) Тамъ же стран. 238.

[2]) Смотр. Записки лист. 2, стран. 1.

шаго Ректора С.-Петербургской Академіи. Въ настоящемъ мѣстѣ мы приведемъ только слова покойнаго высокопр. Антонія, которыя онъ сказалъ, по прочтеніи этого нашего указанія на бывшія сужденія... „Сказать можно напрямки, что подобныя мнѣнія—чистыя бредни, засѣвшія въ головахъ у тѣхъ, которымъ представлялось, на основаніи какъ будто нѣкоторыхъ фактовъ, что оба Филарета и на митрополичьихъ каѳедрахъ и на Членскихъ Сунодальныхъ креслахъ питали какія-то будто прикровенныя несочувствія [1]), которыми надѣялись нѣ-

[1]) Что дѣйствительно были въ этомъ родѣ понимавшіе взаимныя отношенія двухъ соименниковъ—Филаретовъ, во все время ихъ служенія, когда они оба занимали уже первосвятительскія каѳедры, объ этомъ пишетъ напр. авторъ «Записокъ о жизни и времени Святителя Филарета», именно по вопросу о буквальномъ значеніи самыхъ членскихъ креселъ.—«Митрополитъ Московскій давно уже занималъ первое, послѣ Первоприсутствующаго въ Сунодѣ, мѣсто, какъ старшій въ немъ Членъ При возведеніи же архіепископа Казанскаго Филарета въ санъ Митрополита Кіевскаго, внезапно пронесся, откуда-то, вопросъ по всѣмъ кружкамъ и слоямъ С.-Петербургскаго общества: которому же изъ двоихъ Филаретовъ должно достаться кресло старшаго Члена въ Сунодѣ? Московскій имѣлъ на него право и по давности обладанія имъ и по іерархическому старшинству архіепископскаго служенія своего, и по пребыванію въ санѣ Митрополита еще съ 1826 года. Право Кіевскаго опиралось на старшинствѣ, ввѣренной ему, епархіи. Не понимавшіе ни глубицы смиренія, ни ясности просвѣщеннаго и освѣщеннаго благодатію ума Московскаго первосвятителя, ожидали съ тупымъ любопытствомъ первой встрѣчи двухъ митрополитовъ въ Сунодѣ: какое тутъ возникнетъ состязаніе? Кто увлечетъ на свою сторону большинство голосовъ? За кого станетъ Первоприсутствовавшій? Кто одержитъ побѣду и овладѣетъ кресломъ старшаго Члена? Дѣло же кончилось очень просто. Филаретъ Московскій радушно привѣтствовалъ Филарета Кіевскаго, указалъ самъ ему на свое мѣсто и занялъ второе. Соименные Митрополиты взаимно уважали другъ друга и остались во всю жизнь въ единеніи духа. При сужденіяхъ объ особенно важныхъ предметахъ и случаяхъ, они постоянно сходились въ мнѣніяхъ Пользуясь однако случаями и угловатостію простодушнаго и довѣрчиваго Филарета Кіевскаго, иные пытались поставить его противъ Филарета Московскаго, чтобы не сказать—старались поссорить ихъ между собою,—но не удавалось». Смотр. «Записки о жизни и времени Святителя Филарета Москов. Митрополита» составлен. Н. В. Сушковымъ. Изд. 1868 г. Москва, стр. 140—141.

которые пользоваться въ своихъ видахъ, подбивая къ этому особливо. устарѣвшаго тогда совсѣмъ, Митрополита Серафима... Напротивъ—говорилъ преосв. Антоній—что касается до излагаемаго теперь дѣла—т. е. перемѣщенія Владыки Филарета, хотя столь ускореннаго, изъ С.-Петерб. Академіи въ Московскую.—то это дѣло было даже такъ, что Филаретъ,—ректоръ Петербургскій, подавалъ въ Коммиссіи прямой и рѣшительный свой голосъ, чтобы Инспектора Филарета перемѣстить *не въ Инспекторы*, а *прямо въ Ректоры* новооткрываемой Московской Академіи;—а если онъ и не настаивалъ рѣшительно на этомъ своемъ мнѣніи, то именно потому, что ясно предвидѣлъ, что это непремѣнно и скоро само собою осуществится. Да и самъ Владыка-дядя, какъ самъ онъ мнѣ разсказывалъ, очень стѣснялся заносить, какъ говорится, ногу сразу на столь высокую ступень, сознавая себя мало еще подготовленнымъ къ новому поприщу академическаго служенія. Объ этомъ онъ со всею искренностію высказался даже и самому Ректору Филарету, который, очевидно, призналъ эту мысль разумно-практичною. а потому и не настаивалъ на своемъ мнѣніи въ Коммиссіи.

Переходя отъ мѣста и времени служенія Инспекторскаго въ С.-Петербургской Академіи къ таковому же служенію Архимандрита Филарета въ Московской дух. Академіи, мы должны во всякомъ случаѣ съ увѣренностію признать, что между обоими соименниками сослуживцами взаимныя ихъ отношенія, полныя сочувствія и единенія духа, были несомнѣнны и искренни. Объ этомъ лично засвидѣтельствовалъ одинъ изъ нихъ (Филаретъ Кіевскій) въ своихъ запискахъ въ слѣдующихъ словахъ: „Съ этого-то времени—(съ перваго учебнаго курса въ Московской академіи, когда бывшій ректоромъ Петербургской Академіи высокопр. Филаретъ (Московскій) пріѣзжалъ ревизовать Московскую Академію) утвердилась та внутренняя искренняя духовная связь между ними, которая во всю жизнь ихъ продолжалась неизмѣнно“. Начало же и первый залогъ этой связи, очевидно, были при совмѣстномъ служеніи обоихъ Филаретовъ въ

Петербургской Академіи. гдѣ дѣйствительно первый Филаретъ-ректоръ полюбилъ, по свидѣтельству о. Турчанинова, новоприбывшаго своего соименника такъ, что благодарилъ и самого Турчанинова“.—Значитъ, онъ въ такихъ же чувствахъ съ нимъ и разставался;—а не такъ, чтобы, какъ говорится, сбыть его лишь отъ себя, по чему бы-то ни было... Скорѣе раждается вопросъ такого рода:—отъ чего Филаретъ-Ректоръ желалъ и настаивалъ, чтобы назначенъ былъ непремѣнно его сослуживецъ-Филаретъ, а не кто другой и именно въ Московскую Академію? Отвѣтъ на это будетъ ясенъ въ дальнѣйшемъ изложеніи о служеніи Филарета, когда онъ вскорѣ же былъ опредѣленъ Ректоромъ Московской Академіи.

ОТДѢЛЪ V.

(1814—1819 г.)

ГЛАВА IX.

«Прибывъ на должность Инспектора Московской духовной Академіи въ самомъ началѣ Сентября мѣсяца (1814 г.), я и устроялъ и открывалъ сію новую Академію [1]).—«Отцемъ Инспекторомъ новооткрытой нашей Московской Академіи Архимандритомъ Филаретомъ я очень доволенъ» [2]).

Въ составъ наставниковъ новооткрытой Московской духовной Академіи, какъ уже замѣчено, были назначены лучшіе воспитанники перваго курса С.-Петербургской Академіи—въ числѣ восьми человѣкъ [3]), съ званіемъ Баккалавровъ. Кромѣ же сего Св. Сунодомъ было поручено преосвященному Августину Архіепископу Московскому сдѣлать представленіе, кого бы онъ могъ самъ признать достойными къ назначенію въ Академію. изъ лицъ, служившихъ при существовавшей дотолѣ древней Славяно-Греко-Латинской Академіи. Преосв. Авгу-

---

[1]) Изъ записокъ самого высокопр. Филарета.

[2]) Слова изъ письма Московскаго Архіепископа Августина къ С.-Петербургскому Митрополиту Амвросію.

[3]) Лица эти слѣдующія: Григорій Левитскій, Ив Носовъ, Петръ Розановъ, Михаилъ Бажановъ, Василій Херсонскій, Василій Кутневичъ, Арсеній Тяжеловъ и Григорій Огіевскій

стинъ рекомендовалъ Ректора сей Академіи,—архимандрита Симеона (впослѣдствіи бывшаго архіеп. Ярославскаго) въ Ректоры же новооткрываемой Академіи, а двухъ соборныхъ іеромонаховъ: Никанора (впослѣдствіи Митрополита С.-Петербургскаго) и Гермогена, какъ имѣющихъ отличныя способности и свѣдѣнія, рекомендовалъ въ Баккалавры,—перваго изъ нихъ по каѳедрѣ историческихъ наукъ, а втораго—богословскихъ. Рекомендація его была принята во вниманіе. Такимъ образомъ наличный комплектъ начальствующихъ и учащихъ въ Московской Академіи состоялъ изъ *четырехъ* лицъ монашествующихъ и *восьми* свѣтскихъ. На первыхъ порахъ этихъ лицъ было достаточно, такъ какъ сначала былъ открытъ одинъ только младшій курсъ; судя же по количественному отношенію лицъ монашествующихъ—4-хъ и свѣтскихъ 8-ми, составъ этотъ былъ совершенно пропорціональный. Эта пропорціональность была, само собою, благопотребна сколько вообще для новообразованнаго разсадника *собственно духовнаго* просвѣщенія, столько въ частности для разсадника, помѣщеннаго въ стѣнахъ и подъ сѣнію *иноческой обители*.

Кромѣ поименованныхъ лицъ преосв. Архіеп. Августинъ рекомендовалъ-было и въ инспекторы для новой Академіи и профессоры философскихъ наукъ Префекта Славяно-Греко-Латинской Академіи Архимандрита Парѳенія, „отличающагося,—какъ писалъ онъ въ донесеніи Коммиссіи духовныхъ училищъ,—сверхъ многихъ другихъ свѣдѣній, познаніями философскими, и, по собственному благонравію и дѣятельности своей, весьма способнаго къ должности Инспектора“ [1]. Но Коммиссія не утвердила сего кандидата, а назначила Филарета. Чѣмъ руководствовалась въ этомъ дѣлѣ Коммиссія? Отвѣтомъ можетъ служить слѣдующая замѣтка, выраженная, между прочимъ, въ чтеніяхъ Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія по предмету преобразованія учеб-

---

[1]) Смотр. Чтенія въ Москов Общ. любит. дух. просвѣщенія. Кн. XIII, Отдѣл. I, стр. 57.

ныхъ заведеній въ Московской епархіи: „Видно, въ составѣ Коммиссіи духовныхъ училищъ находились тогда лица, которымъ хорошо былъ извѣстенъ и составъ зданій Сергіевой Лавры, въ которой опредѣлено было открыть Академію, и весь бытъ Московской епархіи и проч. [1]). А такъ какъ въ составѣ Коммиссіи находился Ректоръ Филаретъ, бывшій и воспитанникомъ и учителемъ Троицкой въ Лаврѣ Семинаріи, то одного такого лица достаточно было, чтобы Коммиссіи имѣть надлежащія свѣдѣнія и руководствоваться ими въ дѣлѣ устройства и сформированія новой Академіи. Дѣйствительно,— при личной, прежде упоминаемой бесѣдѣ, въ Бозѣ почившій святитель Московскій сказавъ, что указаніе и назначеніе въ Инспекторы и затѣмъ въ Ректоры Московской Академіи Архимандрита Филарета состоялось по его мысли, присовокупилъ: „это сдѣлано было мною собственно ради блага Академіи, какъ роднаго мнѣ заведенія, хотя и былъ на готовѣ другой кандидатъ“.

Такое желаніе, со стороны Ректора Филарета, какъ Члена Коммиссіи, само собою происходило не изъ личныхъ только чувствъ и видовъ его, но опиралось на вѣрныхъ основаніяхъ и положительныхъ данныхъ, которыхъ не могла не принять во вниманіе и сама Коммиссія, помимо личнаго желанія Ректора Филарета. Какъ ни мало времени пробылъ Филаретъ, прибывши изъ Тобольска, на должности Инспектора С.-Петербургской Академіи, но онъ несомнѣнно успѣлъ уже достаточно ознакомиться со всѣмъ устройствомъ и порядкомъ въ этой новообразованной Академіи, чтобы воспользоваться ими въ приложеніи къ вновь учрежденной Московской. Такое же лицо, какъ онъ, тѣмъ болѣе требовалось въ составъ начальственной корпораціи новой Академіи, что главный начальникъ—ректоръ Симеонъ былъ избранъ изъ лицъ, незнакомыхъ съ новыми учрежденіями. Далѣе хотя преосв. Августинъ рекомендовалъ особенно похвально архимандрита Парѳенія, какъ обладавшаго по-

[1]) Смотр. тамъ же стр. 55.

знаніями философскими: но это достоинство познаній, въ ту по преимуществу пору, было сомнительно... Въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что философствованіе тогдашняго духа и направленія всячески нужно было болѣе сдерживать и подавлять въ воспитанникахъ, поступавшихъ въ составъ новой Академіи, такъ какъ и въ С.-Петербургской Академіи это дѣло составляло предметъ большихъ заботъ для Начальства. Въ самомъ проэктѣ Устава дух. Академіи прямо было сказано, „что преподаваніе по Философіи должно быть въ постоянномъ подчиненіи высшему положительному авторитету—Божественному Откровенію“. На этомъ основаніи сколько не нуженъ былъ архимандритъ Парѳеній для Академіи Московской, какъ преподаватель Философіи, хотя и могъ бы годиться какъ инспекторъ, столько напротивъ Архимандритъ Филаретъ былъ вполнѣ достойнымъ и для инспекторства и для профессорства, какъ богословъ, и *въ частности* какъ толкователь Св. Писанія, имѣвшій уже и степень Доктора. Наконецъ, при всей маловременности инспекторства Филарета въ С.-Петерб. Академіи, не могли укрыться отъ внимательнаго взора Ректора Филарета какъ способность и опытность его для этой должности, такъ и, можетъ быть всего болѣе, духъ и направленіе и весь образъ его жизни, вполнѣ соотвѣтствовавшіе будущему мѣсту служенія въ новомъ вертоградѣ наукъ, не безъ основанія помѣщенномъ въ обители Св. Преподобнаго Сергія. Все это скоро и оправдалось самымъ дѣломъ. Такъ самъ преосв. Августинъ, хотя естественно могъ отчасти непріятно смотрѣть на назначеніе Филарета Инспекторомъ, какъ состоявшееся вопреки его желанію имѣть на этой должности, представленнаго имъ, кандидата—архимандрита Парѳенія, скоро убѣдился въ достоинствахъ Филарета. Отъ 5-го Ноября 1814 года,—значитъ съ небольшимъ черезъ два мѣсяца,—онъ писалъ, между прочимъ, къ Митрополиту С.-Петербургскому Амвросію: „О. Инспекторомъ Архимандритомъ Филаретомъ я очень доволенъ“ [1]).

---

[1]) «Чтенія въ Моск. общ. любителей духовн. просвѣщенія». Кн. XIII, 1871 г. въ примѣч. къ 3-й части подъ № 191.

По какому поводу и случаю послѣдовалъ такой отзывъ преосв. Августина, не извѣстно; справедливость же его не подлежитъ сомнѣнію, не по отношенію лишь къ начальному, но и ко всему послѣдующему служенію Филарета какъ въ званіи Инспектора, такъ и Ректора Академіи. Самъ въ Бозѣ почившій не обинуясь засвидѣтельствовалъ въ своихъ запискахъ: „служеніе въ Московской Академіи стоило мнѣ особенно великихъ трудовъ, которые и были всѣ вполнѣ благоплодны“ [1]). Труды эти начались съ самаго устройства и открытія Академіи.

Такъ въ тѣхъ же запискахъ въ Бозѣ почившаго читаемъ: „Прибывъ на сію (инспекторскую) должность въ самомъ началѣ Сентября мѣсяца, я и устроялъ и открывалъ новую Академію. Открытіе Академіи было совершено 25 Сентября,—въ день памяти Св. Угодника преподобнаго Сергія“ [2]). Въ этихъ словахъ очевидно доказательство прежде сказаннаго. т. е. что ему.—какъ служившему уже въ новообразованной Академіи, было дано, вѣроятно, особенное порученіе сдѣлать все нужное въ устройствѣ Академіи по возможности сообразно съ С.-Петербургскою.

Подъ устройствомъ Академіи нужно разумѣть здѣсь отчасти самыя постройки зданій, а главное—размѣщеніе въ нихъ и приведеніе всего въ надлежащій порядокъ. Производство капитальныхъ строительныхъ работъ происходило еще прежде. и заняться имъ въ началѣ поручено было преосв. Августиномъ Ректору Троицкой Семинаріи архимандриту Евгенію и профессору Веніамину, но они скоро получили новое назначеніе. Въ замѣнъ этихъ лицъ преосв. Августинъ составилъ Комитетъ изъ строителя Срѣтенскаго монастыря іеромонаха Ѳеофилакта, протоіерея Рождественской Церкви (въ Сергіевомъ Посадѣ) Іоанна и Саввина Монастыря іеродіакона Никанора [3]). Понятно, что эти лица, по самому своему по-

[1]) Смотр. Записки лист. 2, стр. 1.

[2]) Тамъ же, лист 2, стр. 1.

[3]) Дѣла архив. Моск. дух. Консисторіи 1814 г. № 998 и дѣла архива бывшей Троицкой Семинаріи 1814 г. №№ 180, 183, 186, 197.

ложенію, не могли быть знакомы съ устройствомъ и всѣми принадлежностями, необходимыми для новаго заведенія. Къ тому же назначены они были въ Комитетъ только лишь 28 Августа, и могли приступить къ дѣлу, когда прибылъ уже Филаретъ;—по этому самому послѣдній естественно принялъ непосредственное и главное участіе въ устроеніи Академіи. Работъ же оставалось еще много. Отъ того же 28 Августа преосв. Августинъ писалъ Митроп. Амвросію: „въ Академіи строеніе кирпичнымъ дѣломъ кончено. Теперь покрываемъ оное“... [1])

Для новоучрежденной Московской духовной Академіи избрано было мѣсто въ стѣнахъ самой Лавры Св. Преподобнаго Сергія, потому собственно, какъ писалъ въ донесеніи своемъ преосв. Августинъ, что во 1-хъ, „мѣсто сіе удалено отъ столицы и юнымъ воспитанникамъ не представляется многихъ, паче же вредныхъ, развлеченій“. Во 2-хъ, „никакое другое мѣсто не имѣетъ столько зданій, удобныхъ для помѣщенія вновь учрежденной Академіи, какъ бывшая Лаврская Семинарія, а особенно ежели зданіе, чертогами именуемое, назначить все подъ Академію“ [2]).

Въ этихъ-то зданіяхъ,—семинарскихъ и такъ называемыхъ чертожныхъ и была помѣщена Академія. Преосв. Августинъ, вмѣстѣ съ донесеніемъ объ избраніи мѣста, указалъ, между прочимъ, и то, гдѣ быть аудиторіямъ, Академическому Правленію, цензурному Коми-

---

[1]) Смотр. Чтенія въ Моск. общ. любителей дух. просвѣщенія. Книг. XIII, въ примѣчаніяхъ къ 3-й ч № 189

[2]) Объ исторической судьбѣ этихъ зданій, вотъ что читаемъ въ исторической запискѣ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Московской Академіи: «Мѣсто, гдѣ мы теперь находимся, почтенные представители и любители духовнаго просвѣщенія, за триста лѣтъ предъ симъ было мѣстомъ богомольнаго жительствованія перваго Царя Русскаго: здѣсь былъ дворецъ царя Іоанна Васильевича. Чрезъ полтараста почти лѣтъ послѣ него, на семъ мѣстѣ воздвигнутъ дворецъ перваго Императора Русскаго При благочестивой Дщери его устроены сіи чертоги и водворена здѣсь впервые духовная наука: въ первый годъ царствованія Императрицы Елисаветы въ царскихъ чертогахъ открыта была Троицкая Семинарія».

тету, гдѣ имѣть жительство Ректору, Инспектору Академіи и пр. На сколько выполнены были эти указанія его, или сдѣланы какія-либо измѣненія, не извѣстно. Каково же было устройство другихъ помѣщеній и прочихъ принадлежностей Академіи, можемъ читать въ воспоминаніяхъ одного изъ воспитанниковъ этого времени. „Въ комнатахъ, пишетъ онъ, мы—студенты помѣщались человѣкъ по восьми и по десяти; рекреаціонныхъ залъ и отдѣльныхъ комнатъ для занятій не было ни у насъ, ни у студентовъ старшихъ. Тѣ и другіе гдѣ спали, тутъ и занимались на общемъ столѣ: тутъ же въ свободное отъ занятій время и отдыхали. Кромѣ сего недостатка, который впослѣдствіи устранили, и кромѣ физическаго кабинета, который тоже устроенъ послѣ, всѣ прочія принадлежности казенно-учебнаго заведенія новооткрытая Московская Академія имѣла вполнѣ и въ довольно надлежащемъ видѣ“ [1]). Въ частности, какъ о главнѣйшей принадлежности высшаго учебнаго заведенія,—Библіотекѣ, читаемъ такія свѣдѣнія: „Библіотека немедленно же была составлена изъ книгъ, принадлежащихъ библіотекамъ—прежней Славяно-Греко-Латинской Академіи и бывшей Троицкой-Платоновской Семинаріи, и, судя по этому, могла быть удовлетворительна. Для приведенія же въ надлежащій порядокъ академической Библіотеки приложено было особенное попеченіе. Библіотекаремъ былъ опредѣленъ Соборный іеромонахъ Гермогенъ, который, не имѣя лекцій по своей каѳедрѣ до открытія старшаго богословскаго курса, занимался цѣлыхъ два года единственно должностію библіотекарскою. Успѣхъ его тѣмъ болѣе былъ несомнѣненъ, что онъ и прежде былъ библіотекаремъ въ Славяно-Греко-Латинской Академіи. Для скорѣйшаго же успѣха были назначены о. Гермогену въ помощники два студента—Николай Терновскій и Платонъ Доброхотовъ, которымъ назначено было за

---

[1]) Смотр. сочиненіе подъ заглавіемъ: «Взглядъ на собственную прошедшую жизнь»—Измайлова, бывшаго воспитанника 2-го курса Моск. Академіи, стр. 119—120.

это и жалованье [1]). „Больница, говоритъ тотъ же воспитанникъ, устроена была отдѣльно отъ Академіи въ саду, деревянная, довольно просторная и удобная; имѣла восемь кроватей, но могла вмѣщать и до пятнадцати. При больницѣ были штабъ-лѣкарь, фельдшеръ, трое служителей и достаточная аптека съ надписью: *Врачу, исцѣлися самъ!* Надпись эту сдѣлалъ митрополитъ Платонъ, говорятъ, въ напоминаніе одному бывшему при Семинаріи лѣкарю, пьянствовавшему частенько, но умному; и Академія не уничтожила этой надписи“ [2]).

Что касается дня открытія Академіи, то хотя въ запискахъ высокопр. Филарета обозначено 25 число Сентября, но въ положительныхъ документахъ значится и впослѣдствіи постоянно изъ года въ годъ совершалось празднество въ память сего открытія 1-го Октября, равно какъ и самый пятидесятилѣтній юбилей (въ 1864 году) былъ празднованъ въ это число. Разность эта примиряется тѣмъ, что высокопр. Филаретъ разумѣлъ открытіе Правленія академическаго и вступленіе въ свои должности всѣхъ лицъ начальственныхъ и исполнительныхъ по управленію, которые тотчасъ и занялись приготовленіями къ торжеству открытія Академіи, назначенному въ 1-е число Октября.—Самое же торжество открытія не могло быть 25 Сентября по одному уже тому, что въ этотъ день не возможно было бы и совмѣстить его съ извѣстнымъ великимъ празднествомъ въ Лаврѣ въ память Св. Преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Объ этомъ торжествѣ открытія читаемъ слѣдующія не безъинтересныя свѣдѣнія: [3])

---

[1]) Смотр. Странникъ. Мартъ 1866 г ст. «Архимандритъ Гермогенъ, настоятель Спасо-Андроникова монастыря» стр. 135.

[2]) Смотр. Сочиненіе Измайлова стр. 135.

[3]) Свѣдѣнія эти заимствованы нами еще въ 1866 г.—отчасти изъ исторической записки, составленной по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Моск. Академіи, и изъ рукописи, заключающей въ себѣ полную исторію сей Академіи, составленную профес. Моск. Акад. С. К. Смирновымъ, которая приготовлена была имъ тогда къ изданію, и прочитана высокопр Филаретомъ, но признана послѣднимъ рановременною.

„Открытіе Академіи было 1-го числа Октября—день благознаменательный, въ который новый вертоградъ наукъ поручался покрову и заступленію Богоматери, обѣтовавшей быть неотступною отъ сего святаго мѣста—обители Св. Преподобнаго Сергія. Событія вѣковъ подтверждаютъ и оправдываютъ истину даннаго обители иноческаго подвижничества: и полвѣка, прожитые обителію ученія, даютъ намъ смѣлость думать, что Пресвятая Дѣва покрываетъ своимъ омофоромъ и сей разсадникъ науки, получившій пріютъ и осѣненіе въ покровительствуемой Ею обители. Здѣсь въ тиши уединенія питаются юныя души не одною пищею книжнаго ученія, но святыми помышленіями и чувствованіями духовной жизни... Будемъ же благодарны Лаврѣ Сергіевой за щедродательное удѣленіе намъ духовнаго озаренія. Съ признательностію воспомянемъ имена тѣхъ, которые такъ благомудренно водворили Академію въ Лаврѣ“.

„Начальникомъ торжества открытія Академіи былъ Августинъ, только за мѣсяцъ предъ тѣмъ съ саномъ архіепископа получившій права Настоятеля Троицкой Лавры.—Въ 9-ть часовъ утра наставники и студенты собрались въ Троицкій Соборъ къ Литургіи, которую совершилъ Архіепископъ Августинъ. Послѣ Литургіи было молебствіе предъ начатіемъ ученія. Затѣмъ учащіе и учащіеся приложились къ мощамъ Преподобнаго Сергія, и, по два въ рядъ, шли въ царскіе чертоги. По совершеніи въ залѣ Академической Конференціи водоосвященія и по возглашеніи многолѣтій Государю Императору съ Августѣйшею Фамиліею и Св. Суноду, прочтенъ былъ Инспекторомъ Академіи Архимандритомъ Филаретомъ Высочайшій Указъ 30 Августа. Главное содержаніе сего Указа намъ извѣстно. По прочтеніи Указа, студентами былъ воспѣтъ кантъ, который, какъ видно по его содержанію, составленъ былъ въ совершенное соотвѣтствіе съ содержаніемъ Высочайшаго Указа. Вотъ нѣкоторые куплеты этого канта:

„Внемлите всѣ! Монарха гласъ,—
Гласъ вѣчной правды, гласъ священный

Гремитъ и восхищаетъ насъ.—
Благословенъ Благословенный!

„Гремитъ,—и мудрость—дщерь небесъ.
Свой храмъ пришедшимъ отверзаетъ;
Храмъ свѣта, истины чудесъ,
Красой и высотой сіяетъ.

„Стремитесь юныя сердца
Небеснымъ свѣтомъ озариться:
и проч....

Послѣ канта Ректоръ Архимандритъ Симеонъ произнесъ рѣчь, и все торжество кончилось пѣніемъ другаго канта и краткимъ наставленіемъ преосвященнаго Августина Архіепископа Московскаго, обращеннымъ къ студентамъ [1]).

Ко дню открытія Академіи студенты были уже на лицо, въ числѣ 70 человѣкъ, составившихъ первый курсъ, и принятыхъ, что замѣчательно, безъ всякаго экзамена. Началось ученіе.—„И съ какимъ жаромъ (читаемъ въ Исторической юбилейной запискѣ), взялись первые питомцы Академіи за науку! Все это разнородное общество, всѣ эти семьдесятъ человѣкъ, собравшіеся въ одно мѣсто съ разныхъ концевъ Россіи, глубоко заняты были дѣломъ новаго, самостоятельнаго ученія; имъ мало было трудовъ учебно—классическихъ,—между ними вскорѣ образовалось ученое общество, подъ названіемъ: „*Ученыя бесѣды*“, учрежденіе котораго утверждено было академическимъ Начальствомъ. Въ современной запискѣ одного изъ студентовъ, членовъ этого общества, Ѳ. А. Голубинскаго, сказано, что „къ составленію общества подало случай пріятное обыкновеніе между всѣми почти, занимающимися науками, собесѣдовать между собою о предметахъ своихъ упражненій“. Онъ же свидѣтельствуетъ, что воспитанники перваго курса Академіи „часто въ часы досуга любили съ дружескою свободою и откровенностію говорить, что каждый думалъ о предметахъ ученія; иногда же читали другъ

[1]) Смотр. Московск. Вѣдомости 1814 г. № 82, и еще «Сочиненіе на случай открытія моск. дух. Академіи». Москва 1815 г.

предъ другомъ свои сочиненія и судили о нихъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ этомъ обществѣ, состоявшемъ изъ 24 студентовъ, прочитано было 20 разсужденій по предметамъ наукъ богословскихъ, философскихъ, словесныхъ и историческихъ. Вопросы для разсужденій были выбираемы серьезные и занимательные, напр.: „опроверженіе мнѣнія Валентиніанъ и Социніанъ, что тайна Св. Троицы была умствована и гадаема языческими философами“; „о томъ, какимъ образомъ прежде закона и въ законѣ угодившіе Богу получили спасеніе безъ таинства благодатнаго искупленія“; „о взятіи Іерихона; объ обѣтѣ Іефѳая“; „о томъ, былъ ли день Тайной Вечери Господа нашего Іисуса Христа первымъ днемъ опрѣсночнымъ“ и т. д. Какъ много говоритъ въ пользу студентовъ перваго курса это учрежденіе *ученыхъ бесѣдъ*! Какъ дорожили они временемъ самаго досуга! Какъ заняты были насущными вопросами науки!“ [1])

---

[1]) Смотр. въ Историч. юбил. запискѣ стран. 10, 11. NB. Высокопр. Антоній Архіеп. Казанскій, когда лишь прочитано было ему это мѣсто въ моей рукописи, съ какимъ-то особеннымъ глубокоскорбнымъ чувствомъ произнесъ свое обычное «охма, охма! .. и продолжалъ: «да, что можетъ быть драгоцѣннѣе и потому достоподражательнѣе этого образа и порядка, истинно образцовѣйшихъ въ научно-образовательномъ процессѣ самодѣятельнаго живаго развитія юныхъ питомцевъ науки?!. А между тѣмъ все это сдѣлалось теперь лишь «*преданіемъ старины глубокой*»; да еще найдутся въ избыткѣ такіе педагоги съ выспренними своеобразными взглядами, что и о самомъ этомъ преданіи готовы сказать, «*свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ*» Потому-то къ этимъ велемудрымъ педагогамъ можно справедливо, безъ всякой личной обиды, приложить такую сентенцію: «если они съ трудомъ, или вовсе не вѣрятъ указываемому преданію, то не выходитъ ли, что этимъ самымъ они *попираютъ* по слову свято-Евангельскому, истинный *бисеръ* подобно тѣмъ, къ коимъ относится это *попираніе ногами*» .., и за то не сюдали какъ бы само собою вызывается и другое слово Свято-Евангельское о состояніи того злосчастнаго, который *желаше насытитися отъ рожецъ, яже ядяху* тѣ же самые *попиравшіе бисеръ*—съ тою, впрочемъ разницею, что рожцовъ-то оному злосчастному *никто же даяше*..., а нынѣшнимъ желающимъ насытитися хотя-бы quasi *отъ рожецъ*, они послѣдніе подсыпаются щедрою рукою.. Конечно, *жестоко слово сіе*... но вѣдь оно не приточное; я беру положеніе дѣ-

„Не трудно уразумѣть, говоритъ затѣмъ составитель записки, что такое благопріятное движеніе науки вызвано было дѣятельностію первыхъ наставниковъ Академіи, и во главѣ послѣднихъ тотчасъ-же поставляетъ имя „приснопамятнаго Филарета, читавшаго богословскія лекціи первому курсу, и В. И. Кутневича, который преподавалъ науки философскія“ [1]).

ла съ натуры, съ живыхъ оффиціальныхъ фактовъ,—чему ты и сослужащіе въ здѣшней Семинаріи всѣ свидѣтели... Сколько разовъ не мнѣ ли приводилось давать резолюціи на журналахъ по предмету выписки книгъ для ученической библіотеки, въ числѣ коихъ сколько предназначалось именно quasi *рожцовъ* для умственнаго и нравственнаго питанія духовныхъ юношей...? Этого мало,—сколько было примѣровъ, и конфиденціально и оффиціально доводимыхъ до моего свѣдѣнія, что если мало оказывалось подобныхъ продуктовъ въ своемъ казенномъ запасѣ—библіотечно-ученическомъ, то желающіе насыщаются собственно таковыми, *иже отъ рожецъ*, съ жадностію бросались, хотя бы даже и тайкомъ въ библіотеки—и городскую публичную и въ частныя?.. Значитъ, такъ сильно страстно развился вкусъ къ этимъ рожцамъ вмѣсто апельсиновъ, или иначе вкусъ этотъ образовался до совершенной безразличности между первыми и вторыми... И это совершенно естественно, такъ какъ извѣстно, что въ городскихъ библіотекахъ такой подборъ книгъ, да съ тѣмъ вмѣстѣ бываетъ иногда и такой подборъ лицъ, которыя, избирая по своему вкусу книги для чтенія, въ то же время хвалятся не нахвалятся и предъ другими удовлетвореніемъ ихъ содержанія до услажденія .. а послушавшіе ихъ, по самой своей незрѣлости юношеской, оказываются готовыми хотя бы-то отвѣдать, а потомъ и втянуться во вкусъ похваленнаго питанія —Между тѣмъ будь-бы что либо, хотя въ маломъ видѣ подобное тому, что ты сейчасъ прочиталъ въ рукописи о бывшихъ *ученыхъ бесѣдахъ и чтеніяхъ* въ средѣ студентовъ Моск. Академіи, при соучастіи даже самихъ лицъ начальническихъ и наставническихъ,—то не осуществлялось бы „тоже“ самое, что прочиталъ ты сейчасъ въ самомъ концѣ изложеннаго въ Историч. Запискѣ Прочти-ка эти слова еще для отрады душевной послѣ столь грустнаго моего сказанія».—Я прочиталъ: «Какъ много говоритъ въ пользу студентовъ это учрежденіе «*ученыхъ бесѣдъ*»»... Какъ значитъ дорожили они временемъ самаго досуга! Какъ заняты были они насущными вопросами науки»!..

[1]) Тамъ же стран. 11, 12. В. И. Кутневичъ—впослѣдствіи—Протопресвитеръ и главный Священникъ арміи и флотовъ.

Въ чемъ же заключалась особенность наставнической дѣятельности Филарета и Кутневича, равно какъ и достоинство ихъ богословскихъ и философскихъ лекцій, которыя авторъ записки не безъ основанія поставилъ во главѣ и въ столь тѣсной связи?...

По самому Уставу духовныхъ Академій, какъ мы видѣли, преподаваніе философіи должно быть въ постоянномъ подчиненіи высшему положительному авторитету, и во всякомъ случаѣ идти объ руку съ откровеннымъ ученіемъ. Но какъ въ началѣ перваго курса было открыто только низшее отдѣленіе, и въ немъ по Уставу не полагалось преподаванія собственно богословскихъ наукъ, а читались главнымъ образомъ философскія, то здѣсь-то и заключалась первая и главная заслуга Филарета по части наставнической его дѣятельности. „Ректоръ и другіе профессоры высшаго отдѣленія, какъ назначенные на богословскіе каѳедры, въ первые два года не преподавали своихъ наукъ; одинъ только Инспекторъ Филаретъ читалъ по личному желанію лекціи герменевтическаго содержанія. Эти лекціи продолжалъ Филаретъ и послѣ—во весь четырехлѣтній курсъ, не смотря на то, что въ послѣдніе два года этого же курса онъ, ставши уже Ректоромъ, имѣлъ еще отдѣльную каѳедру по Богословію Догматическому.

Чтобы оцѣнить этотъ трудъ Филарета, не достаточно смотрѣть на него, какъ на дань одного лишь добровольнаго усердія; а тѣмъ болѣе нельзя видѣть въ немъ выполненіе одной лишь формы и буквы устава. Несомнѣнно, что плодомъ этого на самыхъ первыхъ порахъ взаимнопроникновенія философско-богословскаго преподаванія и было столь благопріятное движеніе науки въ первыхъ питомцахъ. Такъ и авторъ исторической записки, охарактеризовавъ именно эти лекціи—богословскія и толковательныя по св. писанію лекціи Филарета и философскія Кутневича, не безъ основанія выразился въ заключеніи: „Не мудрено, что изъ школы такихъ наставниковъ могли выйдти такія лица, каковы *Голубинскій и Делицынъ*... Тому и другому, вмѣстѣ съ ученіемъ, передали эти наставники и самыя черты своего нрав-

ственнаго характера—благочестіе, скромность и самоуглубленіе [1]).

Не оспаривая достоинствъ и заслугъ обоихъ дѣятелей, чтобы отдавать предпочтеніе одному предъ другимъ, нельзя однако не сказать, что движеніе науки въ лицѣ, взявшихся за нее съ такимъ жаромъ, питомцевъ оказалось на сторонѣ характера и направленія преимущественно богословскаго. Это ясно доказываютъ самые предметы и вопросы, обсуждавшіеся въ *„ученыхъ бесѣдахъ“* студенческаго общества.—Такого результата, положимъ, слѣдовало ожидать, по самой задачѣ и цѣли духовнаго образованія, въ то время не раздѣлявшагося въ академіяхъ по факультетамъ,—но чтобы выработать его, само собою, требовалось особеннаго труда и особеннаго вліянія. Въ противномъ случаѣ могло бы произойти и въ Московской Академіи тоже разрозненное направленіе, какое открылось на первыхъ порахъ въ новообразованной С.-Петербургской Академіи, и доходило до борьбы между каѳедрами богословія и наукъ словесныхъ и математическихъ [2]). Возможность же подобнаго явленія въ Московской Академіи была не въ одномъ лишь предположеніи, а въ дѣйствительности. Здѣсь богословскимъ успѣхамъ угрожалъ ущербъ со стороны направленія и

---

[1]) Историч. юбилейная записка стр 12.

[2]) Вотъ что засвидѣтельствовалъ объ этомъ самъ бывшій Ректоръ Спб. Академіи Филаретъ, силою и вліяніемъ котораго скоро миновалось это разрозненное направленіе.—«При двухъ первыхъ ректорахъ, предшествовавшихъ мнѣ, Академія (С.-Петербургская), вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, имѣла *разрозненное направленіе*. Были студенты, почти оставившіе занятія богословскими науками, потому что академикъ—преподаватель возбуждалъ въ нихъ сильную страсть къ математическимъ наукамъ. Я пришелъ безъ достаточнаго приготовленія къ тому, что мнѣ предлежало. Мнѣ должно было преподавать то, что не было мнѣ преподано. Наши тогдашнія библіотеки не скудны были старыми книгами, но не доставляли свѣдѣній о движеніи наукъ въ ближайшее время. При всемъ томъ, когда студентамъ изъяснено было, что нужно единство и усиленіе того направленія, которое соотвѣтствовало бы ихъ назначенію и достоинству духовной Академіи: сіе оказалось сѣменемъ, брошеннымъ на добрую землю; посильные уроки мои были принимаемы со внима-

привязанности студентовъ къ занятіямъ не математическимъ, а по преимуществу *философскимъ* и притомъ въ духѣ *мистическомъ*. Предусмотрѣть же это всего естественнѣе было Филарету. Служивши въ С.-Петербургской Академіи, онъ не могъ незнать, бывшаго въ ней, сказаннаго явленія, а при назначеніи въ Московскую Академію, всего вѣроятнѣе, получилъ онъ особенное указаніе и руководство на подобный случай въ новомъ мѣстѣ его служенія. Такимъ образомъ, если значеніе чьей либо наставнической дѣятельности и вліянія въ пользу правильнаго направленія академическаго образованія и самыхъ студенческихъ стремленій не подлежитъ сомнѣнію, то по преимуществу—дѣятельности Филарета. И вотъ ради этой-то столь благовременной и потребной дѣятельности, можно полагать за несомнѣнное,—и желалъ и настаивалъ назначить Филарета инспекторомъ въ эту Академію Филатетъ-ректоръ С.-Петербургской Академіи, какъ вполнѣ напередъ могшій знать возможность проявленія того духа и направленія, противъ котораго такъ усиленно нужно было дѣйствовать въ средѣ новооткрываемой Академіи Московской. И нужно замѣтить, что это направленіе привнесено было въ Академію вмѣстѣ съ студентами, поступившими именно изъ древней Славяно-Греко-Латинской Академіи, а также изъ двухъ московскихъ семинарій—Перервинской и Троицкой, изъ коихъ въ новооткрытую академію поступило самое значительное число (31) воспитанниковъ. Но нужно и то еще замѣтить, что стремленіе воспитанниковъ къ философскимъ ученіямъ соединялось *съ мистицизмомъ*... Объ этомъ прямое указаніе видимъ и въ запискахъ въ Бозѣ почившаго Филарета: „Во время профессорства моего въ Московской

ніемъ; занятія студентовъ усилились и, наконецъ, изъ страстныхъ любителей математики вышли достойные магистры Богословія». (Смотр. письмо въ Бозѣ почившаго высокопр. Филарета Митроп Москов на имя ректора С.-Петербургской Академіи о. Протоіерея І. Л. Янышева въ отвѣтъ на адресъ сей Академіи по случаю пятидесятилѣтняго служенія его въ санѣ Святительскомъ).

Академіи было сильно общее направленіе *къ мистикѣ*, и я *всѣми силами противоборствовалъ* ему".

На этой послѣдней дѣятельности Филарета, мы не можемъ не остановиться въ частности. Дѣло въ томъ, что Филаретъ здѣсь являлся „всѣми силами противоборствовавшимъ мистическому направленію не въ стѣнахъ только Академіи, и не въ лицѣ лишь студентовъ, юношески увлекавшихся этимъ направленіемъ, но въ болѣе широкой и даже высшей сферѣ и не свѣтскихъ только лицъ, но и духовныхъ высокопоставленныхъ, о коихъ сейчасъ узнаемъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ статьи одного позднѣйшаго автора объ этомъ предметѣ, въ приложеніи собственно къ излагаемой теперь дѣятельности Филарета. „Ложный мистицизмъ, (говоритъ авторъ), въ средѣ воспитанниковъ высшей духовной школы находилъ себѣ довольно богатую пищу потому, что онъ былъ тогда вообще господствующимъ направленіемъ русскаго общества (во 2-ю половину царствованія Александра I-го) и продолжалъ существовать приблизительно до 30 годовъ настоящаго столѣтія. Не вдаваясь здѣсь въ подробное обозрѣніе этого направленія, мы скажемъ только, что оно проникло во всѣ слои общества—высшій, средній и низшій, и во всѣ учебныя заведенія—духовныя и свѣтскія. Имъ увлекались не только свѣтскіе, но и духовныя высокопоставленныя лица. Митрополиты—Платонъ, Амвросій и Михаилъ воспитывались на мистическихъ тенденціяхъ въ дружескомъ обществѣ. Самъ высокопреосвященный Филаретъ (Дроздовъ) тоже сочувственно относился къ мистицизму, или вѣрнѣе сказать, къ свѣтлымъ его сторонамъ. Другая часть духовенства, не мудрствуя много, шла за высшимъ. Но для той части духовенства, которая мыслила о явленіяхъ церковной жизни съ точки зрѣнія ихъ неизмѣняемости, мистицизмъ казался совершенно непонятнымъ и явленіемъ далеко *неправославнымъ*. Къ числу лицъ, совершенно несочувствовавшихъ мистицизму, принадлежалъ и Филаретъ Амфитеатровъ. Его умъ и благочестіе не мирились съ ученіемъ мистиковъ; онъ смотрѣлъ на него какъ на крайнее вольнодумство и извращеніе вѣры. Ему крайне тяжело

было видѣть, какъ эта опасная зараза быстро охватывала его соотечественниковъ, и съ каждымъ днемъ увеличивалось число духовно-больныхъ. Не раздѣляя новыхъ, наплывшихъ съ запада, идей, онъ энергично противоборствовалъ имъ, принималъ всѣ возможныя мѣры къ ихъ ослабленію. Такъ, пользуясь особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ тогдашняго Министра народнаго просвѣщенія князя Голицына, Филаретъ внушилъ ему мысль ввести въ университеты изученіе богословской системы въ болѣе обширномъ объемѣ, тогда какъ прежде преподавался въ нихъ только катихизисъ, полагая въ томъ достаточное противоядіе развитію мистическихъ бредней, по крайней мѣрѣ, среди учащейся молодежи. Но естественно, особенное вниманіе Филарета было обращено на ближайшую среду—свою духовную Академію,—къ чему побуждали его и долгъ, и совѣсть, и та пламенная любовь, какую питалъ онъ къ духовной школѣ вообще и ея питомцамъ. Въ частныхъ устныхъ бесѣдахъ своихъ съ студентами Академіи, онъ со всею ревностію старался подавить ихъ увлеченіе быстро распространяющимися ложными понятіями о внутреннемъ благочестіи и, такъ или иначе, поддержать въ нихъ доброе настроеніе. Бесѣдуя съ ними, Филаретъ разоблачалъ всю неосновательность взглядовъ любителей мистицизма и тѣ гибельныя послѣдствія, какими онъ необходимо сопровождается; доказывалъ важность христіанскаго богослуженія и различныхъ, установленныхъ Церковію, религіозныхъ обрядовъ и дѣйствій; говорилъ о необходимости соблюденія постовъ и вообще касался тѣхъ предметовъ, къ которымъ отрицательно относились мистики. Принималъ Филаретъ въ рѣдкихъ случаяхъ и болѣе строгія мѣры, чѣмъ простыя наставленія и увѣщанія: тѣхъ изъ воспитанниковъ, въ которыхъ, глубоко западалъ новый духъ злобы, какъ гнилыхъ членовъ и весьма вредныхъ для другихъ, онъ рѣшался даже увольнять изъ Академіи [1]).

---

[1]) Смотр. въ Калужскихъ Вѣдомостяхъ, прибавленія № 6-й 1884 г. 31 Марта стран. 149 и 150.

Этого послѣдняго свѣдѣнія, представленнаго авторомъ, т. е. что „новый духъ злобы настолько заражалъ воспитанниковъ, что иныхъ, какъ гнилыхъ членовъ и вредныхъ для другихъ. Ректоръ Филаретъ вынужденъ былъ даже увольнять изъ Академіи“,—мы ни отрицаемъ, ни утверждаемъ за неимѣніемъ на это данныхъ. Во всякомъ же случаѣ описываемое направленіе студентовъ состояло не въ одной только школьной привязанности къ философіи, какъ къ наукѣ, а *въ философскомъ вольноуміи, нерѣдко сбивавшемъ ихъ съ пути истины.* Въ этомъ именно отношеніи, въ смыслѣ даже *„исповѣди“*, одинъ изъ воспитанниковъ втораго курса Академіи, обучавшійся прежде въ древней академіи, а затѣмъ въ Перервинской Семинаріи, (откуда онъ и поступилъ съ такимъ направленіемъ въ Московскую Академію)—вотъ что свидѣтельствуетъ самъ о себѣ.

„Ректоръ (Филаретъ) былъ человѣкъ,—не скажу,—высокаго ума, но глубокій знатокъ своего дѣла, и умѣлъ внушить намъ разумную вѣру. Философское *вольноуміе*, хоть я учился и небойко, мнѣ очень нравилось; но оно разбилось наконецъ о богословскій догматизмъ. Догматическій тактъ сначала былъ мнѣ тяжелъ: не смѣй думать иначе, нежели какъ учатъ, а учатъ по канвѣ Св. Писанія,—надобно вѣрить, а не разсуждать. Только Ректоръ, какъ сказано, глубокій знатокъ своего дѣла, доказавъ Богодухновенность Библейскихъ книгъ съ математическою точностію, легко уже передавалъ намъ богословскія истины, утверждая ихъ на текстахъ Писанія“... „Помня однако свою прежнюю привязанность къ Философіи, я принялся за нее прилежно. Профессоръ философскихъ наукъ (Кутневичъ) былъ человѣкъ умный и близко знакомый съ новѣйшею, въ то время, Философіею, и какъ профессоръ былъ эклектикъ, по крайней мѣрѣ, наружно;—поэтому Исторія Философіи читалась имъ и по Брукеру, и по Теннеманну, и по Буле. Входили иногда въ дѣло Тидеманнъ и де-Жерандо. Возбужденный умными лекціями профессора философскихъ наукъ, уважавшаго преимущественно Платона, Плотина и всѣхъ новѣйшихъ философовъ, я ревностно слѣдилъ за ходомъ

развитія мыслящей силы въ родѣ человѣческомъ. Правда, *много разъ я сбивался съ пути*, но не надолго. Съ трудомъ выучившись понимать критику Канта, я остановился на этомъ великомъ философѣ. Но его X,—какъ я ни старался разрѣшить его по системамъ Фихте, Рейнгольда, Шеллинга и Якоби,—сталъ какъ неподвижная точка предъ моими глазами, какъ таможенный столбъ, за которымъ всякое умствованіе представлялось мнѣ контрабандою... Этотъ X долго томилъ меня: Якобіева вѣра или непосредственное вѣдѣніе абсолютной истины нѣсколько облегчало мой духъ; но лишь вспомню Кантовъ X, все опять пропадало; онъ опять являлся, какъ призракъ, отъ котораго ничѣмъ не отвяжешься. Наконецъ я прибѣгнулъ къ откровенію и оно меня успокоило [1]).

Не станемъ принимать въ разсчетъ, что это говоритъ не болѣе, какъ воспитанникъ, судъ котораго о самомъ предметѣ науки и о достоинствахъ наставника можетъ быть и ограниченъ и, такъ или иначе, пристрастенъ. Впечатлѣнія юношескія, при добрыхъ условіяхъ, бываютъ весьма характеристичны и вѣрны, а особливо тѣ, кои остаются неизгладимыми и руководственными на всю жизнь. Кромѣ того авторъ воспоминаній, издавая ихъ въ свѣтъ въ годахъ уже старческихъ, по собственному его выраженію „*исповѣдывалъ себя* въ нихъ предъ публикою и желалъ, чтобы многія, ко всякой эпохѣ его жизни прикосновенныя, обстоятельства, какъ не маловажныя, не погибли въ рѣкѣ забвенія“ [2]).

Здѣсь особенно характеристичны и безпристрастновѣрны слова, что Ректоръ Архимандр. Филаретъ былъ человѣкъ если не высокаго ума, то глубокій знатокъ своего дѣла. Послѣднее достоинство его заключалось въ значительной учености и вообще начитанности, а, что главнѣе всего, въ основательномъ и глубоко-благоговѣйномъ

---

[1]) Смотр. «Взглядъ на собственную прошедшую жизнь» Измайлова. Стр. 132, 137 и въ Исторіи Моск. духов. Академіи С. Смирнова стр. 47.

[2]) Смотр. тамъ же въ предисловіи.

убѣжденіи въ истинахъ вѣры и благочестія. съ проведеніемъ ихъ въ живое дѣятельное сознаніе. Объ этой отличительной чертѣ какъ въ научномъ, такъ и религіозномъ отношеніи, читаемъ и въ исторической запискѣ: „Въ системѣ Филарета замѣчательно стремленіе отрѣшиться отъ всякаго заимствованія изъ системъ западныхъ богослововъ; и это объясняется главнѣйшею чертою въ его личномъ характерѣ,—именно строгимъ духомъ Православія, которымъ глубоко онъ былъ проникнутъ. Въ этомъ случаѣ имъ всегда владѣло чувство самаго строгаго опасенія, чтобы, черпая изъ источниковъ западной учености, хотя бы и нечувствительно, не привнесть въ свое ученіе чего-нибудь мутнаго, нечистаго. При такихъ опасеніяхъ крѣпкою охраною служило ему Слово Божіе, которымъ онъ подкрѣплялъ всякую свою мысль“ [1]). Однако черта эта въ лицѣ преподавателя Филарета не означала, что онъ отрѣшался совершенно отъ всякихъ источниковъ и пособій для своей системы. Этого не позволялъ самый уставъ тогдашняго времени, гдѣ „постановлено было правиломъ, чтобы авторы и учебныя книги для профессоровъ Академіи, по части преподаванія, были въ своемъ родѣ самыя лучшія, и чтобы они держались всегда на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ“ [2]). Не позволяли этого также и оффиціальныя. повременно выходившія, распоряженія относительно конспектовъ, учебниковъ и руководствъ для преподаванія наукъ. „О составленныхъ въ ту пору конспектахъ и, преподанныхъ по нимъ въ первые курсы во всѣхъ Академіяхъ. урокахъ—читаемъ такое свидѣтельство въ исторіи одной изъ сихъ Академій (С.-Петербуугской): „они послужили вѣрными точками отправленія для послѣдующихъ трудовъ и изысканій, возведшихъ науки академическаго образованія и ихъ преподаванія до той степени точности, ясности и обработанности, на которой онѣ стояли въ тече-

---

[1]) Смотр. въ Историч. юбил. записк. стр. 12.

[2]) Смотр въ Истор. Спб. акад. стр. 188.

ніе цѣлаго полстолѣтія до послѣдняго времени. И что особенно интересно, говоритъ авторъ, у котораго беремъ настоящее изложеніе, это тотъ родственный союзъ высшихъ духовныхъ заведеній, въ который онѣ введены въ самомъ началѣ единообразіемъ преподаванія и въ которомъ всегда поддерживались и укрѣплялись общеніемъ идей и взаимнымъ обмѣномъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ каждою Академіею на указанныхъ и для всѣхъ одинаковыхъ основаніяхъ [1]).

И вотъ Московской Академіи принадлежитъ едвали непреимущественная предъ всѣми прочими Академіями честь, что она первая представила начатки трудовъ и плодовъ въ дѣлѣ обработыванія систематическаго изложенія и преподаванія богословскихъ наукъ. Эти труды и плоды, неоспоримо, принадлежатъ Филарету по преподаваемымъ имъ наукамъ—Догматическому Богословію [2]) и толкованію Св. Писанія. Достоинство этихъ ученыхъ произведеній свидѣтельствуется уже тѣмъ, что первое изъ нихъ—система Догматическаго Богословія была представлена авторомъ въ тогдашнюю Коммиссію дух. училищъ [3]); относительно же втораго—толкованія на Св. Писаніе, (въ частности на пророка Исаію), говорится въ исторической запискѣ, что „это замѣчательный плодъ ученыхъ занятій Филарета, за что онъ и получилъ степень Доктора Богословія“ [4]). Послѣднее свѣдѣніе хотя и ошибочно со стороны автора исторической записки, но какъ, всего вѣроятнѣе, оно внесено здѣсь на основаніи об-

---

[1]) Тамъ же стр 271—272.

[2]) Въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что и Догматическое Богословіе, составленное бывшимъ Ректоромъ Кіевской Семинаріи и Академіи Архим. Антоніемъ, обязано непосредственному участію его же—высокопр. Филарета

[3]) Смотр. въ Исторіи Моск. дух. Академіи С. Смирнова.

[4]) NB. Это указаніе въ исторической запискѣ сдѣлано, очевидно, ошибочно; Архим Филаретъ получилъ степень Доктора ранѣе—еще на службѣ инспекторской въ С.-Петерб. Академіи и при самомъ назначеніи его въ Академію Московскую, когда никакихъ еще ученыхъ трудовъ имъ не было заявлено.—Авт.

щаго преданія и мнѣнія о трудахъ Филарета, то это самое тѣмъ болѣе служитъ свидѣтельствомъ высокихъ ученыхъ достоинствъ его.—Живымъ доказательствомъ этого же служитъ и то, что лекціи Филарета по Богословію и по Толкованію Св. Писанія списывались самымъ тщательнымъ образомъ слушавшими ихъ, и экземпляры ихъ сохранились до позднѣйшаго времени, вмѣстѣ съ благоговѣйною памятью объ авторѣ-преподавателѣ. Наконецъ по этимъ лекціямъ, напр. богословскимъ, неизмѣнно продолжалось, какъ увидимъ ниже, преподаваніе въ послѣдующіе курсы, послѣ выхода Филарета изъ Академіи.

Представимъ, хотя въ краткомъ изложеніи, разборъ этихъ ученыхъ произведеній въ Бозѣ почившаго и, съ тѣмъ вмѣстѣ, укажемъ на нѣкоторыя изъ его проповѣдей, говоренныя имъ въ описываемую пору, какъ свидѣтельствующія о тѣхъ же ученыхъ его достоинствахъ.

Филаретъ, какъ сказано было уже прежде, началъ читать лекціи герменевтическаго содержанія по св. Писанію съ самаго перваго времени открытія Московской Академіи. Предметомъ для изъясненія была избрана имъ сначала книга Бытія, которую и объяснялъ онъ, руководствуясь отчасти записками (тогда еще неизданными) Филарета (Дроздова). Съ Октября до декабрскихъ экзаменовъ, кромѣ общаго введенія въ книгу Бытія, онъ прочиталъ описаніе творенія міра и кончилъ покоемъ седьмаго дня. Затѣмъ онъ началъ толкованіе на историческія и пророческія книги. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательнымъ произведеніемъ должно признать толкованіе его на книгу Пророка Исаіи съ общимъ введеніемъ къ истолковательному чтенію пророческихъ книгъ и, въ частности, къ чтенію Исаіи.

Филаретъ, при составленіи записокъ, руководствовался обширнымъ сочиненіемъ *Витринги* (Commentar. in librum Jesaiae 2 tom. 1732). При толкованіи онъ слѣдовалъ его пріемамъ, именно: сначала предлагалъ отдѣлъ текста, который приводилъ въ переводѣ съ подлинника, при семъ исправлялъ славянскій переводъ; потомъ разсматривалъ цѣль, содержаніе и части избраннаго отдѣленія или слова; далѣе у него слѣдуетъ изысканіе подлежащаго про-

рочества (т. е. лица или народа, къ которому относится пророчество), и времени произнесенія пророчества, послѣ того частное раздѣленіе слова, наконецъ изъясненіе мѣстъ какъ трудныхъ къ пониманію, такъ и особенно достойныхъ примѣчанія. При изъясненіи словъ Пророка, Филаретъ прежде всего обращается къ буквальному смыслу, потомъ раскрываетъ символическій смыслъ пророчества. Не смотря на заимствованіе, трудъ Филарета имѣетъ неотъемлемыя достоинства: много такта, много знанія, много неутомимаго труда требовалось, чтобы изъ этихъ обширныхъ толкованій *Витринги* извлечь существенно-необходимое и годное для слушателей, не утомляя ихъ вниманія сборомъ изслѣдованій филологическихъ, сведеніемъ множества мѣстъ параллельныхъ, свидѣтельствами изъ іудейскихъ и другихъ писателей и т. п. Строго говоря, толкованіе Филарета не есть переводъ, тѣмъ менѣе буквальный, изъ *Витринги*; это выборъ самый строгій и благоразумный.

По Богословію Догматическому планъ для своихъ лекцій Филаретъ заимствовалъ [1]) изъ Богословія Иринея Фальковскаго, которое представляетъ сокращеніе Богословія Ѳеофана Прокоповича. Впрочемъ, не вездѣ онъ строго держался плана Богословія Фальковскаго. Такъ напр. трактатъ о *предопредѣленіи*, который у Фальковскаго занимаетъ мѣсто между трактатами о всеобщей благодати и воплощеніи Сына Божія, Филаретъ поставилъ послѣ ученія о призываніи, возрожденіи, оправданіи и пр. Нѣкоторые трактаты—какъ напр. о Соборахъ, о врагахъ Церкви у Филарета опущены, (вѣроятно по-

[1]) Еще въ первый мѣсяцъ, по открытіи Моск. Академіи, изъ Коммиссіи духовныхъ училищъ препровожденъ былъ въ Академію конспектъ богословскихъ наукъ, составленный бывшимъ Ректоромъ Спб. Академіи *Евграфомъ* (Мозулевскимъ). Конспектъ этотъ рекомендовалъ слѣдовать руководству, составленному Иринеемъ Фальковскимъ. По уставу назначено было пользоваться, какъ пособіемъ, системами Буддея, Голлазія, Турретина, Сарданьи и др. авторовъ, но подъ условіемъ строгой разборчивости и утвержденія чтеній на свидѣтельствахъ св. Отцевъ Восточной Церкви.

тому, что это относится болѣе къ исторіи). Сюда же должно относиться замѣчательное въ системѣ Филарета стремленіе отрѣшиться отъ всякаго заимствованія изъ системъ западныхъ богослововъ и пр. Въ спискахъ его лекцій, (которые мы имѣли подъ руками) [1]), половина страницы занята латинскимъ текстомъ трактатовъ, другая половина—текстами изъ славянской Библіи, и такъ—по большей части. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было обращаться къ Еврейскому, или Греческому тексту Библіи напр. въ трактатахъ о Именахъ Божіихъ, Филаретъ вводилъ филологическія объясненія и толковалъ значеніе словъ по смыслу подлиннаго текста.—Замѣчательно и то, что вся система Филарета содержитъ чисто положительное ученіе: полемическая часть съ возраженіями, противоположеніями и т. п. у него не имѣетъ мѣста, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ея избѣжать было нельзя,—напр. въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа; но и тутъ взято только главное; все же дробное и мелкое устранено. Чтобы избѣжать подробностей, Филаретъ нерѣдко отсылалъ студентовъ къ учебной книгѣ: такъ напр. сказавъ о главныхъ Именахъ Божіихъ, встрѣчающихся въ книгахъ ветхозавѣтныхъ, Филаретъ говоритъ: „De caeteris videatur liber classicus“ Но за то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его лекцій встрѣчаемъ попытку въ большей подробности изслѣдовать тотъ или другой вопросъ: это у него называется—additamentum. Таковы его прибавленія къ трактату о исхожденіи св. Духа, представленныя въ формѣ отдѣльнаго трактата. Въ этихъ трактатахъ предметъ разсматривается нѣсколько шире обыкновеннаго, но и тутъ эта широкость гораздо сжатѣе того образа изложенія, который встрѣчаемъ въ сокращенномъ Богословіи Фальковскаго. Наконецъ слѣдуетъ обратить вниманіе на ту особенность въ лекціяхъ Филарета, что изъ старыхъ схоластическихъ учебниковъ онъ

[1]) Экземпляръ ихъ былъ полученъ мною на время (въ 1866 г.) отъ бывшаго тогда Профес. Моск. Академіи Сергія Констант. г. Смирнова, а ему доставленъ былъ отъ Вятскаго Каѳедр. Протоіерея Азар. Шиллегодскаго.

удержалъ въ своей системѣ. такъ называемый, „usus“. или нравственный выводъ изъ разсмотрѣнія того или другаго вопроса, и еще заключительныя *славословія* (glorificationes) по окончаніи отдѣленій системы. Это происходило, однако. у него не отъ увлеченія пріемами схоластическихъ богослововъ, которыхъ онъ былъ чуждъ въ своихъ лекціяхъ, но *отъ личной его благочестиво-нравственной настроенности*, которая одно только и нашла лучшаго у схоластиковъ: usum et s. s. Triados glorificationem [1]).

По изложенію лекціи Филарета отличаются необыкновенною сжатостію, простотою и ясностію, такъ что во многихъ мѣстахъ онѣ походятъ на пространный конспектъ. По свидѣтельству бывшихъ учениковъ Филарета, богословскія его записки имѣли собственно назначеніе облегчить студентамъ трудъ приготовленія къ испытаніямъ, такъ какъ извѣстную часть времени, назначеннаго для богословскихъ классическихъ занятій, Филаретъ посвящалъ съ тѣмъ вмѣстѣ толкованію священныхъ книгъ. Преемникъ Филарета по ректурѣ Архим. Кириллъ не читалъ самъ Богословія до слѣдующаго курса, а поручилъ преподавать его послѣ Филарета инспектору *Платону Березину*, который и читалъ *по лекціямъ того же Филарета*. Ректоръ же въ это время читалъ по примѣру же Филарета, толкованіе на св. Писаніе. За тѣмъ для третьяго курса (съ Сентября 1820 года) Кириллъ началъ читать Богословіе на русскомъ языкѣ. Замѣчательно впрочемъ, что хотя Кириллъ слѣдовалъ преимущественно записками Ректора С.-Петерб. Ака-

---

[1]) Usus и glorificatio не составляютъ достоянія. пресловутой и преслѣдуемой нынѣ, схоластики; это—необходимый и самый естественный аттрибутъ истиннаго изложенія вѣроученія,—такъ какъ послѣднее не есть какая либо отвлеченная теорія, философема и т. п. Ученіе Христово *духъ и животъ*,—или иначе—*глаголы живота*,—слѣдовательно, духовно-нравственное воздѣйствіе здѣсь весьма умѣстно и необходимо. Въ позднѣйшихъ Богословіяхъ Догматическихъ Макарія и Антонія такъ же есть по мѣстамъ и usus и glorificatio. Авт.

деміи Григорія (Постникова) съ нѣкоторою, впрочемъ, разностію въ планѣ и изложеніи,—но внутреннимъ характеромъ и направленіемъ совершенно сходился съ Филаретомъ.

Кромѣ классическихъ учебныхъ трудовъ РекторъФиларетъ былъ извѣстенъ и какъ церковный витія. Изъ многихъ его словъ тогдашняго времени до насъ дошли впрочемъ *четыре* только, напечатанныя въ Сунодальной типографіи. *Первое*,—говоренное 1814 г. въ день Вознесенія Господня, въ домовой церкви Сунодальнаго Оберъ-Прокурора Князя Голицына; *второе*—говоренное въ 1815 г. въ званіи еще Инспектора,—въ *Великій Пятокъ*,—*третье*, въ 1819 г. 10 Марта, при отпѣваніи Архіепископа Московскаго Августина, погребеннаго въ Успенскомъ Соборѣ въ Лаврѣ, сказанное въ Свято-Троицкомъ Соборѣ и напечатанное въ Сунодальной типографіи [1]).

Перваго слова мы не знаемъ содержанія. Но замѣчательно въ судьбѣ его то, что это слово до послѣднихъ поръ (до 1870 г.) приписывалось Филарету Митрополиту Московскому, говорившему будто бы въ бытность его Ректоромъ С.-Петербургской Академіи. И вотъ, при составленіи уже послѣдняго хронологическаго указателя словъ и рѣчей Филарета Митр. Московскаго, оказалось, что это слово не его, а принадлежитъ Филарету, бывшему его сослуживцу,—Инспектору С.-Петербургской Академіи [2]).

---

[1]) Эти два слова (2-е и 3-е) мы нашли въ 1866 г., въ собраніяхъ словъ разныхъ авторовъ, находившихся въ библіотекѣ бывшаго экстраординарнаго проф. Моск. Дух. Академіи Протоіерея Филарета Александровича Сергіевскаго, доставшіяся ему по наслѣдству отъ отца его—бывшаго Баккалавра той же Академіи Алекс. Иродіоновича Сергіевскаго

[2]) Смотр. Моск. Епарх. Вѣдомости 1870 г 11 Октября въ статьѣ подъ заглавіемъ: «*Библіографическое Недоумѣніе*».—Покойный Высокопр. Антоній по этому поводу сказалъ, что у него есть печатный экземпл. этого слова, принадлежащаго Филарету (Митр. Кіевскому),—но, къ несчастію, не могъ отыскать его въ своей библіотекѣ.

Второе изъ указанныхъ словъ было изъ текста (Исаіи 53 гл. ст. 1—3): *Господи, кто вѣрова слуху нашему... умалилъ паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ.* Тема выражена слѣдующими словами: „Передъ симъ достопоклоняемымъ изображеніемъ Господа Спасителя Нашего испытаемъ себя, слушатели: имѣемъ ли мы свойства избранныхъ Божіихъ, которымъ Отецъ небесный *во Христѣ Іисусѣ завѣщалъ Царство?* (Лук. XXII. 29). Идемъ ли мы путемъ, ведущимъ въ наслѣдіе живота вѣчнаго? Живемъ ли мы жизнію, дарованною вѣрующимъ крестною смертію Іисуса Христа?...

Третье слово (при погребеніи Архіепископа Московскаго Августина) было изъ текста: „*Вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ*“ (Іоан. XI. 25). Вотъ начальныя его слова: „Почилъ въ Господѣ мужъ, не столько исполненный дней, сколько исполнившій дни свои подвигами служенія Церкви и отечеству. Почилъ *отъ дѣлъ своихъ* дѣлатель винограда Христова, отъ утра жизни своей посвятившій себя ученію, *еже по благочестію*, и неутомимо потрудившійся до самаго ея вечера въ воспитаніи служителей Церкви и въ проповѣди Слова Божія сынамъ Православной вѣры. Скончалъ теченіе неусыпный Пастырь, столь много и столь бодрственно подвизавшійся во дняхъ наипаче скорби Россіи и посѣщенія первопрестольнаго града огнемъ и мечемъ супостатовъ: скончалъ теченіе свое, едва узрѣвъ плоды трудовъ своихъ, и не вкусивши здѣсь сладкаго послѣ нихъ покоя—почилъ въ Господѣ Своемъ“.

Затѣмъ изобразивъ то, чего въ лицѣ почившаго лишилась паства Московская, и св. Обитель св. Преп. Сергія, проповѣдникъ обращается, въ этомъ же значеніи, и къ новоучрежденной Академіи: „Ты, вертоградъ духовнаго ученія, ограждаемый святительскимъ благословеніемъ его и хранимый его молитвами, не срѣтишь уже болѣе милосердаго дѣлателя своего, грядущаго назирать плоды твои! Но то останется у тебя незабвеннымъ, что первое насажденіе твое было дѣломъ рукъ его, и что онъ послѣднія силы свои посвятилъ на послѣдніе успѣхи

и плоды перваго возраста твоего [1]) и симъ положилъ печать непрестающей любви своей къ тебѣ".—Потомъ дѣлая переходъ словами: „Такъ сей возлюбленный Пастырь оставилъ всѣхъ насъ,—и его скоро всѣ оставятъ",—онъ выводитъ главною темою своего слова взятый имъ текстъ такъ:—„Одна сердобольная Матерь наша Церковь, раждающая чадъ своихъ въ истинную непрестающую жизнь, не оставитъ его. Она единая подвизается нынѣ и никогда не оставитъ подвига своего въ молитвахъ объ немъ къ Господу Своему, дающему всѣмъ жизнь и мертвыхъ оживотворяющему: вѣруетъ бо словесамъ Его,—*„яко вѣруяй въ Него, аще и умретъ, оживетъ"* [2]).

Четвертое слово, находящееся въ особомъ сборникѣ, говорено было имъ въ Воскресенскомъ (Новый Іерусалимъ) монастырѣ 1818 г. 12 Апрѣля въ Великій Пятокъ изъ текста: *„Вскую прискорбна еси душе моя"?!...*

И такъ, чтобы сказать послѣднее слово объ ученыхъ достоинствахъ Филарета за описываемую пору, нельзя не отдать ему заслуженной чести, какъ богословусистематику и преподавателю и какъ проповѣднику. Въ послѣднемъ отношеніи значеніе этихъ достоинствъ свидѣтельствуется уже тѣмъ, что проповѣди его были издаваемы въ печати; а въ тогдашнюю пору, извѣстно, какъ понималось и цѣнилось печатное слово. Съ другой стороны,—какъ бы ни произошло вышесказанное библіографическое недоумѣніе касательно слова въ день Вознесенія,—одно уже приписаніе его Филарету Московскому показываетъ, что это слово и по достоинству своему подходило подъ разрядъ словъ знаменитѣйшаго ви-

---

[1]) Разумѣть должно здѣсь выпускъ воспитанниковъ 1-го академическаго курса, при которомъ присутствовалъ высокопр. Августинъ на экзаменахъ.

[2]) Архіеписк. Августинъ скончался въ Москвѣ и былъ отпѣваемъ въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ говорено было слово 8-го Марта Ректоромъ Моск. дух. Семинаріи, настоятелемъ Ставропигіяльнаго Заиконоспасскаго монастыря, архим. Парѳеніемъ,—затѣмъ тѣло его было перевезено въ Лавру и погребено въ Успенскомъ соборѣ.

тіи. Такъ же точно и самое приглашеніе для проповѣдыванія въ такихъ мѣстахъ, какова домовая церковь столь высокаго сановника, по тогдашнему времени и обычаю, значило весьма много. Да и вообще извѣстно, какъ разумѣлось и цѣнилось въ описываемую пору церковное проповѣдничество въ смыслѣ и значеніи самой учености. Достоинства хорошаго проповѣдничества служили лучшими свидѣтельствами и хорошаго наставничества въ учебномъ заведеніи и такого же обладанія научными познаніями, особливо богословскими. На этомъ то основаніи, говоря объ ученыхъ достоинствахъ Филарета, какъ профессора Академіи на ряду съ учебными его трудами и произведеніями, мы изложили свѣдѣнія и объ его извѣстности проповѣднической.

Но, кромѣ учености въ спеціально-богословскомъ отношеніи, Филаретъ, несомнѣнно, обладалъ познаніями и по другимъ наукамъ. Этого требовало самое служебное положеніе его: какъ Ректоръ, онъ обязанъ былъ наблюдать за преподаваніемъ всѣхъ прочихъ предметовъ и производить по нимъ испытанія воспитанниковъ. О степени знакомства съ другими науками можно вообще судить по самой степени познаній его богословскихъ, такъ какъ послѣднія, при надлежащей ихъ основательности и достаточной обширности, включаютъ въ себя кругъ и прочихъ наукъ, особливо при тогдашней программѣ и объемѣ послѣднихъ. Въ частности же нельзя не видѣть, что Филаретъ былъ достаточно знакомъ съ тогдашними напр. философскими системами. Объ этомъ мы видѣли отчасти уже прежде; въ настоящемъ же мѣстѣ за это ручается самое то, что не смотря на господствовавшее, въ средѣ воспитанниковъ Академіи, философское направленіе, доходившее до степени увлеченія, Филаретъ, какъ наставникъ, силенъ былъ смирять кичливое ихъ вольноуміе... Чтобы достигнуть этого, очевидно, требовалось неповерхностное знаніе того, чѣмъ увлекались воспитанники. Если по собственнымъ словамъ въ Бозѣ почившаго, которыя мы уже приводили, „служеніе въ Московской Академіи стоило ему особенно великихъ трудовъ“, то эти труды, конеч-

но, состояли главнымъ образомъ въ его ученыхъ занятіяхъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что дѣйствительно приготовленіе имъ лекцій было для него въ полномъ смыслѣ дѣломъ подвижническимъ; потому то и труды его, какъ онъ самъ засвидѣтельствовалъ „были всѣ вполнѣ благоплодны“.

Впрочемъ, само собою, разумѣется, что Филаретъ, какъ и всякій на его мѣстѣ, въ одномъ своемъ лицѣ не могъ бы достигнуть столь благоплодныхъ успѣховъ, если бы не имѣлъ благонадежныхъ сослуживцевъ и сотрудниковъ. Съ этой стороны не станемъ говорить о самомъ большинствѣ наставниковъ, опредѣленныхъ изъ воспитанниковъ перваго курса С.-Петербургской Академіи, которые какъ вышедшіе изъ-подъ мудро-опытной и вліятельной руки тамошняго Ректора Филарета, а также отчасти самого въ Бозѣ почившаго, бывшаго инспекторомъ въ той же Академіи, по одному уже этому могли быть вѣрными споспѣшниками послѣднему. Мы скажемъ только объ Архимандритѣ Гермогенѣ, который, послѣ опредѣленія Филарета Ректоромъ Академіи, занялъ его инспекторскую должность, оставаясь съ тѣмъ вмѣстѣ попрежнему профессоромъ Академіи и, слѣдовательно, былъ однимъ изъ главныхъ и ближайшихъ сотрудниковъ Филарета какъ въ учебномъ, такъ и нравственно-воспитательномъ отношеніи.

Отсылая читателей, желающихъ ознакомиться съ личностью о. Архимандрита Гермогена къ біографическому очерку его жизни, помѣщенному въ „*Душеполезномъ чтеніи*“, мы приведемъ здѣсь лишь тѣ свѣдѣнія, которыя свидѣтельствуютъ объ его учености, высокой духовной жизни и личныхъ отношеніяхъ къ нему Ректора Филарета. Авторъ очерка говоритъ: „Еще при жизни о. архимандрита Гермогена было печатно заявлено, что онъ служитъ примѣромъ монашествующихъ, соединяя глубокую ученость съ смиренномудріемъ и пощеніемъ. И дѣйствительно, о. архимандритъ былъ мужъ глубоко-ученый, просвѣщенный Словомъ Божіимъ и писаніями свято-отеческими. Русскую исторію и особенно церковную онъ зналъ превосходно. Надобно было ви-

дѣть его въ кругу образованныхъ благочестивыхъ людей, чтобы оцѣнить его высокую христіанскую мудрость. Высокоученые мужи (напр. профессоръ Московской Академіи Ѳ. А. Голубинскій) слушали его съ особеннымъ вниманіемъ и старались чаще пользоваться его бесѣдами". Относительно же высокой духовной жизни о. Гермогена свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, кончившійся, къ несчастію, печальными послѣдствіями для его академической службы и для здоровья его на всю жизнь.—„Въ избыткѣ благочестивой ревности Гермогенъ, (бывши Инспекторомъ Академіи), пожелалъ провести сорокъ дней (вѣроятно, въ святую четыредесятницу), въ строжайшемъ постѣ; но, послѣ двѣнадцатидневнаго поста, онъ до того ослабѣлъ, что не могъ отпереть двери своихъ комнатъ. Надобно было даже сломать запоръ, чтобы войдти къ нему. Видя его, *едва жива суща*, сострадательный Ректоръ Филаретъ позаботился объ немъ;—онъ долгое время почти не отходилъ отъ несчастнаго, доставляя ему нужныя пособія и утѣшенія. Жизнь Гермогена была спасена, но неосторожность его поступка не осталась безъ горестныхъ послѣдствій, каковы: потеря голоса, прежде звучнаго и пріятнаго, и странное трясеніе головы, не прекращавшееся до самой смерти" [1]). Объ этомъ фактѣ сообщалъ и высокопр. Филаретъ, съ объясненіемъ самого побужденія, по которому о. Гермогенъ наложилъ на себя такой подвигъ поста. По этому объясненію, высказанному предъ Филаретомъ откровенно самимъ о. Гермогеномъ, открылось, что онъ возъимѣлъ здѣсь ревность о благочестіи, *не по разуму*, по вѣрѣ въ силу и дѣйствіе Благодати, дающей *духовныя дарованія*. Предъ этимъ временемъ только-что поручено было о. Гермогену преподаваніе одного новаго для него предмета; онъ, сознавая недостаточность силъ и познаній для усвоенія и преподаванія этого предмета съ надлежащею полнотою, возъимѣлъ мысль восполнить

---

[1]) Смотр. Душепол. Чтеніе 1866 г. Март. Отдѣл. I, стр. 227, 219—220.

недостатокъ *просвѣщеніемъ свыше*, подобно тому, какъ Св. Апостолы пріяли отъ Св. Духа *дары всякаго вѣдѣнія*. И вотъ, чтобы сподобиться подобнаго же наитія, о. Гермогенъ и рѣшился на такой сверхчеловѣческій подвигъ, обрекши себя на сорокодневный постъ и молитву [1]). Кромѣ этого грустнаго факта въ жизни о. Гермогена, — говоритъ его біографъ, — служеніе его какъ по званію профессора, такъ и Инспектора Академіи было во всѣхъ отношеніяхъ достойное. Студенты всегда съ особенною любовію относились къ о. Гермогену, высоко цѣня его снисходительность и доброту и прекрасное всегда назидательное преподаваніе [2]), хотя въ воспоминаніяхъ своихъ и замѣчаетъ г. Измайловъ, „что когда о. Гермогенъ послѣ болѣзни получилъ трясеніе, и, потому, непрестанно кивалъ головою, то студенты многіе ошибались, думая, что онъ подзываетъ къ себѣ;—иные даже за это передразнивали его, но не болѣе какъ въ шутку, а отнюдь не въ смыслѣ насмѣшки серьезной“ [3]).

Представляя такую характеристику о. Гермогена, какъ ближайшаго достойнаго сослуживца Ректора Филарета и по классическимъ занятіямъ и по инспекторству, остается увѣриться, что дѣло образованія въ Академіи ведено было исправно и благотворно какъ въ учебномъ, такъ и въ особенности въ воспитательно-нравственномъ отношеніи. Достоинство перваго (учебно-образовательнаго дѣла) мы уже видѣли и, притомъ, какъ плодъ трудовъ и вліянія по преимуществу Ректора Филарета, и увидимъ еще въ своемъ мѣстѣ при бывшихъ двухъ ревизіяхъ Академіи. Что же касается втораго, нравственно-

---

[1]) Настоящее свѣдѣніе сообщено мнѣ—пищущему преосв. Антоніемъ, архіепископомъ Казанскимъ, которому разсказывалъ о настоящемъ фактѣ самъ высокопр. Филаретъ.

[2]) Смотр. Душеполезн. Чтеніе стр. 220—221.

[3]) Смотр. Взглядъ на собственную прошедшую жизнь Измайлова стр. 133

воспитательнаго. дѣла, то и здѣсь, напередъ можно сказать, увидимъ главнѣйшее дѣятельное участіе и самое благотворное вліяніе самого же Ректора Филарета,—о чемъ собственно и будетъ рѣчь въ сейчасъ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА X.

«Нашъ о. Ректоръ Филаретъ былъ истинно исполненъ духа благочестія и любви христіанской. Управленіе его въ Академіи было истинно-отеческое: мы были для него какъ дѣти родныя. Благоразумная строгость его, не хвалившаго, хотя и щадившаго, прививавшіяся къ студентамъ, столичныя и другія привычки, доводила всѣхъ до состоянія благонравности» [1]).

Надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ, по правиламъ Устава, лежитъ прямымъ существеннымъ образомъ на Инспекторѣ Академіи; тѣмъ не менѣе, по силѣ того же Устава, и самъ Ректоръ наблюдаетъ за нравственнымъ состояніемъ своего заведенія. Ректоръ Филаретъ, какъ увидимъ сейчасъ, исполнялъ это дѣло съ особенною заботливостію, болѣе даже Инспектора, особливо бывшаго болѣзненнаго Гермогена. При этомъ заботы и дѣйствія его отличались возможнымъ устраненіемъ формально-дисциплинарныхъ отношеній и условій. Вся инспекціонная сила вліянія его на воспитанниковъ заключалась сколько, съ одной стороны, въ достойно-заслуженномъ и всѣми глубоко-цѣнимомъ авторитетѣ начальническомъ, столько въ личномъ его духѣ и характерѣ, выражавшихся въ искреннѣйшей христіанской простотѣ, въ мягкосердіи, прямотѣ и открытости въ обращеніи съ воспитанниками, которые немогли не видѣть всей истино-отеческой попечительности объ ихъ благѣ и искреннѣйшаго, какъ бы собратскаго сочувствія ко всѣмъ ихъ интересамъ во всѣхъ отношеніяхъ. Когда, однажды при

---

[1]) Изъ воспоминаній г. Измайлова

личной бесѣдѣ, обратились мы къ одному изъ бывшихъ воспитанниковъ перваго курса въ Московской Академіи [1]) съ просьбою, сообщить что-либо изъ своихъ воспоминаній о бывшемъ своемъ Ректорѣ Филаретѣ.—маститый старецъ отвѣчалъ: „что я вамъ скажу?! Я ничего не могу сказать! И въ эту минуту, возведя взоръ свой къ небу, съ какою-то, просіявшею въ лицѣ его, радостію, а съ тѣмъ вмѣстѣ съ вырвавшимся вздохомъ умиленія и съ подавленіемъ, готовыхъ выкатиться слезъ, сказалъ: „Знаете-ли?! вѣдь мы считали его *не за человѣка, а за ангела*. Онъ велъ себя въ отношеніи къ намъ не только какъ отецъ, и не только какъ равный намъ, но еще старался быть какъ бы ниже насъ... Потому-то все въ немъ было выше нашихъ наблюденій и замѣчаній.— все сливалось и поглощалось въ одномъ представленіи,— что это *не человѣкъ, а ангелъ* [2]) И потому-то я не могу ничего сказать о немъ особеннаго: въ немъ все было особенное. Необыкновенно у него было и самое чтеніе лекцій, въ которыхъ мы слышали не матеріалъ только научныхъ знаній, а что-то въ родѣ *благовѣствованія*, а потому и слушали не со вниманіемъ только, а съ благоговѣніемъ. Необыкновенно выходило у него и все прочее и въ дѣйствіяхъ, и въ словахъ, словомъ во всемъ, что только мы могли видѣть, или узнавать другъ отъ друга изъ товарищескихъ разсказовъ, изъ которыхъ нѣкоторые выходятъ теперь и въ печати въ родѣ назидательныхъ воспоминаній,—о которыхъ и вы несомнѣнно уже знаете, какъ собиратель біографическихъ матеріаловъ о приснопамятномъ великомъ Іерархѣ. И мнѣ кажется, что къ лицу и ко всей жизни его достойно и праведно приложить, во всей полнотѣ, слова Премудраго: „*Неотъидетъ*

---

[1]) Лицо это—магистръ 1-го курса Моск. Академіи Никита Григорьев. Троицкій, бывшій каѳедр. протоіер. г. Смоленска и законоучит. Смоленской Гимназіи, скончавшійся на 84-мъ году своей жизни.

[2]) Это двукратно повторенное выраженіе не есть ли самое живое подтвержденіе свидѣтельства Архіепископа Тобольскаго объ Архим. Филаретѣ, гдѣ употреблено было это же выраженіе?!

память его, но пребудетъ въ благословеніяхъ, и *имя его поживетъ въ роды родовъ, и хвалу его исповѣсть Церковь*". (Сирах. 39. 12—13).

Указываемыя черты въ духѣ и характерѣ Ректора Филарета, по части его начальническихъ воспитательныхъ дѣйствій и вліянія въ средѣ воспитанниковъ, дѣйствительно, глубоко запечатлѣлись въ сердцахъ послѣднихъ, и, что главнѣе и важнѣе, были сохраняемы ими, какъ дорогое достояніе на всю жизнь. Свидѣтельствомъ этого служатъ именно какъ тѣ назидательныя воспоминанія, на которыя указывалъ и маститый старецъ, въ появлявшихся въ разное время въ печатныхъ статьяхъ, такъ и письма нѣкоторыхъ, присланныя [1]) какъ матеріалы для біографіи, а также и личные разсказы. Мы приведемъ нѣкоторыя, особенно характеристичныя и интересныя, изъ этихъ свѣдѣній.

Сокурсникъ вышеупомянутаго о. Прот. Н. Г. Троицкаго, Вятскій Каѳедральный Прот. Азарій Тимоѳеевичъ Шиллегодскій въ письмѣ своемъ, при доставленіи экз., сохранившихся у него, лекцій Ректора Филарета, К. С. Смирнову писалъ между прочимъ: „О. Ректоръ нашъ Филаретъ былъ истинно исполненъ духа благочестія и любви христіанской. Управленіе его въ Академіи было истинно-отеческое, мы были для него дѣти родные. Науки, имъ преподаваемыя,—св. Писаніе и Богословіе, мы слушали у него съ напряженнымъ вниманіемъ, потому что онъ самъ на лекціяхъ былъ благоговѣенъ, равно какъ и во всемъ прочемъ мы видѣли въ немъ примѣръ такого его настроенія" [2]). Сокурсникъ же этихъ лицъ,—впослѣдствіи Епископъ, [3]) въ личныхъ неоднократ-

---

[1]) Письма эти были къ покойному высокопр. Антонію архіеп. Казанскому,—передававшему намъ эти письма въ подлинникахъ

[2]) Письмо это было отъ 15 Мая 1864 г. и мною было получено отъ К. С. С. на время—въ концѣ 1866 г.—вмѣстѣ съ лекціями

[3]) Магистръ 1-го кур. Моск. Акад въ мірѣ *Матвей Добровъ*, въ монаш. *Михаилъ*, бывшій *Еп. Уфимскій*, гдѣ и скончался въ 1858 г на покоѣ, проживая въ монастырѣ, настоятелемъ котораго былъ нѣкогда Филаретъ

ныхъ бесѣдахъ съ нами при воспоминаніяхъ о Ректорѣ Филаретѣ, однажды выразился такъ: „мнѣ кажется, что и самъ св. Апостолъ не оскорбился бы, если бы восхитить, такъ сказать, часть чести того его самосвидѣтельствованія, гдѣ онъ говоритъ: „*многи имате пѣстуны*—(παιδαγωγοὺς).—*но не многи отцы: азъ бо вы благовѣствованіемъ родихъ*" и приложить эти слова къ бывшему нашему Ректору—истиннѣйшему и „*пѣстуну и отцу*" Филарету".

Послѣ этихъ краткихъ общихъ свѣдѣній встрѣчаемъ далѣе изложенія воспоминаній довольно обстоятельныя, гдѣ, въ приводимыхъ фактахъ, особенно рельефно выказываются черты Филарета въ отношеніи къ воспитанникамъ и ихъ чувствованія и отношенія къ нему.—Обращаемся къ воспоминаніямъ г. Измайлова.

„Благоразумная строгость Ректора, не хвалившаго, хотя и щадившаго столичныя наши привычки, и особенное его ко мнѣ вниманіе довели меня до состоянія воспитанника благонравнаго. Въ школѣ ничѣмъ не отличая отъ прочихъ, Ректоръ нерѣдко бралъ меня съ собою въ Москву и дорогою заводилъ разговоръ, какой нибудь нравоучительный. Я былъ съ нимъ откровененъ, вмѣшивалъ въ его разговоръ свои мысли, иногда спорилъ; и онъ не только не сердился, а еще вызывалъ меня какъ бы на диспутъ. Но не столько нравоученія этого мудраго педагога падали мнѣ на душу, сколько его назидательное обращеніе со мной. Хотя мнѣ было за 20-ть лѣтъ, но я былъ простъ и открытъ, какъ ребенокъ; нерѣдко попадалъ въ сѣти, какія иногда разстилали мнѣ товарищи. Ректоръ самъ былъ не хитръ; но, какъ человѣкъ истинно, можно сказать, прозорливый, видѣлъ мою простоту и безлукавство и зналъ, что я слишкомъ довѣрчивъ къ людямъ. Однимъ съ собою случаемъ онъ далъ мнѣ понять, какъ простодушіе и довѣрчивость къ другимъ приводятъ иногда и умнаго и опытнаго человѣка въ затрудненіе дѣйствовать удачно въ свѣтѣ, и спросилъ: должно ли же беречь въ себѣ эти дѣтскія качества, и можно ли сдѣлаться въ своемъ родѣ хитрымъ, не потерявши ихъ? Я сначала только заикнулся... а по-

томъ напрямки сказалъ: „простота—своего рода глупость, а довѣрчивость показываетъ незнаніе людей и неопытность въ жизни; убытка не много, если и потеряешь ихъ“. „Нѣтъ,—возразилъ о. Ректоръ,—простота больше предполагаетъ непорочность, и довѣрчивость—уваженіе къ людямъ: потерять ихъ, или не имѣть—большое, по моему, несчастіе. Простодушныхъ людей любятъ всѣ, даже и люди злые; человѣкъ же, довѣрчивый къ другимъ, взаимно выигрываетъ довѣріе другихъ и къ самому себѣ. Да и что за бѣда, если кто тебя и обманетъ? Ни честь твоя, ни твоя совѣсть не страждутъ. Если ты сознаешь, что ты простъ и довѣрчивъ, храни эти качества, какъ благодѣяніе природы, не презирай и не измѣняй своей личности“. Этотъ урокъ, выраженный только иными словами, крѣпко удержался въ моей памяти и весьма былъ полезенъ мнѣ въ жизни [1]).

Авторъ этихъ воспоминаній, говоря о благоразумной строгости Ректора, не хвалившаго, хотя и щадившаго столичныя и другія привычки студентовъ, разумѣлъ слѣдующее: „При свободѣ, какую намъ дозволяло начальство, не стѣсняя излишнею формальностію, и съ какой мы, въ неучебные дни и часы, могли отлучаться изъ комнатъ и даже изъ Академіи, только не на ночь,—занятія наши перемежались прогулками и шли какъ-то легко. Намъ не воспрещалось ни пить, ни ѣсть, ни лакомиться; но мы держали себя прилично; посадскихъ трактировъ не жаловали, и если кому вздумалось что-нибудь съѣсть, или выпить, ходили въ лавки и тамъ пировали въ отдѣльныхъ комнатахъ, не сообщаясь ни съ кѣмъ изъ постороннихъ. Нерѣдко прихоти свои исполняли и дома: пили чай, ходили другъ къ другу въ гости и заводили разныя игры“ [2]) По поводу сихъ прихотей и затѣй подробно описывается авторомъ воспоминаній слѣдующій случай.

„Однажды, въ день имянинъ одного изъ старшихъ студентовъ, назначено было собраніе. Какъ день былъ

---

[1]) Стр. 117—118.

[2]) Стр. 129.

учебный. то собранію положено быть послѣ ужина въ 10. 11 и 12 часовъ ночи. Званныхъ собралось человѣкъ сорокъ въ большой довольно комнатѣ. въ которую входъ былъ чрезъ другую комнату. также жилую: на пиръ пригласили и меня. Сошлись. расположились пить чай. сперва такъ. а послѣ. на произволяющаго. и съ прибавленіемъ... Покуда приготовляли чай. ярославскіе студенты вздумали сыграть „*бурлацкую лодку*“: одинъ нарядился лоцманомъ. другой—рулевымъ. 12 человѣкъ сѣли на полъ за гребцовъ; заиграли гусли, скрипки и гитара. запѣли: „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. всѣ сдвинулись въ кружокъ. и проходная комната осталась совершенно пустою. Лоцманъ. одѣтый въ вывороченный тулупъ. въ уродливой шапкѣ. стоялъ на порогѣ. при самомъ входѣ въ большую комнату. почти въ дверяхъ и командовалъ. Вдругъ. откуда ни возмись, Ректоръ; его никто не замѣтилъ... Изумленный необыкновеннымъ зрѣлищемъ и раздосадованный. что его никто не видитъ и не слышитъ. этотъ незванный посѣтитель ударилъ лоцмана тростью по спинѣ съ словами: „что это такое“? и прочистивъ себѣ входъ. перекрошилъ также тростью всю приготовленную на столѣ посуду—чашки, чайники и стаканы. Студенты, во время работы Ректора надъ посудою, всѣ успѣли выбѣжать, ряженные переодѣлись. посторонніе убрались въ свои комнаты. а хозяева. остановясь въ комнатѣ передней. или проходной. стали въ строй и ждали. что будетъ [1]).

„Оставшись одинъ и не видя, къ кому обратиться. Ректоръ вышелъ въ переднюю и съ довольно спокойнымъ видомъ спросилъ: „зачѣмъ вы ушли“?!.. Студенты. которые выпили еще только по одной чашкѣ чаю, не показывая ни страха, ни унынія, объяснили причину своего собранія и игру, и прилично выразили. что они

[1]) Объ описываемомъ случаѣ разсказывалъ мнѣ лично, еще бывшій на покоѣ въ Уфѣ, преосв. *Михаилъ*—въ мірѣ *Матвей Добровъ* магистръ 1-го же курса Моск. Академіи, при чемъ не скрывалъ, что ему не успѣвшему выбѣжать, по его неповоротливости, досталось порядочно по спинѣ отъ трости Ректорской. Разсказъ этотъ въ подробности помѣщенъ въ біографіи высокопр. Антонія архіеп. Казанскаго.

оскорблены напрасно. Ректоръ, выслушавъ молча и не сказавъ ни слова, вышелъ.

„Имянинникъ досадовалъ больше всѣхъ: чашки, чайники и стаканы были взяты въ лавкѣ на прокатъ; надобно было за нихъ заплатить и не дешево. Поговоривъ съ товарищами, имянинникъ отправился сначала къ Инспектору—заявить о происшествіи; онъ не принялъ.—легъ, сказали, спать; отправился потомъ къ Ректору, но нашелъ всѣ входы запертыми.

„Что дѣлать?!.. Не горевать же, а спать съ досады не хочется: разсудили приняться снова за пиръ, а жалобу къ Ректору и на Ректора оставить до утра. Собрали кое-какъ по разнымъ комнатамъ, гдѣ что нашлось, чашекъ, блюдечекъ, рюмокъ, кружекъ, и угощались долго, никѣмъ и ничѣмъ не потревоженные, и едва-ли еще не лучше, нежели какъ предполагали.

„Утромъ передъ классами имянинникъ и оба комнатные старшіе, гдѣ происходила пирушка, явились къ Ректору. Ректоръ принялъ ихъ въ кабинетѣ и встрѣтилъ очень ласково, такъ что первый зарядъ жалобы разрядился у нихъ безъ выстрѣла. „Господа! вы ввели меня въ искушеніе, я поступилъ дурно; будете начальниками не берите съ меня примѣра; кажется, я ударилъ какого-то студента, прошу у него извиненія; я счелъ его за служителя“. Эти первыя же слова совсѣмъ успокоили и имянинника и нашихъ депутатовъ: они только и могли сказать, что чашки у нихъ были чужія. „Это ничего, я заплачу; но мнѣ больно, что я повредилъ вашему дружескому общенію, о чемъ я забочусь, и что для будущей вашей жизни очень дорого. Если у васъ опять будетъ подобное собраніе, скажите мнѣ, я приду самъ; а теперь извините меня неосторожнаго, забудьте непріятный случай и скажите товарищамъ, чтобъ и они его не помнили“. Затѣмъ Ректоръ отпустилъ претендентовъ. Растроганные добродушіемъ начальника, они безмолвно приняли благословеніе и, возвратившись къ своимъ товарищамъ, закричали: миръ!... и разсказали, что какъ было, и миръ принятъ былъ всѣми.

„Ректоръ сдержалъ свое слово: въ тотъ же день онъ прислалъ деньги за чашки, и проч. 30 руб.: а спустя недѣли двѣ, когда случился также имянинникъ, посѣтилъ наше собраніе съ Инспекторомъ и какимъ-то пріѣзжимъ архимандритомъ, пилъ чай, слушалъ пѣніе и музыку на гусляхъ; пробылъ два часа и вышелъ довольный, позволивъ намъ продолжать свое веселіе" [1]).

Въ доказательство того, что Ректоръ былъ доброты необыкновенной, и что студенты любили его и онъ обращался съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми, приводится слѣдующій фактъ. — „Одинъ студентъ поддался какъ-то страсти къ вину, — студентъ очень даровитый и хорошей нравственности. Въ началѣ курса онъ ничего не пилъ, но черезъ годъ, побывавши въ вакаціонное время на родинѣ, сталъ пить и сдѣлался пьяницею. Ректоръ употреблялъ всѣ мѣры, чтобъ воздержать его: увѣщевалъ, стыдилъ келейно, журилъ передъ товарищами, дѣлалъ выговоры въ классѣ, лишалъ наконецъ общаго стола, — но ничто не помогло. Дастъ зарокъ не пить и не пьетъ недѣли три, мѣсяцъ; но зарока не выдержитъ, запьетъ какъ запьетъ. „Не могу, это моя стихія", разъ сказалъ онъ Ректору, и Ректоръ терпѣлъ, приписывая слабость болѣзни и въ какомъ-то упованіи, что пьяницу, съ такимъ искреннимъ сознаніемъ, воздержитъ самъ Богъ, какъ кающагося грѣшника. Само собою разумѣется, что этотъ студентъ, бывшій прежде изъ первыхъ, далеко сталъ ниже своихъ сверстниковъ; но Ректоръ далъ ему кончить курсъ и, взявши подъ клятвою слово совсѣмъ не пить, сдѣлалъ его кандидатомъ и назначилъ учителемъ въ уѣздное училище. Упованіе не посрамило: поклявшійся восемь лѣтъ служилъ и съ пользою и съ честію, былъ уже Смотрителемъ училища, женился; но какъ здоровье свое онъ разстроилъ еще въ Академіи, захирѣлъ и померъ. Какой Ректоръ, или какой училищный начальникъ приметъ столь живое участіе въ воспитанникѣ, который ему чужой, непрестанно его безпокоитъ и срамитъ заведеніе?!." [2]).

[1]) Страницы 129, 130, 131, 132.
[2]) Стран. 132—133

Подобнымъ же образомъ свидѣтельствуетъ о Филаретѣ и другой изъ воспитанниковъ Академіи, который прежде въ бытность свою еще мальчикомъ-ученикомъ низшихъ классовъ въ Уфимской Семинаріи, былъ очевидцемъ жестокаго обращенія, какое дозволялъ себѣ преосвященный Августинъ съ служившимъ Ректоромъ Филаретомъ. Вотъ подлинныя слова его: „Въ Московской Академіи я, 18-ти-лѣтній уже юноша, а не мальчикъ, какъ въ Уфѣ, былъ самъ ближайшимъ свидѣтелемъ доблестей Филарета. Будучи въ Академіи Ректоромъ, онъ обходился съ студентами, какъ самый наилучшій, нѣжнѣйшій, попечительнѣйшій отецъ,—былъ къ намъ милостивъ столько, что даже шалости непростительныя умѣлъ прощать и исправлять заблудшихъ. Такъ одного студента, который пьяный въ прощальный день бросилъ въ него ломтемъ хлѣба (который, къ счастію, въ него не попалъ, но пролетѣлъ мимо виска Филарета и разшибъ затѣмъ два стекла въ двойныхъ оконныхъ рамахъ), онъ не только никакъ не наказывалъ и не мстилъ за сей поступокъ, но, ограничившись однимъ только выговоромъ келейнымъ, при окончаніи курса далъ ему лучшее мѣсто училищное, и снабдилъ сего студента еще деньгами на дорогу. Этимъ самымъ онъ заставилъ виновнаго совершенно исправиться въ нравственности и молиться за него Богу. Этимъ поступкомъ Ректора Филарета студенты всѣ были растроганы до слезъ и, въ бытность мою послѣ въ Академіи три года, мы преемники тѣхъ студентовъ, всегда содержали это у себя въ живой благоговѣйной памяти, и часто-часто о томъ разговаривали [1]).

Такія чувства и отношенія любви, выражавшіяся въ снисходительности и благожелательности къ воспитанникамъ, являлись въ Филаретѣ не тогда только, когда дѣло зависѣло отъ его лишь воли и власти; онъ принималъ на себя заступничество за нихъ и предъ други-

---

[1]) Свѣдѣнія эти доставлены отъ Як. Григ. Несмѣлова—дяди покойнаго высокопр. Антонія по его матери.

ми высшими лицами тогда, когда проступки провинности были не домашніе, а открытые. Такъ „во время одного экзамена по словесности главный экзаменаторъ, т. е. ревизоръ. (Ректоръ С.-Петербургской Академіи Филаретъ) былъ почему-то страшно разсерженъ.—Одинъ студентъ, близкій еще мнѣ пріятель, вынулъ билетъ на трактатъ о геніѣ и талантѣ. Ревизоръ, который всегда молча смотрѣлъ на вынимаемые билеты и молча же обыкновенно выжидалъ отвѣта.—тутъ вдругъ—почему-то сказалъ студенту: „ну-ка, скажи намъ, что такое по твоему геній?— Студентъ ни мало не думавши, отвѣчаетъ: „не знаю". Какъ? съ изумленіемъ спрашиваетъ Ревизоръ и смотритъ въ списокъ, въ которомъ отвѣтчикъ, какъ студентъ очень умный, поставленъ высоко, едва ли не въ первомъ пятокѣ. „Вы изволите спрашивать опредѣленіе генія, я его не понимаю", говоритъ студентъ. Ревизоръ взглянулъ на Баккалавра; Баккалавръ говоритъ студенту: „отвѣчайте, какъ написано". Студентъ возражаетъ: „чтожъ я буду отвѣчать, когда не понимаю, что тамъ написано"... Баккалавръ сконфузился... Ревизоръ зашевелился на креслахъ и сердито произнесъ къ студенту: „а понимаешь ли ты, что говоришь"?.. Потомъ, обращаясь къ Ректору, говоритъ: „это—человѣкъ буйный, онъ не можетъ быть терпимъ, его надо исключить и въ солдаты"... Не мудрено, что такъ бы и вышло, еслибъ за неосторожнаго студента не вступился Ректоръ, который зналъ его очень хорошо" [1]).

Мы не можемъ не указать въ частности еще на одну отличительную черту въ свойствахъ и дѣйствіяхъ высокопр. Филарета, которыми ознаменовалъ онъ, между прочимъ, свое служеніе въ Академіи. Для иныхъ покажется, можетъ быть, неумѣстнымъ вносить подобные факты въ служебное и, тѣмъ болѣе, въ воспитательное дѣло; но если строго и истинно педагогически разсудить, то въ дѣлѣ воспитанія указываемыя свойства и дѣйствія въ лицѣ начальниковъ имѣютъ несомнѣнно благотворное

[1]) Смотр. у Измайлова стр. 147—148.

вліяніе на питомцевъ. Мы разумѣемъ здѣсь *нестяжательность и благотворительность* Филарета. Дѣла милосердія и благотворительности служатъ лучшимъ и яснѣйшимъ свидѣтельствомъ о добротѣ души дающаго, а равно смягчаютъ, умиляютъ сердца пріемлющихъ благотвореніе, или даже смотрящихъ на другихъ, которымъ оно оказывается. Въ частности, въ приложеніи къ состоянію живущихъ въ заведеніи, подобныя явленія должны имѣть особаго рода силу и дѣйствіе. Съ одной стороны, если благотворительныя пособія относятся къ самимъ нуждающимся воспитанникамъ, то здѣсь самая откровенность въ нуждахъ и сыновнее обращеніе къ начальникамъ за помощію, и удовлетвореніе сихъ нуждъ послѣдними, несомнѣнно сопровождаются самымъ искреннимъ обмѣномъ чувствъ; а отсюда, само собою, образуется между тѣми и другими какъ бы родственная семейная связь. Съ другой стороны, не безъизвѣстно, что воспитанники Академіи, или подобныхъ заведеній казенныхъ, пользуясь всѣмъ готовымъ содержаніемъ, какъ бы притупляются и черствѣютъ въ собственныхъ чувствахъ состраданія къ ближнимъ, и какъ бы забываютъ, что есть и бываютъ въ жизни нужды. Посему живой примѣръ дѣлъ милосердія и благотворительности въ особенности въ лицѣ начальниковъ или наставниковъ дѣйствуетъ на нихъ всегда назидательно. Само собою разумѣется, что сила примѣра и сила вліянія зависятъ здѣсь отъ тѣхъ свойствъ и чувствъ, изъ какихъ проистекаютъ дѣла милосердія и благотворительности. Но что сказать въ этомъ отношеніи о Филаретѣ, который еще отъ млека матерняго отличался этими именно свойствами и чувствами, и въ силу ихъ принялъ самое имя Филарета *милостиваго?* Правда, до настоящей поры въ его жизни какъ бы непримѣтно было особеннаго проявленія этого свойства, но это зависѣло, вѣрнѣе всего, отъ самого положенія его, гдѣ ни ему самому не приводилось такъ свободно и открыто, да и не изъ чего,—совершать благотворенія, ни другимъ подмѣтить и опредѣлить, и признать ихъ достоинство въ значеніи добродѣтели. За то теперь и

мѣсто нахожденія.—какова Свято-Троицкая Сергіева Лавра [1]), и служебное положеніе. и наконецъ самыя средства открывали ему самое удобное и широкое поприще для дѣлъ милосердія и благотворенія. Вотъ какъ описываетъ это. между прочимъ. одинъ изъ студентовъ свидѣтелей-очевидцевъ.

„Сколько Ректоръ Филаретъ былъ нестяжателенъ и щедролюбивъ, о томъ свидѣтельствомъ поставляю собственный мой опытъ. При отъѣздѣ моемъ изъ Уфы въ 1818 году въ Академію Московскую. батюшка мой. собравъ всѣ крохи. вмѣстѣ съ благословеніемъ далъ мнѣ 200 руб. ассигн. Эти ассигнаціи я берегъ строго и ни одной копѣйки изъ нихъ ничего не издерживалъ. Когда же нашему отцу Ректору Филарету надобно было ѣхать на епархію въ архіереи Калужскіе. то ему не съ чѣмъ оказалось предпринять путь за нѣсколько сотъ верстъ.—словомъ у него ни гроша не было, какъ нарочно на ту пору. а заимствовать казенныхъ денегъ изъ суммъ академическихъ онъ считалъ для себя неблагоприличнымъ. Потому. призвавъ меня [2]). онъ попросилъ дать ему взаймы помянутые мной 200 руб. асс. Я тутъ горько заплакалъ. встревоженный такимъ смиреніемъ и безкорыстіемъ моего начальника и въ тужъ минуту. съ многократнымъ цѣлованіемъ руки его. вручилъ ему деньги. которыя и возвратилъ онъ мнѣ въ Калугѣ. по выходѣ моемъ изъ Академіи. вполнѣ. да еще съ прибавкою въ знакъ своей благодарности,—чѣмъ тогда я былъ тронутъ до слезъ. и эти слезы были наилучшимъ вознагражденіемъ за мою ссуду. Филарету въ его нуждѣ оказанную. Я до нынѣ этотъ случай вспоминаю съ особеннымъ благоговѣніемъ къ Филарету. А отъ че-

---

[1]) Извѣстно, что въ Лаврѣ въ числѣ богомольцевъ всегда находится большое число бѣдныхъ, нуждающихся.

[2]) Надобно знать, что этотъ студентъ (Як. Григ. Несмѣловъ) приходился родственникомъ Филарету, братъ котораго—Гавріилъ женился въ Уфѣ на родной сестрѣ этого студента; потому-то Филаретъ и могъ обратиться къ нему за деньгами, о которыхъ несомнѣнно зналъ прежде.

го у него денегъ не было никогда? Отъ того, что онъ всѣмъ вообще любилъ благотворить и ближнимъ, и дальнимъ; бѣдныхъ студентовъ надѣлялъ всегда на дорогу даже и на время вакаціи деньгами, а при отправленіи на мѣста служенія кончившимъ курсъ ученія студентамъ всегда оказывалъ щедрое пособіе. Для нищей же братіи на милостыню у него бывало экономъ академіи безпрестанно дѣлалъ особенные запасы изъ мелкой монеты, такъ что по размѣнѣ на оную жалованья его ректорскаго въ Іюлѣ мѣсяцѣ не оставалось ничего; за то у крыльца его ректорскихъ покоевъ постоянно толпились нищіе; онъ обыкновенно самъ выходилъ и обдѣлялъ всѣхъ ихъ тихо, кротко, смиренно стоящихъ предъ нимъ и молящихся за него въ душѣ своей теплою молитвою со слезами. За такое расходованіе денегъ своихъ на нищихъ онъ даже часто терпѣлъ упреки отъ Никифора (впослѣдствіи въ монашествѣ Назарія) своего келейника. Тотъ, бывало, спроста покрикивалъ на него иногда такими словами: „да чтоже ты самъ-то Ректоръ послѣ сего кушать-то будешь и во что ты одѣнешься? Нагой что ли будешь ходить, когда деньги-то жалованныя всѣ безъ остатка на нищихъ употреблять станешь“?... [1]).

Изложенныя доселѣ дѣйствія и отношенія Филарета не ограничились однимъ лишь временемъ его ректорства и его личнымъ непосредственнымъ лишь вліяніемъ. Съ отеческою любовію заботясь о благѣ своихъ питомцевъ, онъ желалъ, чтобы и впослѣдствіи преемники его могли возможно безошибочно опредѣлять ихъ личныя свойства и достоинства. Г. Измайловъ напр. свидѣтельствуетъ о себѣ, что онъ подпалъ-было совершенно безвинно подъ немилость новаго начальника и былъ въ опасности, при окончаніи курса лишиться чрезъ это вполнѣ заслуженной имъ степени магистра. „Но оказалось, говоритъ онъ, что прежній Ректоръ (Филаретъ) при отъѣздѣ своемъ оставилъ списокъ всѣхъ воспитанниковъ съ своими о каждомъ изъ нихъ подробными рекомендаціями.

---

[1]) Свѣдѣнія эти доставлены Я. Г. Несмѣловымъ.

и этотъ списокъ былъ принятъ Конференціею въ уваженіе; так. образомъ, и пятно, которымъ очернилъ меня въ поведеніи инспекторъ, осталось безъ послѣдствій“ [1]). Этотъ послѣдній фактъ особенно замѣчателенъ. Прочіе приведенные разсказы содержатъ въ себѣ болѣе частные и какъ бы домашніе случаи; но когда видимъ, что цѣлая Конференція приняла во вниманіе, оставленныя уже отсутствовавшимъ начальникомъ, рекомендаціи о воспитанникахъ, съ предпочтеніемъ ихъ отзывамъ и свидѣтельствамъ лицъ начальствующихъ, то явно, что вся Академія смотрѣла на Ректора Филарета, какъ на достойнѣйшаго начальника, и что дѣйствія и отношенія его имѣли и впослѣдствіи авторитетъ и вліяніе на бывшихъ его подчиненныхъ какъ воспитанниковъ, такъ и служащихъ. Значеніе же этого авторитета и вліяніе были не въ смыслѣ только оффиціальномъ, но заключались въ томъ внутреннемъ общеніи и единеніи духа и направленія, которое вошло въ послѣдующую жизнь академической корпораціи, сложившуюся изъ тѣхъ именно элементовъ, изъ тѣхъ главныхъ свойствъ и чертъ, какія положены были въ основу ея первыми начальниками-воспитателями. Это мы уже и видѣли отчасти прежде въ лицѣ первенцевъ сего воспитанія—Голубинскаго и Делицина, „которымъ, какъ сказано въ исторической запискѣ,—первые воспитатели-наставники, а во главѣ ихъ Филаретъ, передали какъ бы и самыя свойства и черты своего личнаго нравственнаго характера“. Самое же изображеніе этихъ свойствъ и чертъ представлено въ той же исторической запискѣ такое: „Кромѣ извѣстности, пріобрѣтенной обоими сими наставниками на поприщѣ науки, они оставили по себѣ живое воспоминаніе своимъ нравственнымъ характеромъ. Всѣмъ извѣстно, какъ любвеобильны, кротки, патріархально-просты были они въ обхожденіи съ своими учениками, какъ не давали замѣтить никакого различія между собою, и, только что оставившими студенческую скамью, молодыми наставниками; какъ была

---

[1]) Смотр у Измайлова стр. 160.

увлекательна ихъ бесѣда о предметахъ не только ученыхъ, но и относительно вопросовъ жизни! Сколько полезныхъ совѣтовъ и наставленій вынесено студентами изъ ихъ кабинетнаго уединенія“ [1])! Читая эти строки, кто не видитъ, что всѣ эти свойства и черты нравственнаго характера и истинно человѣчныхъ отношеній къ воспитанникамъ сняты съ натуры авторомъ записки. и прежде и главнѣе всего, съ лица перваго воспитателя—отца Филарета, и переведены потомъ на двухъ его достойнѣйшихъ первенцевъ по воспитанію?!

Въ какой же силѣ и мѣрѣ и какъ на долго преемственно переходило все это въ духъ и жизнь воспитателей и воспитанниковъ, видимъ живое свидѣтельство, между прочимъ, одного изъ такихъ лицъ воспоминателей своей юности, который, и по самому своему происхожденію и положенію въ свѣтѣ, и по отношеніямъ своимъ къ Академіи, не имѣлъ нималѣйшаго побужденія быть пристрастнымъ къ предмету своихъ воспоминаній. Мы находимъ это свидѣтельство въ извѣстномъ высокопочтенномъ лицѣ—графѣ М. Толстомъ. Вотъ что читаемъ у него въ его воспоминаніяхъ о своей юности.

„Много было у меня друзей и знакомыхъ, въ V, VI, VII и VIII курсахъ Московской Академіи, пишетъ Графъ. Не могу пересчитать здѣсь имена всѣхъ ихъ, особенно не могу говорить о живыхъ, потому что всякое доброе слово о живомъ человѣкѣ можетъ казаться лестію. Но припоминая теперь тихое утро моей жизни, могу засвидѣтельствовать по чистой совѣсти, что ни отъ одного изъ студентовъ Академіи я не видалъ соблазна, не слыхалъ гнилаго слова, а напротивъ каждый изъ этихъ молодыхъ людей, благомыслящихъ и благонравныхъ, могъ подать мнѣ собою добрый примѣръ, а отъ всѣхъ ихъ я непримѣтно перенималъ трудолюбіе и любовь къ наукамъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ этотъ же авторъ воспоминаній, говоря въ частности о нѣкоторыхъ лицахъ, пи-

[1]) Смотр. Историч. Записку стр. 19—20

[2]) Воспоминаніе юности. Графа М. Толстаго. Смотр Душеполезн. Чтеніе. Іюль 1866 г. Отд 11 стр. 47.

шетъ между прочимъ: „Греческому языку я учился сначала у Ѳ. А. Голубинскаго, а затѣмъ сталъ посѣщать лекціи молодаго Баккалавра Сергіевскаго. Съ Александромъ Родіоновичемъ Сергіевскимъ познакомился я, когда онъ былъ еще студентомъ. Когда же онъ кончилъ курсъ и сдѣланъ былъ Баккалавромъ Академіи, я ходилъ къ нему почти каждый день. Благонравіе, скромность, ласковость, пріятность въ обращеніи, всегдашняя ровность характера были отличительными качествами прекрасной души Александра Родіоновича. Кромѣ пособія въ изученіи Греческаго языка я много обязанъ ему за доброе дружеское расположеніе, (не смотря на неравенство нашихъ лѣтъ), и за добрые примѣры въ жизни“ [1]). Эти воспоминанія относятся по времени къ 1825—30 годамъ: слѣдовательно, протекло 10—11 лѣтъ послѣ выбытія ректора Филарета. Но кто не признаетъ въ представленныхъ достоинствахъ студентовъ прямыхъ наслѣдственныхъ плодовъ воспитательнаго вліянія Филарета. Что же касается въ отдѣльности А. Р. Сергіевскаго, то здѣсь вліяніе Филарета было самое непосредственное. А. Р. Сергіевскій былъ родственникъ — племянникъ Митрополита Московскаго Филарета. Во время ректорства Филарета въ Академіи, А. Р. и другой родной братъ его обучались еще въ Виѳанской Семинаріи, но были подъ его ближайшимъ смотрѣніемъ и руководствомъ; они представляли ему свои и сочиненія и отмѣтки объ успѣхахъ, обращались къ нему въ своихъ нуждахъ и въ свободное время по долгу живали при немъ. Такое участіе въ нихъ принялъ на себя Филаретъ по желанію и личной просьбѣ ихъ дяди Филарета [2]).

---

[1]) Тамъ же стр. 46.

[2]) Высокопр. Филаретъ былъ тогда Ректоромъ С.-Петербургской Академіи и дважды пріѣзжалъ ревизовать Московскую Академію и Виѳанскую Семинарію. Свѣдѣнія эти были сообщены мнѣ лично сыномъ А. Р. Сергіевскаго протоіер. Филаретомъ Ал—чемъ Сергіевскимъ бывшимъ въ эту пору (въ 1866 г.) Экстра-ординарнымъ Проф. Моск. дух. Академіи.

Наконецъ что сказать о томъ воспитательномъ вліяніи, его духѣ и направленіи, о которомъ нынѣ, кажется, менѣе всего думаютъ, или вѣрнѣе думаютъ, какъ-бы истнить его вовсе изъ среды воспитанниковъ и исключить изъ самаго значенія и назначенія духовныхъ Академій, а для этого вывести послѣднія даже изъ самыхъ мѣстъ первоначальнаго ихъ водворенія—изъ св. обителей [1]).—Мы указываемъ здѣсь на вліяніе и дѣйствіе воспитанія въ духѣ благочестія и подвижничества и на призваніе воспитанниковъ Академіи къ иночеству, о чемъ и будетъ рѣчь въ сейчасъ слѣдующей главѣ.

---

[1]) Когда, бывало, разсуждалъ объ этомъ покойный высокопр. Антоній, то высказывался такъ: Да! речено въ притчѣ Господней: «*не доброе ли сѣмя сѣяно бысть . откуду же убо плевелы...*» И былъ отвѣтъ: «*врагъ человѣкъ сотвори сіе....* который, *сѣящимъ приставникомъ, всѣялъ это сѣмя плевельное...*» И дѣйствительно совершается въ послѣднее время подобное *всѣяніе плевельное*, которое, избави Богъ, можетъ оказаться такимъ же произрастаніемъ, о которомъ говорится, что ни орутъ, ни сѣютъ, а само оно родится... Объ этомъ изложено подробно фактически въ Біографіи высокопр. Антонія, потому здѣсь говорить было бы повтореніемъ.—Авт.

ГЛАВА XI.

«Московская духовная Академія съ признательностію будетъ всегда поминать тѣхъ, кои водворили ее въ Св. Лаврѣ и своимъ иноческиподвижническимъ примѣромъ и воспитательнымъ руководствомъ и вліяніемъ содѣйствовали проведенію и воспріятію въ юныхъ душахъ своихъ питомцевъ науки призваніе къ иноческому житію»[1]).

Въ Исторической запискѣ читаемъ, что, „въ теченіе полувѣка существованія Московской Академіи къ сонму учениковъ св. препод. Сергія присоединилось болѣе ста иноковъ изъ здѣшнихъ питомцевъ науки, и изъ числа ихъ, въ теченіе сего же періода, достигло высшаго святительскаго сана двадцать шесть лицъ“. Обращаясь же къ самымъ первымъ курсамъ Московской Академіи, т. е. когда служилъ въ ней Филаретъ, видимъ, что число поступавшихъ въ монашество воспитанниковъ было самое большее. Въ самый первый выпускъ окончило курсъ въ санѣ монашескомъ *девять* человѣкъ, изъ коихъ шесть магистровъ и три кандидата; во второй выпускъ *десять*; да кромѣ сего нѣкоторые впослѣдствіи приняли монашество; остальные же почти всѣ вступили въ духовное званіе. Въ числѣ послѣднихъ были и извѣстнѣйшіе первенцы-воспитанники—Делицынъ и Голубинскій. Принятіе этими обоими лицами духовнаго сана особенно замѣчательно въ томъ отношеніи, что тотъ и другой, на всю жизнь посвятивъ себя профессорскому служенію въ Академіи, не имѣли во все время никакого особеннаго служебнаго назначенія въ духовномъ вѣдомствѣ, а, напротивъ, и самое священнослуженіе совершали всегда

[1]) Слова въ Исторической запискѣ по случаю юбилея.

въ храмахъ обители и въ ряду иноковъ, и этимъ самымъ состояли какъ бы причисленными къ штату Лавры [1]).

Чему же приписать это явленіе? Отвѣтъ истинный положительный на это, конечно, тотъ, который такъ торжественно былъ выраженъ въ той же исторической запискѣ относительно знаменательности самаго мѣста, въ которомъ водворенъ сей новый вертоградъ наукъ. „Видно, сказано въ запискѣ, что сила духовнаго, незримаго для насъ, вліянія отъ Покрова Богоматери и самого Избранника Ея Св. преподобнаго Сергія не оставляла и сего вертограда, изъ котораго присоединялось къ сонму иноковъ столько питомцевъ науки. Видно, что здѣсь въ тиши уединенія юныя души питомцевъ питались не одною пищею науки, но и святыми помыслами о жизни духовной. Будемъ же благодарны Лаврѣ Сергіевой за щедродательное удѣленіе намъ сего духовнаго озаренія! Съ признательностію будемъ поминать тѣхъ, кои водворили Академію въ Лаврѣ и своимъ воспитательнымъ руководствомъ и вліяніемъ содѣйствовали проведенію и воспріятію сего духовнаго озаренія въ юныхъ душахъ своихъ питомцевъ“ [2]).

Но кто же былъ первый въ ряду этихъ воспитателей-руководителей? Въ отвѣтъ на это нужно обратиться нѣсколько ранѣе, именно къ первоначальному водворенію разсадника наукъ въ оградѣ Св. Обители. Первый виновникъ этого былъ высокопр. Платонъ Митроп. Московскій. Онъ же былъ и первый воспитатель и руководи-

---

[1]) Покойный Владыка Антоній Архіеп. Казанскій сдѣлалъ при этомъ приписку въ моей рукописи такую: «Да!. а нынѣ-то что видимъ?! Если кто и изъ семинарскихъ наставниковъ изъявляетъ желаніе принять санъ священства, то ужъ непремѣнно съ условіемъ, чтобы данъ былъ ему приходъ и возможно лучшій, или же проситель-призванникъ прямо мѣтитъ, чтобы, кромѣ наставнической должности при семинаріи, занять одновременно должность законоучителя въ какомъ либо свѣтскомъ заведеніи. А о призванничествѣ къ монашеству воспитанниковъ Академій вотъ уже десять лѣтъ и слыхомъ не слышно; даже и вдовые священники, поступающіе въ Академію, не возгрѣваютъ въ себѣ этого призванія, какъ особеннаго дара духовнаго.

[2]) Въ Историч. запискѣ стран 3.

тель юныхъ питомцевъ наукъ и. съ тѣмъ вмѣстѣ. призванниковъ иночества. Одинъ изъ Платоновскихъ питомцевъ самъ о себѣ. (въ своемъ дневникѣ), говоритъ: „Платонъ совершенно овладѣвалъ своими питомцами. располагалъ ихъ силами и распоряжался ихъ судьбой. имѣя въ виду прежде всего и выше всего благо Церкви. Онъ-то и былъ причиной. что я [1]) вступилъ въ монашество, какъ и многіе другіе воспитанники Платона [2]), хотя это было „*и не безъ борьбы*". „Но почему же шли тогда въ монашество, когда даже чувствовали борьбу?! „Вѣдь это значило идти противъ призванія... Это было насиліе!!" Такъ разсуждалъ говорившій свое слово. при гробѣ почившаго, (изъ котораго мы беремъ настоящую рѣчь),—и вотъ что и какъ отвѣчалъ на это: „Нѣтъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что здѣсь была тайна тогдашняго воспитанія и вліянія тогдашнихъ воспитателей не какъ *пьсту-*

[1]) Въ мірѣ Андрей Казанцевъ,—въ монашествѣ *Евгеній*. бывшій впослѣдствіи Архіеп. Ярославскій. Приводимыя теперь слова мы беремъ изъ надгробнаго слова, сказаннаго при погребеніи сего Святителя бывшимъ Моск. Прот. А. О. Ключаревымъ,—нынѣ Амвросій Архіеп. Харьковскій.

[2]) Въ автобіографіи въ Бозѣ почившаго Платона Митрополита Московскаго читаемъ: «Всю суету мірской жизни воображая, Платонъ ублажалъ безженную жизнь и уединенную, а оную мірскую оплакивалъ а чрезъ то и борьбу плоти облегчалъ Уединенная монашеская жизнь,—разсуждалъ онъ,—кромѣ того, что подаетъ меньше случаевъ ко грѣху, много содѣйствуетъ и къ богомыслію, и къ пріобрѣтенію просвѣщенія безпрепятственнымъ упражненіемъ въ мудрости не токмо духовной, *а и мірской* . Такъ разсуждалъ Платонъ, и потому, когда впослѣдствіи Государыня Императрица Екатерина II, избирая его—Платона въ учители къ сыну своему Государю Наслѣднику, спросила: «почему онъ избралъ монашескую жизнь»?—Платонъ отвѣтствовалъ, что «по особой любви къ просвѣщенію». На сіе Императрица сказала: «да развѣ нельзя въ мірской жизни умножать просвѣщеніе»?.—«Льзя.—отвѣтствовалъ Платонъ.—но не столь удобно, сколько въ монашеской жизни, гдѣ онъ по всему свободенъ».—Сей отвѣтъ рѣшилъ Императрицу въ избраніи его въ учители».—Душеполезн. Чтеніе 1887 г. Августъ стр. 385.—NB Нужно замѣтить, что автобіографія писана была Платономъ въ *третьемъ* лицѣ.—Платонъ былъ постриженъ въ монашество на 21-мъ году отъ рожденія—14 Августа 1758 г.

новъ—педагоговъ, но какъ *отцовъ*... Воспитывавшіеся тогда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ воспитывались не подъ руководствомъ лишь науки о вѣрѣ, а подъ вліяніемъ самой вѣры, изучали не книги только о Священномъ Писаніи, но глубоко знали самое Писаніе; они читали въ подлинникахъ великихъ истолкователей Писанія, св. отцевъ; они изучали исторію Церкви не по сухимъ учебникамъ, а по первоначальнымъ живымъ памятникамъ и источникамъ и здѣсь-то почерпали они и вдыхали въ себя и духъ вѣры и ревность благочестія. Отсюда-то духъ аскетизма жилъ въ сердцахъ ихъ; и имъ отличались воспитанники и *въ бѣломъ духовенствѣ*. По этому борьба въ выборѣ между свѣтскою жизнію и монашествомъ для нихъ принимала значеніе не противленія призванію, не насилія, а просто искушенія слабой плоти и страстей, которое они однако преодолѣвали, и, принявъ трудный подвигъ, побѣдоносно его проходили. Поэтому-то долго и послѣ Платона, по силѣ той же вѣры и ревности о благѣ Церкви, какъ бы по обязательному преданію, цвѣтъ дарованій изъ духовныхъ училищъ былъ охотно приносимъ на жертвенникѣ иноческаго самоотверженія въ даръ Церкви“ [1]).

Такое преданіе, или точнѣе настроеніе дѣйствительно и сохранилось, и оправдалось самымъ дѣломъ въ теченіе минувшаго полувѣка Московской Академіи въ обильномъ числѣ избранниковъ иночества изъ юныхъ питомцевъ науки. Но какъ самое начальное преемство и привитіе сего настроенія отъ бывшей Платоновской-Троицкой Семинаріи къ новообразованной Академіи должно было совершиться, очевидно, на самыхъ первыхъ порахъ, то, само собою, потребны были и такія лица—воспитатели, которые способны были быть сами достойными преемниками Платоновскаго духа и характера и всего воспитательнаго вліянія. Въ этомъ же отношеніи едва ли кто иной могъ быть благопотребнѣе Филарета. Этимъ, между прочимъ, объясняется и самое перемѣщеніе

---

[1]) Указаніе было прежде—именно въ словѣ о. Ключарева.

его изъ С.-Петербургской въ Московскую Академію, послѣдовавшее по указанію тамошняго Ректора Филарета. Послѣдній, какъ уже извѣстно, желалъ этого перемѣщенія ради особенной пользы родной ему Академіи Московской, а эта особенность не могла не условливаться и настоящею потребностью. Можно сказать, что Филаретъ-Ректоръ отпускалъ отъ себя Филарета Инспектора какъ-бы вмѣсто себя самаго, дабы успокоить духъ, почившаго уже въ это время, своего великаго воспитателя—высокопр. Платона, всячески желавшаго возвратить его къ себѣ изъ Петербурга. Вотъ что писалъ онъ въ донесеніи Св. Суноду, когда взяты были въ Баккалавры С.-Петербургской Академіи двое изъ учителей его Троицкой Семинаріи—Филаретъ, (бывшій тогда еще іеродіакономъ) и Семенъ Платоновъ: „Какъ они учители—іеродіаконъ Филаретъ и Платоновъ изъявили свое *нежеланіе* отправляться въ Петербургъ, а желали оставаться по прежнему при Троицкой Семинаріи, что и изъявляли даже *съ пролитіемъ слезъ*: то я особливо объ іеродіаконѣ Филаретѣ усердно прошу Св. Правительствующій Сунодъ, обратить его паки въ Троицкую Семинарію, гдѣ онъ, яко сходственно съ его желаніемъ, можетъ лучшій успѣхъ оказать для общей пользы,—такъ какъ и я объ немъ особливое прилагалъ, въ разсужденіи его воспитанія, отеческое стараніе [1]).

И дѣйствительно, если бы Платонъ былъ живъ, то въ лицѣ назначеннаго Филарета онъ нашелъ бы то, чего такъ желалъ и надѣялся въ непосредственномъ своемъ питомцѣ Филаретѣ первомъ. Припомнимъ, между прочимъ, что и этотъ вторый Филаретъ, если не въ дѣйствительности, то въ желаніи и рѣшимости былъ нѣкоторымъ образомъ тоже воспитанникомъ Платона, когда, въ бытность Префектомъ Сѣвской Семинаріи, посылалъ къ нему прошеніе о принятіи его въ Троицкую Семинарію для продолженія своего образованія. Равно и самъ Платонъ, когда въ проѣздъ свой чрезъ Сѣвскъ,

---

[1]) Смотр. въ Исторіи Спбургской академіи стран 183.

лично увидѣлъ и узналъ Филарета, недаромъ отозвался объ немъ извѣстнымъ уже для читателей образомъ, принимая во вниманіе, сказанную тогда Филаретомъ, рѣчь.— Само собою Платонъ разумѣлъ здѣсь сколько научныя его достоинства, столько и то, чѣмъ отличались питомцы и наставники его Троицкой Семинаріи, и въ чемъ заключалась, какъ сказано, сила и тайна какъ его собственнаго отечески-начальническаго вліянія, такъ и избираемыхъ имъ воспитателей-отцевъ и притомъ въ званіи иноческомъ... Такъ, если взвѣсить духъ и характеръ всѣхъ преждеизложенныхъ начальническихъ и воспитательныхъ качествъ и дѣйствій Филарета, то сила и вліяніе ихъ были несомнѣнно благотворно-вліятельны и въ отношеніи духовно-подвижническаго настроенія воспитанниковъ Академіи. Съ этой стороны справедливо назвать его нарочитымъ избранникомъ и призванникомъ для настоящаго мѣста служенія не по волѣ и соображеніямъ только человѣческимъ, но свыше. А съ другой стороны въ отношеніи и къ самому Филарету нельзя не видѣть здѣсь особенной знаменательности. Если и мѣсто водворенія Академіи, и самый день открытія ея давало разумѣть всякому, (какъ выражено въ исторической запискѣ), что „этотъ новый вертоградъ поручался особенному *покрову и заступленію Богоматери*, обѣтовавшей быть неотступной отъ сего святаго мѣста обители препод. Сергія, а слѣдовательно и отъ разсадника науки, нашедшаго пріютъ въ покровительствуемой Ею обители, то кѣмъ же, преимущественнѣе всѣхъ, могло быть воспринято всею душею такое значеніе, какъ не открывавшимъ Академію—Архимандритомъ Филаретомъ. Не онъ ли, отъ самаго ранняго дѣтства своего, всецѣло предалъ себя *покрову* Пресвятой Богородицы, такъ что и самое наименованіе Покрова приложилъ и усвоилъ къ себѣ, какъ бы родное матернее? Едва ли достаточно самаго живаго воображенія, чтобы представить,—каково было его состояніе, когда онъ увидѣлъ, что новый вертоградъ, а съ нимъ и онъ самъ, какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей его, вручаются такъ видимо тому же единому *покрову* Богоматери. А какъ съ изначала установлено было

ежегодно совершать празднество въ день открытія Академіи въ праздникъ Покрова, то не съ каждымъ ли годомъ эти священнѣйшія его чувства возрастали съ сугубою силою, а съ ними и то рвеніе къ духовнымъ подвигамъ, которое,—говоря словами надгробнаго слова,—„возжегшись въ немъ еще отъ дѣтства, не прекращалось никогда, а напротивъ по временамъ разгаралось такимъ яркимъ пламенемъ, который не могъ не быть примѣтенъ и для другихъ, не смотря на то, что духовно-подвижническая жизнь въ Бозѣ почившаго, подобно жизни всѣхъ ревнителей благочестія, запечатлѣна глубокою сокровенностію“ [1]).

И чтожъ? Для кого, ближе всего, могъ быть примѣтенъ этотъ яркій пламень, разгаравшійся въ лицѣ и состояніи начальника—Ректора, какъ не для постоянно непосредственно вращавшихся около него и въ аудиторіяхъ, и въ камерахъ и пр., бывшихъ его питомцевъ?.. А что эта примѣчаемость дѣйствительно была, и была истинно дѣйственною на примѣчавшихъ,—это достаточно показываютъ тѣ самые отзывы самихъ воспитанниковъ, какіе мы видѣли уже прежде, и въ томъ числѣ даже такой, что они *считали* своего начальника Филарета *„не за человѣка, а за ангела“*... Такъ, значитъ, ярко возгорался и свѣтился предъ ихъ душевными взорами и чувствами сказанный пламень рвенія къ святоподвижничеству и въ личныхъ дѣйствіяхъ ихъ начальника-воспитателя и въ отношеніяхъ его къ нимъ самимъ.—Припомнимъ, какъ Филаретъ, сначала во время инспекторства, а затѣмъ и ректорства, не оставлялъ воспитанниковъ своимъ постояннымъ и ближайшимъ наблюденіемъ, при томъ не столько въ духѣ начальническомъ, сколько отеческомъ и даже какъ-бы товарищески-дружескомъ, равно и сами воспитанники—въ какихъ находились отношеніяхъ и чувствованіяхъ къ нему. Отсюда же что могло быть, всего естественнѣе, ближе и прямѣе.

[1]) Надгробное слово, сказанное бывшимъ Инспекторомъ Клев. дух. Академ. Архимандритомъ Іоанникіемъ.

какъ то, что Филаретъ могъ весьма хорошо знать и свойства и направленіе воспитанниковъ, а слѣдовательно не могъ не замѣчать, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, тѣхъ или иныхъ, задатковъ призванія и къ монашеству. Да и сами воспитанники, чувствовавшіе хотя бы только задатки сего призванія, естественно, не таились предъ нимъ подобно тому, какъ засвидѣтельствовалъ о себѣ напр. воспитанникъ Измайловъ, имѣвшій открытыя бесѣды съ Ректоромъ о своихъ личныхъ свойствахъ. При такихъ же отношеніяхъ и условіяхъ, само собою, не могло не быть иногда рѣчей и о монашествѣ, а слѣдовательно и прямаго вліянія на желавшихъ и искавшихъ сего званія, и это все конечно происходило отнюдь не въ томъ видѣ и смыслѣ, какъ думаютъ изображать нынѣ, именно въ родѣ заманки, вербовки и т. п. Если за кого, то за Филарета ручается здѣсь прежде всего собственное его настроеніе. Самъ Филаретъ опытно позналъ на себѣ въ разныхъ обстоятельствахъ, что значитъ призваніе къ монашеству. Извѣстно, чего ему стоило осуществить это призваніе, не смотря на то, что оно было въ немъ почти врожденное, и затѣмъ, что привелось ему перенести ради сего званія среди извѣстныхъ тяжкихъ искушеній, при томъ на довольно уже высокихъ степеняхъ служебнаго поприща, которое предстояло и юнымъ призванникамъ иночества, по выходѣ ихъ изъ Академіи. Возможно ли, не отказавшись отъ всякой благоразсудительности, допустить, чтобы такое лицо было въ состояніи представлять для другихъ званіе и состояніе монашества въ какихъ-либо, намѣренно приманчивыхъ, видахъ? [1]) Напротивъ, какъ увидимъ, онъ раскрывалъ не только истинное значеніе монашества, какъ высокаго и великаго подвига, но не скрывалъ и того, чѣмъ могутъ усугубляться трудности со стороны самихъ иноковъ, какъ людей вообще, и въ частности

[1]) Въ самомъ церковномъ чинопослѣдованіи постриженія въ монашество отнюдь не выражается ничего подобнаго, а напротивъ ясно изображается «*вся жестокость житія иноческаго*»...

молодыхъ и въ особенности ученыхъ. Когда же онъ дѣйствительно усматривалъ въ комъ либо изъ студентовъ истинныя качества и направленіе, свойственныя монашескому званію, тогда, естественно, не могъ духовно не сочувствовать и не содѣйствовать избранникамъ въ утвержденіи ихъ въ этомъ святомъ призваніи. Правда мы не можемъ привести прямыхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о такомъ именно образѣ дѣйствованія, такъ какъ все подобное совершалось лично, непосредственно, но за истинность сего ручаются тѣ свидѣтельства, кои хотя относятся къ дальнѣйшему времени, но ясно характеризуютъ все указываемое теперь. Для точности приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ послѣднихъ. Вотъ напр. письмо по подобному предмету, писанное Филаретомъ къ своему родному любимѣйшему племяннику [1]). „Возлюбленный во Христѣ Іисусѣ Я. Г. Съ духовною радостію читалъ я святое намѣреніе сердца твоего посвятить себя къ служенію Господу Іисусу Христу Богу и Спасителю нашему въ дѣвственной ангелоподобной жизни. Всѣмъ сердцемъ благословляю тебя на сей святый и Богоугодный подвигъ. Иго Христово благо, и бремя его легко есть. А міръ преходитъ и похоть его. Горько его иго и тяжко его бремя! Совѣтую тебѣ въ наступающую св. четыредесятницу на первой недѣли ея поговѣть и помолиться, очистить свою совѣсть покаяніемъ и причастившись св. Таинъ Христовыхъ, испросить благословеніе у св. преподобныхъ Отцевъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ Печерскихъ чудотворцевъ и, поручивъ себя Матернему покрову Пресвятыя Богородицы, прислать мнѣ о семъ прошеніе,—ежели сердце твое утвердится неизмѣнно въ Господѣ и въ добромъ святомъ намѣреніи твоемъ“.

Письмо это писано было къ лицу, окончившему курсъ въ Академіи и состоявшему уже на должности Баккал-

[1]) Письмо это было писано въ 1840 г. бывшему въ мірѣ Якову Гавриловичу Амфитеатрову, покойному высокопреосвящ. Антонію архіепископу Казанскому.

лавра, и находившемуся къ писавшему въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ. И чтожъ? Читая это письмо, какъ бы вовсе не видишь ничего близко-родственнаго, а тѣмъ болѣе здѣсь нѣтъ и тѣни похожаго на какія либо поощренія, могущія возбудить въ юномъ призванникѣ къ иночеству особенныя увлеченія... Писавшій является здѣсь только какъ начальникъ—святитель, призывающій благословеніе, а съ другой стороны какъ духовный старецъ—Авва, представляющій сущность и значеніе истинной монашеской жизни, дающій совѣтъ, указующій путь и образъ, какъ достойно приготовиться къ самому начинанію и исполненію святаго намѣренія. Если же въ Бозѣ почившій такъ отнесся къ своему родному племяннику въ дѣлѣ избранія имъ монашескаго званія, котораго къ тому же онъ зналъ съ издѣтства и который воспитывался въ Академіи подъ его особеннымъ попеченіемъ и руководствомъ, то понятно, какъ поступалъ и дѣйствовалъ онъ въ отношеніи къ другимъ своимъ питомцамъ въ описываемую пору. Далѣе извѣстно такъ же изъ фактовъ, хотя тоже относящихся къ дальнѣйшему времени, что въ Бозѣ почившій съ грустною недовѣрчивостію смотрѣлъ иногда на молодыхъ ученыхъ монаховъ. „Прошу искренно сказать мнѣ, писалъ онъ къ одному изъ близкихъ довѣренныхъ лицъ, о новоназначенномъ въ нашу Семинарію Инспекторѣ, ежели хорошо знаете его свойства и поведеніе... *нынѣ молодые ученые монахи рѣдко удаются*, а паче не достаетъ въ нихъ смиренія и терпѣнія—существа монашеской жизни“ [1]). Послѣднія выраженія здѣсь особенно знаменательны. Въ нихъ ясное свидѣтельство, что если было въ прежніе годы большое, сравнительно съ послѣдующимъ, число избранниковъ монашества изъ академистовъ, то и самое

[1]) Смотр. письмо къ П. С Алексинскому, писанное въ Бозѣ почившемъ изъ Казани въ бытность его здѣсь Архіепископомъ.—NB.—Въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что высокопр. Филаретъ нѣкоторыхъ лицъ въ Кіевской Академіи даже отклонялъ отъ принятія монашества, а инымъ предсказывалъ недоброе впослѣдствіи, что и сбывалось къ прискорбію.

избраніе ихъ совершалось и утверждалось тогда на истинныхъ началахъ; а это очевидно относится къ лицу писавшему не по одному лишь времени, и не какъ только общая мысль, а потому что онъ самъ былъ личнымъ живымъ дѣятелемъ — руководителемъ, и слѣдовательно свидѣтельство это собственно объ немъ самомъ.

И такъ если въ самые первые годы новообразованной Московской Академіи, по преданію и преемству отъ предшествующей ей, по самому мѣсту водворенія ея подъ сѣнію Св. Преп. Сергія, *Платоновской* Троицкой Семинаріи, глубоко положены и внѣдрены были, начала духовно-воспитательнаго характера и въ значеніи иноческо-подвижническомъ, то, несомнѣнно, это принадлежитъ мудрому и благотворному вліянію перваго ея Инспектора-Ректора Филарета. Въ этомъ отношеніи если позволить сопоставить здѣсь имена Платона и Филарета, то сила и вліяніе того и другаго, въ разсматриваемомъ дѣлѣ, различествовать должны только въ томъ, что *одинъ*—Платонъ поступалъ, какъ Митрополитъ и потому, какъ выражено въ дневникѣ,—„совершенно овладѣвалъ и располагалъ силами воспитанниковъ и распоряжался самою ихъ судьбою, *яко власть имущій*“, а другой—Филаретъ дѣйствовалъ и вліялъ на своихъ воспитанниковъ личными свойствами и дѣйствіями сколько отечески-начальническими, столько и собственнымъ личнымъ характеромъ и образомъ дѣйствій въ духѣ свято-подвижническомъ, которые прямо или посредственно, явно или сокровенно открывались предъ способными и готовыми къ воспріятію ихъ питомцами науки. Въ слѣдъ за этимъ мы должны бы привести еще особыя, истинно знаменательныя и въ высшей степени назидательныя, свѣдѣнія объ указываемыхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ Филарета,—но свѣдѣнія эти, по самой пространности ихъ содержанія, мы изложимъ отдѣльно, въ родѣ эпилога, въ послѣдующемъ мѣстѣ. Теперь же обратимся къ изложенію тѣхъ оффиціальныхъ данныхъ, въ которыхъ увидимъ, на сколько благополезны были всѣ труды и какъ велики были заслуги Ректора Филарета по управленію Москов-

скою Академіею. и какъ онѣ, дѣйствительно, оцѣнены были въ свое же время достойно и праведно Высшимъ Начальствомъ и увѣнчаны даже Высочайшими Благоволеніями и наградами. Мы начнемъ рѣчь о бывшихъ ревизіяхъ Московской Академіи.

ГЛАВА XII.

«Я повелѣлъ сопричислить васъ къ ордену Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени большаго креста со звѣздою какъ за труды въ званіи Ректора и профессора, такъ наипаче за дѣятельное попеченіе о духовномъ назиданіи воспитанниковъ Академіи» [1]. «Его Императорское Величество изволилъ осмотрѣть въ Лаврѣ новую Академію съ удовольствіемъ.—Благодареніе Господу» [2].

О состояніи Московской Академіи въ самые первые годы ея существованія мы встрѣчаемъ такое свидѣтельство: „Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ новой своей жизни Академія, между тѣмъ какъ занималась уже воспитаніемъ духовнаго юношества, проходила и сама состояніе собственнаго своего воспитанія. Оставалось надѣяться, что седьмымъ годомъ Академіи начнется ея совершеннолѣтіе“ [3].—Свидѣтельство это скромное по выраженію заключаетъ въ себѣ особенную полноту силы и значенія. Довольно знать, что оно было дано тѣмъ, кто самъ, по выраженію въ Исторической запискѣ, былъ *воспреемникомъ* Московской Академіи при самомъ ея рожденіи и воспитаніи, такъ какъ онъ посѣщалъ ее, внимательно слѣдилъ за всѣми первыми движеніями ея жизни при *трократныхъ* ея ревизіяхъ“. Здѣсь подъ сви-

---

[1]) Слова изъ Высочайшей Грамматы.

[2]) Слова изъ письма Оберъ-Прокурора Князя Голицына къ Августину Архіепископу Московскому.

[3]) Смотр въ Историч. Запискѣ – въ рѣчи высокопр. Филарета Митр. Московскаго при празднованіи юбилея Академіи.

дѣтельствующимъ разумѣется Филаретъ Митроп. Московскій [1]). Въ приложеніи же собственно къ лицу жизнеописуемому—Ректору Филарету настоящее свидѣтельство имѣетъ то особенное значеніе, что, если ревизовавшему лицу по праву усвоено имя *воспреемника* Академіи, то послѣднему съ равнымъ правомъ принадлежитъ имя *отца*—родившаго и воспитавшаго ее на столько, что чрезъ годъ оставалось ей вступить уже въ возрастъ совершеннолѣтія. Чтобы признать значеніе этихъ титуловъ въ приложеніи къ обоимъ этимъ лицамъ, довольно знать, какъ уже и знаютъ читающіе,—въ какихъ отношеніяхъ находились оба Филарета взаимно другъ къ другу, а равно и къ самому заведенію. Отношенія эти начались еще во время ихъ сослуженія въ С.-Петербургской Академіи; и если въ силу этихъ отношеній, какъ мы видѣли, по особенному желанію одного состоялось назначеніе другаго въ Московскую Академію ради особеннаго блага послѣдней,—то въ этихъ же видахъ, кромѣ другихъ административныхъ соображеній, несомнѣнно происходило и то, что въ три [2]), одинъ за другимъ, раза назначался ревизоромъ этой Академіи не другой кто, какъ Филаретъ, Ректоръ С.-Петербургской Академіи.

Вотъ какъ одинъ изъ нихъ, (Филаретъ Кіевскій) засвидѣтельствовалъ самъ объ этихъ отношеніяхъ ихъ въ описываемую пору и личныхъ, и въ приложеніи къ Академіи.—„При окончаніи перваго учебнаго года (въ 1815 г.) Московская Академія была ревизована Филаретомъ, бывшимъ тогдашнимъ Ректоромъ С.-Петербургской Академіи, чтобы испытать и дать дальнѣйшее направленіе. Съ этого-то времени особенно началась та внутренняя, искреняя, духовная связь между нами, которая и во всю службу продолжалась непрерывно“. Далѣе когда

---

[1]) Смотр. Истор. Записк стран. 2.

[2]) Во время служенія Филарета въ Моск. Академіи были только *двѣ* ревизіи, а третья была уже послѣ него черезъ годъ, - о чемъ увидимъ ниже

черезъ три года (1818), при окончаніи перваго академическаго курса. пріѣзжалъ съ тою же цѣлію тотъ же Ректоръ Филаретъ, (бывшій уже въ санѣ Епископа Ревельскаго-Викарія С.-Петербургской митрополіи). снова ревизовать Московскую Академію, то эта связь скрѣпилась на всю жизнь, и. вмѣстѣ съ видимымъ знакомъ, съ залогомъ ея,—перешла за предѣлы жизни. Это-была панагія, которую Филаретъ ревизоръ снялъ съ своихъ персей и подарилъ Ректору Филарету, а этотъ впослѣдствіи завѣщалъ возложить ее на себя по смерти, что и было исполнено“ [1]).

О такихъ же точно отношеніяхъ имѣли мы счастливый случай услышать свидѣтельство изъ устъ другаго изъ описываемыхъ лицъ. При прежде упоминаемой бесѣдѣ съ Первосвятителемъ Московскимъ (въ 1866 г.) когда на вопросъ его ко мнѣ: „что? нашли ли вы и достаточно ли матеріаловъ въ архивѣ Академіи? мною было отвѣчено, „не совсѣмъ-то“, онъ сказалъ: „да, думаю такъ“. „Особенно интересно было бы.—сказано было мною,—знать объ ревизіяхъ, произведенныхъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ“.—„Едвали я могу быть пособникомъ въ этомъ дѣлѣ въ формальномъ его производствѣ. Въ этомъ можетъ измѣнить мнѣ и память“—былъ отвѣтъ. Тѣмъ не менѣе онъ съ явною готовностію сталъ разсказывать о бывшихъ ревизіяхъ. Когда же упомянуто было имъ *о третьей* ревизіи, и я осмѣлился указать, что это было уже послѣ ректорства Филарета,—послѣдовалъ одинъ изъ тѣхъ стремительныхъ взглядовъ, коими обладалъ говорившій. Я повторилъ свое указаніе, съ присовокупленіемъ объясненія, что при служеніи Филарета въ Академіи были *только двѣ ревизіи*, и послѣдняя произведена была Вашимъ Высокопреосвященствомъ въ бытность Вашу Епископомъ Ревельскимъ, и что въ эту-то пору Вы изволили подарить ему на память Вашу панагію. которую онъ и унесъ съ собою въ могилу“. Онъ отвѣчалъ: „да!

---

[1]) Смотр. Записк. Филарета лист. 2 стран. 1 и послѣдн. дни жизни его стран. 22.

вы правду говорите, и я, значитъ, сказалъ правду,—что память мнѣ можетъ измѣнить, какъ дѣйствительно и измѣнила. За—то я болѣе, чѣмъ кто, твердо и неизмѣнно знаю и помню то, о чемъ вы напомянули.—Въ какихъ чувствахъ унесена въ могилу моя панагія, въ такихъ же точно она и дана была мною. И я мысленно припадалъ къ его гробу, да помолится въ Бозѣ почившій, да иду по немъ въ мирѣ". Ваше Высокопреосвященство изволили выразить это,—сказалъ я,—и въ Вашей телеграммѣ по кончинѣ Владыки Филарета [1]). „Да я въ правѣ былъ выразить это, какъ и онъ въ правѣ былъ поступить съ моею панагіею". Затѣмъ глубоко вздохнувъ. Первосвятитель продолжалъ: „И я въ правѣ и теперь сказать о почившемъ: По истинѣ *по имени его было тако и житіе его и служеніе его.* Онъ былъ *мой духовный другъ, какого послѣ него для меня нѣтъ уже на землѣ.* Потому-то и относительно двухъ, бывшихъ при немъ, моихъ обозрѣваній здѣшней Академіи я долженъ сказать, что на бумагѣ у насъ было мало дѣла, и не для чего было, особливо во второй разъ. При обозрѣніи мнѣ приводилось только смотрѣть, что показывали, и находить все достойнымъ въ настоящемъ и довѣряться въ такомъ же будущемъ. Обозрѣваніе было ведено сообща, а нѣчто я поручалъ собственно его усмотрѣнію и устроенію". Въ дѣлахъ архива дѣйствительно есть напр. предложеніе (отъ 17-го іюля 1818 г. № 126) отъ ревизора Филарета ректору Академіи Филарету—„дабы благоволилъ онъ (о. Ректоръ) принять на себя трудъ повѣрить и представить свое рѣшительное заключеніе и проч."

---

[1]) Тотчасъ, по кончинѣ высокопр. Филарета Кіевскаго, была послана бывшимъ тогда Ректоромъ Кіевской Академіи Архим. Антоніемъ (покойнымъ Архіеп. Казанскимъ) телеграмма къ высокопр. Филарету Московскому. Тотчасъ же и отъ него послѣдовала отвѣтная въ слѣдующихъ буквальныхъ словахъ: «Раздѣляю печаль не только Кіевской паствы, но всей Россійской Церкви, а потомъ и вашу. Припадите къ стопамъ въ Бозѣ почившаго Владыки съ мыслію о мнѣ и съ послѣднимъ на землѣ отъ меня цѣлованіемъ благоговѣнія и любви, да помолится, да иду по немъ въ мирѣ». (Подлинная телеграмма хранится у меня въ цѣлости).

Такія взаимныя дружественныя отношенія описываемыхъ лицъ не должны, всеконечно, набрасывать какую-либо тѣнь на значеніе самыхъ дѣйствій ихъ служебныхъ. Если по общепринятому выраженію дружба дружбой, а служба службой,—то, по строгому понятію объ истинной духовной дружбѣ, такая дружба не только не вредитъ дѣятельности служебной, а напротивъ много способствуетъ успѣху послѣдней. Такія отношенія получаютъ здѣсь значеніе, выраженное въ словахъ св. Апостола: „*братолюбіемъ другъ ко другу* (бывайте) *любезни: честію другъ друга большa творяще*". (Рим. XII. 10). Здѣсь не можетъ быть ни угодливости и искательства съ одной стороны, ни высокомѣрія и покровительственности съ другой, а напротивъ установляется тотъ уровень, при которомъ обѣ стороны дѣйствуютъ по своимъ правамъ и со всею искренностію и прямотою, и въ тоже время имѣя въ виду одинъ долгъ и интересъ въ отношеніи предмета службы и дѣятельности. При этомъ самые отзывы похвальные бываютъ не иначе, какъ въ смыслѣ законнаго требованія самыхъ достоинствъ дѣла, какъ бы не зависимо отъ личной оцѣнки; равно и награды, какъ бы онѣ ни были часты и велики, вызываются заслуженнымъ правомъ, что и выражается обыкновенно въ самыхъ грамматахъ. Каковы были отзывы Ревизора о служебныхъ заслугахъ Филарета, мы не имѣемъ на это подлинныхъ данныхъ; но они понятны по самой личности дававшаго ихъ, и ясны изъ тѣхъ награжденій, которыя вскорѣ же послѣдовали по заслугамъ Филарета. О значеніи же этихъ наградъ свидѣтельствуетъ одно уже ихъ количество. Наградъ въ теченіе *четырехъ* лѣтъ было *шесть*. Изъ нихъ *двѣ* отъ Св. Сѵнода, и *четыре* отъ Высочайшаго Имени. Первыя вполнѣ соотвѣтствовали духовно-нравственнымъ качествамъ и подвигамъ удостоеннаго: это—сначала (въ 1816 г.) присвоеніе Ректору Филарету лично степени Настоятеля первокласснаго монастыря, и затѣмъ (въ 1817 г.) назначеніе его дѣйствительнымъ Настоятелемъ первокласснаго Ставропигіальнаго Воскресенскаго, именуемаго Новый Іерусалимъ, Монастыря. Высочайшія же награды были сколько по начальственному предста-

вленію, столько же и по особенному Всемилостивѣйшему благовниманію. По порядку времени онѣ были слѣдующія: Въ 1816 г. Ноября 18-го Филаретъ былъ сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени за долговременное и усердное служеніе. Награда эта послѣдовала по представленію Начальства. Но замѣчательно, что Государь Императоръ не удовольствовался такимъ представленіемъ, а вмѣстѣ съ сопричисленіемъ къ ордену 2-й степени благоизволилъ того же самаго 18-го числа Ноября пожаловать ректору Филарету алмазный знакъ сего ордена и удостоить его Своимъ Высочайшимъ Рескриптомъ. Вотъ подлинный текстъ сего Рескрипта.

„Отецъ Архимандритъ Филаретъ, московской духовной академіи Ректоръ! Въ награду за усердную и долговременную службу Я велѣлъ сопричислить васъ къ ордену св. Анны, коего знаки втораго класса будутъ доставлены къ вамъ изъ орденскаго капитула при надлежащей грамматѣ. Въ изъявленіе же особеннаго МОЕГО уваженія къ отличнымъ трудамъ, которые подъемлете вы по званію ректора новообразованной Академіи, жалую вамъ алмазный знакъ ордена св. Анны. Пребываю впрочемъ къ вамъ благосклонный".

Затѣмъ, спустя лишь годъ съ небольшимъ,—именно 12 Января 1818 г.—ректоръ Филаретъ былъ пожалованъ орденомъ св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 3-й степени. Наконецъ, когда прошло лишь полгода, онъ удостоенъ былъ такой Всемилостивѣйшей награды, какая была не только въ ту пору, но и въ настоящую, считается одною изъ самыхъ рѣдкихъ для лицъ въ званіи Архимандрита. 16-го Августа 1818 года Ректору Филарету пожалованъ былъ орденъ св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени *большаго креста со звѣздою*, каковый орденъ по обыкновенному порядку дается только Епископамъ, и то послѣ 1-й степени св. Анны. Пожалованіе это послѣдовало, какъ выражено въ Высочайшей Грамматѣ, „какъ за труды въ званіи ректора и профессора богословскихъ наукъ, такъ наипаче за дѣятельное попеченіе о духовномъ назиданіи воспитанниковъ Академіи".

Итакъ всѣ награды сколько важны по своему значенію, столько замѣчательны и потому, что даны, одна за другою, въ столь непродолжительное время. Послѣдняя же награда, кромѣ важности, можно сказать, была необычайная. По крайней мѣрѣ, когда эта же награда дана была прежде (въ 1813 г.) Ректору С.-Петербургской Академіи Филарету, бывшему тоже въ санѣ архимандрита, тогда показалась она такою рѣдкостію, что, по собственнымъ его словамъ, называли его скороспѣлкою [1]). Чѣмъ объяснить такую необычайность награды? Во первыхъ, если такая награда была уже дана бывшему Ректору С.-Петербургской академіи Филарету и, тоже главнымъ образомъ, „за неусыпные труды по званію ректора и профессора богословскихъ наукъ и дѣятельность въ образованіи достойныхъ служителей алтаря Господня“, [2]) то справедливо заключить, что труды и дѣятельность Филарета втораго были равностепенны. Во вторыхъ, ясно, что подобные труды и заслуги цѣнились тогда столь же высоко, какъ и самое духовное просвѣщеніе и самыя заведенія духовныя. Самъ Вѣнценосный Покровитель духовнаго просвѣщенія, соизволивъ на тогдашнія преобразованія, недаромъ выразилъ тутъ же свою вожделѣнную мысль, что „сіи духовныя заведенія, и при распространеніи общенароднаго просвѣщенія, всегда будутъ стараться идти по прежнему *впереди*“. А потому труды и заслуги собственно на поприщѣ сего просвѣщенія, по самому назначенію его приготовлять достойныхъ лицъ для апостольскаго служенія, болѣе всего соотвѣтствовали самому статуту ордена во имя Того, Кто самъ на этомъ же поприщѣ стяжалъ себѣ имя Равноапостольнаго Просвѣтителя Россіи.

О достоинствѣ послѣднихъ трудовъ и заслугъ Ректора Филарета, конечно, засвидѣтельствовалъ и предста-

[1]) Смотр. Записки о жизни и времени Святителя Филарета Митроп. Московскаго, составл. Н. В. Сушковымъ,—въ приложеніяхъ стр. 40.

[2]) Смотр нѣкоторыя воспоминанія о Митр. Москов. Филаретѣ Мих. Мих. Евреинова. Душеполезн. чтеніе Апрѣль. 1870 г. отд. II. стр. 134.

вилъ, вторично ревизовавшій Академію (въ 1818 г.), Филаретъ Ректоръ Петербургскій, такъ какъ награда послѣдовала непосредственно послѣ этой ревизіи, когда и самъ онъ, какъ бы въ знакъ этого свидѣтельства, подарилъ свою панагію.—Но могъ оцѣнить ихъ лично и Самъ Государь Императоръ, отъ личнаго благоволенія Котораго зависѣло и пожалованіе столь необычайной награды. Государь же дѣйствительно зналъ лично Ректора Филарета и имѣлъ случай удостовѣриться въ его достоинствахъ. Это было еще въ 1816 г. въ Августѣ мѣсяцѣ, когда „Государь, проѣзжая въ Кіевъ, прибылъ въ Москву 15 Августа и, въ это время, посѣтилъ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру“ [1]). При этомъ случаѣ удостоилась личнаго посѣщенія Государя Императора и новообразованная духовная Академія. Когда объ этомъ Высочайшемъ посѣщеніи донесъ Св. Сѵноду преосв. Августинъ, Архіепископъ Московскій, то Оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода князь А. Н. Голицынъ съ своей стороны отвѣчалъ ему (отъ 14 Сентября), между прочимъ, такъ: „Его Императорское Величество изволилъ осматривать въ Лаврѣ новую Академію *съ удовольствіемъ. Благодареніе Господу*!.. [2]).

Что касается личнаго удовольствія Государя Императора, о которомъ свидѣтельствовалъ Князь Голицынъ, послѣ бывшаго осмотра Московской Академіи, то оно тогда же было выражено ясно въ томъ Милостивѣйшемъ благоволеніи, что „при Высочайшемъ обѣденномъ столѣ въ Лаврѣ служили Его Величеству студенты Академіи. Этого счастія удостоились восемь студентовъ: Ареопагитскій, Терновскій, Богословскій. Протопоповъ, Покровскій, Постниковъ, Смирновъ и Алявдинъ. Каждому изъ нихъ пожаловано было по сту рублей“ [3]).

---

[1]) Смотр. Историч. Записк. стр 19—20.

[2]) Смотр. «Душеполезное чтеніе». Мартъ 1866 года, стр. 218—219.

[3]) Смотр въ Чтеніяхъ Моск. Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ примѣч. № 201 Отношеніе Князя Волконскаго къ преосв. Августину отъ 27 Августа 1816 г.

Явленіе это, справедливо сказать, одно изъ замѣчательнѣйшихъ какъ по высокости чести, такъ и по рѣдкости и необычайности. Какое изъ равностепенныхъ съ духовными академіями заведеній, напр. университетовъ, хотя именуемыхъ Императорскими, можетъ представить подобное явленіе въ своихъ лѣтописяхъ?! Главное же,—чѣмъ обратили на себя столь благоволительное Вниманіе Монарха питомцы скромнаго, водвореннаго въ стѣнахъ Обители, духовнаго разсадника.—это не иное что, какъ, усмотрѣнные Государемъ, добрые плоды того духовнаго назиданія, дѣятельное попеченіе о которомъ въ лицѣ главнаго ихъ начальника и наставника Филарета признано было преимущественнѣйшею заслугою въ его настоящемъ служеніи, а потому и награждено было столь необычайнымъ отличіемъ.

Смотря на этотъ фактъ, можно бы признавать его только временнымъ явленіемъ давно минувшихъ дней, обусловливавшимся тогдашнимъ порядкомъ вещей, и, въ частности, личнымъ возрѣніемъ на тогдашнее просвѣщеніе Благословеннаго Александра I-го. Но, вотъ, предъ нами другой подобный же фактъ въ лицѣ Государя Императора Александра II.—Когда въ 1862 г. удостоены были чести быть представленными Его Величеству всѣ служащіе въ Академіи, и въ числѣ ихъ о. Протоіерей *Делицынъ*, бывшій студентомъ во время посѣщенія Императора Александра I-го, то Его Величество, указывая на о. Делицына, какъ живаго представителя въ своемъ лицѣ *всей исторіи* Академіи, изволилъ изречь: „Надѣюсь, что новая генерація воспитанниковъ будетъ слѣдовать по пути прежнихъ“. Не это ли, говоря словами Исторической Записки [1]) Слово Монарха, какъ вожделѣнный для Академіи отзывъ о ея прошедшемъ, составляетъ живое непререкаемое свидѣтельство, что Московская Академія „въ то самое время, какъ проходила свое собственное самовоспитаніе, способна была произвести такую первичную генерацію воспитанниковъ, чтобы быть

[1]) Смотр. въ Историч. Запискѣ стр. 37.

примѣрною и для генерацій послѣдующихъ-нынѣшнихъ и будущихъ... А такъ какъ живой представитель этой первичной генераціи—*о. Делицынъ* былъ одинъ изъ тѣхъ питомцевъ Филарета, въ которыхъ, какъ было сказано, „вмѣстѣ съ образованіемъ перешли и воплотились самыя свойства и черты нравственнаго духа и характера послѣдняго, то излишне договаривать, въ какой силѣ и мѣрѣ относится это свидѣтельство къ самому виновнику такой генераціи по роду и качеству тѣхъ учебно-и нравственно воспитательныхъ началъ и всего направленія, какія воспріялъ и водился ими самъ онъ подъ непосредственнымъ благодатнымъ вліяніемъ самаго Богопрославленнаго *добродѣтелей подвижника*, который *отъ юности воспріялъ Христа въ души своей, мужески въ пустыню вселился и чади послушанія въ ней возрастилъ, обризъ бывъ своимъ ученикомъ и обѣщался поминати стадо свое и посѣщати чадъ своихъ и просвѣщати приходящихъ къ нему съ вѣрою, дарованія всѣмъ подая обильно* [1]).

Говоря это, мы хотимъ теперь сказать о тѣхъ знаменательныхъ и назидательныхъ свѣдѣніяхъ, о которыхъ преднамѣчено было выше, какъ относящихся именно къ сейчасъ указываемому духовному наставническо-подвижническому состоянію Ректора Филарета, проявленіе котораго, при всей сокровенности, не могло не отражаться прямымъ вліятельнымъ образомъ на воспитанниковъ и образовывать особую въ средѣ ихъ генерацію призванниковъ къ иночеству.

---

[1]) Слова изъ Тропарей Св. Преподобному Сергію Радонежскому Чудотворцу.

ГЛАВА XIII.

«Вѣдь я здѣсь (на Корбухѣ), когда служилъ Ректоромъ въ Академіи, бывалъ по больше твоего. А до меня и при мнѣ бывало здѣсь довольно лицъ, по тропинкамъ коихъ приводилось мнѣ грѣшному ходить лишь въ слѣдъ ихъ.. Я же ходилъ сюда для того, что возьму, бывало, съ собою Библію и нѣкоторыя книги, да еще бумагу, чернилицу съ перомъ и, усѣвшись гдѣ нибудь тайкомъ, поразмыслю, что нужно для лекцій и тутъ напишу... Въ промежутки же между этими занятіями встану да помолюсь на Св. Лавру.—И глядишь, Слава Богу, лекцій приготовишь достаточно и хорошо» [1]).

Свѣдѣнія, которыя мы сей часъ представимъ читателямъ, заключаются, главнымъ образомъ, въ подробномъ разсказѣ, который сообщенъ былъ намъ въ 1866 г. высокочтимымъ (сконч. въ 1877 г.) о. Архимандритомъ Антоніемъ, бывшимъ Намѣстникомъ Троицко-Сергіевой Лавры,—сообщенъ, по его словамъ, совершенно въ первый разъ, такъ какъ онъ и вызванъ былъ въ его памяти собственно тѣми обстоятельствами, съ которыхъ начался самый разговоръ между имъ и мною.

„Простите! Согрѣшилъ я, что прежде упорно, хотя и искренно, но только по забвенію, отнѣкивался, что не знаю-де ничего особеннаго и интереснаго, что могъ бы сообщить вамъ о времени жизни приснопамятнаго Владыки Кіевскаго Филарета за бытность его здѣсь на службѣ въ Академіи, а совѣтовалъ только вамъ покопаться хорошенько въ архивѣ академическомъ и обра-

---

[1]) Изъ разговоровъ между высокопр. Филаретомъ и бывшимъ Намѣстникомъ Лавры Архим. Антоніемъ въ 1842 г.

титься къ нашему Владыкѣ, теперь кстати проживающему здѣсь въ Геѳсиманіи [1]), отъ котораго я возвратил-

---

[1]) Въ Бозѣ почившій великій Первосвятитель Филаретъ Московскій удостоивалъ меня не разъ своихъ воспоминательныхъ бесѣдъ о высокопр. Филаретѣ Кіевскомъ именно, во время проживанія его въ Скитѣ Геѳсиманскомъ въ описываемую пору. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ при этомъ выраженій его было таково: «Да, по истинѣ *по имени его* (Филарета Кіевскаго) *было тако и житіе его*». Со скорбію вспоминалъ онъ при этомъ, что не видѣлся съ Кіевскимъ Филаретомъ, при жизни его, въ теченіе 14-ти лѣтъ (съ 1842 г.); при чемъ прибавилъ: «и это собственно моя уже вина и, даже точнѣе, невыполненіе моего обѣта сподобиться когда-либо побывать въ Кіевѣ и въ Св. Печерской Лаврѣ. Было мнѣ отъ Кіевскаго Владыки не разъ и напоминаніе объ этомъ, но немощи мои напоминали объ одномъ—сидѣть дома». Въ архивѣ духовнаго собора Кіево-Печерской Лавры есть собственно-ручное письмо высокопр. Филарета Москов., въ которомъ онъ, выражая сказанныя мысли, препроводилъ отъ себя священныя сосуды въ приношеніе Лаврѣ съ просьбою дать имъ мѣсто и употребленіе въ одной изъ пещерныхъ церквей —Письмо это въ полуоффиціальной формѣ было на имя высокопр. Филарета Кіевскаго и имъ сдано съ резолюціею въ Лаврскій духовный Соборъ къ исполненію. Копію съ этого письма, имѣющуюся у насъ, мы помѣщаемъ здѣсь во всей точности:

«Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Архипастырь и Отецъ!

И мое многолѣтнее желаніе и Ваше не однократное, привлекательное для меня, приглашеніе до сихъ поръ не достигли того, чтобы я—могъ прійти во святую Кіево-Печерскую Лавру, и повергнуться предъ ея Святынею. И на недальній путь къ Лаврѣ Преподобнаго Сергія, вотъ, нѣсколько уже мѣсяцевъ смотрю, и не знаю, будетъ ли наконецъ дано мнѣ пройти его на сихъ дняхъ. Когда такъ неудобно нести, по желанію, тѣло тлѣнное, по выраженію Премудраго, *отягощающее душу*: да пошлется въ желаемый путь хотя нѣчто, не такъ неудободвижное,—мысль благоговѣнія, желаніе любви, молитва вѣры, поколику даровано моему недостоинству имѣть сіе, и при семъ какое нибудь знаменіе богомольца, отдаленнаго тѣломъ, но подвизающагося приближаться духомъ къ избранной Обители Пресвятыя и Преблагословенныя Владычицы нашей Приснодѣвы Богородицы и къ Собору Святыхъ Печерскихъ Подвижниковъ и Чудотворцевъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ.

Въ сихъ расположеніяхъ, при семъ препровождаю къ Вашему Высокопреосвященству священнослужебные сосуды для Божественной литургіи, и покорнѣйше прошу сіе смиренное приношеніе удостоить *естьми* (такъ въ подлинникѣ) не ежедневнаго, то частаго

ся только-что сейчасъ. Я засталъ его въ прогулкѣ по лѣсу. и тутъ-то вдругъ далъ мнѣ Господь память. Да и Владыка-то нашъ зналъ объ этомъ прежде отъ меня же, и потому мы. вспомнивъ про васъ. что вы прибыли нарочито сюда. чтобы собирать матеріалы, съ-обща вспоминали. Выслушайте же. что я вамъ скажу.

„Въ 1842 г. въ Маѣ мѣсяцѣ. въ послѣдній проѣздъ изъ С.-Петербурга въ Кіевъ, посѣтилъ нашу Лавру высокопр. Филаретъ. Во время пребыванія своего. онъ пожелалъ посѣтить. между прочимъ. Виѳанію. куда и пригласилъ меня сопутствовать ему. На пути я сталъ разсказывать ему о состоявшемся уже тогда. по мысли и желанію нашего высокопр. Владыки. предположеніи устроить скитъ—нынѣшнюю Геѳсиманію. Дѣло оставалось лишь за выборомъ мѣста для скита. А какъ въ ту пору нашъ Владыка находился въ Петербургѣ въ званіи члена св. Сунода.—то я и вошелъ съ нимъ въ переписку касательно выбора мѣста. Мнѣ хотѣлось рѣшить этотъ вопросъ скорѣе на тотъ конецъ, чтобы въ наступившемъ же лѣтѣ приступить къ работамъ,—именно. желалось по крайней мѣрѣ успѣть заложить церковь,—выкопать рвы и положить фундаментъ; остальная же работа,—такъ какъ церковь имѣла строиться деревянная,—могла быть производима и въ позднюю осень и въ самую зиму. Признаюсь, занятый благоговѣйною мыслію о предположенномъ устройствѣ скита, я много разъ осматривалъ мѣстность. на которой стоитъ теперь

употребленія въ одномъ изъ Пещерныхъ храмовъ, по Вашему благоусмотрѣнію и ко мнѣ снисхожденію. Уповая при семъ на Вашу любовь. что немощная моя молитва подкрѣплена будетъ Вашею молитвою. съ совершеннымъ почтеніемъ, и. я же о Христѣ Господѣ. любовію пребываю Вашего Высокопреосвященства, покорнѣйшій слуга Филаретъ Митрополитъ Московскій. Москва Іюня 24 д. 1845 г.» «Резолюція Высокопреосвященнѣйшаго Филарета Митрополита Кіевскаго послѣдовала на подлинномъ письмѣ таковая: «17-го Августа 1845 г. Пожертвованные Его Высокопреосвященствомъ, сребро-позлащенные сосуды, внеся въ опись, отдать въ Ближне-Пещерную Преподобнаго Антонія Церковь для всегдашняго употребленія при совершеніи Божественной Литургіи».

Геѳсиманія: ходилъ по всему пространству ея во всѣхъ направленіяхъ по разнымъ протоптаннымъ тропинкамъ, а иногда проходилъ и сквозь глухо заросшій лѣсъ, особливо въ смежности съ трясиннымъ, версты на двѣ простирающимся, болотомъ;—но взоръ и вниманіе мои каждый разъ привлекались къ одному пункту, носящему съизстари названіе—*Корбуха*. И вотъ, въ послѣднемъ изъ писемъ своихъ нашему высокопр. Владыкѣ, я осмѣлился доложить ему, что находилъ бы болѣе всего удобнымъ и приличнымъ положить основаніе скиту на *Корбухѣ*. Но чтожъ? Владыка замѣтно даже оскорбился такимъ моимъ докладомъ о выборѣ мѣста для скита. Нашелъ мѣсто... писалъ онъ въ отвѣтъ на мое письмо;—тамъ, гдѣ бывали прежде гульбища и игрища съ пѣснями, плясками, хороводами.—ты вздумалъ устроять скитъ... Дѣйствительно, близко этого мѣста во время бывшихъ Высочайшихъ посѣщеній Лавры Императрицами—Елизаветою Петровною и Анною Іоанновною давались, бывало, народныя празднества. Зная это, я тѣмъ не менѣе смущался и скорбѣлъ отъ такого укорительнаго отказа,—тѣмъ болѣе, что иного мѣста не предвидѣлъ, а главное этимъ отказомъ задерживалось мое непремѣнное желаніе приступить къ дѣлу съ наступавшимъ лѣтомъ,—и, признаюсь, не зналъ, на что рѣшиться; приходилъ даже къ мысли, что, видно, Богу не угодно, чтобы осуществилось наше предположеніе объ устройствѣ скита, когда является такая несходственность въ самомъ избраніи мѣста; во всякомъ случаѣ я положилъ въ мысляхъ не напоминать уже болѣе нашему Владыкѣ объ этомъ предметѣ".

„Въ продолженіе всего моего, какъ и теперь, разсказа слушавшій меня высокопр. Митрополитъ не промолвилъ ни слова,—и мы пріѣхали въ Виѳанію. На обратномъ же пути, лишь поровнялись съ мѣстностію „Корбухи", онъ вдругъ обратился ко мнѣ: „нука покажи мѣсто, гдѣ ты думалъ бы устроить вашъ скитъ? Я приказалъ повернуть лошадей на тутъ же бывшую небольшую дорогу; но какъ проѣхать въ каретѣ до самаго мѣста не было возможности,—то мы тотчасъ же вышли

изъ кареты.—и пошли пѣшкомъ. Идучи къ мѣсту, я не могъ не замѣтить, что Владыка вовсе не имѣлъ нужды въ указаніи пути; каждый поворотъ онъ зналъ напередъ едва ли не лучше меня. Когда же мы подошли къ самому предъизбранному мною пункту,—онъ, остановившись, спросилъ: ну, гдѣ же именно хотѣлъ бы ты, отецъ, устроить скитъ и, главное, поставить церковь?—Я отвѣчалъ: „да вотъ, Владыка святый, на этомъ-то самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь остановились".—Осмотрѣвшись кругомъ съ глубокимъ въ лицѣ и душѣ вниманіемъ онъ продолжалъ: „такъ дѣло-то, говорилъ ты, остановилось теперь у васъ за тѣмъ, что Владыка—митрополитъ вашъ, не соглашается на выборъ этого мѣста?" Да! отвѣчалъ я съ душевною грустію. А вотъ, если бы я былъ у васъ владыкою—то, знаешь ли, что я сдѣлалъ бы? Я указомъ предписалъ бы тебѣ, отецъ намѣстникъ, а не то и силою заставилъ бы тебя строить храмъ и устроять весь скитъ именно здѣсь, гдѣ мы теперь стоимъ".—Я устремилъ все свое вниманіе въ лице и слова говорившаго. Онъ же, не выдержавъ, какъ видно, невольнаго, исполненнаго самыхъ духовныхъ чувствъ, вздоха,—продолжалъ: Да ты говорилъ, что ты избралъ вотъ это мѣсто,—а я тебѣ скажу, отецъ, что не ты избралъ его, а оно было избрано прежде тебя и меня,—а тебѣ теперь лишь указано... Говорю тебѣ, пиши твоему Владыкѣ митрополиту еще и еще о настоящемъ мѣстѣ для скита: здѣсь, именно здѣсь, должно быть скиту, а нигдѣ въ иномъ мѣстѣ. Пусть Владыка и погнѣвается на тебя.—а ты все-таки стой на твоемъ, и помянешь послѣ, что будетъ по твоему, или иначе по Божьему указанію тебѣ. Я открою тебѣ, въ чемъ дѣло".

„Когда ты велъ меня къ этому мѣсту, я уже напередъ его зналъ, и безъ тебя пришелъ бы прямо къ этому пункту. Вѣдь я здѣсь бывалъ побольше твоего. Да я ли грѣшный только?... Нѣтъ, и до меня и при мнѣ, было довольно здѣсь лицъ, по тропинкамъ коихъ мнѣ—грѣшному приводилось ходить лишь во слѣдъ ихъ... Вотъ какъ бывало это: Когда я былъ опредѣленъ въ здѣшнюю Академію сначала Инспекторомъ, а съ тѣмъ вмѣ-

стѣ и профессоромъ богословскихъ наукъ, —то признаюсь, мнѣ слишкомъ было трудно проходить эту службу,— особенно же преподавать лекціи академическія. Въ Академіи я не былъ, да и вообще кончилъ курсъ лишь семинарскій, и къ тому же по старинному образованію; сослуживцы же мои почти всѣ, не только профессоры, но и баккалавры, были образованія новаго—академисты. Готовыхъ лекцій не было, а только лишь конспекты. Потребно было труда и труда, а не меньше того и разныхъ свѣдѣній по своей наукѣ. Такъ вотъ, бывало, всячески дома-то хлопочешь, кропочешь, чтобы приготовить ту, или иную лекцію,—а тутъ еще отрываютъ отъ занятій по разнымъ служебнымъ обязанностямъ,—или самъ развлекаешься чѣмъ нибудь, а потому и мысли какъ-то не клеятся въ головѣ и не ложатся на бумагу, и все дѣло, просто на просто, изъ рукъ валится...—Правда стараешься, бывало, заниматься, большею частію, по ночамъ, которыя нерѣдко приводилось просиживать на пролетъ; но все какъ-то дѣло мало зрѣло и спѣло: вѣрно отъ того, что среди подобныхъ ночей не успѣешь, бывало, исполнить, какъ должно, правила монашескаго,—да и у утрени и ранней обѣдни за усталостію не побываешь.— Что было дѣлать? Вотъ я и сталъ уходить изъ академіи, подъ предлогомъ прогулки въ Виѳанію, (сада-то тогда никакого еще не было при академіи [1]), въ свободное отъ служебныхъ занятій время [2]). Возьму съ собою св. библію, и другія нужныя книги, бумагу, чернильницу съ перомъ, или карандашъ, приду сюда, усядусь гдѣ либо подъ кустомъ, чтобы никто не видѣлъ да и

---

[1]) Теперешній академическій садъ, пишетъ въ своихъ «воспоминаніяхъ юности графъ М. Толстой, насажденъ студентами VII курса, при чемъ и я работалъ вмѣстѣ съ ними». См. Душеполезн. чтен. Іюнь 1866 г. Отд. II, стр 48.

[2]) Высокопреосв. Филаретъ разсказывалъ, что, въ бытность въ Московской Академіи, онъ часто хаживалъ на пруды Виѳанскіе, и тамъ тайкомъ удилъ рыбу, въ чемъ, однако же, смиренно признавался бывшему тогда Архіепископу Августину. Смотр. въ запискахъ его.

давай размышлять и писать. А чтобы дѣло шло успѣшнѣе и съ истинною пользою, съ самаго начала, и въ частые промежутки, особливо когда мысли не такъ-то свободно идутъ, встанешь и тепло—тепло помолишься Господу, и Угодника Божія св. преподобнаго Сергія призовешь въ помощь, воспоминая, какъ и ему являлся въ лѣсу благодатный старецъ и открылъ въ немъ способности къ ученію и открылъ разумъ къ вѣдѣнію,—и какъ впослѣдствіи *водворился онъ въ пустыни, чая Бога спасающаго*, и тамъ на маковцѣ, устроивъ храмъ и обитель во имя св. Троицы, самъ содѣлался вселеніемъ Ея, и вотъ насъ недостойныхъ, *ученыхъ невѣждъ*, не отринулъ принять подъ кровъ своей обители... Ну словомъ,—много—много, бывало, поразмыслишь и перечувствуешь въ молитвенномъ своемъ состояніи, твердя однако одно, какъ напечатано въ старинныхъ нашихъ азбукахъ: *Боже въ помощь мою вонми и вразуми мя во ученіе сіе!* Такимъ образомъ, то помолишься, то поразмыслишь о своемъ предметѣ по наукѣ,—и глядишь, слава Богу, приготовишь и довольно таки своихъ лекцій. И замѣчательно, что когда станешь, бывало, преподавать устно съ каѳедры обдуманныя и записанныя здѣсь мысли, то чувствуешь самъ, что онѣ такъ и просятся изъ души и съ языка, и студенты тоже особенно внимательно слушаютъ и принимаютъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ, искренностію и даже съ благоговѣніемъ“.

„Послѣ минутнаго молчанія высокопреосв. Митрополитъ продолжалъ: Это я говорю тебѣ о себѣ; а что дѣлали здѣсь другіе сюда приходившіе?.. Конечно они дѣлали дѣланіе далеко не такое, какъ я грѣшный. Вѣрно, всѣ эти тропинки орошены, да и кусты-то окроплены были ихъ покаянными воздыханіями и слезами, и, вѣрно, по всей этой Корбухѣ всюду насѣяны ими сѣмена богомыслія, подобно тому, какъ тамъ *на маковцѣ*, гдѣ тоже сначала была чаща и пустынь, а затѣмъ процвѣла обитель яко кринъ, и въ ней возрасли толико благодатные и живоносные плоды для всѣхъ, приходящихъ въ нее съ вѣрою... Такъ-то, отецъ, не съ проста привлекало и тебя къ себѣ это мѣсто. Здѣсь, какъ я сказалъ,

благочестивые старцы и мужи-подвижники засѣяли въ обиліи сѣмена богомыслія и святости,—а ты призываешься теперь создать здѣсь житницу, чтобы эти сѣмена, какъ плодоносныя, были собраны во едино и послужили въ спасительное питаніе многимъ... Ибо что есть храмъ, который ты намѣреваешься, прежде всего, устроить здѣсь,—какъ не житница, въ которую сносятся и слагаются, какъ добрыя сѣмена, благія и чистыя мысли и чувствованія всѣхъ истинныхъ чадъ Вѣры и Церкви Христовой?!. Но довольно,—ты самъ все это разумѣешь, быть можетъ, больше моего. Я скажу тебѣ только еще разъ: пиши къ вашему Владыкѣ, и настаивай неослабно и безъ боязни гнѣва его, чтобы благословилъ избрать для скита это, а не другое мѣсто,—на коемъ и да будетъ благословеніе Божіе за молитвами того, Кто самъ нѣкогда, въ лѣсу темномъ и глухомъ, избравши мѣсто *на Маковцѣ*, молилъ Пресвятую Троицу,—да будетъ на мѣстѣ семъ храмъ во имя Ея, и теперь,—(будемъ съ благоговѣніемъ и дерзновеніемъ вѣрить и уповать),—онъ же указуетъ и сіе мѣсто къ устроенію на немъ новаго храма и обители, какъ отсадковъ отъ его духовно-благодатнаго разсадника.—Сказавъ это, высокопреосв. Митрополитъ осѣнилъ мѣсто на всѣ четыре стороны своимъ святительскимъ благословеніемъ, и я, принявъ таковое же отъ него, тотчасъ же заломилъ три вѣтви на деревѣ, стоявшемъ тамъ, гдѣ быть должно будущему храму—и гдѣ дѣйствительно онъ и стоитъ теперь, равно какъ и весь скитъ расположенъ на мѣстности, именуемой „*Корбуха*“.

„Проводивъ высокаго гостя, я, (продолжалъ разсказъ свой духовно-назидательный мой собесѣдникъ), немедленно отписалъ къ нашему высокопреосв. Владыкѣ, дозволивъ себѣ снова доложить ему касательно предъизбраннаго мѣста для скита. Отвѣта не послѣдовало. Чрезъ нѣкоторое время, я еще повторилъ тоже,—и получилъ въ отвѣтъ: оставить это дѣло до моего личнаго прибытія въ Лавру“. Но какъ это прибытіе, какъ я сказалъ уже прежде, не могло быть раньше конца Сентября,—то, значитъ, мои желанія и надежды начать ра-

боты тогдашнимъ лѣтомъ были тщетны. Наконецъ когда Владыка прибылъ въ Лавру, то угодно было Господу и здѣсь испытать мое грѣшное и слабое терпѣніе. За нѣсколько дней до прибытія и во все время пребыванія Владыки въ Лаврѣ стояла столь дурная—дождливая, холодная, вѣтряная погода, какой и вообразить трудно. Когда я однажды рѣшился было напомнить Владыкѣ, не угодно-ли будетъ ему лично побывать на Корбухѣ,—онъ сказалъ: „что это?.. На явную болѣзнь или смерть ты хочешь тащить меня туда въ такую погоду“?! Черезъ день послѣ праздника Препод. Сергія,—именно 27-го числа. Владыкою былъ предназначенъ выѣздъ въ Москву; а погода нисколько не измѣнялась. Ну, думаю,—пропайте всѣ мои надежды и предположенія!.. Но вдругъ, за долго еще до полдня 27-го числа, поднялся страшнѣйшій вѣтеръ, тучи и облака начали разсѣеваться и, чрезъ какіе-нибудь два часа, выглянуло солнце и такое яркое и жгучее, что день превратился въ чисто майскій. Часа въ два дня Владыка, совершенно не ожиданно для меня, потребовалъ меня къ себѣ,—и говоритъ: „ну, чтожъ? Ты не давалъ мнѣ ни отдыха, ни срока съ своимъ выборомъ мѣста для скита на Корбухѣ. Вотъ погода провѣтрилась; отправимся, пожалуй, посмотримъ вмѣстѣ. Лошади были немедленно поданы, и когда мы выѣхали за Посадъ,—то погода стояла истинно очаровательная; вся природа какъ-бы упоевалась ею. Когда мы проѣхали уже въ лѣсъ въ каретѣ, а затѣмъ пошли пѣшкомъ, хотя было подъ ногами и очень мокровато, а по мѣстамъ почти топко, какъ на болотѣ,—откуда взялись разныя птички, которыя кружились надъ головами нашими и оглашали воздухъ пѣніемъ на всѣ голоса,—словомъ въ лѣсу стало такъ прекрасно, усладительно, что и весною рѣдко можно чувствовать такое состояніе, въ какомъ мы находились. Самъ Владыка какъ бы не вѣрилъ себѣ, смотря на все окружающее насъ въ природѣ, какъ бы привѣтствующее какимъ-то нарочитымъ торжествомъ. Такимъ образомъ мнѣ не нужно было ни описывать мѣстности, ни выхвалять ея красотъ и проч. предъ Владыкою, въ лицѣ котораго явственны были совершенное

довольство Корбухою и одобреніе этого мѣста для устройства скита. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ минутъ нашего пребыванія, Владыка спросилъ только: гдѣ основать самый храмъ? а затѣмъ самъ же указалъ на тоже дерево, которое было мною намѣчено, и на которомъ я снова, за его благословеніемъ, надломилъ три большія вѣтви".

„Пройдясь еще нѣсколько и осмотрѣвъ мѣстность въ какомъ-то раздумьѣ, Владыка вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „однако скажи мнѣ, о. Намѣстникъ, отъ чего ты такъ неотступно настаивалъ въ твоихъ, особенно послѣднихъ, письмахъ касательно избранія этого именно мѣста для скита? Когда я, нисколько не обинуясь, отвѣтилъ ему, что настаивать такъ благословилъ меня высокопр. Филаретъ митрополитъ Кіевскій, осматривавшій и указавшій это мѣсто въ недавній проѣздъ его здѣсь",—Владыка сказалъ: „вотъ такъ бы и слѣдовало тебѣ написать мнѣ, тогда и разсуждать ни мнѣ, ни тебѣ не нужно было бы. Въ этомъ дѣлѣ онъ знатокъ, не то что мы съ тобой; „мы не годимся и въ ученики къ нему по этой наукѣ, по которой, какъ и *по имени его, тако было и житіе его*".

Послѣ всего этого разсказа о. Намѣстника меня заинтересовалъ вопросъ,—съ которымъ я и обратился къ нему: „Что за побужденіе было у высокопр. Владыки Московскаго Филарета къ желанію устроить Скитъ именно въ это время?! Онъ отвѣчалъ: „сказать откровенно, это въ своемъ родѣ былъ секретъ, а какой вы это узнаете, думаю я, и изъ свѣдѣній о Владыкѣ Кіевскомъ, когда успѣете собрать ихъ въ полнотѣ. Вѣдь, они оба тогда, какъ говорится, скатились *съ горки на однѣхъ салазочкахъ*, хотя ихъ выпроводили-то, изъ Св. Сунода на-всегда въ свои Митрополіи, не въ одно время. Владыка-то Кіевскій возвращался, какъ я разсказывалъ вамъ, въ началѣ Мая, а нашъ прибылъ позднѣе. И замѣчательно, какъ теперь помню, первый-то Кіевскій былъ преспокоенъ и даже какъ бы радешенекъ,—а нашъ-то не тово.... Вообще въ ихъ характерѣ, сказать нужно, была большая разница во многомъ, именно въ случаѣ

какихъ-либо непредвидѣнныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Нашъ то Владыка, по просту сказать, былъ трусоватъ, или больно щекотливъ, и мнителенъ за себя и за все свое... Кіевскій же Владыка наоборотъ: и онъ бывалъ для нашего поддержкой въ подобныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ—еще съ давнихъ поръ. Вамъ придется это узнать изъ матеріаловъ,—особливо напр. изъ письма Кіевскаго Владыки къ нашему, когда онъ (Кіевскій Митр.) былъ еще архіереемъ Калужскимъ, а нашъ только еще Архіепископомъ Московскимъ. Тогда тоже успѣли было сильно подставить нашему Владыкѣ ногу,.. особливо по дѣлу объ его Катихизисѣ... Мнѣ сказывали люди знающіе, что нашъ-то чуть было и тогда уже не готовъ былъ подумать о Геѳсиманіи, т. е. объ устройствѣ Скита съ выходомъ совсѣмъ въ отставку, или даже будто хотѣлъ себя на столько смирить, что желалъ бы быть гробовымъ при Св. Мощахъ Св. Угодника нашего Сергія [1]), или въ Чудовѣ при Св. Мощахъ Святителя Митрополита Алексія... Покрайней мѣрѣ есть даже и у меня, добытое въ копіи по секрету, одно писаніе подъ названіемъ: „Молитва заключеннаго въ темницѣ“, которую будто бы составилъ нашъ Владыка именно въ тогдашнюю пору, когда писано было ему успокоительное письмо отъ Калужскаго Филарета.—Потому-то, мнѣ кажется, нашъ Владыка и промолвилъ мнѣ, по случаю выбора мѣста для Скита на Корбухѣ, предуказаннаго Филаретомъ Кіевскимъ, „что мы-де не годимся къ нему и въ ученики“, разумѣется, по высотѣ и твердости его духа и характера... „Впрочемъ, это я говорю вамъ такъ, какъ самъ разумѣю, а другіе, можетъ статься, другое объ этомъ разумѣютъ; если что вамъ будетъ извѣстно современемъ, то вы, конечно, сообразите сами.—Теперь при жизни нашего Владыки, конечно, многое

[1]) Въ запискахъ Н. В. Сушкова (изд 1868 г. стр. 38) говорится: у юнаго монаха (Филарета Дроздова) было, какъ говорятъ, любимою мечтою удостоиться, по времени, встать «гробовымъ у раки св. Преподобнаго Сергія».

и многое остается сокровеннымъ, хотя я и знаю, что уже многое и записано и, само собою, не замедлитъ появиться въ изданіи немедленно же по его кончинѣ [1]). „Вѣдь вотъ и о Владыкѣ-то Филаретѣ Кіевскомъ, только уже по блаженной его кончинѣ, сдѣлалось извѣстнымъ то, что столько лѣтъ былъ онъ уже *схимникомъ*—потаеннымъ“... При этихъ словахъ у меня вырвалось то, что, сказать правду, было съиздавна въ мысляхъ: „Что же? можетъ статься, и по кончинѣ Вашего Владыки—Митрополита мы увѣдаемъ тоже“... О. Намѣстникъ полуулыбнувшись сказалъ: „вотъ вы какъ забывчивы, честный отче: я вѣдь вамъ уже говорилъ и повторялъ слова нашего Владыки,—что мы-де не годимся и въ ученики къ тому Владыкѣ... И я первый о себѣ присовокуплю, что, увы! я грѣшный не дерзаю и помышлять, чтобы былъ я подобенъ о. Іеросхимонаху Парѳенію, бывшему духовному отцу своего Владыки—Митрополита Кіевскаго [2]), который, какъ извѣстно, самъ первый воспріялъ схиму отъ святительской руки его, а потомъ возложилъ и на него свою руку съ облеченіемъ его въ схиму.—Нѣтъ и нѣтъ! Скажу вамъ больше: вотъ и на счетъ даже мѣста погребенія для нашего Владыки сколько уже вышло измѣненій!.. Сперва предуготовлялось мѣсто въ самой главной деревянной скитской церкви,—затѣмъ въ церкви, что въ скитскомъ корпусѣ, а теперь уже и это оставлено... Мѣсто для погребенія предназначено, кажется, окончательно—въ самой же Лаврѣ, а вовсе не въ Скиту. Какіе же мы *схимники*, когда не умѣемъ быть и *скитниками*!—Но простите, если я больно уже заговорился и, можетъ статься, даже и чрезъ мѣру“... Не говоря о знаменательности изложеннаго разсказа по

---

[1]) О. Намѣстникъ, очевидно, разумѣлъ здѣсь Автора—Н. В. Сушкова, который за нѣсколько лѣтъ до кончины высокопр. Филарета Московскаго началъ составлять «записки о жизни и времени его» и издалъ ихъ немедленно по кончинѣ его—въ самомъ началѣ 1868 г.

[2]) О Намѣстникъ А. Антоній былъ тоже духовникомъ своего Владыки Митрополита Московскаго Филарета.

отношенію собственно къ избранію мѣста для скита Геѳсиманскаго. содержаніе и значеніе его весьма знаменательны въ приложеніи къ нашему повѣствованію. Прежде всего изъ этого разсказа ясно. что самъ Филаретъ Кіевскій былъ дѣйствительно избранникомъ и призванникомъ. чтобы воспринять и оправдать въ лицѣ своемъ то. въ чемъ какъ сказано въ истор. запискѣ для всѣхъ. водворившихся въ обители. любителей духовной науки открывался благодатно-духовный даръ. имѣвшій несомнѣнно благотворное вліяніе на достойныхъ его. Далѣе же, что касается того какъ и въ чемъ могло проявляться и распространяться чрезъ посредство такого начальника-духовно-подвижника соотвѣтственное вліяніе на воспитанниковъ и даже на другихъ. объ этомъ даютъ разумѣть слѣдующія данныя.

Самъ въ Бозѣ почившій не упомянулъ ни объ одномъ изъ тѣхъ лицъ. авторитетомъ которыхъ свидѣтельствовался онъ въ отношеніи духовно-знаменательнаго значенія мѣстности на Корбухѣ. Сообщившій же намъ свой разсказъ. о. Архимандритъ—Намѣстникъ хотя и припоминалъ нѣкоторыхъ, но тутъ же самъ сослался на воспоминанія Графа М. Толстаго, только-что предъ этимъ временемъ напечатанныя. и нами затѣмъ тогда же прочитанныя [1]). „И по возрасту и по занятіямъ моимъ, я имѣлъ болѣе сообщества съ студентами Академіи. нежели съ монахами Лавры,—пишетъ Графъ. Но и между лаврскими старцами случилось мнѣ узнать нѣсколькихъ истинно-духовныхъ, благочестивыхъ подвижниковъ“. Затѣмъ Графъ перечисляетъ поименно шесть таковыхъ лицъ [2]) съ ихъ характеристикою и отчасти съ указани-

---

[1]) Смотр. Душеполезное Чтеніе 1866 г. Іюнь Отд. II стран. 48—53.

[2]) Вотъ эти лица: I, Намѣстникъ Лавры *о. архимандритъ Аванасій*, опредѣленный на эту должность около 1819 г.—а прежде извѣстный—послушливый и смиренный іеромонахъ, духъ смиренія въ которомъ столь былъ высокъ и глубокъ, что, когда упрекали его какъ Намѣстника, въ излишней снисходительности,—онъ говорилъ только. „куда мнѣ исправлять другихъ! самъ я окаянный грѣш-

емъ на отношенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ лицамъ академическимъ и, наконецъ, съ засвидѣтельствованіемъ о благодатно-чудодѣйственныхъ дарованіяхъ двухъ изъ нихъ,—именовавшихся собственно-*Гевсиманскими схимниками*, что на *Корбухѣ*.

Судя по времени, къ которому относятся воспоминанія Графа М. Толстаго, почти всѣ поименованныя ли-

---

пикъ». II, *Духовникъ* Лаврской братіи соборный іеромонахъ *Іона* изъ вдовыхъ протоіереевъ и настоятелей Моск. университетской церкви, наложившій, между прочимъ, на себя обѣтъ молчанія и исполнившій его въ теченіе шести лѣтъ. III, *Монахъ Игнатій* изъ монастырскихъ штатныхъ служителей, строгій постникъ и подвижникъ, и составитель, при всей своей малограмотности, многихъ длинныхъ, какъ сказано въ подлинникѣ, *хартій* о духовныхъ предметахъ, даривший эту свою работу академистамъ и преимущественно Ѳ. А. Голубинскому,—которою этотъ христіанскій философъ весьма дорожилъ. IV, *Монахъ Леонтій* съ св. Аѳонской горы, пришествіе котораго въ Лавру было, буквально пророчественно, предуказано митрополитомъ Платономъ, по особенному ему откровенію. Онъ былъ назначенъ на служеніе при часовнѣ Божіей Матери, которое и несъ до самой кончины, оставшись навсегда, по глубокому своему смиренію, простымъ монахомъ V и VI. Монахъ *Харлампій*, въ старости принявшій схиму съ именемъ *Харитона*,—и схимникъ *Матѳій*. Оба они были старцы благоговѣйные и строгіе постники. По кончинѣ ихъ вскорѣ открылось и засвидѣтельствовано событіе ясно указующее, какіе благодатно духовные дары стяжали они еще въ дни своей смиренно-подвижнической жизни. Событіе это слѣдующее: «одна дѣвица пожелала поступить въ монастырь, но Игуменья ни какъ не согласилась принять ее безъ надлежащаго взноса денегъ, которыхъ просительница не имѣла. Когда однажды, среди тяжкаго горя, дѣвица уснула въ кельѣ одной изъ монахинь, то увидѣла во снѣ, что два схимника молятся о ней предъ иконою Божіей Матери. Чрезъ эту икону Матерь Божія отвѣтила имъ, что исполняетъ прошеніе ихъ. Икона скрылась, а схимники обратились къ дѣвицѣ и сказали: «завтра иди къ игуменіи и будешь принята» Дѣвица во снѣ бросилась къ ногамъ старцевъ и спросила: «батюшки, какъ же мнѣ васъ назвать и откуда вы? Старцы отвѣтили: «*мы изъ скита Гевсиманскаго*, схимонахи—Харитонъ и Матѳій. На другой день, когда дѣвица явилась къ Игуменіи и пала къ ногамъ ея, то Игуменія, поднимая ее, сказала: «приходи, приходи; приму и ничего не надо: видишь за тебя возстаютъ схимники *Гевсиманскаго скита*». (Смотр. Душепол. Чтеніе 1866 года стран. 53 и монастырскія письма Изд. 2-е стр. 39—41).

ца были современниками въ Бозѣ почившаго Митр. Филарета Кіевскаго, въ бытность его въ Академіи. Нельзя допустить, чтобы Ректоръ Филаретъ не зналъ ихъ, а зная не имѣлъ съ ними общенія, когда, какъ увидимъ впослѣдствіи, бывши уже Епископомъ и Митрополитомъ, онъ всегда питалъ особенную любовь и преданность, по-преимуществу, къ простымъ смиреннымъ старцамъ-инокамъ. Поэтому, когда вспоминалъ онъ, въ бесѣдѣ своей съ о. Намѣстникомъ о Корбухѣ, о какихъ-то приходившихъ туда лицахъ,—то, несомнѣнно, подъ сими послѣдними разумѣлъ указанныхъ, хотя онъ и не называлъ ихъ именъ. Такъ же точно, хотя онъ, по чувству смиренія, говорилъ прикровенно, что ему приходилось ходить по протоптаннымъ ими тропинкамъ,—но, вѣроятнѣе всего, онъ сходился здѣсь съ ними. Такимъ образомъ здѣсь была особая, въ полномъ смыслѣ, *духовная* академія гдѣ, въ минуты прерываемаго богомыслія, встрѣчавшіеся другъ съ другомъ старцы, хотя произносили, можетъ быть, лишь по нѣскольку словъ между собою, за-то эти слова были изъ рода тѣхъ, о коихъ свидѣтельствуетъ св. Апостолъ: *хощу пять словесъ умомъ моимъ глаголати, да ины пользую, нежели тьмы словесъ языкомъ*. (1. Кор. XIV, 19).

Такіе духовные подвиги, хотя и втайнѣ совершавшіеся Ректоромъ Филаретомъ, но не остававшіеся совершенно невѣдомыми,—понятно, какъ высоко должны были ставить его въ глазахъ и воспитанниковъ и сослуживцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ неотразимо сильно и глубоко дѣйствовали на ихъ собственное поведеніе. Почти излишне спрашивать,—извѣстны ли были воспитанникамъ и сослуживцамъ Ректора Филарета самыя его посѣщенія Корбухи, а равно, болѣе или менѣе, близкія отношенія и духовно-дружественныя связи съ старцами-подвижниками. Нужно знать, что мѣстность Корбухи была извѣстна, съиздавна еще, и начальникамъ и воспитанникамъ прежде бывшей Троицкой Платоновской Семинаріи, и окрестности ея, вмѣстѣ съ Виѳанскими, служили лучшимъ мѣстомъ для прогулокъ наставническихъ и воспи-

танническихъ [1]). Преемственно за воспитанниками Семинаріи и академисты, съизначала до днесь, отправляются для прогулокъ преимущественно въ описываемыя мѣста. Судя по этому одному, хожденія Ректора Филарета, а также и прочихъ старцевъ-иноковъ, и взаимныя ихъ личныя отношенія, такъ или иначе, не могли укрыться отъ взора и наблюденія воспитанниковъ. У воспитанниковъ, въ подобныхъ случаяхъ, бываетъ особенная чуткость къ поступкамъ начальниковъ и наставниковъ. Горе и зло, если эта чуткость встрѣтится съ какими либо впечатлѣніями, или даже догадками не въ пользу поставленныхъ надъ ними.—и за то наоборотъ, когда таже чуткость и наблюденія откроютъ потаенныя стороны внутренняго духовно-назидательнаго свойства, то дѣйствія и послѣдствія отъ этого бываютъ такія, какихъ не могутъ возбудить и внѣдрить самыя образ-

[1]) Такъ напр. въ краткомъ жизнеописаніи преосв. Кирилла, впослѣдствіи Архіеп. Каменецъ-Подольскаго, но Академіи же Московской бывшаго непосредственнымъ преемникомъ ректора Филарета,—пишется слѣдующее: „Съ юныхъ лѣтъ монхъ, (преосв. Кириллъ былъ изъ воспитанниковъ Троицкой семинаріи, и къ тому же изъ числа такъ называвшихся Платонниковъ), Виѳанія была предметомъ услажденія. Во дни митроп. Платона мало еще населена была пустыня Виѳанская, но слыла, вмѣстѣ съ Корбухой, вмѣстилищемъ красотъ природы и наслажденій (deliciarum)". Смотр. полное собраніе словъ и рѣчей Кирилла, архіеписк. Каменецъ-Подольскаго и Брацлавскаго (Часть I Москва 1854 г. стр. 11)—Въ частности привлекали къ мѣстностямъ Виѳанской и Корбуховской, находившіеся тамъ, пруды, обиловавшіе въ свое время рыбою. О Филаретѣ Митр. Московскомъ говорится въ запискахъ о его жизни,—что «онъ любилъ потѣшаться ловлею рыбы: смѣло съ рыбачьею сѣтью впереди своихъ товарищей на заводи, какъ говорится у рыбаковъ, носился юноша (Василій Дроздовъ) на Виѳанскихъ глубокихъ прудахъ (стран. 33). Высокопр. Филаретъ (Кіевскій), какъ уже было замѣчено, въ бытность въ Моск Академіи часто хаживалъ на пруды Виѳанскіе и тамъ *тайкомъ* удилъ рыбу Покойный Ярославскій Архіеп. Леонидъ, вспоминая о молодыхъ годахъ своей жизни, писалъ также, что онъ любилъ ѣздить верхомъ по мѣстностямъ Виѳаніи и Корбухи, тогда бывшей еще глухою лѣсистою чащею... (Смотр Воспоминаніе о высопр. Леонидѣ, составл. высокопр. Саввою архіепископ. Тверскимъ).

цовыя педагогическія наставленія и руководства, или даже открытая добродѣтельная жизнь. И вотъ, не здѣсь ли вѣрный ключъ къ уразумѣнію того, что Ректоръ Филаретъ, не вѣдомо даже для него самого, могъ являться проводникомъ духовно-нравственнаго вліянія на своихъ воспитанниковъ въ дѣлѣ призванія ихъ къ монашеству?! Не отсюда ли становятся понятными и тѣ отзывы воспитанниковъ, что они считали его не за человѣка а за ангела, и вообще видѣли въ немъ что-то особенное, даже необыкновенное и къ самымъ лекціямъ его чувствовали невольное благоговѣніе?!

То же самое должно сказать и касательно близкихъ духовно-дружественныхъ отношеній Ректора Филарета съ подвижниками-старцами. Послѣднее такъ же не могло быть скрыто отъ воспитанниковъ. Если воспоминатель своей юности Графъ М. Толстой, бывши въ числѣ вольнослушателей въ Академіи и бывши лицомъ свѣтскимъ, могъ знать вышепоименованныхъ благочестивыхъ старцевъ, то и студенты, особливо изъ чувствовавшихъ въ себѣ призваніе къ монашеству, могли ли не быть въ такихъ же точно отношеніяхъ къ этимъ старцамъ. Примѣръ въ лицѣ старца Игнатія, даровавшаго своими рукописными *хартіями* профес. Голубинскаго, вполнѣ подтверждаетъ истинность подобныхъ отношеній. И удивительно ли, что эти самые старцы, приходившимъ къ нимъ, юнымъ питомцамъ высшихъ наукъ, коль скоро замѣчали въ нихъ желаніе посвятить себя иноческому служенію, указывали какъ на первый живой примѣръ имъ—на ихъ начальника-воспитателя, и этимъ давали имъ разумѣть, что и высшее образованіе и высота служебнаго званія удобно совмѣщаются съ иноческими обѣтами и подвигами. На чемъ же могли самые старцы основывать свои отзывы о духовномъ подвижничествѣ Филарета, отвѣтъ на это съ одной стороны въ томъ, что подобныя состоянія *какъ духовныя*, по слову Апостола, *духовнѣ востязуются*, (т. е. уразумѣваются и опредѣляются); а съ другой стороны какъ степень подвижничества самыхъ старцевъ, хотя была вѣдома отчасти еще при ихъ жизни, но явственнѣе открылась по

кончинѣ ихъ въ такихъ благодатныхъ дѣйствіяхъ, какія видѣли мы въ лицѣ напр. старцевъ-схимниковъ Харитона и Матѳія, такъ точно и о въ Бозѣ почившемъ Филаретѣ умѣстно привести здѣсь, между прочимъ, слѣдующій фактъ, ясно свидѣтельствующій объ особенной благодати, на немъ почивавшей при жизни его.—Вотъ этотъ фактъ, относящійся, собственно по самому мѣсту событія, къ настоящему предмету повѣствованія [1]).

„Игуменія К. монастыря Каллиста, въ Октябрѣ 1864 года, разсказывала, что бывши въ *Хотьковѣ* [2]), слышала она въ Августѣ 1863 года отъ тамошней Игуменьи А.... что послѣдняя, давно еще за нѣсколько лѣтъ до игуменства, страдала ревматизмомъ и до такой степени, что нельзя было даже до нея дотронуться; поэтому она, уцѣпившись только за холстъ, и то кое-какъ лишь могла приподниматься, или поворачиваться на кровати на другую сторону. Въ одну ночь, во время особенно сильныхъ страданій, подходитъ къ ней какой-то Архіерей съ діакономъ и послушникомъ. Архіерей былъ въ ризахъ, а діаконъ въ стихарѣ. Подошедши къ страждущей, Архіерей приказалъ ей встать на ноги и очень строго. Когда же больная сказала, что пошевельнуться не можетъ отъ страшной боли, то Святитель взялъ ее за ногу и, приподнявъ, со всего размаха тряхнулъ ее и бросилъ такъ, что больная закричала въ безпамятствѣ; потомъ, постучавъ кулакомъ въ пятки, присовокупилъ: „не бойся! будешь здорова, да еще и начальствовать будешь“! Больная тотчасъ же почувствовала себя совершенно здоровою и, вставши на ноги, ходила по ком-

---

[1]) Фактъ этотъ изложенъ въ числѣ другихъ изъ жизни въ Бозѣ почившаго высокопр. Филарета, бывшимъ Еп. Самар. Герасимомъ и напечатанъ въ Самар. епар. вѣдом. 1871 г. № 18. Мнѣ—пишущему приводилось слышать объ этомъ еще ранѣе отъ О. Намѣстника Лавры А. Антонія—именно въ 1866 г.

[2]) Хотьковъ женскій монастырь въ 12-ти верстахъ отъ Сергіевой Лавры основанъ на мѣстѣ погребенія блаженныхъ родителей Св. Преп. Сергія - *Кирилла и Маріи*.

натѣ, славя Господа"... Долго, послѣ своего исцѣленія, Игуменія А. не знала и не могла знать,—кому она обязана была своимъ исцѣленіемъ,—о чемъ передавала и Намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры Архим. Антонію. Наконецъ, стоя однажды при мощахъ преп. Сергія, она въ лицѣ, проѣзжавшаго въ С.-Петербургъ, высокопреосв. Митр. Кіевскаго Филарета, узнала своего исцѣлителя, при коемъ тѣ же были самые и діаконъ и послушникъ и въ тѣхъ же облаченіяхъ какъ самъ онъ, такъ и діаконъ. Обливаясь слезами отъ этой, неожиданной и поразившей ее до глубины души, встрѣчи, она пробилась чрезъ тѣснившуюся около него толпу, чтобы получить его благословеніе и выразить свои чувства. Но прозорливецъ—Святитель Филаретъ, благословляя ее, сказалъ ей тихо, но со властію до двухъ разъ: „молчать прошу,—о чемъ знаешь".

Къ какому собственно времени относится фактъ этого чудодѣйствованія, не извѣстно; относительно же времени, въ которое исцѣленная Игуменія А. узнала своего изцѣлителя, оказывается, что это могло быть въ 1838—42 годахъ, въ теченіе которыхъ высокопр. Филаретъ ежегодно ѣздилъ изъ Кіева въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ. Отецъ Намѣстникъ А. Антоній тоже не указалъ намъ въ точности на время, за то присовокупилъ къ этому, что факты т. е. и изцѣленіе болящей и узнаніе ею своего исцѣлителя были извѣстны въ свое же время и высокопр. Филарету Московскому. Поэтому, говорилъ о. Намѣстникъ, нашъ-то Владыка, какъ мнѣ сдавалось, и на Корбухѣ выразился такъ о Кіевскомъ Владыкѣ, что *мы не годимся къ нему и въ ученики*, разумѣя святоподвижническую жизнь его и такія духовно-благодатныя дарованія. Вѣдь Владыка Кіевскій-то, несомнѣнно, и во время служенія своего здѣсь въ Академіи былъ наставникомъ не по наукамъ только, а по духу и вліянію своему былъ и явнымъ и тайнымъ руководителемъ для другихъ на пути къ истинному подвижничеству, разумѣется, и для самихъ академистовъ.—Отъ этого-то Владыка нашъ и всегда, бывало, радовался, когда получалъ представленія отъ Академи-

ческаго Начальства съ прошеніями студентовъ о постриженіи въ монашество и приговаривалъ иногда.—„каковъ-де былъ корень, таковы и произрастанія въ вѣтвяхъ“... Да вотъ и на моихъ уже глазахъ сколько перебывало здѣсь въ Академіи и Ректоровъ и Инспекторовъ и всѣ изъ здѣшнихъ, какъ говорится, доморощенныхъ; а сколько уже теперь вышло изъ нихъ достойнѣйшихъ святителей... На бывшемъ недавно (въ 1864 г.) Юбилеѣ Академіи особенно отрадно было выслушать въ исторической запискѣ самыя прямыя объ этомъ свидѣтельства. Недавно же я съ особеннымъ умиленіемъ прочелъ рѣчь, сказанную, при нареченіи въ епископы, извѣстнымъ ученымъ Докторомъ Богословія Іоанномъ, бывшимъ здѣшнимъ же воспитанникомъ, въ которой онъ такъ живо и, главное, въ такихъ чувствахъ и съ сердечнымъ расположеніемъ къ званію иноческому, какъ ведущему, ближе и прямѣе всего, къ служенію Святительскому ученыхъ-то лицъ монашествующихъ,—изобразилъ значеніе и самаго образованія академическаго въ этомъ отношеніи. Вы вѣрно читали это, что я теперь говорю“.

Указанная сейчасъ и столь мѣтко охарактеризованная нашимъ бывшимъ собесѣдникомъ А. Антоніемъ, рѣчь бывшаго преосв. Іоанна намъ была уже извѣстна. Эта рѣчь дѣйствительно такова по своему значенію, что и въ настоящій разъ мы не можемъ не обратиться къ ней, чтобы именно ея словами закончить все наше настоящее изложеніе о значеніи служенія Ректора Филарета въ Московской духовной Академіи по духу, силѣ и направленію всей его служебной дѣятельности и собственной его жизни въ дѣлѣ духовно-учебнаго и нравственно-воспитательнаго образованія.

Вотъ нѣсколько главныхъ строкъ изъ этой рѣчи. „Полвѣка протекло въ жизни нашихъ духовныхъ училищъ, со времени ихъ преобразованія; и въ настоящее время онѣ свѣтло празднуютъ свое *пятидесятилѣтіе* [1]).

[1]) Рѣчь была произнесена при нареченіи Іоанна въ епископа Ревельскаго—Викарія Спб. Митрополіи 15 Янв 1865 г., а Юбилей напр. Москов. Акад. былъ 1 Октября 1864 г.,—а С.-Петер-

Да, не достойна ли, въ самомъ дѣлѣ, памяти и торжества ихъ минувшая жизнь,—та жизнь всегда поучительная, когда свѣтъ Божественнаго Откровенія, нераздробляемый и непреломляемый во множествѣ пытливыхъ вопросовъ человѣческаго разума, всѣ наши познанія возводилъ къ единству вѣчной Истины,—когда нашъ духъ, строго богословствующій и здраво философствующій, былъ чуждъ не только всякаго вольномыслія міра, но и самаго міра, не считая его дѣла своими, когда, по этому, многіе и лучшіе изъ насъ, въ лучшіе годы жизни, съ любовію и радостію спѣшили приносить къ Олтарю торжественные обѣты жизни, всецѣло посвящаемой на служеніе Богу и Церкви,—когда предъ высокими авторитетами въ нашей наукѣ и Церкви древнихъ и новыхъ временъ, охотно смирялся молодой умъ, однакожъ не менѣе, а можетъ быть и еще болѣе умовъ нынѣшняго вѣка мыслящій, и юная воля, вовсе небезстрастная, не знала для себя другихъ началъ въ жизни, кромѣ свободной преданности своему званію и терпѣливой покорности волѣ начальственной: когда сильно чувствовались у насъ внѣшнія неудобства жизни, многія нужды и лишенія, но еще сильнѣе былъ навыкъ довольства малымъ, несокрушимаго труда и терпѣнія, и мысль,—что есть для человѣка въ жизни нѣчто высшее вещественныхъ нуждъ и лишеній. И вотъ, изъ *такой-то школы* выходилъ человѣкъ, *какъ подобаетъ служителю Евангелія, съ крестомъ въ душѣ*, готовый *на всякій крестъ въ жизни*".

Послѣ этихъ истинно глубокозамѣчательныхъ словъ духовнаго витіи, почерпнувшаго и вынесшаго для себя такія чистыя убѣжденія именно изъ Московской духовной Академіи, хотя и въ дальнѣйшей уже генераціи питомцевъ, излишне были бы какіе-либо еще комментаріи въ приложеніи собственно къ жизнеописуемому лицу Филарету, какъ началоположнику всего, изображеннаго въ приведенной рѣчи, состоянія высшихъ духовныхъ

бургской Академіи, въ которой былъ Ректоромъ преосв. Іоаннъ, еще ранѣе.

разсадниковъ просвѣщенія въ бывшемъ ихъ пятидесятилѣтнемъ періодѣ. Намъ остается лишь сказать, что этотъ же самый Филаретъ какъ былъ истиннымъ начальникомъ, педагогомъ-отцемъ на поприщѣ учебно-воспитательномъ, таковымъ же явилъ себя и на поприщѣ святительства, говоря словами рѣчи, „какъ подобаетъ истинному служителю Евангелія *съ крестомъ въ душѣ* и съ готовностью *на всякій крестъ въ жизни*". На святительское служеніе вступилъ въ Бозѣ почившій непосредственно съ должности Ректора Московской Академіи и совершилъ его въ теченіе цѣлой (безъ малаго) *четыредесятницы лѣтъ*, (1819—1857) и, завершивъ его *до послѣднихъ минутъ жизни* на первосвятительской Кіевской каѳедрѣ, не обинуясь засвидѣтельствовалъ самъ о себѣ въ буквальныхъ предсмертныхъ словахъ: „*жилъ на крестѣ и умеръ на крестѣ*" [1]).

Первымъ мѣстомъ святительскаго служенія въ Бозѣ почившаго была *паства Калужская*.

[1]) Смотр. Послѣдніе дни жизни. Кіевъ изд. 1858 г.

ОТДѢЛЪ VI.

(1819—1825 г.)

ГЛАВА XIV.

«На мѣсто преосвященнаго Антонія, бывшаго Епископа Калужскаго, Высочайше опредѣленъ Московской духовной Академіи Ректоръ Архимандритъ Филаретъ (Амфитеатровъ),—по благочестію своему, благости отеческой, кротости и смиренномудрію, благоразумію и дальновидности, по сердоболію и искреннему участію къ бѣднымъ и по всему вообще архипастырскому служенію—не забвенный для Калужской епархіи Святитель» [1].

Докладъ Св. Сунода о назначеніи Ректора и профессора Богословскихъ наукъ Московской духовной Академіи и Настоятеля Ставропигіальнаго Воскресенскаго. „Новый Іерусалимъ“ именуемаго, Монастыря, Архимандрита Филарета Епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ былъ Высочайше утвержденъ въ 6 число Апрѣля 1819 года, что приходилось тогда въ самый первый день Св. Пасхи [2]. Объ этомъ опредѣленіи данъ былъ указъ Св. Сунода тогдашнему Митрополиту Московскому Серафи-

[1]) Слова въ оффиціальной выпискѣ, составленной изъ дѣлъ архива Калужской Консисторіи и изъ другихъ документовъ.

[2]) Высочайшее назначеніе высокопр. Филарета Митрополитомъ Кіевскимъ въ 1837 г. было тоже *въ первый день св. Пасхи* 17-го Апрѣля.

му. отъ 21-го Апрѣля за № 2633-мъ [1]). Въ этомъ указѣ подробно прописано Митрополиту,—гдѣ и кому съ нимъ совершить нареченіе и хиротонисаніе Филарета въ епископы,—именно нареченіе въ Московской Сунодальной Конторѣ, а посвященіе—въ большомъ Успенскомъ Соборѣ. Священнодѣйствующими при нареченіи и хиротонисаніи были назначены—самъ Высокопреосвящ. Митрополитъ *Серафимъ* и, находившіеся тогда въ Москвѣ, преосвященные—Викарій Московскій *Лаврентій*, Епископъ Дмитровскій, Грузинскій Митрополитъ Іона, и Архіепископы *Пафнутій* и *Досиѳей* [2]). При указѣ приложены были два печатныхъ экземпляра „Чина присяги архіерейскія". На одномъ изъ нихъ предписано было подписаться по листамъ *вверху* всѣмъ Святителямъ, рукополагавшимъ Филарета во Епископы, а на другомъ подписаться по листамъ же, *по внизу*, самому Филарету. Самая эта подпись была прописана, во всей полнотѣ, на особомъ, приложенномъ къ Указу, листѣ и состояла въ слѣдующихъ словахъ: „Азъ, первокласснаго Ставропигіальнаго Монастыря Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, Архимандритъ Филаретъ, нынѣ нареченный Епископъ Калужскій и Боровскій сія, здѣсь на-

---

[1]) Замѣчательно, что все подлинное дѣлопроизводство о назначеніи, нареченіи и посвященіи высокопр Филарета въ епископы, начиная съ этого Указа, помѣченное рукою Митр. Москов. Серафима—такъ: «Получ. 1819 года Апрѣля 23 дня. Отослать въ Консисторію для надлежащаго по указу сему исполненія» и оканчивая самымъ экземпляромъ подлинной собственноручно подписанной Архимандр. Филаретомъ Архіерейской присяги, оказалось въ его бумагахъ, какъ его собственность, а не попала въ надлежащій архивъ Изъ этого-то подлиннаго дѣлопроизводства мы извлекаемъ настоящее изложеніе.

[2]) Въ біографіи высокопр. Антонія архіеп. Казанскаго вкрались у насъ ошибки въ томъ, что подъ именемъ архіепископа *Досиѳея* указано на *Досиѳея* Орловскаго, бывшаго недоброжелателя высокопр. Филарета, въ бытность его на службѣ въ Сѣвской Семинаріи. Въ настоящемъ мѣстѣ разумѣемый *архіеп Досиѳей* былъ изъ Грузиновъ архіепископъ Телавскій, проживавшій на покоѣ въ Москвѣ съ 1817 года.—*Орловскій же Досиѳей* въ этомъ же 1817 г. уволенъ былъ на покой и управлялъ Трубчевскимъ—Чемскимъ монастыремъ, гдѣ и скончался въ 1827 г.

писанная и подписанная моею рукою, пріемлю и вручаю предъ святымъ Евангеліемъ братіямъ моимъ, преосвященнымъ Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ и всему освященному собору въ градѣ Москвѣ въ большомъ Успенскомъ соборѣ, лѣта Господня 1819-го Іюня 1-го дня". Наконецъ въ этомъ же указѣ было предписано взыскать за эти два печатныхъ экз. „чина присяги архіерейскія" (по 9-ти полулистовъ въ каждомъ экз.) съ хиротонисованнаго 4 р. 50 к., ассигн., а на проѣздъ его въ епархію и домашнее тамъ обзаведеніе, сообразно существовавшему тогда обыкновенію, назначена къ выдачѣ тысяча рублей ассигн".

Изъ вышеприписанной подписи Филарета на подлинной присягѣ видно, что между временемъ Высочайшаго утвержденія доклада Сунода о бытіи ему Епископомъ и временемъ самаго посвященія прошло почти два мѣсяца. Причиною этому было то, что Митрополитъ Московскій Серафимъ, по званію Члена Св. Сунода, находился въ С.-пбургѣ. По поводу сего, (писано было въ указѣ Московской Сунодальной Конторы на имя Архимандрита Филарета) Господинъ Прокуроръ Сунодальной Конторы Дѣйств. Стат. Совѣтникъ и Кавалеръ Николай Евреиновъ словесно предложилъ: „помянутый Членъ Св. Сунода высокопр. Серафимъ Митроп. Московскій и Коломенскій и Кавалеръ предполагаетъ, (по возвращеніи изъ С.-пбурга) учинить нареченіе во Епископа 30-го Мая, а посвященіе 1-го Іюня. Приказали: „сего ради къ тому нареченію въ Контору Сунодальную по утру въ 8-мь часовъ въ мантіяхъ, а къ посвященію въ Успенскій Соборъ въ обѣденный благовѣстъ въ надлежащемъ облаченіи быть вамъ—архимандриту Филарету и всѣмъ, находящимся здѣсь въ Москвѣ, преосвященнымъ Архіереямъ (слѣдуетъ перечень всѣхъ ихъ) и ставропигіальныхъ и епаршескихъ Московскихъ монастырей Настоятелямъ и первѣйшихъ Соборовъ Московскихъ Протоіереямъ объявить о семъ же указомъ"... и вамъ—Архимандриту Филарету дать (и дастся) сей указъ и пр. [1]).

[1]) Указъ отъ 29 Мая за № 396-мъ.

Указъ этотъ полученъ Ректоромъ Филаретомъ, какъ помѣчено его собственною рукою, 29 Мая,—слѣдов. наканунѣ уже самаго нареченія. Въ продолженіи же предъидущаго двухмѣсячнаго почти времени, оказывается, Ректоръ Филаретъ оставался при службѣ въ Академіи, и тутъ-то, какъ мы видѣли уже, онъ занялся особенною отчетностію о состояніи Академіи и составилъ даже списокъ всѣхъ воспитанниковъ съ подробными о каждомъ изъ нихъ рекомендаціями, который былъ впослѣдствіи принятъ въ особое уваженіе всею Конференціею при выпускѣ втораго курса воспитанниковъ въ 1820 г., слѣдов. чрезъ годъ уже послѣ выбытія Филарета изъ Академіи.

Какъ происходило разставаніе и прощаніе Ректора Филарета съ Академіею и самый отъѣздъ его изъ Москвы, на это не имѣется свѣдѣній. Изъ дѣлопроизводства видно только, что Митрополитъ Московскій Серафимъ донесъ св. Суноду (отъ 4 Іюня № 2384) о совершенномъ хиротонисаніи Филарета съ препровожденіемъ, истребованныхъ отъ него за присяжные листы, денегъ 4 р. 50 коп. асс.; о выдачѣ же ему тысячи рублей асс. на его проѣздъ и домашнее на будущемъ мѣстѣ обзаведеніе не было ни слова.

По разсказу покойнаго высокопреосв. Антонія—Архіепископа Казанскаго, дѣло объ этихъ деньгахъ состояло въ томъ, что такъ какъ онѣ обыкновенно выдавались, (что значится и въ указѣ,) „изъ суммъ на духовный департаментъ ассигнуемыхъ“, и потому высылались изъ С.-Петербурга,—то преосв. Филаретъ не захотѣлъ тратить время на выжиданіе высылки денегъ тѣмъ болѣе, что ему не безъизвѣстны были свѣдѣнія о Калужской епархіи, требовавшей по ея состоянію, особенной дѣятельности.—А такъ какъ у него самого денегъ на лицо не было нисколько, то онъ и воспользовался тѣмъ случаемъ, о которомъ было сказано прежде, т. е. выпросилъ взаймы 200 руб. ассигн. у студента—своего родственника по Уфѣ, и на эти деньги отправился немедленно въ путь—въ Калугу.

Обращаемся къ самому служенію преосв. Филарета на Калужской паствѣ.

Въ краткой выпискѣ, составленной [1]) изъ дѣлъ архива Калужской Консисторіи и изъ другихъ документовъ и разныхъ свѣдѣній о жизни въ Бозѣ почившаго высокопреосв. Митрополита Филарета, за время его святительства въ Калугѣ, читаемъ слѣдующія самыя начальныя строки.

„На мѣсто преосв. Антонія, бывшаго епископа Калужскаго, по Высочайше конфирмованному докаду св. Сунода, 6-го Апрѣля 1819 г., опредѣленъ Ставропигіальнаго Воскресенскаго Монастыря Настоятель, Московской духовной Академіи Ректоръ и богословскихъ наукъ профессоръ, Архимандритъ Филаретъ (Амфитеатровъ),— „по благочестію своему, благости отеческой, кротости и смиренномудрію, благоразумію и дальновидности, по сердолюбію и искреннему участію къ бѣднымъ и по всему вообще архипастырскому служенію—незабвенный для Калужской епархіи Святитель“.

Всѣ эти исчисленныя свойства и черты, которыми такъ охарактеризовано святительское служеніе въ Бозѣ почившаго въ Калужской паствѣ, не взяты, какъ говорится, изъ общихъ мѣстъ и выражены не въ смыслѣ только панегирическомъ. Составитель выписки руководился непроизвольнымъ желаніемъ и соображеніемъ, а оффиціальными, или общезасвидѣтельствованными данными, въ которыхъ, какъ увидимъ, каждое свойство и черта выражались и оправдывались дѣйствительными фактами. Съ другой стороны довольно отнестись только со всѣмъ безпристрастіемъ ко всему предшествовавшему поприщу, и образу жизни, и служебной дѣятельности Филарета, чтобы отбросить всякія мысли противъ правды и истины относительно святительскихъ свойствъ и дѣяній.

---

[1]) Составить эту выписку и доставить просилъ покойный преосвящ. Антоній архіеп. Казанскій, какъ необходимый матеріалъ для біографіи высокопр. Филарета, въ первыхъ же годахъ по кончинѣ послѣдняго.

которыя въ теченіе пятилѣтняго своего служенія могъ дѣйствительно проявить, новопоставленный для Калужской паствы, Епископъ Филаретъ.

Достойная честь самой Калужской паствѣ, вѣрно понявшей, достойно оцѣнившей и съ такою признательностію сохранившей въ священной памяти всѣ истинныя достоинства своего Архипастыря! Съ своей же стороны, имѣя въ виду, что этими же и многими другими качествами ознаменовано было и все послѣдующее, почти сорокалѣтнее, въ разныхъ мѣстахъ и на разныхъ высшихъ по званію степеняхъ, святительское служеніе высокопр. Филарета. а здѣсь на Калужской паствѣ, какъ самой первой по времени, положено всѣмъ имъ начальное основаніе, мы будемъ излагать настоящее наше повѣствованіе съ особенною подробностію и съ характеристикою нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ свойствъ и дѣйствій, дабы не повторять объ нихъ въ другихъ мѣстахъ служенія, исключая тѣхъ изъ нихъ, которыя проявлялись въ особенномъ видѣ, смотря по мѣстнымъ и современнымъ требованіямъ и условіямъ.

Епископа Филарета составитель выписки именуетъ незабвеннымъ, прежде всего, по его *благочестію*. Понятіе о благочестіи слишкомъ обширно въ своемъ содержаніи, значеніи и проявленіи въ жизни. Благочестіе, по слову Апостола, *на все полезно есть*, потому оно во всемъ вмѣщается, все проникаетъ собою и во всемъ проявляется, начиная отъ высшихъ духовныхъ созерцаній и величайшихъ подвиговъ святости, и оканчивая самыми обыкновенными состояніями и дѣйствіями. Но для благочестія же есть и опредѣленныя свойства, черты и условія, которыя зависятъ отъ извѣстной внутренней настроенности человѣка и отъ его званія, положенія и отношеній, въ какихъ онъ бываетъ поставленъ. Въ частности для лица въ званіи святительскомъ благочестіе должно составлять преимущественный аттрибутъ и быть ореоломъ. Оно здѣсь есть именно та *соль* и тотъ *свѣтъ*, коими наименовалъ Самъ Пастыреначальникъ Господь своихъ избранныхъ учениковъ-Апостоловъ. и преемниковъ ихъ—Святителей. Однако какъ соль должна имѣть свое

мѣсто, и время, и предметы для ея употребленія и дѣйствія, равно и свѣтъ, хотя можетъ *свѣтить и во тьмѣ, и не быть объятымъ* послѣднею,—но сила и дѣйствіе его, тѣмъ не менѣе, требуютъ свойственной среды, дабы не только свѣтить, но и согрѣвать, животворить и оплодотворять,—такъ точно и благочестіе въ лицѣ Архипастыря имѣетъ свои средоточія—фокусы и стороны—радіусы.—Въ этомъ отношеніи мы и встрѣчаемъ вполнѣ правильныя подраздѣленія понятія о благочестіи истиннаго святителя въ тѣхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ, которыя особенно проявились у въ Бозѣ почившаго на паствѣ Калужской, и которыя изображены у составителя выписки съ дѣйствительныхъ фактовъ и изложены въ подлинныхъ, хотя и краткихъ свѣдѣніяхъ [1]).

Къ Богослуженію преосвященный Филаретъ былъ „*преусердный*“ Архипастырь. Вотъ какую первую черту благочестія выставляетъ авторъ выписки. И дѣйствительно, лице Святителя если гдѣ и когда можетъ стоять выше и сіять чище, и свѣтлѣе въ духѣ и силѣ своего внутренняго и внѣшняго благочестія, то въ св. храмѣ, когда онъ тамъ воздѣваетъ свои *преподобническія руки* въ молитвенномъ возношеніи души и священнодѣйственномъ приношеніи Безкровной Жертвы о себѣ и о всѣхъ чадахъ, Богомъ врученной ему, паствы. Такое состояніе Святителя особенно ясно, а съ тѣмъ вмѣстѣ величественно, умилительно и назидательно въ нашей св. Православной Русской Церкви. Каждый шагъ и дѣйствіе, и вся обстановка архіерейскаго служенія опредѣлены и выражены въ церковномъ чиноположеніи глубоко-знаменательно. Тѣ чувствованія нашихъ простолюдиновъ,—которыя ложная образованность, а вѣрнѣе отсутствіе всякаго религіознаго, благочестиваго чув-

---

[1]) Многія изъ этихъ свѣдѣній достаточно восполняются другими подобными же подлинными свѣдѣніями, взятыми изъ дѣлъ архива Калужской епархіи, и изложенными у преждепоминавшагося Автора статьи (въ Калужскихъ епарх. Вѣдомостяхъ), а также нѣкоторыми частными, письменными свѣдѣніями, которыя всѣ, по ихъ значенію, и войдутъ въ наше изложеніе.

ства приписываютъ невѣжеству ихъ, и потому иногда представляютъ ихъ въ своеобразныхъ каррикатурахъ,— въ строгомъ смыслѣ составляютъ самое живое и вѣрное свидѣтельство, какъ высокъ въ своемъ благочестіи святитель по одному уже священно-благолѣпному совершенію богослуженія. Недаромъ можно слышать въ любой паствѣ на св. нашей Руси, какъ объ особенно благочестивыхъ и высоко чтимыхъ тѣхъ именно архипастыряхъ, которые отличались особеннымъ усердіемъ къ богослуженію и отправленіемъ его съ подобающимъ благоговѣніемъ и съ истовымъ выполненіемъ всего церковнаго чинопослѣдованія.

Что касается самого термина „*преусердный* къ Богослуженію“, приложеннаго къ преосв. Филарету, то для читающихъ излишне и напоминать и тѣмъ болѣе разъяснять, каковы были любовь и стремленіе въ Бозѣ почившаго ко храму и Богослуженію еще съ самаго перваго дѣтскаго возраста его, когда онъ не пропускалъ ниодной службы церковной.—Въ настоящемъ мѣстѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что видимъ въ собственныхъ запискахъ въ Бозѣ почившаго. „Съ тѣхъ поръ, какъ сталъ Епископомъ, я служилъ во весь великій постъ по средамъ и пятницамъ неопустительно [1]). Слѣдовательно, начало этому было именно въ Калужской паствѣ. Потому и въ выпискѣ (Калужской) читаемъ такія, въ этомъ же отношеніи, свѣдѣнія. „Предъ началомъ великаго поста на сырной недѣлѣ въ понедѣльникъ преосв. Филаретъ каждый годъ уѣзжалъ изъ Калуги въ Оптину пустынь, въ устроенный имъ же тамъ Скитъ Іоанно-Предтеченскій, и возвращался оттуда въ субботу вечеромъ. Такъ встрѣчалъ св. четыредесятницу іерархъ сей. Затѣмъ вся св. четыредесятница была поприщемъ особеннаго его богомыслія. Какъ самъ онъ во дни великаго поста весь погружался въ молитву, такъ возбуждалъ духъ благочестія и въ другихъ. Такъ ученики Семинаріи должны были, въ теченіе поста великаго, прямо изъ клас-

[1]) Въ запискахъ на листѣ 3-мъ.

совъ по первому удару колокола, ходить каждую среду и пятницу къ Преждеосвященнымъ Литургіямъ, которыя неопустительно совершалъ самъ Владыка [1]).

Указываемыя свѣдѣнія, съ одной стороны, представляютъ рѣдкость въ ряду обычно совершаемыхъ святителями Богослуженій. Въ большинствѣ весьма мало можно встрѣчать отправленіе Литургіи Преждеосвященной чиномъ архіерейскимъ. Но, съ другой стороны, такъ какъ самъ въ Бозѣ почившій особенно усугублялъ здѣсь свое усердіе, давши нарочитый обѣтъ съ первыхъ дней своего епископства и выполнялъ его во всю послѣдующую жизнь неопустительно, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ это именно время онъ призывалъ къ особенному участію въ Богослуженіи и юныхъ духовныхъ питомцевъ, какъ будущихъ служителей Церкви, то это дѣло, очевидно, имѣетъ свое значеніе. Въ выпискѣ достаточно вѣрно опредѣлено это значеніе, т. е. преосв. Филаретъ избиралъ для себя св. четыредесятницу поприщемъ особеннаго богомыслія, подвиговъ, поста и молитвы, почему и предначиналъ ее еще съ сырной недѣли нарочитымъ уединеніемъ въ Оптину пустынь, а чрезъ это возбуждалъ особенный духъ благочестія и въ другихъ, какъ особенно потребный во дни поста и покаянія. Самый обычай его отправляться еще съ масляной недѣли въ Пустынь давалъ разумѣть и всѣмъ, что эта недѣля дѣйствительно должна быть временемъ и подвигомъ приготовленія для всѣхъ чадъ Церкви. А что онъ не оставался тамъ въ Пустыни на всю четыредесятницу, а являлся въ среду своихъ пасомыхъ, то и это, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ святительскому званію и долгу. Если вся св. четыредесятница есть время и поприще попреимуществу для молитвенно-покаяныхъ подвиговъ и если, къ прискорбію, къ этому поприщу менѣе всего податлива и склонна бываетъ наша немощь,

---

[1]) Смотр. выписку стран. 3-я. NB. У автора статьи въ Калужск. епарх. Вѣдомост. въ прибавленіяхъ (№ 7 и 8) 1884 г. 30 Апрѣля) допущена, очевидно, ошибка въ словахъ, что преосв. Филаретъ служилъ литургію *ежедневно* (?) Самая ссылка его на Правосл. Собесѣдн. 1879 г. оказывается тоже невѣрною.—Авт.

усиливаемая мірскими, житейскими суетами и доводящая нерѣдко до совершеннаго равнодушія и безпечности, по коимъ многіе даже оставляютъ безъ исполненія святѣйшій долгъ пріобщенія Тѣла и Крови Господнихъ, то личный примѣръ Архипастыря, дѣйствующаго въ средѣ своей паствы такъ, чтобы *не ему служили, а самому послужить всѣмъ*, и такимъ образомъ съ радующимися радоваться, съ печальными печалиться, понятно, какое имѣетъ благотворное дѣйствіе на всѣхъ. Иначе же оставайся тотъ же—преосв. Филаретъ въ Пустыни на всю четыредесятницу ради своихъ лишь, хотя и самыхъ великихъ, подвиговъ, онъ оставался бы *свѣтильникомъ подъ спудомъ*, а не *свѣтящимъ въ храминѣ* для своихъ пасомыхъ; да и эти пасомые, взирая на то, что и самъ Пастырь какъ бы не въ состояніи былъ преодолѣвать своихъ склонностей и немощей среди общей, мірской, обычной своей жизни и служебныхъ дѣлъ,—а потому и удалялся въ уединеніе,—не могли ли приходить еще къ большимъ *непщеваніямъ вины* въ своемъ неисполненіи святѣйшаго долга говѣнія и пріобщенія Христовыхъ Таинъ. Между тѣмъ кому не извѣстно исторически и статистически, что не только ослабленіе духа и самаго исповѣданія Вѣры, но и самое уклоненіе вѣрующихъ Православныхъ въ разныя иновѣрія или въ такъ называемый расколъ, попреимуществу, являются послѣдствіями уклоненія ихъ отъ участія въ церковномъ Богослуженіи и еще болѣе отъ спасительнаго общенія со Христомъ Господомъ въ Его Божественныхъ Тайнахъ Тѣла и Крови. Объ этихъ уклонившихся именно въ расколъ была особенно велика и пламенна ревность въ Бозѣ почившаго въ паствѣ Калужской, которая издавна страдала этимъ недугомъ,—о чемъ преосв. Филаретъ излилъ свои самыя глубокія, молитвенныя чувствованія при самомъ даже прощаніи съ Калужскою паствою. „Господи Сердцевѣдче!—взывалъ онъ въ своей рѣчи,—Ты вѣси, сколько сердце мое воздыхало и будетъ воздыхать къ Тебѣ, да сей знаменитый градъ, цвѣтущій благочестіемъ и добродѣтелями *отцевъ нашихъ*, осыпаемый всѣми благословеніями Твоими, очистится отъ послѣднихъ остатковъ за-

блужденія и суевѣрій. Соверши надъ нимъ милость Твою, — да будутъ вси едино стадо, и Ты Единъ Пастыреначальникъ“ [1]). И мы дѣйствительно увидимъ, что, за время служенія преосв. Филарета въ Калужской паствѣ, со стороны самыхъ заблудшихъ раскольниковъ было если не прямое сближеніе съ православною Церковію, то, по крайней мѣрѣ, значительное ослабленіе ихъ ненависти и презорства къ ней, и съ тѣмъ вмѣстѣ присоединеніе къ единовѣрцамъ. — Съ послѣдними же преосв. Филаретъ самъ лично входилъ въ общеніе; онъ посѣщалъ иногда Богослуженіе въ ихъ храмахъ и этимъ самымъ располагалъ и ихъ къ посѣщенію православныхъ Богослуженій, особливо совершаемыхъ имъ самимъ во дни поста. Отсюда-то и бывали примѣры, особенно благотворно вліявшіе и на другихъ [2]).

Въ этомъ же значеніи духовно-благодатнаго вліянія должно смотрѣть и на поставленіе въ обязанность воспитанникамъ Семинаріи и училища по первому удару колокола являться къ Литургіи Преждеосвященной. Здѣсь, прежде всего, невольно вызываются воспоминанія о дѣтскомъ времени самого въ Бозѣ почившаго. Извѣстно какъ онъ, еще и ранѣе удара колокола, являлся уже въ храмъ Божій, и какъ въ особенности выполнялъ это въ среды и пятки, проводя ихъ къ тому же въ возможно-строгомъ пощеніи; этимъ-то самымъ всего естественнѣе, кажется, объясняется и его обѣтный обычай совершать въ эти дни Богослуженіе. Храня неизгладимо въ своей душѣ это святое религіозное чувство, и, какъ сказано уже въ словахъ выписки, „самъ во дни вели-

---

[1]) Слово при прощаніи съ Калужск. паствою. Смотр. Воскр. Чтеніе, издававшееся Кіевск. Академіею, годъ XI.

[2]) Касательно образа дѣйствованія на раскольниковъ и самыхъ мѣръ къ устраненію совращеній въ расколъ высокопр. Филаретомъ были составлены пространныя правила, которыя будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ за время служенія его въ Казанской епархіи. Изложеніе этихъ правилъ на двухъ съ половиною листахъ имѣется у насъ написанное рукою высокопр. Филарета съ перемарками по мѣстамъ собственно-ручными же. Авт.

каго поста весь погружаясь въ богомысліе и молитву", преосв. Филаретъ желалъ возбудить и, такъ сказать, перелить это же чувство благочестія и въ другихъ, а тѣмъ паче въ сердца юныхъ, духовныхъ воспитанниковъ, въ томъ святомъ убѣжденіи, по слову св. Апостола, что *тѣлесное* (книжное) *обученіе вмалѣ полезно есть, а благочестіе на все полезно, имущее обѣтованіе живота нынѣшняго и грядущаго.* Въ этой цѣли, дѣйствительно, мы удостовѣряемся изъ буквальныхъ словъ самого же преосв. Филарета,—сказанныхъ имъ при прощаніи. Обращаясь къ Ректору Семинаріи, онъ говорилъ: „попекитесь о дѣтяхъ: пусть они будутъ имѣть недостатки въ познаніяхъ, только бы были истинные христіане". Обратившись же къ самимъ воспитанникамъ, въ этотъ самый день сподобившимся пріобщенія св. Таинъ, съ особеннымъ задушевнымъ чувствомъ сказалъ: „О! если бы намъ увидѣться такими чистыми и на судѣ Господнемъ, каковыми сподобились вы быть нынѣ [1]). Всѣ эти чувствованія и выраженіе благожеланій Архипастыря заключались не въ словахъ только и даже не въ обычныхъ только благословеніяхъ, но въ благодатной силѣ и дѣйствіи ихъ, осуществлявшихся даже въ послѣдующей судьбѣ воспитанниковъ. Истинно знаменательный въ этомъ отношеніи фактъ читаемъ въ подлинныхъ словахъ письма одного изъ числа воспитанниковъ [2]). „Простившись съ братіею и со всѣми, благосердый Архипастырь началъ прощаться и со всѣми учениками; каждаго благословлялъ, нѣкоторыхъ цѣловалъ въ голову, и на немногихъ возлагалъ святительскую руку, въ числѣ коихъ и я, скудоумный бурсакъ, удостоился принять и благословеніе и возложеніе святительской руки,—что произвело тогда во мнѣ какое-то сотрясеніе. Этому событію вотъ уже болѣе 30-ти лѣтъ, но воспоминаніе объ этомъ вѣчно

---

[1]) Смотр. выписку стр 7.

[2]) Это письмо Священника Іакова Андр. Звѣрева къ покойному преосв. Антонію, бывшему тогда еще Викарію Кіевскому, которому писавшій священникъ былъ товарищемъ по риторическому классу въ Калужской Семинаріи.

останется въ сердцѣ и памяти моей.—И что-жъ я Вамъ. Преосвященнѣйшій Владыка. доложу?! Изъ нашего курса рѣдкіе удостоились принять священническій санъ. но многіе поступили въ свѣтское званіе и въ военную службу по извѣстному разбору, бывшему въ тридцатыхъ годахъ".—Да, чтобы понять значеніе, или вѣрнѣе знаменательность этихъ дѣйствій и отношеній лица святительствующаго къ юнымъ духовнымъ питомцамъ, очевидно, нужно руководиться не одними взглядами и чувствами человѣческими,—а высшимъ духовнымъ воззрѣніемъ.

Впрочемъ, о всѣхъ истинно архипастырскихъ и примѣрно-отеческихъ, любвеобильныхъ отношеніяхъ преосв. Филарета къ воспитанникамъ духовныхъ заведеній будетъ еще особая рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Теперь же послѣдуемъ мы порядку изложенія соотвѣтственно прежде указанной выпискѣ.

Непосредственно за свидѣтельствомъ о постоянномъ, примѣрномъ усердіи Калужскаго архипастыря Филарета къ Богослуженію, въ выпискѣ читаемъ, что онъ не менѣе прилежалъ и къ проповѣди Слова Божія. Строго разсуждая, одно безъ другаго и быть не можетъ. Для проповѣди нѣтъ болѣе удобнаго и благоприличнаго времени и мѣста, какъ въ церкви и тѣмъ болѣе, когда имѣющій власть и долгъ проповѣдывать бываетъ въ ней. не какъ присутствующій только для молитвы, но и священнодѣйствующій. Послѣ принесенія Безкровной Жертвы и пріобщенія Святѣйшихъ Таинъ, состояніе священнослужителя не попреимуществу ли должно быть таково, какъ выражаетъ его Св. Церковь по отношенію и ко всѣмъ чадамъ своимъ. „*Видѣхомъ свѣтъ истины, пріяхомъ Духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную,*—и потому *да исполнятся уста наша хваленія Твоего, Господи, соблюди насъ во Твоей святыни, весь день поучатися правдѣ Твоей*". И со стороны самихъ присутствующихъ при Богослуженіи, съ посильнымъ благоговѣніемъ и молитвенно-духовнымъ настроеніемъ, едва ли не въ это время болѣе всего бываютъ отверсты и способны слухъ и сердце къ воспріятію *поученія правдѣ Божіей.* Въ наши времена церковная проповѣдь вообще, и изъ устъ

самихъ архипастырей въ частности, бываетъ болѣе всего при служеніяхъ въ великіе праздники, или торжественные дни. Главная причина этого, кажется, въ томъ, что проповѣдующіе пользуются здѣсь особенными данными для содержанія своихъ проповѣдей, а потому всегда, болѣе или менѣе, разсчитываютъ и на достоинство своихъ проповѣдей по отношенію и къ ихъ содержанію, и вліятельному дѣйствію на слушающихъ, имѣя въ виду большое собраніе послѣднихъ, и въ ряду ихъ слушателей болѣе понимающихъ, такъ именуемыхъ, интелигентныхъ... Но едвали здѣсь не жертвуется духу и вкусу времени истинный духъ и значеніе церковной проповѣди?!—Архипастырь Калужскій Филаретъ поступалъ не такъ: „По воскреснымъ днямъ, говорится въ выпискѣ, на литургіяхъ началъ говорить онъ съ первыхъ же поръ и подъ рядъ „*Бесѣды на Евангеліе отъ Матѳея*“, которыя были послѣ вскорѣ же напечатаны. Съ глубокимъ вниманіемъ предстоящіе въ соборѣ слушали эти бесѣды и назидались ясностію и простотою изложенія ихъ. Ученики же Семинаріи обязаны были, по выслушаніи каждой бесѣды, излагать дома порядокъ мыслей въ сихъ бесѣдахъ и представлять наставникамъ“ [1]).

Въ этомъ свидѣтельствѣ обращаетъ на себя вниманіе особенность самой формы церковнаго проповѣданія, а нераздѣльно съ нею и духъ, и характеръ, и содержаніе ученія. Въ самомъ дѣлѣ, сколь ни безразлично, по видимому, принятое у насъ понятіе о проповѣдяхъ подъ разными названіями ихъ—„*слово, поученіе, рѣчь, бесѣда*“, но, въ существѣ дѣла, эти названія весьма характеристичны, каждое само въ себѣ. Таковы попреимуществу, по самому названію своему „*Бесѣды*“. И по филологическому и историческому въ церковной практикѣ значенію этотъ видъ и образъ проповѣданія не безъ основанія былъ въ употребленіи издревле въ большинствѣ у всѣхъ великихъ Пастырей и Учителей Церкви. Съ одной стороны здѣсь, какъ нельзя болѣе, выражается,

---

[1]) Смотр. выписку стран. 2.

такъ называемая нынѣ, популярность. а точнѣе церковно-народность, а съ другой—внутреннѣйшее и высшее достоинство самого проповѣдника, именуемое *„помазаніемъ“*. Послѣднее особливо проявляется въ *бесѣдахъ „толковательныхъ“* на какую либо изъ книгъ свящ. Писанія, каковы и были бесѣды въ Бозѣ почившаго на Ев. отъ Матѳея, т. е. *толковательныя*. *Помазаніе* есть *даръ свыше*,—какъ учитъ о семъ св. Апостолъ,—*„и вы помазаніе имате отъ Святаго Духа*, и *не требуете да кто учитъ вы,—яко то само помазаніе учитъ вы о всемъ*. (I Іоан. 2.27); по одному этому пріемлющій святое намѣреніе предложить въ своихъ бесѣдахъ толкованіе той или иной Богодухновенной книги, долженъ, прежде всего, всемѣрно потщиться *возгрѣвать* въ себѣ самомъ этотъ *даръ*, приводить себя въ возможно-близкое соотвѣтствіе тому благодатно-духовному состоянію, въ коемъ пребывалъ и самъ Богодухновенный Писатель,—говоря иначе,—поставить себя въ такое благодатно-духовное отношеніе къ послѣднему, чтобы содѣлать его живо соприсущимъ себѣ собесѣдникомъ—истолкователемъ, [1]) и так. образомъ низводить и на себя наитіе, въ извѣстной мѣрѣ и степени, того же Боговдохновляющаго Духа, Который, по слову Апостола, всегда и до днесь раздѣляетъ сіи дары и служенія. „Одному дается Имъ слово мудрости, другому—слово знанія, иному—вѣра, иному—даръ чудотворенія, иному же—даръ *пророчества* (толкованія)—(I Кор. 12. 4—10).

Такимъ-то *помазаніемъ* дѣйствительно и обладалъ въ Бозѣ почившій, или, по крайней мѣрѣ, тщательно *возгрѣвалъ* въ себѣ этотъ даръ, когда началъ и продолжалъ постоянно по воскреснымъ днямъ свои толковательныя бесѣды на Евангеліе отъ Матѳея. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, этотъ *даръ помазанія* достигъ въ немъ той степени, что онъ предлагалъ подобныя же и

---

[1]) Таково извѣстное свидѣтельство о св. Іоаннѣ Златоустѣ, при которомъ видимо присутствовалъ св. Ап. Павелъ, когда первый излагалъ толкованія на Посланія послѣдняго.

другія, по разнымъ обстоятельствамъ, проповѣди буквально экспромптомъ и именно въ томъ помазанническомъ духѣ и въ такой силѣ, что онъ, какъ сказано въ надгробномъ словѣ,—„являлся не какъ проповѣдникъ-ораторъ, но какъ *благовѣствователь* Тайнъ Божіихъ, изрекавшій глаголы живота вѣчнаго *не въ препрепельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ*. но просто, общедоступно, отечески отъ сердца къ сердцу, и отъ того. какъ выражено, въ другомъ надгробномъ словѣ, „истина Евангельская всегда для всѣхъ являлась изъ устъ его ясною, удобопріемлемою и несомнѣнною“. Яснѣйшее свидѣтельство сего и въ приведенныхъ изъ выписки словахъ.—именно „что съ глубокимъ вниманіемъ предстоявшіе въ соборѣ слушали предлагаемыя бесѣды и назидались ясностію и простотою изложенія ихъ; самыя даже дѣти,—ученики низшаго класса семинаріи, были способны внимать имъ такъ, что могли, по выслушаніи ихъ, излагать самый порядокъ мыслей на бумагѣ“. Очевидно, что въ этихъ бесѣдахъ господствовалъ именно тотъ духъ и характеръ святоотеческихъ поученій, образцы которыхъ видимъ въ нашихъ древлерусскихъ поученіяхъ святительскихъ, о коихъ съ тѣмъ вмѣстѣ встрѣчаемъ именно такія лѣтописныя свидѣтельства: *и вси и старъ и младъ любезно* или *сладостно послушаша*... Ясно, что Калужскій архипастырь глубоко и мудро понималъ духовныя потребности своихъ пасомыхъ и, въ частности, слушателей бесѣдъ его. Выше мы приводили слова изъ прощальной рѣчи къ Калужской паствѣ, гдѣ въ Бозѣ почившій молитвенно свидѣтельствовалъ о градѣ Калугѣ, какъ цвѣтущемъ благочестіемъ и добродѣтелями *отцевъ своихъ*;—поэтому что могло быть свойственнѣе и ближе къ состоянію сихъ пасомыхъ, въ дѣлѣ просвѣщенія и назиданія ихъ словомъ богоспасительной истины, какъ именно бесѣды въ сказанномъ *древлеотеческомъ* духѣ и тонѣ? А какъ въ тоже время здѣсь находились и недуговавшіе расколомъ, корень котораго, хотя и ложно, опирается попреимуществу на *древлеотеческихъ же ученіяхъ*, то и на сихъ послѣднихъ не могли, болѣе или менѣе, не дѣйствовать, къ разгна-

нію ихъ слѣпоты и заблужденій, подобныя же бесѣды. Къ тому же, когда эти толковательныя бесѣды преосв. Филарета были вскорѣ и напечатаны, то, такъ или иначе, экземпляры ихъ не миновали рукъ и раскольниковъ [1]). Замѣчательно, что самый переплетъ этихъ бесѣдъ, въ большинствѣ, былъ кожанный по старинному обычаю и употребленію книгъ церковно-учительныхъ. Намъ приводилось встрѣчать именно подобные экземпляры у частныхъ лицъ, и притомъ отчасти придерживающихся *„старой вѣры“*.

Далѣе, обращаясь къ самымъ предметамъ и содержанію *„толковательныхъ бесѣдъ“* на главы V, VI, VII Евангелія отъ Матѳея, нельзя не видѣть, что выборъ ихъ былъ сдѣланъ непросто на удачу, но съ глубокимъ смысломъ и значеніемъ и по духу и по цѣли. Указанныя главы въ Евангеліи отъ Матѳея содержатъ въ себѣ ученіе Господа Іисуса Христа, извѣстное подъ названіемъ *„нагорной Бесѣды“*, впервые проповѣданное Имъ предъ лицемъ и въ слухъ множества народа, о чемъ повѣствуетъ св. Евангелистъ. „И по немъ идоша народи мнози. Узрѣвъ же народы, взыде Іисусъ на гору и отверзъ уста Своя, учаше ихъ... (гл. V стр. 1. 2.)... И бысть егда сконча Іисусъ словеса Своя, дивляхуся народи о ученіи Его. Бѣ бо уча ихъ яко власть имѣяй и не яко книжницы и фарисеи“ (гл. VII. 28. 29.). Въ этомъ уже одномъ видно, что архипастырь Калужскій лишь только вступилъ на свою первую святительскую церковную каѳедру, самъ первый перенесся духомъ какъ бы на гору по стопамъ своего Божественнаго Пастыре-начальника, чтобы начать свое проповѣданіе не объ иныхъ истинахъ, какъ изреченныхъ Господомъ Спасителемъ въ „нагорной Бесѣдѣ“, которую достойно именовать сокращеніемъ всего Евангельскаго ученія.

---

[1]) Изданіе этихъ бесѣдъ, дѣйствительно, тогда же распространилось не только въ Калужской паствѣ, но и по разнымъ мѣстамъ, такъ что можно встрѣчать и теперь экземпляры въ библіотекахъ при учебныхъ заведеніяхъ, монастыряхъ, церквахъ въ разныхъ губерніяхъ и у многихъ частныхъ лицъ.

Впрочемъ, вмѣсто нашихъ словъ, послушаемъ ученіе объ этомъ самого, какъ нагорнаго проповѣдника,— Святителя Калужскаго на первыхъ трехъ страницахъ вступительной его бесѣды. „Изъ всѣхъ мѣстъ Св. Евангелія нѣтъ другаго, въ которомъ-бы съ такою подробностію и полнотою, и въ такомъ порядкѣ и совокупности изложены были всѣ обязанности христіанина, какъ въ той поучительной проповѣди, которую Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, вступая въ великій подвигъ спасенія рода человѣческаго, говорилъ на горѣ избраннымъ двѣнадцати ученикамъ Своимъ и великому множеству, собравшагося къ Нему, народа. Проповѣдь сія начертана въ *пятой, шестой и седьмой главахъ* Евангелиста Матѳея. Въ ней Спаситель съ Божественнымъ искусствомъ и премудростію изложилъ все то, что нужно для начала, возрастанія и совершенства истинно христіанской жизни. Желательно, чтобъ всякій тотъ, кому дорого спасеніе души своей, сколь можно чаще и внимательнѣе, читалъ и слушалъ оную въ назиданіе своего сердца.

„Но не одно слышаніе и чтеніе потребно къ спасительному разумѣнію небесныхъ истинъ и словесъ единаго Наставника и Учителя нашего Господа Іисуса. Къ сему потребно, наипаче и болѣе всего, искреннее расположеніе и всеусердное тщаніе къ исполненію Святыхъ заповѣдей Его. Въ словесахъ Господнихъ сокрывается живоносная манна, единая могущая оживотворить, питать и укрѣплять души наши. Но мы не иначе можемъ вкушать и получать крѣпость отъ сей духовной пищи, какъ по мѣрѣ исполненія нами заповѣдей Евангелія. Самъ Спаситель говоритъ о семъ въ заключеніе Своей проповѣди: „всякъ, иже слышитъ словеса Моя сія и творитъ я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и сниде дождь, и пріидоша рѣки, и возвѣяша вѣтри, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бѣ на камени“. И напротивъ: „всякъ слышай словеса Моя сія, и не творя ихъ, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песцѣ, и сниде дождь, и пріидоша рѣки, и возвѣяша вѣтри, и

опрошася храминѣ той, и падеся: и бѣ разрушеніе ея веліе". (Матѳ. VII, 24—27).

„Дабы и намъ, братіе, храмину спасенія и блаженства нашего основать не на пескѣ, но на твердомъ камени, поучимся свято въ словесѣхъ Господнихъ. Призвавъ Спасителя нашего въ помощь, въ простотѣ сердца, во Святомъ Его присутствіи дадимъ Ему первѣе всего обѣтъ исполнять заповѣди любви Его, да Онъ отверзетъ сердца наши къ слышанію и спасительному разумѣнію оныхъ. Отложивши земныя помышленія и всякія мудрованія, взыдемъ мысленно на гору ко Господу и Богу нашему Іисусу Христу, да *сѣмя слова Его падетъ на сердца наши, яко на землю благу*, и принесетъ плодъ истиннаго исправленія жизни нашея по Святымъ Его заповѣдямъ".

Наконецъ мы должны остановиться вниманіемъ еще на одной, особенно знаменательной, сторонѣ разсматриваемыхъ бесѣдъ Калужскаго Святителя, именно въ отношеніи къ тогдашнему духу и направленію въ разныхъ мистическихъ, религіозно-духовныхъ ученіяхъ, значительно проникшихъ и въ самый образъ и характеръ церковныхъ проповѣдей и духовныхъ изданій. Въ этомъ отношеніи о духѣ, содержаніи и самомъ образѣ толковательныхъ бесѣдъ преосвящ. Филарета должно сказать здѣсь тоже, что видѣли мы уже въ преподаваніи имъ академическихъ уроковъ, (по объясненію Св. Писанія). Эти уроки у него были направлены, почти главнымъ образомъ, противъ тогдашнихъ мистическихъ и другихъ лжеименныхъ ученій, и они-то теперь послужили для него готовымъ матеріаломъ для толковательныхъ Бесѣдъ его, какъ Архипастыря на первой же его паствѣ—Калужской.

Обращаясь къ содержанію этихъ бесѣдъ и другихъ проповѣдей преосв. Филарета, говоренныхъ къ Калужской паствѣ, дѣйствительно мы встрѣчаемъ по мѣстамъ, даже отчасти прямыя указанія на вышесказанное значеніе ихъ и направленіе. Это видится преимущественно тамъ, гдѣ преосв. Филаретъ съ особенною ревностію внушаетъ и располагаетъ пасомыхъ къ усердному чте-

нію и слушанію Слова Божія,—но тутъ же всемѣрно предупреждаетъ и наставляетъ, чтобы не вдаваться въ какія-либо мудрованія и своемысленныя изслѣдованія истинъ Божественнаго ученія, такъ какъ и его собственная, чисто-богословская, вѣрующая мысль отнюдь не допускала какого либо философскаго элемента, а тѣмъ паче въ значеніи критическаго отношенія къ истинамъ Богооткровеннаго ученія. Изъ глубочайшаго благоговѣнія къ этимъ истинамъ онъ страшился, какъ грѣха, позволять себѣ, такъ сказать, и всматриваться критически въ ихъ содержаніе.—„Необходимо“, учитъ онъ въ одномъ словѣ,—смирить гордый умъ и покорить его въ послушаніе слову Божію; иначе человѣкъ навсегда останется въ собственной своей тьмѣ, хотя бы пріобрѣлъ и всю земную мудрость,—подобно какъ непокорное и упрямое дитя останется при своемъ полномъ невѣжествѣ“. „Вѣрить слову Божію, въ Евангеліи намъ преподанному, внушаетъ онъ (въ словѣ на четвертую недѣлю великаго поста), мы должны въ простотѣ сердца,—вѣрить всему съ дѣтскимъ и младенческимъ сердцемъ, вѣдая и помышляя одно, что въ этомъ Словѣ все говоритъ Самъ Богъ“.

Чтобы признать, сейчасъ указываемое, значеніе за толковательными бесѣдами и за личнымъ внутреннимъ характеромъ и направленіемъ преосв. Филарета, т. е. что Преосв. Филаретъ глубоко уразумѣвалъ зло современнаго духа и образа направленія новоявившихся лжеименныхъ христіанскихъ ученій, мы имѣемъ въ виду еще особенное основаніе. Мы разумѣемъ, явившееся въ 1819 году, такъ называемое „Библейское Общество“, которое самимъ Правительствомъ учреждено было для перевода Св. Писанія В. и Н. Завѣта на Русскій языкъ и въ которомъ, между тѣмъ, вскорѣ же обнаружились пропагандическія стремленія и прямыя цѣли въ пользу мистицизма и другихъ своемысленныхъ сектантскихъ ученій.

Правда, преосв. Филаретъ съ перваго раза отнесся, нельзя сказать—къ самому Библейскому Обществу, а собственно къ переводу Св. Писанія. съ полнымъ сочуствіемъ. Но за то онъ вскорѣ же понялъ и призналъ и дѣло самаго перевода въ совершенно иномъ значеніи,

что увидимъ изъ собственныхъ его словъ въ ближайшемъ изложеніи [1]). О первоначальномъ сочуствіи и даже содѣйствіи къ настоящему дѣлу, какъ явившемуся по иниціативѣ и распоряженію самого Правительства, мы читаемъ слѣдующія свѣдѣнія въ выпискѣ Консисторской.

„Кромѣ толковательныхъ бесѣдъ въ Бозѣ почившаго, въ бытность его Калужскимъ епископомъ, и другихъ, обыкновенно называемыхъ, проповѣдей, (какъ видимъ это въ полномъ собраніи его сочиненій), его глубокое чувство благочестія и пастырской ревности о просвѣщеніи пасомыхъ своихъ свѣтомъ Слова Божія съ не меньшею силою выразилось въ содѣйствіи къ возможно большему и успѣшному распространенію въ своей епархіи, только что изданнаго тогда учрежденнымъ съ Высочайшаго соизволенія Библейскимъ Обществомъ, перевода Св. Писанія съ славянскаго на русскій языкъ. Это общество открыло тогда во всѣхъ почти губернскихъ городахъ свои отдѣленія, и мѣстные архипастыри, по самому званію своему, должны были быть главными членами—сотрудниками какъ въ отношеніи распространенія переводныхъ священныхъ книгъ, такъ и содѣйствія Обществу чрезъ посредство доброхотныхъ жертвованій. Но преосв. Филаретъ Калужскій, видимо горѣлъ собственнымъ чувствомъ ревности о благоуспѣшности сего дѣла. Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ сего служатъ сохранившіяся въ подлинникахъ собственноручныя его писанія. Это во 1-хъ, *Предложеніе его Калужской духовной Консисторіи*, и во 2-хъ *слово, сказанное имъ съ церковной каѳедры.*—Предложеніе, при всей своей внѣшней, оффиціальной формѣ, составляетъ, вѣрнѣе, какъ бы пастырское окружное посланіе ко всѣмъ своимъ собратіямъ и сослу-

---

[1]) А впослѣдствіи увидимъ, что высокопр. Филаретъ выступилъ (въ сороковыхъ годахъ) открыто противъ возобновлявшихся попытокъ перевода В. З. на Русскій языкъ; а наконецъ предъ самою кончиною (въ 1856—57 г.), когда самимъ Св. Сунодомъ было рѣшено приступить немедленно къ такому переводу всей Библіи,—онъ вошелъ съ своимъ особымъ мнѣніемъ въ отрицаніе этого предпріятія.

жителямъ о Господѣ, а чрезъ нихъ ко всѣмъ чадамъ своей паствы, такъ что содержаніе сего предложенія, и по мыслямъ и по изложенію, во многомъ тожественно съ церковнымъ словомъ. Слово, или также вѣрнѣе сказать, воззваніе сказано было въ день Рожденія Государя Императора Александра Павловича, съ самымъ удачнымъ соединеніемъ предмета слова съ значеніемъ дня торжества церкви и отечества и обратно. Приводимъ въ подлинникѣ это слово съ нѣкоторыми только выпусками.

„Принесши благодареніе Господу предъ Алтаремъ Его за сохраненіе драгоцѣнной жизни Монарха нашего, и мольбы наши о продолженіи ея для блага Церкви и отечества, освятимъ день сей дѣломъ благочестія, святымъ дѣломъ Слова Божія, которое изрекаетъ благотворную истину Царямъ и царствамъ, и изливаетъ на нихъ жизнь и свѣтъ.

„Благочестивѣйшій Государь предъ лицемъ всего свѣта торжественно исповѣдуетъ, что единственнымъ правиломъ его царствованія есть правило, почерпнутое изъ словесъ и ученія Спасителя нашего Іисуса Христа. и съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ убѣждаетъ своихъ подданныхъ со дня на день утверждаться въ правилахъ и дѣятельномъ исполненіи обязанностей, въ которыхъ наставилъ человѣковъ Божественный Спаситель, яко единственное средство наслаждаться миромъ, который истекаетъ отъ доброй совѣсти и который единъ проченъ.

„Сіи обязанности, отъ исполненія которыхъ происходятъ благословенія мира и счастія въ настоящей временности и возвращеннаго блаженства въ будущей, вѣчной жизни, содержатся въ священной книгѣ Слова Божія, дарованной Церкви вѣрующихъ Самимъ Господомъ. И кто бы не пожелалъ, чтобъ сію Божественную книгу, сокровище истины, открытой человѣкамъ Самимъ Богомъ, всякій имѣлъ у себя, читалъ оную и по наставленію ея располагалъ свою жизнь?! Ибо тогда бы царствовала добродѣтель на землѣ... и благословеніе Божіе почивало во всякомъ градѣ, во всякой веси. во всякомъ домѣ, во всякомъ сердцѣ.

„Но предъ словомъ истины не скроемъ и того, что Слово Божіе не во всѣхъ приноситъ желаемый плодъ, и что многіе не читаютъ его подъ разными предлогами;— но отъ сѣянія до благословенной жатвы потребно имѣть терпѣніе; и Единъ Господь вѣсть, какъ и когда возращать плодъ сего сѣянія. Самъ Онъ произнесъ въ Евангеліи назидательную для насъ притчу о семъ: „Тако есть Царствіе Божіе, якоже человѣкъ вметастъ сѣмя въ землю; и спитъ и востаетъ нощію и днемъ, и сѣмя прозябаетъ и ростетъ, якоже не вѣсть онъ. Отъ себе бо земля плодитъ прежде траву, потомъ класъ, таже исполняетъ пшеницу въ класѣ. Егда же созрѣетъ плодъ, абіе послетъ серпъ, яко наста жатва“.

„Отче свѣтовъ и жизни Подателю Господи! Ты сіяешь солнце Свое на всю землю—и нѣсть, иже укрыется теплоты его. Возсіяй свѣтъ Слова Твоего по всей вселенной, да вси узрятъ въ немъ путь спасенія и обрящутъ жизнь вѣчную“.

Отдѣленіе Библейскаго Общества открыто было въ Калугѣ, какъ сказано въ выпискѣ, въ самый первый годъ епископства преосв. Филарета. А такъ какъ значится въ собственныхъ запискахъ въ Бозѣ почившаго, что онъ, по вступленіи на Калужскую паству, съ перваго же раза, особенно посвятилъ себя проповѣди Слова Божія и, между тѣмъ, началъ предлагать толковательныя бесѣды,— то понятно, какъ одно дѣло совпадало, самымъ естественнымъ образомъ, съ другимъ, и сколько одно должно было содѣйствовать другому. Но не такъ оказалось вскорѣ же на дѣлѣ. По поводу этого поворота, покойный высокопреосв. Антоній разсказывалъ, что самъ Владыка Филаретъ, впослѣдствіи, помня твердо свое (вышеприведенное) слово, высказывался такъ: „Да, сколько отъ чистаго сердца и не лицемѣрной совѣсти приводилъ я въ своей проповѣди къ Калужской паствѣ извѣстную притчу Господню (выписанную выше) о уподобленіи Слова Божія и самаго царствія Божія сѣмени,...—такъ вскорѣ же отъ глубины души возчувствовалъ я и пріялъ въ сердце свое истину другой притчи Господней, именно той, гдѣ изречено: „Уподобися Царствіе небесное чело-

вѣку, сѣящему доброе сѣмя на селѣ своемъ... спящимъ же человѣкомъ, пріиде врагъ и всѣя плевелы по средѣ пшеницы... Егда же прозябе трава и плодъ произрасти, тогда явишася и плевеліе“... (Матѳ. XIII, 24—26). Да, такъ именно совершалось въ этомъ пресловутомъ дѣлѣ Библейскомъ, продолжалъ Владыка Филаретъ,—все *какъ будто намъ бывшимъ спящимъ*... хотя Богъ Судія—Свидѣтель, что я не былъ причастенъ къ сему состоянію, такъ какъ и не былъ тогда приставленъ, чтобы быть мнѣ въ ряду призванныхъ къ бодрствованію, какъ непосредственному участнику... Благо, что эти сѣемые плевелы скоро-скоро проявили себя по роду своему и заставили тогда же открыть глаза *даже и спящимъ*, да и самые плевелы, хотя и медленно, слава Богу, заглохли... Но за то вотъ теперь снова начинаютъ они прозябать, и къ тому же сѣемые *не спящимъ уже приставникамъ*, а рукою нѣкоторыхъ изъ нихъ же самихъ“... Вспоминалъ все это, по словамъ высокопреосв. Антонія, Владыка Филаретъ по поводу, появившагося въ 1840—1842 г., перевода пророческихъ и другихъ книгъ В. З., составленнаго Протоіереемъ Павскимъ и, почти одновременно, перевода Архимандрита Макарія—Алтайскаго миссіонера. Переводъ перваго (Павскаго), когда только появился въ Академіяхъ въ литографированныхъ экземплярахъ, и когда стало извѣстно объ этомъ высокопр. Филарету, тогда онъ первый и почти одинъ назвалъ этотъ переводъ буквально „*нечестивымъ*“, и немедленно же обратился съ настоятельною просьбою къ Оберъ-Прокурору Св. Сѵнода, чтобы назначить строжайшее изслѣдованіе по этому дѣлу въ Академіяхъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ.—Наконецъ же, когда въ 1856—57 г. выступилъ снова вопросъ о потребности перевода всей Библіи на Русскій языкъ, и было уже объ этомъ постановленіе Св. Сѵнода, и между тѣмъ не было требовано мнѣнія объ этомъ отъ высокопр. Филарета, то здѣсь-то мы окончательно видимъ, какъ во всей искренности и чистотѣ своей души и святительской совѣсти смотрѣлъ и понималъ въ Бозѣ почившій настоящій вопросъ, начиная отъ самыхъ первоначальныхъ дѣйствій бывшаго Библейскаго Обще-

ства.—У насъ сохранился подлинный документъ [1]), заключающій въ себѣ (на восьми листахъ съ половиною) изложеніе мнѣнія въ Бозѣ почившаго Первосвятителя въ отвѣтъ на отношеніе, по этому предмету, бывшаго Оберъ-Прокурора Св. Сунода Графа А. П. Толстаго. Было и еще другое письмо на имя его же [2]). Имѣя въ виду для изложенія этого дѣла свое дальнѣйшее мѣсто, (именно въ концѣ всего служенія въ Калужской епархіи), мы здѣсь выпишемъ только самыя начальныя и заключительныя слова изъ указываемыхъ документовъ, дабы предознакомить читающихъ съ сущностію и важностію дѣла, а равно съ духомъ и образомъ воззрѣній въ Бозѣ почившаго, вопреки общему тогдашнему опредѣленію Св. Сунода.—„Призвавъ Господа Бога на помощь, пастырскимъ долгомъ моимъ поставляю изложить мои мысли, по крайнему моему разумѣнію и по убѣжденію совѣсти моей, предъ очами Божіими безъ малѣйшаго пристрастія. Я не участвовалъ въ переводѣ Св. Писанія, сдѣланномъ, бывшимъ въ началѣ столѣтія, Библейскимъ Обществомъ, и отнюдь ему не сочувствовалъ. До свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, вѣроятно, еще не дошли всѣ подробности бывшаго сего дѣла. На Васъ лежитъ обязанность всеподданнѣйше доложить Помазаннику Господню о всѣхъ обстоятельствахъ, по долгу служенія вашего.—Богъ свидѣтель! Я не имѣю въ душѣ моей ни малѣйшей мысли предосудительной для моихъ собратій и сослужителей, согласившихся на возстановленіе Новаго Завѣта на Русское нарѣчіе.—Я всѣхъ сердечно уважаю и почитаю ревнителями Православія и Пастырями, пекущимися о назиданіи, ввѣренныхъ имъ, паствъ;—сверхъ того почти всѣ они мои давніе друзья.

---

[1]) Это—отношеніе къ бывшему Оберъ-Прокурору Св. Сунода Графу А. П. Толстому было отъ 21 Декабря 1856 г. за № 1233-мъ; оно же, съ тѣмъ вмѣстѣ, по мѣстамъ, выправлено такъ, что было адресовано и на имя высокопр. Филарета Митр. Московскаго.

[2]) Смотр. Исторію перевода Библіи на Русскій языкъ. Христ. Чтеніе. 1873 г. Май, стр. 57.

Но, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ ихъ достоинствамъ и дружбѣ, не могу съ ними согласиться на возстановленіе перевода. Боже сохрани,—если послѣ Библіи начнутъ переводить съ Славянскаго на Русскій языкъ книги Богослужебныя". Затѣмъ, послѣ пространнаго изложенія своего мнѣнія, высокопр. Филаретъ написалъ въ заключеніе: „Изложивъ мои мысли съ глубочайшимъ смиреніемъ предъ очами Божіими и предъ словомъ его Святымъ и Св. Православною Церковію, приближаясь ежедневно къ кончинѣ моей и готовясь предстать предъ нелицепріятный Судъ Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа,—всѣмъ сердцемъ молю Его Благость, да не по мудрованіямъ человѣческимъ, а по Премудрому Промыслу Своему. Самъ Онъ устроитъ, якоже вѣсть, лучшее и полезнѣйшее касательно сего чрезвычайнаго дѣла и сохранитъ миръ въ Православной Церкви Своей послѣ того, какъ благоволилъ даровать благодатный миръ (послѣ Крымской войны) отечеству нашему чрезъ Помазанника Своего Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича".

Обращаемся по порядку къ изложенію свѣдѣній о другихъ дѣйствіяхъ преосвящ. Филарета—собственно по епархіальному управленію Калужскою паствою.

ГЛАВА XV.

«Своею примѣрною попечительностію и трудами преосв. Филаретъ созидалъ и новые храмы, и обновлялъ и украшалъ прежніе, а равно устроялъ обители, иныя приводя въ лучшій видъ, а другія устрояя вновь; съ особенною же заботливостію и вѣрною предусмотрительностію занялся онъ съ первыхъ же поръ правильнымъ распредѣленіемъ церковныхъ приходовъ и улучшеніемъ нравственнаго и матеріальнаго состоянія духовенства» [1]).

Рядомъ съ изложенными доселѣ свойствами и дѣйствіями преосв. Филарета, въ коихъ выражался духъ его благочестивой архипастырской ревности о благѣ своихъ пасомыхъ съ внутренней, духовно-вліятельной на нихъ стороны,—въ выпискѣ читаемъ о его столь же ревностной дѣятельности со стороны внѣшней, по устройству и благолѣпію Храмовъ Божіихъ и обителей. Въ наши времена, конечно, найдутся въ числѣ многихъ, которые на подобнаго рода дѣятельность смотрятъ двусмысленно, или даже въ прямую укоризну самому чувству усердія создателей и благотворителей храмовъ и обителей, затрачивающихъ иногда на это, собранныя вѣками и трудами предковъ, сокровища вмѣсто того, чтобы дать имъ общегосударственное, производительное назначеніе и употребленіе. Но истина и дѣло благочестія, какъ бы въ прямой упоръ подобнымъ мнѣніямъ, не престаютъ, благодареніе Господу, идти своимъ чередомъ. О всѣхъ доброхотныхъ жертвованіяхъ нынѣ сообщается даже во всеобщее свѣдѣніе, съ подробными извѣстіями

---

[1]) Изъ Консисторской выписки.

о предметахъ приношеній на пользу храмовъ и обителей святыхъ и о самыхъ жертвователяхъ съ обозначеніемъ даже достойныхъ воздаяній послѣдующимъ въ видѣ благословеній Св. Сунода и грамматъ, и нерѣдко, наградъ государственно-правительственныхъ, напр., медалей и орденовъ.—Явленіе истинно отрадное, какъ вполнѣ соотвѣтствующее историческому, православно-русскому духу и характеру благочестивыхъ предковъ. Сколько извѣстныхъ знаменитостію рода, званія и проч. именъ *отшедшихъ отцевъ и братій* до днесь сохраняется въ древнѣйшихъ сунодикахъ и свято поминается въ молитвенныхъ возношеніяхъ, какъ незабвенныхъ создателей и благотворителей храмовъ и обителей; и сколько сохраняется разныхъ ихъ приношеній, какъ предметовъ святыни; и наконецъ, сколько самыхъ св. угодниковъ Божіихъ, прославленныхъ въ нашей св. Церкви, какъ основателей обителей, храмоздателей и вообще любителей благолѣпія дому Божія?... Если только понять и оцѣнить, какъ должно, значеніе всѣхъ этихъ фактовъ и явленій въ историческо-церковно-религіозной жизни нашего Православнаго народа, и воспользоваться имъ въ приложеніи къ нынѣшнему и всегдашнему состоянію того же народа,—то одно это даетъ уже уразумѣть, какая сила спасительнаго благочестія заключается въ видимыхъ, внѣшнихъ приношеніяхъ по отношенію къ внутреннему, духовному преуспѣянію. И чтожъ? Кому же ближе и обязательнѣе уразумѣвать и прилагать къ дѣлу, во спасеніе свое и пасомыхъ, такой смыслъ и значеніе благочестиваго усердія на пользу храмовъ Божіихъ,—какъ не Архипастырямъ? О преосв. Филаретѣ мы, дѣйствительно, удостовѣряемся изъ многообразныхъ фактовъ, что онъ (говорится въ выпискѣ) „своею примѣрною попечительностію и трудами созидалъ и новые храмы, и обновлялъ и украшалъ прежніе, а равно устроялъ обители, иныя приводя въ лучшій видъ, а другія устрояя вновь,—равно онъ же съ особенною и, можно сказать, примѣрною же заботливостію и вѣрною предусмотрительностію занялся, съ первыхъ же поръ, правильнымъ распредѣленіемъ церковныхъ приходовъ и улучшеніемъ

нравственнаго и матеріальнаго состоянія духовенства".

Указываемая особенная попечительность и дѣятельность преосв. Филарета, нужно замѣтить, вызывалась особенными нуждами самой епархіи Калужской.—До 1799 г. она принадлежала къ Московской Митрополіи. и потому, при огромности послѣдней. естественно не могло быть обращаемо особеннаго вниманія на ея состояніе. Затѣмъ, со времени учрежденія въ ней самостоятельной епископіи, въ теченіе двадцати лѣтъ до самаго прибытія въ нее преосв. Филарета, въ ней были особенно часты перемѣны архіереевъ. Въ эти годы въ ней перебывали четыре архіерея, изъ коихъ двое послѣднихъ—преосв. Евгеній (впослѣдствіи Митр. Кіевскій) и Антоній—предмѣстникъ преосв. Филарета служили въ Калугѣ каждый по два только года съ половиною.— Все это, естественно, отзывалось запущеніемъ многаго и многаго въ устройствѣ епархіи, и потому-то. какъ мы видѣли. и самъ преосв. Филаретъ особенно поспѣшалъ прибытіемъ на эту свою каѳедру.

Объ архипастырскихъ дѣйствіяхъ преосв. Филарета по части храмоздательства, читаемъ слѣдующія свѣдѣнія [1]). „Съ самаго же начала своего служенія въ Калугѣ преосв. Филаретъ обратилъ особенное вниманіе на благоустройство церквей и распредѣленіе приходовъ. До него церкви были по большей части деревянныя, что, конечно, имѣло свои большія неудобства. Въ видахъ устраненія ихъ, преосв. Филаретъ издавалъ постоянныя распоряженія о построеніи, вмѣсто деревянныхъ, каменныхъ храмовъ. Къ такому важному дѣлу въ большинствѣ случаевъ располагалъ онъ богатыхъ помѣщиковъ. въ которыхъ тогда не было недостатка [2]); побуждалъ къ тому своими архипастырскими увѣщаніями также и самихъ прихожанъ. Для достиженія своихъ цѣлей Филаретъ прибѣгалъ иногда и къ болѣе дѣйствительнымъ сред-

---

[1]) Прибавленіе къ Калужск. епарх. Вѣдомостямъ № 7 и 8. 1884 г.

[2]) Архивъ Калужской духовной консисторіи дѣло за 1820 г. № 4260.

ствамъ и рѣшительнымъ мѣрамъ. Чтобы побудить прихожанъ къ устройству каменной церкви въ той или другой мѣстности, онъ давалъ, напр. подобнаго рода, резолюціи: „Чрезъ отца благочиннаго объявить прихожанамъ такого-то села, чтобы они безотлагательно приступили къ постройкѣ новой каменной церкви; въ противномъ же случаѣ приходская ихъ церковь деревянная будетъ запечатана, а приходъ будетъ приписанъ къ другимъ церквамъ“ [1]). Благодаря такой настойчивости преосвященнаго Филарета, при немъ было построено въ Калужской Епархіи, и при томъ въ непродолжительное время, около 25-ти каменныхъ церквей, напр., въ Жиздринскомъ уѣздѣ—въ Холмищахъ, Крапивнѣ, Ловати, Песочнѣ и Рѣчицахъ, въ Медынскомъ уѣздѣ—въ Межетчинѣ и Пловѣ, въ Боровскомъ уѣздѣ—въ Русиновѣ, Ѳедотовѣ, Гостешевѣ и друг.... Въ самой же Калугѣ устроена церковь при тюремномъ замкѣ и исправленъ заново теплый соборный храмъ Іоанно-Богословскій.

Такая ревностная попечительность о храмоздательствѣ вызывалась у Преосв. Филарета, само собою, не ради только количества церквей, но для удовлетворенія духовныхъ потребъ пасомыхъ и ихъ отношеній къ своимъ приходскимъ храмамъ, такъ какъ и сама св. Церковь возноситъ особыя моленія о *братіяхъ св. храма сего*, разумѣя подъ сими братіями въ буквальномъ, собственномъ значеніи всѣхъ прихожанъ съ священно-церковнослужителями во главѣ. Объ этомъ читаемъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ подлинныхъ дѣлъ Консисторскаго архива [2]), слѣдующія: „до сего времени приходы были здѣсь распредѣлены безъ всякаго принаровленія къ разстояніямъ, вслѣдствіе чего происходили нерѣдко крайне печальныя явленія, какъ можно это видѣть изъ донесенія напр. Козельскаго духовнаго Правленія его Преосвященству. „Въ городѣ Козельскѣ, за не раздѣленіемъ прихо-

---

[1]) Тамъ же за 1821-й годъ № 4480.

[2]) Тамъ же. Дѣла за 1820—1824 г. № 4425, 4735, 4276, 4356, 4240, 4327, 4454, 4744, 4480, 4940, 4150 и 4245.

довъ по кварталамъ, слѣдуютъ многіе и для всего духовенства предосудительные безпорядки, въ исправленіи приходскихъ требъ величайшія затрудненія. нехожденіе прихожанъ въ свои церкви, и за дальностію оныхъ часто совершаются по значительнымъ изъ прихожанъ умершимъ отпѣванія не въ приходскихъ церквахъ; нерѣдко же совершаются оныя даже въ домахъ за неудобностію носить тѣ мертвыя тѣла къ приходскимъ церквамъ совсѣмъ въ противную сторону отъ кладбища. мимо всѣхъ церквей,—отъ чего бываютъ немаловажные по церквамъ въ свѣчныхъ доходахъ убытки. Прихожане, не терпящіе отсрочки требы, просятъ исправлять ближайшихъ церквей священно-служителей, а не столь нужныя требы. въ случаѣ отреченія ближайшихъ священнослужителей, остаются совсѣмъ безъ исправленія. И многіе изъ прихожанъ рѣшительно не знаютъ своихъ приходскихъ священниковъ, а послѣдніе своихъ прихожанъ. Словомъ: до такой степени безпорядокъ дошелъ, что иные домы ни въ какомъ приходѣ не состоятъ, а другіе почитаются многихъ церквей приходскими, и одного дома семейство раздѣлено бываетъ на разные приходы, и многихъ церквей священнослужители въ оный ходятъ для исправленія требъ: отъ чего происходятъ у нихъ между собою и съ прихожанами ссоры и крайнія неудовольствія, а отъ сего многихъ охлаждается усердіе и расположеніе не только къ священнослужителямъ, но даже къ самой церкви Божіей и священнымъ ея обрядамъ [1]) и проч". Всѣ подобныя, печальныя явленія, бывавшія и въ другихъ мѣстахъ Калужской епархіи, были постоянно устраняемы раздѣленіемъ приходовъ примѣнительно къ мѣстамъ жительства прихожанъ въ селахъ и деревняхъ,— что, разумѣется, потребовало не мало труда со стороны покойнаго преосвящ. Филарета.

Устраивая церкви и приходы такъ, а неиначе, преосв. Филаретъ имѣлъ въ виду улучшеніе и матеріальнаго благосостоянія ихъ. Всякому извѣстно, что матеріальное по-

---

[1]) Архивъ Калуж. духов. кон. Дѣло за 1824 г. № 4936

ложеніе приходскихъ церквей и духовенства вообще бываетъ скудно. Для улучшенія этого положенія преосв. Филаретъ, управляя Калужскою епархіею, употреблялъ многоразличныя мѣры и средства. Такъ, если онъ замѣчалъ, что въ извѣстныхъ приходахъ священнослужители терпятъ большой недостатокъ въ насущномъ своемъ содержаніи, онъ обязывалъ или самихъ прихожанъ доставлять особо посильное вспомоществованіе [1]), или располагалъ мѣстнаго помѣщика выдавать духовенству опредѣленную ругу [2]), или же соединялъ два бѣдныхъ прихода въ одинъ [3]), если открывалось для этого удобство по самому мѣстному разстоянію. Далѣе для облегченія духовенства онъ побуждалъ прихожанъ строить священнослужительскіе домы [4]). Наконецъ для безземельныхъ церквей, скудныхъ по средствамъ, хлопоталъ объ отводѣ земли въ достаточномъ количествѣ; для этого сносился съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ и входилъ съ особымъ ходатайствомъ въ Св. Сѵнодъ. Помимо же этихъ общихъ мѣропріятій, особенно нуждающимся изъ духовныхъ лицъ въ матеріальной поддержкѣ онъ помогалъ часто изъ своихъ собственныхъ средствъ, равно какъ дѣлалъ это же въ случаѣ нуждъ и для самыхъ церквей при ихъ построеніи, или исправленіи, принимая при этомъ нерѣдко свое личное участіе въ строительскомъ-архитекторскомъ дѣлѣ“.

Указываемое въ послѣднемъ родѣ, личное, дѣятельное участіе преосв. Филарета мы встрѣчаемъ въ особенности въ дѣлѣ устройства прежде упомянутыхъ храмовъ въ самомъ г. Калугѣ,—именно храма въ тюремномъ замкѣ и соборнаго Іоанно-Богословскаго.

О первомъ въ выпискѣ говорится такъ: „При Калужскомъ тюремномъ замкѣ Его Преосвященствомъ, по его личной иниціативѣ, заложена и, подъ его надзоромъ

---

[1]) Тамъ же. Дѣло за 1823 г. № 4578.
[2]) Тамъ же. Дѣло за 1824 г. № 4782.
[3]) Тамъ же. Дѣло за 1824 г. № 4909
[4]) Тамъ же. Дѣло за 1824 г. № 4744

и при матеріальныхъ приношеніяхъ сооружена, и имъ же освящена церковь во имя Святителя Николая“ [1]). Излишне говорить, какія чувства должны наполнять всегда душу всякаго, когда представишь себѣ и заочно состояніе тюремныхъ заключенниковъ. Въ нашемъ Русскомъ простомъ народѣ въ особенности глубоки и, съ тѣмъ вмѣстѣ, характеристичны эти чувства по одному уже наименованію всѣхъ, безъ различія степени преступленія и виновности, заключенниковъ не иначе, какъ „*несчастными*“. Потому когда Русскій Православный видитъ отъявленнаго даже злодѣя, заслужившаго законную кару, хотя бы смертную казнь,—и тогда онъ выражаетъ къ нему тоже неизмѣнное чувство состраданія, какъ къ „*несчастному*“; видя его, онъ и молится за него, и дѣлаетъ тутъ же приношеніе въ его пользу, или на поминъ его души. Понятно, каковы чувства должны были проникнуть въ сердца гражданъ и прочихъ пасомыхъ Калужскихъ, когда лишь дошли до нихъ первые слухи, что Архипастырь ихъ предпринялъ такое благочестивое дѣло—сооруженіе храма для „несчастныхъ“ узниковъ. Эти чувства были тѣмъ глубже, что сооруженіе сего храма было въ ту пору, когда не существовало еще нынѣшнихъ, Высочайше учрежденныхъ, попечительныхъ о тюрмахъ Комитетовъ, на обязанности коихъ лежитъ долгъ попеченія о благоустроеніи помѣщеній и облегченіи участи заключенниковъ, а въ томъ числѣ и объ устроеніи для нихъ храмовъ. „И на самомъ дѣлѣ, говоритъ доставитель свѣдѣній, оказалось такъ, что самая иниціатива такого святаго дѣла собственно по благой мысли Архипастыря, и, тѣмъ паче, его же личное участіе въ устройствѣ храма съ принятіемъ на себя званія храмоздателя и жертвователя, глубже и назидательнѣе всякаго слова воздѣйствовали на сердца многихъ избранныхъ, чтобы не укоснить своимъ усердіемъ къ приношеніямъ въ пользу несчастныхъ заключенниковъ на предметъ такого благодатно-христіанскаго для нихъ утѣшенія. При этомъ

---

[1]) Смотри выписку стран. 2.

имѣло особенное значеніе и вліяніе самое посвященіе сего храма Св. Угоднику Николаю, столь усердно чтимому въ Православно-Русскомъ народѣ, олицетворяющемъ, такъ сказать, въ одномъ имени его—*благость и милость* ко всѣмъ *въ скорбьхъ и бѣдахъ и во узахъ и темницахъ сущимъ*“... Остается присовокупить,—что нѣтъ сомнѣнія, какъ глубоко совпадало съ этими чувствами и имя самого храмоздателя Архипастыря Филарета, оправдывавшаго подобными дѣяніями, носимое имъ, имя св. *Филарета милостиваго*, и, какъ вскорѣ увидимъ, дѣйствительно получившаго этотъ эпитетъ и наименованіе *благостнаго* Архипастыря и *милостиваго* отца всей паствы Калужской.

Вторымъ изъ подобнаго рода дѣяній преосв. Филарета было исправленіе заново и освященіе теплаго соборнаго храма во имя Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Потребность въ этомъ дѣлѣ, положимъ, вызвана была неожиданнымъ, несчастнымъ событіемъ—пожаромъ: зато здѣсь открылась одна изъ особенно высокихъ и назидательнѣйшихъ въ лицѣ Архипастыря духовныхъ сторонъ его,—это сила его вѣры и молитвеннаго дерзновенія, оправдавшихся въ значеніи даже чудодѣйственности. Отъ слова до слова это событіе изложено въ выпискѣ такъ: „Въ 1822 г. въ тепломъ Калужскомъ Богословскомъ соборѣ, отъ коего только стѣною отдѣляются зимніе покои Калужскихъ Преосвященныхъ, случился, по неосторожности, пожаръ. Преосвященный Филаретъ, узнавъ о семъ и не обращаясь никуда ни къ кому ни зачѣмъ, палъ со слезами предъ иконою Спасителя и молился не смотря на то, что дымъ уже проникъ въ самые покои молящагося Преосвященнаго; когда наконецъ стали уже силою принуждать его оставить молитву и выдти изъ покоевъ, въ которыхъ отъ дыму невозможно стало видѣть и почти дышать, то онъ тогда только согласился, когда ему сказали, что пожаръ вдругъ самъ собою сталъ совершенно потушаться, такъ что зданіе все снаружи уцѣлѣло, и остались лишь внутри его повреждения, которыя скоро и были возстановлены усердіемъ Владыки, и соборъ, въ непродолжительномъ вре-

мени, былъ освященъ Преосвященнымъ“ [1]). Читатели, конечно, видятъ здѣсь всю скромность излагавшаго это свѣдѣніе о лицѣ бывшаго Святителя; онъ выражается какъ бы гадательно, сколько и съ явною увѣренностію, приписывая скорое и безъ большаго вреда потушеніе пожара силѣ и дѣйствію Святительской молитвы. Послѣдуемъ и мы вполнѣ достойному примѣру столь умѣстной скромности относительно этого факта. Скажемъ только одно, что мы съ особенною увѣренностію и благоговѣніемъ должны дать сему факту значеніе дѣйствительности и чудодѣйственности, такъ какъ имѣемъ впереди совершенно тожественный фактъ въ жизни въ Бозѣ почившаго при другомъ несчастномъ случаѣ,—именно во время извѣстнаго, страшнаго наводненія, бывшаго въ С.-Петербургѣ въ Ноябрѣ 1827 г., когда въ Бозѣ почившій проживалъ тамъ (на Васильевскомъ Островѣ) по званію Присутствующаго въ Св. Сунодѣ.—И какъ послѣдній фактъ мы слышали непосредственно изъ устъ достовѣрнѣйшаго свидѣтеля—очевидца, который при одномъ воспоминаніи о семъ фактѣ, изливалъ слезы умиленія и благоговѣнія къ имени и памяти виновника его,—то предоставляемъ чувству всякаго благочестиваго читателя опредѣлить и то, каково было состояніе и Калужскихъ пасомыхъ, когда они осязательно узрѣли въ лицѣ своего Архипастыря столь высокій духъ благочестія въ видимомъ, чудодѣйственномъ знаменіи, совершившемся силою его вѣры и молитвы, и какое отсюда могло и должно было проистекать вліяніе на души и сердца способныхъ воспринимать силу и значеніе подобныхъ явленій. Въ цитуемой нами выпискѣ дѣйствительно приводится еще одинъ фактъ, который судя и по времени, и по отношенію къ тому же самому Богословскому Соборному храму, является какъ живое свидѣтельство указываемаго вліянія, „Калужскій купецъ Черновъ, движимый усердіемъ къ новообновленному уже Владыкою храму, обратился къ нему за благословеніемъ, чтобы сдѣлать

---

1) Смотр. выписки стран. 5—6.

пожертвованіе для собора—именно заказать въ Москвѣ отлить большой колоколъ. Владыка отъ души благословилъ, и колоколъ скоро же былъ отлитъ превосходный вѣсомъ въ 550 пудовъ и повѣшенъ при особомъ молебенномъ торжествѣ, совершенномъ самимъ Владыкою". Правда, при этомъ фактѣ мы съ одной стороны неизбѣжно встрѣчаемся съ тѣми же *велерѣчивыми* современными сужденіями какихъ коснулись мы прежде, при изложеніи свѣдѣній по части устроенія храмовъ и монастырей,—сказать даже болѣе, относительно колоколовъ, кажется всего чаще и рѣзче, выступаютъ указываемыя велерѣчія какъ бы противъ какого-то положительнаго злоупотребленія самыми чувствами благочестиваго усердія жертвователей... Но закрывая эту подложную сторону медали, и обращаясь къ другой лицевой, истинной, мы изъ настоящаго же факта убѣждаемся, что въ благословеніи Архипастыря на такое пожертвованіе заключалась прямая цѣль въ значеніи сколько христіанско-назидательномъ, столько и народно-русскомъ духѣ. Колокольный звонъ вообще, по самому каноническому положенію св. Церкви, имѣетъ не одно лишь значеніе звука, какъ сигнала къ призыванію и собранію вѣрующихъ въ храмъ на Богослуженіе. Самое общепринятое названіе сего звона именемъ „*Благовѣстъ*" даетъ широкій и глубокознаменательный смыслъ, начало котораго, очевидно, заключается не во внѣшней сторонѣ, а во внутренней, духовно-религіозной. Совершенно ложны и даже кощунственны тѣ мнѣнія, что будто бы усердіе Русскаго народа пріобрѣтать для храмовъ колокола особенно значительной величины—есть не болѣе, какъ желаніе, чуть не перешедшее въ моду и страсть, чтобы отличиться одному приходу предъ другимъ, городу предъ городомъ въ громкозвучности звона. Напротивъ исторически-статистически свидѣтельствуется, что чѣмъ городъ древнѣе, тѣмъ болѣе въ немъ благолѣпныхъ храмовъ, а на сихъ послѣднихъ особенно много вѣскихъ и звучныхъ колоколовъ, а по этому отличію безошибочно можно заключить и о степени благочестія живущихъ въ немъ. Снимите съ Кремлевской колокольни Царь-колоколъ, затемните зо-

лотые куполы и маковки на храмахъ Московскихъ. не услышьте одновременно громогласнаго благовѣста на всѣхъ *сорока-сорокахъ*... и вы не узнаете, что были въ Москвѣ, какъ *сердцѣ Россіи*—въ значеніи благочестиваго, Православно-Русскаго духа и чувства. Если же и о городѣ Калугѣ свидѣтельствовалъ самъ. въ прежде поминаемой прощальной своей рѣчи, преосв. Филаретъ, какъ о городѣ древнемъ, цвѣтущемъ благочестіемъ и добродѣтелями отцевъ и предковъ, то не только благословеніе. но и нарочитое убѣжденіе и расположеніе жертвователя Чернова, какъ нельзя болѣе, согласовалось съ мудрою, благочестивою попечительностію Архипастыря.

Далѣе что касается до попечительности и ревностной дѣятельности преосв. Филарета по отношенію къ монастырямъ, то,—какъ читаемъ въ свѣдѣніяхъ,—„не удивительно, а всего естественнѣе, было ожидать, что Владыка Филаретъ, какъ еще отъ юности своей возлюбившій святоиноческую жизнь и бывшій самъ въ полномъ смыслѣ строгимъ монахомъ, въ числѣ первыхъ же предметовъ архипастырскаго управленія Калужскою епархіею обратилъ особенное вниманіе на состояніе монастырей въ видахъ возможнаго улучшенія и внѣшняго и внутренняго ихъ устройства, съ учрежденіемъ даже новыхъ двухъ монастырей—одного самостоятельнаго—подъ наименованіемъ „*Добрый*“, и другаго—устроеннаго при Оптиной Пустыни, въ значеніи „*Скита*“, какъ мѣста удобнѣйшаго для ищущихъ безмолвнаго, строго-подвижническаго житія, къ устроенію котораго онъ и приложилъ особеннѣйшее усердіе и труды къ трудамъ“.

Объ одномъ, и первомъ по времени, изъ монастырей—*Лаврентьевомъ* значится въ собственныхъ запискахъ въ Бозѣ почившаго такая краткая замѣтка: „Въ Лаврентьевомъ монастырѣ, на первыхъ же порахъ, устроена домовая Церковь и обновлена большая, главная Церковь, а также и весь монастырь приведенъ въ благоустроенный видъ [1]). Этотъ монастырь, (Лаврентьевъ), ос-

[1]) Смотри записки листъ 2-й на оборотѣ.

нованный еще въ XVII в.. съ 1799 г. причисленъ былъ къ каѳедрѣ Калужскихъ архіереевъ, и, по близости разстоянія его отъ города,—(въ 3-хъ верстахъ), служилъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія ихъ. Такое назначеніе этого монастыря, очевидно, совпадаетъ со временемъ самого учрежденія въ г. Калугѣ отдѣльной, самостоятельной, епархіальной каѳедры, такъ какъ этотъ городъ и другіе, смежные съ нимъ, принадлежали къ митрополіи Московской. Но какъ замѣчено было прежде, что, бывшіе въ теченіе 20-ти лѣтъ, Преосвященные Калужскіе часто перемѣнялись, особливо два послѣднихъ, то естественно, что монастырское загородное помѣщеніе менѣе всего вызывало ихъ заботливость объ устройствѣ самаго монастыря. Потому-то и оказалось, на первыхъ же порахъ, нужда въ благоустроеніи этого Монастыря и, тѣмъ паче, въ устроеніи особой, домовой церкви, потребность въ которой всего естественнѣе ощущалась въ самомъ въ Бозѣ почившемъ въ силу его всегдашняго, глубоко-молитвеннаго настроенія духа.

Въ отношеніи къ другимъ обителямъ преосв. Филаретъ тоже не укоснилъ приложить свою архипастырскую заботливость. Такъ въ архивѣ Консисторіи встрѣчается дѣло за первый же годъ служенія его въ Калугѣ [1]) о *Лютиковѣ* Монастырѣ. Положеніе этого Монастыря было особенно до крайности скудно, главнымъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи. Вотъ что доносилъ въ своемъ репортѣ объ этомъ Настоятель Монастыря на имя Преосвященнаго въ первый же мѣсяцъ его прибытія. „Лютиковъ монастырь, съ давняго времени оставаясь безъ поддержки, пришелъ въ самое жалкое состояніе и требуетъ серьезной поддержки во всѣхъ своихъ частяхъ; но суммъ достаточныхъ, кромѣ небольшаго подаянія отъ доброхотныхъ дателей, которое собрать надежда есть, не имѣетъ". Принявши во вниманіе такую бѣдность монастыря, преосв. Филаретъ, какъ видно изъ дѣла, хотя и не безъ особыхъ хлопотъ, упрочилъ за нимъ около

---

[1]) Дѣло 1819 г. № 4174

100 десятинъ лучшей луговой земли, принадлежавшей до того времени сосѣдней Ильинской церкви, которая предъ тѣмъ сгорѣла, а по сему случаю и самый приходъ былъ распредѣленъ по другимъ ближайшимъ церквамъ. Наконецъ встрѣчаемъ свѣдѣнія объ учрежденіи новаго Монастыря, о чемъ, впрочемъ, говорится въ свѣдѣніяхъ самымъ краткимъ образомъ безъ указанія причинъ и обстоятельствъ, по коимъ послѣдовало это учрежденіе. Не имѣя сами лично никакихъ другихъ данныхъ, мы и ограничиваемся только слѣдующими словами, буквально значущимися въ указываемомъ свѣдѣніи.—„Благодаря стараніямъ самого преосв. Архипастыря Филарета, открытъ былъ новый въ Калужской епархіи мужской Монастырь съ наименованіемъ „*Добрый*“, гдѣ тогда же устроены были—Церковь, кельи для монашествующихъ и другія необходимыя зданія“ [1]).

За-то, какъ-бы въ замѣнъ краткости свѣдѣній о сейчасъ указанномъ Монастырѣ—„*Добромъ*“, мы имѣемъ предъ собою самое обширное и обстоятельное повѣствованіе о другомъ подобномъ дѣяніи преосв. Филарета въ Калужской епархіи.—„Это, какъ говоритъ составитель историческаго описанія Оптиной Пустыни,—навѣки долженствующій оставаться незабвеннымъ не для Калужской только паствы, но и для всѣхъ истинныхъ любителей и ревнителей отшельническаго житія,—истинно *великій подвигъ* Калужскаго Святителя Филарета по основанію имъ Іоанно-Предтеченскаго Скита, находящагося при Оптиной Пустыни.—Въ сердцѣ сего Архипастыря родилась свято-благочестивая мысль основать при Оптиной Пустыни Скитъ какъ для того, чтобы доставить желающимъ средство къ безмолвнѣйшему житію, такъ и для того, чтобы возвысить и укрѣпить на всегда въ духовномъ отношеніи любимую имъ обитель—Оптину“. А сверхъ сего, какъ открылъ впослѣдствіи въ своихъ запискахъ самъ въ Бозѣ почившій, „была въ душѣ его и та мысль, „чтобы со временемъ обрѣсти себѣ

[1]) Смотр Прибавл. къ Калуж. епарх. Вѣдомостямъ 1884 г. № 7—8 стр. 174.

здѣсь же покой отъ служенія епархіальнаго и посвятить себя подвигу иноческому“ [1]).

Въ видахъ истинно-назидательнаго интереса мы надѣемся не обременить читающихъ, хотя и очень не краткимъ, изложеніемъ свѣдѣній о настоящемъ архипастырскомъ подвигѣ въ Бозѣ почившаго. Въ этомъ изложеніи мы воспользуемся помянутымъ историческимъ описаніемъ [2]), соображая его съ имѣющимися у насъ особыми данными.

---

[1]) Смотри записки. Листъ 2-й на обор.

[2]) Издан въ 1862 г.

ГЛАВА XVI.

«Оптина Пустынь справедливо называется возрожденною Митрополитомъ Московскимъ Платономъ, но столько же справедливо она была окончательно утверждена и благоустроена Филаретомъ, бывшимъ Епископомъ Калужскимъ, и возвышена въ самомъ духѣ пустынножительскаго благочестія устроеніемъ при ней особаго Скита [1])».

«Митрополитъ тамъ—въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь—въ Скитѣ онъ просто—инокъ [2])»

„Едва исполнилось, пишетъ составитель историческаго описанія Оптинскаго Іоанно-Предтеченскаго Скита,—двадцатипятилѣтіе со времени возрожденія Оптиной Пустыни приснопамятнымъ Платономъ митроп. Московскимъ, какъ вступилъ въ управленіе Калужской епархіею преосв. епископъ Филаретъ,—и Оптина Пустынь нашла въ немъ новаго, на вѣки незабвеннаго благодѣдѣтеля.

„Преосвященный Филаретъ. любя, по собственному выраженію, отъ самой юности всею душою монашеское житіе, часто посѣщалъ монастыри ввѣренной ему епархіи и обратилъ особенное вниманіе на пустынную обитель Оптину, которая отличалась внутреннимъ устройствомъ и благолѣпіемъ. Видя это, Боголюбивый Архипастырь съ удовольствіемъ посѣщалъ ее и возъимѣлъ особенное расположеніе къ бывшему тогда Настоятелю ея о. Игумену Даніилу.

---

[1]) Слова изъ Историч. описанія Скита

[2]) Слова, сказанныя высокопр. Филаретомъ Козельскому городскому Головѣ въ бытность его, въ санѣ уже Митрополита Кіевскаго, въ Скитѣ проѣздомъ въ 1837 г.

„Подобно митрополиту Платону, преосв. Филаретъ особенно плѣнялся красотою мѣста, занимаемаго Пустынью и удобствомъ, которое представляли ея лѣсистыя окрестности къ прохожденію уединеннаго, пустыннаго житія, по примѣру древнихъ св. отцевъ. Въ сердцѣ Святителя родилась благочестивая мысль основать при Оптиной Пустыни отдѣльный Скитъ, какъ для того, чтобы доставить желающимъ удобство къ безмолвнѣйшему житію и, съ тѣмъ вмѣстѣ, возвысить и укрѣпить навсегда въ духовномъ отношеніи, любимую имъ, обитель.

„Но кому поручить устройство и управленіе Скита?

„Въ Смоленской губерніи, въ 40 верстахъ отъ города Рославля, среди глубокихъ лѣсовъ, издавна подвизалась семья безмолвно-любивыхъ отшельниковъ, прославленныхъ именами знаменитыхъ старцевъ Варнавы, Никиты, Іакова, Василиска, Зосимы, Адріана, Аѳанасія и другихъ.

„Въ то время, къ которому относится наше повѣствованіе, т. е. въ 1820 г., въ братствѣ этомъ состояли слѣдующія лица: старцы—іеросхимонахъ Аѳанасій и Досиѳей, (послѣдній родомъ изъ Карачева), иноки: отецъ Моисей съ роднымъ братомъ о. Антоніемъ—(изъ московскихъ купцовъ Путиловыхъ), о. Савватій, Иванъ Ѳеодоровъ Дранкинъ—(изъ карачевскихъ гражданъ).

„Къ нимъ-то и обратилось мудро-опытное вниманіе Преосвященнаго. Онъ уже зналъ отчасти эту семью: не рѣдко то тотъ, то другой изъ монашествующихъ его епархіи просилъ у него благословенія побывать *„пользы ради и совѣта духовнаго“* у отшельниковъ Рославльскихъ; не разъ онъ слыхалъ о ихъ достоподражательной жизни и отъ схимонаха Оптиной пустыни о. Вассіана, который пользовался благосклонностію Владыки.

„Этихъ-то пустыннолюбцевъ вознамѣрился призвать преосвященный Филаретъ для устройства, предполагаемаго имъ при Оптиной пустыни, Скита и для постояннаго ихъ въ немъ водворенія. Богъ вспомоществовалъ благому намѣренію Архипастыря: оно исполнилось ранѣе, чѣмъ онъ могъ предполагать. Въ концѣ 1820 года одинъ изъ числа Рославльскихъ отшельниковъ, инокъ

Моисей, имѣя необходимую нужду быть въ Москвѣ, вздумалъ по пути туда побывать и въ Оптиной пустыни, о которой много былъ наслышанъ отъ приходившаго къ нимъ оттуда, „пользы ради и совѣта“, подвижника монаха Ѳеофана. Настоятель Оптиной пустыни игуменъ Даніилъ, зная о благомъ намѣреніи Преосвященнаго, представилъ ему о. Моисея. Отечески-милостиво принялъ его *монахолюбивый* Владыка и совѣтовалъ перемѣститься съ братіею въ его Епархію, дабы принять на свое попеченіе заведеніе и устройство Скита въ любомъ мѣстѣ лѣса, принадлежащаго къ Оптиной пустыни.

„О. Моисей, по его собственнымъ словамъ, будучи привлекаемъ благосклонностію Архипастыря, вниманіемъ о. Игумена Оптиной пустыни Даніила и старца оной о. Вассіана, хотя и соглашался сердечно на исполненіе ихъ общаго совѣта, но не могъ совершенно рѣшиться послѣдовать ему безъ свиданія и совѣта съ своими старцами и сожительствующею братіею, почему и отправился въ обратный путь, получивъ отъ преосвященнаго Филарета письмо къ начальному ихъ старцу—іеросхимонаху Аѳанасію, слѣдующаго содержанія:

„Братъ вашъ, а мой сынъ по духу, схимонахъ Вассіанъ возвѣстилъ мнѣ, что вы имѣете желаніе, для удобнѣйшаго прохожденія подвиговъ монашеской жизни, избрать себѣ и съ единодушными вамъ братіями уединенное мѣсто при Введенской Оптиной пустыни. Тоже самое подтвердилъ и о. Моисей, бывшій у меня проѣздомъ въ Москву. Таковое желаніе ваше, считая особенною милостію Божіею къ моему недостоинству, я готовъ принять васъ и другихъ пустынножителей, которыхъ вы съ собою взять заблагоразсудите, со всею моею любовію. Я вамъ позволяю въ монастырскихъ дачахъ избрать для себя мѣсто, какое вамъ угодно будетъ, для безмолвнаго и отшельническаго житія, по примѣру древнихъ св. отцевъ-пустынножителей. Кельи для васъ будутъ изготовлены, какъ скоро вы изъявите на то свое согласіе. Отъ монастырскихъ послушаній вы совершенно будете свободны; увѣряю васъ пастырскимъ словомъ, что я употреблю все мое попеченіе, чтобъ васъ упокоивать. Любя, отъ юно-

сти моей, отъ всей моей души монашеское житіе, я буду находить истинную радость въ духовномъ съ вами собесѣдованіи. Призывая на васъ благословеніе Божіе, и моля Господа Іисуса Христа, да совершитъ Онъ благое желаніе ваше, съ моимъ истиннымъ къ вамъ почитаніемъ и братскою любовію имѣю радость быть. P. S. И настоятель теперешній, о. игуменъ Даніилъ, очень радъ будетъ пришествію вашему. Онъ человѣкъ весьма добрый, благоразумный и монахолюбивый. Вы его полюбите".

Возвратясь въ свое уединеніе, инокъ Моисей вручилъ старцу Аѳанасію письмо Преосвященнаго и подробно объяснилъ единомысленной съ нимъ братіи тѣ удобства и духовную пользу, которыя представляетъ возможность проходить уединенное житіе, при благоустроенной Оптиной пустыни и подъ покровительствомъ такого боголюбиваго Архипастыря, каковъ преосвященный Филаретъ. Предложеніе о. Моисея было принято съ радостію и на общемъ совѣтѣ согласились всѣ послѣдовать сему призванію, признавъ его и за призваніе Божіе, особенно въ томъ вниманіи, что въ это же время, попущеніемъ Господнимъ, мирное ихъ безмолвіе начало нѣсколько подрываться притязаніями окружнаго земскаго начальства. Вслѣдствіе этого рѣшенія о. Моисей немедленно отнесся какъ къ самому преосвященному Филарету, такъ и къ Оптинскому игумену о. Даніилу, письмами. Старецъ Аѳанасій также послалъ свой смиренный отвѣтъ на архипастырское письмо.

Преосвященный Филаретъ немедленно почтилъ письмо старца Аѳанасія отвѣтомъ слѣдующаго содержанія: „Душевно я возрадовался, что Господь Іисусъ Христосъ вложилъ въ сердце ваше благую мысль о водвореніи васъ съ братіею въ Оптиной обители. По желанію вашему я препоручилъ о. игумену Даніилу отвести приличное и весьма удобное для скитской жизни мѣсто на монастырской пасѣкѣ, и дозволить усердному благодѣтелю, купцу Брюзгину, строить кельи. Когда вы съ братіею прибудете къ намъ, тогда формальнымъ образомъ можемъ учредить и правила для скитскаго житія по

мыслямъ вашимъ и по духу св. пустынножителей.—Безмолвіе ваше ограждено будетъ какъ со стороны братіи манастырской. такъ и со стороны мірскихъ людей.—По полученіи извѣстія о прибытіи вашемъ. я самъ поспѣшу видѣться съ вами, чтобы взаимнымъ совѣтомъ совершить сіе святое и богоугодное дѣло. Отцу Моисею прошу свидѣтельствовать мою любовь. Я очень благодаренъ за его ко мнѣ писаніе. Особенно къ нему не пишу, ибо увѣренъ. что у васъ *„едино сердце“*.

Это письмо служитъ яснымъ доказательствомъ. какое живое участіе принималъ преосв. Филаретъ въ устройствѣ скита и вообще, какъ онъ много ревновалъ къ пользамъ душеспасительной иноческой жизни.

„Когда приглашенные старцы (кромѣ впрочемъ іеросхимонаха Аѳанасія и о. Досиѳея) явились въ Калугу предъ лице преосв. Филарета. отечески—милостиво принялъ ихъ владыка, обрадованный искренно тѣмъ, что благое желаніе его начинаетъ приводиться въ исполненіе. Послѣ духовной бесѣды о правилахъ для скитской жизни, по духу св. пустынножителей, отшельники получили отъ Преосвященнаго пастырское наставленіе и благословеніе на избраніе, по ихъ усмотрѣнію, мѣста въ лѣсу близь Оптиной пустыни. Посовѣтовавшись взаимно, они заняли мѣсто уже предъ-избранное для безмолвной жизни блаженнымъ старцемъ Іоанникіемъ,—среди лѣса на восточной сторонѣ монастырскихъ владѣній,—въ 170 саженяхъ отъ обители близь пасѣки. Тогда же о. Моисей съ игуменомъ Даніиломъ составили планъ къ строенію скита и представили его къ преосвященному Филарету, который немедленно утвердилъ его слѣдующею резолюціею: „1821 года Іюня 17-го дня. По сему начертанію строить скить да благословитъ Господь Богъ и благодатію Своею да поможетъ совершить“. При чемъ преосв. Филаретъ почтилъ Оптинскаго игумена Даніила собственноручнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Для строенія Скита представили мнѣ пустынножители планъ, который я подписаніемъ своимъ утвердилъ. Прошу покорно отвесть имъ. по ихъ и вашему избранію, мѣсто; Господь да благословитъ начать имъ доброе и

угодное Ему дѣланіе: пусть они трудятся въ очисткѣ мѣста. Ежели готовы матеріалы, то я благословлю обѣими руками строить прежде кельи, а потомъ и прочее нужное. Я буду къ вамъ въ началѣ Успенскаго поста на цѣлую недѣлю говѣть. Пріятно бы для меня было, ежели бы до того времени они построились. До рѣшительнаго положенія полныхъ правилъ житія ихъ, прошу васъ теперь же сдѣлать: 1-е братіямъ воспретить къ нимъ входъ безъ вашего дозволенія и не въ назначенное время; 2-е женскому полу совершенно возбранить туда входъ; 3-е другимъ мірскимъ людямъ не иначе позволять входъ, какъ съ согласія ихъ старца. 4-е Во всемъ, гдѣ можно помочь имъ въ построеніи безъ отягощенія монастыря, не откажите. 5-е Запретите строго рубить всякій лѣсъ около сего скита;—а что еще откроется нужнымъ, я полагаюсь на извѣстное мнѣ благоразуміе и усердіе ваше".

„Имѣя благословеніе Архипастыря, призвавъ въ поспѣшеніе имя Господне, о. Моисей съ братіею своею и схимонахомъ Вассіаномъ приступили къ дѣлу, и именно: скитяне выстроили себѣ на первый разъ, изъ срубленнаго на мѣстѣ лѣса, небольшую келью на юго-восточной сторонѣ, и жили въ ней всѣ пятеро вкупѣ общежительно. Потомъ обнесли все расчищенное мѣсто досчатымъ заборомъ и наконецъ приступили, съ благословенія Преосвященнаго, къ построенію скитской церкви во имя собора св. Іоанна Предтечи Господня. По волѣ Архипастыря ей присвоивалось названіе *„домовой церкви* для архіерейскаго пріѣзда", на каковой конецъ и предложено устроить западную часть ея по домовому расположенію. Первоначальный иконостасъ въ ней былъ пожертвованъ преосв. Филаретомъ,—именно тотъ самый, который онъ устраивалъ-было для своей домовой церкви въ Калужскомъ Лаврентьевскомъ монастырѣ.

„Боголюбивый Архипастырь, бдительнымъ окомъ надзирая за успѣшнымъ устроеніемъ Скита, ободрялъ труждающихся словомъ и дѣломъ.—По освященіи церкви, 1882 г. Іюня 3 дня, съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, онъ постригъ о. Моисея въ

монашество; 22 Декабря того же года рукоположилъ во іеродіакона, 25 числа во іеромонаха, и въ тоже время опредѣлилъ его общимъ духовникомъ Оптиной пустыни. Не оскудѣвала и паче возрастала и ревность о. Моисея въ порученномъ ему дѣлѣ устройства скита: постепенно, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, возникали, видимыя нынѣ по сторонамъ, церкви, отдѣльные флигели братскихъ келлій. Между же келлій и вокругъ церкви по всему Скиту насаждены плодовыя деревья, перемежающіяся ягодными кустарниками; на восточной сторонѣ Скита, на маломъ протокѣ, запружены два пруда; словомъ, устроены всѣ, видимыя нынѣ, принадлежности скитскаго общежитія.

„Въ западной части, устроенной, какъ сказано, по домовому расположенію, обыкновенно помѣщался преосв. Филаретъ, когда пріѣзжалъ въ Скитъ. Между прочими въ ней помѣщеніями и теперь посѣтители увидятъ дверь изъ главнаго покоя (залы), ведущую налѣво въ такъ называемую архіерейскую опочивальню: кровать и простой шкафъ для книгъ съ комодомъ внизу составляютъ все ея убранство. Опочивальня эта оставлена въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ она служила мѣстомъ краткаго успокоенія отъ дневныхъ трудовъ незабвеннаго Калужскаго архипастыря преосв. Филарета (блаженнаго митрополита Кіевскаго). Онъ, послѣ основанія скита въ 1821 г., почти ежегодно проводилъ здѣсь сырную седмицу; для чего пріѣзжалъ запросто, безъ всякой свиты, удивляя и утѣшая всѣхъ скитянъ своею примѣрною простотою, доступностію и усерднѣйшимъ молитвеннымъ подвигомъ. Настоятель обители—тогда настоятель Скита, о. Моисей замѣнялъ ему келейника, считая за честь послужить своему Архипастырю въ его невзыскательныхъ и несложныхъ нуждахъ. Въ шкафу хранится полный кругъ богослужебныхъ книгъ, присланный покойнымъ Митрополитомъ въ даръ Оптинскому Скиту, нѣкоторыя съ собственною его надписью, въ 1857 г.—за два мѣсяца до своей кончины. И такъ, это послѣдній, видимый знакъ его отеческаго вниманія къ Оптинскому Скиту, о которомъ онъ, и вдали отъ него, часто вспоминалъ, называя въ бесѣдахъ „мой Скитъ“.

„Пройдя домовую часть церкви, вы входите какъ бы въ поперечный корридоръ, въ коемъ на лѣвой сторонѣ устроена кладовая комната для ризницы; а правая составляетъ, такъ называемый, „молитвенный покоецъ", гдѣ въ 1833 г. усердіемъ московскаго купца Алексѣя Ивановича Лобкова сдѣланъ иконостасъ; здѣсь прежде стаивалъ во время службы преосвященный Филаретъ, часто по цѣлымъ недѣлямъ проживавшій въ Оптиной обители; теперь же денно и нощно читается здѣсь Псалтырь въ тѣ дни, когда не бываетъ церковной службы.

„Выражая постоянное заочное вниманіе къ скиту и вдали при воспоминаніяхъ называя его не иначе, какъ *„мой скитъ"*, въ Бозѣ почившій въ теченіе послѣдующей своей жизни лично посѣтилъ его двукратно. Такъ, въ 1837 г. Іюня 17-го дня, проѣзжая изъ С.-Петербурга въ Кіевъ, куда онъ только что назначенъ былъ Митрополитомъ, онъ прибылъ въ Оптину пустынь. На утро слѣдующаго дня высокій гость прибылъ въ устроенный по его благословенію Скитъ; отслуживъ литургію, изволилъ обходить весь скитъ, и, остановясь противъ церкви, поучалъ братію отъ отеческихъ словесъ со смиренномудріемъ, которое онъ трогательно показалъ пришедшему къ нему передъ обѣднею съ поздравленіемъ Козельскому градскому головѣ Карлину и прочимъ гражданамъ: „Митрополитъ въ монастырѣ; а здѣсь въ Скитѣ онъ—просто инокъ"—кротко молвилъ Архипастырь, и уклонился отъ принятія почетнаго поздравленія, показуя собою примѣръ смиренія. Въ заключеніе всего высокопреосв. Владыка посѣтилъ келью скитоначальника о. Антонія и нѣкоторыхъ изъ скитскихъ старцевъ. Съ нимъ находился и провожалъ его преосв. Николай Епископъ Калужскій. Въ 12 часу, послѣ праздничной обѣдни, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ отправился изъ Оптиной пустыни, чрезъ г. Козельскъ, въ дальній путь, оставивъ какъ въ обители, такъ и въ скитѣ неизгладимую память своего милостиваго вниманія.

„Въ другой разъ скитъ удостоился видѣть въ своей оградѣ незабвеннаго виновника своего существованія въ 1842 году 20 Мая. Объ этомъ посѣщеніи читаемъ

слѣдующій подробный разсказъ въ историческомъ описаніи скита: „Отъ монастырскаго перевоза на рѣкѣ Жиздрѣ высокопреосв. Филаретъ изволилъ идти пѣшкомъ и былъ встрѣченъ Игуменомъ и братіею соборнѣ въ облаченіи у воротъ входной башни. Отсюда по лѣстницѣ, ведущей на гору, взошелъ во св. врата и вступилъ ими въ соборную церковь, при пѣніи стихиры: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“. Послѣ эктеніи и многолѣтія изволилъ благословлять по ряду всю братію. При чемъ, видя, съ какимъ благоговѣніемъ и любовію соборъ иноческій стремился принять его архипастырское благословеніе, высокопреосв. Владыка, обратясь къ предстоящему Игумену Моисею, сказалъ ему: *„Отецъ Моисей! веди всѣхъ ихъ въ царство небесное,—ни одного не оставляй“*. Эти незабвенныя слова глубоко напечатлѣлись на сердцахъ Оптинскихъ иноковъ, и безъ сомнѣнія долго будутъ передаваться отъ одного другому, какъ завѣтъ милостиваго вниманія и отеческой любви высокопреосв. Филарета къ ихъ обители и вообще къ монашескому сану... Многіе изъ окрестныхъ дворянъ, узнавъ о прибытіи ихъ бывшаго Архипастыря, поспѣшили въ Оптину пустынь получить его благословеніе. Съ благоговѣніемъ замѣтили они, что чрезъ часъ съ небольшимъ по прибытіи высокопреосв. Филарета въ обитель, во время молебствія въ церкви, ниспослана благодать Божія на ихъ предѣлы; именно послѣ засухи, продолжавшейся почти мѣсяцъ, пролился на землю обильный, благотворный дождь [1]) и оросилъ почернѣвшія поля, „а на землѣ сердецъ нашихъ,—(прибавляютъ къ сему замѣчанію оптинскіе иноки), благословеніемъ сего высокаго посѣтителя излился дождь духовнаго утѣшенія и радости“.

---

[1]) Это же самое совершилось, но особеннымъ знаменательнымъ образомъ, въ самомъ городѣ Калугѣ, гдѣ былъ, предъ посѣщеніемъ пустыни, высокопр. Филаретъ. Этотъ послѣдній фактъ переданъ мнѣ лично однимъ очевидцемъ—нынѣ Генераломъ Серг. Павл. Толстымъ, живущимъ въ г. Казани, гдѣ онъ зналъ лично, бывши еще мальчикомъ, высокопр. Филарета въ бытность его Архіеп. Казанскимъ. Указываемый фактъ мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ.

По выходѣ изъ церкви, Митрополитъ посѣтилъ настоятельскія кельи; предъ всенощною, по просьбѣ Козельскаго почетнаго гражданина Александра Дмитріевича Брюзгина и братьевъ его, служилъ панихиду по ихъ родителяхъ, погребенныхъ въ здѣшней обители, а послѣ панихиды почтилъ литіею на гробѣ память блаженнаго старца іеросхимонаха Леонида (Льва). Послѣ того всенощную сначала слушалъ въ монастырскомъ храмѣ, а во время чтенія каѳизмъ посѣтилъ скитъ и слушалъ, продолжавшееся въ то время въ скитской церкви, бдѣніе до величанія; потомъ приложась къ святой иконѣ Владимірской Божіей Матери, возвратился въ монастырь для отдохновенія, будучи утрудненъ путешествіемъ.

На другой день, въ 6 часовъ утра, Архипастырь отправился въ Скитъ пѣшкомъ, слушалъ здѣсь литургію, а послѣ оной удостоилъ своимъ посѣщеніемъ скитоначальника о. Макарія, гдѣ было поднесено Его Высокопреосвященству рукодѣліе скитской братіи: деревянныя ложки и токарная ваза, которыя онъ благоволилъ принять съ пастырскою благосклонностію. Отеческую бесѣду свою, при этомъ случаѣ, высокопреосв. Филаретъ заключилъ печальнымъ извѣстіемъ, что онъ уже послѣдній разъ посѣщаетъ Скитъ. Посѣтивши келліи нѣкоторыхъ старцевъ и милостиво побесѣдовавши съ ними, онъ прошелся еще разъ по Скиту, какъ бы желая напечатлѣть въ памяти его расположеніе, вкусилъ скитскаго хлѣба и отправился въ монастырь. Пришедши въ настоятельскія келліи, потребовалъ къ себѣ скитоначальника и пожаловалъ дорогаго фіолетоваго бархата, приказавъ сдѣлать изъ него въ скитскую церковь одежду на св. престолъ и жертвенникъ.

„Вообще истинно отеческою любовію къ обители и благосклоннымъ обхожденіемъ со всѣми, высокопр. Филаретъ оставилъ неизгладимое впечатлѣніе въ сердцахъ оптинскихъ иноковъ, которые, при глубочайшемъ почтеніи и уваженіи къ его высокому сану, питаютъ къ нему искреннюю, сыновнюю любовь и признательность; разсказъ о послѣднемъ посѣщеніи ихъ обители Кіевскимъ Владыкою они обыкновенно оканчиваютъ печальнымъ воспомина-

ніемъ прощальныхъ словъ скитянамъ: „я уже послѣдній разъ посѣщаю вашъ Скитъ“ [1]). Въ скитѣ, именно въ одной изъ комнатъ, находящихся при домовой церкви. между другими портретами досточтимыхъ скитянами лицъ. находится и теперь портретъ въ Бозѣ почившаго высокопреосв. Филарета, писанный акварелью чрезвычайно похожій, пожертвованный въ пользу скита іеромонахомъ онаго Леонидомъ, а имъ полученъ въ подарокъ отъ покойнаго князя Д. Н. Урусова [2]).

Такова исторія, основаннаго въ Бозѣ почившимъ Владыкою Филаретомъ, Скита, который достойно и праведно названъ незабвеннымъ памятникомъ не только для Калужской паствы, но и для всѣхъ любителей и ревнителей истинно отшельническаго житія въ нашемъ православномъ отечествѣ.

Обращаемся къ дальнѣйшему изложенію свѣдѣній объ административной дѣятельности преосв. Филарета въ Калужской Епархіи.

---

[1]) Дѣйствительно, съ Мая 1842 г. Скитъ не имѣлъ болѣе утѣшенія видѣть въ скромномъ уединеніи своемъ любимаго Владыку до самой его блаженной кончины (послѣдовавшей 21 Дек. 1857 г.)

[2]) Самое историческое описаніе скита (изд. 2-е 1862 г.) украшено также портретомъ въ Бозѣ почившаго Митрополита Филарета.

ГЛАВА XVII.

«Всѣ дѣла по управленію Епархіею (Калужскою) текли у преосвященнаго Филарета во всемъ неопустительно, стройно и въ порядкѣ, и потому благоуспѣшно и благотворно. Главнѣйшею и отличительною чертою и какъ бы задачею во всѣхъ его рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ была—благость» [1].

«Вся Калужская паства молила Господа, (при разставаньи съ преосв. Филаретомъ), да пошлетъ ей въ утѣшеніе подобнаго, истиннаго отца—Архипастыря» [2].

„Всѣ дѣла въ Консисторіи по управленію Калужскою епархіею, текли у преосв. Филарета во всемъ неопустительно, стройно, въ порядкѣ и, потому, благоуспѣшно и благотворно. Главнѣйшею и отличительною чертою и какъ бы задачею во всѣхъ его архипастырскихъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ была *благость*“ [3]. Эти слова, значащіяся въ выпискѣ, о служеніи преосв. Филарета въ Калужской епархіи, и поставленныя нами въ эпиграфѣ,—на сколько можно напередъ сказать,—должны служить девизомъ и для всего *сорокалѣтняго*, архипастырскаго служенія въ Бозѣ почившаго во всѣхъ другихъ мѣстахъ до послѣднихъ буквально минутъ его жизни. Правда, всѣ эти административно-епархіальныя дѣла и занятія, отличавшіяся образцовою неопустительностію, по временамъ, видимо, тяготили его: не разъ

---

[1]) Слова изъ выписки Консисторской.

[2]) Изъ свѣдѣній объ отъѣздѣ и проводахъ преосв. Филарета изъ Калуги.

[3]) Смотр. выписку. Стр. 3.

помышлялъ было онъ и объ увольненіи отъ епархіальнаго служенія,—что мы видѣли уже и въ исторіи устроенія Оптинскаго Скита [1]), и не разъ приготовлялъ было уже и прошенія [2]), особливо по чувству и настроенію къ пустынножительству. Но, при всемъ этомъ, видимъ въ описаніи послѣднихъ дней его жизни такое свидѣтельство:—„Опасаясь, чтобы не было какихъ-либо опущеній въ дѣлахъ епархіальнаго управленія, онъ, при всей своей старческой немощи, до самыхъ послѣднихъ поръ всегда твердо держалъ ихъ въ своихъ рукахъ, хотя и имѣлъ у себя Викарія. Даже 13 и 14-го чиселъ Декабря, слѣдовательно ровно за недѣлю до кончины, и при тяжкихъ уже симптомахъ болѣзни, онъ занимался дѣлами, принималъ доклады, журналы, подписывалъ бумаги“ [3]), не говоря уже о словесныхъ распоряженіяхъ.

Судя по одной такой, сохранившейся до гроба, энергіи въ дѣловыхъ занятіяхъ, естественно заключеніе, что она была плодомъ постоянной, сознательной, а не формальной лишь дѣятельности,—начало которой, какъ видимъ, было положено съ самыхъ первыхъ поръ Святительскаго служенія въ Калужской епархіи. При этомъ же нельзя не признать той еще отличительной черты, (какъ увидимъ въ многообразныхъ фактахъ), что въ какой мѣрѣ въ душѣ въ Бозѣ почившаго, время отъ времени, развивалось и усовершалось чувство и настроеніе духовно-подвижническое, (въ силу котораго и проявлялось у него такое *монахолюбіе*, образецъ котораго видѣли мы въ Скитѣ Оптинскомъ),—въ такой же мѣрѣ и даже какъ-бы сугубо развивалось въ немъ,—если можно такъ выразиться, *пастырстволюбіе* и въ частности—*духовенстволюбіе*. — Въ этомъ отношеніи намъ представ-

---

[1]) Тоже увидимъ и во время служенія его въ Казани, гдѣ онъ устроилъ было собственно для себя помѣщеніе въ Раиѳской Пустыни, наконецъ и въ самомъ Кіевѣ, гдѣ устроена была имъ для сего Голосѣева Пустынь.

[2]) Черновыя, собственно-ручныя прошенія его имѣются у насъ въ матеріалахъ.

[3]) Смотр. Послѣдніе дни стр. 7—17.

ляется особенно характеристичнымъ и знаменательнымъ то самое выраженіе въ Бозѣ почившаго—что „въ Скиту нѣтъ Митрополита, а простой монахъ“. Такъ точно это же выраженіе тожественно по своему значенію и приложенію къ нему и на оборотъ: на Епархіи,—среди пасомыхъ и въ отдѣльности въ средѣ духовенства онъ былъ уже *не монахъ*,—а *Архипастырь*, лицо общественно-служебное, поставленное въ обязанность входить во всѣ потребности, условія и отношенія, въ какихъ только можно и должно было видѣть всю паству въ разнообразныхъ общественныхъ [1]) и частныхъ, житейскихъ и семейныхъ положеніяхъ. Наконецъ же, что главнѣйшее во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, это тоже самое, что мы видѣли въ лицѣ въ Бозѣ почившаго въ значеніи монахолюбія. Какъ онъ являлся всегда въ средѣ простыхъ иноковъ истинно какъ въ родной семьѣ и не какъ главенствующій, но болѣе всего собратствующій всѣмъ и каждому; такъ увидимъ въ дѣйствительныхъ фактахъ, что и въ средѣ духовенства являлся онъ какъ въ родной семьѣ, истинно какъ отецъ сочувствующій, сердобольный и самымъ дѣломъ являвшій ко всѣмъ и всякому свою милость и благость, и такую расположенность и любовь, образцовый примѣръ которой можно было видѣть въ немъ и къ своимъ роднымъ по плоти. Потому-то онъ самъ именовалъ духовенство именно „*родными своими сословіемъ*“.

Къ этимъ характеристичнымъ фактамъ мы должны присовокупить еще и содержаніе весьма многихъ писемъ, (въ числѣ 40) [2]), писанныхъ самимъ въ Бозѣ почившимъ къ разнымъ лицамъ, въ связи съ его воспоми-

---

[1]) Даже и въ *общественно-политическихъ*, что увидимъ въ своемъ мѣстѣ по поводу крестьянско-помѣщичьихъ движеній въ Кіевскомъ краѣ (1846—47 г.). Фактъ этотъ, весьма замѣчательный, будетъ изложенъ съ подлинныхъ документовъ.

[2]) Письма эти напечатаны въ Полтав. Епарх. Вѣдомостяхъ 1865—66 г ; въ числѣ этихъ писемъ находятся и письма высокопр. Филарета къ Настоят. Оптинской пустыни– о. Игумену Даніилу.—Содержаніе этихъ писемъ по мѣстамъ будетъ представлено въ выдержкахъ.

наніями о времени служенія въ Калужской паствѣ и, въ частности, о незабвенныхъ для него—Оптиной Пустыни и Скитѣ. Чтобы напередъ дать понять читающимъ содержаніе этихъ писемъ, мы воспользуемся здѣсь однимъ. глубоко и вѣрно характеризующимъ эти письма, свидѣтельствомъ. „Съ замѣчательною до рѣдкости ясностію. полнотою, опредѣленностію освѣщаютъ эти письма внутреннюю жизнь и дѣятельность въ Бозѣ почившаго. Онѣ изображаютъ намъ и его Евангельскую вѣру, и твердость упованія, и живую, всецѣлую любовь къ Богу, а отсюда, какъ изъ *независтнаго источника* истекавшія, свойства и черты его духа, жизни и дѣйствій,—исполненную сердечности заботливость о всѣхъ пасомыхъ, отеческое участіе въ радостяхъ и скорбяхъ всѣхъ, особливо же лицъ изъ среды духовныхъ, прибѣгавшихъ къ нему съ жаждою и надеждою его благодатнаго утѣшенія, совѣта, слова, помощи. Потому-то, при чтеніи этихъ писемъ, въ виду несомнѣнныхъ, многообразныхъ фактовъ, невольно овладѣваетъ душею умилительная, грустная мысль,—что не стало, въ свое время, такой духовной, человѣчной, высокой, свѣтлой личности, такого блаочестиваго Старца, и такого Христоподражательнаго *благостнаго* Архипастыря [1]).

Обращаясь къ самымъ фактамъ и свѣдѣніямъ объ нихъ, мы не можемъ не остановиться вниманіемъ, прежде и главнѣе всего, на сказанномъ отличительнѣйшемъ свойствѣ архипастырскихъ дѣйствій и отношеній преосв. Филарета—именно его „*благостности*“. Этотъ терминъ, какъ неотъемлемый аттрибутъ, замѣчательно, встрѣчается почти повсюду въ свѣдѣніяхъ—и въ письмахъ, и въ прошеніяхъ, и разнообразныхъ воспоминаніяхъ о его лицѣ и жизни.—Слова: „*его благость*“. или „*онъ благостнѣйшій*“ и т. п. составляютъ, какъ бы отождествляемое съ самымъ именемъ его. титулованіе. Наконецъ и въ самыхъ надгробныхъ словахъ и рѣчахъ эти же наименованія въ

---

[1]) Смотр. въ прибавл. къ Калужск. Епарх. Вѣдом. 1884 г. № 7.

Бозѣ почившаго были всюду самыми учащательными и въ особенности характеристически опредѣлявшими и освѣщавшими личность и всю жизнь его во всей натуральности, а не въ смыслѣ только панегирическомъ.

Составитель выписки, сказавши, что во всѣхъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ преосв. Филарета видна была *благость*,—тотчасъ приводитъ для примѣра такой фактъ: „Одинъ причетникъ, по производству дѣла, былъ отрѣшенъ, по опредѣленію Консисторіи, отъ мѣста; но благостный Архипастырь сжалился надъ несчастнымъ и разрѣшилъ причетнику остаться на прежнемъ мѣстѣ“. Подлинная резолюція, (значащаяся въ той же выпискѣ), была собственноручно положена на дѣлѣ о причетникѣ слѣдующая: „1820 г. Ноября 17 дня. Апостолъ Іаковъ Духомъ Святымъ глаголетъ: *хвалится милость на судъ*. Слушая сей гласъ и повинуясь ему, предлагаю Консисторіи изъ человѣколюбія оставить просителя на прежнемъ мѣстѣ въ селѣ N“ [1]). Но этотъ фактъ приведенъ въ выпискѣ, очевидно, какъ только примѣръ. За-то во множествѣ другихъ письменныхъ свѣдѣній указываются цѣлыя серіи подобныхъ дѣйствій преосв. Филарета.—Мы съ удовольствіемъ и благодарностію пользуемся тѣми данными, которыя извлечены изъ подлинныхъ документовъ Консисторскихъ и изложены въ статьѣ прежде-упоминавшагося Автора.

Авторъ, сказавъ сначала, что „постигалъ ли кого либо изъ лицъ духовенства пожаръ, или другое подобное несчастіе, наносившее полное разстройство домашнему хозяйству,—тотъ смѣло обращался къ благостной рукѣ Филарета и всегда получалъ отъ него такое, или иное удовлетвореніе своей просьбѣ“, излагаетъ далѣе слѣдующее:—„Уже изъ этого можно судить напередъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находился преосв. Филаретъ вообще къ Калужскому духовенству. Какъ видимъ, нужды и интересы священнослужителей находили въ немъ самое живое сочувствіе. Но мало сего,—отеческая попечительность его простиралась на всѣ стороны ихъ

[1]) Смотри выписку, страница 4-я.

жизни. Такимъ, или инымъ путемъ улучшить положеніе, подвѣдомаго ему, духовенства, доставить ему уваженіе среди православныхъ христіанъ, защитить его отъ обидъ и нареканій со стороны другихъ—было однимъ изъ предметовъ особенной заботливости покойнаго Архипастыря Калужскаго. Много страдало тогда духовенство отъ капризовъ своенравныхъ помѣщиковъ, которые дозволяли себѣ иногда обходиться съ служителями Церкви не много лучше, чѣмъ съ своими крѣпостными крестьянами. Не ограничиваясь своими различными притѣсненіями, въ нерѣдкихъ случаяхъ, они старались даже подорвать къ нимъ любовь и высшаго епархіальнаго начальства,— подавая на нихъ жалобы, лишенныя, по большей части, всякой правдивости. Преосвящ. Филаретъ не давалъ въ обиду своихъ подчиненныхъ, всегда внимательно разсматривалъ всѣ подобные доносы, назначалъ по нимъ строгія слѣдствія и удовлетворялъ лишь одной справедливости. Конечно бывали и законныя жалобы. Калужское духовенство не могло составить собою счастливаго исключенія; и оно было не свободно отъ многихъ темныхъ сторонъ. Бывали священнослужители, не отвѣчавшіе своему званію и заслуживавшіе потому должной взыскательности. Излишнее употребленіе разгорячающихъ напитковъ, грубое обращеніе съ своими прихожанами, небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, исправленіе требъ безъ соблюденія важныхъ и вполнѣ необходимыхъ обрядностей и формальностей [1]) и многое тому подобное можно было встрѣтить въ средѣ тогдашняго Калужскаго духовенства. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Филаретъ высказывалъ законную требовательность и прибѣгалъ къ извѣстнымъ мѣрамъ наказанія. Послѣднее обстоятельство, однако, не возбуждало въ подчиненныхъ чувства недовольства имъ уже потому, что строгимъ и взыскательнымъ начальникомъ являлся Филаретъ лишь по требованію крайней необходимости. По боль-

---

[1]) Архивъ Калуж. дух. кон. Дѣла за 1819, 1821 и 1823 г. № 4243, 4269 и 4847 г.

шей же части духовенство видѣло въ немъ добраго и снисходительнаго отца.

„Особенно пріятное впечатлѣніе производилъ преосв. Филаретъ на духовенство своимъ обращеніемъ и пріемомъ. Онъ считалъ лишнимъ дѣломъ обставлять свое отношеніе къ духовнымъ внѣшнимъ лоскомъ, различными обременительными формальностями и какимъ либо этикетомъ. Опредѣленныхъ, строго установленныхъ часовъ для пріема лицъ изъ духовнаго званія у него не существовало; доступъ къ нему возможенъ былъ для нихъ во всякое время дня. Пришедшаго священника принималъ онъ всегда очень привѣтливо и ласково, вступалъ въ откровенную бесѣду съ нимъ не только о предметѣ его просьбы, но часто о вещахъ и другихъ, подходящихъ къ бесѣдѣ. Выходя отъ своего Архипастыря, всякій священнослужитель отнюдь не ощущалъ чувства собственной приниженности: напротивъ, вслѣдствіе такой близости къ себѣ высшаго Начальника, самосознаніе его значительно возвышалось. Понятно, къ столь доброму начальнику и являться можно было безъ страха и трепета съ любою просьбою и со всякимъ недоразумѣніемъ, требующимъ архипастырскаго разъясненія.

„Простота и мягкость въ обращеніи съ Калужскимъ духовенствомъ особенно замѣтно обнаруживались во время обозрѣванія епархіи преосв. Филаретомъ. Обозрѣвая свою паству, онъ имѣлъ обыкновеніе производить экзамены священнослужителямъ. Слушая, иногда не совсѣмъ удовлетворительные, ихъ отвѣты, онъ не приходилъ однако въ раздраженное состояніе, не кричалъ на нихъ, и если видѣлъ, что выговоры его приводили ихъ въ большое смущеніе, онъ тутъ же старался смягчать свои замѣчанія. Въ случаѣ какой либо неисправности по церкви, онъ дѣлалъ, кому слѣдовало, должныя наставленія и опять-таки спокойно, тихо и любовно. Столь снисходительнаго Начальника, конечно, всякому священнику пріятно и отрадно было пригласить въ свой домъ откушать хлѣба соли. Преосвященный Филаретъ не имѣлъ обыкновенія отказываться отъ такихъ приглашеній и вполнѣ охотно удовлетворялъ всякаго, желающаго ока-

зать ему радушный пріемъ. Посѣщеніе его не было обременительно и тяжело. Особенной разборчивости въ столѣ онъ не обнаруживалъ и былъ доволенъ всякимъ угощеніемъ, лишь бы оно предлагалось съ добрымъ чувствомъ и расположеніемъ. Всѣхъ домашнихъ привѣтливаго хозяина награждалъ онъ ласкою и вниманіемъ, разспрашивалъ о семейномъ его положеніи и нуждахъ и вообще старался, по возможности, говорить о предметахъ обыденныхъ и житейскихъ, допуская иногда простыя, чистосердечныя шутки. Впрочемъ не простаго развлеченія искалъ Филаретъ за трапезой съ своими подчиненными, тутъ обнаружился особый практическій его тактъ. Чрезъ чистосердечную бесѣду, во время подобныхъ затрапезныхъ угощеній, отношенія его къ пасомымъ становились болѣе близкими. Онъ лучше могъ узнать ту среду, на которую прежде всего должна быть обращена его административная дѣятельность, и легче могъ сообщить тѣ свои взгляды, которые привести въ извѣстность путемъ оффиціальнымъ не совсѣмъ было удобно.

Соотвѣтственно этимъ свѣдѣніямъ, взятымъ нами у цитуемаго Автора, мы имѣемъ еще слѣдующія, относящіяся именно къ тому, что во 1-хъ оказывалось иногда при экзаменахъ священноцерковнослужителей и особливо причетниковъи пономарей, и отчасти діаконовъ, бывшихъ изъ недоучекъ, или просто неучей; и во 2-хъ какъ преосв. Филаретъ, при вышесказанныхъ трапезныхъ собесѣдованіяхъ, допускалъ иногда простодушныя полушутки въ разныхъ разсказахъ о быломъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ этихъ самыхъ разсказахъ проводилъ въ среду, присутствовавшихъ тутъ, подчиненныхъ духовныхъ назидательныя вразумленія. Послѣднія, въ имѣющихся у насъ данныхъ, относятся въ частности къ уразумѣнію слова Божія и тѣмъ паче къ употребленію текстовъ Св. Писанія, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ не безъизвѣстно, и въ свѣтской литературѣ, начиная напр. съ Фонвизинскаго „Недоросля“, употреблялись ради вящшаго юмора, и двусмысленно и каррикатурно и даже намѣренноизуродованно. Къ прискорбію же сказать, и сами духов-

ныя лица иногда, какъ говорится, вторили этимъ литературнымъ и вообще свѣтскообразнымъ юморизмамъ, неосмысленно выражаясь словами и цѣлыми текстами Св. Писанія. Все это, само собою, не безъизвѣстно было и преосв. Филарету, и, тѣмъ паче, для его священнолюбиваго чувства было тяжко-грустно [1]). Въ первомъ отношеніи мы имѣемъ въ свѣдѣніяхъ такой разсказъ. „Владыка Филаретъ велъ однажды такую бесѣду.—Одинъ Преосвященный, (а это былъ, вѣрнѣе, онъ самъ), имѣвшій правиломъ, при посѣщеніи сельскихъ приходовъ, испытывать всѣхъ лицъ причта въ знаніи христіанскаго вѣроученія, спросилъ діакона: что значитъ именованіе „Діаконъ“? Спрошенный, немного подумавши, отвѣчалъ: „Древо“. Преосвященный былъ озадаченъ такимъ поразительнымъ объясненіемъ.. и спросилъ діакона: какъ же это такъ, и откуда ты узналъ это“? Діаконъ съ полною, твердою увѣренностію отвѣчалъ: „Когда я служу Литургію, то, послѣ выхода великаго, священникъ, снимая съ моей головы дискосъ, всегда произноситъ: *„съ древа снемъ Пречистое Тѣло, значитъ: діаконъ и есть древо“*. Спросилъ Преосвященный и Пономаря: „что значитъ слово Пономарь? Послѣдній смѣло и быстро отвѣчалъ: *„Благовѣстникъ“*. и тутъ же въ доказательство привелъ слова Ап. Павла: *„не посла мя Богъ крестити, но благовѣстити“*.

Относительно же неосмысленнаго употребленія текстовъ Св. Писанія лицами духовными, Владыка Филаретъ говорилъ: „Вотъ мнѣ памятенъ фактъ, дѣйствительно бывшій по свидѣтельству разсказчика. На одномъ обѣдѣ въ домѣ прихожанина была подана большая жареная рыба; священникъ, отрѣзавъ часть рыбы съ головой, произнесъ: *въ главизнѣ книжнѣй писано есть*; — затѣмъ діаконъ, выдѣляя себѣ срединную часть рыбы, примолвилъ: *посредѣ Церкви воспою*

[1]) Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, какъ свято чтилъ самъ высокопр. Филаретъ самыя выраженія слова Божія, когда даже благоговѣйно цѣловалъ ихъ, и въ самомъ произношеніи ихъ не дозволялъ употреблять обыкновенное, разговорное произношеніе напр вмѣсто Отца—*отца*, вмѣсто во имя—*ва имя*, святого—*святова*.

Тя; а дьячекъ и пономарь, раздѣляя между собою оставшуюся часть, возгласили: „*и оставиша останки младенцемъ своимъ*“. А вотъ и еще фактъ,—говорилъ Владыка:—„Одинъ помѣщикъ, принявъ къ себѣ въ домъ церковный причтъ для праздничнаго молебствія, предложилъ имъ и вмѣстѣ другимъ гостямъ угощеніе; при этомъ, указывая на огромный свининый окорокъ, послѣ первой выпивки, обратился къ присутствующимъ и къ священнику съ причтомъ съ такими словами: „ну что же, гости и отцы. *Предлагаемая да ядимъ,—примите, ядите!!*... Но благо, что священникъ былъ изъ серьезныхъ и вдругъ сказалъ хозяину—помѣщику: что же не докончили вы изреченія—*сіе есть тѣло мое*“.

Послѣ этихъ же разсказовъ Владыка самымъ серьезнымъ тономъ съ глубочайшимъ чувствомъ архипастырской ревности сказалъ присутствовавшимъ:—вотъ видите ли, до чего можетъ довести неразумѣніе Божественныхъ словесъ Писанія.. и какой страшный грѣхъ—такое кощунственное употребленіе Богоспасительныхъ реченій, когда въ Писаніи же Божественномъ прямо речено: „за всякое слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово (т. е. отвѣтъ) въ страшный день судный“. Всего же паче не простителенъ этотъ грѣхъ въ устахъ священно-церковно-служителей, у коихъ всякое слово должно быть *солію растворено*, а отнюдь не такое гнилостное и, просто сказать, гнусное, какъ сказанное помѣщикомъ. Благо, что священникъ былъ благоразуменъ и не устрашился вразумить его, какъ своего пасомаго. Потщитесь же всячески, отцы и братія, подражать этому примѣру, и другъ друга вразумляйте, а также наставляйте и такихъ діаконовъ и причетниковъ, чтобы не мудрствовали по своему-то, какъ сказанные тѣ неучи“.

Какъ заслуживающую глубокаго вниманія и признательности,—продолжаетъ Авторъ,—слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту изъ Калужской архипастырской практики покойнаго Филарета. Извѣстно, какъ особенно не пригляденъ и жалокъ матеріальный бытъ вдовъ и сиротъ изъ духовнаго сословія. Денежныхъ опредѣлен-

ныхъ пособій выдается имъ слишкомъ мало и, притомъ, не всегда и не всѣмъ. „Христосъ, да добрые люди.— вотъ гдѣ главный и существенный источникъ ихъ существованія“. Скажутъ: мѣстные причты выдѣляютъ имъ извѣстную долю церковной земли какъ пахотной, такъ и усадебной. Соглашаемся съ этимъ и даже прибавимъ, что они кромѣ того, въ силу издавна установившагося обычая, и не принуждаютъ сносить съ церковной земли сиротскія жилища и берутъ съ собою сиротствующихъ, въ нѣкоторые годовые праздники, въ приходъ собирать гроши.—Но достаточны ли всѣ, подобныя, чисто случайныя, средства для содержанія цѣлой осиротѣвшей семьи; онѣ исключаютъ собою развѣ только положительную, вопіющую нищету. Такое-то положеніе духовныхъ лицъ, лишившихся своихъ родителей, всегда озабочивало благостнѣйшаго преосвящ. Филарета. Хотя положеніе его самого было обстановлено, сравнительно хорошо, и, какъ лицо монашествующее, самъ онъ не испыталъ всѣхъ тяжелыхъ, хлопотливыхъ заботъ и попеченій семейнаго быта, однако онъ чувствовалъ ихъ сердцемъ сострадательнаго человѣка,—болѣлъ душею, когда узнавалъ о семейныхъ потеряхъ, которыя испытывали супруги и дѣти, и не только словомъ, но и щедрою рукою и своими архипастырскими распоряженіями утѣшалъ скорбящихъ. Съ теплою любовію и искреннимъ расположеніемъ готовъ былъ онъ всегда, такъ или иначе, пристроить сироту, оставить за нимъ праздное приходское мѣсто, хотя это стоило ему и большихъ хлопотъ [1]). Нерѣдко обращался онъ съ особымъ заявленіемъ въ духовную Семинарію,—не найдется-ли въ ней достойныхъ воспитанниковъ, желавшихъ поступить къ тому, или другому семейству въ домъ. Бывало и такъ, что заявившіе о таковомъ желаніи должны были полгода, или даже годъ, еще доучиваться; въ этомъ случаѣ покойный Преосвященный оставлялъ извѣстныя

[1]) Архивъ Калуж. духов. конс. Дѣла за 1819 г. № 4177, 4171, 4159, 4160, 4144, 4141. и др.

священнослужительскія мѣста свободными до полнаго окончанія ими семинарскаго образованія, приходскія-же требы, за это время, исполнялъ кто либо изъ сосѣднихъ священниковъ [1]).

Въ поясненіе и дополненіе всѣхъ этихъ данныхъ, изложенныхъ у цитуемаго Автора, мы должны присовокупить, что денежныя пособія вдовамъ и сиротамъ, въ описываемую пору, вовсе не были выдаваемы въ значеніи опредѣленныхъ ассигнованій, такъ какъ нынѣшнихъ, такъ называемыхъ, Епархіальныхъ Попечительствъ тогда еще не существовало. Учрежденіе послѣднихъ послѣдовало, по распоряженію Св. Сунода, только въ 1823 г., и то не сразу и не вездѣ. Поэтому, что служило къ облегченію тяжкой доли безпомощныхъ вдовъ и сиротъ, все исходило изъ личнаго участія и распоряженій преосв. Филарета. Для этого онъ лично располагалъ и всячески внушалъ напр. Благочиннымъ, чтобы они особенное имѣли наблюденіе и попеченіе о бѣдныхъ изъ духовнаго званія; отъ нихъ (благочинныхъ), помимо всякихъ оффиціальностей, онъ требовалъ и свѣдѣній о подобныхъ семействахъ и чрезъ нихъ-же посылалъ отъ себя деньги по назначенію. Одному, между прочимъ, Благочинному, показавшему въ себѣ чувство холодности къ этому дѣлу, преосв. Филаретъ внушительно, даже при другихъ, сказалъ: Эхъ! отецъ Благочинный. Какой-же ты Благочинный, коли не желаешь *благо чинить* ближнимъ и какой-же ты *отецъ* въ средѣ, ввѣренныхъ попеченію твоему, всѣхъ безъ различія лицъ *нашего общаго, роднаго, духовнаго сословія*. Отселѣ же ты знай и другимъ передавай, что Благочинный есть собственно тотъ, у котораго въ инструкціи, а паче всего на скрижали сердца, должны значиться первымъ параграфомъ слова Царя Давида: „*тебѣ оставленъ есть нищій, сиру ты буди помощникъ*“... Иначе смотри, отче, чтобы надъ нами не сбылось другое слово того же Царя Давида: „*иже съ гордымъ окомъ и несытымъ сердцемъ, — съ симъ*

---

[1]) Тамъ же. Дѣло за 1819 г. № 4220 и др.

не ядяхъ и сего изгоняхъ“... А эти слова не даромъ читаются каждый день на утрени на первомъ часѣ. Внемли убо сему, и премѣни твое *и око и сердце*!—Наконецъ есть несомнѣнное свѣдѣніе, что если не въ самую пору своего служенія въ Калужской епархіи, то въ послѣдствіи въ Бозѣ почившій не забывалъ своего благотворительнаго участія въ средствахъ Калужскаго Попечительства, которое было учреждено послѣ уже его епископства. Одинъ изъ доставителей свѣдѣній въ письмѣ своемъ къ покойному преосв. Антонію, бывшему въ то время Викаріемъ Кіевской митрополіи, писалъ между прочимъ: „Не нужно-ли подробное свѣдѣніе о пожертвованіяхъ Владыки (Филарета) въ наше Калужское Попечительство о бѣдныхъ?!. Я сдѣлалъ-бы выписку изъ книгъ Попечительства. Года четыре назадъ (за два года до кончины) въ Бозѣ почившій Владыка прислалъ въ наше Попечительство тысячу руб. сереб.“ [1]).

Постоянно выражая и словомъ и дѣломъ такое, отечески благостное участіе къ нуждамъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ въ ихъ мѣстожительствахъ, преосв. Филаретъ съ такимъ-же участіемъ относился и къ тѣмъ изъ сиротствующихъ, которые обучались уже въ духовныхъ заведеніяхъ—Семинаріи и училищѣ. Въ самой выпискѣ говорится: „Въ день своего ангела (1 Декабря) пріятнѣйшимъ долгомъ поставлялъ для себя благостнѣйшій Владыка отпускать свои наличныя деньги для бѣднѣйшихъ учениковъ Семинаріи и училища до 500 р. на ихъ нужды“. Одинъ изъ доставителей свѣдѣній пишетъ объ этомъ слѣдующее: „Въ день. ангела своего Владыка раздавалъ ученикамъ, каждый разъ. не менѣе 500 р., чтобы на эти деньги были покупаемы вещи, какія кому изъ учениковъ были особенно нужны. Деньги эти даваемы были старшимъ изъ учениковъ, которые съ купленными вещами вмѣстѣ съ учениками, для коихъ онѣ куплены, обыкновенно являлись къ келейному Владыкѣ о. Назарію и ему отдавали отчетъ. Столъ для уче-

---

[1]) Письмо свящ. А. И. Ростиславова отъ 23 Марта 1859 г.

никовъ семинарскихъ и училищныхъ въ этотъ день (ангела его) тоже устроялся на счетъ Владыки; на этотъ предметъ присылаемы были имъ деньги впослѣдствіи даже и изъ Рязани“ [1]).

Правда, такія пособія представляются не болѣе, какъ въ родѣ раздачи имянинныхъ подарковъ—гостинцевъ. Но не нужно забывать условій тогдашняго времени вообще, и быта тогдашнихъ учениковъ, а наконецъ и самаго состоянія въ Бозѣ почившаго въ разсужденіи его собственныхъ средствъ.—*Шестьдесятъ* слишкомъ лѣтъ назадъ сумма въ 500 р. ассигнац. была очень значительна, чтобы покрывать не малыя нужды многихъ учениковъ. А какъ въ Калужской Семинаріи и училищѣ, по тогдашней многочисленности учащихся, многіе изъ нихъ, волей неволей, оставались безъ всякаго отъ казны пособія, особливо по части одежды, поэтому какіе нибудь рубли *два-три*, *четыре*, очевидно, составляли собою слишкомъ немалое и дорогое пособіе.—Это-то и разумѣлъ *благостный* Архипастырь, когда отпускалъ деньги вовсе не съ тѣмъ, чтобы раздѣлять ихъ въ родѣ подарковъ и гостинцевъ на предметы какого либо удовольствія,—а собственно на нужды. Чтобы удовлетворить эти нужды, какъ насущныя, онъ приказывалъ дѣлать и покупки не по своему назначенію, или по усмотрѣнію начальствующихъ, а поручалъ это самимъ же нуждающимся, при содѣйствіи лишь старшихъ изъ товарищей,—которые и являлись, какъ сказано, съ отчетомъ въ употребленіи денегъ и въ купленныхъ вещахъ. Кромѣ этого въ добрую старину, какъ и въ описываемую пору, былъ обычай, что и ученики въ дни своихъ имянинъ имѣли почти правиломъ для себя являться къ Начальникамъ—Ректорамъ, Смотрителямъ, инспекторамъ, состоявшимъ въ духовномъ санѣ и попреимуществу къ монашествующимъ, чтобы получить благословеніе, и при этомъ приносили отъ себя или просфору, или просто булки... Преосв. Филаретъ, какъ видно, зналъ проэтотъ

---

[2]) Смотр. тоже письмо А. И. Ростиславова

обычай еще съиздавна, начиная съ своей Сѣвской Семинаріи. И вотъ, когда ученики Калужской Семинаріи и училища стали являться и къ нему въ дни своихъ имянинъ,—то онъ былъ особенно радъ этому, видя въ воспитанникахъ такую нестѣснительность чисто родственную, сыновнюю. Покойный высокопреосв. Антоній, бывшій въ это время ученикомъ же—мальчикомъ и постоянно жившій у Владыки Филарета, какъ роднаго своего дяди, разсказывалъ намъ много фактовъ,—какъ являлись ученики имянинники, изъ которыхъ иныхъ онъ лично видѣлъ у Владыки, а иные сами разсказывали ему въ свое время и даже послѣ уже выбытія его изъ Калуги. ..Конечно, говорилъ онъ, цѣль-то была въ подобныхъ явкахъ имянинниковъ не одна только, чтобы получить благословеніе отъ Владыки... да и самъ-то онъ ясно понималъ, въ чемъ тутъ дѣло,—и этому, кажется, еще болѣе радовался. Потому-то, какъ какъ только завидитъ, бывало, пришедшаго имянинника, то сейчасъ же велитъ допустить его къ себѣ, иногда даже во время занятій дѣлами и съ просителями, и тутъ же заводилъ съ нимъ разговоры, начиная съ того: въ какой церкви онъ молился, усердно-ли призывалъ въ молитвѣ своего Ангела; спрашивалъ,—хорошо ли знаетъ онъ житіе святаго тезоименника своего; читалъ ли житіе и другихъ какихъ святыхъ; читаетъ-ли, вообще, и знаетъ ли наизусть молитвы вечернія и утреннія; разспрашивалъ,—учили-ли его этому дома родители, и тутъ же разспроситъ, бывало, о всей семьѣ...; далѣе узнавалъ, гдѣ онъ живетъ въ бурсѣ-ли, или на квартирѣ и у кого, какъ ведетъ себя, какъ учится.. есть ли у него всѣ книжки учебныя, есть ли одежда, присылаютъ-ли ему, что нужно, родители, почемъ платитъ за квартиру, и не долженъ-ли, и много-ли, и давно ли... Послѣ всего этого результатъ бывалъ извѣстный. Достаточнымъ ученикамъ давалъ то образокъ, то книжки, иногда мнѣ приказывалъ тутъ же дать что либо изъ гостинцевъ-лакомствъ; недостаточнымъ ученикамъ, смотря по возрасту, или лично въ руки отдавалъ деньги на нужды. или чрезъ Инспектора отсылалъ къ хозяеваемъ въ уплату долга за квартиру. При каж-

домъ подобномъ пріемѣ имянинника приказывалъ напоить чаемъ, а бѣдному бурсачку выдать еще булокъ... И замѣчательная, до удивленія, была память у Владыки. Спустя иногда и очень долгое время, посѣщая классы, онъ сразу узнавалъ, бывшихъ у него предъ тѣмъ, имянинниковъ и непремѣнно предлагалъ учителю вызвать и спросить, при себѣ же, того и другаго; судя по отвѣтамъ, спрашивалъ учителя,—какъ онъ находитъ ихъ способности, прилежаніе и успѣхи. И тутъ-то иногда приговаривалъ: да, вотъ, вы такъ судите;—а знаете-ли, что и радъ бы вотъ онъ N учиться гораздо, да у него и книжекъ нѣтъ.. а вонъ ему хозяева не даютъ иногда и свѣчки для занятій отъ того, что онъ задолжалъ за квартиру,—а родителямъ-то прислать не изъ чего... Вотъ дай-ко мнѣ Богъ не забыть,—сказать о. Ректору, или смотрителю (училища), чтобы какъ нибудь помѣстить NN въ бурсу; и ему-то будетъ лучше для ученія, да и отецъ-то съ матерью вздохнутъ посвободнѣе, чтобы не выбиваться изъ послѣдняго, при крайнихъ, домашнихъ, семейныхъ нуждахъ... Семейка-то у нихъ оказывается, и безъ него, цѣлая *семеренька*, а средства-то приходскія, я знаю, не ахти-то... Ну такъ вы, обращался, бывало, Владыка къ учителямъ, небольно на него пока налегайте въ случаѣ какихъ либо временныхъ неисправностей въ урокахъ; а ты, чадо, отнюдь не унывай и не ослабѣвай... паче же Deum ora et labora". Замѣчательно, какъ твердо сохранилось все это въ памяти и переходило изъ рода въ родъ, какъ бы священное преданіе. При слушаніи мною приведеннаго разсказа покойнаго высокопр. Антонія, мнѣ тогда даже твердо вспомянулись разсказы студентовъ, бывшихъ моихъ по Кіевской Академіи товарищей, поступившихъ изъ Калужской епархіи, которые, въ большинствѣ отъ слова до слова, повторяли тоже, переданное имъ отъ ихъ родителей.

Представляемыя здѣсь отношенія преосв. Филарета объясняются, между прочимъ, самою близостію Калужской Семинаріи къ Архіерейскому дому. Послѣдняя находилась, въ то время. подъ однимъ кровомъ съ архіе-

рейскимъ домомъ, въ которомъ жилъ преосв. Филаретъ [1]). Упоминаемый нами, Авторъ пишетъ: „Семинарія вообще была однимъ изъ главныхъ предметовъ его (преосв. Филарета) заботъ. Такъ какъ она находилась въ близкой связи съ (зимнимъ) архіерейскимъ домомъ, то Филаретъ, когда жилъ здѣсь, очень часто посѣщалъ ее; а въ одно время, по выбытіи ректора Ѳеофилакта и до прибытія новаго—Венедикта, ходилъ самъ въ богословскій классъ и давалъ уроки; исправно присутствовалъ всегда на экзаменахъ, внимательно провѣряя познанія учениковъ. Присутствіе преосв. Филарета на семинарскихъ экзаменахъ не казалось тяжелымъ ни для учащихся, ни для учащихъ, благодаря той простотѣ и тому благородству, съ какимъ онъ велъ себя во время испытаній. Дозволялъ онъ входить въ легкія пренія между собою экзаменующимъ наставникамъ, и самъ, нерѣдко, принималъ живое участіе въ нихъ, избѣгая при этомъ всѣхъ тѣхъ выраженій, которыя могли нанести хотя бы какое либо оскорбленіе другому лицу. Участниками въ подобныхъ преніяхъ онъ старался дѣлать даже и учениковъ. Въ спорахъ онъ обнаруживалъ, должно замѣтить, обширное знаніе всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые преподавались въ Семинаріи. Такая тактика Филарета во время экзаменовъ, разумѣется, была очень умѣстна; путемъ преній онъ ближе могъ познакомиться съ познаніями не только учениковъ, но и учителей, а это, въ свою очередь, должно было служить сильнымъ побужденіемъ для послѣднихъ быть усердными къ своему дѣлу. Искреннее и внимательное отношеніе Филарета къ Семинаріи обусловливалось вообще его глубокою любовію къ духовному просвѣщенію, которая побудила его открыть еще духовное училище въ г. Боровскѣ“. Въ выпискѣ тоже значится, что „по выбытіи изъ Калужской Семинаріи Ректора Архим. Ѳеофилакта въ Тамбовъ

---

[1]) Въ 1884 г. мы осматривали эти помѣщенія, тогда какъ не задолго предъ этимъ временемъ пріобрѣтенъ уже новый домъ для жительства архіерейскаго- въ далекомъ разстояніи.

въ епископы, до времени прибытія новаго Ректора, преосв. Филаретъ самъ изволилъ ходить въ богословскій классъ и преподавалъ богословскіе уроки [1]). Фактъ дѣйствительно примѣрный и въ наши времена едва ли мыслимый! Что же касается экзаменовъ, то, по словамъ одного изъ доставителей свѣдѣній, бывшаго въ описываемое время ученикомъ,—преосв. Филаретъ всегда бывалъ на экзаменахъ самъ, и мы ожидали, бывало, экзаменовъ, какъ праздниковъ; вообще же обращался онъ съ учениками истинно по отечески" [2]). Объ этихъ отношеніяхъ свидѣтельствуется и въ другихъ свѣдѣніяхъ подобными же словами. Намъ остается только высказать въ заключеніе, что изложенныя дѣйствія высокопр. Филарета по отношенію къ духовенству, какъ *общему*, по его выраженію, *родному своему сословію*, мы встрѣтимъ повсюду— и въ Рязани, и въ Казани, и въ Кіевѣ, и вообще въ архипастырскомъ служеніи его до гроба, и всѣ эти дѣйствія и отношенія составляли постоянную, характеристическую черту въ томъ собственно значеніи, что были проникнуты и запечатлѣны духомъ истиннаго архипастырства по образу Божественнаго Пастыреначальника Христа и Господа нашего, являвшаго Себя по отношенію *къ ученикамъ Своимъ и учителемъ, и другомъ, и братомъ, и слугою*.

И дѣйствительно, чѣмъ болѣе вглядываемся мы въ свойства и качества души приснопамятнаго Владыки Филарета, изъ коихъ истекали, излагаемыя теперь, дѣйствія и отношенія его, тѣмъ болѣе живо представляются въ перспективѣ еще многія другія черты. Изобразить ихъ здѣсь совершенно умѣстно. Черты эти, или, точнѣе сказать, цѣлая картина изъ нихъ, состоятъ въ томъ, чего, всего чаще, не признаютъ за лицами монашествующими неправильно понимающіе, или вовсе не разумѣющіе духа и смысла монашескихъ обѣтовъ.—Они, въ родѣ напр. ходячихъ сентенцій,—„что монахъ-де

[1]) Смотр. выписку стр 2.

[2]) Смотр. письмо свящ. Ростиславова.

отрекается и отъ отца, и отъ матери, и всѣхъ сродниковъ по плоти", видятъ и понимаютъ монаховъ вообще какими-то, если можно такъ выразиться, ех—людьми... Разсужденія эти, само собою, положительно не правильны и не осмысленны. Входить, впрочемъ, въ это дѣло было бы излишне...—Пусть, вмѣсто этого, скажутъ самые факты.

Мы указали отчасти на бывшаго племянника высокопр. Митроп. Филарета, жившаго при немъ постоянно и избраннаго имъ изъ среды своихъ родныхъ какъ бы въ усыновленіе. Въ біографіи послѣдняго (разумѣемъ Архіеп. Казанскаго Антонія) читавшіе эту біографію знаютъ, какія были истинно родственныя, точнѣе—чисто отеческія чувства и отношенія къ нему высокопр. Филарета. Оставляя сказаніе объ этомъ, мы обратимся къ тѣмъ фактамъ и свѣдѣніямъ, которые теперь у насъ подъ руками, и въ которыхъ читающіе увидятъ, можно сказать напередъ, такія родственно-любивыя, во всей искренности и чистотѣ, чувства и отношенія, которыя, дай Богъ, послужили бы образцами для членовъ всякой доброй, христіанской семьи въ общежитейскомъ быту.

ГЛАВА XVIII.

«Подлинно, каковъ былъ онъ,—родимый мой,—Ѳеденькой-то, таковъ и теперь Филаретомъ—Архіереемъ-то.—да еще лучше, кажется, сталъ» [1]).

«Вотъ и я, Богъ далъ, повидалась съ братцемъ своимъ—Преосвященнымъ Калужскимъ. Ужъ какъ онъ радъ-то былъ, если бы вы знали! И не зналъ, какъ принять и какъ угостить-то меня» [2]).

Читатели припомнятъ, какъ въ Бозѣ почившій былъ провожаемъ родными изъ Уфы и какъ онъ заѣзжалъ къ своему родному брату, Священнику Гавріилу Георгіевичу (отцу высокопр. Антонія) въ Міясскій заводъ на пути изъ Тобольска въ С.-Петербургъ. Мы переносимся на время къ этимъ именно обстоятельствамъ.

На первомъ планѣ является именно перемѣщеніе этого брата съ семействомъ изъ далекой Сибири во внутрь Россіи—въ Калугу.—Подробныя свѣдѣнія объ этомъ мы указываемъ (опять) въ біографіи высокопр. Антонія. Мы должны сказать здѣсь прежде всего,—какъ примѣрно, глубоко и нѣжно было въ душѣ преосв. Филарета родственное чувство любви къ своему брату. Лишь только вступилъ онъ, такъ сказать, черезъ порогъ на поприще самостоятельнаго положенія въ званіи и служеніи архіерейскомъ, онъ въ тотъ же годъ поспѣшилъ вызвать къ себѣ своего брата, раздѣлявшаго съ нимъ во дни оны всѣ тяжкія скорби его изгнанничества, начиная отъ Сѣвска до Тобольска.—Правда, въ Уфѣ уже не было

---

[1]) Слова изъ разсказа о Георгіи, родителя высокопр. Филарета.

[2]) Слова изъ разсказа родной сестры высокопр. Филарета.

въ эту пору преосв. Августина, который, такъ или иначе, могъ относиться къ брату его священнику Міясскаго завода не совсѣмъ расположенно, и родные Уфимскіе не совсѣмъ-то желали разставаться съ зятемъ и дочерью; но преосв. Филаретъ просилъ не отказать ему въ родственномъ утѣшеніи,—имѣть брата съ семействомъ при себѣ,—что и исполнилось въ 1820 г. т. е. на другой же годъ епископства его въ Калугѣ. У брата о. Гавріила было въ семействѣ трое дѣтей—старшая—дочь и два сына, изъ коихъ младшій Яковъ былъ только еще пяти лѣтъ. Этого-то послѣдняго преосв. Филаретъ и избралъ себѣ какъ бы въ усыновленіе. Самъ въ Бозѣ почившій твердо вспоминалъ уже на послѣдней старости,—какъ онъ няньчилъ его на своихъ колѣняхъ. Самъ онъ обучалъ его первоначальной грамотѣ; разсказывалъ ему житія святыхъ угодниковъ, и сдѣлалъ его еще въ отрочествѣ церковникомъ, посвятивъ въ стихарь и назначивъ его жезлоносцемъ при своихъ архіерейскихъ служеніяхъ. Самъ же руководилъ его въ занятіяхъ учебныхъ, когда онъ поступилъ въ училище. Однимъ словомъ этотъ племянникъ былъ *дитей его сердца*, что и оправдалъ достойный любви племянникъ до послѣднихъ дней его жизни всѣмъ послѣдующимъ своимъ служеніемъ въ санѣ святительскомъ, слѣдуя въ возможно многомъ по стезямъ своего истинно отечески расположеннаго дяди-воспитателя.—Мы разумѣемъ высокопр. Антонія архіепископа Казанскаго, который намъ лично передавалъ многое изъ своихъ воспоминаній о времени своего дѣтства, проведеннаго подъ непосредственнымъ воспитаніемъ въ Бозѣ почившаго Владыки—Филарета. Объ этомъ приведенъ уже нами одинъ изъ его разсказовъ объ отношеніяхъ преосв. Филарета, тоже какъ-бы родственныхъ, къ воспитанникамъ семинарскимъ и училищнымъ,—въ чемъ онъ лично бывалъ участникомъ.

По разсказамъ покойнаго преосв. Антонія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и по многимъ другимъ свѣдѣніямъ, (уже печатнымъ), намъ слѣдуетъ сказать о томъ, какъ относился преосв. Филаретъ, во всей полнотѣ примѣрно-родственныхъ чувствъ, къ пріѣзжавшимъ къ нему въ Калугу раз-

нымъ родственникамъ изъ Орловской губерніи и изъ Уфы. Къ числу первыхъ относятся-его родитель старецъ священникъ о. Георгій Никитичъ и родная сестра—Анна Егоровна, а изъ Уфимскихъ—его сватъ—священникъ Григорій Андр. Несмѣловъ и сынъ его—студентъ Московской духовной Академіи Яковъ Несмѣловъ.—извѣстный кредиторъ преосв. Филарету на 200 руб. асс. при отъѣздѣ послѣдняго на паству Калужскую.

Мы обращаемся, прежде всего, къ свѣдѣніямъ о посѣщеніяхъ родственниковъ—Орловскихъ. Первый поспѣшилъ въ Калугу родитель преосв. Филарета о. Георгій въ чаяніи утѣшенія,—подобно какъ патріархъ Іаковъ къ возлюбленному сыну своему Іосифу.—узрѣть своего Ѳеденьку, а съ тѣмъ вмѣстѣ и другаго сына Гаврюшеньку.. Нельзя безъ особеннаго умиленія читать тѣ разсказы, которые, по словамъ составителя ихъ, списаны имъ чисто съ натуры. Въ этихъ, давно уже напечатанныхъ, разсказахъ есть однако неполнота, которую восполняютъ, имѣющіяся у насъ, данныя. Послѣднія заключаются собственно въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ покойному преосв. Антонію какъ матеріалы для біографіи высокопр. Филарета, вскорѣ послѣ кончины его. Преосв. Антоній, прочитывая ихъ со мною, многое въ нихъ разъяснялъ отъ себя, зная твердо иное по личнымъ воспоминаніямъ, а иное по полученнымъ имъ отъ своихъ родныхъ свѣдѣніямъ.

Доставитель указываемыхъ свѣдѣній [1]) въ письмѣ своемъ (отъ 18-го Ноября 1859 г.) писалъ къ преосв. Антонію, бывшему тогда Кіевскимъ Викаріемъ:—„Преосвященнѣйшій Владыка! Вы знаете, въ какой мы были дружбѣ съ покойнымъ братцемъ Вашимъ Яковомъ Козмичемъ Амфитеатровымъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы поступали въ Орловское Уѣздное Училище, вмѣстѣ учились и

---

[1]) Это лицо, бывшій законоучитель Орловскаго-Бахтина-Кадетскаго Корпуса—заслуженнѣйшій о. Протоіерей Евѳимій Остромысленскій, съ которымъ я имѣлъ честь лично бесѣдовать по излагаемому предмету въ бытность въ Орлѣ въ 1871 году, при чемъ онъ сообщилъ мнѣ нѣкоторыя дополненія къ нимъ.

переходили по классамъ, вмѣстѣ жили на одной квартирѣ и изъ Орла перешли въ Сѣвскую Семинарію, а оттуда и въ Академію. Вмѣстѣ изъ Семинаріи и изъ Академіи ѣздили домой на каникулы, потому что родина моя—село Долгоруково въ 30 верстахъ отъ родины Якова Козмича—села Высокаго.—Вотъ почему я знаю нѣкоторыя замѣчательныя подробности изъ жизни въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго Митрополита Филарета Кіевскаго. Слышалъ я ихъ отъ самого отца Егора,—родителя Его Высокопреосвященства, и отъ Анны Егоровны,—сестрицы его.

„По пріѣздѣ, въ первый разъ, въ село Высокое я засталъ еще въ живыхъ родителя Его Высокопреосвященства. Онъ отдалъ свой домъ дочери Аннѣ Егоровнѣ, а мѣсто священническое передалъ зятю своему Отцу Козьмѣ,—(отцу Якова Кузмича) и жилъ у нихъ на покоѣ.—Убѣленный сѣдинами, еще бодрый старецъ, добродушный и смиренный подвелъ насъ тогда къ большему портрету и сталъ говорить.

„Вотъ посмотрите-ка; это мой Ѳеденька! Онъ теперь Архіереемъ въ Калугѣ. Захотѣлъ меня обрадовать, и прислалъ мнѣ свой портретъ. Спасибо ему! спасибо! Поѣду вотъ скоро я и самъ къ нему; зоветъ больно меня къ себѣ“.

„А давно ли,—спрашиваемъ мы,—вы видѣлись съ нимъ лично?

„Да! ужъ давно, очень давно! Съ той именно поры, какъ изъ Ректоровъ нашей Сѣвской Семинаріи отправили его въ Сибирь—въ Уфу на службу же, а съ нимъ тогда я благословилъ отправиться и Гаврюшеньку. Тамъ служилъ онъ все время подъ тяжелымъ крестомъ; немалую и мнѣ причинилъ скорбь о своей участи; приходилось ему бѣдному и въ разбитыхъ туфляхъ ходить; но за то теперь Архіереемъ. Вотъ скоро поѣду къ нему въ Калугу“.

„Въ другой разъ послѣ того мы опять пріѣхали въ Высокое—на каникулы. Добродушный О. Егоръ, уже дряхлый и слабый старичекъ, посадилъ насъ подлѣ себя и сталъ разсказывать. Ну, вотъ, побывалъ я и у сво-

его Ѳеденьки-Филарета. Слава Богу! повидался съ нимъ. Запрегъ я телѣжку парой, взялъ съ собой мальчишку вмѣсто кучера и отправился въ Калугу.—Пріѣхалъ я туда на самый праздникъ Преображенія Господня. Ѣду себѣ по городу на телѣжкѣ въ старомъ подрясникѣ запачканномъ,—потому что самъ дорогой и колеса подмазывалъ. Погода была, помню, ужъ такая хорошая!—Вдругъ вижу,—сзади меня ѣдетъ карета на четверкѣ.—Поди, поди! кричатъ... Я тотчасъ къ своему мальчишкѣ: посторонись, говорю, посторонись скорѣе,—и самъ схватилъ возжи и направилъ свою телѣжку въ сторону. Карета проѣхала мимо меня, но тотчасъ остановилась. Вижу изъ нея выходитъ Архіерей.—Такъ и обомлѣлъ я отъ страха,—соскочилъ съ телѣжки, схватилъ съ себя шляпу, и стою какъ вкопанный. А онъ мой родимый—самъ идетъ ко мнѣ. Я тотчасъ положилъ шляпу подъ мышку, и сложилъ руки подъ благословеніе. А онъ ухватилъ мою руку, и хочетъ ее цѣловать. Я рву у него руку, а самъ горько плачу,—самъ не знаю чего. Такая тутъ была удивительная сцена!!—А тутъ еще народъ сбѣжался вокругъ насъ. Владыка ѣхалъ въ то время отъ обѣдни; служилъ гдѣ-то въ городѣ, и вслѣдъ за нимъ изъ церкви шло множество людей. Какъ увидали, что Архіерей остановился среди города и вышелъ изъ кареты, такъ и сбѣжались къ намъ. Да, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, удивительно, не постыдился же онъ—мой родимый ни моего запачканнаго подрясника, ни моей деревенской телѣжки, но взялъ меня подъ руку и ведетъ въ свою карету. Я говорю ему: не надо, не надо! я доѣду въ своей телѣжкѣ: нѣтъ таки всадилъ меня въ свою карету, а мальчику моему сказалъ: поѣзжай за нами!—Подлинно, каковъ былъ онъ—родимый мой Ѳеденькой-то, таковъ и теперь Филаретомъ, да еще лучше, кажется, сталъ. Повѣрите ли, что я въ тотъ день даже и ѣсть ничего не могъ... Онъ меня подчуетъ и тѣмъ и сѣмъ, а я и рта не въ состояніи раскрыть, чтобы кусокъ проглотить... а онъ, мой дорогой, то и дѣло повторяетъ: Ахъ батюшка-батюшка, мой родной,—да чѣмъ

же мнѣ васъ подчивать, чѣмъ васъ угостить-то?! право же не знаю и не умѣю".

— „Долго вы пожили у него? спрашивали мы о. Егора.—„Да больше мѣсяца прожилъ.—въ такомъ спокойствіи, довольствѣ и радости.—словно въ раю жилъ... Иной сынъ важный, вѣдь, стыдится своего бѣднаго отца, и не показываетъ его на глаза при хорошихъ гостяхъ; а онъ, словно нарочно бывало, мною хвалится и въ глаза и за глаза предъ всѣми разсказывая, что къ нему-де пріѣхалъ я—отецъ его. Всѣмъ этимъ онъ, значитъ, меня хотѣлъ утѣшить; мнѣ хотѣлъ во всемъ угождать... О Боже! какое счастіе имѣть такого сына. Мнѣ кажется, ни одна мать не лелѣетъ такъ единственнаго своего сына, какъ онъ заботился обо мнѣ. Бывало такъ, что пріѣдутъ къ нему важные гости.—я и уйду въ свою комнату, чтобы скрыться отъ нихъ, а онъ какъ будто занятъ однимъ мною, начнетъ всякому разсказывать: „а ко мнѣ мой родитель пріѣхалъ, ужъ какъ я радъ ему!" И тутъ же пойдетъ самъ и приведетъ, бывало, меня къ нимъ, да еще станетъ при нихъ благодарить меня за воспитаніе. А я скажу ему: какое же мое воспитаніе владыко? Не я, грѣшный, простакъ, а Господь милосердый воспиталъ тебя".

— „Что же вы мало такъ прожили?" „А чтожъ мнѣ отвлекать его отъ дѣлъ? Я-то теперь человѣкъ праздный, а онъ заваленъ дѣлами. Что мнѣ ему мѣшать?— Онъ и самъ меня упрашивалъ пожить у него хоть до самой смерти моей. Да какъ-же мнѣ разстаться съ своей Высокинской Церковью, при которой столько лѣтъ скужилъ я Господу Богу? Нѣтъ! при ней и умереть хочу. Вѣдь почемъ знать, можетъ быть, нынѣ—завтра сложу подлѣ ней и свои грѣшныя кости".

И въ самомъ дѣлѣ въ послѣдній разъ мы видѣлись тогда съ о. Егоромъ. Въ скоромъ времени услыщали въ Сѣвскѣ, что онъ скончался. Вѣчная память добрѣйшему священно-іерею!"

Покойный высокопр. Антоній комментировалъ мнѣ, (при разборѣ біографическихъ матеріаловъ) содержаніе изложеннаго письма весьма подробно и съ особеннымъ

чувствомъ... Да. говорилъ онъ, все это правда. (какъ сущая дѣйствительность). Самое напримѣръ выраженіе дѣдушки о. Георгія: „такая была тутъ удивительная сцена“ для меня и теперь представляется чѣмъ-то въ родѣ отраженія, какъ бы въ зеркалѣ...—Я самъ. будучи тогда еще мальчикомъ. находился какъ разъ тутъ же въ каретѣ съ дядею—Владыкою. Меня прежде всего озадачило. что Владыка вдругъ приказалъ остановиться и вышелъ изъ кареты среди улицы... Я увидѣлъ его встрѣчу съ какимъ-то духовнымъ лицемъ... затѣмъ вдругъ вижу, что Владыка буквально тащитъ подъ руку старца въ подрясникѣ (по тогдашнему полукафтаньѣ) старомъ запачканномъ, самъ подсаживаетъ его въ дверцы кареты... Я ничего не понималъ... а Владыка ко мнѣ: ..привстань, Яша. пока съ мѣста. Когда же стали усаживаться всѣ,—тогда Владыка сказалъ: ну-ка. батюшка, посади и подержи пока у себя на колѣняхъ своего внучка. Тутъ-то я понялъ... а дѣдушка-то прижалъ меня къ себѣ крѣпко, и, снявши мою фуражку.—тутъ же началъ и цѣловать и крестить мою голову, изливая на нее цѣлый потокъ слезъ и приговаривая: родименькій мой, соколикъ ты мой... Ахъ Ты Господи, ахъ Ты Господи премилосердый!! Я взгляну.лъ на самого Владыку, а онъ тоже чуть не всхлипываетъ... Да, это была истинно, какъ сказалъ дѣдушка, *сцена*, которая можетъ быть уподоблена только той. какая происходила при встрѣчѣ Іосифомъ отца своего Іакова во Египтѣ,—о чемъ учивши, еше въ дѣтствѣ, въ Исторіи священно-библейской бывало растрогаешься до слезъ... По пріѣздѣ къ самому дому было не мало народу, особливо изъ нищихъ, всегда ожидавшихъ по обычаю Владыку у крыльца. И тутъ Владыка, вышедши изъ кареты впередъ, и давши выскочить мнѣ, самъ протянулъ руки къ дѣдушкѣ, чтобы высадить его, не давши лакею даже и помочь; а мнѣ сказалъ: бѣги скорѣе, скажи Назарію, что пріѣхалъ-де гость самый дорогой... Между тѣмъ Владыка сталъ раздавать нищимъ обычныя подаянія и, на этотъ разъ, сугубыя, такъ что кошелька его не достало. Я побѣжалъ, сказалъ о. Назарію... Онъ мнѣ: „ну,—ну дядѣ-то тво-

ему всѣ гости дорогіе... дешевыхъ-то, видно, не далъ ему Богъ".—Я ему: „да вѣдь, дѣдушка пріѣхалъ. Тутъ я впервые только замѣтилъ, что изъ вѣчно хмураго, ворчаливаго о. Назарій какъ будто преобразился... засуетился необычнымъ образомъ. Дѣдушка о. Георгій жилъ постоянно у Владыки, но часто бывалъ и ночевывалъ у насъ—въ семействѣ, куда отправлялся съ нимъ и я, а также пріѣзжалъ и Владыка. Впрочемъ всего не переговоришь, что живо теперь воспоминается, и чувствуется,—сказалъ покойный высок. Антоній,—за все тогдашнее время гощенія дѣдушки. Сказать развѣ еще то, что относилось собственно ко мнѣ. О. Назарій, какъ я сказалъ, какъ бы преобразился. Онъ дѣйствительно особенно сблизился задушевно съ дѣдушкой за его простоту, особливо-же когда видѣлъ его одѣтымъ. въ отсутствіе Владыки, въ свой дорожный съ заплатами и запачканный въ дегтю подрясникъ. Однажды о. Назарій, говорившій, очевидно, обо мнѣ и прежде съ дѣдушкой, сказалъ мнѣ: „ну вотъ посмотри-ка ты, въ чемъ ходитъ твой дѣдушка... а ты и ваши-то все хотятъ ходить по барскому. И дѣдушка, держа меня и гладя по головѣ, приговаривалъ: „да, Яшуня, старайся быть тѣмъ, кѣмъ былъ въ твои годы Ѳеденька твой теперешній дядя,—тогда, дастъ Богъ, пойдешь по стопамъ его же, будешь монахомъ и, пожалуй, архіереемъ. Владыка Филаретъ, говорилъ покойный высокопр. Антоній, вскорѣ же, по пріѣздѣ, приготовилъ своему батюшкѣ новое одѣяніе—подрясникъ и рясу. Дѣдушка, увидавши это, сказалъ: ну, родимый Владыко, спасибо тебѣ... носить-то это одѣяніе я ужъ ни за что не стану, а лучше скажу словами Св. Евангелія: „сіе сотворивши, ты на погребеніе сотворяеши мя. Въ твоемъ этомъ подрясничкѣ я и велю непремѣнно положить себя во гробъ; а рясочку я благословлю отцу Кузьмѣ. Я заштатный,—къ чему она мнѣ теперь. Да ты видишь, что и та ряса, которую ты мнѣ подарилъ, еще бывши въ Сѣвскѣ, и которую я привезъ теперь съ собою,—почти что новенькая, да и прежняя-то, помнишь, нанковая, темно-желтая и та еще цѣла. Вѣдь ты знаешь какъ мы, священники, одѣвались, бывало, въ рясы-то: въ ве-

ликіе только Христовы Праздники и когда нужно было являться къ Архіерею; да и тутъ, бывало, несешь рясу-то въ узелкѣ подъ мышкой.. и, когда уже нужно, надѣнешь, и затѣмъ опять въ узелокъ, да въ сундукъ. Да и покойница Анастасьюшка, твоя матушка, дай Богъ ей царство небесное!—ты помнишь, какъ бывала бережлива на этотъ счетъ... Помню, она и тебя особенно любила за это же. Кто-кто, а Ѳеденька, говаривала она, бывало, примѣръ, образецъ другимъ дѣткамъ. Другіе, бывало, поизорвутъ что нибудь, какъ будто ни въ чемъ ни бывало... а у тебя, говаривала она, всегда все въ исправности [1]). Недаромъ тебя и батюшка мой, твой дѣдушка, хвалитъ бывало, не на хвалитъ за добрый твой нравъ и порядокъ во всемъ. Да вотъ и теперь сказать: я, вѣдь, видѣлъ всѣ твои порядки... ужъ сколько у тебя дѣлъ-то всякихъ разныхъ, и ты какъ будто не архіерей, а, просто на просто, слуга. Вотъ и о. Назарій разсказывалъ мнѣ, что онъ дивуется не надивуется, что ты ужъ больно живешь не по архіерейски; его даже задора беретъ изъ за этого... Всякъ къ нему, говоритъ онъ, такъ и лезетъ въ пору не въ пору, и мнѣ отдохнуть-то не даютъ. Ну а я-то ему сказалъ: эхъ братъ—отецъ Назарій! Видно ему на роду такъ написано *быть Филаретомъ—милостивымъ*,—и разсказалъ ему про все твое дѣтское время. При самыхъ сборахъ дѣдушки къ отъѣзду дядя-Владыка, помню, говорилъ покойный влад. Антоній,—вручилъ ему прекрасные воздухи для церкви Покровской въ селѣ Высокомъ—и, полученный имъ не задолго предъ тѣмъ за погребеніе N, цвѣтной, малиновый бархатъ, съ тѣмъ чтобы изъ него были сшиты риза и стихарь пасхальные".

Послѣ уже смерти о. Егора,—писалъ тотъ же доставитель свѣдѣній,—мы съ Як. Кузмичемъ по прежнему пріѣзжали въ село Высокое. Тутъ-то Анна Егоровна разсказала намъ такъ же про себя,—какъ она ѣздила въ Калугу къ братцу—архіерею.

---

[1]) Въ одномъ изъ писемъ высокопр Филарета къ Иннокентію (Херсонскому) читаемъ: «Я самъ до самой философіи ходилъ въ лаптяхъ, а иногда и босикомъ. . и не только въ халатѣ, но въ сѣромъ зипунѣ.—Труды Кіев. дух. Акад. 1884 Апрѣль

„Вотъ и я. говоритъ. Богъ далъ—повидалась съ братцемъ своимъ—Преосвященнымъ Калужскимъ. Ужъ какъ онъ радъ-то былъ, если бы вы знали! И не зналъ, какъ принять, и угостить-то меня. Я-то прошу, бывало: братецъ! не безпокойся обо мнѣ: я очень довольна-предовольна всѣмъ.—Нѣтъ! нѣтъ! говоритъ, сестра: ты. пожалуйста. сама всѣмъ у меня распорядись, какъ хозяйка, сама требуй, что тебѣ нужно. Бывало, пріѣдутъ къ нему знатные гости-князья, да генералы: я незамѣтно и уйду въ другія комнаты. чтобы не было стыдно братцу-то отъ такой родни, да. главное, и мнѣ-то было больно не ловко при такихъ знатныхъ лицахъ... А онъ тутъ же и кличетъ меня при нихъ: Сестра. а сестра. куда же ты ушла?! поди сюда,—я порекомендую тебя: призоветъ и посадитъ меня подлѣ себя. Такой добрый и усердный братецъ!—А какъ я собралась ѣхать домой. то-то бы вы посмотрѣли, что было...

„Ну, чтожъ. говоритъ, сестра! вѣдь. надо тебѣ дать денегъ на дорогу". На что! говорю. братецъ! Я, слава Богу, не нуждаюсь; на своихъ лошадкахъ пріѣхала, на нихъ и домой поѣду". „Нѣтъ! нѣтъ!—говоритъ. А то скажутъ люди: вотъ-де какой Архіерей! Пріѣзжала къ нему сестра, а онъ и на дорогу ничего ей не далъ. Я-то, пожалуй, и не боюсь злыхъ языковъ: да вамъ-то, роднымъ моимъ, будетъ стыдно отъ такого брата—Архіерея. Нѣтъ! ужъ ты не отговаривайся. Позовите-ка ко мнѣ эконома".

„А у братца былъ экономомъ какой-то старичекъ-монахъ—такой строгій и разсчетливый. Что жъ, говоритъ братецъ ему: намъ надо дать что нибудь сестрицѣ на дорогу: она ѣдетъ домой". „А я кланяюсь ему, и прошу: пожалуйста, братецъ не нужно"...

Въ эту пору,—разсказывалъ высокопр. Антоній, я былъ тутъ, и тутъ же былъ о. Назарій. Послѣдній не вытерпѣлъ: „Да что ты, мать родимая Анна Егоровна,—ужели думаешь, что онъ вотъ такъ и отсыплетъ тебѣ цѣлыя сотни. Вотъ тебѣ Богъ, что у меня-то онъ всѣ деньги позабиралъ,—а у эконома—тоже, я знаю, всего-на всего осталось 70 руб. асс."—Но Владыка, какъ-бы

обрадовавшись этому, сказалъ: „иди же скорѣе и принеси тѣ 70 руб.“ О. Назарій принесъ и, отдавая деньги Владыкѣ, сказалъ: „на... возьми... отдай. Да смотри, что если ты боишься *не добрыхъ языковъ*, что то и то-де скажутъ тамъ на родинѣ,—за то намъ-то не на что будетъ чего-либо и лизнуть *своими языками*... Экономъ прямо сказалъ, что больше нѣтъ денегъ на покупки съ завтрешняго же дня“.—Деньги 70 руб. отданы были сполна сестрѣ; а о. Назарій взглянулъ только на иконы, развелъ руками и, не провожая гостьи, скрылся съ обычною ворчаливостію“.

О посѣщеніи родственника Уфимскаго свата преосв. Филарета, священника Григорія Андреевича Несмѣлова, мы сколько твердо знаемъ разсказы покойнаго высокопр. Антонія. столько же свѣдѣнія объ этомъ живо памятны намъ изъ разсказовъ, слышанныхъ еще прежде въ Уфѣ изъ устъ самого старца о. Григорія, которые были извѣстны и его дѣтямъ и ими при случаяхъ повторялись, какъ дорогое для нихъ преданіе. Для полноты характеристики мы соединимъ содержаніе тѣхъ и другихъ разсказовъ.

Свѣдѣнія покойнаго Владыки Антонія состояли изъ его личныхъ, дѣтскихъ и другихъ воспоминаній, затѣмъ изъ расказовъ его матушки Татьяны Григорьевны, особенно словоохотливой говоруньи въ этомъ отношеніи и умѣвшей, по словамъ Владыки Антонія, до удивленія возпроизводить былые факты. За это, говорилъ Владыка Антоній, въ бытность моей матушки уже у меня на жительствѣ въ Кіевѣ (въ 1850—1856 г.г.), покойный дядя—Владыка Филаретъ особенно любилъ ее, и, когда, бывало, прихворнется ему, онъ приказывалъ мнѣ: ну-ка, скажи твоей матери-старицѣ, чтобы она пріѣхала комнѣ на цѣлый день; она такая разсказчица-краснобайка, особливо о старинѣ, что и болѣзнь забудется. Я въ одинъ разъ отправилъ еще съ утра мою матушку и самъ пріѣхалъ часамъ къ 12-ти. Благословивъ меня, Владыка, не смотря на явную болѣзненность, проговорилъ съ веселымъ видомъ: „видишь, мнѣ, слава Богу, и полегчало... Вотъ мы съ ней уже чего-чего не переговорили, и все про ста-

рину. Вѣдь и Псалмопѣвецъ недаромъ изрекъ: *помянухъ дни древнія и поучахся*... а не сказалъ воззрѣхъ на современные, текущіе дни... Да и замѣчателано,— прими и ты навсегда для себя къ свѣдѣнію, что когда люди уже совсѣмъ старѣются, то удивительная бываетъ у нихъ память обо всемъ, что было за нѣсколько десятковъ лѣтъ отъ самаго дѣтства, а что было на самыхъ недавнихъ порахъ, то какъ сквозь рѣшето... Насъ-то, вѣдь, не учили наукамъ—психологическимъ и физіологическимъ... но теперь я глубоко, по опыту понимаю эти законы, что и вправду такъ должно быть.—Вѣрно изреченіе—Seniores tamquam juniores—„Старый что малый“... И вотъ какъ разъ, продолжалъ дядя Владыка, рѣчь у насъ зашла теперь о ея батюшкѣ—твоемъ дѣдушкѣ Григоріи Андреевичѣ. Вѣдь ты и самъ помнишь его, когда онъ пріѣзжалъ въ Калугу“. Это меня дѣйствительно заинтересовало, такъ какъ много сохранилось у меня дѣтскихъ воспоминаній, провѣрить и восполнить которыя для меня было интересно, какъ матеріалы для біографіи. Все содержаніе излагаемыхъ свѣдѣній мы передадимъ теперь собственно отъ лица покойнаго Владыки Антонія, со включеніемъ и прочихъ вышеуказанныхъ данныхъ.

„Дѣдушка Григорій Андреевичъ былъ весельчакъ до забавности даже и для насъ бывшихъ тогда дѣтей, говорилъ покойный Владыка Антоній. (Объ этомъ припомнятъ читатели въ изложеніи о проводахъ Филарета еще изъ Уфы [1]). Дѣдушка этотъ гостилъ собственно въ нашемъ домѣ, куда я, по этому, весьма часто былъ отпускаемъ. Самъ Владыка-дядя тоже любилъ пріѣзжать по просту. Дѣдушка прибылъ въ Калугу, какъ разъ когда старшая сестра моя Вѣра—его внучка, была уже засватанною невѣстою, по этому, по русскому обычаю, веселость дѣдушки была особенно кстати. Тутъ на первомъ

---

[1]) Забавность собственно для дѣтей—внучатъ представлена въ Біографіи высокопр. Антонія,—что знаютъ читавшіе Объ веселости же характера его было замѣчено еще при проводахъ Владыки Филарета изъ Уфы въ Тобольскъ

планѣ являлся не разъ и преосв. Августинъ—Епископъ Уфимскій“ Не имѣя мѣста представить здѣсь всю картину, какъ изображалъ ее намъ покойный Владыка Антоній, который и самъ-то впервые узналъ эти обстоятельства, мы тѣмъ не менѣе можемъ высказать, что нужно, такъ какъ и намъ самимъ приводилось не разъ слышать разсказы о. Григорья Андреевича о бытности его въ Калугѣ у свата—Архіерея. Потому и мнѣ пишущему интересно и пріятно было выслушивать сказанья Владыки Антонія, чтобы провѣрить и свои воспоминанія—дѣтскія же.—Что относится къ моимъ воспоминаніямъ, я (пишущій) помню особенно твердо, какъ о. Григорій Андреевичъ во всѣ большіе праздники — въ Рождество Христово, Св. Пасху и еще 1-го Декабря (день имянинъ Владыки Филарета) являлся непремѣнно въ подаренной ему отъ свата, Владыки Филарета, рясѣ атласной, темнаго, вишневаго цвѣта на шелковой подкладкѣ. „Вотъ, приговаривалъ онъ въ средѣ семьи и кружка бывавшихъ гостей,—и я по рясѣ-то чуть не архіерей,—вотъ тутъ должна быть и звѣзда орденская, при чемъ указывалъ онъ на дырочку на грудной сторонѣ ряски, гдѣ прикрѣплялась звѣзда у преосв. Филарета. А теперь-то у него-какъ Митрополита, столько звѣздъ и орденовъ всѣхъ, что вся грудь, какъ есть, унизана крестами и звѣздами, и жаловать-то, говорятъ, ему уже больше нечего [1]). И въ самомъ дѣлѣ, какъ не подивишься и какъ не скажешь, что преосв. Августинъ былъ. въ своемъ родѣ, пророкъ-прозорливецъ... Вѣдь онъ, выѣзжая изъ Уфы (въ 1818 г.) на покой, при послѣднемъ благословеніи, сказалъ мнѣ: „Ну, ты знаешь, что роденька-то твой Филаретъ вышелъ теперь на большую

---

[1]) Высокопр. Филаретъ дѣйствительно награжденъ былъ еще въ 1839 г. уже орденомъ Св Ап Андрея Первозваннаго по случаю возсоединенія Уніятовъ въ Бѣлорусскомъ краѣ, торжество котораго совершено было имъ въ г. Витебскѣ, въ послуженіи съ нимъ бывшаго тогда Епископа Полотскаго и Витебскаго Исидора, нынѣшняго Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита С.-Петербургскаго.

дорогу (въ это время былъ онъ Ректоромъ Москов. дух. Академіи); скоро будетъ и архіереемъ и затѣмъ дальше въ гору и въ гору и превзойдетъ всѣхъ... Благо, что въ свое-то время я проучилъ, проутюжилъ его, какъ слѣдовало... небось до гроба не забудетъ". Эти слова Августина я, говорилъ о. Григорій, передавалъ въ точности и своему Владыкѣ Филарету въ бытность мою у него въ Калугѣ".

„Преосв. Августинъ, какъ уже сказано, былъ на первомъ планѣ воспоминаній дѣйствительно на эту именно тему. Дѣдушка, будемъ говорить словами разсказа высокопр. Антонія, по веселости и забавности своего характера, и самыя грустныя воспоминанія о пережитомъ Филаретомъ тяжеломъ состояніи въ Уфѣ, умѣлъ какъ-то выражать и изображать въ особенно занимательномъ, и для насъ дѣтей, родѣ и тонѣ. Тутъ была рѣчь и о туфляхъ разбитыхъ, и о лаптяхъ, и о руготнѣ, и другихъ преслѣдованіяхъ со стороны преосв. Августина,—и о горемычныхъ пѣсенкахъ на счетъ Августина, и о портретѣ его, перевертываемомъ лицомъ къ стѣнѣ, экземпляръ котораго о. Григорій Андреевичъ привезъ въ даръ отъ себя въ память свату—преосв. Филарету. Батюшка же и матушка, особливо послѣдняя, не умедлили высказаться и о заѣздѣ Филарета къ нимъ изъ Тобольска въ Міясскій зоводъ, когда состояніе его было тоже еще неопредѣленное, и когда у него не было, на что купить и дорожной, теплой одежды и пр. и пр. Впрочемъ, когда дѣдушка позволялъ себѣ при своихъ воспоминаніяхъ и разсказахъ немножко какъ бы подтрунивать надъ бывшимъ преосв. Августиномъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, хотя и безъ лести, но не совсѣмъ умѣренно, представлять настоящее состояніе Филарета, какъ архіерея, вполнѣ обезопашеннымъ, и какъ бы на степени полнѣйшаго благополучія, чуть не блажанства... тогда Владыка дядя, съ своей стороны хотя видимо, и раздѣлялъ подобныя воспоминанія и разсужденія своего свата,—но въ тоже время воздерживалъ себя, (что особенно было замѣтно для всѣхъ даже и для насъ, дѣтей), со всѣмъ смиреніемъ предъ всѣми судьбами въ прежней жизни своей, и съ глубочайшею почтительностію къ имени преосв. Ав-

густина... „Ну, сватъ мой любезный, какъ ты ни толкуй, а я свое тебѣ скажу и всегда и всѣмъ до гроба моего стану свидѣтельствовать, что онаго времени я не только не помяну лихомъ, но считалъ и считаю страшнымъ, смертнымъ грѣхомъ, чтобы и заикнуться въ этомъ родѣ на счетъ виновниковъ, пережитыхъ мною, скорбей,— разумѣю не только Августина, но и Амвросія Орловскаго. Безъ этихъ, хотя суровыхъ наставниковъ, Богъ вѣсть, что было бы со мною [1]). Что я теперь Архіерей, это случилось Божіею милостію, какъ и вообще *„благодатію Божіею есмь, еже есмь“*. Что архіерейство представляется въ глазахъ другихъ такъ, какъ и ты, сватъ, теперь изображаешь и видимо соутѣшаешься моему благополучію и пр., то и это далеко не такъ въ истинѣ и дѣйствительности. Всѣ смотрятъ обыкновенно на архіерейскіе богатые покои, на карету съ четверней, на бархатъ и шелкъ на ихъ рясахъ, на чествованія ихъ и поклоненія предъ ними...—но вѣдь, избави Богъ, какъ бы не услышать слова: *благая восприялъ еси въ животѣ твоемъ*“. Нѣтъ и нѣтъ, сватъ,—ты забудь на вѣки ублажать меня, смотря на настоящее мое положеніе“. И замѣчательно, присовокупилъ при этомъ высокопр. Антоній, что дядя-Владыка проговорилъ отъ слова до слова то, что привелось мнѣ прочитать въ одномъ изъ его писемъ относящемся къ дальнѣйшему уже времени. Эти слова въ указываемомъ письмѣ слѣдующія: „Мы живемъ во времена скорбей и искушеній, которыя, по видимому, какъ бы не ощущаются нами, но которыя такъ внѣдрились въ моемъ сердцѣ, что я не хочу и не могу видѣть истинныхъ чадъ Божіихъ, живущихъ на землѣ, точію пребывающихъ въ скорбѣхъ и искушеніяхъ... здѣсь истинное злато въ горнилѣ и пр. [2]). Наконецъ, что особенно оста-

---

[1]) Вообще о преосвященномъ Августинѣ онъ свидѣтельствовался подобно тому, какъ это было при посѣщеніи имъ впослѣдствіи самой могилы Августина,—о чемъ уже извѣстно читателямъ.

[2]) Письмо это было изъ Казани отъ 2 Іюля 1832 г. къ П. Ст. Алексинскому вскорѣ послѣ смерти брата Владыки Филарета о. Гавріила и по поводу сиротства его семейства.

лось для меня памятнымъ, въ частности изъ описываемаго времени, говорилъ высокопр. Антоній, это разговоры между Владыкою и дѣдушкою Уфимскимъ,—о тогдашнемъ воспитаніи дѣтей и вообще о домашнемъ, семейномъ бытѣ въ средѣ духовенства. У дѣдушки было трое сыновей, коихъ всѣхъ зналъ лично еще дѣтьми Владыка Филаретъ въ бытность въ Уфѣ;—а одинъ изъ нихъ—младшій Яковъ, бывшій при немъ въ Московской Академіи, теперь находился тутъ же, пріѣхавши тогда изъ Витебска, гдѣ онъ служилъ чиновникомъ Ген. Губернатора, нарочито для свиданія съ о. Григоріемъ. Владыка съ него-то и началъ рѣчь: „вотъ Яковъ—то твой [1]) больно нестатно поступилъ, что ушелъ изъ духовнаго, роднаго званія въ свѣтское, хотя служитъ-то и хорошо. Ну а что другіе-то какъ у тебя сынки? На это дѣдушка съ какимъ-то самодовольствомъ сказалъ: ну ужъ сынки-то мои Петруша и Ванюша [2]) вышли изъ подъ моего воспитанія не баричами, и въ священствѣ-то примѣрные. Вотъ, когда мы, послѣ страшнаго, бывшаго въ 1816 г., пожарища, строили новый домъ общій для всѣхъ, хотя Петруша былъ уже діакономъ, а Ванюша уже кончилъ курсъ, то они истинно удивили меня своею работящностію; они сами ѣздили за бревнами на рѣку Бѣлую версты за три и ѣздили туда въ простыхъ зипунахъ и на

---

[1]) Яковъ Григор. Несмѣловъ, въ бытность мою у него въ Могилевѣ въ 1867 г., самъ передавалъ мнѣ подробный излагаемый разговоръ, выразившись между прочимъ такъ: «да, меня Филаретъ сильно тогда пропекалъ при моемъ батюшкѣ за то, что я не кончивъ курсъ въ Москов. Академіи, перешелъ въ Университетъ, но и тутъ тоже не докончилъ курса.

[2]) Эти сыновья—Петръ и Иванъ Григ—чи Несмѣловы впослѣдствіи были оба заслуженными и особенно чтимыми въ городѣ Уфѣ Протоіереями, особливо первый.—О работахъ своихъ при постройкѣ дома они любили и сами разсказывать,—равно какъ и еще о постройкѣ церкви на кладбищѣ, когда они собственными же трудами участвовали въ этомъ дѣлѣ, и, главнѣе всего, сами лично были сборщиками всякихъ средствъ. Объ этомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

босу ногу, не смотря на то, что нужно было проѣзжать чрезъ всю улицу Казанскую, а тамъ, при выгрузкѣ бревенъ, приводилось имъ быть въ водѣ чуть не по-поясъ... Да и самъ-то я, вѣдь, ни топора, ничего мимо своихъ рукъ не пропускаю [1]). Дядя Владыка, продолжалъ высокопр. Антоній, выслушивалъ все это съ явнымъ одобреніемъ и удовольствіемъ, и о себѣ вспоминалъ, что онъ тоже хаживалъ до самой философіи въ зипунѣ, а бывало и въ лаптяхъ и просто босикомъ, а по части работъ тоже любилъ всегда и топоръ, и серпъ и вилы, и косу. При этомъ онъ указывалъ ближайшимъ образомъ и на Семинарію и на училища Калужскія, въ которыхъ многое множество недостаточныхъ учениковъ, у коихъ и куска-то дневнаго не всегда достаетъ. И вотъ тутъ-то, говорилъ онъ дѣдушкѣ, и поймешь, что значитъ архіерейство, когда каждый годъ въ Семинарію, а тѣмъ паче въ училище, навезутъ цѣлую гурьбу ребятъ-голышей, особенно сиротъ,—которыхъ къ тому же и помѣщать въ бурсы-то нѣтъ рѣшительно мѣстечка, а отпускать вспять домой на произволъ судьбы, вѣдь это уже чисто значило бы подставлять себя подъ приговоръ св. Апостола: *„аще кто о своихъ, паче же о присныхъ, не промышляетъ, вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть.* (1 Тим. 5, 8).

Не распространяя болѣе приводимыхъ разсказовъ, содержаніе и значеніе которыхъ, несомнѣнно, и безъ того вполнѣ понятны читающимъ, мы присовокупимъ только то, какъ всѣ подобныя чувствованія, разсужденія и дѣйствія въ Бозѣ почившаго высокопреосв. Филарета были всегда искренни и неизмѣнны на всю жизнь, начиная съ первой его паствы Калужской.—Вполнѣ дос-

---

[1]) Эта привычка о. Григорія дѣлать все своими руками, сохранившаяся до глубокой старости, послужила причиною и самой смерти его. Онъ щепалъ лучину и такъ усердно нажималъ на косарь ногою, что натеръ страшную мозоль, которая, прорвавшись, разболѣлась такъ, что образовался антоновъ огонь, отъ чего старецъ и скончался.

тойнѣйшею и назидательнѣйшею въ этомъ отношеніи иллюстраціею можетъ служить слѣдующее письмо въ Бозѣ почившаго, писанное имъ въ бытность его уже Митрополитомъ Кіевскимъ [1]) къ бывшему тогда Викарію его въ Кіевѣ—Преосв. Иннокентію, по поводу, представленнаго ему, отчета по ревизіи Кіевской Семинаріи и училищъ и составленнаго, по его выраженію, *по ревности не по разуму*... „То правда, что ученики спятъ и по двое на одной кровати, и ходятъ въ халатахъ иные безъ поясовъ, ходятъ и босикомъ... И что-жъ?... Я самъ очень знаю бѣдность содержанія учениковъ и тѣсноту и проч., да зачѣмъ такъ высчитывать все... и съ такою подробностію говорить напр. о подштанникахъ и т. п. и открывать такимъ образомъ матернюю наготу?!... Я самъ до самой философіи ходилъ и въ лаптяхъ, и босикомъ, и не только въ халатѣ, но и въ сѣромъ зипунѣ. И что же,—ужели лучше оставлять сихъ бѣдныхъ малютокъ въ домахъ родительскихъ безъ всякаго обученія?! Извольте милостиво послушать, такъ ли и мнѣ платятъ за то, что я самъ отъ себя *пять тысячъ* рублей жертвую (на содержаніе сихъ бѣдныхъ) ежегодно [2]). Вѣрно, что ревизовавшій сдѣлалъ такое описаніе по ревности къ улучшенію содержанія учениковъ; но *ревность не по разуму* влечетъ обыкновенно за собою вредныя послѣдствія“.

О родственно-любивыхъ чувствахъ и отношеніяхъ высокопр. Филарета, въ особенности, къ описанному семейству брата его Гавріила, мы увидимъ еще много свѣдѣній впослѣдствіи, когда высокопр. Филаретъ былъ уже архіепископомъ въ Казани, и въ эту пору братъ его скончался, оставивши большое семейство.

Въ заключеніе всего изложенія объ истинно-благостныхъ, въ духѣ архипастырско-отеческомъ. дѣйстві-

---

[1]) Письмо изъ С.-Петербурга отъ 29 Ноября 1838 г.

[2]) Жертвованія эти были гораздо еще въ большемъ количествѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

яхъ и отношеніяхъ преосв. Филарета ко всѣмъ, безъ изъятія, своимъ пасомымъ мы должны указать и на то, съ какимъ глубокимъ участіемъ относился онъ и къ тѣмъ, кои, по слову св. Апостола, *отъ насъ* (изъ среды Православныхъ) *изыдоша, но не бяху отъ насъ*. Это—раскольники, которыхъ, какъ уже замѣчено, было весьма не малое число и въ самой Калугѣ, и, въ особенности, какъ въ главномъ ихъ гнѣздилищѣ,—въ г. Боровскѣ. Каково было это участіе, или, прямѣе сказать, какъ болѣла, ревнующая о спасеніи всѣхъ ближнихъ, христолюбивая душа сего Архипастыря, мы тоже видѣли уже изъ его прощальной рѣчи съ его Калужскою паствою, гдѣ онъ отъ полноты и глубины чувства, взывалъ ко Господу: „Господи, Сердцевѣдче, Ты вѣси, сколько сердце мое воздыхало и будетъ воздыхать къ Тебѣ, да сей, знаменитый благочестіемъ и добродѣтелями, градъ очистится отъ послѣднихъ останковъ заблужденій и суевѣрія. Соверши надъ нимъ милость сію.—да будутъ вси—едино стадо, и Ты единъ Пастыреначальникъ“.— Что эти воздыханія были не однѣ лишь выраженія чувствованій, но были отраженіемъ и отголоскомъ самой ревностной дѣятельности преосв. Филарета, на это въ дѣлахъ архива Калужской епархіи имѣются несомнѣнныя, разнообразныя данныя. Цитуемый не разъ нами. Авторъ [1]), имѣвшій подъ руками этотъ самый источникъ, пишетъ: „Охраненіе стада Христова отъ расхищенія, предохраненіе отъ увлеченія бреднями раскольниковъ и обращеніе послѣднихъ на путь истины—было однимъ, изъ самыхъ главныхъ, дѣломъ, которое предстояло вниманію Филарета на епископствѣ въ Калугѣ.—Изворотливость и хитрость раскольниковъ въ дѣлѣ совращенія истинныхъ сыновъ Церкви Христовой сильно смущали его, и ему предстояла немаловажная борьба; но эту борьбу онъ велъ всегда, какъ добрый воинъ Христовъ, облеченный во всеоружіе слова Божія, не прибѣгая однако къ мѣрамъ насилія и стѣсненія. Онъ боялся оскор-

[1]) Смотр. въ Калужскихъ Епархіальн. Вѣдомостяхъ 1884—85 г.

бить человѣка насильственнымъ посягательствомъ на его свободу, и потому употреблялъ лишь нравственныя мѣры убѣжденія, которыя, съ тѣмъ вмѣстѣ, и выражалъ всегда въ самыхъ искреннихъ молитвенно-благожелательныхъ чувствованіяхъ и въ сердечныхъ воздыханіяхъ, о коихъ торжественно засвидѣтельствовалъ самъ въ своей прощальной рѣчи. Есть свѣдѣніе, что высокопр. Филаретъ вступалъ въ частныя, или общія собесѣдованія съ раскольниками не иначе, какъ повторяя про себя всѣ тѣ эктенійныя прошенія и ту молитву, которыя положено возносить по чинопослѣдованію въ *„Недѣлю Православія“*, и которыя онъ отъ слова до слова зналъ наизустъ. А чтобы смягчить, на сколько возможно, предубѣжденія и даже ожесточенія нѣкоторыхъ изъ слышавшихъ его собесѣдованія въ томъ отношеніи, что-де „архіереи и попы дѣлаютъ обращенія и увѣщанія къ раскольникамъ или изъ своихъ видовъ, или только по приказу“, высокопр. Филаретъ въ большинствѣ употреблялъ многія, самыя подлинныя выраженія изъ эктеніи и молитвы, этимъ самымъ на передъ давая разумѣть упорствующимъ,—въ какомъ духѣ, въ какихъ чувствахъ и въ какихъ видахъ предлагаются имъ увѣщанія [1]). Для

---

[1]) Въ виду того, что, къ удивленію и прискорбію, въ средѣ и Православныхъ и даже образованныхъ лицъ, и, едва ли не справедливо сказать, въ самомъ большинствѣ, содержаніе указываемыхъ эктенійныхъ возношеній и молитвы, положенныхъ въ чинопослѣдованіи *въ Недѣлю Православія*, не извѣстно, а напротивъ самое это чинопослѣдованіе понимается своеобразно, именно въ смыслѣ однихъ лишь страшныхъ прещеній, выражающихся въ *анаѳематствованіяхъ* въ значеніи исключительныхъ будто бы *проклятій*,—почитаемъ умѣстнымъ выписать здѣсь нѣсколько выраженій изъ подлиннаго текста эктеніи и молитвы.—«Не хотяй смерти грѣшныхъ обрати всѣхъ отступившихъ къ Святой Твоей Церкви, да и противящіися обратившеся, вкупѣ съ вѣрными истинною вѣрою и благочестіемъ Тебе Бога нашего прославятъ... и да истинная любовь царствуетъ въ сердцахъ всѣхъ и коегождо къ ближнему своему,—молимтися, Спасителю нашъ»! (Это въ эктеніи).—Въ молитвѣ же, читаемой обыкновенно Архіереемъ, глубокознаменательныя слова, между прочимъ, слѣдующія: «Исповѣдуемъ, Господи, великое Твое и безприкладное человѣколюбіе и милосердіе во еже быти спасеннымъ намъ всѣмъ, ук-

подобныхъ личныхъ собесѣдованій,—говорится въ свѣдѣніяхъ, преосв. Калужскій Филаретъ нарочито ѣздилъ иногда въ г. Боровскъ, и тамъ по нѣскольку часовъ сряду велъ съ раскольниками общія собесѣдованія, въ которыхъ раскрывалъ имъ всю несправедливость ихъ взглядовъ.—А дабы успѣшнѣе дѣйствовать на заблуждающихъ и съ тѣмъ вмѣстѣ оградить пасомыхъ, могущихъ уклоняться на сторону раскольниковъ, онъ въ тѣ мѣста,—гдѣ особенно былъ распространенъ расколъ, назначалъ людей достойныхъ и особливо хорошей нравственности; письменно и устно давалъ имъ наставленія, какъ обра-

---

рѣпляемымъ всесильною Святаго Твоего Духа благодатію. Но, видяще многихъ поползновенія, прилѣжно Тя, Всеблагій Господи, молимъ: призри на Церковь Твою и виждь, яко Твое спасительное благовѣстіе аще и радостно пріяхомъ, но терніе суеты и страстей творитъ оное въ нѣкіихъ малоплодно, въ нѣкіихъ же и безплодно, и, по умноженію беззаконій, овіи ересьми, овіи расколомъ противяся Твоей Евангельской Истинѣ, отступаютъ отъ достоянія Твоего, отрѣваютъ Твою Благодать и повергаютъ сами себя суду Твоего Пресвятаго Слова.—Премилосердый и Всесильный, не до конца гнѣвайся, Господи! буди милостивъ,—молитъ Тя Твоя Святая Церковь, представляя Тебѣ Начальника и Совершителя спасенія нашего Іисуса Христа, буди милостивъ намъ, укрѣпи насъ въ Правовѣріи силою Твоею,—*заблуждающимъ* же просвѣти *разумныя ихъ очи* свѣтомъ Твоимъ Божественнымъ, да уразумѣютъ Твою истину: *умягчи ихъ ожесточеніе* и *отверзи слухъ ихъ*, да познаютъ гласъ Твой и обратятся къ Тебѣ Спасителю нашему.—Подаждь, Господи, и *пастыремъ Церкви* Твоея святую ревность, и попеченіе ихъ о спасеніи и *обращеніи заблуждающихъ* духомъ Евангельскимъ растворі: да тако вси руководими достигнемъ, и дѣже совершеніе вѣры, исполненіе надежды и истинная любовь, и тамо съ лики чистѣйшихъ небесныхъ Силъ прославимъ Тебя Господа нашего—Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки вѣковъ,—аминь.

Что высокопр. Филаретъ дѣйствовалъ самъ такъ, а не иначе, именно въ молитвенномъ настроеніи духа, при собесѣдованіяхъ съ заблуждающими съ святою цѣлію ихъ вразумленія и обращенія,—объ этомъ читающіе увидятъ особенно назидательныя свѣдѣнія въ дѣлахъ миссіонерства его въ Казанской Епархіи въ средѣ инородцевъ. Въ этомъ именно духѣ и образѣ дѣйствованія имъ была составлена подробная Инструкція и для всѣхъ миссіонеровъ. Вотъ напр. самый первый § въ этой инструкціи: «Какъ обращать сердца человѣческія къ спасительной истинѣ, принадлежитъ Единому Богу: то

щаться съ отпадшими отъ Православной Церкви, совѣтуя обходиться съ ними кротко и мирно".

На сколько же самъ преосвящ. Филаретъ обладалъ особенною способностію обхожденія съ заблуждавшими и чрезъ это дѣйствительно имѣлъ всегда личное вліяніе на нѣкоторыхъ бывшихъ въ расколѣ, объ этомъ мы уже видѣли отчасти факты. Приведемъ здѣсь еще фактъ слѣдующій, сообщенный записавшему его лицу въ послѣдствіи въ Кіевѣ. Купецъ въ Калугѣ NN въ тайнѣ былъ расположенъ къ расколу, но пріобщался отъ единовѣрческаго

миссіонерамъ, назначеннымъ на сіе важное, святое служеніе, предъ начатіемъ сего подвига надлежитъ приготовить себя *постомъ, молитвою* и проч.». Покойный высокопр. Антоній, при чтеніи настоящаго изложенія, сдѣлалъ самыя краткія замѣтки карандашемъ, а потомъ повторилъ ихъ болѣе подробно въ слѣдующихъ словахъ: «Да, вотъ гдѣ и для насъ всѣхъ истинная инструкція, какъ поступать во всѣхъ подобныхъ дѣйствіяхъ... А мы-то что и какъ дѣлаемъ?! Мнѣ самому частенько приходитъ мысль: ладно ли мы дѣлаемъ, что напр. сами же отыскиваемъ и пускаемъ на дѣло собесѣдованія съ раскольниками людей разнаго рода и званія, о которыхъ, положимъ, узнаемъ достаточно, что они знакомы, какъ начетчики, съ ученіемъ раскольническимъ... и могутъ, такъ или иначе, преодолѣвать ихъ при взаимныхъ словопреніяхъ., но, увы! въ какомъ духѣ, въ какихъ чувствахъ все это можетъ происходить,—а отсюда и каковъ можетъ быть плодъ.. не такой ли, какъ речено, какой *отъ кимвала бряцающаго и мѣди звѣнящей*?! Правда, когда изъ этихъ званныхъ принимаютъ иные духовное званіе и даже санъ священный, есть еще ручательство за нѣчто лучшее; но по наблюденіямъ и опытамъ не не оказывается, что въ лицѣ таковыхъ, какъ книжныхъ начетчиковъ, сбывается и другое реченіе,—τὰ πολλὰ γράμματα εἰς μανίαν ἀυτῆς περιτρέπει... (по славянскому тексту: многія книги въ неистовство ихъ прелагаютъ)... Мнѣ не безъизвѣстно, хотя по секрету, что иные изъ этихъ *поллаграммотниковъ* въ своихъ объясненіяхъ по части догматическихъ истинъ проводятъ иногда, конечно по невѣжеству, а съ тѣмъ вмѣстѣ ради показанія своего многознайства, своеобразныя мысли и толкованія... И такъ, что ни говорить, а больно бы нужно взять намъ въ руки и инструкцію дядину миссіонерамъ и его собственноличный образъ и характеръ дѣйствованія въ отношеніи къ заблуждающимъ, и, паче всего—твердо-глубоко слагать въ сердцѣ своемъ, подобно ему же, все содержаніе церковныхъ молитвословій, которыя ты кстати вмѣстилъ здѣсь».

священника, который однако обязанъ былъ приходить къ нему на домъ съ Св. Дарами.—Владыка Филаретъ, бывшій Калужскимъ Архіереемъ, узнавъ объ этомъ, прямо говорилъ этому купцу: „Смотри, ты вотъ не хочешь теперь самъ приходить ко Христу Спасителю и чуждаешься Церкви: за то придетъ время, когда и пожелаешь придти, но не придешь, да и къ тебѣ Христосъ Спаситель не придетъ“. Не вразумившійся Пастырскимъ совѣтомъ умеръ безъ покаянія [1]). А что вообще личное вліяніе преосв. Филарета на заблуждавшихъ какъ было въ свое время, такъ и оставалось на долго въ средѣ послѣднихъ. По сказанію доставителя свѣдѣній, при самыхъ проводахъ преосв. Филарета было не мало лицъ изъ раскольниковъ, даже въ храмѣ соборномъ, и на иныхъ изъ нихъ самыя слова молитвеннаго воззванія архипастырскаго произвели истинно небывалое для нихъ впечатлѣніе. По словамъ ихъ самихъ, они какъ бы не вѣрили, чтобы у нынѣшнихъ архіереевъ была такая Христоподражательная ревность о спасеніи заблудшихъ. По разсказамъ, лично нами слышаннымъ въ послѣднее время въ 1884 г., въ бытность въ Калугѣ, между единовѣрчествующими и всецѣло обратившимися въ Православіе имя преосв. Филарета остается до днесь въ преданіи, какъ приснопамятнаго Архипастыря и въ особенности какъ усерднаго молитвенника и какъ церковнаго „*собесѣдовника*“. Потому и печатныя его „*толковательныя Бесѣды*“ сохраняются у многихъ и единовѣрчествующихъ и даже нѣкоторыхъ держащихся раскола, въ ряду книгъ истово учительныхъ; равно имѣются у иныхъ списки, писанные полу-уставомъ, съ самой его послѣдней, прощальной рѣчи,—и даже съ того поученія, которое произнесено было высокопр. Филаретомъ по поводу начавшагося распространяться изданія книгъ Св. Писанія,—къ чему онъ самъ съ перваго раза относился съ полнымъ сочувствіемъ и располагалъ пасомыхъ; но впослѣдствіи измѣнилъ свой

---

[1]) Дневникъ 1857 года 10-го Сентября. Стр. 21-я.

взглядъ и убѣжденіе въ отрицательную сторону собственно противъ изданій Библейскаго Общества, а затѣмъ и противъ дальнѣйшихъ предпріятій подобнаго рода, оканчивая самымъ даже тѣмъ, которое возникло по разсужденію самаго Св. Сунода въ 1856—1857 г.

ОТДѢЛЪ VII.

ГЛАВА XIX.

«Изложивъ сіи мои мысли съ глубочайшимъ смиреніемъ предъ Богомъ, словомъ Его святымъ и Православною Церковію, приближаясь ежедневно къ кончинѣ моей и готовясь предстать предъ нелицепріятный Судъ Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, всѣмъ сердцемъ молю Его Благость, да не по мудрованіямъ человѣческимъ, а по Премудрому Промыслу Своему Самъ Онъ устроитъ, якоже вѣсть, лучшее и полезнѣйшее касательно сего, чрезвычайно важнаго, дѣла, и да сохранитъ миръ въ Православной Церкви Своей» [1]).

Въ своемъ мѣстѣ [2]) сдѣлано было нами предъуказаніе на особое изложеніе дѣла по вопросу о переводѣ Священнаго Писанія В. и Н. Завѣта на Русскій языкъ, предпринятомъ еще въ 20-хъ годахъ бывшимъ тогда Библейскимъ Обществомъ и затѣмъ возобновленномъ въ 1856—57 г. Хотя это дѣло по окончательному своему результату, на которомъ, съ своей стороны, остановился высокопр. Филаретъ въ отрицательномъ смыслѣ вопреки общему его рѣшенію въ Св. Сунодѣ, относится къ самому концу его жизни (1856—1857 г.), но мы считаемъ необходимымъ изложить это дѣло въ настоящемъ именно мѣстѣ потому, что, во 1-хъ, самъ высокопр. Филаретъ, въ изложеніи основаній и соображеній для сво-

[1]) Собственныя слова высокопр. Филарета,—послѣднія, заключительныя въ его отношеніи къ Оберъ-Прокурору Св. Сунода Графу А. П. Толстому, по дѣлу о переводѣ Св. Писанія на Русскій языкъ.

[2]) Въ концѣ главы XIV, стран. 293.

его отрицательнаго результата въ разрѣшеніи этого дѣла, сдѣлалъ, прежде и главнѣе всего, указаніе на самый первоначальный источникъ его—„*источникъ*, по буквальному его выраженію, *мутный* и *ядовитый*, разумѣя подъ симъ послѣднимъ именно *Библейское Общество*. Во 2-хъ, этого изложенія въ настоящемъ мѣстѣ, (за описываемую пору служенія преосвященнаго Филарета собственно въ Калугѣ), требуютъ особыя обстоятельства, сопривходящія въ исторію Библейскаго Общества и другихъ мистическихъ и пропагандическихъ его дѣйствій.—Въ 3-хъ, въ самомъ ходѣ дѣла, начатаго Св. Сунодомъ (въ Сентябрѣ 1856 г.) о потребности перевода Св. Писанія на Русскій языкъ, противъ чего выступилъ съ своимъ отрицательнымъ мнѣніемъ высокопр. Филаретъ Кіевскій, не разъ встрѣчаются оффиціальныя указанія со стороны, опровергавшаго это мнѣніе, высокопр. Филарета Московскаго,—именно на время служенія перваго еще въ Калугѣ,—указанія въ томъ прямомъ смыслѣ и значеніи, что въ эту-де пору (въ 1824—25 г.) онъ (Филаретъ Кіевскій) судилъ о томъ, что теперь (въ 1857 г.) отрицаетъ. совершенно иначе... именно стоялъ за потребность перевода на Русскій языкъ [1]). Наконецъ въ 4-хъ, изложеніе всего этого дѣла здѣсь теперь, по нашему мнѣнію, необходимо въ тѣхъ видахъ, что въ излагаемомъ дѣлѣ изобразятся, напередъ представятся взору читающихъ весьма рельефно многія отличительныя, самыя высокія, свѣтлыя черты личности жизнеописуемаго Первосвятителя, „совершенно вопреки тому, что, въ родѣ немалой тѣни, налагаемо было на его личность въ свое время какъ по отношенію къ настоящему дѣлу,—(отрицаемому имъ переводу Св. Писанія), такъ и по части иныхъ, доходившихъ будто бы у него до крайности, консервативныхъ его взглядовъ и убѣжденій въ дѣлахъ и

[1]) Смотр. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета Митрополита Московскаго и Коломенскаго. Том. IV. Москва 1886 г. стр. 244—262.—Изъ всего изложенія этого дѣла мы представимъ въ концѣ всѣ нужныя, подлинныя свѣдѣнія, заключающіяся въ отзывѣ высокопр. Филарета Московскаго и въ другихъ документахъ по разсматриваемому дѣлу, принадлежащихъ перу сего же Первосвятителя.

вопросахъ по разнымъ сторонамъ Церковнаго управленія и духовно-религіозной жизни“ [1]).

Свѣдѣнія о существовавшемъ (1812—1826 г.) Библейскомъ Обществѣ и, въ частности, о переводѣ Св. Писанія на Русскій языкъ вошли уже. въ послѣднее время, въ исторію [2]). Изъ этихъ историческихъ данныхъ мы возмемъ только нѣсколько свѣдѣній, и то самыхъ краткихъ, чтобы ознакомить читающихъ съ сутью дѣятельности и направленія Библейскаго Общества.

Библейское Общество было открыто въ 1812 г., и дѣятельность его съ перваго же раза пошла весьма быстро и успѣшно.—Самъ Государь Александръ I отнесся къ Обществу съ полнымъ сочувствіемъ и записался въ число членовъ его, съ ежегоднымъ взносомъ отъ себя по 10000 руб. ассигн., и единовременно на первыхъ порахъ внесъ 25000 руб. асс. Впрочемъ, въ эту начальную пору Общество имѣло задачею распространеніе Св. Библіи собственно между живущими въ Россіи иностранцами и инородцами и только на ихъ языкахъ. Затѣмъ, въ 1814 г. Общество получило отъ Государя право издавать Библію и на языкѣ Славянскомъ для Русскихъ. Наконецъ, въ 1816 году бывшимъ Предсѣдателемъ Общества княземъ Голицынымъ было заявлено, что „многіе изъ Русскихъ, по свойству получаемаго ими воспитанія, будучи удалены отъ знанія Славянскаго нарѣчія, не безъ крайняго затрудненія могутъ употреблять, издаваемыя для нихъ, на семъ единственномъ нарѣчіи, св. книги“ [3]). Чтобы устранить такое явленіе, Русское Библейское Общество, въ лицѣ своего Президента того же князя Голицына, вошло въ Св. Сунодъ съ предложеніемъ о дозволеніи предполагаемаго перевода Библіи на Русскій языкъ. Св. Сунодъ, найдя

---

[1]) Смотри въ Калужскихъ Вѣдомостяхъ.

[2]) О Библейскомъ Обществѣ смотр. напр «Чтеніе изъ Исторіи Русской Церкви за время царствованія Императора Александра I» соч. П. Знаменскаго 1885 г. О переводѣ же Библіи на Русскій языкъ—смотр. Христіанское Чтеніе 1872—1873 г. Соч. г. Чистовича.

[3]) Вѣстникъ Европы 1868 г. кн. 8, стр. 613.

это предложеніе совершенно законнымъ и полезнымъ, положилъ „поручить Коммиссіи духовныхъ училищъ, чтобы она избрала въ С.-Петербургской духовной Академіи способныхъ лицъ для этого важнаго дѣла“ [1]). Коммиссія духовныхъ училищъ, 16 Мая 1816 года, опредѣлила: „предоставить переводъ Библіи Ректору С.-Петербургской духовной Академіи Архимандриту Филарету съ прочими членами ея, избранными самой Коммиссіей. Съ этого времени дѣло перевода Библіи на Русскій языкъ и пошло на первыхъ порахъ довольно быстро, такъ что въ продолженіе двухъ-трехъ лѣтъ было переведено около десяти священныхъ книгъ. Но дѣло встрѣтило скоро несочувствіе со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ; къ числу первыхъ принадлежалъ и Филаретъ, митрополитъ Кіевскій, бывшій тогда Епископомъ Калужскимъ.

При указаніи здѣсь на личность Филарета, въ ряду не сочувствовавшихъ дѣлу Библейскаго Общества, должно замѣтить, что это несочувствіе съ его стороны не было и не могло еще быть вполнѣ заявлено самымъ дѣломъ въ описываемую пору по самому іерархическому положенію. Несочувствіе его въ прямомъ смыслѣ выразилось уже послѣ совершеннаго прекращенія (въ 1826 г.) самаго существованія Библейскаго Общества, именно въ первый разъ тогда, когда снова начали появляться (въ 1840—42 гг.) опыты переводовъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта на Русскій языкъ—протоіерея Павскаго и Алтайскаго миссіонера Архимандрита Макарія, и когда высокопр. Филаретъ по званію Члена лично присутствовалъ въ Св. Сунодѣ; во второй же разъ, когда былъ поднятъ и рѣшаемъ въ самомъ Св. Сунодѣ (въ 1856—57 г.) вопросъ о необходимости перевода всей Библіи на Русскій языкъ. Но, какъ уже замѣчено нами, по этому послѣднему дѣлу высокопр. Филаретъ въ самыхъ первыхъ строкахъ своего отрицательнаго мнѣнія прямо указалъ на бывшее по этому предмету дѣло Библейскаго

---

[2]) Христ. Чтеніе, 1872 г. кн. 3, стр. 423

Общества и тутъ же засвидѣтельствовалъ въ отношеніи къ нему не только свое несочувствіе, но прямое отверженіе его, какъ явившагося изъ *мутнаго* и *ядовитаго* источника. Вотъ буквальное изложеніе въ его отношеніи къ бывшему Оберъ-Прокурору Св. Сѵнода Графу Ал. Петр. Толстому (отъ 1-го Января 1857 г.). „Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть, изъ какого *мутнаго* и *ядовитаго* источника явилась на святой Русской землѣ мысль о переводѣ Библіи, блаженнымъ предкамъ нашимъ чуждая. Поручаю Вашему благоразумію и усердію къ святой Православной Церкви и отечеству употребить сіи свѣдѣнія къ сохраненію неприкосновенности роднаго намъ Славянскаго текста священнаго Писанія, который я въ глубинѣ души моей почитаю отечественною святынею нашею. До свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, вѣроятно, еще не дошли всѣ подробности сего дѣла... На Васъ лежитъ обязанность всеподданнѣйше доложить Помазаннику Господню [1]) обо всемъ обстоятельно по долгу служенія Вашего. Богъ свидѣтель! я не имѣю въ душѣ моей ни малѣйшей мысли предосудительной для моихъ собратій и сослужителей, согласившихся на возстановленіе перевода священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта на Русское нарѣчіе. Я всѣхъ сердечно почитаю ревнителями Православія и пастырями, пекущимися о назиданіи ввѣренныхъ имъ паствъ. Но при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ ихъ достоинствамъ и къ дружбѣ, не могу съ ними согласиться на возстановленіе перевода“.

Почти одновременно съ этимъ, въ другомъ отношеніи на имя того же г. Оберъ-Прокурора [2]) высокопр.

---

[1]) Государь Императоръ Александръ Николаевичъ только—что воспріялъ св. Мѵропомазаніе на Царствованіе.

[2]) Отъ 21-го Декабря 1856 г. за № 1223-мъ. NB. Это же самое отношеніе было приготовлено тогда же и къ высокопр. Филарету Митроп. Московскому въ буквальномъ изложеніи съ малѣйшими лишь поправками карандашемъ; но едвали оно было отослано, о чемъ не вполнѣ утвердительно высказывался покойный высокопр. Антоній. Изъ послѣдующихъ документовъ увидимъ, что это отно-

Филаретъ писалъ еще, между прочимъ, такъ: „Хотя, по немощамъ моимъ, нахожу весьма труднымъ для себя дать Вамъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ въ дѣлѣ столь великой важности, но, призвавъ Господа Бога на помощь, пастырскимъ долгомъ моимъ поставляю изложить мои мысли, по крайнему моему разумѣнію и по убѣжденію совѣсти моей, предъ очами Божіими, безъ малѣйшаго пристрастія. Я не участвовалъ ни въ переводѣ Библейскимъ Обществомъ Св. Писанія на Русское нарѣчіе, предпринятомъ у насъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ни въ остановленіи сего перевода, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшемъ, но по долгу званія моего тщательно слѣдилъ за *ходомъ сего важнаго дѣла* во все теченіе долговременнаго служенія моего Святой Православной Церкви и Отечеству“.

Изъ сейчасъ приведенныхъ документовъ очевидно, что высокопр. Филаретъ питалъ несочувствіе къ бывшему переводу Библейскаго Общества еще въ самое время его совершенія и,—что главное,—въ какой мѣрѣ онъ осо-

---

шеніе высокопр. Филарета Кіевскаго *не было отправлено* къ Филарету Московскому, такъ какъ, во 1-хъ, оно было препровождено къ послѣднему отъ г. Оберъ-Прокурора Св Сунода и притомъ по Высочайшему личному Повелѣнію, а во 2-хъ, самъ Филаретъ Митроп. Московскій въ одной изъ своихъ бумагъ къ Оберъ-Прокурору какъ бы укорительно написалъ буквально такъ: «*По справедливости можно пожалѣть*, что высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Кіевскій, имѣя въ виду мнѣніе полнаго Собранія Святѣйшаго Сунода, *не обратился съ своими сомнѣніями непосредственно къ Членамъ Св. Сунода*, чрезъ что образовались бы частныя конфиденціальныя сношенія для приведенія дѣла въ большую ясность, и можно было достигнуть того, чтобы дѣло вошло въ Св. Сунодъ, уже освобожденное *отъ вида разногласія*, что конечно было бы благовиднѣе. Прежде такъ и было поступаемо». И еще: «Не войдти ли теперь въ новое сношеніе съ Высокопреосв. Митрополитомъ Кіевскимъ прежде внесенія дѣла въ Св. Сунодъ.., Но это уже поздно и можетъ вести къ новымъ затрудненіямъ..., и тѣмъ паче когда о семъ даже доведено до Высочайшаго свѣдѣнія».—Впрочемъ въ своемъ мѣстѣ читающіе увидятъ все это въ полномъ изложеніи.—(Смотр. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета Митр. Моск. Том. IV. страп. 259, 260 и 262).

бенно тщательно слѣдилъ, впослѣдствіи, за ходомъ сего дѣла, въ такой же не только не измѣнялось его несочувствіе, а постепенно болѣе и сильнѣе возрастало, такъ, что, когда отъ него потребовалось оффиціальное, открытое слово, мы видимъ не несочувствіе только, но прямое отрицаніе и даже въ смыслѣ протеста противъ вновь начавшагося дѣла—перевода Библіи на Русскій языкъ. „Еще прежде,—(писалъ высокопр. Филаретъ въ сказанномъ отношеніи къ Графу А. П. Толстому)—во время пребыванія Вашего Сіятельства въ Кіевѣ въ личной бесѣдѣ со мной угодно было Вамъ предложить мнѣ вопросъ: „нужно ли и полезно ли перевести теперь Св. Писаніе на Русское нарѣчіе? Что и какъ я отвѣчалъ Вамъ тогда, тоже и такъ же и теперь отвѣтствую. Въ настоящее время настоитъ у насъ надобность не въ переводѣ Св. Библіи на Русское нарѣчіе, а, напротивъ, въ особенномъ, прилежномъ изученіи Славянскаго языка во всѣхъ нашихъ духовныхъ и въ всѣхъ свѣтскихъ заведеніяхъ и въ повседневномъ прилежномъ чтеніи всѣми Православными на этомъ языкѣ Свящ. Писанія. Иначе, чего Боже сохрани, если, послѣ перевода Библіи, вздумаютъ и начнутъ переводить на языкъ Русскій и книги Богослужебныя, составляющія главное послѣ Библіи и вѣрнѣйшее и полезнѣйшее средство для всѣхъ сыновъ Россійской, Православной Церкви къ назиданію ихъ въ вѣрѣ и благочестіи“.

При первомъ взглядѣ на эти сужденія и отзывы высокопр. Филарета, можно бы придти къ мысли, что это голосъ только консерватизма, и что послѣдній исходилъ главнымъ образомъ изъ личнаго, глубочайше религіознаго настроенія души его и такого же благоговѣнія предъ Священнымъ Писаніемъ и пламеннѣйшей ревности о ненарушимости Богодухновенныхъ истинъ даже въ словѣ;—но не то встрѣчаемъ во всѣхъ тѣхъ основаніяхъ и соображеніяхъ, какія находимъ въ подлинномъ, пространномъ сообщеніи его Оберъ-Прокурору.—Читающіе и безъ всякихъ комментаріевъ [1]) возчув-

[1]) По мѣстамъ, однако, мы не могли не сдѣлать нѣкоторыхъ

ствуютъ и сознаютъ всю глубину и неотразимость силы и значенія этихъ основаній и соображеній.

Приводимъ въ подлинникѣ указываемое сообщеніе высокопр. Филарета Графу А. П. Толстому.

„Прежде всего должно обратить вниманіе на пути Промысла Божія. Который, безъ сомнѣнія, паче всѣхъ бодрствуетъ и премудрѣе всѣхъ мудрованій человѣческихъ печется какъ о распространеніи между народами Слова Божія, такъ и сохраненіи его во всей чистотѣ и неповрежденности.—Такъ:

1) „Богу угодно было первоначально сообщить Слово сіе избранному народу Своему—Израилю на одномъ только Еврейскомъ языкѣ; и хотя народный языкъ, съ теченіемъ времени, съ ходомъ исторической жизни народа Божія, конечно измѣнялся, а особенно послѣ плѣна Вавилонскаго далеко сталъ не тотъ, каковъ былъ прежде и на какомъ писаны Священныя книги: однако же Богу не угодно было, чтобы онѣ переложены были на новый, народный языкъ, а оставались онѣ неприкосновенными на древнемъ языкѣ, тщательно хранились отъ малѣйшихъ измѣненій, а для уразумѣнія народу читаемы были въ синагогахъ съ объясненіемъ отъ учителей народныхъ—священниковъ и левитовъ, самимъ Богомъ на сіе поставленныхъ.

2) „Когда приближалось время пришествія Христова, то Богъ, предвидя, что Евреи отпадутъ отъ истинной Церкви Божіей, и что, не признавъ Іисуса Христа Мессіею, они, изъ ненависти къ Христіанству, могли бы рѣшиться на поврежденіе Еврейскаго текста, особенно въ Пророческихъ книгахъ, ясно обличающихъ ихъ заблужденіе, Премудрымъ Промысломъ своимъ такъ устроилъ, что сами же Евреи, и притомъ ученѣйшіе изъ нихъ, перевели книги Ветхаго Завѣта на Греческій, тогда

замѣтокъ въ подстрочномъ текстѣ, въ объясненіе, изложенныхъ въ подлинномъ сообщеніи, мыслей въ отношеніи къ тому, что оправдалось въ послѣдующее время до нашихъ дней. Замѣтки эти были отчасти высказываемы и покойнымъ высокопр. Антоніемъ—Архіеп. Казанскимъ.

общеупотребительнѣйшій, языкъ, и такимъ образомъ переводъ *семидесяти толковниковъ* поставленъ Самимъ Богомъ твердымъ и нерушимымъ оплотомъ противъ ожесточенныхъ враговъ Христіанства.—Еврейскихъ раввиновъ. Переводъ сей принятъ Новозавѣтною Церковію, какъ совершенный подъ несомнѣннымъ руководствомъ Духа Божія и подъ особеннымъ смотрѣніемъ Промысла Божія, такъ что даже Апостолы приводили мѣста изъ Ветхаго Завѣта по сему самому переводу, а отцы Вселенской Церкви постоянно имѣли оный, равно какъ и книги Новаго Завѣта, написанныя уже Апостолами на семъ же самомъ языкѣ—Греческомъ, непогрѣшимымъ руководствомъ въ опредѣленіи догматовъ Вѣры и въ дѣлѣ спасенія, и Вселенскіе Соборы имъ руководствовались въ составленіи Православнаго исповѣданія вѣры и обличеніи еретиковъ.

3) Матерь наша Церковь Восточная—Греческая переводъ *семидесяти*, вмѣстѣ съ первоначальнымъ текстомъ Новаго Завѣта, съ самыхъ первыхъ вѣковъ постоянно признавала столь священнымъ и неприкосновеннымъ, что никогда не прикасалась и не признавала нужнымъ перелагать Священныя книги на какое-либо новое нарѣчіе, не смотря на то, что съ теченіемъ времени языкъ Греческій видоизмѣнялся и болѣе и болѣе удалялся отъ языка священныхъ книгъ.—Хотя же еще въ первыхъ вѣкахъ извѣстны были другіе переводы Ветхаго Завѣта, какъ-то: Акилы, Симмаха, Θеодотіона, но сіи переводы сдѣланы не Церковію, а частными лицами, не признаны и не утверждены Церковію и не были отнюдь въ общенародномъ употребленіи. Вмѣсто перевода на народный языкъ Отцы Греческой Церкви внушали народу читать Св. Писаніе на томъ самомъ языкѣ, на которомъ оно первоначально принято, а для уразумѣнія его смысла старались объяснять оный народу, при чемъ держались главнѣйшимъ образомъ перевода *семидесяти*.

4) „Такое глубокое уваженіе къ древнему Греческому тексту Священныхъ книгъ и живое убѣжденіе въ его неприкосновенности было всегда и доселѣ продолжается въ Церкви Греческой. Она и нынѣ, подъ тяж-

кимъ игомъ Магометанства, какъ твердо хранить во всей чистотѣ догматы Православной Вѣры и Богослуженіе на древнемъ своемъ языкѣ, такъ имѣетъ у себя и единый только текстъ священныхъ книгъ—древній, и не помышляетъ о переводѣ на ново-Греческое нарѣчіе.—Хотя же въ новѣйшее время сдѣланъ и напечатанъ былъ переводъ Новаго Завѣта—и только Новаго—на ново-Греческій языкъ, и хотя въ предисловіи, напечатанномъ при изданіи Новаго Завѣта на Русскомъ нарѣчіи, сказано: „что изъ отчета Россійскаго Библейскаго Общества за 1814-й годъ видно, что въ Церкви Греческой Патріаршею грамматою одобрено народу чтеніе Священнаго Писанія Новаго Завѣта на новѣйшемъ Греческомъ нарѣчіи: но свидѣтельство Библейскаго Общества не есть свидѣтельство самаго Патріарха.—Если бы дѣйствительно существовала таковая грамматa, то она, вѣрно, напечатана была бы при изданіи Новаго Завѣта на новѣйшемъ Греческомъ языкѣ. Но сего нѣтъ, а потому и существованіе таковой грамматы подвержено сомнѣнію. Напротивъ извѣстно, что этотъ переводъ сдѣланъ вовсе не Греческою Церковію, а подъ вліяніемъ Англійскаго Библейскаго Общества, и сдѣланъ не только не съ благословенія Іерарховъ Греческихъ, а рѣшительно безъ ихъ вѣдома и вопреки ихъ волѣ, и въ недавнее еще время, при Патріархѣ Константинопольскомъ Григоріи, отвергнутъ, осужденъ и множество экземпляровъ онаго отобрано у народа и сожжено.

5) „Когда приспѣло блаженное время обращенія въ христіанскую Вѣру Славянскихъ народовъ, Промыслъ Божій такъ устроилъ, что и для нихъ сдѣланъ былъ переводъ Св. Писанія на родной имъ Славянскій языкъ, и Ветхозавѣтныя книги переведены не съ Еврейскаго текста, а именно съ Греческаго *семидесяти толковниковъ*,—сдѣланъ мужами Святыми, можно сказать Равноапостольными, Кирилломъ и Меѳодіемъ,—слѣдовательно, несомнѣнно, подъ особеннымъ смотрѣніемъ и руководствомъ Духа Божія. Сей переводъ предки наши принявъ, хранили неприкосновеннымъ, какъ неоцѣненный даръ и благословеніе свыше; отъ нихъ и мы получили сіе драгоцѣнное наслѣ-

діе.—Сколько вѣковъ прошло уже и сколько тысячей тысячъ перешло изъ нѣдръ Церкви Русской въ Царствіе небесное, и какіе великіе Угодники явились при руководствѣ Слова Божія, читаемаго, или слушаемаго на древнемъ, родномъ нашемъ языкѣ! Между тѣмъ никогда блаженные предки наши, подобно какъ и въ Греческой Церкви, не помышляли и не считали нужнымъ дѣлать новый переводъ, смотря по видоизмѣненіямъ народнаго языка въ разныя времена. Только по временамъ Іерархами нашими,—равно какъ въ прошедшемъ столѣтіи при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ Святѣйшимъ Сунодомъ, при новомъ изданіи Библіи, дѣлаемы были не значительныя перемѣны въ словахъ, или выраженіяхъ, и темныя, либо неточныя и вкравшіяся ошибкою замѣняемы другими, или поставляемы были на поляхъ, либо подъ чертою поясненія, но самый основной текстъ оставлялся неприкосновеннымъ.

6) „Церкви Болгарская, Сербская и другія у единоплеменныхъ намъ Славянскихъ народовъ, оставшихся Православными, также хранятъ у себя неприкосновеннымъ древній Славянскій переводъ Св. Писанія, и не смотря на то, что ихъ народные языки еще болѣе удалились отъ древняго, библейскаго языка Славянскаго, чѣмъ нашъ Русскій, не покушаются перевесть на теперешній свой языкъ какъ Библію, такъ и Богослужебныя книги. И я совершенно согласенъ съ Вами, такъ какъ и самъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ этомъ обстоятельствѣ точно есть особенное Премудрое устроеніе Промысла Божія, всѣ Славянскіе народы, раздѣленные политическимъ своимъ положеніемъ, связующаго какъ единствомъ Православной Вѣры, такъ и единствомъ языка, на которомъ всѣ они читаютъ слово Божіе и совершаютъ Богослуженіе.

7) „Хотя въ началѣ нынѣшняго столѣтія возникла у насъ мысль о переводѣ Священнаго Писанія на Русское нарѣчіе, и изданы были на семъ нарѣчіи Новый Завѣтъ и Псалтирь: но эта мысль родилась отнюдь ни въ Церкви Русской, ни въ Іерархіи, ни въ народѣ, а точно также, какъ и мысль о переводѣ на Ново-грече-

кій языкъ, въ Англіи, — гнѣздилищѣ всѣхъ ересей, сектъ и революцій, и перенесена оттуда Библейскими Обществами, да и принята первоначально не въ Святѣйшемъ Сунодѣ, а въ Канцеляріи Оберъ-Прокурора онаго, и развита въ огромныхъ размѣрахъ въ бывшемъ Министерствѣ Духовныхъ дѣлъ. Такое начало, а равно и послѣдствія сего дѣла ясно показываютъ, что на немъ не было благословенія свыше: ибо и Министерство Духовныхъ дѣлъ, вслѣдствіе сего особенно обстоятельства, уничтожено, и одинъ изъ главныхъ дѣятелей сего дѣла со стороны Іерархіи покойный Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Серафимъ, когда увидѣлъ послѣдствія сего дѣла, то возсталъ на сіе со всею силою, и переводъ былъ остановленъ Высочайшею волею блаженныя памяти Государя Императора Николая Павловича, хотя и не было объявлено о семъ оффиціально по причинамъ весьма уважительнымъ. Въ началѣ царствованія блаженной и вѣчно-незабвенной памяти Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича хотя и были покушенія къ возстановленію таковаго перевода, но Онъ, проникнувъ политическую цѣль, столь враждебную Православной Церкви и Отечеству нашему, Англійскаго Библейскаго Общества, во все время славнаго царствованія Своего до самой кончины, не разрѣшалъ возобновлять сіе дѣло.

„Что касается до возобновленія вопроса о переводѣ Священнаго Писанія на Русское нарѣчіе въ настоящее время, то мнѣ не извѣстны причины, побудившія къ сему, а изложенныя въ присланной Вами ко мнѣ *запискѣ* [1]) отнюдь неудовлетворительны:

[1]) Записка, присланная отъ г. Оберъ-Прокурора Св. Сунода Графа А. П. Толстаго, была составлена высокопреосв. Филаретомъ Митроп. Московскимъ и имъ доставлена была, 14 Сентября 1856 года, при письмѣ къ исправляющему должность Об.-Прок. Св. Сунода А. И. Карасевскому, которымъ она передана была вскорѣ же назначенному Оберъ-Прокурору Графу Толстому. Въ самомъ началѣ письма сказано такъ: «Святѣйшій Сунодъ поручилъ мнѣ составить изложеніе, бывшаго въ оному 10-го сего Сентября, разсужденія о переводѣ священныхъ книгъ (Ветхаго и Новаго Завѣта) на Русское нарѣчіе» и пр.—Это-то изложеніе и было озаглавлено словомъ: «*Зи-*

1) „Святые Пророки и Апостолы,—сказано въ первомъ пунктѣ *записки*,—писали Свящ. книги на природномъ и общеупотребительномъ языкѣ тѣхъ народовъ, къ которымъ первоначально должны были поступить сіи книги и передавали оныя въ общее употребленіе въ Церковныхъ собраніяхъ и внѣ оныхъ. Они же показали намъ примѣръ перевода съ первоначальнаго языка на другой, болѣе употребительный. Такъ Св. Златоустъ пишетъ, что Св. Евангелистъ Матѳей отъ Іудей вѣровавшимъ Еврейскимъ языкомъ сложи Евангеліе: но въ тоже Апостольское время оно переведено на Греческій".—Но и для Славянскихъ народовъ, а слѣдовательно и для насъ, переведено св. Писаніе на природный нашъ, Славянскій языкъ, общеупотребительный доселѣ у насъ во всѣхъ Церковныхъ собраніяхъ, и нельзя сказать, что непонятный для Русскихъ и внѣ Церковныхъ собраній. Иное дѣло переводъ Писанія на языкъ цѣлаго единоплеменнаго народа, какъ то: на Греческій, Славянскій, Латинскій, Грузинскій и проч., что совершенно согласно съ путями Промысла Божія, и Имъ Самимъ устрояемо было; а иное дѣло переводъ на частное нарѣчіе одноплеменнаго народа. Если переводить на Русское нарѣчіе, то почемужъ не перевесть потомъ на Малороссійское, на Бѣлорусское и проч.?

2) „Святые Отцы, говорится въ *запискѣ*, всегда побуждали вѣрующихъ къ чтенію св. Писанія".—Но побуждали къ чтенію на томъ самомъ языкѣ, на какомъ оно было у нихъ, отнюдь не помышляя, какъ сказано было выше, о переводѣ на народный языкъ. А для того, чтобы для народа было, сколько возможно, понятно Писаніе, они старались изъяснять смыслъ свящ. словъ въ церковныхъ поученіяхъ и особыхъ истолковательныхъ своихъ твореніяхъ. Это нужно и у насъ [1]), хотя бы и

писка». (Смотр. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета Митр. Моск. Том. IV, стр. 133).

[1]) Опытъ и примѣръ этого и показалъ самъ же высокопреосв. Филаретъ, начиная съ самаго перваго служенія на паствѣ Калужской и оканчивая Кіевомъ, гдѣ онъ экспромптомъ всегда говорилъ, вмѣсто обыкновенныхъ проповѣдей, бесѣды толковательныя.

переведено было Писаніе на Русское нарѣчіе. Ибо на какомъ бы нарѣчіи ни было оно издано, по высокости и глубинѣ своей оно всегда будетъ требовать истолкованія.

3) „Языкъ Славянскаго перевода Библіи, общевразумительный и общеупотребительный въ свое время, (говорится въ *запискѣ*) не таковъ уже въ настоящее время. Для одной части Православнаго народа онъ становится вразумительнымъ посредствомъ прилежнаго упражненія въ церковномъ Богослуженіи и чтеніи: но другая, болѣе многочисленная, не имѣетъ сего преимущества и и требуетъ Русскаго перевода, какъ пособія къ уразумѣнію св. Писанія".—Итакъ, предполагаемый переводъ назначается для тѣхъ, которые хотѣли бы, чтобы св. Писаніе было для нихъ вразумительно безъ прилѣжнаго упражненія и чтенія!.. Но слово Божіе есть кладязь глубокій, есть сокровище: такъ и нужно, чтобы разумѣніе смысла его доставалось не лѣнивымъ, а прилежнымъ искателямъ онаго. Св. Златоустъ, внушая постоянно своимъ слушателямъ читать слово Божіе, вотъ какъ между прочимъ о семъ учитъ": „Много нужно намъ, возлюбленные, попеченія, много бодрствованія для того, чтобы имѣть возможность проникать въ глубину Божественныхъ писаній. Ибо иначе, предаваясь сну, нельзя постигнуть смысла ихъ; а нужно тщательное изслѣдованіе, потребна кромѣ того и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозрѣть во Святилище слова Божія". (Бесѣда 21 на Еванг. Іоанна).—Ужели послѣ сего, безъ прилѣжнаго упражненія и чтенія, Св. Писаніе будетъ вразумительно, коль скоро мы будемъ имѣть его на Русскомъ нарѣчіи? Кто же читаетъ его съ должнымъ слову Божію благоговѣніемъ и прилежаніемъ, для того быть не можетъ, чтобы оно не было вразумительно и на Славянскомъ языкѣ,—по крайней мѣрѣ большею частію, особенно же книги Новаго Завѣта,—и для большей части Русскаго Православнаго народа. Св. Златоустъ опять такъ о семъ разсуждаетъ: „Что же,—скажутъ,—если мы не понимаемъ того, что содержится въ писаніи? Если бы ты и не понималъ того, что содержится въ Писаніи, все-

таки отъ самаго чтенія ты получаешь великое освященіе. Впрочемъ и быть не можетъ, чтобы ты ровно всего не понималъ... Въ самомъ дѣлѣ, кому не понятно то, что написано въ Евангеліи? Кто напр. слыша: „*блажени кротціи, блажени милостивіи, блажени чистыя сердцемъ*" и другое сему подобное, будетъ имѣть нужду въ учителѣ, дабы уразумѣть это? А знаменія, чудеса, повѣствованія не каждому ли ясны и понятны? Это только предлогъ, отговорка, покровъ для лѣности. Ты не понимаешь того, что здѣсь содержится? Но и можешь ли когда либо понять, когда ты вовсе и не заглядываешь туда? Возми въ руки Библію, прочитай всю исторію и содержи въ памяти понятное, чаще пересматривай непонятное и неясное. Если же не можешь, и при постоянномъ чтеніи, уразумѣть то, что читаешь, поди къ тому, кто мудрѣе, сходи къ учителю, объяви ему о томъ, что написано, покажи все усердіе. Богъ, видя, что ты прилагаешь столько старанія, не презритъ твоего тщанія и заботливости. Если человѣкъ не объяснитъ тебѣ желаемаго, то Онъ Самъ, безъ сомнѣнія, откроетъ тебѣ."—(Бесѣда 3-я о Лазарѣ).

4) „Что есть въ славянскомъ переводѣ Библіи мѣста, (сказано въ *запискѣ*) въ которыхъ составъ рѣчи не вразумителенъ, и которыя требуютъ сличенія съ первоначальнымъ текстомъ Еврейскимъ и Греческимъ",—это основаніе не достаточно къ тому, что бы дѣлать переводъ. Ибо, *во первыхъ*, все нужное ко спасенію и необходимое къ уразумѣнію для всѣхъ вообще христіанъ въ священномъ Писаніи и на Славянскомъ языкѣ, какъ сказано было выше, ясно, а этого для большей части народа и довольно и предовольно; *во вторыхъ*, приходское духовенство, въ настоящее время довольно образованное въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и наставляемое тамъ особою наукою въ разумѣніи труднѣйшихъ мѣстъ Писанія, по этому самому не нуждается въ переводѣ; а для людей свѣтскаго званія, желающихъ разумѣть Священное Писаніе въ полнотѣ и совершенствѣ, нужно толкованіе, а не переводъ. Обращаются къ иностраннымъ переводамъ развѣ тѣ, которые не только мало свѣдущи въ Славянскомъ языкѣ, но мало уважаютъ и Русскій; тако-

вые будутъ предпочитать иностранные переводы и Русскому, если бы онъ и былъ у насъ. И здѣсь вина не въ неимѣніи у насъ Русскаго перевода, а вообще въ несчастномъ пристрастіи къ иностранному, которое ограничивать нужно другими мѣрами. Впрочемъ думаю, что число таковыхъ и не такъ велико, дабы для нихъ именно предпринимать столь неудобоисполнимое и опасное дѣло.

5 и 6) „На сіи пункты касательно начавшагося было у насъ и потомъ остановленнаго перевода, замѣчанія изложены уже выше, и въ нихъ я не только не вижу достаточнаго основанія къ возобновленію сего дѣла, а, напротивъ, вижу причины, которыя должны удержать отъ новаго покушенія на сіе.

7) „Чтобы существовало народное требованіе именно Русскаго перевода Св. Писанія, это не только не доказано, но и не справедливо. Изъ ста тысячъ Православнаго народа можетъ быть отъ десяти до двадцати требуютъ и покупаютъ его, и изъ нихъ еще вѣрно на половину только по любопытству, а не для назиданія [1]). Между тѣмъ что народъ удовлетворяется Славянскимъ переводомъ, это ясно доказывается тѣмъ, что изъ одной Типографіи Кіево-Печерской Лавры ежегодно расходится великое число экземпляровъ Псалтири и Новаго Завѣта на Славянскомъ языкѣ. Не доказываетъ народнаго требованія на Русскій переводъ и то, если къ намъ вторгаются иностранцы съ своимъ изданіемъ Библіи на Русскомъ языкѣ. При томъ это, очень важное, обстоятельство должно быть разслѣдовано внимательно, и нельзя въ семъ дѣлѣ основываться только на свидѣтельствѣ другихъ видѣвшихъ, и противъ таковаго незаконнаго вторженія должно принять надлежащія мѣры Правитель-

[1]) Это совершенно точно оправдалось и на новоизданномъ Русскомъ переводѣ послѣдняго времени. Напр. въ г. Казани по нарочито собраннымъ, по желанію покойнаго высокопр. Антонія, справкамъ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, оказывается, что въ самый первый годъ по изданіи Библіи на Русскомъ языкѣ изъ 100-тысячъ Православныхъ жителей Казани было куплено частными лицами (въ томъ числѣ и пріѣзжими) только *десятка два* экз., а въ послѣдующіе годы менѣе и менѣе.

ство.—Впрочемъ, и съ распространеніемъ Русскаго перевода, таковое вторженіе не только не прекратится. но, вѣроятно. сдѣлается еще сильнѣе. При томъ, имѣя въ виду нѣкоторыхъ Русскихъ, желающихъ имѣть Св. Писаніе въ Русскомъ переводѣ, (число коихъ впрочемъ сдвали значительно), при разсужденіи о семъ дѣлѣ отнюдь не должно упускать изъ виду заблуждающихъ братій нашихъ—старообрядцевъ и раскольниковъ, которымъ новый переводъ Библіи подастъ, безъ сомнѣнія. новый поводъ къ упорному отчужденію отъ Православной Церкви и послужитъ къ распространенію раскола. Ибо если исправленіе Богослужебныхъ книгъ подало поводъ къ расколамъ: то чего не можетъ послѣдовать. когда появится новый переводъ книгъ Св. Писанія? Извѣстно, что въ то время, какъ учреждены были у насъ Библейскія Общества и появился Русскій переводъ нѣкоторыхъ книгъ. расколъ усилился и распространился въ большихъ размѣрахъ.

На основаніи изложенныхъ въ *запискѣ*, приложенной при отношеніи Вашего Сіятельства, соображеній составлено *и положеніе* касательно возобновленія дѣла о переводѣ Св. Писанія на Русское нарѣчіе. Относительно сего положенія представляю слѣдующія замѣчанія.

1) Въ первомъ пунктѣ сказано, что „дѣло это должно быть возобновлено не иначе, какъ съ крайнею осторожностію, какой требуетъ важность онаго“; въ пятомъ пунктѣ также говорится, что „ходъ сего дѣла не можетъ быть поспѣшенъ“. Совершенно соглашаясь съ этимъ, я. по тому самому, считаю необходимымъ, не спѣша начинать дѣло сіе, предварительно обсудить его со всею основательностію и со всѣхъ сторонъ; вполнѣ признаю справедливымъ и Ваше мнѣніе, что предварительно должно бы войти о семъ въ совѣщаніе и соглашеніе съ Греческою Церковію: ибо выше сказано мною, что Греческая Церковь у себя не допускала никогда и доселѣ не допускаетъ для народнаго употребленія никакого новаго перевода Библіи. Очень можетъ случиться, что она и нашъ новый переводъ Писанія не признаетъ Православнымъ и, въ слѣдствіе того, огласитъ нашу Церковь укло-

нившеюся отъ Православія. Ибо извѣстно, что теперь, въ минувшую войну, Лордъ Редклифъ, посланникъ Англійскій въ Турціи, требовалъ отъ Патріарха Константинопольскаго Анѳима, дабы онъ объявилъ Церковь Русскую не-православною. Весьма нужно также имѣть въ виду и то, что чрезъ новый переводъ Библіи нарушится союзъ единенія нашего съ прочими Славянскими Православными Церквами, который особенно блюдется именно тѣмъ, что мы съ ними имѣемъ Библію и Богослуженіе на одномъ и томъ же Славянскомъ языкѣ. Ибо также извѣстно, что на западѣ существуетъ особое общество, утвержденное Папскою Буллою, для совращенія Славянъ какъ въ Австрійскихъ, такъ и въ Турецкихъ владѣніяхъ, изъ Православія въ латинство. По сему, безъ сомнѣнія, общество сіе, употребляющее для достиженія своей цѣли всевозможныя, хитрыя мѣры, воспользуется и новымъ переводомъ Св. Писанія на Русское нарѣчіе, и миссіонеры ихъ станутъ внушать Славянамъ, что мы—Русскіе имѣемъ и текстъ Св. Писанія не тотъ уже, который преданъ всѣмъ Славянскимъ народамъ Святыми Меѳодіемъ и Кирилломъ; и это тѣмъ опаснѣе, что латиняне считаютъ сихъ просвѣтителей Славянъ принадлежащими къ ихъ церкви, и тогда, къ крайнему несчастію Православія, прервется и послѣдняя связь, соединяющая Славянскія племена съ нашимъ Отечествомъ.

2) „Во *второмъ* пунктѣ сказано: „принять за правило, чтобы переводъ былъ всевозможно точенъ, и чтобы слова и выраженія вразумительныя не были безъ нужды замѣняемы простонародными“; въ *четвертомъ* пунктѣ, касательно перевода Псалтири замѣчено еще, что, *прежній переводъ* должно *„исправить по сличенію Греческаго и Еврейскаго текста“*. Вотъ и все, что положено учинить касательно способа привести въ исполненіе дѣло такой чрезвычайной важности, какъ переводъ слова Божія. Кому будетъ поручено это дѣло, гдѣ оно должно быть производимо, какія мѣры имѣютъ быть приняты, чтобы оно совершилось вполнѣ благонадежно и благоуспѣшно,—объ этомъ ни слова. „Переводъ долженъ быть по возможности точенъ. „Но это правило крайне не опредѣленно, и при

немъ кто можетъ ручаться. что новый переводъ будетъ совершеннѣе прежняго, въ которомъ, напр. въ Псалтири. нѣкоторыя мѣста переведены совершенно несогласно съ тѣмъ, какъ они приводятся въ Новомъ Завѣтѣ Апостоломъ Павломъ, и что не явится такой же *нечестивый переводъ пророческихъ книгъ*, какой не такъ давно былъ литографированъ въ нѣсколькихъ стахъ экземпляровъ и преподанъ въ урокахъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи?!.

3) Въ *пятомъ* пунктѣ сказано, что, „производимый постепенно, переводъ имѣетъ быть на первый разъ „печатаемъ въ одномъ изъ періодическихъ изданій Духовнаго вѣдомства, чрезъ что откроется удобность усматривать сужденія объ ономъ и пользоваться ими для усовершенія перевода“.—И не прилично и не безъопасно для Божественной важности Священнаго Писанія передавать для народнаго чтенія не зрѣлые опыты перевода онаго, а особенно Пророческихъ книгъ, и затѣмъ вызывать еще сужденія о семъ переводѣ всякаго читающаго [1]). Вообще, по моему мнѣнію, это дѣло отнюдь не можетъ быть *дѣломъ школы* и предметомъ *школьническаго занятія въ Академіяхъ*. Не такъ производились извѣстные древніе переводы: переводъ *семидесяти*, переводъ *нашъ Славянскій*, даже Латинскій. Точно, какъ и Вы замѣчаете, одна здѣсь ученость не достаточна для уразумѣнія силы Богодухновенныхъ словесъ Писанія.

Вмѣсто того, чтобы переводить Св. Писаніе на Русское нарѣчіе, я признавалъ бы полезными, для споспѣшествованія народу въ разумѣніи Слова Божія, слѣдующія мѣры:

1) „Оставивъ навсегда неприкосновеннымъ основной текстъ Славянскаго перевода, по примѣру предковъ нашихъ и Церкви Греческой, которая во все время согласно съ Россійскою Церковію признавала его какъ

[1]) Между тѣмъ это дѣлалось во время составленія новаго перевода: такъ печатался напр переводъ бывшаго Алтайскаго Архимандрита Макарія (Глухарева) въ Православномъ Обозрѣніи.

освященный древностію и преданный намъ отъ Святыхъ, Славянскихъ Апостоловъ—Меѳодія и Кирилла, не излишне позаботиться о томъ, чтобы при новыхъ изданіяхъ Библіи постепенно вводить нѣкоторыя частныя исправленія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, въ самомъ дѣлѣ, особенно не вразумительны, замѣняя однѣ слова и даже цѣлыя выраженія другими, яснѣйшими и точнѣйшими, или поставляя ихъ на поляхъ, либо подъ чертою въ видѣ примѣчаній и поясненій, держась, впрочемъ, строго Славянскаго склада и оборота рѣчи. Напр.: въ книгѣ Бытія въ 3-й главѣ въ 15 стихѣ, очень можно и нужно противъ словъ: *той твою блюсти будетъ главу*, подъ чертою или на поляхъ замѣтить: *Той твою сокрушитъ главу*.—Или въ той же книгѣ, въ главѣ 49, ст. 10, противъ или даже вмѣсто словъ: *дондеже пріидутъ отложенная ему*, поставить: *дондеже пріидетъ Примиритель*, и подоб.—Или же въ Новомъ Завѣтѣ, въ Евангеліи Матѳея въ 11 глав. стих. 12; исправить такъ: *Царствіе небесное съ усиліемъ воспріемлется, и усильніи искатели восхищаютъ е*.—Или, въ 15-й гл. Іоанна въ стих. 22, вмѣсто: *вины не имутъ о грѣсѣ своемъ*, поставить: *извиненія* не имутъ; или еще: въ Посланіи Іакова, въ главѣ 5, стих. 12, вмѣсто: *да не въ лицемѣріе впадете*, поставить: *да не осужденію подпадете* и проч. Примѣръ сему мы имѣемъ, достойный подражанія, въ изданіи Библіи, сдѣланномъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

2) „Дѣло сіе можно начать, первѣе всего, съ изданія Новаго Завѣта, а потомъ приступить къ Псалтири и цѣлой Библіи, и притомъ не дѣлать онаго предметомъ школьническихъ занятій, а составить для сего особенные Комитеты въ Кіевѣ, Петербургѣ и Москвѣ, подъ непосредственнымъ и личнымъ руководствомъ Епархіальныхъ тамошнихъ Архіереевъ, изъ лицъ, по ихъ выбору, самыхъ благонадежныхъ не только по образованію, но наипаче по благочестію,—частію служащихъ при Академіи, а частію и наипаче, если можно, совершенно свободныхъ отъ учебныхъ занятій, каковымъ комитетамъ—имѣть главнымъ образомъ пребываніе въ Лаврахъ. Симъ

Комитетамъ дѣло должно быть раздѣлено по частямъ. впрочемъ такъ, чтобы они обо всемъ взаимно сносились и соглашались между собою. для соблюденія должнаго единства въ дѣлѣ. а окончательная редакція всѣхъ поправокъ должна принадлежать непосредственно самому Святѣйшему Суноду.

3) „Для Новаго Завѣта въ руководство долженъ быть принятъ подлинникъ Греческій. какъ иностранныхъ. самыхъ тщательныхъ изданій, такъ наипаче употребляемый нынѣ Церковію Греческою; причемъ полезно имѣть въ виду и древніе Славянскіе экземпляры, какъ-то: Остромирово Евангеліе. изданное Востоковымъ и Острожское изданіе. Для Ветхаго же Завѣта. главнѣе всего. должно имѣть руководствомъ переводъ семидесяти, толкованіе Святыхъ Отцевъ Церкви Греческихъ, и затѣмъ. уже принимать въ соображеніе, весьма впрочемъ осторожно, Еврейскій подлинникъ: ибо на вѣрность нынѣшнихъ изданій Библіи Еврейской полагаться никакъ нельзя, чему доказательствомъ служитъ Русскій переводъ Псалтири, заключающій въ себѣ, какъ справедливо замѣчаете Вы, нерѣдко противорѣчіе съ истиннымъ т. е. съ Православнымъ смысломъ Пророчествъ [1]).

4) „Независимо отъ сего, небходимо позаботиться о томъ, чтобы составить для народа и издать, краткое по возможности, толкованіе всего Свящ. Писанія, выбранное изъ Отцевъ Церкви. Это дѣло можетъ быть поручено по частямъ какъ Академіямъ духовнымъ, такъ и духовнымъ лицамъ, извѣстнымъ своимъ образованіемъ. благочестіемъ и способностію къ такому дѣлу. Толкова-

---

[1]) Замѣчательно. что въ письмѣ своемъ къ Оберъ-Прокурору Св Сунода Графу А. П. Толстому (отъ 18 Августа 1857 г.) и самъ высокопр. Филаретъ Московскій призналъ переводъ Псалтири *болѣе не удовлетворительнымъ*, чѣмъ переводъ Пятокнижія, котораго *нѣсколько тысячъ экземпляровъ* (т. е Пятокнижія) *было сожжено*. «Вотъ подлинныя его слова въ письмѣ: «Въ переводѣ Псалтири критика могла найдти *болѣе неудовлетворительнаго*, нежели въ переводѣ Пятокнижія Моисеева, но Псалтирь тогда оставлена была *отъ суда свободною*, а Пятокнижіе *осуждено*». (Смотр Собраніе мнѣній и отзывовъ. Том. IV, стран. 261).

нія печатать можно постепенно въ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ при Академіяхъ. Здѣсь, если что случится и не такъ, опасности не будетъ и ошибку легко будетъ поправить безъ соблазна для народа.

5) „Такъ какъ знаніе Славянскаго языка въ простомъ народѣ гораздо лучше сохраняется отъ того, что онъ усерднѣе посѣщаетъ Богослуженіе и внимательнѣе слушаетъ церковное пѣніе и чтеніе, и весьма многіе, даже изъ неграмотныхъ, знаютъ наизустъ много псалмовъ и пѣсней церковныхъ,—а слабо это знаніе преимущественно въ высшемъ классѣ, по пристрастію къ иностранному языку и по рѣдкому и невнимательному слушанію Богослуженія, а главнѣе всего отъ того, что дѣти сего класса начинаютъ учиться не по Славянскимъ азбукамъ, а по Русскимъ: то, по мнѣнію моему, надобно обратить на это самое строгое вниманіе. Должно издать отъ Святѣйшаго Сѵнода, для обученія дѣтей, азбуки Славянорусскія, по примѣру старинной нашей азбуки, съ статьями для первоначальнаго упражненія въ чтеніи на Славянскомъ и Русскомъ языкахъ, выбранными изъ Библіи, Богослужебныхъ книгъ, твореній Св. Отцевъ въ особенности Димитрія Ростовскаго, и изъ Русскихъ самыхъ назидательныхъ и благочестивыхъ книгъ, и требовать, при содѣйствіи Правительства, чтобы эти только азбуки были въ исключительномъ употребленіи у народа всѣхъ классовъ. Азбуки же и книжки, издаваемыя нынѣ у насъ во множествѣ для обученія и первоначальнаго чтенія дѣтей, частными людьми, вовсе не призванными къ сему, а наиболѣе для одной промышленной спекуляціи, въ которыхъ не только совершенно вытѣсненъ Славянскій языкъ, но вмѣсто благочестивыхъ статей для первоначальнаго чтенія предлагаются самые пустые, если невредные разсказы, басни и сказки, непремѣнно слѣдуетъ изъять изъ употребленія, и изданіе подобныхъ книгъ частнымъ лицамъ впредь воспретить совершенно. Равнымъ образомъ должно просить Министерство Народнаго Просвѣщенія, Управленіе Военно-учебныхъ заведеній и Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, дабы и тамъ принято было за непремѣн-

ное правило требовать, чтобы дѣти, поступающія въ училища, непремѣнно обучены были по тѣмъ же, отъ Святѣйшаго Сунода издаваемымъ, книжкамъ, и умѣли читать по Славянски наравнѣ съ Русскимъ. Эта мѣра, кромѣ того, что посредствомъ ея чтеніе Св. Писанія на Славянскомъ языкѣ будетъ доступно и понятно для всѣхъ, можетъ быть весьма полезна и въ другихъ отношеніяхъ: въ дѣтяхъ, только-что начинающихъ учиться будетъ полагаться начало истинной премудрости-благочестіе и страхъ Божій; и знаніе на память, съ раннихъ лѣтъ, молитвъ, псалмовъ, Богослужебныхъ пѣсней и проч. на всю жизнь будетъ для нихъ чрезвычайно благотворно, вмѣсто того, что теперь, учась по гражданскимъ азбукамъ, они нерѣдко,—какъ жалуются законоучители въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, — поступая въ училище, не знаютъ даже самыхъ первыхъ молитвъ: Царю Небесный и Отче нашъ, и не умѣютъ вовсе читать по Славянски. Хотя послѣ въ Гимназіяхъ они учатся нарочито Славянскому языку, но это уже мало приноситъ пользы; а въ другихъ заведеніяхъ, напр. въ военныхъ, въ Институтахъ и того нѣтъ.

6) „Не излишне было бы, наконецъ, для свѣтскихъ людей и вообще не знающихъ Славянскаго языка составить и издать словарь славянскихъ словъ, употребляемыхъ въ Св. Писаніи съ переводомъ и объясненіемъ ихъ значенія на Русскомъ.

Изложивъ сіи мои мысли съ глубочайшимъ смиреніемъ предъ Богомъ, Словомъ Его святымъ и Православною Церковію, приближаясь ежедневно къ кончинѣ моей и готовясь предстать предъ нелицепріятный Судъ Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, всѣмъ сердцемъ молю Его благость, да не по мудрованіямъ человѣческимъ, а по Премудрому Промыслу Своему Самъ Онъ устроитъ, яко же вѣсть, лучшее и полезнѣйшее касательно сего, чрезвычайно важнаго, дѣла, и сохранитъ миръ въ Православной Церкви Своей, послѣ того, какъ даровалъ благодатный миръ Отечеству нашему чрезъ Помазанника своего Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича.

Читая все это изложеніе, по истинѣ благоговѣешь предъ богомудренными взглядами и сужденіями приснопамятнаго Архистарца—Первосвятителя. Какъ все взвѣшено и исторически, и политически, и практически, и научно,—и, при томъ, сколько въ отношеніи къ бывшему, столько же, какъ бы прозорливо, и ко всему послѣдующему, оканчивая самымъ настоящимъ, переживаемымъ нами, фазисомъ въ отношеніи къ разсматриваемому предмету и дѣлу. Чтобы не нарушить личнаго вниманія и разсужденія всякаго изъ прочитавшихъ все изложеніе, мы не беремся даже дѣлать какіе либо подробные комментаріи. Такъ здѣсь все полно, точно, вѣско, ясно и назидательно въ каждомъ положеніи и въ каждомъ пунктѣ, и во всѣхъ выраженіяхъ. Это—истинно документъ, достойный быть какъ бы законоположительнымъ актомъ для руководствованія на всѣ времена въ дѣлѣ разрѣшенія всякаго подобнаго вопроса и начинанія.

Съ своей стороны мы обратимся теперь, собственно къ тому, чтобы показать,—на сколько дѣйствительно тщательно слѣдилъ въ Бозѣ Почившій,—какъ онъ самъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ,—за всѣмъ ходомъ бывшихъ разновременныхъ переводовъ Св. Писанія, изъ коихъ и указано имъ на переводъ напр. Протоіерея Павскаго, названный имъ прямо *нечестивымъ*, а равно несомнѣнно разумѣлся имъ и переводъ архимандрита Макарія (Глухарева), бывшаго Алтайскаго Миссіонера.—Въ частности же и прежде всего мы не можемъ не указать, для окончательной полноты и ясности излагаемаго дѣла, на то, что хотя высокопр. Филаретъ не участвовалъ, по его собственному свидѣтельству, „ни въ переводѣ, предпринятомъ Библейскимъ Обществомъ, ни въ остановленіи сего перевода, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшемъ“,—но нижеслѣдующія данныя покажутъ, что онъ не былъ безучастнымъ и въ этомъ дѣлѣ, хотя и посредственно, и въ особенности по поводу напр. Катихизиса, составленнаго высокопр. Филаретомъ, бывшимъ еще тогда Архіепископомъ Московскимъ, и подвергшагося запрещенію въ силу разныхъ причинъ, а, между тѣмъ, одной, заключавшейся *тоже* въ новомодномъ тогда *упо-*

требленіи текстовъ Св. Писанія вмѣсто Славянскаго языка на *Русскомъ*, взятыхъ цѣликомъ изъ перевода, сдѣланнаго Библейскимъ Обществомъ.

По поводу всего этого мы живо приводимъ себѣ на память, а многое было нами и записано, что высказываемо было покойнымъ высокопреосв. Антоніемъ, бывшимъ Архіепископомъ Казанскимъ, который, при разборѣ болѣе важныхъ біографическихъ документовъ, каковъ въ особенности и настоящій, сообщалъ много своихъ объясненій на основаніи ему извѣстныхъ отъ своего дяди свѣдѣній и своихъ личныхъ воспоминаній и соображеній. Имѣются у насъ подобныя же свѣдѣнія, сообщенныя намъ при личныхъ собесѣдованіяхъ о настоящемъ предметѣ съ покойнымъ высокопр. Митрополитомъ Кіевскимъ Арсеніемъ и Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ [1]). Наконецъ такія же свѣдѣнія имѣются у насъ въ дневникѣ, веденномъ бывшимъ Намѣстникомъ Лавры. Изложеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній будетъ въ сейчасъ слѣдующей главѣ.

[1]) Эти послѣднія свѣдѣнія выслушаны были мною въ 1867 г. въ Кіевѣ, когда были собираемы мною тамъ біографическіе матеріялы.

ГЛАВА XX.

«Тамъ какъ хотятъ, а я сказалъ свое мнѣніе; умолчать же, или человѣкоугодничать въ такомъ важномъ дѣлѣ я почитаю самымъ ужаснымъ преступленіемъ.— Притомъ меня спросили; если бы не спросили, можетъ быть такъ и прошло бы... Но когда меня спросили, я долженъ сказать правду не обинуясь. Впрочемъ странно,— старикъ, готовящійся каждый день умирать, подалъ голосъ,—и, вотъ, до сихъ поръ дѣло это лежитъ» [1]).

„Я и доднесь, какъ нельзя болѣе, живо представляю,—разсказывалъ покойный высокопр. Антоній,—всѣ тѣ свиданія Владыки—дяди съ Графомъ Ал. Петр. Толстымъ, тогда еще не бывшимъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Сунода, а находившимся въ Кіевѣ въ концѣ Крымской войны по званію его Начальникомъ Нижегородскаго ополченія, при которыхъ у нихъ велись бесѣды касательно предположеній о переводѣ Библіи на Русскій языкъ. Я бывалъ и самъ всегда при этихъ собесѣдованіяхъ; къ тому же Графъ Ал. Петр., посѣщая меня въ Академіи [2]), много высказывалъ своихъ мнѣній, по чувству извѣстной его христіанской ревнительности, относительно перевода, не скрываясь при этомъ, что онъ такъ же бесѣдовалъ не разъ и съ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, прямо признающимъ это дѣло благопотребнымъ и даже необходимымъ.—Не скрывалъ и я предъ Графомъ, что готовъ бы сораздѣлять это мнѣніе, хотя Графъ, замѣтно,

---

[1]) Собственныя слова высокопр. Филарета. Смотр. въ Дневникѣ 1857 г. 7 Декабря стран. 29.

[2]) Преосв. Антоній былъ въ это время Ректоромъ Кіевской Академіи.

былъ не на этой сторонѣ. Но, вотъ, когда дѣло дошло до бесѣдованій его съ Владыкою—дядею, болѣе рѣшительныхъ, тутъ-то я подивился,—откуда что бралось... Слушая его, я чувствовалъ себя, бывало, именно *яко сьдящій при ногахъ Гамалііила*... Владыка изумлялъ даже самою памятливостію при такихъ его старческихъ лѣтахъ и недугахъ... Онъ не только сообщалъ факты, но иногда цѣликомъ повторялъ, какъ бы съ подлинника, нѣкоторыя изъ мнѣній бывшихъ дѣятелей во дни еще Библейскаго Общества и pro и contra, особливо послѣднихъ—какъ напр. Шишкова, Сперанскаго [1]) и Архимандрита Фотія, хотя и признавалъ послѣдняго не столько разумѣвшимъ самое значеніе дѣла, сколько явившимся рьянымъ и иногда рѣзкимъ до крайности обличителемъ тогдашняго религіознаго вообще направленія, и направлявшаго свои стрѣлы въ особенности противъ, страшно имъ подозрѣваемаго въ неправославіи, и яко бы заправлявшаго всѣмъ дѣломъ перевода Св. Писанія, Филарета, (Московскаго), какъ главнаго Члена бывшей по этому дѣлу Коммиссіи... „Для меня, сказать по правдѣ, почти все это было новостью, такъ какъ въ печати не было еще тогда почти ничего [2]).

---

[1]) При указаніи на Графа Сперанскаго, говорилъ преосв. Антоній,—дядя Владыка повторилъ почти слово въ слово письмо Сперанскаго относительно несостоятельности Русскаго языка для вполнѣ точнаго и удовлетворительнаго выраженія при переводѣ Св. Писанія собственно на Русское нарѣчіе.—О письмѣ этомъ мы встрѣтили свѣдѣніе и въ дневникѣ бывшаго Намѣстника Лавры, впослѣдствіи Архіеп. Полтавскаго, Іоанна,—о чемъ и скажемъ въ недалекомъ мѣстѣ настоящаго изложенія.

[2]) «Всѣ подобныя выслушиваемыя свѣдѣнія я,—говорилъ преосв. Антоній, даже записывалъ для себя вкороткѣ. И вотъ теперь, когда (въ 1872—73 г.) сталъ читать я «Исторію перевода Библіи» соч. Чистовича, напечатанную въ Христ. Чтеніи, и что прочиталъ уже и ты,—то и вижу, что Владыка былъ посвященъ во всѣ, можно сказать, тайны тогдашняго образа дѣйствій, начиная со временъ Библейскаго Общества.—Что я говорю теперь тебѣ, ты всѣмъ этимъ, по возможности, воспользуйся; это весьма важно въ Біографіи Владыки».—NB. Выполненіе этого и видятъ читающіе, и да не осудятъ, если мы, быть можетъ, слишкомъ продолжительно остановимъ ихъ вниманіе на излагаемомъ дѣлѣ. Авт.

Когда же Графъ А. П. ссылался, между прочимъ, на сужденія Филарета Митр. Московскаго, то Владыка сначала какъ будто не дослыхивалъ... а затѣмъ, вызнавши больше и больше сужденій, передаваемыхъ Графомъ отъ лица Филарета Московскаго, съ грустною улыбкою заговорилъ: „Охъ-ма, охъ-ма! Кому бы, какъ не намъ обоимъ, доживающимъ уже тотъ предѣлъ жизни, въ коемъ *трудъ и болѣзнь* суть неотлучные спутники наши, по изреченію Псалмопѣвца... кому, какъ не намъ бы и должно послѣдовать и другому изреченію того же Псалмопѣвца: *помянухъ дни древнія и поучихся*... Владыкѣ же Московскому (котораго никто, позволю себѣ сказать, въ жизни не почитаетъ такъ глубоко, какъ я), подобаетъ вѣдать и выполнять это изреченіе гораздо-гораздо тщательнѣе, чѣмъ мнѣ... Я-то изъ этихъ древнихъ дней *бывшіе самые начальные* только знаю, на сколько для меня было доступно,—а онъ былъ прямымъ участникомъ, даже въ ряду самыхъ главныхъ, въ томъ, что тогда творилось подъ фирмою Библейскаго Общества... Я былъ уже, какъ и онъ совмѣстно со мною, дѣятелемъ лишь въ позднѣйшее время, когда явился *нечестивый* переводъ Протопопа Павскаго и когда выявлялся новый еще не званный не прошенный призванникъ на это—Архимандритъ Макарій,—да и то не знаю, какъ Господь сподобилъ миновать могущей возбудиться тогда бури... Это и Вы, Ваше Сіятельство, конечно знаете... Помните какъ *оный*, который и самъ не зналъ, какъ именовать себя въ своемъ новомъ званіи и котораго, между тѣмъ, другіе вѣдавшіе называли *ловкимъ шаркуномъ* съ *саблей* и *шпорами*... помните, какъ онъ *шаркнулъ* насъ обоихъ въ 1842 г... и за что же? Да, вотъ, за подобное же дѣло, хотя оно было именно *только подобное*, потому что заключало въ себѣ нѣкую только часть того, что теперь предполагается къ начинанію,—а на прежнее-то я и теперь вполнѣ согласенъ [1]).—Вѣдь Исторія все покажетъ,—

[1]) Здѣсь разумѣется то, чтобы въ новыхъ изданіяхъ Библіи постепенно дѣлать и вводить нѣкоторыя частныя исправленія, поставляя ихъ на поляхъ, или подъ чертою,—о чемъ сказано и въ

она не умолима, чтобы не сказать правды и истины... И потому намъ, искушеннымъ, слава Богу, многими собственно-личными опытами и скорбями, не сугубо ли не простительно будетъ, коль скоро мы, поставленные, по сану и возрасту, во главѣ стражей Дому Божія, стали бы теперь на степень тѣхъ, коихъ мы же сами, хотя въ иномъ и не безъ грѣха, иногда осуждали за несостоятельность въ правахъ и власти первенствующихъ Членовъ Св. Сунода [1]).—Я не знаю впрочемъ, сказалъ въ заключеніе этой своей рѣчи Владыка,—что думаетъ объ этомъ и теперешній первенствующій Владыка [2]) и что предполагалъ бы окончательно и самъ Владыка Московскій. Во всякомъ разѣ я напередъ скажу одно,—что не отрицаюсь *противустать въ лице* ему и всякому...—Будьте хоть Вы Оберъ-Прокуроромъ и если станете проводить тѣ же мысли, какія и теперь, по видимому съ убѣжденіемъ, высказываете,—я не отступлю отъ своихъ убѣжденій; съ ними я готовъ предстать и на страшномъ судищѣ Христовомъ, на которое явиться *подобаетъ ми* скорѣе другихъ... Я не желалъ бы и дожить до времени начинанія этого дѣла,—но во всемъ Единая Воля Того, Кто и *живитъ и мертвитъ*. Дондеже продлитъ Господь дни живота моего, буду пламенно отъ всей глубины моего сердца молить Его Благость, да не по мудрованіямъ человѣческимъ, а по единому Своему Премудрому Промыслу Самъ да устроитъ, *якоже вѣсть*, лучшее и полезнѣйшее касательно сего, чрезвычайно важнаго, дѣла... Вотъ и теперь у насъ страшная политическая буря... (Крымская война). Избави же Господи, если мы сами отъ себя породимъ зачатки бури внутренней въ нѣдрахъ самой матери—Св. Православной Церкви, *мнящие службу приносити* къ ея благоуспѣянію, и дѣлая для нея какъ

самомъ отношеніи къ Оберъ-Прокурору. Самыя же обстоятельства этого дѣла будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ.

[1]) Разумѣются здѣсь С.-Петербургскіе Митрополиты—Амвросій и Серафимъ.

[2]) Высокопреосв. Никаноръ—Митр. С.-Петербургскій.

бы подпорки своего рукодѣлія, тогда какъ сказано: „*и врата адова не одолѣютъ ю...*“

„Когда наконецъ,—продолжалъ преосв. Антоній,—получено было вотъ то самое отношеніе отъ Оберъ-Прокурора Графа Александра Петровича Толстаго (отъ 20 Ноября 1856 г. за № 2457),—на которое послѣдовалъ и настоящій отвѣтъ,—тогда Владыка—дядя на первый же разъ, только-что успѣвши на скоро прочитать его съ приложеніями, высказывалъ весьма многое въ томъ же родѣ и тонѣ, что и въ прежнихъ бесѣдахъ съ Графомъ.—Въ частности же онъ взялся собственно за то, что, какъ онъ выразился, больно уже *закрутили* дѣломъ.—„Ну, вотъ, такъ и видно, что одна метла явилась на это новенькая [1]),—за то другой—старой-то [2]) не подобало бы подходить подъ эту стать...“—Я, говорилъ преосв. Антоній,—при этихъ словахъ ничего сначала не понималъ, пока Владыка, указавъ мнѣ на лежавшія на столѣ предъ нимъ бумаги, не сказалъ: „вотъ получилъ я и на счетъ ново-проэктируемаго перевода Библіи на Русскій языкъ;—теперь приводится уже писать оффиціально по этому дѣлу... Впрочемъ я не даромъ сказалъ еще, помнишь, прежде при бесѣдахъ моихъ съ Графомъ Ал. Петр., что я не отступлю ни въ чемъ отъ своего, что и тогда говорилъ; а что касается вотъ до этихъ приложеній [3]), то и онѣ не ахти каковы... старыя погудки на новый ладъ... и отвѣчать-то бы не хотѣлось, чтобы не утруждать себя при моихъ немощахъ,—но по важности дѣла не возможно безъ этого.—Благо, что ты слышалъ всѣ мои прежнія разсужденія съ Графомъ, въ которыхъ онъ, я знаю, вполнѣ убѣдился; потому возьми теперь же эти бумаги

---

[1]) Разумѣется здѣсь Митроп. С.-Петербургскій Григорій, поступившій только что въ Сентябрѣ 1856 г.

[2]) Разумѣется Филаретъ Митроп. Московскій.

[3]) Въ этихъ приложеніяхъ изложены—а) Случай къ Сѵнодальному (въ Москвѣ въ Сентябрѣ 1866 г.) разсужденію о необходимости перевода Св. Писанія; б) Ходъ Сѵнодальнаго разсужденія и в) проэктъ этого дѣла, составленный Митроп. Московскимъ Филаретомъ. Приложенія эти читающіе увидятъ въ своемъ мѣстѣ.

и, на сколько припомнишь все мое прежнее.— напиши по пунктамъ по раздѣльнѣе, чтобы я могъ вставить, гдѣ что будетъ нужно;—а на нѣкоторыя новыя-то положенія ты пожалуй и не берись писать: я что знаю самъ написать, то и напишу. Затѣмъ съ обычнымъ своимъ: Охъ-ма, охъ-ма! Владыка опять заговорилъ: „да больно-больно что-то *закрутили*... Не мнятъ ли, какъ можно скорѣе, *ознаменовать новую* эру царствованія этою новинкою... Между тѣмъ какъ для сердца-то Царева, *еже въ руцѣ Божіей*, есть другая важнѣйшая, священнѣйшая и потому первѣйшая задача, для выполненія которой и *да возглаголетъ въ Сердцѣ его благая о людѣхъ своихъ* [1]) и воздѣйствуетъ *силою многою во исполненіе* Самъ Царь царей и Господь господей... [2]).

„По извѣстнымъ уже изъ бесѣдъ Владыки съ Графомъ мыслямъ и свѣдѣніямъ, говорилъ владыка Антоній, мнѣ не трудно было вскорѣ же изложить, что нужно; хотя сказать правду, нѣчто внесъ я и свое... Слушая мое изложеніе, Владыка сразу и какъ бы по чутью узналъ и говорилъ: „нѣтъ,—это не мое... исправь по моему,—а это вовсе выбрось... и тутъ же продиктовывалъ самъ многое. Ко всему же этому присовокупить, въ отношеніи къ Графу вотъ и это, что написано мною, и не смѣть измѣнять ни въ одной іотѣ... Пусть судятъ тамъ, какъ хотятъ,—пусть хоть и осудятъ меня.... но я скажу навсегда и не яко Пилатъ, *„еже писахъ, писахъ*... Подвинь-ка ко мнѣ чернильный приборъ... и тутъ же собственноручно въ концѣ своего изложенія написалъ:—„Изложивъ всѣ сіи мои мысли съ глубочай-

---

[1]) Слова въ молитвѣ на литургіи Св. Василія Великаго. Владыка Филаретъ особенно любилъ повторять ихъ .. при подходящихъ предметахъ въ разговорахъ.

[2]) Здѣсь, говорилъ преосв. Антоній, разумѣлся вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.—о чемъ дѣйствительно высокопр. Филаретъ радѣлъ отъ всей глубины души,—что и засвидѣтельствовалъ въ самые послѣдніе дни и даже часы своей жизни, о чемъ увидятъ читающіе въ своемъ мѣстѣ въ подлинныхъ словахъ въ Бозѣ почившаго, записанныхъ въ дневникѣ бывшаго Намѣстника Лавры и въ напечатанныхъ послѣднихъ дняхъ.

шимъ смиреніемъ предъ Богомъ, словомъ Его Святымъ и Православною Церковію и приближаясь къ кончинѣ моей и готовясь предстать предъ нелицепріятный судъ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, всѣмъ сердцемъ молю Его Благость, да не по мудрованіямъ человѣческимъ, а по Премудрому Промыслу Своему Самъ онъ устроитъ, *якоже вѣсть*, лучшее и полезнѣйшее касательно сего, чрезвычайно важнаго, дѣла и сохранитъ миръ въ Православной Церкви Своей послѣ того, какъ даровалъ Онъ Своею милостію благодатный миръ Отечеству нашему чрезъ Помазанника Своего Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича [1]).—Снова заставивши меня прочитать все изложеніе, со всею точностію и особенною внятностію для него, (въ это время онъ былъ уже туговатъ на слухъ), Владыка сказалъ по выслушаніи: „ну, да благословитъ же Господь во благій часъ! и сдѣлавъ крестное знаменіе на себѣ и благословивъ самую рукопись, приказалъ немедленно же переписать ее въ двухъ экземплярахъ: въ одномъ на имя Графа, а въ другомъ экземплярѣ на имя высокопр. Филарета Митроп. Московскаго.—„Пусть же не думаютъ, что я готовъ будто бы тормозить дѣло даже въ самомъ времени... Думалъ было я написать нѣчто и Первенствующему [2]), но *помыслихъ и размыслихъ*... Приводилось бы написать ему нѣчто и не малое не по вкусу для него... А, пожалуй, отъ него и теперь можетъ статься тоже, что и по дѣлу о твоей Догматикѣ [3]); не пустился бы онъ и теперь въ полемику противъ настоящаго изложенія... Да и немудрено; вѣдь онъ былъ тоже во дни оны

---

[1]) Эти самыя слова читающіе видѣли въ заключеніи отношенія къ Оберъ-Прокурору отъ 21 Декабря 1856 г. за № 1233-мъ.

[2]) Первенствующимъ Членомъ Св. Сунода сталъ быть въ концѣ Сентября 1856 г. высокопр. Григорій Митроп. С.-Петербургскій, бывшій Архіеп. Казанскій.

[3]) Свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ подробно изложены въ Біографіи преосв. Антонія; мы приведемъ ихъ въ своемъ мѣстѣ за время служенія высокопр. Филарета въ Кіевѣ.

Библейско-общественникомъ въ числѣ членовъ Коммиссіи и притомъ самыхъ ярыхъ ревнителей... [1]) по переводу Св. Писанія на Русскій языкъ, избранныхъ бывшею тогдашнею Коммиссіею Дух. Училищъ.—и какихъ же членовъ?! все—академистовъ, молодятниковъ, потому-то справедливъ былъ Шишковъ, который, помнится, выразился такъ: „переводъ былъ брошенъ нѣсколькимъ студентамъ Академіи и притомъ съ приказаніемъ сдѣлать этотъ переводъ, какъ можно скорѣе“ [2]).

Кромѣ этихъ, устно переданныхъ высокопр. Антоніемъ, свѣдѣній встрѣчаемъ еще многія, внесенныя въ свое время въ дневникъ, веденный бывшимъ о. Намѣстникомъ лавры. Эти свѣдѣнія особенно интересны; онѣ раскрываютъ, истинно сказать, *вся внутренняя души* въ Бозѣ почившаго въ томъ именно отношеніи и значеніи, что вопросъ о переводѣ и отвѣтъ его на него вышеизложенный были для него, такъ сказать, вопросомъ его жизни и мирнаго исхода въ блаженную вѣчность... При чтеніи записаннаго въ дневникѣ это и со стороны всякаго чувствуется съ особеннымъ даже умиленіемъ.—Выписываемъ отъ слова до слова, хотя и не всѣ, записи въ дневникѣ.

„А сказывалъ ли я тебѣ,—(писано въ дневникѣ).

---

[1]) Въ Исторіи перевода читаемъ: «Когда въ 1824 г. не было уже Филарета Московскаго въ С.-Петербургѣ, онъ былъ высланъ въ Москву, и когда Митроп. Серафимъ поручилъ Григорію, бывшему тогда Викарію С.-Петербургскому, написать Митроп. Филарету, чтобы онъ ничего не дѣлалъ по Библейскому Обществу,—Еписк. Григорій присовокупилъ отъ себя: «Онъ (Серафимъ) перевода Библіи продолжать не велѣлъ намъ: но мы, однако, будемъ продолжать... У насъ все еще идетъ броженіе... и пр. (См. Христ. Чт. 1872 г. Апрѣль, стран. 668).

[2]) Въ Исторіи перевода (Чистовича) читаемъ: «Въ переводѣ Новаго Завѣта трудились: Архим. Филаретъ Ректоръ Академіи,—Архим Поликарпъ Ректоръ Петерб. Семинаріи,—Архим Григорій Инспекторъ С.-Петерб. Академіи (впослѣдствіи Митропол. С.-Петербургскій),—Іером. Кириллъ (впослѣдствіи Архіеп. Подольскій),—Іеромон. Моисей (Архіеп. Экзархъ Грузіи) и Священникъ Г. П. Павскій. (Смотр. стр. 397 Христіан. Чт. 1872 г.).

говорилъ Владыка, видимо всей душею чувствовавшій глубокое удовольствіе. — о письмѣ ко мнѣ Оберъ-Прокурора?!—Онъ прислалъ мнѣ выписку изъ письма Сперанскаго къ дочери.—Замѣчательно весьма, его мысли совершенно тѣ же, какія и я лично высказалъ ему о переводѣ Библіи на Русскій языкъ;—на-ко прочитай". Затѣмъ продолжалъ: „Да какъ хотятъ, а я сказалъ свое мнѣніе, а умолчать, или человѣкоугодничать, въ такомъ важномъ дѣлѣ, я считаю самымъ ужаснымъ преступленіемъ.—Притомъ, меня спросили. Если бы не спросили, можетъ быть такъ и прошло бы. Но когда спросили, я долженъ былъ сказать правду, не обинуясь.—Иные молодые Архіереи могли позволить себѣ, и безъ дальнихъ разсужденій, согласиться... хотя и имъ не извинительно, но должно было стать за слово Божіе; я же стою уже одной ногой въ гробу.—Да, вотъ видишь, какъ пишетъ Сперанскій о Славянскомъ языкѣ, а теперь Митрополитъ (разумѣется Григорій С.-Петербургскій, о чемъ увидимъ ниже), сравнилъ языкъ Слова Божія съ *гнилымъ логовищемъ*,—какъ это можно?!—Переводъ на Русскій языкъ,—вѣдь это къ чему поведетъ?—На слово Божіе станутъ смотрѣть, какъ на обыкновенное слово человѣческое. Но видно и въ моемъ мнѣніи видятъ уважительныя основанія; вотъ до сихъ поръ дѣло это лежитъ... Впрочемъ, странно, старикъ, готовящійся каждый день умирать, подалъ голосъ и дѣло остановилось.—Если оно вовсе остановлено будетъ, то это явный знакъ, что такъ Богу угодно." Я (Намѣстникъ) замѣтилъ: одно то уже, что Вашъ голосъ заставилъ ихъ не спѣшить этимъ дѣломъ и подумать о немъ серьезнѣе, и это уже очень важно.—„Да, замѣтилъ Владыка, они хотѣли вдругъ, какъ будто легко, и въ какое время!!—Разговоръ остановленъ былъ прибытіемъ Доктора" [1]).

„Вечеромъ, послѣ всенощной въ келейной Владыки я и о. Антоній (Ректоръ Академіи) пробыли у Владыки до половины 8-го. При разговорѣ св. Владыка опять съ

---

[1]) Дневн. 1857 г. стр. 29—30 на обор.

заботливостью останавливался на проэктѣ о переводѣ Св. Писанія.—„Вотъ статья о Лукарисѣ, говорилъ онъ. между прочимъ, помѣщенная въ Пчелѣ, прочитана, конечно, многими; на основаніи ея, при первой вѣсти о переводѣ, могутъ подумать, что Св. Сунодъ хочетъ произвесть реформацію...—Враги Православія, пользующіеся всякимъ случаемъ клеветать на Православную Церковь. постараются распустить такой слухъ. Пойди тогда, оправдывайся!! Это первое. Я напишу объ этомъ Графу. А второе: слово Божіе низведутъ на степень обыкновеннаго слова человѣческаго, какъ у Реформатовъ,—вотъ что изъ этого выйдетъ.—А потомъ уничтоженіе Іерархіи. Вѣдь Реформаты для того и даютъ народу въ руки Библію, чтобы уничтожить всѣ церковныя учрежденія.—Притомъ Реформаты имѣли основаніе требовать Св. Писанія на природномъ языкѣ. И Папа виноватъ, что не удовлетворялъ требованія.—А у насъ какое основаніе. Нашъ переводъ Апостольскій, можно сказать, съ буквальною точностію на коренномъ народномъ языкѣ. Толкуютъ одно и одно,-что Славянскій-де языкъ не понятенъ во многомъ для многихъ, тогда какъ Русскій, само собою, на оборотъ... да тутъ сущность дѣла не въ одной понятливости. Притомъ если Русскій, т. е. на нарѣчіи Великорусскомъ, переводъ будетъ понятнѣе для вообще Русскихъ,—то что же сказать о Малороссахъ; для послѣднихъ на оборотъ новый Русскій переводъ будетъ менѣе понятенъ, чѣмъ Славянскій; значитъ и для нихъ нужно будетъ сдѣлать особый переводъ на ихъ Малороссійскомъ языкѣ...“ [1]).

„Съ особенною озабоченностію Владыка опять говорилъ о проектѣ перевода Св. Писанія на Русскій языкъ и о переводѣ на то же нарѣчіе, (чего Боже сохрани), Богослужебныхъ книгъ, опытъ чего найденъ въ бумагахъ покойнаго Митрополита Никанора, какъ это упоминается въ его жизнеописаніи. Владыка со всею силою убѣжденія повторилъ совершенное несогласіе свое

---

[1]) Дневникъ 1857 г. стр. 30—31.

на эти новости, какъ на самое опасное дѣло для мира и единства членовъ Церкви Православной. „Какъ они хотятъ, я высказалъ свое мнѣніе по этому дѣлу, говорилъ Владыка, измѣнить этого мнѣнія я не могу, съ нимъ я умру, спокойный въ совѣсти, что не буду отвѣчать предъ Богомъ. Суда человѣча я не боюсь; если бы даже произнесли противъ меня отлученіе, и тогда я былъ бы покоенъ и не отказался бы отъ своего убѣжденія. Впрочемъ какъ Богу угодно, если даже я ошибаюсь, то уповаю, что Богъ не осудитъ меня. Я дѣйствую въ этомъ важномъ дѣлѣ по крайнему моему разумѣнію и убѣжденію совѣсти, заботясь не о себѣ, а единственно о благѣ Церкви, Государя и Отечества, а потому примутъ ли въ уваженіе мнѣніе мое, или не примутъ, я покоенъ; для личности моей тутъ нѣтъ ни сколько оскорбленія. Я исполнилъ свой долгъ, а они какъ хотятъ. Если они успѣютъ въ своемъ замыслѣ, то вѣрно Богу будетъ угодно попустить это по какимъ либо особеннымъ цѣлямъ.—Равно имъ гнѣваться на меня не за что. Пиша къ высокопр. Григорію (Митроп. Петербургскому) я сказалъ, что разность въ мнѣніяхъ по такому важному предмету не должна разрушать между нами братскаго союза, любви и мира. Разность мнѣній была по временамъ и между Апосталами, однако не производила между ними разъединенія и не вооружала другъ противъ друга; тутъ дѣло не о личностяхъ и не о личныхъ пристрастіяхъ къ тому или другому мнѣнію. Личности въ сторону. Въ дѣлѣ Церкви всякій, призванный къ нему, имѣетъ право подать свой голосъ по крайнему разумѣнію и убѣжденію, и этотъ голосъ долженъ быть выслушанъ съ совершеннымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, ибо тутъ всякій принимаетъ на себя отвѣтственность предъ Богомъ, Церковію, Государемъ и Отечествомъ. На замѣчаніе преосв. Григорія,—что Русскаго перевода Библіи громко требуетъ будто бы общее народное мнѣніе,—Владыка изволилъ опять повторить, что это несправедливо; если бы это мнѣніе было, оно сильно высказалось бы и въ здѣшнемъ краѣ, но этого отнюдь не видно. И въ бытность въ Петерб. я не замѣтилъ въ ходу этого мнѣ-

нія, прибавилъ Владыка. Противъ замѣтки, что сильное выраженіе нравится иногда болѣе слуху, а не сердцу и что Апостолъ осуждаетъ *чешемыхъ слухомъ*, Владыка сказалъ: вотъ этого-то особенно нельзя опасаться отъ Священнославянскаго языка: онъ не способенъ *чесать слуха;* Божественная истина высказывается имъ со всею поражающею строгостью и прямотою, безъ всякой лести и обоюдности. Но особенно неумѣстнымъ, несправедливымъ и оскорбляющимъ истину призналъ Владыка,— употребленное преосв. Григоріемъ въ письмѣ его,—*„уподобленіе священнославянскаго языка старому логовищу, гнилому и мертвому“*. Въ глубинѣ души моей я признаю священный Славянскій языкъ нашею отечественною святынею, такъ выразился я (сказалъ Владыка) въ вчерашнемъ письмѣ Графу. На языкѣ Славянскомъ передано для насъ и сохранилось Промысломъ Божіимъ слово Божіе. На немъ читается въ храмѣ Св. Евангеліе и Писанія Апостольскія, на немъ совершается Богослуженіе наше и всѣ спасительныя Таинства Церкви, и этотъ языкъ, который одинъ, по выраженію Шишкова, сохранился чистымъ и не оскверненнымъ называть логовищемъ! Какъ это пришло ему—Митрополиту въ голову?!. Скорѣе,—это чистый, свѣжій родникъ живой воды, это драгоцѣнное хранилище Божественной истины, неприкосновенная сокровищница Божія слова. Странное дѣло, прибавилъ Владыка, надобно же всему этому быть; думалъ ли я, что Графъ будетъ Оберъ-Прокуроромъ, когда онъ былъ здѣсь; могъ ли я думать, что давній вопросъ о переводѣ опять будетъ поднятъ при моей жизни; а вотъ какъ будто и жизнь моя продлилась для того, чтобы мнѣ подать справедливый голосъ противъ опаснаго нововведенія, на которое всѣ по видимому такъ легко рѣшились. Странное дѣло: когда я служилъ въ Москов. Академіи, то дѣло о переводѣ начиналось. Митрополитъ Московскій тогда еще былъ Ректоромъ Петербургской Академіи и онъ писалъ тогда мнѣ объ этомъ дѣлѣ; но я и тогда отвѣчалъ ему, что это не нужно, и предлагалъ дѣлать, по временамъ гдѣ нужно, замѣненіе нѣкоторыхъ не ясныхъ словъ болѣе понятными, не измѣ-

няя языка, и при этомъ указалъ на нѣкоторыя неправильности въ первомъ опытѣ, изданнаго тогда на Русскомъ языкѣ. Новаго Завѣта. Такъ напр. въ бесѣдѣ Іисуса Христа съ Никодимомъ выраженіе *сынъ человѣческій* было переведено *сынъ человѣка*, или слово въ бесѣдѣ Самарянской: „азъ есмь глаголяй съ тобою.—это я, который говорю съ тобою. (Къ чему тутъ: *это?* Или 3-й стихъ 1-й глав. Іоанна прежде переведенный такъ: и безъ Него ничто не произошло, что произошло, или ст. 14 той же глав. И Слово стало плотію. Или глава 18 „Это я“, вмѣсто—Азъ есмь. Все это Владыка говорилъ съ самымъ глубокимъ, живымъ участіемъ сердца и разговоръ продлилъ до 8 часовъ отъ 6-го, вопреки обычаю Владыки отпускать отъ себя въ 7 часовъ (когда онъ оставался одинъ на правило), и я опасался, что это можетъ наконецъ растревожить и возмутить духъ Владыки, и потому готовъ былъ доложить: не время ли отдохнуть ему. Но къ моему успокоенію это сдѣлалось безъ словъ. Часы пробили 8 и Владыка вспомнилъ, что рѣчь идетъ довольно долго; но еще примолвилъ,—благословивши уже меня: Да, вотъ въ оное время Митрополитъ Серафимъ, когда получилъ словесное Высочайшее разрѣшеніе дѣйствовать къ закрытію дѣйствій Библейскаго Общества, то цѣлыя тысячи экз. вновь изданнаго перевода Пятокнижія Моисеева на Русскій языкъ распорядился немедленно перевезть на Лаврскіе кирпичные заводы и тамъ сожечь оный до тла...“ [1]).

„Владыка получилъ отвѣтное письмо г. Оберъ-Прокурора по дѣлу о переводѣ Св. Писанія отъ 8 Января. Графъ собственною рукою свидѣтельствуетъ живѣйшую и усерднѣйшую благодарность Владыкѣ за прямодушный отзывъ, обѣщаетъ представить оный Государю Императору и испросить Высочайшее разрѣшеніе внести этотъ отзывъ въ Св. Сунодъ на разсмотрѣніе, а копію съ отзыва препроводилъ къ Митрополиту Московскому, въ увѣренности, что, по прочтеніи онаго. Митрополитъ Фи-

---

[1]) Днев 1857 г. 2 Янв. Стр. 24 на обор. и 25, 26, 27, 28-я.

ларетъ во многомъ, если не во всемъ, перемѣнитъ свои мысли по этому дѣлу. Къ Григорію же Митрополиту Петербургскому Графъ далъ мысль Владыкѣ, вмѣсто отвѣта на его (Митр. Григорія) письмо, послать копію съ того же отзыва. Копія эта нынѣ и послана съ исключеніемъ изъ отношенія къ Графу всего того, что относится собственно къ Графу. Письмо Графа я (Намѣстникъ) испросилъ у Владыки позволеніе пріобщить къ дѣлу о переводѣ св. Писанія, а самое дѣло все со всѣми, относящимися къ нему документами, а главное отзывъ Владыки по этому дѣлу, хранить въ ризницѣ Лаврской, какъ отеческій и предсмертный его завѣтъ, на память и въ назиданіе будущимъ временамъ. Владыка изъявилъ на это совершенное согласіе и при этомъ прибавилъ: „Да! теперь мнѣ хорошо бы умереть; въ такомъ случаѣ мой отзывъ точно былъ бы какъ предсмертный завѣтъ и имѣлъ бы всю силу.“—Не высказывается ли въ сихъ словахъ, (сказано въ дневникѣ), готовность Владыки запечатлѣть высказанныя убѣжденія самою смертію, еслибы дошло до того... не дорога ему жизнь, еслибы должно было пожертвовать оной для полнаго торжества вѣруемой и исповѣдуемой истины“ [1]).—Но къ величайшему прискорбію, приводится сказать, что, высказанное въ дневникѣ, желаніе писавшаго его и соизволеніе самого въ Бозѣ почившаго—„сохранить навсегда сказанные документы въ Лаврской ризницѣ,-остались не исполненными... Въ бытность мою (пишущаго) въ Кіевѣ (въ Октябрѣ 1887 г.) я употребилъ и истощилъ всѣ средства и способы, чтобы увидѣть эти документы, какъ драгоцѣннѣйшую находку... Но увы! въ ризницѣ ничего не оказалось, и о. Екклисіархъ (Архимандритъ Валентинъ) готовъ былъ клятвою подтвердить, что ничего подобнаго не было сдѣлано бывшимъ о. Намѣстникомъ Іоанномъ... Думалъ было я,-не находятся ли искомые документы въ Лаврской Библіотекѣ, но и тутъ не нашлось ничего. Наконецъ обращался я въ Лаврскій Ду-

[1]) Днев. 1857 г. 18 Января. Стр. 8 на оборотѣ.

ховный Соборъ съ вопросомъ: нѣтъ ли въ дѣлахъ тамъ чего либо, по крайней мѣрѣ, не было ли проведено самое дѣло объ этомъ предметѣ путемъ формальнымъ;—но ни въ реэстрахъ входящихъ бумагъ, ни въ архивныхъ описяхъ ничего подобнаго не найдено.—Впрочемъ остается успокоительная увѣренность, что всѣ, выше приведенныя нами, свѣдѣнія вполнѣ достаточны для удовлетворенія читающихъ и по содержанію, и значенію въ отношеніи какъ къ разсматриваемому предмету, такъ и къ личному состоянію въ Бозѣ почившаго, дѣйствительно засвидѣтельствовавшаго и запечатлѣвшаго всѣми своими истинно Святительскими убѣжденіями и дѣйствіями всю чистоту и прямоту и глубину богопреданности и *нелицемѣрныя совѣсти* до самопожертвованія *даже до смерти* въ непреложномъ и, непреодолимомъ ничѣмъ и никѣмъ, его *исповѣдничествѣ* святой спасительной Вѣры. Не безъ основанія онъ любилъ, въ чувствахъ особено-глубокаго благоговѣнія, самосвидѣтельствовать о себѣ: „Заслугъ у меня не много, а можетъ быть и никакихъ,—за-то дерзаю рещи со Апостоломъ: *„Вѣру соблюдохъ.“*

Такую же непреложность убѣжденій и неизмѣнность дѣйствій увидимъ мы и въ дальнѣйшемъ повѣствованіи объ этомъ же предметѣ, гдѣ въ Бозѣ почившій не заочно, не въ келейномъ своемъ уединеніи, но лицемъ къ лицу и усты ко устомъ и въ засѣданіяхъ Св. Сунода и въ частныхъ соразсужденіяхъ въ средѣ сочленовъ своихъ и другихъ, власть имѣющихъ, являлъ всегда себя вѣрнымъ себѣ, не поступаясь ни въ чемъ своими убѣжденіями, съ тѣмъ вмѣстѣ не страшась, по слову Апостола, *противустатъ въ лице всякаго, аще кто зазоренъ бѣ*... (Галат. 2—11).

Послѣ приведенныхъ частныхъ воспоминательныхъ свѣдѣній, мы обращаемся къ изложенію данныхъ, уже внесенныхъ въ Исторію, относящихся тоже къ переводамъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта на Русскій языкъ. Въ этомъ изложеніи, однако, мы послѣдуемъ порядку обратному противу хронологическаго. Отъ изложенныхъ доселѣ фактовъ за 1856—57 годъ, перейдемъ сначала къ 1841—42 г.; (т. е. къ дѣлу о переводѣ Протоіерея

Павскаго), а затѣмъ къ почти одновременно бывшему переводу Архимандрита Макарія (Глухарева), бывшаго Алтайскаго миссіонера; на послѣдокъ же всего придемъ къ началу всего настоящаго повѣствованія, именно къ концу служенія высокопр. Филарета въ Калужской Епархіи (1824—25 г.). Такой порядокъ, образовавшійся у насъ по своимъ причинамъ, не правиленъ, но значеніе дѣла не въ формѣ изложенія, а въ вѣрности, ясности и полнотѣ фактовъ, которые преднамѣчены были въ самомъ началѣ настоящаго отдѣла—именно въ этомъ порядкѣ. Надѣемся, что и читающіе сами признаютъ указываемый порядокъ отнюдь не затрудняющимъ ихъ вниманія и разумѣнія.

ГЛАВА XXI.

«Я не устрашусь, если бы меня и вовсе уволили отъ каѳедры; но я страшусь за послѣдствія подобныхъ дѣйствій, которыхъ не желалось бы, и отъ которыхъ избавить силенъ токмо Единъ Верховный Кормчій Своей святой Церкви—Господь Іисусъ Христосъ» [1]).

Фактъ 1841—42 г., къ которому мы хотимъ теперь перенести вниманіе читателей, сколько прямо относится къ разсматриваемому вопросу о переводѣ Библіи на Русскій языкъ, (собственно о переводѣ Протоіерея Г. П. Павскаго) столько же служитъ рѣшеніемъ вопроса:—отъ чего оба Первосвятители—Московскій и Кіевскій, эти бывшіе *истинные столпы* въ дѣлахъ управленія Русской Церкви *были порушены*, можно сказать, въ одинъ часъ и безвозвратно,—разумѣемъ безвозвратное увольненіе ихъ (въ 1842 г.) отъ присутствованія въ Св. Сунодѣ?—Сколько доселѣ ни остаются *прикровенными* обстоятельства этого, въ своемъ родѣ, напоминающаго отчасти подобныя событія въ общей древней исторіи Церкви Вселенской, факта,—но, при посильномъ изученіи данныхъ, многое становится понятнымъ и яснымъ... Указываемое время (съ 1837 г.) было, можно сказать, переломомъ въ состояніи нашего Церковнаго управленія... Но не объ этомъ наша рѣчь, или точнѣе *не наша рѣчь* объ этомъ... Для частнаго характеризованія мы приведемъ только нѣсколько данныхъ,—уже внесенныхъ въ

---

[1]) Собственныя слова высокопр. Филарета Кіевскаго, сказанныя Оберъ-Прокурору Графу Протасову.

послѣднее время въ лѣтописи, и слѣдовательно не могущихъ быть не извѣстными для читающихъ и интересующихся ими. Это, впрочемъ, уже предуказано нами и въ выраженіяхъ высокопр. Филарета объ извѣстномъ лицѣ—*шаркунѣ съ саблею*, который не зналъ даже и самъ, *какъ называть себя* въ новомъ его званіи... Свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ фактѣ были помѣщаемы въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, но мы не придавали бы имъ значенія достовѣрности, если бы не встрѣтили свѣдѣнія объ этомъ въ запискахъ Костромскаго Архіепископа Платона, внесеннаго имъ въ свои записки (дневникъ) изъ письма къ нему, находившагося на покоѣ въ Бабаевскомъ Монастырѣ, преосв. Игнатія, бывшаго еписк. Кавказскаго,—болѣе же всего знаменитаго по своему архимандритству въ Сергіевой (близъ Петербурга) Пустыни *(извѣстнаго Брянчанинова)*. Послѣдній писалъ къ преосв. Платону: „никакое свѣтское возвышеніе не приводило *возвышеннаго* въ такой восторгъ, какъ назначеніе его въ Оберъ-Прокуроры. Когда Графа Протасова сдѣлали Оберъ-Прокуроромъ, онъ пріѣхалъ къ своему знакомому Генералъ-Адъютанту Чичерину и говоритъ ему: „поздравь меня!.. я—министръ, я—архіерей... я—ч..тъ знаетъ что...“ Въ присутствіи моемъ, писалъ Игнатій Брянчаниновъ, эти слова были переданы Кіевскому Митрополиту Филарету. *„Одно послѣднее справедливо*,—печально отвѣтилъ Первосвятитель—старецъ“ [1]).

Покойный высокопр. Антоній, по прочтеніи этой, указанной ему мною, замѣтки, сказалъ: да, это вѣрно. Владыка—дядя и самъ высказывался мнѣ однажды объ этомъ неосторожномъ его выраженіи, дошедшемъ, между тѣмъ, до самого Оберъ-Прокурора,—такъ что съ этой поры пошли на него разныя невзгоды, которыми онъ, однако, нисколько не тяготился. Онъ даже радовался [2]),

---

[1]) Смотр. Душеполезное Чтеніе, стран. 183 въ статьѣ изъ записокъ Преосв. Платона.

[2]) Надобно замѣтить, что высокопр. Филаретъ въ эти годы дважды подавалъ прошенія объ уволненіи его навсегда отъ присутствованія въ Св. Сунодѣ; но ни одному прошенію не давали ходу.

что его за это оный *шаркунъ шаркнетъ* тотчасъ же,— но, очевидно, время не приспѣло... Да и не было причинъ и поводовъ, хотя и престарѣлый Митроп. С.-Петербургскій Серафимъ былъ уже, какъ говорится, подбитъ къ этому. Послѣдній, по словамъ Владыки, болѣе всего опасался воздѣйствія *Московскаго*, котораго онъ такъ всегда называлъ безъ имени (Филаретъ) [1]). „Вѣдь они такіе, говорилъ Митроп. Серафимъ, что ихъ водой не разгонишь: а кто изъ нихъ мудренѣе, я и разгадать хорошенько не могу...“ [2]).

Но вдругъ неожиданно открылось, составляющее собственно предметъ нашего настоящаго изложенія, обстоятельство, которое, между прочимъ, какъ объяснялъ преосв. Антоній, едва не послужило было къ разъединенію между неразрывными, единомысленными духовными друзьями, Первосвятителями—Филаретами. По крайней мѣрѣ дядя Владыка всегда вспоминалъ объ этомъ съ глубокою грустію. Дѣло это [3]) состояло въ слѣдующемъ, какъ читаемъ въ „Исторіи перевода Библіи на Русскій языкъ“.

Въ концѣ 1841 г., Членъ Святѣйшаго Сунода, Кіевскій Митрополитъ Филаретъ получилъ въ С.-Петербургѣ письмо, присланное *изъ Владиміра*, безъ подписи имени писавшаго [4]), слѣдующаго содержанія: „Недавно вышелъ

---

[1]) Есть печатный (въ Рус. Старинѣ) фактъ такого рода. У Митр. Серафима были въ частномъ собраніи вечернемъ митрополиты: Кіевскій, Московскій и Іона (бывшій Экзархъ Грузіи). Митрополитъ Серафимъ вдругъ за разговоромъ сказалъ: «да что же намъ не подаютъ чаю. Поди ка ты, *Московскій*, распорядись.— Филаретъ, съ смиреннымъ поклономъ приказывающему, пошелъ, распорядился... и чай принесли.

[2]) Подробный разсказъ объ этомъ помѣщенъ нами въ Біографіи высокопр. Антонія Архіеп. Казанскаго.

[3]) Дѣло это изложимъ мы въ возможно сокращенномъ видѣ, чтобы только дать читающимъ понятіе о сущности и ходѣ дѣла и, въ частности, объ участіи и прямыхъ дѣйствіяхъ по этому дѣлу высокопр. Филарета.

[4]) Авторомъ этого письма былъ Баккалавръ Московской Академіи іеромонахъ Агаѳангелъ, позже епископъ Вятскій, наконецъ

въ Петербургѣ литографированный Русскій переводъ учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхо-завѣтнаго Канона (исключая Псалмовъ). Переводъ показываетъ, что надъ нимъ трудился человѣкъ, свѣдущій въ Еврейскомъ языкѣ и способный владѣть Русскимъ словомъ. Для христіанина слово Божіе есть сѣмя духовной жизни, хлѣбъ, питающій и укрѣпляющій его на утомительномъ пути сей жизни, вода, утоляющая жажду его въ пустыни сего міра. Онъ ищетъ того же и въ переводѣ и съ плачемъ отходитъ, находя въ немъ не *глаголы Бога живаго* и истиннаго, но злорѣчія древняго змія, извратившаго первую заповѣдь Божію и низвергшаго все человѣчество въ бездну вѣчнаго отчужденія отъ лица Божія. Можно бы почесть не важнымъ сіе дѣло, если бы оно произошло отъ не опытности и ошибочнаго выбора иностранныхъ пособій; но, когда переводчикъ не разъ, не два, пересматривалъ свой переводъ, когда при каждомъ пересмотрѣ вводилъ новыя лжесловія и когда авторитетъ его учености и слава многовѣдѣнія грозятъ обширнымъ распространеніемъ переводу: то ни молчаніе не умѣстно, ни терпѣніе не спасительно".

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Мысль, что Господь поставилъ Васъ стражемъ Своей Церкви, даетъ смѣлость мнѣ, послѣднему служителю Его, обратиться къ Вашему Высокопреосвященству и представить Вашему вниманію нѣкоторыя изъ отступленій перевода отъ истины".

Указавши на невѣрности перевода, безъименный доноситель предлагаетъ далѣе совѣты, какъ поступить съ переводчикомъ, охранить Церковь отъ угрожающей ей опасности и удовлетворить потребностямъ сыновъ Церкви, жаждущихъ чтенія слова Божія. „Нѣтъ нужды, говоритъ онъ, подвергать переводчика осужденію Церкви

архіепископъ Волынскій. Сушкова, *Записки о жизни м. Филарета* стр. 89. *Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс.* 1869 г. кн. 4, смѣсь. стр. 184. Наконецъ «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета Митрополита Московскаго», изданное подъ редакціею преосв. Саввы архіепископа Тверскаго. Том. III.

и отлученію. Ему нужно, напротивъ, преподать пастырское наставленіе, нужно возложить на него временную эпитимію, *да духъ его спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа*. Возвращаясь же опять къ литографированному переводу, неизвѣстный авторъ обращаетъ вниманіе на тѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ распространенія „произведенія сего новаго Маркіона“, и заключаетъ свое письмо такъ: „на Русскомъ языкѣ едва ли когда являлось такое богохульство, какъ въ литографированномъ переводѣ“.

Кіевскій Митрополитъ Филаретъ, препровождая письмо это къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Сѵнода Графу Н. А. Протасову (19 Января 1842 г.), увѣдомлялъ, что, по порученію его, отысканъ и доставленъ ему одинъ экземпляръ этого перевода [1]). „И при самомъ поверхностномъ обозрѣніи сего *нечестиваго* творенія, писалъ онъ, нельзя не видѣть съ глубокимъ прискорбіемъ, какое великое зло для Православной Церкви и отечества нашего можетъ произойти отъ распространенія его въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ народѣ. Благочестивые предки наши, по особенному Промыслу Всевышняго о любезномъ отечествѣ нашемъ, принявши благочестивую христіанскую вѣру во всей чистотѣ ея, богодухновенныя книги Св. Писанія, на которомъ она основывается, доселѣ съ благоговѣніемъ хранили отъ всякаго нововведе-

---

[1]) Экземпляръ этотъ доставленъ Кіевскому Митрополиту по его требованію, Ректоромъ Спб. духовной Академіи, Архимандритомъ Аѳанасіемъ (Дроздовымъ). NB. Всѣ эти свѣдѣнія мы заимствовали изъ «Исторіи перевода Библіи на Русскій языкъ» соч. г. Чистовича, гдѣ буквально изложенное здѣсь все приписывается *Филарету Митрополиту Кіевскому*. (Смотр. Христіан. Чтеніе 1872 г. Май стр. 102—103). Но *это же самое въ томъ же буквальномъ изложеніи* мы встрѣтили въ недавно вышедшемъ (въ 1887 г.) «*Дополнительномъ пятомъ томѣ* «Собранія мнѣній и отзывовъ *Филарета Митрополита Московскаго*, именно подъ № 28-мъ на стран 93—94.—Спрашивается: *гдѣ болѣе правды?* въ «Исторіи» ли, или въ «Собраніи»?—Предоставляемъ это разрѣшить людямъ *свѣдущимъ*. Не доумѣваемъ мы еще и о томъ, что фамилія Графа Оберъ-Прокурора въ Исторіи всюду напечатана «*Пратасовъ*»,—а въ Собраніи—всюду же—«*Протасовъ*». Мы держались послѣдняго.

нія, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе, какъ неоцѣненный даръ Божій и залогъ временнаго благоденствія и вѣчнаго блаженства. Великая и священная обязанность наша, возложенная на насъ Богомъ, есть—сохранить сей законъ и передать потомству нашему во всей его чистотѣ, дабы не постыдно явиться предъ лице Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа въ день откровенія славы Его".—Поспѣшая, по долгу званія, препроводить къ его Сіятельству вышеозначенный экземпляръ для принятія мѣръ къ открытію виновныхъ въ семъ злоупотребленіи и къ прекращенію распространенія сей вредной книги въ учебныхъ заведеніяхъ и въ народѣ, Преосвященный Филаретъ просилъ Оберъ-Прокурора предложить немедленно о семъ Святѣйшему Сѵноду для соборнаго разсмотрѣнія этого важнаго дѣла; съ этимъ же вмѣстѣ назначить произвести строжайшее разслѣдованіе во всѣхъ Академіяхъ—Петербургской, Кіевской и Московской.—Когда же Графъ высказалъ недовольство такими крайне настоятельными требованіями Филарета и отклонялъ ихъ,—то Митрополитъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ я дерзну лично предстать предъ лице Государя...".

Митрополита С.-Петербургскаго Серафима не было, по болѣзни его, въ Сѵнодѣ при разсужденіи объ этомъ дѣлѣ; но, прочитавъ Сѵнодскій протоколъ 13/18 Февраля, онъ сообщилъ Оберъ-Прокурору свое мнѣніе, которое, отъ слова до слова, слѣдующее. „По болѣзни моей, я не могъ принять личнаго участія въ расмотрѣніи, поступившаго въ Святѣйшій Сѵнодъ, дѣла объ оказавшемся здѣсь *искаженномъ и нечестивомъ* переложеніи учительныхъ и пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта, изданномъ въ тайнѣ и распространенномъ посредствомъ литографированія; но, по особенной важности случая, вмѣняю себѣ въ обязанность, собравъ на одрѣ болѣзни остатокъ силъ, сообщить Вашему Сіятельству соображенія и мысли, какія внушаютъ мнѣ долгъ моего званія, святость присяги, сыновняя преданность къ нашей древней, отечественной Православной Вѣрѣ и опыты долголѣтняго служенія святой Церкви. При извѣстіи объ упомянутомъ переложеніи, я исполнился душевнаго прискорбія,

какъ потому, что такое злоупотребленіе святынею, очевидно, угрожастъ той чистотѣ, въ которой ученіе вѣры преподавалось въ отечествѣ нашемъ, ограждаемомъ отъ пагубныхъ иноземныхъ суемудрій помощью Божіею и попеченіемъ благочестивѣйшаго Государя Императора, такъ и потому, что такое злокачественное посягательство явилось отъ имени и посреди духовнаго юношества, отъ котораго мы ожидаемъ вѣрныхъ и усердныхъ пастырей и служителей Церкви, воспитывающей ихъ своими трудами и пожертвованіями. Разсматривая сей случай со всѣхъ сторонъ, я, къ великому прискорбію, усматриваю въ немъ горестное послѣдствіе тѣхъ, ложныхъ на счетъ употребленія слова Божія, понятій, которыя, бывъ нѣкогда занесены къ намъ иновѣрцами и увлекши умы нѣкоторыхъ у насъ, угрожали Іерархіи—подрывомъ во власти, народу—воспитаніемъ въ немъ обольстительнаго, но вмѣстѣ и гибельнаго, чувства независимости отъ Церкви, Православію—испроверженіемъ коренныхъ началъ его; ибо, по ученію Православной Церкви, Священное Писаніе предано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей, и уже чрезъ нихъ народу. Зловредныя мнѣнія, пресѣченіе коихъ требовало великихъ усилій отъ истиннаго усердія къ Церкви [1]), возродившись нынѣ и явившись во всемъ своемъ безобразіи, на самомъ опытѣ показали, какъ глубоко вкореняются и съ какимъ трудомъ врачуются подобные недуги. *Нечестивое* преложеніе Священнаго Писанія тѣмъ больше возбуждаетъ негодованіе и скорбь, что оно явилось тогда, когда Православная Церковь наша такъ недавно еще одними истинами своего неповрежденнаго ученія возвратила къ себѣ милліоны отпадшихъ чадъ [2]), когда начинаютъ вразумляться и другіе, погрѣшительно укоряющіе насъ въ допущеніи перемѣнъ, и когда Церковь наша съ утѣшеніемъ видитъ возрастающимъ благочестивое

---

[1]) Разумѣется запрещеніе Библейскихъ Обществъ въ Россіи.

[2]) Разумѣется возсоединеніе Уніатовъ съ Православною Церковію, послѣдовавшее въ 1839-мъ году.

чувство въ народѣ, возбужденное примѣромъ благочестія въ Государѣ.“

Митрополиты—Московскій и Кіевскій не знали объ этомъ мнѣніи Митрополита Серафима, сообщенномъ имъ Оберъ-Прокурору Св. Сѵнода.—Между тѣмъ, въ связи съ дѣломъ о переводѣ Г. П. Павскаго, „какъ-то въ частной дружеской бесѣдѣ двухъ Митрополитовъ (Кіевскаго и Московскаго) зашла рѣчь о неясности и невѣрности въ разныхъ мѣстахъ Славянскаго перевода Библіи. Разсуждая, какъ бы поправить важнѣйшія ошибки и неточности, не ожидая новаго переложенія, они пришли къ такому заключенію, что можно—гдѣ присовокупить истолкованіе, гдѣ замѣнить непонятное слово и неправильное выраженіе инымъ словомъ и выраженіемъ, гдѣ пояснить смыслъ въ краткомъ, перечневомъ содержаніи въ оглавленіи той, или другой книги.“ Узналъ объ этомъ разговорѣ и Оберъ-Прокуроръ. Онъ является къ Филарету Московскому и спрашиваетъ его: „справедливъ ли дошедшій до него слухъ?“—Митрополитъ Филаретъ передалъ случившійся разговоръ слово въ слово. Тогда Оберъ-Прокуроръ спросилъ: „не рѣшится ли онъ дать ему записку о такомъ важномъ вопросѣ, чтобы самому въ него вдуматься и оцѣнить мнѣніе двухъ старшихъ Членовъ Сѵнода?“—„Охотно, сказано въ отвѣтъ; я не отрекусь отъ своихъ словъ и, что говорилъ Вашему Сіятельству, тоже скажу и на письмѣ“ [1]). Вслѣдствіе этого разговора, Московскій Митрополитъ Филаретъ изложилъ свои мысли въ запискѣ и, 28 Февраля, препроводилъ ее къ Графу Н. А. Протасову“.

Получивъ записку и провѣривъ, между тѣмъ, разсказъ одного Митрополита разсказомъ другаго (Кіевскаго), Графъ Н. А. Протасовъ долженъ былъ поговорить объ ней и Первоприсутствующему Серафиму. Потомъ, съ его словъ, велѣлъ, для соблюденія канцелярской тайны, въ

---

[1]) Смотр. въ запискахъ г. Сушкова объ увольненіи Кіевскаго и Московскаго Митрополитовъ въ епархіи, въ *Чтеніяхъ въ Обществѣ Ист. и Древн. Росс.* 1869 г. кн. IV, Смѣсь, стр. 184.

своей Канцеляріи написать отъ него къ себѣ отношеніе въ томъ смыслѣ, что нельзя допустить никакихъ толкованій на Священное Писаніе [1]). Отношеніе Митрополита Серафима къ Графу Протасову подписано 4 числ. Марта.

Графъ Протасовъ предложилъ о содержаніи этого отношенія Святѣйшему Суноду. При этомъ, однакожъ, никакихъ разсужденій не было. Московскій Митрополитъ полагалъ, что, за несогласіемъ Первоприсутствующаго съ мыслями двоихъ изъ Членовъ Сунода, предположеніе ихъ само собою уничтожилось. Между тѣмъ Оберъ-Прокуроръ доложилъ объ этомъ Государю, какъ о разногласіи, происшедшемъ между членами Сунода.

„16 Марта онъ объявилъ Святѣйшему Суноду, что бумаги эти, вмѣстѣ съ отношеніемъ преосвященнаго Митрополита Кіевскаго и протоколомъ Святѣйшаго Сунода $^{13}/_{18}$ Февраля, представлялъ онъ на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора, и что Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ утвердить сказанное опредѣленіе и вполнѣ одобрить мнѣніе Митрополита Серафима; съ прискорбіемъ же усматривая изъ настоящаго случая виновность духовныхъ начальствъ—въ недосмотрѣ, или въ допущеніи столь пагубнаго направленія, вмѣстѣ съ симъ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы со всею строгостію дознано было и донесено Его Величеству,—кто именно между начальствующими и вообще изъ духовенства виновенъ въ соучастіи по сему дѣлу, и въ какой степени, и чтобы Святѣйшій Сунодъ, согласно съ мнѣніемъ Митрополита Серафима и по прямому долгу своему, усилилъ мѣры къ охраненію книгъ Священнаго Писанія въ настоящемъ ихъ видѣ *неприкосновенно* и къ утвержденію всего воспитанія духовнаго юношества на истинныхъ началахъ нашего древняго Православія, посредствомъ скорѣйшаго преподанія правильныхъ къ тому руководствъ.

---

[1]) *Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн Росс.* 1869 г. кн. IV, Смѣсь, стр. 185. Другіе составленіе этого отношенія приписывали тогдашнему Ректору С.-Петербургской духовной Академіи, Архимандриту Аѳанасію (Дроздову). Впрочемъ одно другому не противорѣчитъ.

„При подписаніи протокола о выслушаніи Высочайшаго отзыва, Филаретъ Кіевскій настаивалъ, чтобы въ протоколъ была введена справка о томъ, что въ Сунодѣ не было сужденія объ исправленіи Славянской Библіи,—что разговоръ объ этомъ былъ въ частной бесѣдѣ двухъ товарищей на дому,—что если затѣвать дѣло, такъ надобно прежде предложить возбужденный вопросъ Присутствію, отобрать мнѣніе всѣхъ Членовъ и тогда уже пойти съ докладомъ къ Императору". „Не менѣе того. отпрашиваясь на лѣто въ свою епархію, онъ кротко, но твердо высказалъ всю свою правду Оберъ-Прокурору, т. е. что лучше было бы провести это дѣло чрезъ Сунодъ. „Что жъ, вы развѣ не вернетесь въ Сунодъ?"—„Прикажетъ Государь—не могу ослушаться. А самъ по себѣ не вернулся бы".—„Почему?" „Потому что такъ дѣла вести нельзя и опасно. Я не устрашусь, если бы меня и вовсе уволили отъ каѳедры,—но я страшусь за послѣдствія подобныхъ дѣйствій, которыхъ не желалось бы, и отъ которыхъ избавить силенъ, всеконечно, Единъ токмо Верховный Кормчій Своей Св. Церкви—Господь Іисусъ Христосъ" [1]).

„Вслѣдъ затѣмъ составлена была *Коммиссія, учрежденная для истребованія объясненій отъ Протоіерея Г. П. Павскаго.* Коммиссію составляли Митрополиты—Кіевскій и Московскій и самъ Графъ Протасовъ.

„Но Кіевскій Митрополитъ Филаретъ, вскорѣ же подалъ прошеніе объ увольненіи его въ Епархію.—16 Апрѣля Графъ Протасовъ предложилъ Святѣйшему Суноду о Высочайшемъ соизволеніи на увольненіе преосвященнаго Филарета въ Кіевъ къ исполненію, лежащихъ на немъ по епархіальному управленію, обязанностей. Филаретъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга 3-го Мая; но съ 16 Апрѣля уже не принималъ участія въ Коммиссіи [2]).

---

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1869 г. кн. IV. Смѣсь, стр. 185.

[2]) Трудно сказать. замѣчаетъ Авторъ Исторіи перевода Библіи, было-ль это отбытіе Кіевскаго Митрополита въ свою епархію, до окончанія сдѣланнаго Коммиссіи порученія, случайностью, или дѣй-

Обязанности его возложены были на вызваннаго въ С.-Петербургъ къ притутствованію въ Св. Сунодѣ Рязанскаго Архіепископа Гавріила (товарища Г. П. Павскаго по Академіи).

„Московскій Митрополитъ Филаретъ и Рязанскій Архіепископъ Гавріилъ, разсмотрѣвъ отвѣты Протоіерея Павскаго, журналомъ 12 Мая, положили: 1) порученіе Святѣйшаго Сунода признать *по возможности* исполненнымъ; 2) отвѣты Протоіерея Павскаго вмѣстѣ съ самымъ журналомъ представить на дальнѣйшее усмотрѣніе Святѣйшаго Сунода.

„Вслѣдъ за этимъ и Митроп. Московскій Филаретъ отправился въ Москву, получивъ Высочайшее соизволеніе на отправленіе къ исполненію, лежащихъ на немъ по епархіальному управленію, обязанностей и уже болѣе никогда не былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ“ [1]). Но къ этимъ свѣдѣніямъ цитуемаго Автора должно присовокупить и то, что читаемъ на страницахъ Русской Старины [2]). „Уѣзжая въ Москву и прощаясь съ братіею Троицкаго въ Петербургѣ подворья, Митрополитъ Московскій Филаретъ *плакалъ*... На него сильно подѣйствовалъ возмутительный образъ дѣйствій Оберъ-Прокурора

ствіемъ, устроеннымъ преднамѣренно: но во всякомъ случаѣ послѣ него Коммиссія стала относиться къ дѣлу мягче и проще сравнительно съ тѣмъ, какъ повела его сначала.—Къ этому примѣчанію Автора Исторіи перевода мы должны присовокупить, что послѣднее (т. е преднамѣренность) было несомнѣнно. Это видно изъ прежде изложеннаго разговора между Филаретомъ и Графомъ, а съ другой стороны—изъ прямыхъ словъ Митроп. Серафима, которыя встрѣтимъ въ своемъ мѣстѣ и которыя относились къ обоимъ Филаретамъ въ томъ именно смыслѣ, что имъ скоро—скоро придется быть спроваженными... Да и самъ Высокопр. Филаретъ прямо высказывалъ, что его *шаркнули* изъ Сунода Наконецъ если Филаретъ Кіевскій выѣхалъ съ полнымъ благодушіемъ и даже съ радостію изъ плѣненія, по его выраженію, *вавилонскаго* во свою сторону *Сіонскую*,—за то сейчасъ увидимъ, что было съ Филаретомъ Московскимъ и что и какъ долженъ былъ чувствовать послѣдній...

[1]) Смотр. въ Исторіи перевода у г. Чистовича.

[2]) Русская Старина Декабрь 1885 г. стран. 498.

(Протасова),—сильно до того, что онъ готовъ былъ удалиться на покой съ оставленіемъ управленія Митрополіею [1]). Властолюбивый Оберъ-Прокуроръ, сломивъ постыднымъ образомъ противодѣйствіе Митр. Филарета въ дѣлахъ Сѵнодскихъ, не оставилъ его и за очно въ покоѣ. Прискорбно даже и говорить, что Графъ Протасовъ въ отсутствіе Митр. Филарета, на Петербургскомъ Троицкомъ подворьѣ сдѣлалъ обыскъ сундуковъ Владыки для дознанія того—„*не заперты ли въ сундукахъ какія либо ереси*“.

И такъ изъ изложенныхъ историческихъ данныхъ читатели сами видятъ,—на сколько, во 1-хъ, прежде приведенныя свѣдѣнія, сообшенныя преосв. Антоніемъ въ его воспоминаніяхъ, совпадаютъ съ этими историческими данными; во 2-хъ, что главное, какихъ былъ высокопр. Филаретъ убѣжденій въ разсматриваемомъ дѣлѣ, каковымъ убѣжденіямъ онъ остался неизмѣнно вѣрнымъ до гроба, (какъ это и засвидѣтельствовано было имъ въ его мнѣніи въ 1856 г. по поводу возобновленнаго вопроса о переводѣ Библіи на Русскій языкъ), и наконецъ въ 3-хъ, читающіе ясно видятъ, что сила положеній и доказательствъ въ послѣднемъ мнѣніи высокопр. Филарета противъ возобновленія перевода (1856 г.) состояла именно въ живыхъ для него историческихъ опытахъ какъ въ переводѣ Библейскаго Общества, такъ и Протоіерея Павскаго, одинаково исходившихъ изъ *мутнаго, ядовитаго и нечестиваго* источника.

Обращаемся къ другому, бывшему почти одновременно [2]) съ дѣломъ по переводу Протоіерея Павскаго. дѣлу по переводу Архимандрита Макарія (Глухарева), бывшаго Миссіонера Алтайскаго [3]).

---

[1]) Читающіе припомнятъ разсказъ Намѣстника Лавры объ устроеніи *Скита на Корбухѣ* и о самомъ состояніи Митр. Филарета въ эту именно описываемую пору...

[2]) Переводъ Архимандрита Макарія выходилъ по частямъ, и появленіе его было отчасти ранѣе перевода Протоіерея Павскаго

[3]) Беремъ часть матеріаловъ изъ той же Исторіи перевода Библіи г. Чистовича, а всѣ прочіе изъ извѣстныхъ намъ данныхъ.

ГЛАВА XXII.

«Ну, ужъ тогда смотрите..! не Макарію только достанется, а и инымъ... Я не скрою предъ Самимъ Государемъ,—откуда вѣтеръ-то дуетъ и кто сыръ боръ-то подпаливаетъ... Такъ ты и скажи Московскому» [1].

„Μαίνῃ;—τὰ πολλά σε γράμματα εἰς μανίαν περιτρέπει“ [2].

Дѣло по переводу Св. Писанія Ветхаго Завѣта на Русскій языкъ, составленному Архимандритомъ Макаріемъ, не имѣло, въ свое время, общеизвѣстности и интереса, какъ дѣло по переводу Протоіерея Павскаго. Причины этому, естественно были въ томъ, что послѣдній переводъ принадлежалъ лицу общеизвѣстному въ Столицѣ, и самое дѣло перевода оказалось въ стѣнахъ Столичной духовной Академіи, и производилось въ секретѣ, открытіе котораго, само собою, и возбуждало болѣе всего любопытства. Самый, наконецъ, результатъ этого дѣла еще болѣе послужилъ къ общеизвѣстности; такъ какъ столь высоко стоявшее лицо,—бывшій въ теченіи пятнадцати лѣтъ Законоучителемъ Наслѣдника

---

[1]) Слова Митрополита Серафима—С.-Петербургскаго, сказанныя лично Филарету Митрополиту Кіевскому по случаю взаимныхъ между ними разсужденій по дѣлу о переводѣ Архимандрита Макарія (Глухарева).

[2]) Слова высокопр. Филарета (Кіевскаго), сказанныя лично Архимандриту Макарію.—По Славянскому переводу эти слова:—Бѣснуешися ли... многія тя книги въ неистовство прелагаютъ. (Дѣян. XXVI. 24).

Престола Александра Николаевича — Протоіерей Г. П. Павскій немедленно же былъ уволенъ отъ своего высокаго поста, хотя, какъ видимъ въ одномъ авторитетномъ свидѣтельствѣ [1]) „по низложеніи его (Павскаго) пріѣзжалъ къ нему его Августѣйшій Ученикъ и со слезами съ нимъ прощался и оставилъ ему въ подарокъ брилліантовый крестъ“. Да и самое немедленное одновременное увольненіе изъ Св. Сѵнода на всегда, бывшихъ главныхъ доселѣ дѣятелей—Членовъ. обоихъ Митрополитовъ Филаретовъ Московскаго и Кіевскаго, какъ разъ въ слѣдъ за окончаніемъ настоящаго дѣла, послужило къ увеличенію той же общеизвѣстности. Дѣло же по переводу Архимандрита Макарія могло оставаться почти въ неизвѣстности для другихъ, кромѣ лицъ, которымъ надлежало его вѣдать,—хотя для послѣднихъ оно составляло сколько важный предметъ, столько же и затруднительный, особливо когда конецъ его совпалъ, какъ разъ, съ текущимъ тогда еще дѣлопроизводствомъ по переводу Протоіерея Павскаго. Въ этомъ отношеніи можно сказать даже, что дѣло по переводу А. Макарія усилило самыя причины, по которымъ произошелъ сказанный результатъ—выбытіе двухъ Митрополитовъ Филаретовъ изъ Св. Сѵнода на всегда. Все это увидятъ читающіе изъ послѣдующаго изложенія настоящаго дѣла.

Прежде всего нужно замѣтить, что Архимандритъ

---

[1]) Это свидѣтельство покойнаго преосв. Леонида, пользовавшагося извѣстностію, Викарія Московскаго и затѣмъ бывшаго Архіепископомъ Ярославскимъ. (Смотр. Воспоминаніе о высокопр. Леонидѣ, Архіеп. Ярославскомъ и Ростовскомъ. Составл. Саввою, бывшимъ Еписк. Харьковскимъ, нынѣ Архіепископъ Тверскій и Кашинскій. Въ особомъ приложеніи,—стр. 23.—Изд. Харьковъ. 1877 г.), Въ своихъ воспоминаніяхъ Преосв. Леонидъ пишетъ, что «онъ зналъ Павскаго, который былъ прежде законоучителемъ въ пансіонѣ, гдѣ обучалась его старшая сестра, и что при немъ было и то, когда пріѣхалъ къ нему придворный лакей и подалъ пакетъ, изъ котораго тутъ же стало извѣстно, что Павскій назначается законоучителемъ къ Наслѣднику Престола. Большой ростъ, но неуклюжій станъ, большое лицо съ рябинами, курчавая голова Павскаго дѣйствовали на меня очень непріятно». Тамъ же, стран. 22—23.

Макарій, бывшій Начальникъ Алтайской Миссіи въ Томской губерніи, велъ свое дѣло слишкомъ смѣло по отношенію къ самому Св. Суноду. Онъ какъ бы не признавалъ и власти послѣдняго надъ собою и надъ начатымъ имъ дѣломъ перевода Св. Писанія Ветхаго Завѣта на Русскій языкъ. Это былъ въ своемъ родѣ чистый фанатизмъ какъ бы до ослѣпленія,—въ силу котораго А. Макарій дерзалъ обращаться даже прямо къ Лицу Государя Императора съ своими прошеніями, или, какъ онъ называлъ ихъ, *„письма на Высочайшее Имя“* [1]), а также и къ свѣтскимъ высокопоставленнымъ лицамъ, разсчитывая на ихъ вліятельное содѣйствіе къ успѣху своего дѣла [2]). Сколько ни интересны были бы хотя нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, по оригинальности и въ содержаніи и самыхъ слововыраженіяхъ, но мы не можемъ излагать ихъ здѣсь въ подлинномъ, хотя и краткомъ, содержаніи [3]), дабы не разширять, и безъ того, простран-

---

[1]) Въ Исторіи перевода Библіи на Русскій языкъ читаемъ: «Архим. Макарій началъ свой переводъ съ книги Іова и, вѣроятно, потому, что Библейское Общество довело свой переводъ до этой только книги. Слѣдовательно А. Макарій явился продолжателемъ дѣла Библейскаго Общества. Отправляя въ 1837 г. свой переводъ въ Коммиссію дух. училищъ, Макарій послалъ въ тоже время прошеніе, или какъ онъ самъ называетъ его, письмо на Высочайшее Имя, прося Высочайшаго повелѣнія о разсмотрѣніи перевода его въ Коммиссіи дух. училищъ и объ изданіи его на суммы Коммиссіи» Въ этомъ пространномъ прошеніи, или письмѣ замѣчательно напр. одно то, что выраженіе: «Всемилостивѣйшій Государь, Всемилостивѣйшій Государь употреблено въ началѣ почти каждаго пункта, такъ что выходитъ по счету около десяти разъ —«Затѣмъ въ 1839 г Архим. Макарій представилъ Государю переводъ книги Прор. Исаіи также съ прошеніемъ, или письмомъ. И полагая, что первое его письмо на Высочайшее Имя *по обстоятельствамъ затерялось* (?), или что *множество дѣлъ не оставляло Его Величеству досуга* на то, чтобы прочитать его,—Макарій «счелъ за нужное, по важности истинъ, изображенныхъ въ томъ письмѣ, снова представить списокъ съ него Государю»...

[2]) Въ этомъ родѣ онъ писалъ въ особенности къ Князю Голицыну.

[3]) Для примѣра выписываемъ одно мѣсто изъ письма на Вы-

наго нашего изложенія. Скажемъ лишь то, что собственно относится къ личному участію высокопр. Филарета въ этомъ дѣлѣ.

„Владыка—дядя въ нерѣдкихъ своихъ воспоминаніяхъ, говорилъ намъ преосв. Антоній, выражался такъ между прочимъ, что. по поводу этого дѣла, ему приводилось быть, какъ говорится, между двухъ огней, а съ тѣмъ вмѣстѣ бывать, по пословицѣ, послѣ чужаго пира въ похмѣльѣ. „Владыка-де Московскій, говорилъ онъ. не вполнѣ себя выдерживалъ, а, видимо, мирволилъ Макарію... Это было отчасти и естественно съ его стороны потому, что Макарій (въ мірѣ Михаилъ Яковлевъ Глухаревъ) обучался въ Академіи (Петербургской) при Рек-

---

сочайшее Имя, чтобы читающіе могли видѣть дѣйствительную въ своемъ родѣ фанатичность, или что-то похожее на это состояніе по самой оригинальности въ слововыраженіяхъ писавшаго. «Всемилостивѣйшій Государь! Нѣтъ возможности воспроизвесть въ Россіи Римскую церковь св. Петра; но Ваше Величество можете изъ чистѣйшихъ, дражайшихъ веществъ Россійскаго слова создать словесный храмъ Премудрости Божіей въ такой прочности, правильности и точности, въ такомъ вкусѣ, въ такомъ великолѣпіи и изяществѣ, что онъ будетъ выше всего великаго и прекраснаго въ мірѣ, будетъ истинною славою Православія нашей Церкви предъ лицемъ всѣхъ церквей, будетъ вѣчною, неувядаемою, любезною Богу и человѣчеству славою Вашего царствованія и веселіемъ неба.— Ваше Величество можете совершить сіе святое зданіе, столь торжественно начатое и столь высоко возведенное въ царствованіе Александра Благословеннаго. Токмо Ваше слово Царское изречете, и Россійская Библія явится во всей полнотѣ и красотѣ своей; и послѣ Божественнаго оригинала, который можетъ только одинъ быть, Россійская Библія будетъ первою и превосходнѣйшею въ христіанствѣ, потому что само Провидѣніе Божіе даруетъ намъ, какъ бы въ добычу, опыты, успѣхи, немощи и древнихъ и новѣйшихъ вѣковъ въ испытаніи святыхъ Писаній; и сіе есть знаменіе особеннаго благоволенія Божія въ Россійской Церкви, вѣнецъ чести. который ей предназначенъ и принадлежитъ, и который впрочемъ легко можетъ предвосхитить другая церковь, напримѣръ, *великобританская,* (?) когда ускоритъ, для успѣховъ царствія Божія въ человѣческомъ родѣ, подарить Россіи полную Библію на чистомъ Россійскомъ нарѣчіи. «Поспѣшайте дѣлать добро, говаривалъ намъ безсмертный Суворовъ»... (Смотр. въ Исторіи перевода Библіи, соч. г. Чистовича Христ. Чтеніе 1872 г. Сентябрь, стран. 14—15.

торствѣ Филарета, который и тогда имѣлъ къ нему особенную благосклонность [1]) по его отличнымъ дарованіямъ и успѣхамъ, и, между прочимъ, *въ изученіи Еврейскаго языка*, въ чемъ отличался онъ какъ и Павскій, воспитанникъ 1-го академическаго курса и назначенный на каѳедру этого языка. У Павскаго-то Глухаревъ особенно и успѣвалъ въ изученіи *Еврейскаго языка*, а началоположникомъ изученія этого языка былъ самъ Филаретъ, составившій тогда же извѣстныя „Записки на Книгу Бытія“ на основаніи почти исключительно языковѣдѣнія Еврейскаго. Это было отчасти и при мнѣ, говорилъ Владыка, при моемъ Инспекторствѣ въ С.-Петербургской Академіи, и я не скрываюсь, что мнѣ тогда же сдавалось что-то не ладное въ столь усиленномъ проведеніи этого научнаго элемента, равно какъ и въ самыхъ Запискахъ на Книгу Бытія у меня проявлялись взгляды на нѣчто, не подходящее къ духу и характеру самопервѣйшей книги Божественнаго Откровенія.—Но тогда не мое было дѣло... *я малъ бѣхъ въ братіи*... хотя не даромъ же эти *Записки* вмѣстѣ *съ Катихизисами* Филарета Московскаго одинаково подвергались опалѣ и временному запрещенію“.

„Потому-то, продолжалъ Владыка, когда началась своего рода исторія (въ 1837—39 г.) по поводу перевода Алтайскаго Макарія, сдѣланнаго имъ на нѣкоторыя книги В. З. и когда онъ выказалъ себя крайне рѣзкимъ въ своихъ настояніяхъ относительно всенепремѣнной и неотложной потребности въ переводѣ всей Библіи на Русскій языкъ, и когда это дѣло перешло въ вѣдѣніе Св. Сѵнода, гдѣ главными дѣятелями приводилось быть тогда попреимуществу намъ двоимъ съ Митрополитомъ Филаретомъ, тогда-то мнѣ, какъ говорится, отрыгнулось все прежде извѣстное по части пресловутаго гебраизма...

---

[1]) Въ Исторіи разсматриваемаго перевода Архим. Макарія (Смотр. Христ. Чтеніе, Сентябрь, 1872 г. стр. 3) дѣйствительно читаемъ: «Къ Макарію Филаретъ (Москов) сохранилъ пріязнь до самаго конца его жизни».

Зная, однако, на сколько глубоко проникнутъ самъ Владыка Московскій этимъ гебраизмомъ,—я воздерживался всячески, чтобы не высказать чего лишняго.—Впрочемъ Владыка Московскій, видимо волей не волей, относился къ моимъ взглядамъ и сужденіямъ съ довѣренностію. Первенствующій же Членъ Митрополитъ Серафимъ не только былъ однихъ со мною мнѣній, но онъ прямо называлъ этотъ переводъ *реставраціею нечестиваго перевода Библейскаго Общества* и страшнымъ образомъ вознегодовалъ на виновника дѣла—Макарія. Негодованіе это, въ своей мѣрѣ, онъ питалъ и выражалъ, не рѣдко заочно тоже весьма сильно, и на Московскаго Митрополита, а нераздѣльно съ нимъ и на меня, подозрѣвая, перваго въ прямой неискренности и какъ бы въ укрывательствѣ своихъ дѣйствій по отношенію и къ Макарію и его *нечестивому* предпріятію, а меня будто бы въ содѣйствіи въ этомъ укрывательствѣ, или какъ бы въ двусмысленномъ съ моей стороны посредничествѣ между нимъ—Серафимомъ и Московскимъ. Всѣ эти личныя отношенія Митрополита Серафима къ намъ обоимъ еще болѣе усилились, когда, какъ на грѣхъ, подкатилъ самъ Алтайскій Макарій въ Петербургъ, испросивши на это разрѣшеніе для излѣченія какой-то его болѣзни. Митрополиту Серафиму это показалось подозрительнымъ, да и со стороны, какъ оказывалось, ему проводили прямую мысль, что прибытіе Архим. Макарія имѣло цѣлью то, чтобы дать направленіе дѣлу по переводу имъ Библіи въ пользу его, о чемъ самъ Макарій лично всюду заискивалъ содѣйствія со стороны лицъ свѣтскихъ, высокопоставленныхъ и вліятельныхъ въ Петербургѣ, и Сѵнодскихъ.—Правда Макарія-то скоро угомонили по опредѣленію Св. Сѵнода; но такъ какъ въ эту же пору выступило новое дѣло по переводу Павскаго, то, по тожеству и совмѣстности этихъ двухъ дѣлъ, Митроп. Серафимъ окончательно сталъ не примиримымъ ни съ чьими взглядами и разсужденіями и, главное, съ нашими. Потому и оставалось одно—убираться по добру по здорову *во свояси...*

Отъ этихъ воспоминаній обратимся на время къ

оффиціальному ходу дѣла, именно къ тому, чѣмъ, какъ выразился высокопр. Филаретъ, *угомонили* Архимандрита Макарія.—Не касаясь самого значенія перевода, подвергавшагося впрочемъ разсмотрѣнію Конференціи Академіи, и оказавшагося не выдержавшимъ критики, все дѣло въ Св. Сунодѣ было направлено и сведено къ тому, чтобы воздѣйствовать на самаго виновника возбужденнаго дѣла—Макарія властію и судомъ церковнымъ. По этому опредѣленіе Св. Сунода (11 Апрѣля 1841 г.) состоялось слѣдующее [1]): 1) что Архимандритъ Макарій, употребляя предъ Святѣйшимъ Сунодомъ настояніе о продолженіи перевода Священнаго Писанія на Русское нарѣчіе, преступаетъ предѣлы своего званія и своихъ обязанностей, и тѣмъ болѣе, что входитъ въ сужденія, несогласныя съ рѣшеніемъ, уже принятымъ по сему предмету Высшею властію; 2) что не осмотрительная ревность его основывается на погрѣшительномъ мнѣніи, будто Церковь Россійская не имѣетъ всего Священнаго Писанія на природномъ нарѣчіи Россійскаго народа, тогда какъ она имѣетъ оное на природномъ Славяно-русскомъ языкѣ, который употребляется и въ церковномъ Богослуженіи, и на которомъ и простолюдины Священное Писаніе читаютъ и разумѣютъ, и нѣкоторые даже охотнѣе читаютъ, нежели въ переводѣ на ново-русское нарѣчіе; 3) что разсужденія Архимандрита Макарія, въ которыхъ онъ разныя бѣдствія представляетъ какъ бы наказаніемъ за не исполненіе его мысли—преложить все Священное Писаніе на новое Русское нарѣчіе, сколько неосновательны и нелѣпы, столько же не сообразны и съ должнымъ повиновеніемъ къ постановленной отъ Бога власти и съ духомъ смиренія, въ противность которому онъ поставилъ себя не призваннымъ истолкователемъ Судебъ Божіихъ; и потому Преосвященному Томскому поручить—вызвать Архимандрита Макарія въ архіерейскій домъ и, вразумивъ его о вышесказанномъ, внушить ему,

---

[1]) Смотр. Исторію перевода Библіи въ Христ. Чтеніи. 1872 г. Сентябрь, стран. 37, 38, 39.

что онъ за свой дерзновенный и нетерпимый поступокъ подлежалъ бы строгой отвѣтственности, по силѣ 55 правила Святыхъ Апостолъ, если бы Св. Сунодъ не взиралъ на него съ снисхожденіемъ, по уваженію къ людямъ, которымъ онъ приноситъ и еще можетъ принести пользу миссіонерскимъ своимъ служеніемъ. Для таковаго вразумленія удержать его въ архіерейскомъ домѣ отъ трехъ до шести недѣль, смотря по надобности, и для очищенія совѣсти его отъ поступка, не сообразнаго съ смиреніемъ и съ долгомъ подчиненности, назначить ему молитвенную эпитимію съ поклонами по силѣ и по усмотрѣнію Преосвященнаго. Затѣмъ отпустить его къ мѣсту служенія съ подтвержденіемъ, чтобы, данныя Богомъ, способности и время употреблялъ на то служеніе, къ которому Богомъ же чрезъ власть Церковную призванъ, и котораго вѣрное прохожденіе должно оправдать его предъ Богомъ и начальствомъ. Сіе служеніе призываетъ его къ переводу Священнаго Писанія не на Русское нарѣчіе, а на языкъ инородцевъ, которымъ онъ проповѣдуетъ“.

Въ промежутокъ этого времени Архим. Макарій, какъ сказано выше, самъ пріѣхалъ въ Петербургъ и пробылъ около года. О дѣйствіяхъ его во все это время въ оффиціальномъ отношеніи желающіе знать увидятъ въ Исторіи перевода Библіи [1]). Мы же обращаемся къ нашимъ мемуарамъ, при которыхъ будемъ, однако, дѣлать указанія и на историческія данныя,—чрезъ что тѣ и другія будутъ рельефнѣе иллюстрировать ходъ дѣла. Факты-же, которые мы будемъ приводить, получены нами въ самыхъ откровенныхъ разсказахъ отъ извѣстнаго Андрея Николаевича Муравьева [2]), находившагося всег-

---

[1]) Смотр стр. 29—34.

[2]) Личное знакомство мое (пишущаго) съ А. Н. Муравьевымъ началось съ 1857 г., когда я былъ еще свѣтскимъ. Находясь въ Петербургѣ около двухъ мѣсяцевъ, я жилъ, по благословенію высокопр. Филарета Московскаго, на Троицкомъ Подворьѣ, гдѣ въ покояхъ Митрополита жилъ А. Н. М. Высокопр. Митроп. Фила-

да, какъ и въ описываемую пору въ самыхъ близкихъ искреннихъ отношеніяхъ ко всѣмъ тремъ Митрополитамъ—Серафиму и обоимъ Филаретамъ [1]).

Въ бытность мою въ Кіевѣ въ 1867 г., собственно для собиранія матеріаловъ для біографіи высокопр. Филарета, Андрей Ник. Муравьевъ, проживавшій въ Кіевѣ, при первомъ свиданіи моемъ съ нимъ, распросивши у меня,—какіе, откуда и сколько могъ я собрать матеріаловъ, сказалъ: „ну вотъ и я не хочу быть въ долгу, чтобы не повѣдать вамъ, что я знаю лично самъ о приснопамятномъ великомъ Іерархѣ". Послѣ нѣкоторыхъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній, которыя были, впрочемъ, от-

---

ретъ самъ рекомендовалъ меня ему собственноручнымъ письмомъ А. Н. съ своей стороны пожелалъ лично приблизить меня къ себѣ. Сближеніе это тѣмъ болѣе утвердилось, что въ эту пору А. Н. велъ извѣстную полемическую переписку съ вѣроотступникомъ Княземъ Гагаринымъ, перешедшимъ въ католичество и находившимся въ Римѣ въ самомъ Ватиканѣ. А. Н собственноручно писалъ обыкновенно такъ неразборчиво, что и самъ не могъ прочитывать написаннаго имъ. Потому онъ всегда просилъ меня помогать ему—именно писать подъ его диктовку. Велось это дѣло, впрочемъ, и такъ: А. Н. бывало цѣлый часъ и болѣе проговоритъ во всей логической строгости, или какъ будто изложитъ на бумагѣ свои мысли, а я, съ карандашемъ въ рукѣ, успѣвалъ, хотя намеками, записывать теченіе рѣчи... Потомъ въ своей комнатѣ излагалъ на перегнутыхъ въ половину листахъ... Изложенное мною я прочитывалъ ему, и онъ тутъ же или дополнялъ, или измѣнялъ. Послѣ переписки на бѣло особымъ писцомъ, отдѣлы переписки своей А. Н. каждый разъ отправлялъ въ Москву, для предварительнаго прочтенія, высокопр. Митрополиту Филарету.

[1]) Митрополиты желали и чаяли было, что, послѣ Оберъ-Прокурора Нечаева, будетъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ именно Андрей Н. Муравьевъ... Но совершенно нежданно для всѣхъ опредѣленъ былъ Графъ Протасовъ, бывшій тогда не болѣе, какъ въ чинѣ Полковника Гвардіи.—Высокопр. Филаретъ (Кіевскій) сказалъ по этому поводу: «ну вотъ тебѣ... избавились отъ Нечаева, а тутъ новая нечаянность... Новый—то Оберъ-Прокуроръ Протасовъ какъ бы не *протасовалъ* насъ по своему... и тогда *послѣдняя* будутъ горша первыхъ. Эти слова оказались какъ бы пророчественными... Это сообщилъ мнѣ А. Н. Муравьевъ, слышавшій отъ Митроп. Іоны—Члена Св. Сунода.

части мнѣ уже извѣстны, А. Н. заинтересовалъ меня именно тѣми, которыя прямо относятся къ излагаемому дѣлу—о переводѣ о. Макарія. „Я увѣренъ, примолвилъ А. Н.,—что то, что я вамъ теперь сообщу, вы ни откуда не получите. Это происходило чисто келейнымъ образомъ.—Въ 1839 г. прибылъ въ Петербургъ Алтайскій миссіонеръ Архим. Макарій, извѣстный, между прочимъ, гебраистъ и рьяный ревнитель перевода всей Библіи на Русскій языкъ [1]), который еще ранѣе представилъ свой переводъ на нѣкоторыя книги В. З., сдѣланный имъ съ Еврейскаго языка. Надобно вамъ сказать, для ясности и полноты моего разсказа, что Митроп. Петербургскій Серафимъ послѣ, только-что угомонившейся, исторіи о подобномъ же переводѣ Библейскаго Общества, (о чемъ, можетъ быть, вамъ извѣстно), не могъ слышать безъ взрыва страшнаго негодованія о какомъ бы то ни было переводѣ Библіи на Русскій языкъ. Когда прибылъ въ Петербургъ Макарій, то Митроп. Серафимъ не только приказалъ не допускать его и до крыльца, но грозилъ, что вышлетъ его изъ столицы съ жандармами. Въ извѣстное время прибыли въ Петербургъ, по званію Членовъ Сунода, Митрополиты Московскій и Кіевскій. Макарій проживалъ, по благословенію Московскаго Митрополита, на Троицкомъ подворьѣ и, что было ясно, пользовался его благоволеніемъ по сочувствію къ самымъ трудамъ его по переводу. Митрополитъ Московскій, какъ извѣстно, самъ глубокій знатокъ Еврейскаго языка и поклонникъ его, что особенно выразилось въ его самомъ ревностномъ участіи въ дѣлахъ Библейскаго Общества, именно, по переводу Библіи на Русскій языкъ, и чѣмъ онъ тогда уже навлекъ на себя сильное недовольство Митроп. Серафима. Въ разсматриваемое время случилось мнѣ быть вечеромъ у Митрополита Серафима. Прибытію моему онъ какъ бы обрадовался. И первыя его слова

---

[1]) Въ эту пору—именно съ 1860 по 1867 г.г. былъ уже оконченъ печатаніемъ въ Православномъ Обозрѣніи переводъ Арх. Макарія съ Еврейскаго языка на Русскій всѣхъ книгъ Пророческихъ, и другихъ.—Смотр. Христ. Чт. Сентябрь. 1872 г. стран. 49.

были: „ну вотъ добро пожаловать... какъ нельзя лучше кстати... Если не *при двою свидѣтельхъ*, то и при одномъ *станетъ всякъ глаголъ*... Я сегодня позвалъ къ себѣ Кіевскаго,—и онъ долженъ быть скоро... А впрочемъ, чтобы было *при двою свидѣтельхъ*, то поди-ка прикажи моимъ (слугамъ), чтобы позвали сюда и Іону [1]). Пока еще не прибыли званные. маститый Первосвятитель не выдержалъ... „Вотъ увидишь, зачѣмъ я ихъ звалъ. Вѣдь ты знаешь дѣло о Макаріи,—этомъ безумномъ фанатикѣ и по просту пройдохѣ... А вотъ Московскій-то что сдѣлалъ... чистое пристанодержательство... Этотъ пройдоха клянчилъ себѣ отпускъ на прибытіе въ Петербургъ ради поправленія зрѣнія... а смотри-ка, что онъ дѣлаетъ... Мнѣ сообщилъ N, что онъ, какъ докучливая ворона, постоянно залетаетъ во многіе большіе и высокіе хоромы... Ну, ужъ если на то пойдетъ, то я знаю, что и какъ сдѣлать...“—Я старался возможно успокоить Митрополита, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, могъ высказаться спокойнѣе по существу самаго дѣла предъ ожидавшимися званными Митрополитами. При этомъ я сказалъ:—Вашему Высокопреосвященству слѣдовало бы, кажется, пригласить и Владыку Московскаго для общаго собесѣдованія... но этимъ чуть было не испортилъ все дѣло. Старецъ—Первосвятитель просто вспылилъ...—„Ты у меня вотъ что: молчи, да только слушай...“ Минуты черезъ двѣ видимо успокоившись, сказалъ: ты самъ-то видѣлъ Макарія гдѣ нибудь и говорилъ съ нимъ?! Да, отвѣтилъ я, у Владыки Московскаго,—да еще у Т. Б. Потемкиной, гдѣ, сказать по правдѣ, Макарій показался и мнѣ какимъ-то своеобразнымъ, какъ высказывалась объ немъ и Т. Б. [2]).

---

[1]) Іона—Митрополитъ, бывшій Экзархъ Грузіи, былъ Членомъ Сѵнода и проживалъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

[2]) Татьяна Борисовна Потемкина много благодѣтельствовала Алтайской Миссіи, что продолжалось и до послѣдующаго времени. Я самъ, служивши въ Томскѣ въ 1860—61 г., лично зналъ о присылаемыхъ ею пожертвованіяхъ собственно въ пользу новокрещаемыхъ,—особенно лицъ женскаго пола и дѣтей.

Прибыли ожидавшіеся Митрополиты. Владыка видимо пришелъ въ спокойствіе. „Ну, подумалъ я, послѣ минутнаго затишья не быть бы сугубой бурѣ!. Оба Митрополита явились вмѣстѣ потому, что Филаретъ завернулъ сначала къ Митрополиту Іонѣ, чтобы нѣсколько минутъ вздохнуть; и тутъ узналъ, что и самого Іону только что позвали къ Серафиму. „Зачѣмъ бы это, спрашивали они другъ друга"?!—Іона въ простотѣ сердца говорилъ: вѣроятно на чай; вѣдь Старцу скучно бываетъ, какъ онъ самъ мнѣ частенько говоритъ. Филаретъ же сказалъ: „ну... а мнѣ сдается, не на чай только, а и на пуншъ съ ромомъ, т. е. *съ громомъ* [1]).

„Принявъ спокойно явившихся и приказавши тотчасъ же подать чай, Митр. Серафимъ обратился съ вопросомъ къ Филарету: „а что вашъ (разумѣя обоихъ Филаретовъ) пришлецъ—*блаженный* (Макарій [2]), или точнѣе блаженствующій (т. е. юродствующій), или просто—*блажной*, съ которымъ и ладу нѣтъ?! „Я не знаю почти ничего лично объ немъ", отвѣтилъ Филаретъ.—Какъ не знаешь? вѣдь онъ на Троицкомъ (подворьѣ) у Московскаго, гдѣ у васъ общее сходбище... Да я тебѣ, помнится, прямо говорилъ, чтобы ты передалъ Московскому.., что я посмотрю, подожду.., да пожалуй сдѣлаю предложеніе въ Сунодѣ о высылкѣ Макарія съ жандармами... Или вы хотите, чтобы я исполнилъ это самымъ дѣломъ?! Слушай же и знай, что я говорю это въ послѣдній разъ и передай немедленно Московскому... А чтобы онъ понялъ вполнѣ, то напомни ему 23-й и 24-й годы... Ты тогда еще здѣсь не былъ, но ты знаешь, въ чемъ дѣло;—ты, я знаю, писалъ ему еще изъ Калуги по этому поводу. Помнится, ты,-было обращеніе ко мнѣ (А. Н.),—передавалъ мнѣ содержаніе письма его къ Московскому, которое мнѣ тогда понравилось и имѣло

---

[1]) Это мнѣ передалъ самъ Владыка Филаретъ, говорилъ А. Н.. на другой же день, на который пригласилъ меня онъ при нашемъ разставаньѣ, при выходѣ отъ Митрополита Серафима.

[2]) Макарій—слово греческое—значитъ *блаженный*.

вліяніе; да я и самъ тогда всячески содѣйствовалъ къ его успокоенію [1]). А потомъ, когда миновала бѣда, и онъ снова сталъ на сторону Библейскаго Общества,— тогда, (когда въ 1826 г. онъ прибылъ въ Петербургъ), я сказалъ ему свой ультиматумъ [2]). А теперь опять на-ко вотъ что?! Давно ли только подавили проклятую гидру *чужеродную* (разумѣлось Библейское Общество) и теперь воздымаетъ голову *своеродная?!* Рѣчь пока шла все спокойно; были паузы, каждый пилъ чай.—Послѣ первой чашки, Митрополитъ Серафимъ опять къ Филарету: такъ вотъ смотри же:—при *двою свидѣтелѣхъ станетъ всякъ глаголъ*—помни, что я тебѣ говорю теперь... и Старецъ опять было началъ повторять прежнія слова. Надобно замѣтить (говорилъ А. Н.), что у Серафима отъ глубокой старости была крайняя забывчивость, и особенно когда онъ бывалъ въ тревожномъ состояніи;—эта забыв-

---

[1]) Здѣсь разумѣется исторія о Катихизисахъ Филарета Москов. (въ 1823—24 г.), имѣвшая съ тѣмъ вмѣстѣ непосредственную связь съ Исторіею перевода Библейскаго Общества... о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Въ Исторіи г. Чистовича читаемъ слѣдующее: «Въ Москвѣ, въ бытность Митр. Серафима на Коронаціи (въ Августѣ 1826 г.), было личное объясненіе между нимъ и Филаретомъ Московскимъ. Преосв. Серафимъ (говорилъ Филаретъ въ своихъ воспоминаніяхъ) прежде былъ ко мнѣ расположенъ, а тутъ вышло неудовольствіе изъ-за Катихизиса. Но судя по послѣдующему, надо полагать, что объясненіе ихъ касалось и перевода Библіи. (разумѣется здѣсь переводъ Библ. Общ.) Горячія объясненія Филарета усилили это неудовольствіе. Когда послѣ того (продолжаетъ преосв. Филаретъ) пріѣхалъ я въ Петербургъ, преосв. Серафимъ встрѣтилъ меня такими словами: «если только будешь настаивать на продолженіи перевода Св. Писанія,—я выйду въ отставку»... Это разномыслие, возникшее еще по случаю самаго закрытія Библейскаго Общества, замѣчаетъ г. Чистовичъ, между Митрополитами Серафимомъ и Филаретомъ, продолжалось между ними до самой смерти Митр. Серафима и было поводомъ къ возобновлявшимся нѣсколько разъ жгучимъ объясненіямъ между ними. Ставши разъ на эту дорогу, подъ вліяніемъ въ тому же возбужденій со стороны, Митр. Серафимъ уже не сходилъ съ нея до конца жизни, относясь враждебно ко всѣмъ попыткамъ возобновленія этого дѣла—(т. е. перевода Библіи на Русскій языкъ).—Смотр. Христ. Чтеніе, 1872 г. Май.

чивость была вообще по отношенію къ тому, что было недавно, хотя бы даже наканунѣ.., за то удивительнѣйшая была у него памятливость къ давно бывшему; когда онъ говорилъ о послѣднемъ, то рѣчь его была во всей пунктуальной точности вѣрною бывшимъ фактамъ и даже документамъ. Причиною, усиливавшею забывчивость Старца по отношенію къ текущимъ даннымъ, служила и глухота его, не дозволявшая ему, очевидно, выслушивать и усвоять все содержаніе ему передаваемаго, а потому и ускользавшаго такъ скоро изъ его памяти. Эта же глухота въ частности возбуждала въ немъ и частые порывы вспыльчивости, хотя бы минутной..; выслушивая что либо отрывочно, онъ вдругъ отъ одной фразы какой либо заключалъ къ цѣлому,—что случалось и при слушаніи дѣлъ въ Сѵнодѣ [1]). Эту глухоту свою онъ однако старался прикрывать, а память свою на оборотъ—выказывать [2]).—

---

[1]) Вотъ, между прочимъ, фактъ, который видимъ въ запискахъ бывшаго Енисейскаго Епископа преосв. Никодима... Поступило въ Сѵнодъ дѣло съ рецензіями магистерскихъ сочиненій Московской Академіи, данными Преосв. Кирилломъ весьма рѣзкими, такъ что всѣ Члены изумились, а Филаретъ Московскій раздражался.—Пріѣхавши изъ Сѵнода, Преосв. Кириллъ разсказалъ мнѣ все это, изумляясь: «Ну, братъ, я сегодня въ Сѵнодѣ вытерпѣлъ такую бурю, какой и не помню въ жизни. Московскій Владыка пришелъ въ великую досаду за замѣчанія мои на сочиненія Московскихъ студентовъ.—Во всю эту сцену прочіе Члены Сѵнода молчали; разглагольствовалъ одинъ Митрополитъ Серафимъ и смѣшилъ собою.—Напримѣръ, о разсужденіи одного студента Преосв. Кириллъ написалъ: «Разсужденіе сіе (о вѣчности мученій) не представляетъ *новыхъ взглядовъ* на этотъ предметъ». Серафимъ не дослышавши подхватилъ: «Благодарю тебя Преосвященный.—Замѣчаніе хорошее... У нихъ вѣдь все новые взляды нынче». Изумились всѣ и свѣтскіе и духовные, а иные улыбнулись». Смотр. стр. 68.

[2]) Относительно этой глухоты высокопр. Митрополита Серафима намъ доводилось слышать разсказъ отъ близкихъ къ томъ времени лицъ, и также отъ преосв. Антонія, вѣроятно, слышавшаго отъ своего дяди—Митр. Филарета. «Въ 1840 г должна была совершиться торжественная встрѣча Высоконареченной тогда Невѣсты Маріи Александровны, Благочестивѣйшей Императрицы, Супруги Императора Александра Николаевича. При этой встрѣчѣ назначено было произнести рѣчь отъ Лица Сѵнода.—Произнести эту рѣчь по праву

Долго бы и еще, быть можетъ, пробрюзжалъ Старецъ, повторяя свою рѣчь почти въ однѣхъ и тѣхъ же вы-

---

Первенствующаго Члена Cунода надлежало Митрополиту Серафиму —Но никто не могъ подумать, чтобы онъ могъ это сдѣлать. . Но не тутъ-то было... Рѣчь была приготовлена отчасти имъ, отчасти выправлена. . Положено было, однако, чрезъ посредство Министра Двора доложить Императору Николаю Павловичу изъ опасенія, чтобы не вышло чего либо при самомъ произношеніи рѣчи. . Государь, напротивъ, вполнѣ соизволилъ, чтобы рѣчь была произнесена Серафимомъ, хотя бы даже и по написанному, а не наизустъ... Но Митрополитъ Серафимъ вызвался непремѣнно на послѣднее.— И вотъ начались репетиціи. Келейный Митрополита, Іеродіаконъ, бывшій постояннымъ Иподіакономъ, былъ суфлеромъ, обязаннымъ стоять за спиною Митрополита. Дѣло все уладилось; Митрополитъ въ состояніи былъ повторить всю рѣчь, какъ говорится, безъ запиночки, хотя суфлеръ, твердо знавшій степень глухоты Митрополита, ловко успѣвалъ подсказывать по мѣстамъ. Настало торжество встрѣчи .. Митрополитъ, естественно, ослабъ отъ усталости, ослабла и память.. Но все-таки началъ рѣчь бодро... а потомъ сталъ нуждаться и въ суфлерѣ... Послѣдній дѣйствовалъ, сколько могъ, (хотя это было видно для всѣхъ присутствующихъ и для самого Государя)... Наконецъ Митрополитъ совсѣмъ сбился, и въ недовольствѣ на самого же суфлера вдругъ сказалъ: Да ну, подсказывай громче... я почти ничего не могу разслышать».—Фактъ этотъ подтверждается и слѣдующимъ подобнымъ, о которомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ бывшій Епископъ Енисейскій Никодимъ: 5-го Декабря было назначено Мvропомазаніе Невѣсты Государя Наслѣдника Маріи Александровны (нынѣшней Императрицы), а 6 числа обрученіе Ея съ Александромъ Николаевичемъ, нынѣ Императоромъ Всероссійскимъ. Слышно было, что Императрица Александра Ѳеодоровна хотѣла, чтобы все это совершилъ Митрополитъ Московскій.—Серафимъ объ этомъ узналъ и написалъ Императору: «Государь! не обижайте старика». Императоръ Николай отмѣнилъ намѣреніе Своей Супруги —Вообще же о старческихъ странныхъ пріемахъ и выходкахъ Митрополита Серафима можемъ судить, по свидѣтельству сего же преосв. Никодима о слѣдующемъ напр. фактѣ.—«Хоронили Архіепископа Подольскаго Кирилла въ Понедѣльникъ на Св. Пасхѣ 31-го Марта. Литургію служилъ Митрополитъ Московскій Филаретъ съ четырьмя Архимандритами (я былъ третьимъ) . Отпѣваніе совершали пять Архіереевъ,— въ томъ числѣ всѣ Митрополиты, во главѣ же всѣхъ Митрополитъ Серафимъ. Литургія началась въ 10-ть часовъ, погребеніе же кончилось въ 3 ч. по полудни. Митрополитъ Серафимъ во все время отпѣванія *странничалъ, какъ дитя: кряхтѣлъ, чесалъ голову, кричалъ...*»—(Смотр. о Филаретѣ Митр. Моск. «Моя память». 73 и 85).

раженіяхъ, и обращаясь все къ Митрополиту Кіевскому,—но послѣдній, зная уже изъ опытовъ эту манеру Митр. Серафима, и желая, между тѣмъ, сколько нибудь разогнать накопившіяся предубѣжденія Старца, сталъ говорить: „Ваше Высокопреосвященство! Вѣдь сколько извѣстно, и болѣе всего Вамъ, дѣло о переводѣ Макарія не теперь только входитъ въ разсмотрѣніе Св. Синода. Еще прежде въ 1836—37 г. онъ представлялъ книгу Іова въ Русскомъ переводѣ, и она была подвергнута Коммиссіею Училищъ (Предсѣдатель былъ самъ Митр. Серафимъ) цензурѣ... затѣмъ таже Коммиссія препоручила (въ Январѣ 1839 г.) Вашему Высокопреосвященству еще другой переводъ его на книгу Прор. Исаіи препроводить для цензуры же въ здѣшнюю Академію, что Вы и изволили сдѣлать [1])... Да къ тому же оба эти перевода, извѣстно, А. Макарій имѣлъ дерзновеніе представить въ особыхъ спискахъ при письмахъ своихъ Государю Императору [2]), воля Котораго относительно этого предмета намъ никому не извѣстна“...—Но не успѣлъ почти и кончить своихъ словъ Филаретъ, какъ Старецъ почти затрясся, что отозвалось явственно на чайной его чашкѣ... „Что, что?! Какія это ты дѣлаешь указки-то мнѣ—не въ бровь, а прямо въ глазки?! По твоему, значитъ, я-то и есть самый главный виновникъ тому, что сыръ боръ снова загорѣлся... Нѣтъ, ты спроси-ка лучше того, кто вѣрнѣе всего надудилъ тебѣ эти слова... или оба вы такъ спѣлись... А ты лучше спросика его о томъ, о чемъ онъ думаетъ, быть можетъ, что я будто не знаю... Потому ты лжешь, что Макарій Алтайскій высунулся съ своимъ перевовомъ только въ 1836 или 37 году... А не къ Московскому ли же онъ писалъ еще прежде объ этомъ... А этотъ-то по обычаю схитрилъ, никому не заявилъ [3]). а Макарію-то послалъ

---

[1]) Свѣдѣнія объ этомъ читаемъ и въ Исторіи г. Чистовича. Христ. Чтеніе, 1872 г. Сентябрь.

[2]) Тоже.

[3]) Въ Исторіи г. Чистовича объ этомъ сказано довольно и при-

чуть ли, можетъ быть, не Патріаршее благословеніе на его дѣло..,—къ тому же и Макарій-то у него же еще въ Академіи начерпался мудрости книжной еврейской [1]), которою заразилъ тогда Московскій-то чрезъ свои записки на книгу Бытія.—А что поступила тогда Коммиссія такъ, а не иначе, то видно потому, что твоихъ указокъ-то теперешнихъ она не имѣла, да и знать-то не хотѣла... А ты вѣдь а-яй больно совокъ на указки-то... Ты и теперь тычешь мнѣ въ глаза, что-де воля Государя намъ никому не извѣстна... Знай же, что мнѣ Государь изволилъ выразить чуть не нагоняй за то, что Макарій дерзнулъ обратиться къ Государю Императору, наговоривши въ писаніи своемъ и Богъ знаетъ что... Потому-то и теперь избави Богъ, если съ дуру этотъ проходимецъ Макарій, шныряющій всюду, сдѣлается какъ нибудь извѣстнымъ Государю по своей назойливости въ знатныхъ высшихъ домахъ... Ну, ужъ тогда смотрите,— не Макарію только достанется, а инымъ.. я не скрою предъ Государемъ, откуда вѣтеръ-то дуетъ.. и кто сыръ боръ-то подпаливаетъ.—А Макарія-то придется, кажется, спятить въ Спасо-Евѳиміевъ... [2]). Такъ и скажи Московскому; смотри же и ты въ оба; да Московскому-то не больно подпѣвай: ты-то хоть и совокъ, да благо, что откровененъ и прямъ, а онъ-то,—охъ какой дипломатъ...

томъ такъ, что М. Филаретъ дѣйствительно не далъ письму Макарія (въ 1834 г.) извѣстности и собственно потому, что высшая духовная администрація того времени враждебно относилась ко всѣмъ попыткамъ подобнаго рода,—но это не остановило Макарія.—Онъ потому-то и началъ переводъ съ книги Іова, что Библейское Общество довело свой переводъ до этой книги. Слѣд. Макарій явился прямо продолжателемъ дѣла Библ. Общества. (Христ. Чтеніе, 1872 г. Сентябрь, стр. 11—12).

[1]) Макарій былъ студентомъ втораго курса С.-Петербургской Академіи. при Ректорствѣ Филарета, и слушалъ уроки по Еврейскому языку у Павскаго, бывшаго студента 1-го курса и опредѣленнаго Баккалавромъ

[2]) Спасо-Евѳимиевъ Монастырь для духовныхъ лицъ то же почти, что Петропавловская Крѣпость для прочихъ сословій.

не даромъ, бывши еще Архимандритомъ, ректоромъ здѣшней Академіи, онъ руководилъ и чуть за носъ не водилъ и государственныхъ сановниковъ, возсѣдая на первыхъ креслахъ въ частныхъ собраніяхъ... [1]). Да кто знаетъ, на сколько онъ былъ безучастенъ и въ томъ дѣлѣ, когда спровадили Митрополита Амвросія (Подобѣдова) изъ Первенствующихъ Членовъ въ Новгородъ—въ Монастырь [2]). Но меня-то никто не спровадитъ [3]), а кто нибудь кого... Такъ ступайте же теперь по домамъ; я умаялся. А ты у меня завтра же повидайся (сказано было Митр. Кіевскому) съ Московскимъ".

Какъ извѣстный путешественникъ-мемуаристъ, А. Н. М—въ продолжалъ свой разсказъ съ возможною и, какъ видно было, желательною подробностію, хотя съ его обычною скороговоркою, едва уловимою.—„На дру-

---

[1]) Въ запискахъ Сушкова объ этомъ говорится же, но съ отличной, наоборотъ, стороны.

[2]) Тамъ же,—но безъ всякаго отношенія къ Филарету; виновникъ былъ Феофилактъ, Архіепископъ Рязанскій.—У Сушкова описанъ самый случай и окончательный поводъ къ тому, чтобы уволиться Митрополиту Амвросію, случай въ своемъ родѣ не безъинтересный.—Двѣ Дочери Императора Александра Павловича, скончавшіяся въ самомъ раннемъ младенчествѣ, погребены были въ Лаврской Духовской Церкви. Гробовые покровы ихъ съ горностаевой подшивкой оставлены были въ собственность Лавры. Начала портить ихъ уже моль. Митрополитъ Амвросій вздумалъ употребить ихъ на саккосъ теплый для крестныхъ ходовъ на Іорданъ,—и въ 1818 г. облачился въ новоустроенный саккосъ. Тутъ и подняли говоръ, что Митрополитъ служилъ въ Царскомъ облаченіи—горностаевомъ. Императоръ выразилъ неудовольствіе, сказавъ, что только къ маститымъ лѣтамъ Митрополита оказываетъ снисхожденіе.—Митрополитъ уволился.

[3]) За заслугу, оказанную Митрополитомъ Серафимомъ своимъ Архипастырскимъ вліяніемъ на взбунтовавшійся народъ въ Декабрѣ (14 ч.) 1825 г., причемъ Митроп. подвергалъ свою жизнь явной и рѣшительной опасности, (причемъ находился съ нимъ и прежде упомянутый келейный его—суфлеръ). Государь изволилъ выразить тогда свою неизмѣнную волю, что Митрополитъ Серафимъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ до послѣднихъ минутъ жизни... и потому всегда питалъ къ нему особеннѣйшее расположеніе и полнѣйшую довѣренность, давъ ему право являться къ Нему лично.

гой день, говорилъ онъ, я, по условію, побывалъ сначала у Митрополита Кіевскаго, а вечеромъ мы были у Владыки Московскаго на Троицкомъ. Вы хорошо припомните (было обращеніе ко мнѣ) и ту комнату, въ которой обыкновенно принималъ для бесѣды Московскій Митрополитъ.— Митрополитъ Кіевскій и отчасти я наскоро передали все, бывшее наканунѣ у Митр. Серафима. Хозяинъ выслушивалъ все какъ бы дипломатически. Но не успѣли собесѣдники начать свои разсужденія, какъ (буквально сказать) ворвался въ комнату о. Архимандритъ Алтайскій Макарій. Какъ бы по чутью догадываясь, или, вѣроятнѣе, какъ человѣкъ съ своею idée fixe.. онъ едва только успѣлъ принять благословеніе отъ Іерарховъ, прямо самъ началъ рѣчь о своемъ предметѣ. Итакъ что же?. доколѣ же будетъ еще продолжаться... кажется сказалъ: „*общее затмѣніе умовъ*“?!—говорю „кажется“ потому, что внезапностію и своими вольными пріемами А. Макарій дѣйствительно озадачилъ насъ, кромѣ развѣ Митрополита Московскаго, которому подобные пріемы, очевидно, были уже извѣстны [1]), и который тутъ же

---

[1]) Что подобные пріемы и выходки въ смыслѣ вольности со стороны Архим. Макарія были, объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ Запискахъ, прежде упоминавшійся,—Енисейскій преосв. Никодимъ. У него читаемъ напр. слѣдующій фактъ: «Въ 1840 году, въ Вознесеніе Господне, 4 Мая, я попросился служить съ Митрополитомъ Филаретомъ, въ его домовой Церкви, на Троицкомъ подворьѣ. Прихожу въ Церковь. Вижу другаго Архимандрита, тоже готовящагося служить со Владыкою. Это—Архимандритъ Макарій, Алтайскій миссіонеръ. Служили со Владыкою. Послѣ служенія, по обычаю. пошли ко Владыкѣ на чай. Полна гостинная господъ и почти однѣ женщины. Намъ съ о. Макаріемъ едва достали два послѣднихъ стула. Выпивши по чашкѣ чаю, мы съ о. Макаріемъ встали, приняли благословеніе у Владыки, и вышли. Въ залѣ о. Макарій меня остановилъ и сталъ спрашивать,—кто я, откуда и что здѣсь дѣлаю. Сказавши въ пяти словахъ отрывисто, я просилъ о. Макарія выйти изъ залы и въ его кельѣ я обѣщался говорить съ нимъ, сколько онъ пожелаетъ. Макарій не послушалъ, а началъ прогуливаться взадъ и впередъ по залѣ, держа меня за руку и прося разсказать о себѣ шире и шире. Я былъ какъ на иглахъ, еже-

нѣсколько, какъ говорится, осадилъ его... Но послѣ нѣсколькихъ минутъ спокойнаго собесѣдованія, Архим. Макарій снова вошелъ въ свою роль, и даже рѣзче, чѣмъ въ началѣ. Онъ соскочилъ, бросился на колѣни предъ образами и, воздѣвши руки, пошелъ и пошелъ причитывать... И чего тутъ не было наговорено—и все страшно обличающимъ и угрожающимъ карами Небесными языкомъ и тономъ, не взирая на присутствіе двухъ Первосвятителей, хотя и въ домашней бесѣдѣ?! При этомъ А. Н. высказалъ нѣсколько выраженій Архим. Макарія, напр. „что на сѣдалищи Моисеевомъ возсѣдоша снова тѣ, которые, имѣя ключи царствія, и сами не входятъ и другихъ воспящаютъ,—и что даже самыя бѣдствія, постигшія Петербургъ (наводненіе, пожаръ зимняго дворца) и всю Россію—холера (1830 г.) были явнымъ знаменіемъ кары Божіей за прекращеніе перевода и изданіе Библіи на Русскомъ языкѣ... Впрочемъ, говорилъ А. Н., все говоренное А. Макаріемъ быдо, очевидно, не подъ вліяніемъ экстаза, или вдохновенія, какъ онъ хотѣлъ это представить,—а по готовому, затвержденному.—Онъ, какъ стало извѣстно вскорѣ же, въ своемъ донесеніи Св. Сѵноду, при представленіи исправленнаго имъ перевода, написалъ именно въ родѣ сказаннаго... [1]).—

минутно опасаясь выхода гостей отъ Владыки. И что же? Отворяется гостинная, боярыни выходятъ, вертясь обычно и нѣжно кланяясь Владыкѣ. Владыка вышелъ было въ залу за боярынями, но, увидѣвъ насъ, вспыхнулъ, въ глазахъ блеснула молнія; онъ быстро повернулся назадъ, и хлопнулъ за собою дверью такъ, что зазвенѣли окна. Такъ-то полу-юродивый Архимандритъ Макарій ввелъ меня во искушеніе. Онъ въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ, между прочимъ, съ своимъ переводомъ Пророковъ съ Еврейскаго на Русскій. Онъ просилъ Св. Сѵнодъ дозволить напечатать сей его переводъ. Но тогда это казалось святотатствомъ. Митрополитъ Серафимъ сказалъ (яко бы) въ Сѵнодѣ о семъ переводѣ Пророковъ: «Въ печь этотъ переводъ!»—Смотр. о Филаретѣ Митр. Москов. «Моя память». Стр. 56—57.

[1]) Въ Исторіи перевода Библіи у г. Чистовича приводится большая часть содержанія этого донесенія (Христ. Чт. 1872 г. Сентябрь, стран. 30—37), гдѣ дѣйствительно заключаются самыя

Сцена эта наконецъ закрылась. Возможно успокоивши А. Макарія, то тотъ, то другой Митрополитъ говорили ему кротко и внушительно.. и онъ, склонивъ голову, былъ яко глухъ и нѣмъ... посматривая съизрѣдка попреимуществу на Филарета Кіевскаго, болѣе всего говорившаго... Когда же послѣдній кротко, любовно сказалъ Макарію: Не прогнѣвайся отецъ, если я припомню тебѣ слова, которыя не шли къ тому, кому онѣ были сказаны,—а къ тебѣ пожалуй идутъ... и произнесъ по Греческому тексту изъ Дѣяній Апостольскихъ: Μαίνῃ;—τὰ πολλά σε γράμματα εἰς μανίαν περιτρέπει [1]). Лишь только произнесъ эти слова Филаретъ Кіевскій,—А. Макарій, сдѣлавъ какой-то двусмысленный поклонъ, молча въ ту жъ секунду выскочилъ... Послѣ этого, оба Владыки взаимно объяснились относительно всего высказаннаго наканунѣ Митрополитомъ Серафимомъ; причемъ Кіевскій Филаретъ вспомянулъ братски Московскому и о бывшихъ, во времена оны, непріятностяхъ для послѣдняго по поводу какъ бывшаго перевода Библейскаго Общества, такъ и его Катихизисовъ.

рѣзкія выраженія. На это есть прямыя указанія и въ вышеприведенномъ опредѣленіи Св. Сунода, по которому А. Макарій былъ присужденъ къ эпитиміи, хотя бы *за свой дерзновенный и нетерпимый образъ дѣйствій* долженъ бы подлежать строгой отвѣтственности (лишенію сана и монашескаго званія).

[1]) По Славянскому тексту: «*Бѣснуешися ли; многія тя книги въ неистовство прелагаютъ*».—Эти слова были сказаны Правителемъ Римскимъ Фистомъ Св. Ап. Павлу послѣ продолжительной защитительной рѣчи на судѣ. (Дѣян. XXVI. 24).

ГЛАВА XXIII

«Господа Іисуса Христа ради поберегите себя для святой Церкви Его и не давайте скорби разрушить здоровье Ваше, которымъ Вы такъ нещадно жертвовали для Бога, Церкви и Отечества» [1]).

Обращаемся теперь къ тому времени, которое совпадаетъ, какъ разъ, со временемъ служенія высокопр. Филарета въ Калугѣ. Исторія о Катихизисахъ, (Пространномъ и Краткомъ), составленныхъ Филаретомъ Московскимъ, неразрывно соединена съ исторіею Библейскаго Общества. Въ какой мѣрѣ Филаретъ Московскій имѣлъ самое дѣятельное участіе въ переводѣ Библіи на Русскій языкъ, какъ Членъ сего Общества, въ такой же. вмѣстѣ съ преслѣдованіями сего Общества, подверглись и его Катихизисы, хотя разсмотрѣнные, утвержденные и уже изданные Св. Сунодомъ. Произошло же это собственно отъ личныхъ, неумѣренно ревностныхъ взглядовъ и дѣйствій тѣхъ лицъ, о коихъ было указано уже прежде (Шишковъ и Архимандритъ Фотій), изъ которыхъ послѣдній, по поводу закрытія Библейскаго Общества, выражался въ письмѣ своемъ къ другу его—одному Московскому Архимандриту, даже такъ: „Порадуйся, старче преподобне, нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣ...“ [2]). Подъ этимъ-то языкомъ подразумѣвался и *языкъ* въ Катихизисахъ Филарета Московскаго, а также въ его Запискахъ

[1]) Слова изъ письма высокопр. Филарета, въ бытность его Епископомъ Калужскимъ, къ Филарету Московскому.

[2]) Смотр. Чтенія Г. Знаменскаго, стран. 64.

на Книгу Бытія, начиная съ того, что въ Катихизисахъ и Запискахъ тексты Св. Писанія были приведены на Русскомъ языкѣ. Не смотря на то, что изданія Катихизисовъ и Записокъ были съ разрѣшенія Св. Сунода, Шишковъ (бывшій тогда Министръ Народнаго Просвѣщенія), испросивъ Высочайшее разрѣшеніе, формально потребовалъ отъ самого Св. Сунода, чтобы Катихизисы— и Пространный и Краткій, въ которыхъ молитвы (?)— „*Вѣрую во Единаго* и *Отче нашъ* и *Заповѣди* переложены на простонародное Русское нарѣчіе, печатаніемъ и разсылкою пріостановить". Такому же запрещенію подверглись и Записки Филарета, а наконецъ простерто было обвиненіе въ неправоученіи въ одной проповѣди Филарета „на Благовѣщеніе".—Архим. Фотій, какъ и самъ по себѣ ярый фанатикъ и какъ бывшій въ рукахъ у другихъ своего рода „*застрѣльщикомъ*", возставалъ особенно противъ Филарета, такъ что въ одномъ доносѣ Государю свидѣтельствовалъ, что будто бы всѣ архіереи, и духовные, и господа, и купцы, и народъ считаютъ Филарета *неправовѣрнымъ* и просилъ Государя не вызывать его болѣе въ Сунодъ..." [1]). Такимъ образомъ въ данное время (1823—24 г.) вся буря противъ Библейскаго Общества готова была разразиться надъ Филаретомъ, тогда еще Архіепископомъ Московскимъ, и тѣмъ болѣе, что онъ во все это время находился дома—въ Москвѣ, гдѣ, между прочимъ, яко бы не зная о распоряженіяхъ Министра, вслѣдствіе которыхъ Петербургскій Комитетъ (по дѣламъ Библейскаго Общества) давно уже замолчалъ, Филаретъ продолжалъ печатать въ Моск. Вѣдомостяхъ извѣстія о дѣйствіяхъ Московскаго Библейскаго Общества.—За это-то Шишковъ (и К°) особенно сильно разсердился на Филарета,—и вслѣдствіе этого въ особенности и подвергнуты были преслѣдованію Катихизисы [2]).

Вѣстію объ этомъ преслѣдованіи (о чемъ сообщилъ ему преосв. Григорій (Постниковъ), бывшій тогда Викарій Митр. Серафима,—Филаретъ Московскій былъ край-

[1]) Смотр. Чтенія Г. Знаменскаго, стр. 63.

[2]) Тамъ же, стран. 70.

не глубоко возмущенъ. Онъ немедленно же написалъ (отъ 8 Декабря 1824 г.) Митрополиту С.-Петербургскому Серафиму самое сильное письмо, въ которомъ, при всей своей сдержанности и обычной дипломатичности въ подобныхъ дѣлахъ, не утерпѣлъ, чтобы не задѣть самаго „*богословствованія*“ ополчившихся на него *генераловъ* [1]).

„Болѣзную о томъ, писалъ Филаретъ, что долженъ писать къ Вашему Высокопреосвященству; но думаю, что долженъ писать. Извѣстнымъ сдѣлалось мнѣ, что указомъ Святѣйшаго Сунода типографской Конторѣ предписано остановить печатаніе и продажу Катихизиса (Пространнаго), въ прошедшемъ году разсматриваннаго и одобреннаго Святѣйшимъ Сунодомъ и изданнаго по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію.

„Не знаю о чемъ идетъ дѣло: но не представляется иной догадки, какъ что дѣло идетъ о Православіи. Непонятно, кѣмъ и какъ и почему приведено нынѣ въ сомнѣніе дѣло, столь чисто и совершенно утвержденное всѣмъ, что есть священнаго на земли. Не великая была бы забота, *естьли* [2]) бы сомнѣніе угрожало только личности человѣка, бывшаго орудіемъ сего дѣла; но не угрожаетъ ли оное Іерархіи? Не угрожаетъ ли Церкви?.. Если сомнительно Православіе Катихизиса, столь торжественно утвержденнаго Святѣйшимъ Сунодомъ, то не сомнительно ли будетъ Православіе самого Святѣйшаго Сунода? Допущеніе сего сомнѣнія не потрясетъ ли Іерархіи до основанія, не возмутитъ ли мира Церкви? Не произведетъ ли тяжкаго церковнаго соблазна?.. Не нужно сказывать Вашему Высокопреосвященству, что надъ дѣяніемъ Святѣйшаго Сунода, касательно ученія вѣры, вѣрный и достойный принятія судъ, по правиламъ Святыя Соборныя и Апостольскія Церкви, можетъ быть не иной, какъ судъ чрезвычайно полнаго собора помѣстнаго, или

[1]) Смотр. въ Чтеніяхъ Знаменскаго, стран. 71. Подъ *генералами* разумѣются Шишковъ и, ставшій съ нимъ на одну сторону, Аракчеевъ.

[2]) Въ подлинникѣ такъ, и это оригинальное употребленіе союза *естьли* вмѣсто общепринятаго если у высокопр. Филарета Моск. было постоянное.

Вселенскаго подъ покровительствомъ Благочестивѣйшаго Государя Императора.

„Мнѣ кажется, особеннаго Высочайшаго Указа о Катихизисѣ нѣтъ, ибо, если бы онъ былъ, то былъ бы данъ Святѣйшему Суноду по принадлежности. А если запрещеніе Катихизиса выведено изъ публикованнаго Высочайшаго Указа, 17 дня прошедшаго Ноября, то сіе выведено не по силѣ сего Указа, а въ противность Высочайшаго Указа, утверждающаго именно Катихизисъ, одобренный Святѣйшимъ Сунодомъ. Теперь же сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что въ отношеніи Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, которое прописано въ указѣ Святѣйшаго Сунода типографской Конторѣ, Сумволъ Вѣры названъ не Сумволомъ, или исповѣданіемъ Вѣры, но „*молитвою*“. Не знаю, кому приписать должно, обнаруженное здѣсь, столь сбивчивое понятіе о дѣлахъ церковныхъ?.. И съ такимъ понятіемъ не извѣстные дѣйствователи вземлютъ судъ себѣ надъ Святѣйшимъ Сунодомъ!—Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь“!

Въ отвѣтъ на это письмо немедлено же писалъ Митр. Серафимъ Филарету Московскому (въ Декабрѣ 1824 г.) слѣдующее: „Исторія Катихизиса Вашего, которую Вы возобновляете въ памяти моей, мнѣ весьма извѣстна по тому участію, которое я имѣлъ въ ономъ. Я его читалъ съ Вами и безъ Васъ одинъ, я его одобрилъ и призналъ его достойнымъ напечатанія, нашедши его во всѣхъ частяхъ съ ученіемъ Св. Церкви нашей согласнымъ и потому Православнымъ. И сіе письмо мое будетъ Вамъ доказательствомъ сего. Святѣйшій Сунодъ, никого не исключая, также не менѣе моего увѣренъ въ Православіи Вашихъ Катихизисовъ. какъ Пространнаго, такъ и Краткаго. Теперь спрашиваете Вы,—почему ихъ остановили? Остановили по отношенію Министра Просвѣщенія, который ни слова не сказалъ о томъ, чтобы они не согласны были съ Православіемъ (чего онъ, яко самъ православный сынъ Церкви, сказать не могъ), а требовалъ остановить ихъ впредь до Высочайшаго повелѣнія потому только, что Сумволъ вѣры, Отче нашъ,

Десятословіе изложены въ нихъ Русскимъ, а не Славянскимъ языкомъ. И сія-то причина прописана въ Указѣ Святѣйшаго Сунода Московской Типографіи. Изъ сего Вы изволите видѣть, что до Православія катихизисовъ Вашихъ никто ни малѣйше не коснулся, а потому честь Ваша, яко Православнаго пастыря Церкви, остается безъ всякаго пятна, равно достоинство, или важность Святѣйшаго Сунода ни мало симъ случаемъ не унижены. Вы спросите, почему Русскій языкъ не долженъ имѣть мѣста въ Катихизисѣ, а наипаче краткомъ, который предназначенъ для малыхъ дѣтей, не знакомыхъ вовсе съ Славянскимъ языкомъ, а потому неспособныхъ понимать истинъ вѣры, которыя имъ излагаются на языкѣ семъ, тогда-какъ онъ, т. е. Русскій языкъ доселѣ удерживается въ священныхъ книгахъ Новаго завѣта и въ Псалмахъ? На сей и на другіе многіе вопросы, которые по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно отвѣтствовать Вамъ никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснитъ намъ то, что теперь намъ кажется темно. А время сіе скоро, по моему мнѣнію, настанетъ. Я чувствую, что положеніе Ваше тяжело и скорблю о семъ отъ всего сердца, что не имѣю возможности облегчить Васъ отъ бремени. Итакъ потерпите,—терпѣніе не посрамитъ; оно доставитъ Вамъ опытность, которая въ послѣдствіи времени крайне полезна Вамъ будетъ“.

На сколько могло это письмо успокоить глубоко смущеннаго Филарета, это могъ чувствовать и сознавать вполнѣ только онъ самъ. Но если судить и со стороны о содержаніи этого письма, особливо о послѣднихъ выраженіяхъ, гдѣ Митр. Серафимъ явно уклонился, и притомъ въ силу невозможности для него самого, отвѣчать удовлетворительно на всѣ вопросы, и назвалъ самое положеніе дѣла темнымъ, а наконецъ, хотя въ благожелательномъ смыслѣ, указалъ Филарету на все совершающееся такъ, что оно доставитъ ему опытность, которая въ послѣдствіи времени будетъ для него крайне полезною,—то здѣсь же скрывается нѣчто и какъ бы укорительное именно за допущенную Филаретомъ своего рода

неопытность, или прямѣе за неумѣренно-ревностное отношеніе къ дѣламъ Библейскаго Общества... Этотъ смыслъ укоризны тѣмъ болѣе естественъ былъ и въ душѣ самого Митрополита Серафима, что онъ, не задолго предъ этимъ, предостерегалъ Филарета и чрезъ Викарія своего преосв. Григорія, и даже самъ писалъ, какъ бы по секрету—по латыни: „Interim svadeo Tibi, ne quid de rebus biblicis in Novellis typo imprimendum mittas, uti praeteritis diebus fecisti. Urgente quadam necessitate, potes huc mittere, ut in diario biblico imprimatur [1]). Съ другой стороны это выраженіе укоризны Филарету естественно было вызвано тѣмъ, что самому Серафиму приходилось. какъ говорится, жутко вслѣдствіе именно того, что дѣйствовавшіе противъ Филарета (за его неугомонное дѣйствованіе по Библейскому Обществу) стали дѣйствовать и противъ другихъ Членовъ Сѵнода, какъ бы не чуждыхъ, по ихъ убѣжденію, пристрастія, представляя самому Государю о необходимости даже замѣнить ихъ другими. Да и на самого Митрополита Серафима они стали такъ напирать, что послѣдній вынужденнымъ нашелъ себя войти къ Государю съ представленіемъ „о вредѣ всеобщаго обращенія Библіи, о союзѣ Библейскихъ Обществъ съ мистическими заблужденіями и о необходимости закрыть ихъ“.. А при этомъ указывая на слабость своего здоровья и преклонныя лѣта просилъ Государя дать ему сотрудника и совѣщателя такого, совокупно съ которымъ онъ могъ бы дѣйствовать къ прекращенію распространяющагося зла... и указалъ прямо на потребное ему лицо—Кіевскаго Митрополита Евгенія (Болховитинова), какъ извѣстнаго по Православію, учености и благонамѣренности, на вызовъ котораго въ Сѵнодъ, писалъ Государю Серафимъ, выразилъ свое пол-

---

[1]) По русски: «Совѣтую тебѣ ничего о дѣлахъ Библейскаго Общества для печатанія въ газетахъ не посылать, какъ ты сдѣлалъ въ прошедшіе дни Въ случаѣ какой либо настоятельной необходимости можешь присылать сюда для печатанія въ дневникѣ Библейскомъ.—(Письмо это было отъ 16 Сент. 1824 г. Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г. кн. 1. стр. 18).

ное одобреніе и Министръ Просвѣщенія съ готовностію пользоваться совѣтами Евгенія въ важномъ дѣлѣ воспитанія [1]).

Итакъ, если взять во вниманіе эти всѣ обстоятельства и приложить ихъ къ вышесказаннымъ (въ концѣ письма) выраженіямъ Митрополита Серафима къ Филарету, именно, что „само время объяснитъ, что кажется теперь темно, и время это скоро настанетъ“,—то Филарету Московскому, естественно, не много было основаній, чтобы успокоиться содержаніемъ письма Митр. Серафима. Напротивъ, зная чрезъ посредство другихъ—(въ особенности преосв. Григорія) о сказанныхъ обстоятельствахъ, Филаретъ (какъ передавалъ намъ лично о. Намѣстникъ Троицко-Сергіевой Лавры Архим. Антоній) крѣпко *приунылъ* и можно сказать сильно *струсилъ*... Онъ ясно видѣлъ, что мѣсто присутствованія его въ Св. Сунодѣ уже занято... а такъ какъ къ занятію сего мѣста былъ избранъ самимъ Митрополитомъ Серафимомъ кандидатъ, къ тому же по соглашенію съ Министромъ. то явно,—ожидать было нечего, кромѣ того, что и вновь избранный Членъ Сунода будетъ въ явномъ согласіи съ Министромъ и К⁰ (разумѣя Аракчеева и Архимандрита Фотія).—Владыка, разсказывалъ о. А. Антоній, никакъ не думалъ даже, что онъ останется и въ Москвѣ, и тѣмъ болѣе не надѣялся, что будетъ тутъ и Митрополитомъ... Онъ скорѣе предполагалъ, что его перемѣстятъ въ Грузію въ Экзархи, о чемъ было предположеніе еще и прежде, въ 1821 г., когда онъ былъ Архіепископомъ Ярославскимъ [2]). Что не сбылось это, хотя, дѣйствительно, снова предполагалось въ описываемую пору.—Владыка приписывалъ собственно тому, что, какъ извѣстно стало въ послѣдствіи, Государь Александръ Павловичъ сдѣлалъ его (въ 1823 г.) главнымъ хранителемъ (совмѣстно съ Кн. Голицынымъ и самимъ Аракчеевымъ) великой

---

[1]) Христ. Чтеніе, Апрѣль. 1872 г. стр. 676—677.

[2]) Объ этомъ читаемъ и въ печати. . Смотр. Христ. Чтеніе. 1872 г. Апрѣль, стр. 648.

Государственной тайны о наслѣдіи Престола, вмѣсто Константина Павловича, Николаемъ Павловичемъ, и поручилъ ему написать даже самый Манифестъ объ этомъ, который долженъ былъ храниться до кончины Императора въ Успенскомъ Соборѣ. Правда. Владыка успокоивался было, по его словамъ, тѣмъ, что наряду съ Кіевскимъ Митрополитомъ Евгеніемъ въ замѣнъ другихъ, уволенныхъ изъ Сунода архіереевъ [1]), имѣли-было въ виду вызвать Филарета, бывшаго тогда Калужскаго [2]) (въ послѣдствіи Митр. Кіевскаго), какъ искреннѣйшаго его духовнаго друга,—но это не состоялось... А что Владыка, какъ я сказалъ, приунылъ сильно отъ бывшихъ для него тогдашнихъ сильныхъ, по его разсказамъ, невзгодъ, хотя уныніе это было въ значеніи скорби душевной предъ Богомъ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ, написанная имъ, молитва, или точнѣе какъ бы самоисповѣдь предъ Богомъ подъ вліяніемъ тяжкихъ, скорбныхъ обстоятельствъ.—У меня есть копія, доставшаяся мнѣ хотя и не изъ первыхъ рукъ, такъ какъ это было еще за десять лѣтъ, до поступленія моего въ Лавру".

Выписываемъ эту копію отъ слова до слова.

„Господи Боже, Создателю и Спасителю мой, благословенно да будетъ имя Твое святое!

„Благодареніе и слава Тебѣ, Господи, о всѣхъ благихъ, яже пріяхъ отъ Тебе въ житіи семъ.

„Нынѣ же скорбь и болѣзнь обрѣтохъ и имя Твое призываю.

„Поношенія нападоша на мя; положиша мя въ ровѣ преисподнемъ, въ темныхъ и сѣни смертнѣй. Скорблю о семъ и по сей скорби разумѣваю, яко согрѣшихъ предъ Тобою, и по грѣхамъ моимъ пріидоша на мя бѣды. Ибо праведники Твои не унывающе, и въ темницахъ пояху Тебѣ, и во страданіяхъ радовахуся.

---

[1]) Уволены были по настоянію Шишкова—Димитрій (Сулима) Архіеп. Кишиневскій и Іона (Повинскій) Архіеп. Тверскій.

[2]) Это предположеніе дѣйствительно было и даже доводимо было до свѣдѣнія Государя Императора Александра I.

„Но аще беззаконія назриши Господи, Господи, кто постоитъ? Яко нѣсть человѣкъ, иже не согрѣшитъ.

„Ты Единъ, Господи, грѣхи всего міра носиши и покаяніемъ очищаеши. Вѣрую, что мене грѣшнаго не отвержеши отъ лица Твоего. За весь міръ Единородный Сынъ Твой Свою Божественную кровь излія. Вѣрую, что и мене грѣшнаго отъ грѣховъ моихъ омыти можеши и хощеши.

„Сего ради съ Давидомъ глаголю: исповѣмъ на мя беззаконіе мое, Ты же, яко благъ, остави нечестіе сердца моего.

„Страшуся суда и осужденія человѣческаго, но наипаче да будетъ мнѣ въ страхъ Твой неумытный судъ и вѣчное осужденіе.

„Аще неправда воста на мя: дерзаю словомъ Давидовымъ молитися Тебѣ: услыши, Господи, правду мою и вонми суду моему, и правдою Твоею избави мя.

„Аще же азъ неправду сотворихъ, милосердіемъ Твоимъ неправду мою уврачуй.

„Не попусти уклонитися сердцу моему во словеса лукавствія, къ сокрытію истины и къ ложному оправданію.

„Помози мнѣ и уразумѣти и возненавидѣти неправду мою, возлюбити же правду и во истинѣ обрѣсти облегченіе душѣ моей. Облегчи бремя бѣдствія моего. А еже понести мнѣ суждено, да понесу съ терпѣніемъ ради очищенія грѣховъ моихъ и ради умилостивленія Твоего правосудія.

„Аще и стыдъ покроетъ мене предъ нѣкіими человѣки, да потерплю со смиреніемъ, да умилостивлю Тебе, Господи, да не постыжденъ буду предъ лицемъ всего міра на страшномъ судѣ Твоемъ.

„Прихожду къ Тебѣ скорбный и печальный, не лиши мене духовнаго утѣшенія.

„Прихожду къ Тебѣ омраченный, яви мнѣ свѣтъ упованія спасенія.

„Припадаю къ Тебѣ изнемогшій, возстави и утверди мене благодатію Твоею.

„Паче же всего даруй мнѣ желаніе и помози мнѣ,

Господи, творити во всемъ Твою волю, да въ мирѣ совѣсти прославлю имя Твое святое Отца и Сына и Св. Духа. Аминь".

При чтеніи этой скорбно-молитвенной самоисповѣди нельзя не видѣть сколько вообще состоянія лица, изливавшаго свои чувствованія, столько и указанія на нѣкоторыя обстоятельства. Таковы напр. выраженія: *Страшусь суда и осужденія человѣческаго... Аще неправда возста на мя..* или *аще азъ неправду сотворихъ... Аще же и стыдъ покрыетъ мя предъ человѣки, да терплю...*

Но вотъ въ то самое время, когда Филаретъ Московскій находился среди тяжкихъ, испытательныхъ для него, обстоятельствъ, другой Филаретъ, въ свое время въ бытность еще Архимандритомъ, получившій отъ перваго подаренную ему для ношенія на персяхъ святительскую панагію,—отъ всей глубины сердечныхъ молитвенноуспокоительныхъ чувствъ является предъ нимъ съ своимъ писаніемъ,—и едва ли не ожиданнымъ, такъ какъ изъ письма не видно, чтобы оно было отвѣтнымъ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Архипастырь и отецъ!

„Господа Іисуса Христа ради поберегите себя для святой Церкви Его, и не давайте скорби разрушить здоровіе Ваше, которымъ Вы такъ нещадно жертвовали для Бога, Церкви и отечества. Молитва о Васъ отъ всѣхъ истинныхъ сыновъ Церкви прилежная дойдетъ до Господа; и Господь Богъ скоро прогонитъ мракъ, изведетъ истину во свѣтъ. Скорблю о Васъ до глубины сердца. И молю Господа и Спасителя нашего, да подастъ Самъ Онъ Вамъ силы съ терпѣніемъ святыхъ Его перенесть искушеніе вѣры Вашея и чистой любви Вашей къ Нему, а въ Немъ и ко всѣмъ. Ибо не вѣдятъ, что творятъ. Любовь Господа Іисуса Христа единая всесильная да утѣшитъ, да укрѣпитъ, и да растворитъ сердце Ваше радостію въ скорбѣхъ и причастіи крестной Его на земли жизни.

„Поручая себя Святымъ молитвамъ Вашимъ, съ истинною и, никогда не измѣняющеюся въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, любовію имѣю во вѣки пребыть

Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ, Епископъ Калужскій. Калуга. 12-го Декабря 1824 года.

Вмѣсто своихъ комментаріевъ относительно значенія этого письма мы воспользуемся тѣми, какіе сдѣланы были еще въ свое время, при первомъ опубликованіи этого письма [1]). Это письмо относится къ тому времени, когда Святитель Московскій испытывалъ тяжкія скорби по поводу нареканій на составленный имъ Катихизисъ. „Мужъ вѣры", вѣрѣ котораго дано свидѣтельство, можно сказать, отъ лица всей Православной Церкви [2]), въ теченіе всей жизни не избѣгалъ и онъ разныхъ нареканій относительно правоты его вѣры, подобно многимъ великимъ служителямъ ея, со стороны ревнующихъ о ней не по разуму. Съ мужествомъ и терпѣніемъ переносилъ онъ эти скорби, съ дерзновеніемъ правды, но и со смиреніемъ защищаясь отъ такихъ нареканій и не ослабѣвая въ подвигахъ вѣры. Но если таковъ христіанскій долгъ, подвергающихся подобнымъ скорбямъ, то долгъ вѣдающихъ чьи либо подобныя скорби—облегчать ихъ словомъ добраго участія. Есть много разнаго рода печалей, для облегченія которыхъ немного значатъ и самыя добрыя слова, а нужна быстрая, дѣятельная помощь: здѣсь же и слово есть уже дѣло. Поучительный примѣръ исполненія этого отраднаго (и однакоже часто ли и многими ли исполняемаго?...) долга представляетъ въ настоящемъ случаѣ другой, соименный Московскому, приснопамятный Святитель,—тогда Епископъ Калужскій, въ послѣдствіи Митрополитъ Кіевскій, Филаретъ; и при воспоминаніи о первомъ благовременно теперь привести на память эту черту изъ жизни втораго. При всей прос-

---

[1]) Письмо это было напечатано впервые въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1868 г. кн. 1,—а (приводимый теперь) комментарій въ Воскресномъ Чтеніи въ томъ же 1868 г. стран. 907—908.

[2]) Указаніе на бывшій Юбилей пятидесятилѣтняго Святительства высокопр. Филарета Митр. Московскаго, исполнившійся 5-го Августа 1867 года.

тотѣ его утѣшительнаго письма, обычной и въ поученіяхъ этого Архипастыря, какимъ дышетъ оно духомъ вѣры, упованія, любви!.. И, по своей частной ближайшей цѣли, это самое письмо какой представляетъ достоподражаемый примѣръ истиннаго сопастырскаго сочувствія къ состоянію того, кто за подвиги ревности до *нещаднаго* (говоря словами писавшаго) *самопожертвованія* для Бога, для Церкви, для отечества подвергнутъ былъ столь скорбнымъ испытаніямъ;—такое сочувствіе могло быть именно въ душѣ только того, кто самъ былъ въ многихъ и тяжкихъ испытаніяхъ и готовъ быть вѣрнымъ правдѣ и истинѣ и любви Христоподражательной до степени того же нещаднаго самопожертвованія".

Но кромѣ этого письма высокопр. Филарета, въ бытность его Епископомъ Калужскимъ, къ высокопр. Филарету Московскому были еще два—именно въ 1824 г. и въ Январѣ 1825 г. Письма эти обнародованы были самимъ же, получившимъ ихъ, Филаретомъ Московскимъ и собственно по поводу того мнѣнія высокопр. Филарета (Кіевскаго), которое онъ представилъ отъ себя противъ предпринятаго въ 1856—57 г. новаго перевода Библіи на Русскій языкъ, и въ опроверженіе котораго писалъ свой отзывъ Митрополитъ Московскій Филаретъ. Здѣсь-то онъ и привелъ содержаніе указываемыхъ писемъ въ доказательство какъ бы невѣрности Филарета Кіевскаго самому себѣ въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ относительно перевода Библіи, какихъ онъ держался прежде (въ 1824—25 г.) и какіе изложилъ въ своемъ послѣднемъ мнѣніи (въ 1856 г.).

Мы приводимъ оба указываемыя письма въ настоящемъ мѣстѣ по неразрывной связи съ письмомъ предъидущимъ, и позволяемъ себѣ предложить содержаніе ихъ особенному вниманію читающихъ въ тѣхъ, собственно, видахъ, чтобы для всякаго удобнѣе, яснѣе и вѣрнѣе возможно было опредѣлить значеніе ихъ по самому существу дѣла и по тому смыслу, въ какомъ онѣ приведены обнародовавшимъ ихъ въ пользу своего отзыва, (который въ подлинникѣ увидятъ читающіе), противъ

мнѣнія высокопр. Филарета, отрицавшаго предпринятый переводъ Библіи на Русскій языкъ.

Первое изъ этихъ писемъ помѣщено въ самомъ отзывѣ Митрополита Московскаго въ пунктѣ XI противъ мнѣнія высокопр. Филарета Кіевскаго. „Несчастіе для Церкви, достойное плача, (писано въ письмѣ), что, между тѣмъ какъ *переводъ Новаго Завѣта на Русскій языкъ и Катихизисъ* [1]) всѣми приняты очень спокойно и съ уваженіемъ, и съ надеждою можно бы ожидать благословеннаго плода,—какой-то непріязненный духъ родилъ въ нѣсколькихъ мечтательныхъ головахъ мнимую отъ сего опасность для Церкви. И сіи мечты принимаются за основательныя. Я готовъ торжественно свидѣтельствовать, что въ моей Епархіи, можетъ быть, болѣе другихъ привязанной къ стариннымъ мнѣніямъ и обычаямъ церковнымъ, ни малѣйшаго слѣда нѣтъ къ сомнѣнію о переводѣ и Катихизисѣ. Откуда же взято таковое сомнѣніе? Неужели отъ другихъ пастырей, которые поставлены стражами въ дому Господнемъ, послѣдовали представленія о семъ Св. Суноду, или Первосвятителю?... А ежели ихъ нѣтъ, то не явная ли клевета на дѣло столь чистое и святое?—Именемъ Господа Бога и Церкви Его святой прошу не молчать, а свидѣтельствовать истину въ такомъ дѣлѣ, которое касается до мира Церкви и достоинства Іерархіи. Молю Господа и Спасителя нашего, да откроетъ Вамъ способъ говорить Самому Помазаннику Господню о столь важномъ для народнаго благосостоянія дѣлѣ, ежели то нужно будетъ“.—Послѣ этой выписки письма Митрополитъ Московскій въ своемъ отзывѣ написалъ: „Таково было мнѣніе Митрополита Кіевскаго о переводѣ Новаго Завѣта въ 1824 г., когда онъ судилъ о немъ смотря на самое дѣло, не бывъ подвер-

---

[1]) Мы обозначили курсивомъ эти слова, дабы указать, что дѣло здѣсь разумѣлось о переводѣ *не всей Библіи*, а *только* о переводѣ *Новаго Завѣта* и совмѣстно о Катихизисѣ,—тогда какъ мнѣніе высокопр. Филарета въ 1856 г. было именно противъ перваго, *т. е. перевода всей Библіи.*

женъ вліянію тѣхъ предубѣжденій, которыми онъ объяснялъ тогда перемѣну мыслей покойнаго Митрополита Серафима [1]).

Второе письмо (отъ 5-го Января 1825 г.) приложено было при особомъ письмѣ высокопр. Филарета Московскаго къ Оберъ-Прокурору Графу Толстому, писанномъ въ дополненіе къ данному уже имъ формальному отзыву.—Вотъ подлинное содержаніе письма, писаннаго (изъ Калуги) высокопреосв. Филаретомъ.—„Получивъ любезное писаніе Вашего Высокопреосвященства, отъ 31 Декабря минувшаго 1824 г. [2]), возблагодарилъ я Господа Бога, что Онъ укрѣпляетъ духъ Вашъ миромъ Своимъ среди искушеній и скорбей. Сего и надѣялся я отъ Вашего благочестія и отъ благости къ Вамъ Господа, Которому вѣрно служите. Изъ письма Владыки [3]) усматривается ясно, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, не былъ дѣйствователемъ въ *остановкѣ Катихизиса* [4]), а только страждущимъ. Въ доказательство сего и для Вашего соображенія посылаю къ Вамъ копію съ письма, нечаянно мнѣ попавшагося. Болѣзненно видѣть, какихъ мечтателей слушаютъ, и въ какія важныя дѣла допускаютъ людей, не призванныхъ ни Богомъ, ни начальствомъ.—По ревности моей, хотѣлъ было я послать сію штуку ко Владыкѣ (С.-Петербургскому), и просить его Господомъ Богомъ, чтобы Онъ отъ сихъ возмутителей остерегался для блага и мира Церкви и для собственной своей чести и безопасности. Но безъ совѣта Вашего къ сему не рѣшился приступить. Еще въ доказательство того, что

---

[1]) Смотр. Собраніе мнѣній и отзывовъ Митроп. Московскаго Филарета. Томъ IV, стр. 250—251.

[2]) Это писаніе высокопр. Филарета Московскаго было *отвѣтное* на первое письмо высокопр. Филарета (Калужскаго), писанное въ братственное утѣшеніе перваго.

[3]) Митрополита С.-Петербургскаго Серафима.

[4]) Мы и здѣсь отмѣтили эти слова курсивомъ для того же, что и прежде, т. е. чтобы обозначить, что дѣло разумѣлось именно только о *Катихизисѣ* и *переводѣ* только Новаго Завѣта, а не всей Библіи.

Владыка былъ только страждущимъ, и, можетъ быть, не довольно твердымъ, прилагаю и копію съ отношенія Министра Просвѣщенія. Какъ бы то ни было, но Церковь зѣло болѣзнуетъ, и дай Богъ, чтобы болѣзни ея кончились рожденіемъ радости".

„Вызовъ Кіевскаго Митрополита (Евгенія), по необычайности своей, много заставляетъ думать. Но мнѣ помнится, что или въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, или въ Библейскихъ отчетахъ напечатанъ былъ одобрительный его отзывъ о переводѣ Новаго Завѣта, которому противорѣчить, кажется, для него будетъ неумѣстно. Желательно, чтобы хотя онъ заставилъ молчать мечтателей. Впрочемъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ утвержденіе Своей Церкви, и Онъ, вѣчная Премудрость Бога Отца, вѣрно найдетъ способъ извести во свѣтъ истину, *ими же вѣсть судьбами*" [1]).

Препровождая это письмо къ Оберъ-Прокурору Графу А. П. Толстому, при письмѣ своемъ (отъ 18 Августа 1857 г.), высокопр. Филаретъ (Московскій) въ самомъ началѣ послѣдняго выразилъ слѣдующее: „Прискорбно мнѣ, что я принужденъ былъ входить въ состязаніе съ сужденіями досточтимаго мужа. Но уваженіе къ истинѣ не должно поставлено быть ниже уваженія къ лицу.—По справедливости можно пожалѣть, что Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Кіевскій, имѣя въ виду мнѣніе полнаго собранія Святѣйшаго Сѵнода, не обратился съ своими сомнѣніями непосредственно къ Членамъ Святѣйшаго Сѵнода, чрезъ что образовались бы конфиденціальныя частныя сношенія для приведенія дѣла въ большую ясность, и можно было бы достигнуть того, чтобы дѣло вошло въ Святѣйшій Сѵнодъ, уже освобожденное отъ вида разногласія, что, конечно, было бы благовиднѣе.—Прежде такъ поступаемо было".—Въ самомъ же концѣ письма читаемъ слѣдующія строки: „Сказанное въ семъ письмѣ можетъ подать мысль: не войти ли теперь въ

---

[1]) Смотр. Собраніе мнѣній и отзывовъ высокопр. Филарета Митр. Московскаго. Томъ IV, стран. 261—262.

новое сношеніе съ Высокопреосвященнѣйшимъ Кіевскимъ, прежде внесенія дѣла въ Св. Сѵнодъ?—Но это уже поздно; и можетъ вести къ новымъ затрудненіямъ. Въ предварительныхъ конфиденціальныхъ, такъ сказать, домашнихъ совѣщаніяхъ удобно модификовать мнѣнія, и различныя приближать къ единству, чрезъ что прежнія различныя обращаются въ ничто. Сіе удобство миновало, когда мнѣніе высказано оффиціально, и о семъ даже доведено до Высочайшаго свѣдѣнія. Остается въ точности исполнить Высочайшее повелѣніе о внесеніи дѣла въ Св. Сѵнодъ.—А вотъ еще, любопытное по сему дѣлу, соображеніе. Въ отношеніи отъ 21-го Декабря 1856 г. Высокопреосвященнѣйшій Кіевскій желаетъ поправить важное и темное въ Славянскомъ текстѣ мѣсто книги Бытія, гл. 49, ст. 10, и предлагаетъ вмѣсто словъ „*отложенная ему*“, поставить слово „*Примиритель*“. А это слово взято изъ того перевода, который сожженъ на кирпичномъ заводѣ [1]).

Читая въ этомъ письмѣ высокопр. Филарета Московскаго къ Графу Толстому все выраженное и въ началѣ и въ концѣ, всякій, конечно, ясно видитъ здѣсь ту же мысль писавшаго, которую онъ выразилъ и прежде въ своемъ оффиціальномъ отзывѣ, т. е. что „мнѣніе высокопр. Филарета Кіевскаго о переводѣ (въ 1824 г.) было не такое, когда онъ судилъ о немъ смотря на самое дѣло, не бывъ подверженъ вліянію предубѣжденій и пр., нежели какое изложено имъ въ самое послѣднее время.—А что касается того, гдѣ писавшій выразился, что „по справедливости можно пожалѣть, что высокопр. Митрополитъ Кіевскій, имѣя въ виду мнѣніе полнаго Собранія Св. Сѵнода, не обратился съ своими сомнѣніями къ Членамъ Св. Сѵнода и пр., то всякому читающему уже извѣстно,—почему такъ поступилъ высокопр.

---

[1]) Изъ секретн. бумагъ, хранящ. въ Канцеляріи Оберъ-Прокур. Св. Сѵнода. 1856 г., № 192; листы 63—68. Смотр. въ Собраніи мнѣній и отзывовъ Филарета Митр. Московскаго. Томъ IV, стр. 259—260. 262.

Филаретъ Кіевскій. Именно потому, что къ нему оффиціально обратился съ просьбою доставить ему свое мнѣніе самъ Оберъ-Прокуроръ Графъ Толстой; а, между тѣмъ, Святѣйшій Сунодъ съ своей стороны не сдѣлалъ никакого обращенія къ высокопр. Филарету Кіевскому, какъ Члену Сунода, тогда какъ увидимъ, что Святѣйшимъ Сунодомъ (какъ буквально выражено въ актѣ разсужденія полнаго Собранія Св. Сунода) было сдѣлано обращеніе къ находившемуся уже на покоѣ Члену, бывшему Архіепископу Ярославскому Евгенію.

Впрочемъ, имѣя въ виду представить въ слѣдующей главѣ полное изложеніе, взятое цѣликомъ изъ подлинныхъ документовъ, всего настоящаго дѣла подъ рубриками: а) Случай къ Сунодальному разсужденію; б) Ходъ Сунодальнаго разсужденія; в) Изложеніе самаго разсужденія и рѣшенія, и наконецъ д) Мнѣніе высокопр. Филарета Кіевскаго и разсмотрѣніе сего мнѣнія, или точнѣе—отзывъ высокопр. Филарета Московскаго на это мнѣніе, мы и не продолжаемъ болѣе здѣсь рѣчи о настоящемъ предметѣ. Намъ остается закончить весь, доселѣ спеціально изложенный, отдѣлъ тѣмъ, что должно выходить прямымъ результатомъ всѣхъ представленныхъ въ немъ фактовъ и свѣдѣній.

Читающіе знаютъ, что весь настоящій отдѣлъ былъ изложенъ съ тою собственно цѣлію (какъ было сказано объ этомъ въ самомъ началѣ), чтобы изобразить отличительныя черты и личнаго характера, и истинно—Святительскаго духа и образа дѣйствій высокопр. Филарета. Въ какомъ же видѣ и въ какой мѣрѣ эти черты, дѣйствительно, отразились въ изложенныхъ фактахъ и свѣдѣніяхъ, мы сколько предоставляемъ самимъ читающимъ судить и цѣнить все это, столько же съ своей стороны со всецѣлою безпристрастностію свидѣтельствуемъ, что эти самые факты и всѣ свѣдѣнія, по ихъ сущности и значенію, превосходятъ многіе, если не всѣ другіе въ ряду административныхъ дѣяній, по которымъ обыкновенно судятъ о достоинствѣ и заслугахъ святительскихъ вообще. Не безъ основанія сама св. Церковь особенно молитъ: „*Ихъ же* (Святителей) *даруй, Господи, въ мирѣ*

цѣлыхъ и право правящихъ слово Твоея истины". Въ этомъ отношеніи и самое дѣло о переводѣ Св. Писанія не есть только временное событіе и не относится къ области лишь научнаго вѣдѣнія и книжнаго разумѣнія, и, тѣмъ еще болѣе,—не дѣло личныхъ лишь стремленій съ одной стороны, и оппозицій съ другой, а напротивъ содержитъ въ себѣ то, что составляетъ краеугольный камень для Церкви Христовой въ ея основаніи и утвержденіи. И вотъ, въ этомъ-то именно послѣднемъ значеніи, и явился такимъ ревностнымъ, непоколебимымъ и нелицепріятнымъ участникомъ и направителемъ въ разрѣшеніи сего дѣла высокопреосв. Филаретъ, начиная съ первой своей Святительской каѳедры Калужской, и оканчивая тѣмъ мнѣніемъ (протестомъ), съ какимъ выступилъ онъ (въ 1856 г.) противъ снова возникшаго вопроса по этому дѣлу. Что высказанныя въ этомъ протестѣ мысли и убѣжденія, дѣйствительно, относятся по самому времени къ Калужскому служенію высокопр. Филарета, это ясно изъ словъ его, что, „онъ не только не участвовалъ въ переводѣ Библейскаго Общества, но тогда же не сочувствовалъ и пр. И если бы, какъ предполагалось, онъ былъ вызванъ въ Сѵнодъ (въ 1824 г.) то, внѣ всякаго сомнѣнія, явился бы не менѣе самаго Митрополита Серафима и другихъ *противъ* дѣятелей Библейскихъ...,—что и доказалъ онъ впослѣдствіи по дѣлу о переводѣ Павскаго, а такъ же и Макарія Алтайскаго. Сказать возможно болѣе,—если бы и Филаретъ Московскій подвергся преслѣдованіямъ не за Катихизисы, а прямо за неумѣренно-ревнительное его участіе въ переводѣ Библейскимъ Обществомъ всей Библіи, а не Новаго Завѣта только, то тотъ же самый Филаретъ Калужскій не отнесся бы къ нему съ такимъ сочувствіемъ, какое видѣли мы въ приведенныхъ письмахъ... Наконецъ, если бы Господь не воззвалъ высокопр. Филарета вскорѣ же послѣ предъявленнаго имъ протеста противъ вновь возникшаго вопроса о переводѣ Библіи,—то позволительно думать, что едва ли бы это дѣло было исполнено, и по крайней мѣрѣ не такъ бы скоро и не въ томъ, быть можетъ, видѣ. Послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что и

самъ бывшій тогда Оберъ-Прокуроръ Св. Сѵнода Графъ А. П. Толстой не сочувствовалъ и прямо не соглашался съ мнѣніемъ прочихъ Членовъ Св. Сѵнода и собственно на основаніи того, что было ему извѣстно изъ личныхъ бесѣдъ его съ высокопр. Филаретомъ, и что наконецъ изложено было въ мнѣніи послѣдняго,—каковаго мнѣнія онъ самъ отъ себя нарочито требовалъ и представилъ его отдѣльно Государю Императору [1]), и, потомъ, скорѣе рѣшился испросить себѣ у Государя увольненія оть Оберъ-Прокурорства, чѣмъ согласиться съ рѣшеніемъ о новомъ переводѣ. Впрочемъ, если бы въ эту пору не былъ Первоприсутствующимъ въ Св. Сѵнодѣ Митрополитъ Григорій, (назначенный Петербургскимъ Митрополитомъ въ Сентябрѣ 1856 года), то это дѣло не приняло бы такого поспѣшнаго хода, такъ какъ Митр. Григорій былъ однимъ изъ самыхъ жаркихъ поборниковъ за переводъ еще Библейскаго Общества, хотя онъ и не дожилъ до времени и начинанія этого новаго перевода [2]). Равно и самъ Филаретъ Московскій.

---

[1]) Смотр. объ этомъ, между прочимъ, у г. Сушкова. Хотя г. Сушковъ и проводитъ свои мысли прямо на сторону Филарета Московскаго (стр. 136, 137 и 138), но эти мысли сами измѣняютъ ему въ сказанныхъ далѣе словахъ: «Впрочемъ (подлинныя слова г. Сушкова), какъ бы дѣло (т. е. начатый новый переводъ) ни дѣлалось,—все же оно будетъ сдѣлано если и не безупречно (?!), то и не неудовлетворительно уже и потому, что имѣются въ виду готовые переводы и Библейскаго Общества (?) и протопресвитера Павскаго (?) и Алтайскаго Макарія (?).. Четыре Академіи занимаются этимъ переводомъ. Первое изданіе, разумѣется (?), вызоветъ замѣчаніе знатоковъ (?) въ Св. Писаніи (какихъ и откуда?), а второе и третье будутъ усовершенствованы въ возможной (на сколько?) степени».—Такъ и видно, что г. Сушковъ не видалъ и не слыхалъ, какъ въ протестѣ Митроп. Кіевскаго Филарета все это предусмотрѣно и напередъ отвергнуто, какъ дѣло оскорбительное для Божественнаго Писанія, чтобы при переводѣ его заниматься такою школьническою работою и почерпать изъ такихъ мутныхъ нечестивыхъ источниковъ готовые матеріалы для перевода.

[2]) Покойный Владыка Антоній придавалъ этому особенное значеніе къ силу какъ бы не благословенія свыше на это начинаніе, противъ котораго недаромъ такъ крѣпко и дерзновенно свидѣтельствовалъ Владыка Кіевскій.

возобновившій было свою прежнюю подобо-Библейскую ревность, тоже едва узрѣлъ лишь первые начатки...— А если бы оставался въ живыхъ Филаретъ Кіевскій, то, болѣе, чѣмъ вѣроятно, Филаретъ Московскій и не проявилъ бы такой своей ревности, а преклонился бы предъ силою того единомыслія съ своимъ Соименникомъ, каковому начало положено было еще въ ихъ сослуженіи на поприщѣ учебно-воспитательномъ въ духовныхъ Академіяхъ, и которое сохранялось всегда неизмѣнно. И не даромъ онъ же самъ, и послѣ уже даннаго имъ оффиціальнаго отзыва въ опроверженіе мнѣнія высокопр. Филарета Кіевскаго, проводимъ мысль,—чтобы войти въ новое сношеніе съ послѣднимъ, хотя и признавалъ это дѣло позднимъ въ силу того, что было уже Высочайшее повелѣніе внести дѣло въ Сунодъ, а къ этому должно добавить, и въ силу того, что это сношеніе и не могло уже состояться по самому времени скоро послѣдовавшаго блаженнаго исхода высокопр. Филарета отъ сей жизни въ вѣчную, въ которую онъ и желалъ переселиться, по его собственному свидѣтельству, съ непреложнѣйшимъ убѣжденіемъ въ истинѣ, правотѣ и чистотѣ своихъ убѣжденій, готовый предстать съ ними и на Судъ Христовъ.

Но *да будетъ память* сихъ Первосвятителей *во благословеніихъ*, и *да почіютъ отъ трудовъ своихъ,— дѣла бо ихъ въ слѣдъ ихъ грядутъ* (Апок. XIV, 13).

Обращаемся къ изложенію всѣхъ тѣхъ подлинныхъ документовъ, которые предъуказаны выше по дѣду, совершавшемуся въ полномъ Собраніи Членовъ Святѣйшаго Сунода, о приступленіи къ переводу всей Библіи на Русскій языкъ.

ГЛАВА XXIV.

«Поелику ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было повелѣть, чтобы сіе мнѣніе сообщено было мнѣ, и требуется отъ меня отзывъ, то нахожу необходимымъ извлечь изъ онаго мысли, составляющія основанія онаго мнѣнія, дабы съ основаніемъ дать мой посильный отзывъ» [1].

«Съ прискорбіемъ, покоряясь необходимости, прошелъ я поприще состязанія съ мыслями, исшедшими отъ мужа досточтимаго. И, остановясь, скорблю о нѣкоторомъ, хотя и частномъ, недостаткѣ единства тамъ, гдѣ оно наиболѣе вожделѣнно» [2].

Все дѣло по переводу Библіи на Русскій языкъ, предпринятому Св. Сунодомъ въ 1856 г., мы изложимъ цѣликомъ по подлиннымъ документамъ, напечатаннымъ въ Сборникѣ мнѣній и отзывовъ высокопр. Филарета Митрополита Московскаго [3]. Изложеніе наше, однако, будетъ въ иномъ видѣ, именно въ томъ, въ какомъ оно было внесено на разсужденіе Св. Сунода при предложеніи г. Оберъ-Прокурора.—Разность этого изложенія состоитъ въ томъ, что въ „Сборникѣ“ мнѣніе высокопр. Филарета (Кіевскаго) изложено въ сокращеніяхъ, или точнѣе, въ отрывкахъ изъ цѣлаго изложенія его мнѣнія, изъ которыхъ противъ каждаго, взятаго въ отдѣльности,

---

[1]) Слова, изложенныя высокопр. Филаретомъ Митр. Московскимъ въ самомъ началѣ отзыва его на мнѣніе высокопр. Филарета Кіевскаго по поводу перевода Библіи на Русскій языкъ.

[2]) Его же слова, изложенныя въ самомъ концѣ того-же отзыва.

[3]) Смотр. Том. IV, изд. 1886 г. Москва, стран. 244—258.

отрывка напечатано изложеніе и отзыва высокопр. Филарета Московскаго. Само собою понятно, что такой видъ изложенія мнѣнія, представленнаго въ отрывкахъ, и изложенія отзыва противъ каждаго пункта въ отдѣльности, съ одной стороны затрудняетъ и читающихъ, чтобы съ полнымъ вниманіемъ выслѣдить и уразумѣть всю силу и значеніе мыслей и pro и contra, а съ другой стороны весьма трудно и почти не возможно всякому читающему опредѣлить и уяснить для себя то,—какіе именно пункты и, главное, почему они обойдены въ отзывѣ „*проходившаго поприще состязанія съ мыслями, исчедшими отъ мужа досточтимаго*“ и почему именно такія, а не иныя мысли оставлены имъ безъ всякаго, такъ сказать, прикосновенія къ нимъ.—Мы беремъ изложеніе, точь въ точь, съ того вида, въ какомъ читано было нами все дѣло въ Архивѣ Св. Сѵнода [1]). Здѣсь все, что заключается подъ указанными нами прежде рубриками,—какъ-то: а) Случай къ Сѵнодальному разсужденію; б) Ходъ Сѵнодальнаго разсужденія; в) Изложеніе Сѵнодальнаго разсужденія и самаго рѣшенія и д) Мнѣніе Митрополита Кіевскаго и отзывъ противъ него Митрополита Московскаго,—изложено *въ двухъ столбцахъ*. Въ этомъ-то именно видѣ печатаемъ и мы настоящее изложеніе, при которомъ для читающихъ всего удобнѣе видѣть и наглядно слѣдить и уразумѣвать суть дѣла какъ по отношенію къ мнѣнію, такъ и отзыву. непосредственно сопоставляя и ту и другую сторону.—Что же касается самаго содержанія всѣхъ излагаемыхъ документовъ, то съ нашей стороны не сдѣлано никакого буквально и прикосновенія, чтобы сказать что либо въ значеніи комментарія. Съ этой стороны мы позволяемъ себѣ свидѣтельствоваться двумя изреченіями Писанія,—въ отношеніи къ себѣ самимъ: „*Быхъ яко тростъ книжника скорописца*“, — а въ отношеніи къ читающимъ: „*чтый да разумѣетъ!*“.

---

[1]) Смотр. по Архивн. Описи № 3440.

Мнѣніе Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго Филарета отъ 21-го Декабря 1856 года

Почтеннѣйшее отношеніе Вашего Сіятельства, отъ 20-го Ноября сего года за № 2457, я имѣлъ честь получить.—Хотя, по немощамъ моимъ, нахожу весьма труднымъ для себя дать Вамъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ въ дѣлѣ столь великой важности: но, призвавъ Господа Бога на помощь, Пастырскимъ долгомъ моимъ поставляю изложить мои мысли по крайнему моему разумѣнію и по убѣжденію совѣсти моей, предъ очами Божіими безъ малѣйшаго пристрастія. Я не участвовалъ въ переводѣ Св. Писанія на Русское нарѣчіе, предпринятомъ у насъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ни въ остановленіи сего перевода, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшемъ; но по долгу званія моего тщательно слѣдилъ за ходомъ сего важнаго дѣла въ теченіе долговременнаго служенія моего Святой Православной Церкви и Отечеству.

Во время пребыванія Вашего въ Кіевѣ, въ бесѣдѣ со мною, угодно было Вамъ

Отзывъ Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Филарета отъ 21-го Іюля 1857 года.

Въ достопамятный день Священнаго Коронованія и Мѵропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Святѣйшій Сѵнодъ явился въ такой полнотѣ своего состава, особенно по числу Архіереевъ, въ какой едва ли бывалъ со времени своего учрежденія. Его составляли 8 Архіереевъ (въ томъ числѣ 4 Митрополита и 4 Архіепископа) и 2 Протопресвитера. Кромѣ сего находились на лицо 4-ре Архіерея, не присутствовавшіе въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ.

По наставленію Соломона: *спасеніе есть во мнозѣ совѣтѣ* (Прит. XI. 14), Святѣйшій Сѵнодъ рѣшился воспользоваться симъ обиліемъ совѣщающихся, чтобы достопамятное время ознаменовать совѣщаніями о нѣкоторыхъ предметахъ особенной важности для Православной Церкви и, въ числѣ ихъ, о переводѣ Новаго Завѣта и нѣкоторыхъ другихъ книгъ Священнаго Писанія на Русское нарѣчіе.

Послѣ не однократныхъ частныхъ предварительныхъ

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
предложить мнѣ вопросъ: нужно ли и полезно ли перевести Священное Писаніе на Русское нарѣчіе. Я какъ тогда отвѣчалъ, такъ и теперь отвѣтствую, что	совѣщаній, въ Засѣданіи Святѣйшаго Сунода, 10-го Сентября, происходило о семъ предметѣ обстоятельное разсужденіе, которое привело къ единогласному заключенію, что нужно приступить къ сему дѣлу съ должною предосторожностію и нѣкоторыми ограниченіями, внушаемыми осторожностію. Въ семъ засѣданіи не присутствовалъ по болѣзни тогдашній Первенствующій Членъ, блаженныя памяти Митрополитъ Новгородскій Никаноръ: но единогласіе его съ состоявшимся въ семъ Засѣданіи рѣшеніемъ совершенно извѣстно было изъ предварительныхъ частныхъ совѣщаній. Нижеподписавшемуся прочими, бывшими въ семъ Засѣданіи, поручено было изложить письменно разсужденія и состоявшееся заключеніе. Сіе исполнено въ скорости: но какъ Засѣданіе, 10 Сентября, было послѣднее въ Москвѣ, то составленное изложеніе не могло уже быть представлено собранію Святѣйшаго Сунода для выслушанія, а

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

препровождено въ двухъ спискахъ къ нынѣшнему Первенствующему Члену Святѣйшаго Сунода (который и призналъ оное согласнымъ съ бывшимъ въ Засѣданіи Святѣйшаго Сунода разсужденіемъ) и къ г. исправлявшему должность Сунодальнаго Оберъ-Прокурора. По мѣстной удобности означенное изложеніе сообщено такъ-же Сунодальному Члену, Евгенію Архіепископу, бывшему Ярославскому, который такъ же призналъ оное согласнымъ съ бывшимъ въ Засѣданіи Святѣйшаго Сунода разсужденіемъ.

Изложеніе сіе состоитъ въ слѣдующемъ:

1856 года Сентября 10-го дня Святѣйшій Сунодъ имѣлъ разсужденіе о переводѣ Новаго Завѣта и нѣкоторыхъ другихъ книгъ Священнаго Писанія на общеразумительное Русское нарѣчіе, и принялъ въ соображеніе слѣдующее:

1) Святые Пророки и Апостолы писали Священныя книги на природномъ и общеупотребительномъ языкѣ тѣхъ народовъ, къ ко-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

торымъ первоначально поступить должны были сіи книги, и предавали оныя въ общее употребленіе въ церковныхъ собраніяхъ и внѣ оныхъ. Они же показали намъ примѣръ и перевода съ первоначальнаго языка на другой, болѣе употребительный. Такъ Святый Златоустъ (на Мат. Бесѣд. 1) пишетъ, что Святый Евангелистъ Матѳей *отъ Іудей впровавшимъ Еврейскимъ языкомъ сложи Евангеліе*: но въ то же Апостольское время оно переведено на Греческій.

2) Святые Отцы всегда побуждали всѣхъ вѣрующихъ къ чтенію Священнаго Писанія. Святый Златоустъ (на Матѳ. Бесѣд. 2) говоритъ къ мірянамъ: *Сіе-то есть, еже вся повреди, яко единымъ монахомъ чтеніе Божественныхъ Писаній мните потребно быти, въ нихже много вящшу оньхъ вы потребу имате.* И еще: *не подобаше изшедшимъ изъ Церкве въ неприличествующія Церкви входити вещи; но абіе въ домъ пришедшимъ книгу пріяти, и жену и дѣти къ общенію реченныхъ*

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

призвати. И въ другомъ мѣстѣ (Бесѣд. LXXIV) о врачеваніи больной грѣхомъ души говоритъ: *покажи ту недугующую Павлу; приведи Матѳея; близъ посади Іоанна, слыши отъ нихъ, что подобаетъ творити тако страждущу. Всячески рекутъ и не скрыютъ, не умроша бо, но живутъ и вѣщаютъ*. То есть читай у себя въ домѣ священныя книги и вѣруй, что чрезъ нихъ Священные писатели, какъ живые, дѣйствуютъ спасительно на твою душу.

3) Языкъ Славянскаго перевода Библіи общеразумительный и общеупотребительный въ свое время, не таковъ уже въ настоящее время по своей древности. Для одной части Православнаго народа онъ становится вразумительнымъ посредствомъ прилежнаго упражненія въ церковномъ Богослуженіи и чтеніи: но другая, болѣе многочисленная, часть не имѣетъ сего преимущества и требуетъ Русскаго перевода, какъ пособія къ разумѣнію Священнаго Писанія.

4) Не оспоримо то, что

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

въ Славянскомъ переводѣ Библіи есть многія мѣста, въ которыхъ составъ рѣчи не вразумителенъ, и которыя требуютъ сличенія съ первоначальными текстами Еврейскимъ и Греческимъ. Но какъ знаніе сихъ языковъ мало распространено: то многіе, по нуждѣ, обращаются къ иностраннымъ переводамъ Библіи, сдѣланнымъ внѣ Православнаго Исповѣданія, по духу чуждыхъ вѣроисповѣданій, и могутъ впадать въ неправыя толкованія и заражаться несчастнымъ предразсудкомъ въ пользу чужаго. Въ семъ отношеніи пособіе Русскаго перевода нужно многимъ и изъ приходскаго, особенно сельскаго, Духовенства.

5) Въ вышесказанномъ можно видѣть причины, по которымъ Святѣйшій Синодъ въ 1813 году съ Высочайшаго соизволенія разрѣшилъ приступить къ переводу Священнаго Писанія на Русское нарѣчіе, а въ слѣдовавшіе потомъ годы сдѣданъ переводъ Новаго Завѣта подъ смотреніемъ и съ участіемъ приснопамят-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

ныхъ Первенствующихъ Членовъ Святѣйшаго Сѵнода, Митрополитовъ—Новгородскихъ Амвросія, Михаила и Серафима.

6) Въ слѣдующіе далѣе годы дѣло перевода Священнаго Писанія на Русское нарѣчіе и изданіе онаго не по разсужденію Святѣйшаго Сѵнода, но по причинамъ, оффиціально не объясненнымъ, пріостановлено: впрочемъ напечатанные экземпляры продолжали поступать въ общее употребленіе и, между прочимъ, чрезъ Общество Попечительное о Тюрьмахъ, дотолѣ, пока запасъ ихъ, въ недавніе уже годы, истощился.

7) Послѣдствіемъ истощенія печатныхъ экземпляровъ Новаго Завѣта на Русскомъ нарѣчіи въ главномъ хранилищѣ ихъ,—въ вѣдомствѣ Святѣйшаго Сѵнода, сдѣлалось то, что экземпляры, вышедшіе предъ тѣмъ въ вольную продажу, начали продаваться необычайно дорогою цѣною, что съ одной стороны показываетъ народное требованіе, съ другой подаетъ поводъ къ жалобамъ. Другое еще болѣе

неблагопріятное послѣдствіе есть то, что появились въ немаломъ числѣ экземпляры сей книги иностранныхъ изданій, сдѣланныхъ не только съ погрѣшностями, но, какъ свидѣтельствуютъ видѣвшіе, и съ перемѣнами, вѣроятно, намѣренными. Такое положеніе сего дѣла не безопасно отъ вреда, и даетъ благовидность нареканію, что дальніе Алеуты, съ благословеніемъ Святѣйшаго Сѵнода, пользуются нѣкоторыми книгами Священнаго Писанія на своемъ общевразумительномъ языкѣ, а Православные Россіяне не только мимо сего благословенія, но и незаконно могутъ удовлетворять подобной потребности.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ Святѣйшій Сѵнодъ усматриваетъ нужнымъ и должнымъ учинить слѣдующее:

1) Дѣло перевода Новаго Завѣта на Русское нарѣчіе, а потомъ постепенно и другихъ частей Священнаго Писанія, возобновить, но съ крайнею осторожностію, какой требуетъ

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

важность онаго, и съ назначеніемъ сего перевода для употребленія внѣ церковнаго Богослуженія, въ пособіе къ разумѣнію Священнаго Писанія.

2) Переводъ Новаго Завѣта на Русское нарѣчіе, какъ первый въ семъ родѣ опытъ, отъ котораго нельзя было и требовать полнаго совершенства, тщательно пересмотрѣть, причемъ принять за правило, чтобы онъ былъ всевозможно точенъ и чтобы слова и выраженія вразумительныя не были безъ нужды замѣняемы простонародными.

3) Сей переводъ, по исправленіи, долженъ быть освидѣтельствованъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ, прежде изданія онаго.

4) Русскій переводъ Псалтири, который сдѣланъ большею частію примѣнительно къ Еврейскому тексту, безъ достаточнаго соображенія съ текстомъ Греческимъ (чтò сколь нужно по церковному преданію, столь же справедливо по изслѣдованію), исправить по сличенію Еврейскаго и Греческаго текста.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
	5) Послѣ Псалтири, изъ книгъ Ветхаго Завѣта особенно требуютъ возможнаго приведенія въ ясность книги Пророческія. Къ сему полезнымъ признается приступить такимъ образомъ, чтобы не издавать оныя вдругъ, но чтобы, по сдѣланіи Русскаго перевода одной книги, и по дополненіи онаго краткими объясненіями, особенно въ отношеніи къ Новозавѣтному исполненію Пророчествъ, на первый разъ напечатать оный въ одномъ изъ періодическихъ изданій Духовнаго вѣдомства, чрезъ что откроется удобность усматривать сужденія объ ономъ, и пользоваться ими для усовершенія перевода, прежде вступленія онаго въ полный составъ Священныхъ книгъ. Такой ходъ дѣла не можетъ быть поспѣшенъ: но за то сколько онъ будетъ остороженъ, столько же, при помощи Божіей, будетъ благонадеженъ.
	6) Какъ въ 1813 году дѣло сіе начато было съ Высочайшаго соизволенія, то и нынѣ о возобновленіи онаго представить на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
	Въ послѣдствіи времени, отсутствующій Членъ Святѣйшаго Сунода, Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій, изъявилъ по сему предмету свое разсужденіе и мнѣніе, несогласное съ рѣшеніемъ Сунодальнаго Собранія.
	Поелику ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было повелѣть, чтобы сіе мнѣніе сообщено было мнѣ, и требуется отъ меня отзывъ: то необходимымъ нахожу пересмотрѣть мысли, составляющія основанія онаго, дабы съ основаніемъ дать мой посильный отзывъ.
что * Русское нарѣчіе не можетъ передать Священнаго Писанія со всею тою силою и вѣрностію, какими отличается переводъ Славянскій,	* Нельзя съ симъ согласиться: 1) потому что Русское нарѣчіе обладаетъ обиліемъ Славянскаго и присовокупляетъ къ нему свое обиліе, слѣдственно представляетъ или не менѣе, или еще болѣе средствъ къ вѣрному выраженію Священнаго текста; 2) потому что языки, менѣе обильные, нежели Русскій, выдерживаютъ удовлетворительное переложеніе Священнаго текста. Славянское нарѣчіе въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ преимуществуетъ крат-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
	костію и важностію, какъ употребляемое въ Богослуженіи. Но преимуществомъ Русскаго перевода Священнаго Писанія должна быть ясность, качество нужнѣйшее для чтенія назидательнаго и душеполезнаго.
* въ которомъ доступно понятію все то̀, что̀ только нужно для назиданія вѣрныхъ къ вѣчному ихъ спасенію;	* Сіе справедливо въ отношеніи къ главнымъ истинамъ и правиламъ жизни: но не полезно и не удобно было бы оставить большую часть Православныхъ̀ христіанъ въ такомъ положеніи, чтобы они разумѣли только малую часть Священнаго Писанія, и особенно въ такое время, когда, при распространяющейся образованности и усиливающемся движеніи естественнаго разума, невѣдѣніе въ предметахъ вѣры унижало бы ее предъ глазами разума, производило бы холодность къ ней и порождало бы вредныя сомнѣнія. Святые Отцы поощряютъ вѣрныхъ читать Священное Писаніе, слѣдственно и достигать, по возможности, разумѣнія онаго; а потому нуженъ для онаго общеразумительный языкъ.
* что Русскій переводъ будетъ вытѣснять Славянскій	* Послѣдняя мысль есть доказательство потребности

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

языкъ, и безъ того не довольно знакомый образованнымъ изъ нашихъ соотчичей, для которыхъ, такимъ образомъ, можетъ сдѣлаться наконецъ непонятнымъ и самое Богослуженіе Церковно-Славянское, составляющее главное, вѣрнѣйшее и надежнѣйшее средство для всѣхъ сыновъ Россійской Православной Церкви къ назиданію ихъ въ вѣрѣ и благочестіи, и что по всему этому теперь надобность настоитъ не въ переводѣ Библіи на Русскій языкъ, а въ прилежномъ изученіи Славянскаго языка во всѣхъ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ и въ повседневномъ прилежномъ чтеніи на немъ Священнаго Писанія. Сіи мысли мои основываю я на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Прежде всего должно обратить вниманіе на пути Промысла Божія, который, безъ сомнѣнія, паче всѣхъ бодрствуетъ и премудрѣе всѣхъ мудрованій человѣческихъ печется какъ о распространеніи между народами Слова Божія, такъ и о сохраненіи его во всей

Отзывъ Митрополита Московскаго.

Русскаго перевода. Опасеніе же, чтобы Русскимъ переводомъ не былъ вытѣсненъ Славянскій, устраняется тѣмъ, что Славянскій неизмѣнно останется въ Богослужебномъ употребленіи, что и будетъ побуждать къ изученію Славянскаго нарѣчія, а сему доставлено будетъ удобство, если, какъ было и прежде, Новый завѣтъ изданъ будетъ на Славянскомъ и Русскомъ нарѣчіи совокупно. Какъ блаженныя памяти Митрополиту Новгородскому Никанору не представлялось опасенія издать въ Русскомъ переводѣ вмѣстѣ съ Славянскимъ значительную часть книгъ Богослужебныхъ, именно: каноны на всѣ великіе праздники, великій канонъ великаго поста, Акаѳистъ Божіей Матери, каковое изданіе и совершилъ онъ въ 1855 и 1856 годахъ, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ: такъ не представляется опасенія издавать въ Русскомъ переводѣ книги Священнаго Писанія, которыхъ изданіе въ такомъ переводѣ несравненно нужнѣе и полезнѣе.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

чистотѣ и неповрежденности. Такъ:

1) Богу угодно было первоначально сообщить Свое слово избранному народу своему Израилю на одномъ только Еврейскомъ языкѣ, и хотя народный языкъ, съ теченіемъ времени, съ ходомъ исторической жизни народа Божія, конечно измѣнялся, а особенно послѣ плѣна Вавилонскаго далеко сталъ уже не тотъ, каковъ былъ прежде и на какомъ писаны Священныя книги: * однако же Богу не угодно было, чтобы онѣ переложены были на новый народный языкъ, а оставались онѣ неприкосновенными на древнемъ языкѣ, тщательно хранились отъ малѣйшихъ измѣненій, а для уразумѣнія народу читаемы были въ синагогахъ съ объясненіемъ отъ учителей народныхъ— Священниковъ и Левитовъ, Самимъ Богомъ на сіе поставленныхъ.

2) Когда приближалось время пришествія Христова, то Богъ, предвидя, что Евреи отпадутъ отъ истинной Церкви Божіей и что, не признавъ Іисуса Христа

Отзывъ Митрополита Московскаго.

* Не угодно было сіе Богу, безъ сомнѣнія, потому. что Еврейскій языкъ оставался еще понятнымъ народу; и сіе можно усмотрѣть изъ книги Дѣяній Апостольскихъ (XXI. 40.— XXII. 2), въ которой повѣствуется, что когда Апостолъ Павелъ предъ многочисленнымъ собраніемъ Іерусалимскаго народа началъ говорить на Еврейскомъ языкѣ, то его слушали съ особенно глубокимъ вниманіемъ и слѣдственно понимали рѣчь на Еврейскомъ языкѣ. Итакъ сей примѣръ не можетъ быть возраженіемъ противъ настоящаго дѣла.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Мессіею, они, изъ ненависти къ Христіанству, могли бы рѣшиться на поврежденіе Еврейскаго текста, особенно въ Пророческихъ книгахъ, ясно обличающихъ ихъ заблужденіе, премудрымъ Промысломъ Своимъ такъ устроилъ, что * сами же Евреи, и притомъ ученѣйшіе изъ нихъ, перевели книги Ветхаго Завѣта на Греческій, тогда общеупотребительный языкъ, и такимъ образомъ переводъ Семидесяти толковниковъ поставленъ Самимъ Богомъ твердымъ и нерушимымъ оплотомъ противъ ожесточенныхъ враговъ Христіанства,—Еврейскихъ раввиновъ. Переводъ сей принятъ Новозавѣтною Церковію, какъ совершенный подъ несомнѣннымъ руководствомъ Духа Божія и подъ особеннымъ смотрѣніемъ Промысла Божія, такъ что даже Апостолы приводили мѣста изъ Ветхаго Завѣта по сему самому переводу, а Отцы Вселенской Церкви постоянно имѣли оный, равно какъ и книги Новаго Завѣта, написанныя уже Апостолами на семъ же самомъ языкѣ,

Отзывъ Митрополита Московскаго.

* Для Евреевъ же, которые, живя между язычниками, особенно въ Египтѣ, менѣе сохранили знаніе своего природнаго языка, по устроенію Божію сдѣланъ переводъ Священныхъ книгъ на Греческій, какъ болѣе употребительный языкъ.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
непогрѣшимымъ руководствомъ въ опредѣленіи догматовъ Вѣры и въ дѣлѣ спасенія, и Вселенскіе Соборы имъ руководствовались въ составленіи Православнаго исповѣданія Вѣры и обличеніи еретиковъ.	
3) Матерь наша, Церковь Восточная—Греческая, переводъ Семидесяти, вмѣстѣ съ первоначальнымъ текстомъ Новаго Завѣта, съ самыхъ первыхъ вѣковъ постоянно признавала столь Священнымъ и неприкосновеннымъ, что никогда не покушалась и не признавала нужнымъ перелагать Священныя книги на какое либо новое нарѣчіе, не смотря на, то что съ теченіемъ времени языкъ Греческій видоизмѣнялся и болѣе и болѣе удалялся отъ языка Священныхъ книгъ. Хотя же еще въ первыхъ вѣкахъ извѣстны были другіе переводы Ветхаго Завѣта, какъ то: Акилы, Симмаха, Θеодотіона, но сіи переводы сдѣланы не Церковію, а частными лицами, не признаны и не утверждены Церковію и не были отнюдь въ общенародномъ употребленіи.	

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Вмѣсто перевода на народный языкъ,*—Отцы Греческой Церкви внушали народу читать Св. Писаніе на томъ самомъ языкѣ, на которомъ оно первоначально принято, а для уразумѣнія его смысла старались объяснять оный народу, причемъ держались, главнѣйшимъ образомъ, перевода Семидесяти.

4) Такое глубокое уваженіе къ древнему Греческому тексту Священныхъ книгъ и живое убѣжденіе въ его неприкосновенности было всегда и доселѣ продолжается въ Церкви Греческой. Она и нынѣ, подъ тяжкимъ игомъ магометанства, какъ твердо хранитъ во всей чистотѣ догматы Православной вѣры и Богослуженіе на древнемъ своемъ языкѣ, такъ имѣетъ у себя и единый только текстъ Священныхъ книгъ древній, и * не помышляетъ о переводѣ на новое нарѣчіе. Хотя же въ новѣйшее время сдѣланъ и напечатанъ былъ переводъ Новаго Завѣта—и только Новаго на Новогреческій языкъ, и хотя въ предисловіи, напечатанномъ

Отзывъ Митрополита Московскаго.

* Сему такъ и надлежало быть, потому что сей языкъ былъ общеупотребительный и общепонятный. А потому и сей примѣръ не можетъ быть возраженіемъ противъ настоящаго дѣла.

* Въ Греческой Церкви, бѣдствующей „подъ тяжкимъ игомъ магометанства“, не все происходитъ такъ, чтобы могло быть образцомъ для другихъ Церквей. Такъ, напримѣръ, Константинопольская Церковь не ста-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
при изданіи Новаго Завѣта на Русскомъ нарѣчіи, сказано: что изъ отчета Россійскаго Библейскаго Общества за 1814 годъ видно, что въ Церкви Греческой Патріаршею грамматою одобрено народу чтеніе Священнаго Писанія Новаго Завѣта на новѣйшемъ Греческомъ нарѣчіи, но свидѣтельство Библейскаго Общества не есть свидѣтельство самого Патріарха. Если бы дѣйствительно существовала таковая граммата, то она, вѣрно, напечатана была бы, при изданіи Новаго Завѣта, на новѣйшемъ Греческомъ языкѣ. Но сего нѣтъ, а потому и существованіе таковой грамматы подвержено сомнѣнію. Напротивъ извѣстно, * что этотъ переводъ сдѣланъ вовсе не Греческою Церковію, а подъ вліяніемъ Англійскаго Библейскаго Общества, и сдѣланъ не только не съ благословенія Іерарховъ Греческихъ, а рѣшительно безъ ихъ вѣдома и вопреки ихъ волѣ, и въ недавнее еще время, при Патріархѣ Константинопольскомъ Григоріи, отвергнутъ, осужденъ	рается дать Православнымъ Славянамъ духовенство національное, а даетъ обыкновенно Греческое, не понимаемое народомъ. Безъ сомнѣнія о семъ должно скорбѣть, а не подражать сему. Посему, если и справедливо, что Греческая Церковь не старается сдѣлать Священное Писаніе вразумительнымъ народу: сего нельзя принимать за образецъ, достойный подражанія. * Если одинъ Патріархъ поспѣшилъ одобрить Новогреческій переводъ Новаго Завѣта, по домогательству Англичанъ, а другой Патріархъ осудилъ сей переводъ за то, что онъ предпринятъ былъ Иларіономъ, Митрополитомъ Терновскимъ, безъ предварительнаго Патріаршаго благословенія: и то и другое не даетъ основанія къ важнымъ заключеніямъ.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

и множество экземпляровъ онаго отобрано у народа и сожжено.

5) Когда приспѣло блаженное время обращенія въ Христіанскую Вѣру Славянскихъ народовъ, Промыслъ Божій такъ устроилъ, что и для нихъ сдѣланъ былъ переводъ Священнаго Писанія на родной имъ Славянскій языкъ и Ветхозавѣтныя книги переведены не съ Еврейскаго текста, а именно съ Греческаго Семидесяти толковниковъ,—сдѣланъ мужами Святыми, можно сказать, Равноапостольными,—Кирилломъ и Меѳодіемъ,—слѣдовательно, несомнѣнно, подъ особеннымъ смотрѣніемъ и руководствомъ Духа Божія. Сей переводъ предки наши, принявъ, хранили неприкосновеннымъ, какъ неоцѣненный даръ и благословеніе свыше; отъ нихъ и мы получили сіе драгоцѣнное наслѣдіе. * Сколько вѣковъ прошло уже и сколько тысячей тысячъ перешло изъ нѣдръ Церкви Русской въ Царствіе небесное, и какіе великіе угодники явились при руководствѣ Слова Божія, чи-

Отзывъ Митрополита Московскаго.

* Это было тогда, когда языкъ сей былъ болѣе общепонятнымъ, ибо Русское нарѣчіе болѣе прежняго уклонилось отъ Славянскаго, и сіе сдѣлалось менѣе общепонятнымъ въ не давнее вре-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

таемаго, или слушаемаго на древнемъ родномъ нашемъ языкѣ! Между тѣмъ

* никогда блаженные предки наши, подобно какъ и въ Греческой Церкви, не помышляли и не считали нужнымъ дѣлать новый переводъ, смотря по видоизмѣненіямъ народнаго языка въ разныя времена. Только по временамъ Іерархами нашими, равно какъ въ прошедшемъ столѣтіи при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Святѣйшимъ Сѵнодомъ при новомъ изданіи Библіи, дѣлаемы были незначительныя перемѣны въ словахъ, или выраженіяхъ, и темныя, либо не точныя и вкравшіяся ошибкою замѣняемы другими, или же поставляемы были на поляхъ, либо подъ чертою поясненія; но самый основной текстъ оставался неприкосновеннымъ.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

мя. Итакъ и сей примѣръ не можетъ быть возраженіемъ противъ настоящаго дѣла.

* И сей примѣръ не можетъ быть возраженіемъ противъ настоящаго дѣла: потому что наши предки не имѣли такой нужды въ новомъ переводѣ Священныхъ книгъ, какая открылась нынѣ, и не имѣли довольно способовъ къ усовершенію существующаго перевода. Впрочемъ, по мѣрѣ нужды и возможности, и предки наши старались сдѣлать священныя книги общепонятными, и для того устарѣвшія слова и обороты рѣчи замѣняли новыми. Нынѣ, когда Русское общеупотребительное нарѣчіе несравненно болѣе прежняго удалилось отъ Славянскаго, для приближенія Священнаго Писанія къ общенародному разумѣнію, уже не довольно измѣненія нѣкоторыхъ словъ и выраженій, а требуется переводъ. Притомъ вообще не всегда древнее время можетъ быть образцемъ новому, имѣющему новыя потребности. До Моусея всѣ благочестивые люди жили и

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
	спаслись, не имѣя священныхъ книгъ: изъ сего нельзя вывести такого заключенія, что и нынѣ можно совсѣмъ отложить священныя книги.
6) Церковь Болгарская, Сербская и другія у единоплеменныхъ намъ Славянскихъ народовъ, оставшихся Православными, также хранятъ у себя неприкосновеннымъ древній переводъ Св. Писанія, и не смотря на то, что ихъ народные языки еще болѣе удалились отъ древняго библейскаго языка Славянскаго, чѣмъ нашъ Русскій, * не покушаются перевесть на теперешній свой языкъ, какъ Библію, такъ и Богослужебныя книги. Въ этомъ обстоятельствѣ есть особенное премудрое устроеніе Промысла Божія, всѣ Славянскіе народы, раздѣленные политическимъ своимъ положеніемъ, связующаго какъ единствомъ Православной Вѣры, такъ и единствомъ языка, на которомъ всѣ они читаютъ Слово Божіе и совершаютъ Богослуженіе.	* И сей примѣръ не можетъ быть возраженіемъ противъ настоящаго дѣла. Болгарская Церковь не имѣетъ образованной національной Іерархіи, и не имѣетъ способовъ достаточно снабдить себя Славянскими Богослужебными книгами: и потому неудивительно, что вопросъ о переводѣ Св. Писанія на общепонятное нарѣчіе не могъ еще въ ней возникнуть.
7) Хотя въ началѣ ны-	

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
нѣшняго столѣтія возникла у насъ мысль о переводѣ Св. Писанія на Русское нарѣчіе, и изданы были на семъ нарѣчіи Новый Завѣтъ и Псалтирь: * но эта мысль родилась отнюдь не въ Церкви Русской, ни въ Іерархіи, ни въ народѣ, а точно такъ же, какъ и мысль о переводѣ на Новогреческій языкъ, въ Англіи,— гнѣздилищѣ всѣхъ ересей, сектъ и революцій, и перенесена оттуда Библейскими Обществами, да и принята первоначально не въ Святѣйшемъ Сунодѣ, а въ Канцеляріи Оберъ-Прокурора онаго, и развита въ огромныхъ размѣрахъ въ бывшемъ Министерствѣ Духовныхъ Дѣлъ. Такое начало, а равно и послѣдствія сего дѣла ясно показываютъ, что на немъ не было благословенія свыше: ибо и Министерство Духовныхъ Дѣлъ, вслѣдствіе сего особенно обстоятельства, уничтожено. и одинъ изъ главныхъ дѣятелей сего дѣла со стороны Іерархіи, * покойный Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Серафимъ, когда увидѣлъ по-	* Но Русскій переводъ Новаго Завѣта одобренъ Первенствующими Членами Святѣйшаго Сунода, Митрополитами: Амвросіемъ, Михаиломъ, Серафимомъ, и издаваемъ былъ по благословенію Святѣйшаго Сунода, слѣдственно нѣтъ сомнѣнія, что это дѣло церковное: * Сіе замѣчаніе возлагаетъ на меня обязанность представить здѣсь точную выписку изъ письма самого

слѣдствія сего дѣла, то возсталъ на сіе со всею силою, и переводъ былъ остановленъ Высочайшею волею блаженныя памяти Государя Императора Александра Павловича, хотя и не было объявлено о семъ оффиціально по причинамъ весьма уважительнымъ.

Митрополита Кіевскаго Филарета, въ бытность его Епископомъ Калужскимъ, собственноручно писаннаго ко мнѣ 17 Декабря 1824 года, и хранящагося у меня въ цѣлости:

„Несчастіе для Церкви дойстойное плача, что, между тѣмъ какъ переводъ Новаго Завѣта на Русскій языкъ и Катихизисъ всѣми приняты очень спокойно и съ уваженіемъ, и съ надеждою можно бы ожидать благословеннаго плода, какой-то непріязненный духъ родилъ въ нѣсколькихъ мечтательныхъ головахъ мнимую отъ сего опасность для Церкви. И сіи мечты принимаются за основательныя!?—Я готовъ торжественно свидѣтельствовать, что въ моей Епархіи, можетъ быть болѣе другихъ привязанной къ стариннымъ мнѣніямъ и обычіямъ церковнымъ, нималѣйшаго слѣда нѣтъ къ сомнѣнію о переводѣ и о Катихизисѣ. Откуда-жъ взято таковое сомнѣніе? Неужели отъ другихъ Пастырей, которые поставлены стражами въ дому Господнемъ, послѣдовали представленія о семъ

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

Въ началѣ царствованія блаженной и вѣчно незабвенной памяти Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, хотя и были покушенія къ возстановленію таковаго пе-

Святѣйшему Суноду, или Первосвятителю? А ежели ихъ нѣтъ, то не явная ли клевета на дѣло столь чистое и святое?". Именемъ Господа Бога и Церкви Его святой прошу не молчать, а свидѣтельствовать истину въ такомъ дѣлѣ, которое касается до мира Церкви и достоинства Іерархіи. Молю Господа и Спасителя нашего, да откроетъ Вамъ способъ говорить Самому Помазаннику Господню о столь важномъ для народнаго благоденствія дѣлѣ, ежели то̀ нужно будетъ".

Таково было мнѣніе Митрополита Кіевскаго о переводѣ Новаго Завѣта въ 1824 году, когда онъ судилъ о немъ, смотря на самое дѣло, не бывъ подверженъ вліянію тѣхъ предубѣжденій, которыми онъ объяснялъ тогда перемѣну мыслей покойнаго Митрополита Серафима.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

ревода, но онъ, проникнувъ политическую цѣль, столь враждебную Православной Церкви и Отечеству нашему, Англійскаго Библейскаго Общества, * во все время Царствованія своего до самой кончины не разрѣшалъ возобновлять сіе дѣло.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

* Сіе показаніе не точно. Въ 1827 г. при разсмотрѣніи, по Высочайшему повелѣнію, въ секретномъ Комитетѣ проекта объ улучшеніи духовной части, въ которомъ упоминалось, между прочимъ, о переводѣ Священнаго Писанія на Русское нарѣчіе, въ данномъ мною мнѣніи сказано было:

„Не извѣстно, что̀ думалъ сочинитель проекта, когда требовалъ обратить вниманіе на Россійскій переводъ книгъ Св. Писанія. Должное къ сему дѣлу вниманіе въ важнѣйшихъ случаяхъ употреблено и употребляется, и, потому, оное не требуетъ какихъ либо чрезвычайныхъ распоряженій. Переводъ сей, сколько его донынѣ издано, окончательно разсмотрѣнъ подъ непосредственнымъ надзоромъ Первенствующихъ Членовъ Святѣйшаго Сунода и принятъ всею Россійскою Іерархіею такъ, что ни отъ кого изъ свѣдущихъ въ семъ дѣ-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго

лѣ людей, никакихъ догматическихъ сомнѣній объ ономъ не изъявлено. Если же прежде была торопливость въ распространеніи сего перевода между народомъ, теперь она остановлена. Переводъ сей особенно полезенъ и нуженъ для духовныхъ Училищъ и для духовенства: ибо то извѣстно, что основательнаго познанія оригинальныхъ языковъ Св. Писанія и въ духовенствѣ достигли по настоящее время еще не многіе; а то не оспоримо, что Славянскій переводъ во многихъ мѣстахъ для многихъ не вразумителенъ".

На мнѣніи моемъ, котораго часть здѣсь выписана, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ въ 29-й день Августа соизволилъ собственноручно написать: „Справедливо".

Слѣдственно въ сіе время Государь Императоръ Николай Павловичъ не возбранялъ перевода Священнаго Писанія [1]). И, въ те-

[1]) Осмѣливаемся сдѣлать здѣсь одно указаніе именно на то, чего не можемъ исторгнуть изъ нашей памяти и что, конечно, твердо памятно и читающимъ по отношенію къ настоящему предмету.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
	ченіе многихъ лѣтъ царствованія Его. Новый Завѣтъ на Славянскомъ и Русскомъ нарѣчіи, пока не истощились экземпляры, продавался подъ вѣдомствомъ Святѣйшаго Сунода безъ всякаго прекословія и со стороны Митрополита Серафима. Только переводъ пяти книгъ Моусеевыхъ въ продажу не поступалъ, хотя и былъ напечатанъ. Изъ сего видно, что и Митрополитъ Серафимъ допускалъ переводъ Новаго Завѣта, а не допускалъ только перевода книгъ Ветхаго Завѣта. И Митрополитъ Кіевскій, многія годы присутствуя въ Святѣйшемъ Сунодѣ, противъ продолжавшейся продажи Русскаго перевода Новаго Завѣта не протестовалъ.

Въ своемъ мѣстѣ приведено было въ нашемъ изложеніи о переводѣ Протоіерея Павскаго слѣдующее документальное свѣдѣніе, взятое нами изъ «Исторіи перевода Библіи на Русскій языкъ» соч. Чистовича. — (Смотр. Христ. Чт. 1872 г. Май Стр 117 — 118). «16-го Марта 1842 г. Оберъ-Прокуроръ Графъ Протасовъ объявилъ Св. Суноду, что Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе *и вполнѣ одобрить мнѣніе Митрополита Серафима*, и чтобы Св. Сунодъ, *согласно съ мнѣніемъ Митрополита Серафима и по прямому долгу своему, усилилъ мѣры къ охраненію книгъ Св. Писанія въ настоящемъ ихъ видѣ неприкосновенно*».

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Что касается до возобновленія вопроса о переводѣ Св. Писанія на Русское нарѣчіе въ настоящее время, то мнѣ не извѣстны причины, побудившія къ сему, а изложенныя въ присланной Вами ко мнѣ запискѣ отнюдь не удовлетворительны.

1) „Святые Пророки и Апостолы, сказано въ первомъ пунктѣ записки, писали Священныя книги на природномъ и общеупотребительномъ языкѣ тѣхъ народовъ, къ которымъ первоначально должны были поступить сіи книги, и передавали оныя въ общее употребленіе въ церковныхъ собраніяхъ и внѣ оныхъ. Они же показали намъ примѣръ перевода съ первоначальнаго языка на другой, болѣе употребительный. Такъ Св. Златоустъ пишетъ, что Св. Евангелистъ Матѳей отъ Іудей вѣровавшимъ Еврейскимъ языкомъ сложи Евангеліе, но въ то же Апостольское время оно переведено на Греческій“. Но и для Славянскихъ народовъ, а слѣдовательно и для насъ, переведено Св. Писаніе на природный нашъ Сла-

Отзывъ Митрополита Московскаго.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
вянскій языкъ, общеупотребительный доселѣ у насъ во всѣхъ церковныхъ собраніяхъ, и нельзя сказать, что непонятный для Русскихъ и внѣ церковныхъ собраній. Иное дѣло переводъ Писанія на языкъ цѣлаго единоплеменнаго народа, какъ то: на Греческій, Славянскій, Латинскій, Грузинскій и проч.; что̀ совершенно согласно съ путями Промысла Божія, и Имъ Самимъ устроямо было, а иное дѣло переводъ на частное нарѣчіе одноплеменнаго народа.	
* Если переводить на Русское нарѣчіе, то почему жѐ не перевесть потомъ на Малороссійскос, на Бѣлорусское и проч.?	* Отвѣтствуется: потому что Русскос нарѣчіе есть нарѣчіе общее Русское и образованное, а Малороссійское и Бѣлорусское суть нарѣчія небольшаго меньшинства и малообразованныя; потому что Малороссіяне и Бѣлорусцы, особенно умѣющіе читать, понимаютъ Русское нарѣчіе, и на немъ могутъ читать Св. Писаніе; наконецъ потому, что для единства церковнаго и гражданскаго полезнѣе, чтобы оное Русское нарѣчіе господствовало и въ Малороссіи и Бѣлоруссіи.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
2) * Святые Отцы всегда побуждали вѣрующихъ къ чтенію Св. Писанія. Но побуждали къ чтенію на томъ самомъ языкѣ, на какомъ оно было у нихъ, отнюдь не помышляя, какъ сказано было выше, о переводѣ на народный языкъ. А для того, чтобы для народа было, сколько возможно, понятно Писаніе, они старались изъяснять смыслъ священныхъ словъ въ церковныхъ поученіяхъ и особыхъ истолковательныхъ своихъ твореніяхъ.	* На сіе отвѣтствуется, что языкъ, на которомъ было у нихъ Св. Писаніе, былъ народный, и потому не было причины думать ни о какомъ переводѣ. Древній Греческій языкъ, до паденія Восточной Имперіи, былъ народный, и уже, во время порабощенія и разсѣянія Грековъ, чрезъ смѣшеніе его съ другими языками и измѣненіе нѣкоторыхъ формъ образовалось Новогреческое нарѣчіе.
* Это нужно и у насъ, хотя бы и переведено было Писаніе на Русское нарѣчіе. Ибо на какомъ бы нарѣчіи ни было оно издано, по высокости и глубинѣ своей оно всегда будетъ требовать истолкованія.	* Отвѣтствуется: что и переводъ Св. Писанія на Русское нарѣчіе предполагается съ тою цѣлію, чтобы онъ служилъ нѣкоторымъ образомъ вмѣсто толкованія, а къ книгамъ Пророческимъ полагается присоединить и краткое толкованіе.
3) „Языкъ Славянскаго перевода Библіи, общевразумительный и общеупотребительный въ свое время, для одной части Православнаго народа онъ становится вразумительнымъ, посредствомъ прилежнаго упражненія въ церковномъ Богослуженіи и чтеніи, но другая	

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

болѣе многочисленная не имѣетъ сего преимущества и требуетъ Русскаго перевода, какъ пособія къ уразумѣнію Св. Писанія".

* Итакъ предполагаемый переводъ назначается для тѣхъ, которые хотѣли бы, чтобы Св. Писаніе было для нихъ вразумительно безъ прилежнаго упражненія и чтенія! Но слово Боже есть кладязь глубокій, есть сокровище; такъ и нужно, чтобы разумѣніе смысла его доставалось не лѣнивымъ, а прилежнымъ искателямъ онаго. Св. Златоустъ внушая постоянно своимъ слушателямъ читать слово Божіе, вотъ какъ, между прочимъ, о семъ учитъ: „Много нужно намъ, возлюбленные, попеченія, много бодрствованія для того, чтобы имѣть возможность проникать въ глубину Божественныхъ Писаній. Ибо, иначе предаваясь сну, нельзя постигнуть смысла ихъ; а нужно тщательное изслѣдованіе, потребна, кромѣ того, и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозрѣть въ святилище слова Божія (Бесѣда 21 на Еван. Іоанна)". Уже ли пос-

Отзывъ Митрополита Московскаго.

* Это сказано какъ бы въ обличеніе несообразности, но несообразности здѣсь нѣтъ, если вникнемъ въ сказанное.

Въ изложеніи Сунодальнаго разсужденія сказано, что Славянскій переводъ для части народа становится вразумительнымъ посредствомъ прилежнаго упражненія въ Богослуженіи и чтеніи. Какъ рѣчь шла о языкѣ, а не о глубокихъ таинственныхъ изреченіяхъ Священнаго Писанія, то сказанное имѣло такой смыслъ, что часть народа, посредствомъ ежедневнаго слушанія Церковнаго Богослуженія и прилежнаго чтенія Св. Писанія, пріобучается понимать Славянское нарѣчіе; но другая часть, не могущая часто быть при Богослуженіи и часто читать Св. Писаніе, остается малоразумѣющею Славянское нарѣчіе, а потому и самое Писаніе. Русскій переводъ назначается для того, чтобы

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

лѣ сего безъ прилежнаго упражненія и чтенія Св. Писаніе будетъ вразумительно, коль скоро мы будемъ имѣть его на Русскомъ нарѣчіи? Кто же читаетъ его съ должнымъ слову Божію благоговѣніемъ, для того быть не можетъ, чтобы оно не было вразумительно на Славянскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ большею частію, особенно же книги Новаго Завѣта, и для большей части Русскаго православнаго народа.—Св. Златоустъ опять такъ разсуждаетъ: „Что же скажутъ, если мы не понимаемъ того что содержится въ Писаніи? Если бы ты и не понималъ того, что содержится въ немъ, всетаки отъ самаго чтенія ты получаешь великое освященіе. Впрочемъ и быть не можетъ, чтобы ты ровно всего не понималъ. Въ самомъ дѣлѣ кому не понятно то, что написано въ Евангеліи? Кто слыша: „*блажени кротціи, блажени милостивіи, блажени чистіи сердцемъ* и другое сему подобное, будетъ имѣть нужду въ учителѣ, дабы уразумѣть это? А знаменія, чудеса, повѣст-

Отзывъ Митрополита Московскаго.

уже не нужно было изучать незнакомое нарѣчіе, и чтобы, потому, и не могущіе ежедневно быть при Богослуженіи, при раскрытіи Священной книги, безъ особаго обученія понимали языкъ ея, какъ обыкновенный для нихъ. Разумѣніе же глубокихъ таинъ Священнаго Писанія, и при чтеніи его на знакомомъ языкѣ, требуетъ не только упражненія, но и молитвы и подвига.

И такъ нѣтъ причины сдѣлать такой выводъ, будто Русскій переводъ назначается только для не прилежныхъ къ слову Божію. Впрочемъ онъ назначается и для нихъ. но съ тѣмъ, чтобы удобопонятностію языка возбудить въ нихъ прилежаніе къ слову Божію.

вованія не каждому ли ясны и понятны? Это только предлогъ, отговорка, — покровъ для лѣности. Ты не понимаешь того, что̀ здѣсь содержится! Но и можешь ли когда либо понять, когда ты вовсе не заглядываешь туда? Возми въ руки Библію, прочитай всю исторію и, содержа въ памяти понятное, чаще пересматривай не понятное и не ясное. Если же не можешь, и при постоянномъ чтеніи, уразумѣть то̀, что̀ читаешь, поди къ тому, кто мудрѣе, сходи къ учителю, объяви ему о томъ, что̀ написано, покажи все усердіе. Богъ, видя, что ты прилагаешь столько старанія, не презритъ твоего тщанія и заботливости. Если человѣкъ не объяснитъ тебѣ желаемаго, то Онъ Самъ безъ сомнѣнія откроетъ тебѣ. (Бесѣд. 3 о Лазарѣ)“.

4) „Что есть въ Славянскомъ переводѣ Библіи мѣста, въ которыхъ составъ рѣчи не вразумителенъ, и которыя требуютъ сличенія съ первоначальнымъ текстомъ Еврейскимъ и Греческимъ“,—это основаніе не достаточно къ тому, чтобы

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

дѣлать переводъ. Ибо, во первыхъ, все нужное ко спасенію и необходимое къ разумѣнію всѣхъ вообще Христіанъ, въ Св. Писаніи и на Славянскомъ языкѣ, какъ сказано было выше, ясно, а этого для большей части народа и довольно и предовольно; во вторыхъ, * приходское духовенство въ настоящее время довольно образованное въ Духовно-Учебныхъ заведеніяхъ и наставляемое тамъ особою наукою въ разумѣніи труднѣйшихъ мѣстъ Писанія, по тому самому не нуждается въ переводѣ, а для людей свѣтскаго званія, желающихъ разумѣть Св. Писаніе въ полнотѣ и совершенствѣ, нужно *толкованіе*, а не переводъ. Обращаются къ иностраннымъ переводамъ развѣ тѣ, которые не только мало свѣдущи въ Славянскомъ языкѣ, но мало уважаютъ и Русскій; таковые будутъ предпочитать иностранные переводы и Русскому, если бы онъ и былъ у насъ. И здѣсь вина не въ не имѣніи у насъ Русскаго перевода, а вообще въ несчастномъ пристрастіи

Отзывъ Митрополита Московскаго.

* Пріятно было бы согласиться съ симъ мнѣніемъ, но, къ прискорбію, опытъ не убѣждаетъ въ семъ, особенно въ отношеніи къ сельскому духовенству. Сельскіе священники большею частію изъ втораго разряда учениковъ Семинаріи, большею частію Греческій языкъ знаютъ не совершенно, а Еврейскаго не знаютъ. Библіи Греческой и Еврейской и вообще духовной библіотеки, руководствующей къ разумѣнію Священнаго Писанія, по бѣдности церквей и ихъ самихъ, не имѣютъ. Въ Семинаріи все Св. Писаніе съ толкованіемъ изучить и все изученное сохранить въ памяти не можно. Русскій переводъ можетъ быть для нихъ значительнымъ пособіемъ къ разумѣнію Св. Писанія.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
къ иностранному, которое ограничивать нужно другими мѣрами. Впрочемъ думаю, что число таковыхъ и не такъ велико, дабы для нихъ именно предпринимать столь неудобоисполнимое и опасное дѣло.	
5 и 6) На сіи пункты касательно начавшагося-было у насъ и потомъ остановленнаго перевода замѣчанія изложены уже выше, и въ нихъ я не только не вижу достаточнаго основанія къ возобновленію сего дѣла, а напротивъ вижу причины, которыя должны удержать отъ новаго покушенія на сіе дѣло.	
7) * Чтобы существовало народное требованіе именно Русскаго перевода Св. Писанія, это не только не доказано, но и не справедливо. Изъ ста тысячъ Православнаго народа можетъ быть отъ десяти до двадцати требуютъ и покупаютъ его, и изъ нихъ еще, вѣрно, на половину только по любопытству, а не для назиданія. Между тѣмъ, что народъ удовлетворяется Славянскимъ переводомъ, это ясно доказывается тѣмъ, что	* Напротивъ сіе доказывается тѣмъ, что экземпляры Новаго Завѣта на Славянскомъ и Русскомъ нарѣчіи покупаемы были въ Духовномъ вѣдомствѣ до тѣхъ поръ, пока истощились; и послѣ ищутся и дорого покупаются у вольныхъ книгопродавцевъ, и что Новый Завѣтъ на одномъ Русскомъ нарѣчіи выписывается изъ-за границы. Въ 1855 г. въ Московскую Таможню вдругъ привезено было 12 экземпляровъ Новаго Завѣ-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

изъ одной Типографіи Кіево-Печерской Лавры ежегодно расходится великое число экземпляровъ Псалтири и Новаго Завѣта на Славянскомъ языкѣ. Не доказываетъ народнаго требованія на Русскій переводъ и то, если къ намъ вторгаются иностранцы съ своимъ изданіемъ Библіи на Русскомъ языкѣ. Притомъ это очень важное обстоятельство должно быть разслѣдовано внимательно, и нельзя въ семъ дѣлѣ основываться только на свидѣтельствѣ другихъ видѣвшихъ, и противъ таковаго незаконнаго вторженія должно принять надлежащія мѣры Правительство. Впрочемъ, съ распространеніемъ Русскаго перевода, таковое вторженіе не только не прекратится, а сдѣлается еще сильнѣе. Притомъ, имѣя въ виду нѣкоторыхъ Русскихъ, желающихъ имѣть Св. Писаніе въ Русскомъ переводѣ, число коихъ, впрочемъ, едвали значительно, при разсужденіи о семъ дѣлѣ отнюдь не должно упускать изъ виду заблуждающихся братій нашихъ — старообрядцевъ раскольниковъ,

Отзывъ Митрополита Московскаго.

та и 12 экземпляровъ Псалтири на Русскомъ нарѣчіи Лейпцигскаго изданія. О семъ производилось дѣло по Московской Консисторіи, и всѣ сіи экземпляры представлены отъ меня въ Святѣйшій Сунодъ.

А продажа изъ Кіевской Типографіи многихъ экземпляровъ Новаго Завѣта на Славянскомъ нарѣчіи, не можетъ служить доказательствомъ того, что нѣтъ народнаго требованія Русскаго перевода. Когда нѣтъ Русскаго, необходимо покупать Славянскій Новый Завѣтъ, чтобы не остаться совсѣмъ безъ Священныхъ книгъ.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

которымъ новый переводъ Библіи подастъ, безъ сомнѣнія, новый поводъ къ упорному отчужденію отъ Православной Церкви и послужитъ къ распространенію раскола: ибо если исправленіе Богослужебныхъ книгъ подало поводъ къ расколамъ, то чего не можетъ послѣдовать, когда явится новый переводъ книгъ Св. Писанія. * Извѣстно, что въ то время, какъ учреждены были у насъ Библейскія Общества и появился Русскій переводъ нѣкоторыхъ книгъ, расколъ усилился и распространился въ большихъ размѣрахъ.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

* Не доказано, что усиленіе раскола совпадаетъ со временемъ появленія Новаго Завѣта на Русскомъ нарѣчіи, и въ числѣ причинъ усиленія раскола, (изложеніе которыхъ не относится къ настоящему дѣлу), полагать Русскій Новый Завѣтъ нѣтъ нималѣйшаго основанія. Раскольники возстаютъ противъ Православной Церкви за церковныя книги и Богослуженіе: церковныя книги и Богослуженіе на Славянскомъ языкѣ сохраняются неизмѣнно, и, потому, со стороны Православной Церкви не дано раскольникамъ никакого новаго повода къ упрекамъ противъ нея.

Со стороны раскольниковъ, отъ времени до вре-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

На основаніи изложенныхъ въ запискѣ, приложенной при отношеніи Вашего Сіятельства, соображеній, составлено и положеніе касательно возобновленія дѣла о переводѣ Св. Писанія на Русское нарѣчіе. Относительно сего положенія представляю слѣдующія замѣчанія:

1) Въ первомъ пунктѣ сказано, что дѣло это должно быть начато, потому что оно было начато при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и что Императрица Екатерина II, Императоръ Александръ I и Императоръ Николай I, каждый изъ нихъ, повелѣвали продолжать его. Но изъ сего не слѣдуетъ, что оно должно быть начато и теперь. Императрица Елисавета Петровна, Императрица Екатерина II, Императоръ Александръ I и Императоръ Николай I, каждый изъ нихъ, повелѣвали продолжать его, потому что оно было начато при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и потому что оно было начато, а не потому, что оно должно быть начато. Императрица Елисавета Петровна, Императрица Екатерина II, Императоръ Александръ I и Императоръ Николай I, каждый изъ нихъ, повелѣвали продолжать его, потому что оно было начато при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и потому что оно было начато, а не потому, что оно должно быть начато.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

мени, появляются полемическія сочиненія противъ Православной Церкви, распространяемыя въ рукописяхъ. Ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣчено упрека за Русскій переводъ Новаго Завѣта. Сего не встрѣчено никогда и въ личныхъ сношеніяхъ духовенства съ раскольниками и при увѣщаніи совращенныхъ въ расколъ. Раскольники никогда не упрекали Православныхъ за домашнее чтеніе Св. Писанія въ разно-язычныхъ переводахъ латинскаго и лютеранскаго исповѣданій; тѣмъ паче не имѣютъ причины упрекать за домашнее, не по правилу, а по произволу, чтеніе Новаго Завѣта на Русскомъ нарѣчіи.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

но быть возобновлено не иначе, какъ съ крайнею осторожностію, какой требуетъ важность онаго; въ пятомъ пунктѣ также говорится. что ходъ сего дѣла не можетъ быть поспѣшенъ. Совершенно соглашаясь съ этимъ, я, по тому самому, считаю необходимымъ, не спѣша начинать сіе дѣло, предварительно обсудить его со всею основательностію и со всѣхъ сторонъ; вполнѣ признаю справедливымъ, что предварительно должно бы войти о * семъ въ совѣщаніе и соглашеніе съ Греческою Церковію: ибо выше сказано мною, что Греческая Церковь у себя не допускала никогда и доселѣ не допускаетъ для народнаго употребленія никакого новаго перевода Библіи. Очень можетъ случиться, что она и нашъ новый переводъ Писанія не признаетъ Православнымъ, и вслѣдствіе того огласитъ нашу Церковь, особенно при содѣйствіи враговъ, уклонившеюся отъ Православія. Ибо извѣстно, что и теперь въ минувшую войну Лордъ Редклифъ, посланникъ Англійскій въ

Отзывъ Митрополита Московскаго.

* Такое сношеніе *во первыхъ не нужно.* Какъ Писанія Св. Отецъ, по потребности Россійской Церкви, переводятся на Русское нарѣчіе для домашняго чтенія безъ надобности сношенія съ Церковію Греческою, точно такъ же можетъ быть предпринятъ и переводъ Священныхъ книгъ по той же потребности, для той же цѣли.

Во вторыхъ, оное не удобоисполнимо по предмету. Чтобы судить, нуженъ ли Русскій переводъ Св. Писанія, надобно вполнѣ знать Славянское и Русское нарѣчіе, сколько одно отъ

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
Турціи, требовалъ отъ Патріарха Константинопольскаго Анѳима, дабы онъ объявилъ Церковь Русскую не Православною.	другаго удалено, до какой степени и сколько многимъ изъ Русскаго народа понятно, или не понятно Славянское нарѣчіе. Греческая Іерархія не можетъ имѣть всѣхъ сихъ свѣдѣній и, потому, Русскій переводъ Священныхъ книгъ совсѣмъ не можетъ быть предметомъ ея сужденія. Для увѣренности Греческой Церкви въ единомыслiи съ нею Церкви Россійской достаточно то, что сія и нынѣ, какъ прежде, чтитъ Греческій переводъ Св. Писанія, и древній Славянскій переводъ имѣетъ въ качествѣ собственно церковнаго, а Русскій переводъ только въ качествѣ пособія къ разумѣнію Св. Писанія. *Въ третьихъ*, совѣщаніе съ Греческою Іерархіею *не удобно* по ея настоящему затруднительному положенію. Патріархъ Константинопольскій поставляется не по чистому избранію церковному, но подъ вліяніемъ невѣрнаго Правительства, по произволу сего Правительства смѣняется; и потому, особенно со времени послѣдней войны, не имѣетъ

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Весьма нужно такъ же имѣть въ виду и то, что * чрезъ новый переводъ Библіи нарушится союзъ единенія нашего съ прочими Славянскими Православными Церквами, который особенно блюдется именно тѣмъ, что мы съ ними имѣемъ Библію и Богослуженіе на одномъ и томъ же языкѣ. Ибо такъ же извѣстно, что на Западѣ существуетъ особое общество, утвержденное Папскою буллою, для совращенія Славянъ, какъ въ Австрійскихъ, такъ и Турецкихъ владѣніяхъ изъ Православія въ латинство. По сему, безъ сомнѣнія, общество сіе, употребляющее для достиженія своей цѣли всевозможныя хитрыя мѣры, воспользуется и новымъ переводомъ Св. Писанія на Русское нарѣчіе, и миссіонеры ихъ станутъ внушать Славянамъ, что мы Русскіе имѣемъ и текстъ Св. Писанія не тотъ уже, который

Отзывъ Митрополита Московскаго.

полной церковной свободы дѣйствовать и изъявлять свое мнѣніе; и нельзя надѣяться, чтобы онъ могъ устроить соборное совѣщаніе всей Восточной Іерархіи.

* Но Богослуженіе и въ Богослуженіи Священное Писаніе и впредь, какъ нынѣ, мы будемъ имѣть на одномъ и томъ же языкѣ съ сими Церквами; и слѣдственно и союзъ единенія будетъ сохраняться. Для сихъ Церквей ничего не будетъ значить то, что нѣкоторые Россіяне, кромѣ Славянскаго, будутъ, по своему желанію, у себя дома читать и Русскій переводъ Св. Писанія.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго

преданъ всѣмъ Славянскимъ народамъ Святыми Меѳодіемъ и Кирилломъ; и это тѣмъ опаснѣе, что латиняне считаютъ сихъ просвѣтителей Славянъ принадлежащими къ ихъ Церкви, и тогда, къ крайнему несчастію Православія, прервется и послѣдняя связь, соединяющая Славянскія племена съ нашимъ отечествомъ.

2) Во второмъ пунктѣ сказано: „принять за правило, чтобы переводъ былъ всевозможно точенъ и чтобы слова и выраженія вразумительныя не были безъ нужды замѣняемы простонародными“; въ четвертомъ пунктѣ, касательно перевода Псалтири, замѣчено еще, что прежній переводъ „должно исправить по сличенію Греческаго и Еврейскаго текста“. Вотъ и все, что̀ положено учинить касательно способа привести въ исполненіе дѣло такой чрезвычайной важности,—какъ переводъ слова Божія *. Кому будетъ поручено это дѣло, гдѣ оно должно быть производимо, какія мѣры имѣютъ быть приняты, чтобы оно совершилось вполнѣ

* Когда разсматривался главный вопросъ, тогда еще не время было разсуждать о подробностяхъ исполненія. Если Богъ поможетъ удовлетворительно разрѣ-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
благонадежно и благоуспѣшно, объ этомъ ни слова. „Переводъ долженъ быть по возможности точенъ“. Но это правило крайне не опредѣленно и при немъ кто можетъ ручаться, что новый переводъ будетъ совершеннѣе прежняго, на которомъ, напримѣръ въ Псалтири, нѣкоторыя мѣста переведены совершенно не согласно съ тѣмъ, какъ они приводятся въ Новомъ Завѣтѣ Апостоломъ Павломъ (Евр. глав. 10 стихъ 5 Псалт. 39 ст. 7) и *что не явится такой же нечестивый переводъ Пророческихъ книгъ, какой не такъ давно былъ литографированъ въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ и преподанъ въ урокахъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи?!	шить главный вопросъ: тогда. конечно, Святѣйшій Cvнодъ не преминетъ опредѣлить подробности исполненія, сколь возможно благонадежнымъ образомъ.
3) Въ 5 пунктѣ сказано,	* Въ изложеніи Cvнодальнаго рѣшенія, въ 3 пунктѣ, сказано, что исправленный переводъ долженъ быть освидѣтельствованъ Святѣйшимъ Cvнодомъ прежде изданія онаго. Можно надѣяться, что, при содѣйствіи благости Божіей, Святѣйшій Cvнодъ отличитъ менѣе совершенный переводъ отъ болѣе совершеннаго, и только сей послѣдній допуститъ до изданія. И, думаю, каждый Епископъ Россійской Церкви поручится, что Святѣйшій Cvнодъ не допуститъ перевода „нечестиваго“.

что, производимый постепенно, переводъ имѣетъ быть на первый разъ „печатаемъ въ одномъ изъ періодическихъ изданій духовнаго Вѣдомства, чрезъ что откроется удобность усматривать сужденія объ ономъ и пользоваться ими для усовершенія перевода“. И не прилично и не безопасно для Божественной важности Священнаго Писанія передавать для народнаго чтенія не зрѣлые опыты перевода онаго, а особенно Пророческихъ книгъ, и затѣмъ вызывать еще сужденіе о семъ переводѣ всякаго читающаго. Вообще, по моему мнѣнію, это дѣло отнюдь не можетъ быть дѣломъ школы и предметомъ школьническаго занятія въ Академіяхъ. Не такъ производились извѣстные древніе переводы: переводъ Семидесяти, переводъ нашъ Славянскій, даже Латинскій; одна ученость не достаточна для уразумѣнія силы Богодухновенныхъ словесъ Писанія.

Вмѣсто того чтобы переводить Св. Писаніе на Русское нарѣчіе, я призналъ бы полезными, для споспѣ-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
шествованія народу въ разумѣніи слова Божія, слѣдующія мѣры: 1) Оставивъ навсегда не прикосновеннымъ основной текстъ Славянскаго перевода, по примѣру предковъ нашихъ и Церкви Греческой, которая во все время, согласно съ Россійскою Церковію, признавала оный, какъ освященный древностію и преданный намъ отъ Святыхъ Славянскихъ Апостоловъ—Меѳодія и Кирилла, — не излишне позаботиться о томъ, чтобы * при новыхъ изданіяхъ Библіи постепенно вводить нѣкоторыя частныя исправленія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ особенно не вразумительны, замѣняя одни слова и даже цѣлыя выраженія другими, яснѣйшими и точнѣйшими, или поставляя ихъ на поляхъ, либо подъ чертою въ видѣ замѣчаній и поясненій, держась, впрочемъ, строго Славянскаго склада и оборота рѣчи [1]). Напримѣръ въ книгѣ Бытія, въ 3 главѣ въ 15 стихѣ, очень можно и нужно	* Нельзя признать, чтобы сіе было удобно и соотвѣтственно цѣли сдѣлать Священныя книги болѣе удобными къ разумѣнію. Введеніе въ Славянскій текстъ новыхъ словъ, по настоящему состоянію двухъ нарѣчій, будетъ *приставленіемъ плата не бѣлена къ ризѣ ветхой*, и сдѣлаетъ текстъ Библіи такимъ пестрымъ, что онъ будетъ ни Славянскимъ, ни Русскимъ, и не будетъ привлекать, а отталкивать читателей. Съ удержаніемъ же формъ Славянскихъ неясность останется и послѣ сего исправленія [2]).

[1]) и [2]) Осмѣливаемся и здѣсь сдѣлать указаніе, подобное прежде

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
противъ словъ: *той твою блюсти будетъ главу*, подъ чертою, или на поляхъ замѣтить: *той твою сокрушитъ главу*. Или въ той же книгѣ въ главѣ 49 ст. 10	

сдѣланному, именно на то, что сказанное въ мнѣніи высокопр. Филарета Кіевскаго о томъ, «чтобы постепенно вводить нѣкоторыя частныя исправленія въ тѣхъ мѣстахъ Библіи, которыя, въ самомъ дѣлѣ, особенно не вразумительны, замѣняя однѣ слова и даже цѣлыя выраженія другими яснѣйшими и точнѣйшими, или поставляя ихъ на поляхъ, или подъ чертою и пр.» принадлежало столько же и высокопреосв. Филарету Московскому. Объ этомъ было нами приведено прежде документальное свѣдѣніе въ нашемъ изложеніи, взятое цѣликомъ изъ «Исторіи перевода Библіи на Русскій языкъ» соч. г. Чистовича.—Повторимъ здѣсь еще это же самое свѣдѣніе. «Какъ-то въ частной дружеской бесѣдѣ двухъ Митрополитовъ—Кіевскаго и Московскаго зашла рѣчь о дѣйствительной неясности и не вѣрности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Славянскаго перевода Библіи. Разсуждая, какъ бы поправить важнѣйшія ошибки и неточности, они пришли къ такому заключенію, что можно—гдѣ присовокупить истолкованіе, гдѣ замѣнить не понятное слово и не правильное выраженіе инымъ словомъ и выраженіемъ и пр...—Узналъ объ этомъ разговорѣ (обоихъ Митрополитовъ) и Оберъ-Прокуроръ (Протасовъ), который и обратился къ Митрополиту Московскому съ вопросомъ:—справедливъ ли, дошедшій до него—(Прокурора), слухъ?—Митрополитъ Московскій передалъ бывшій разговоръ слово въ слово.—Тогда Оберъ-Прокуроръ спросилъ его:—не рѣшится ли онъ дать ему записку о такомъ важномъ вопросѣ, чтобы самому ему въ него вдуматься и оцѣнить мнѣніе двухъ старшихъ Членовъ Сунода?»—«Охотно,—сказано было въ отвѣтъ: я не отрекусь отъ своихъ словъ, и что говорилъ теперь Вашему Сіятельству, то же скажу и на письмѣ.»—(Смотр. Христ. Чтеніе. 1872 г. Май, стран. 111 и 112).—При настоящемъ сопоставленіи сказаннаго въ мнѣніи высокопр. Филарета Кіевскаго, очевидно, въ совершенную согласность съ прежде-бывшимъ (въ 1842 г.) взаимнымъ единомысленнымъ соразсужденіемъ обоихъ Первосвятителей по этому же именно предмету,—и сказаннаго въ отзывѣ высокопр. Филарета Московскаго, очевиднымъ становится совершенно иное противоположное во взглядахъ послѣдняго на тотъ же самый предметъ.—Дѣлая это документальное указаніе, мы, само собою, не дерзаемъ дѣлать никакого вывода.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

противъ, или даже вмѣсто словъ: *дондже пріидутъ отложенная ему*, поставить: *дондеже пріидетъ Примирить*, и подобное. Или же въ новомъ Завѣтѣ, въ Евангеліи Матѳея въ 11 гл. ст. 12 исправить такъ: *Царствіе небесное съ усиліемъ восприемлется, и усильніи искатели восхищаютъ е.* Или въ 15 главѣ Іоанна въ ст. 22 вмѣсто: *вины не имутъ о грѣсѣ своемъ*, поставить: *извиненія* не имутъ; или еще въ Посланіи Ап. Іакова въ гл. 5 ст. 12 вмѣсто: *да не въ лицемѣріе впадете*, поставить: *да не осужденію подпадете;* и проч. Примѣръ сему мы имѣемъ достойный подражанія въ изданіи Библіи, сдѣланномъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

2) Дѣло сіе можно начать, первѣе всего, съ изданія Новаго Завѣта, а потомъ приступить къ Псалтири и цѣлой Библіи, и, притомъ, не дѣлать онаго предметомъ школьническихъ занятій, а составить для сего особенные Комитеты въ Кіевѣ, Петербургѣ и Москвѣ, подъ непосредственнымъ и лич-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.

нымъ руководствомъ Епархіальныхъ тамошнихъ Архіереевъ, изъ лицъ, по ихъ выбору, самыхъ благонадежныхъ не только по образованію, но наипаче по благочестію, частію служащихъ при Академіи, а частію и наипаче, если можно, совершенно свободныхъ отъ учебныхъ занятій, каковымъ Комитетамъ имѣть главнымъ образомъ пребываніе въ Лаврахъ. Симъ Комитетамъ дѣло должно быть раздѣлено по частямъ, впрочемъ такъ, чтобы они обо всемъ взаимно сносились и соглашались между собою, для соблюденія должнаго единства въ дѣлѣ, а окончательная редакція всѣхъ поправокъ должна принадлежать непосредственно самому Святѣйшему Сѵноду.

3) Для Новаго Завѣта въ руководство долженъ быть принятъ подлинникъ Греческій, какъ съ иностранныхъ самыхъ тщательныхъ изданій, такъ наипаче употребляемый нынѣ Церковію Греческою; причемъ полезно имѣть въ виду и древніе Славянскіе экземпляры, какъ то: Остроми-

рово Евангеліе, изданное Востоковымъ и Острожскаго изданія. Для Ветхаго же Завѣта, главнѣе всего, должно имѣть руководствомъ переводъ Семидесяти, и толкованія Св. Отецъ Церкви Греческихъ и, затѣмъ, уже принимать въ соображеніе, весьма впрочемъ осторожно, Еврейскій подлинникъ: ибо на вѣрность нынѣшнихъ изданій Библіи Еврейской полагаться никакъ нельзя, чему доказательствомъ служитъ Русскій переводъ Псалтири, заключающій въ себѣ, нерѣдко противорѣчіе съ истиннымъ, т. е. съ Православнымъ смысломъ Пророчествъ.

4) Не зависимо отъ сего необходимо позаботиться о томъ, чтобы составить для народа и издать, краткое по возможности, толкованіе всего Св. Писанія, выбранное изъ Отцевъ Церкви. Это дѣло можетъ быть поручено по частямъ, какъ Академіямъ духовнымъ, такъ и духовнымъ лицамъ, извѣстнымъ своимъ образованіемъ, благочестіемъ и способностію къ такому дѣлу.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Толкованіе печатать можно постепенно въ періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ при Академіяхъ. Здѣсь, если что случится и не такъ, опасности не будетъ, и ошибку легко будетъ поправить безъ соблазна для народа.

5) Такъ какъ знаніе Славянскаго языка въ простомъ народѣ гораздо лучше сохраняется отъ того, что онъ усерднѣе посѣщаетъ Богослуженіе и внимательнѣе слушаетъ церковное пѣніе и чтеніе, и весьма многіе, даже изъ неграмотныхъ, знаютъ наизустъ много Псалмовъ и пѣсней церковныхъ, а слабо это знаніе преимущественно въ высшемъ классѣ по пристрастію къ иностранному, и по рѣдкому и невнимательному слушанію Богослуженія, а главнѣе всего отъ того, что дѣти сего класса начинаютъ учиться не по Славянскимъ азбукамъ, а по Русскимъ: то, по мнѣнію моему, надобно обратить на это самое строгое вниманіе. Должно издать отъ Святѣйшаго Сунода для обученія дѣтей азбуки Славянорусскія, по примѣру

Отзывъ Митрополита Московскаго.

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

старинной нашей азбуки, съ статьями для первоначальнаго упражненія въ чтеніи на Славянскомъ и Русскомъ языкахъ, выбранными изъ Библіи, Богослужебныхъ книгъ, Твореній св. Отецъ, въ особенности Дмитрія Ростовскаго, и изъ Русскихъ, самыхъ назидательныхъ и благочестивыхъ книгъ, и требовать, при содѣйствіи Правительства, чтобы эти только азбуки были въ исключительномъ употребленіи у народа всѣхъ классовъ. Азбуки же и книжки, издаваемыя нынѣ у насъ во множествѣ для обученія и первоначальнаго чтенія дѣтей частными людьми, вовсе непризнанными къ сему, и наиболѣе для одной промышленной спекуляціи, въ которыхъ не только совершенно вытѣсненъ Славянскій языкъ, но вмѣсто благочестивыхъ статей для первоначальнаго чтенія предлагается самыя пустыя, если невредныя, сказки, басни и разсказы,—непремѣнно слѣдуетъ изъять изъ употребленія и изданіе подобныхъ книгъ частнымъ лицамъ впредь воспретить совер-

шенно. Равнымъ образомъ должно просить Министерство Народнаго Просвѣщенія, Управленіе Военно-учебныхъ заведеній и Главный Совѣтъ женскихъ учебныхъ заведеній, дабы и тамъ принято было за непремѣнное правило требовать, чтобы дѣти, поступающія въ училища, непремѣнно обучены были по тѣмъ же, отъ Святѣйшаго Сунода издаваемымъ, книжкамъ, и умѣли читать по Славянски наравнѣ съ Русскимъ. Эта мѣра, кромѣ того, что посредствомъ ея чтеніе Св. Писанія на Славянскомъ языкѣ будетъ доступно и понятно для всѣхъ, можетъ быть весьма полезна и въ другихъ отношеніяхъ: въ дѣтяхъ, только-что начинающихъ учиться, будетъ полагаться начало истинной премудрости—благочестіе и страхъ Божій, и знаніе на память съ раннихъ лѣтъ молитвъ, псалмовъ, Богослужебныхъ пѣсней и проч. на всю жизнь будетъ для нихъ чрезвычайно благотворно, вмѣсто того, что теперь, учась по гражданскимъ азбукамъ, они нерѣдко, какъ жалуются

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.	Отзывъ Митрополита Московскаго.
Законоучители въ учебныхъ заведеніяхъ, поступая въ училища, не знаютъ даже самыхъ первыхъ молитвъ: Царю Небесный и Отче Нашъ, и не умѣютъ вовсе читать по Славянски. Хотя послѣ въ Гимназіяхъ они учатся нарочито Славянскому языку, но это уже мало приноситъ пользы. а въ другихъ заведеніяхъ, напримѣръ: въ Военныхъ, Институтахъ, и того нѣтъ.	
6) Не излишне было бы, наконецъ, для свѣтскихъ людей и вообще не знающихъ Славянскаго языка составить и издать словарь Славянскихъ словъ, употребляемыхъ въ Св. Писаніи, съ переводомъ и объясненіемъ ихъ значенія на Русскомъ.	
* Изложивъ мои мысли съ глубочайшимъ смиреніемъ предъ Богомъ, Словомъ Его Святымъ и Православною Церковію, приближаясь ежедневно къ кончинѣ моей и готовясь предстать предъ нелицепріятный судъ Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, всѣмъ сердцемъ молю Его благость, да не помуд-	* Съ прискорбіемъ, покаряясь необходимости, прошелъ я поприще состязанія съ мыслями, изшедшими отъ мужа досточтимаго. И, остановясь, скорблю о нѣкоторомъ, хотя и частномъ недостаткѣ единства мыслей тамъ, гдѣ оно болѣе вожделѣнно. Утѣшаюсь однако, видя, что съ нынѣшнимъ единогласнымъ разсужде-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

рованіямъ человѣческимъ, а по премудрому Промыслу Своему Онъ Самъ устроитъ, яко же вѣсть, лучшее и полезнѣйшее, касательно сего, чрезвычайно важнаго, дѣла и сохранитъ миръ въ Православной Церкви Своей, послѣ того, какъ даровалъ благодатный миръ Отечеству нашему чрезъ Помазанника Своего Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

ніемъ Святѣйшаго Сунода согласно и разсужденіе Митрополита Кіевскаго, которое имѣлъ онъ въ 1824 году. Вижу также надежду полнаго единогласія въ томъ, что Митрополитъ Кіевскій, разсматривая изложеніе разсужденія Святѣшаго Сунода о переводѣ Св. Писанія на Русское нарѣчіе и приведя изъ перваго пункта онаго, что дѣло сіе должно быть возобновлено съ крайнею осторожностію, и изъ пятаго пункта, что ходъ сего дѣла не можетъ быть поспѣшенъ, заключаетъ отъ себя: „совершенно соглашаясь съ симъ, считаю необходимымъ,—не спѣша, начинать сіе дѣло, предварительно обсудить его со всею основательностію и со всѣхъ сторонъ“. Слѣдственно, и послѣ строгихъ отзывовъ своихъ о семъ дѣлѣ, онъ полагаетъ, что оно можетъ быть „начато“, но только не спѣша и по довольномъ обсужденіи.

Будучи обязанъ дать по назначенному дѣлу отзывъ, призываю Бога, Творца Священнаго Писанія, давшаго въ лицѣ Св. Апостоловъ

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

Церкви Своей дарованіе языковъ и нарѣчій, дабы всѣ народы сперва слышали проповѣдуемое, а потомъ и читали написанное слово Его, каждый на понятномъ языкѣ и нарѣчіи,-Бога призываю, чтобы Онъ не попустилъ моей мысли и слову уклониться отъ того, что̀ ему благоугодно и полезно Церкви его вообще и душамъ Христіанскимъ порознь. Подчиняясь совѣту Владыки Кіевскаго, вновь прохожу посильно внимательною мыслію разсужденіе и рѣшеніе Святѣйшаго Сунода и возбужденныя сомнѣнія, выше изложенныя и разсмотренныя: и послѣ сего остаюсь убѣжденнымъ пребыть въ совершенномъ согласіи съ разсужденіемъ Святѣйшаго Сунода 10-го Сентября 1856 года.

Римская церковь, по ея особенному догматическому направленію, удерживаетъ Священное Писаніе въ рукахъ духовенства, а чтеніе онаго народомъ не такъ свободно допускаетъ, какъ Восточная Каѳолическая Церковь, но и она не лишаетъ перевода онаго на общевра-

Мнѣніе Митрополита Кіевскаго.

Отзывъ Митрополита Московскаго.

зумительные языки,-и мы видимъ оное въ переводахъ французскомъ и нѣмецкомъ. На семъ послѣднемъ языкѣ въ 1838 году третьимъ уже изданіемъ напечатанъ переводъ Библіи, свѣренный съ оригинальнымъ текстомъ и посредствомъ краткихъ замѣчаній объясненный Докторомъ І. Ф. Алліоли съ одобренія Папскаго престола и по одобрительнымъ отзывамъ многихъ архіепископовъ и епископовъ. Кольми паче Православная Россійская Церковь не должна лишить Православный народъ чтенія слова Божія на языкѣ совершенно общевразумительномъ. Ибо такое лишеніе было бы не сообразно съ ученіемъ Святыхъ Отецъ, съ духомъ Восточно-Каѳолической Церкви и съ духовнымъ благомъ Православнаго народа.

Все изложеніе мнѣнія и отзыва въ томъ именно видѣ, въ какомъ напечатано оно у насъ, было внесено въ Св. Сѵнодъ при предложеніи г. Исправляющаго должность Оберъ-Прокурора Тайнаго Совѣтника К. С. Сербиновича отъ 16-го Сентября 1857 г. (№ 5692-й). Журналъ по этому дѣлу состоялся 24 Января 1858 г., въ которомъ Св. Сѵнодомъ *опредѣлено:* „Разсмотрѣвъ внимательно, доставленныя Преосвященными Митропо-

литами—покойнымъ Кіевскимъ Филаретомъ и Московскимъ Филаретомъ, мнѣнія по предмету перевода книгъ Св. Писанія на Русскій языкъ, Святѣйшій Сунодъ находитъ съ своей стороны, что переводъ на Русскій языкъ, сначала книгъ Новаго Завѣта, а потомъ постепенно и другихъ частей Св. Писанія, необходимъ и полезенъ, но не для употребленія въ церквахъ, для которыхъ Славянскій текстъ долженъ оставаться не прикосновеннымъ, а для одного лишь пособія къ уразумѣнію Св. Писанія, и что къ переводу сему, по особенной важности настоящаго дѣла, должно приступить со всевозможною осторожностію чрезъ лицъ, испытанныхъ въ знаніи Еврейскаго и Греческаго языковъ, по избранію и утвержденію Св. Сунода". *Приказали:* „Предоставить г. Оберъ-Прокурору Графу Александру Петровичу Толстому доложить о семъ Государю Императору" [1]).

Въ заключеніе всего нашего изложенія мы приведемъ здѣсь нижеслѣдующее изложеніе Автора „Исторіи перевода Библіи на Русскій языкъ", гдѣ онъ вкороткѣ изобразилъ ходъ дѣла по этому переводу, послѣ закрытія Библейскаго Общества, начиная съ переводовъ Протоіерея Павскаго и Архимандрита Макарія и оканчивая сейчасъ сказаннымъ рѣшеніемъ Св. Сунода о необходимости послѣдняго перевода. Въ этомъ изложеніи Автора читающіе съ одной стороны увидятъ все въ смыслѣ, такъ называемаго, résumè, а съ другой стороны будутъ имѣть возможность сдѣлать сопоставленіе между сказаннымъ у Автора и между изложеннымъ въ цѣломъ нашемъ отдѣлѣ.—Вотъ эти слова Автора.—

„Послѣ закрытія Россійскаго Библейскаго Общества переводъ Библіи на Русскій языкъ оффиціально былъ остановленъ; но частныя лица, по разумному и опытному убѣжденію въ пользѣ этого дѣла, продолжали его и тѣмъ положили основаніе для послѣдующаго, предпринятаго снова уже въ настоящее царствованіе, изданія Библіи на Русскомъ языкѣ. Мы разумѣемъ переводы книгъ Свя-

[1]) Исполнено 22 Марта 1858 г.

щеннаго Писанія Ветхаго Завѣта съ Еврейскаго языка на Русскій, *протоіерея Г. П. Павскаго* и *Алтайскаго миссіонера, Архимандрита Макарія (Глухарева).*—Оба они вышли изъ С.-Петербургской духовной Академіи [1]), которой, по справедливости, принадлежитъ честь веденія этого дѣла во все время его продолженія.

„Нельзя отрицать, что этимъ возбужденіемъ въ пользу перевода Библіи Академія обязана Московскому Митрополиту Филарету, къ чести котораго вообще нужно сказать, что онъ всегда былъ душею этого полезнаго для Церкви предпріятія и сохранилъ убѣжденіе въ пользѣ и даже необходимости перевода Библіи до конца жизни, прошедши съ нимъ чрезъ тѣсное время противодѣйствія этому убѣжденію и дѣлу и всякихъ попытокъ, направленныхъ къ его подавленію. Не справедливо было бы укорять его тѣмъ, что онъ, особливо въ первое время царствованія Николая I, не показалъ бо̀льшей настойчивости къ возобновленію этого дѣла, такъ какъ трудно предположить, чтобы Государь согласился съ его мнѣніемъ—противъ рѣшительнаго заявленія Митрополита Серафима, а съ нимъ вмѣстѣ Митрополита Евгенія и Архіепископа, потомъ Митрополита Филарета (Кіевскаго). Другой случай, гдѣ онъ могъ выразить свое сочувствіе этому дѣлу, представлялся при обнародованіи перевода Павскаго. Митрополитъ Филаретъ думалъ отдѣлить общее дѣло отъ частнаго, предложивъ сдѣлать новый церковный переводъ, а переводъ Павскаго изъять изъ употребленія; но и въ этотъ разъ попытка его не удалась. Ему довелось, однако, дожить до перемѣны обстоятельствъ къ лучшему и настоять на возобновленіе перевода Библіи, съ изданіемъ его отъ лица Святѣйшаго Сѵнода, и принять въ этомъ дѣятельное участіе.

„Съ почтеніемъ и благодарностію мы должны назвать еще одно лицо, глубоко проникнутое убѣжденіемъ въ

---

[1]) Г. П. Павскій изъ студентовъ 1-го; Макарій Глухаревъ изъ студентовъ 2-го курса С.-Петербургской Духовной Академіи.

пользѣ Русскаго перевода Библіи, и, по мѣрѣ силъ, всегда содѣйствовавшее этому дѣлу,—покойнаго Митрополита С.-Петербургскаго Григорія. Ученикъ и почитатель Филарета, Григорій былъ послѣ него Ректоромъ С.-Петербургской духовной Академіи, Членомъ Коммиссіи духовныхъ Училищъ, участвовалъ съ самаго начала въ переводѣ Библіи и, потомъ, былъ въ числѣ лицъ, составлявшихъ Присутствіе Св. Сунода въ 1856 г., постановившее опредѣленіе о возобновленіи перевода Библіи на Русскій языкъ; а въ 1858 г., когда надлежало дать этому дѣлу рѣшительный ходъ, *при противодѣйствіи тому со стороны тогдашняго Оберъ-Прокурора Св. Сунода*, онъ былъ Первоприсутствующимъ въ Сунодѣ, составъ котораго состоялъ въ то время, кромѣ Митрополитовъ Филарета (Московскаго—не присутствовавшаго въ Св. Сунодѣ) и Григорія, изъ Кіевскаго Митрополита (нынѣ С.-Петербургскаго) Исидора, Духовника Ихъ Величествъ Протопресвитера В. Б. Бажанова и Протопресвитера В. И. Кутневича. Кіевскій Митрополитъ Филаретъ, сохраняя званіе Сунодальнаго Члена до смерти своей, (послѣдовавшей въ 1857 г.), не присутствовалъ въ Сунодѣ и противодѣйствовалъ этому дѣлу. Впрочемъ,—говоритъ Авторъ,—послѣдовательно-историческое изложеніе событій лучше всего можетъ выяснить значеніе и достоинство каждаго изъ дѣятелей въ этомъ великомъ предпріятіи“ [1]).

Это послѣдовательно—историческое изложеніе сдѣлано Авторомъ пространное и подробное, изъ котораго мы и брали нужныя для насъ свѣдѣнія, какъ документальныя, а на прочія указывали желающимъ ознакомиться съ ними въ самой „Исторіи“ достопочтеннаго Автора. На сколько же наше изложеніе, основанное, между прочимъ, на извѣстныхъ намъ біографическихъ данныхъ, сходится съ изложеніемъ Автора Исторіи, и въ

---

[1]) Смотр. «Истор. перевода Библіи на Русскій языкъ». соч г Чистовича. Христіан. чтеніе. 1872 г. Май стр 74—76.

какой мѣрѣ оно представляетъ всю сущность дѣла, а равно и значеніе и достоинство каждаго изъ бывшихъ дѣятелей—участниковъ въ немъ, предоставляемъ судить всякому благовнимательному читателю.

Обращаемся къ окончанію повѣствованія о служеніи въ Бозѣ почившаго въ Калужской Епархіи.

ОТДѢЛЪ VIII.

ГЛАВА XXV.

«Калужская паства и въ свое время и поднесь молитъ Господа, да пошлетъ Онъ ей въ утѣшеніе подобнаго Отца-Архипастыря, каковъ былъ приснопамятный Филаретъ.»—«Послѣднимъ словомъ своимъ Владыка Филаретъ тронулъ всѣхъ, въ чрезвычайномъ множествѣ присутствовавшихъ въ храмѣ, до всей глубины души; и слезы—искреннѣйшіе знаки искреннѣйшей приверженности всѣхъ свидѣтельствовали о печальныхъ чувствованіяхъ горестнаго разлученія.»—«При самомъ же прощаніи и проводахъ были такія умилительныя сцены, которыя возможно только чувствовать сердцемъ, а выразить словами—нѣтъ» [1]).

Читающіе припомнятъ, что мы закончили повѣствованіе о служеніи высокопр. Филарета въ Московской Духовной Академіи словами, бывшаго воспитанника сей Академіи, новонареченнаго Епископа Іоанна въ рѣчи его Святѣйшему Сѵноду,—словами, какъ нельзя болѣе, вѣрно характеризующими духъ, характеръ и образъ всего Академическаго служенія.—Мы и въ настоящій разъ не можемъ отказать себѣ, чтобы не воспользоваться словами этого же духовнаго витіи [2]), въ которыхъ столь же вѣрно охарактеризованы духъ, характеръ и образъ Святитель-

---

[1]) Слова разныхъ доставителей свѣдѣній.

[2]) Рѣчь эта была напечатана, между прочимъ, въ журналѣ «Странникъ» 1865 г. Январь. Отд. IV. стран. 5—8, откуда мы и заимствуемъ ея содержаніе.

скаго служенія, каковые въ достойной мѣрѣ могутъ быть приложимы и къ самому начальному служенію высокопр. Филарета въ Калужской Епархіи, а тѣмъ паче въ связи съ изложенными по дѣлу о переводѣ Св. Писанія на Русскій языкъ историческими данными.

Впрочемъ, чтобы воспользоваться содержаніемъ указываемой рѣчи Преосв. Іоанна, мы имѣемъ для этого и право и даже долгъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Когда покойный Преосвященный былъ уже Епископомъ Смоленскимъ, непосредственнымъ преемникомъ высокопр. Антонія, и я находился, въ теченіе перваго года его служенія. тоже въ Смоленскѣ, и въ эту пору начиналъ собирать матеріалы для біографіи высокопр. Филарета. тогда самъ же Преосв. Іоаннъ заинтересовался этимъ моимъ дѣломъ, по отношенію собственно къ лицу и памяти жизнеописуемаго. Имѣвши честь съиздавна, еще во время его ректорства въ Казанской и С.-Петербургской Академіяхъ. быть въ знакомственныхъ отношеніяхъ къ Преосв. Іоанну и зная его личный характеръ, что онъ не любилъ быть словоохотливымъ по какимъ либо частнымъ предметамъ, я даже удивлялся, что при настоящемъ моемъ дѣлѣ онъ проявилъ въ себѣ совсѣмъ иную сторону своего характера. Онъ явился столь сочувствующимъ и интересовавшимся, что подобное что либо въ другихъ лицахъ, бывшихъ, сколько мнѣ извѣстно, въ очень близкихъ отношеніяхъ къ въ Бозѣ почившему Первосвятителю—высокопр. Филарету, мнѣ весьма не много приводилось встрѣтить...

„Да говорилъ онъ, вотъ ровно двадцать пять лѣтъ [1]), какъ я въ первый разъ, онъ же былъ и послѣдній, узрѣлъ лицемъ къ лицу этого великаго силою духа Святителя Русской Церкви. Это было, какъ теперь помню, въ Маѣ 1842 г., когда покойный Митрополитъ Филаретъ былъ въ нашей Московской Академіи, на пути его въ Кіевъ изъ С.-Петербурга, изъ котораго онъ тогда возвращался навсегда. Въ лицѣ его, и подъ бѣлымъ кло-

[1]) Излагаемый разсказъ относится къ 1867 г.

букомъ съ блистающимъ на немъ крестомъ и при всѣхъ орденскихъ отличіяхъ на его персяхъ, я узрѣлъ въ первые сколько истинный внутренній образъ истиннаго Святительства, исполненный духа, жизни, силы, свѣта, любви, составляющихъ ореолъ..., столько же въ немъ я видѣлъ какъ бы воплощеніе всего, что̀ возможно и желалось бы всей душой возобразить себѣ въ лицѣ и состояніи *великаго Аввы*... Но, видно, такова доля подобныхъ *избранныхъ* въ средѣ земнородныхъ и въ частности, пожалуй, даже въ средѣ носящихъ тоже званіе,-что эти *избранные* и при жизни не находятъ себѣ пьедестала, а вѣрнѣе сказать, никогда сами же они не ищутъ и не помышляютъ объ немъ, и по кончинѣ своей остаются *подъ спудомъ*... Я знаю напр., что о нѣкоторыхъ уже заранѣе приготовлены *скрижали писанныя*... [1]). Но, вѣроятнѣе всего, эти скрижали *каменныя*... И вотъ я напередъ готовъ высказать вамъ мое недовольство, если, и начинаемое вами, жизнеописаніе будетъ въ чемъ либо похожимъ на такія скрижали... Не честь, не хвала и Преосвященному Антонію, что онъ, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, не взялъ на себя долгъ и трудъ начертать

---

[1]) Это было указаніе на записки г. Сушкова о высокопр. Филаретѣ Митрополитѣ Московскомъ, писанныя еще при жизни послѣдняго. Нужно сказать, что преосв. Іоаннъ имѣлъ чувства и отношенія къ высокопр. Филарету Московскому и также къ высокопр. Григорію Митрополиту С.-Петербургскому не расположительныя. Чтобы сказать всю сущую правду, преосв. Іоаннъ и при настоящемъ разговорѣ не скрывалъ этого... Онъ, между прочимъ, употребилъ, особенно памятное для меня по самой оригинальности, выраженіе, когда наименовалъ того и другаго Первосвятителя *регламентерами* и притомъ *самодумными*, дѣйствовавшими въ силу своего авторитета, сколько и личнаго характера.. Такой отзывъ въ устахъ преосв. Іоанна, конечно, былъ естественъ, (хотя бы и не вѣренъ), собственно по тому, что̀ ему самому лично пришлось испытать по поводу, между прочимъ, проповѣди его, сказанной въ Казанской Академіи, по крестьянскому вопросу, и судя потому, какъ поступлено было съ самымъ журналомъ—«Православнымъ Собесѣдникомъ», когда отдали его подъ опеку Московской Академіи. (Объ этомъ смотр. въ Біографіи высокопр. Антонія Архіепископа Казанскаго).

во всемъ достойномъ изображеніи, хотя и въ краткихъ чертахъ, жизнь великаго Святителя—Филарета, образъ котораго такъ живо, глубоко, назидательно всегда предносится мнѣ“... Послѣ этихъ словъ я, между прочимъ, высказался предъ преосв. Іоанномъ со всею искренностію, соотвѣтствующею его собственной, что мнѣ весьма желалось бы имѣть у себя сочиненіе Вашего Преосвященства „*о Монашествѣ Епископовъ*“.., и собственно для того, чтобы провѣрять, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, многія черты и качества въ Бозѣ почившаго не какъ только Святителя, но не раздѣльно какъ *схимонаха*“... Въ ту же минуту вынесъ Преосвященный экземпляръ своего сочиненія и, отдавая его мнѣ, сказалъ: „знайте же, что. писавши это сочиненіе, я самъ представлялъ себѣ образъ почившаго, и какъ великаго Святителя, и какъ великаго Аввы“...—При этихъ столь искренне-откровенныхъ словахъ преосв. Іоанна, мнѣ подумалось тогда же, а потомъ и при повторительномъ не разъ чтеніи вышеуказанной рѣчи его при нареченіи въ Епископы, что, вѣроятно, представлялся ему образъ высокопр. Филарета и при изложеніи самой рѣчи.—Приводимъ изъ этой рѣчи слѣдующія мысли.

„Церковь требуетъ, говорилъ новонареченный Епископъ, отъ своихъ Святителей—пастырей, чтобы свѣтить свѣтомъ Христовой истины, проводя ее въ народъ въ ея живомъ дѣйственномъ духѣ, въ яркихъ и сильныхъ чертахъ Евангелія, а не въ однихъ общихъ словахъ отвлеченныхъ поученій, или въ неясныхъ безжизненныхъ образахъ школьной науки; свѣтить свѣтомъ собственнаго духа, внося въ церковную дѣятельность ясную мысль, сознательное убѣжденіе, неизмѣнныя начала и твердую систему, а не одни преходящія мнѣнія и случайныя соображенія..,—свѣтить свѣтомъ жизни, чтобы оправдывать ученіе дѣлами и побѣждать всякое лжемысліе столько нравственно и практически, сколько умственно и догматически“.—Далѣе сказавъ, что какъ Церковь наша была полна жизни и силы въ лицѣ своихъ Святителей отъ Иларіона Кіевскаго до Тихона Воронежскаго, новонареченный Епископъ говоритъ, что „эта жизнь и

сила выражалась въ не изъяснимой теплотѣ сердца,—словомъ въ любви, горячей пламенной любви къ своему званію, своему служенію, своимъ подвластнымъ и пасомымъ, къ своей Церкви.—И вотъ это-то и было истинное пастырское Богословіе, великая наука пасти души человѣческія (христіанскія)! У тѣхъ. духомъ горѣвшихъ, Пастырей вся наука эта (и вся дѣятельность) заключалась почти въ одномъ словѣ: любить,—любить, чтобы со всею полнотою душевнаго сочувствія исполнять свой долгъ и любовію препобѣждать всѣ его трудности..., чтобы неустанно и неусыпно стоять на стражѣ Вѣры и Церкви, въ непрерывной борьбѣ съ ея врагами внутренними и внешними...,—любить, чтобы и люди любили и насъ и Церковь и Бога".

Да. сколько, быть можетъ, ни не полно во всѣхъ подробностяхъ и отчасти не опредѣленно, по недостатку и не точности нѣкоторыхъ свѣдѣній, наше повѣствованіе о жизни и служеніи въ Бозѣ почившаго, за время управленія его Калужскою паствою, но, сейчасъ приведенныя изъ рѣчи, истины и мысли едва ли не въ большинствѣ совпадаютъ съ изложенными данными. Вся Калужская паства, всеконечно, не желала обольщать себя и обманывать другихъ, когда, по свидѣтельству одного изъ доставителей свѣдѣній „и въ свое время и по днесь молитъ Господа, да пошлетъ ей въ утѣшеніе подобнаго отца—Архипастыря, горѣвшаго любовію ко всѣмъ и располагавшаго всѣхъ любить его, какъ истиннаго служителя Божія и Пастыря Церкви, какимъ явилъ себя содѣлавшій навсегда не забвеннымъ для нея свое имя и память—преосв. Филаретъ" [1]).

Впрочемъ, представляемыя въ такомъ видѣ и значеніи, Святительскія достоинства Калужскаго Епископа Филарета и личныя его качества не оставались, какъ оказывается, безъизвѣстными и вдали—въ самомъ Петербургѣ. Тѣ, что приведено было нами прежде въ видѣ

---

[1]) Смотр. свѣдѣнія объ отъѣздѣ и проводахъ преосв. Филарета изъ Калуги въ Рязань.

слуха, какъ и передавало намъ упоминавшееся лицо (о. Намѣстникъ Сергіевой Лавры А. Антоній), т. е. что, вмѣстѣ съ вызовомъ въ Сунодъ Кіевскаго Митрополита Евгенія (въ 1824 г.), имѣлся въ виду и Калужскій Епископъ Филаретъ, подтверждается дѣйствительными данными [1]).—„Архимандритъ (Юрьевскій) Фотій, читаемъ въ Исторіи г. Богдановича, пользовавшіися авторитетностію и довѣренностію Государя Императора Александра Павловича [2]) въ доносѣ своемъ (отъ 18 Мая 1824 г.) говоря о томъ, кого нужно смѣнить изъ присутствовавшихъ въ Сунодѣ, (разумѣя, само собою, во главѣ Филарета Московскаго,—въ это время, впрочемъ, не бывшаго въ Сунодѣ), и кого лучше вызвать въ Сунодъ для присутствованія, и указавъ во 1-хъ на Кіевскаго Митрополита Евгенія (Болховитинова), что „сей человѣкъ умнѣе Филарета (Московскаго), мудрѣе, старѣе и опытнѣе,—писатель и историкъ отличный, притомъ *правовѣренъ*, [3]) онъ и въ Питерѣ не бывалъ и *партій не имѣетъ* [4]) и вообще можетъ быть надеженъ ко всему,—присовокупилъ: „на всякій случай на видъ представлю, хотя и не знаю лично, славящихся благочестивою жизнію, *правовѣріемъ* и ученостію доброю, архіереевъ: 1) Могилевскаго Архіепископа Іоасафа, 2) *Калужскаго* Епископа *Филарета*, 3) Курскаго Епископа Владиміра, 4) Владимірскаго—Парѳенія“.

Этотъ фактъ хотя представляетъ свидѣтельство изъ устъ одного частнаго лица—А. Фотія, но, во первыхъ,

---

[1]) Ни въ Исторіи перевода Библіи на Рус. языкъ соч. г. Чистовича, ни въ Чтеніяхъ изъ Исторіи Русской Церкви за время царствованія Императора Александра I соч. г. Знаменскаго, указаній на это, почему-то, нѣтъ Но, приводимыя теперь нами, свѣдѣнія мы встрѣтили у г. Богдановича въ его «Исторіи Царствованія Императора Александра I (Том. VI въ прилож. къ главѣ LXXIX, стр. 46—подъ заглавіемъ: «Доносъ Архимандрита Фотія»).

[2]) Въ описываемую именно пору Архимандритъ Фотій пожалованъ былъ рѣдкою для архимандритскаго сана наградою—«панагіею драгоцѣнною». (Тамъ же и у другихъ).

[3]) Намекъ на Московскаго Филарета.

[4]) Тоже.

это лицо имѣло доступъ представлять доносы, или доклады Самому Государю, а во вторыхъ самое то, что А. Фотій представлялъ о кандидатахъ въ томъ числѣ и о *Филаретѣ* не какъ лично ему извѣстныхъ, [1]) то и самыя мнѣнія одобрительныя были, значитъ, въ бо́льшей, или меньшей мѣрѣ въ ходу въ средѣ лицъ, въ обществахъ которыхъ онъ вращался,—лицъ, разумѣется, высокопоставленныхъ.—Во всякомъ случаѣ, имѣвшійся въ виду и доходившій даже до слуха Москов. Филарета, вызовъ Филарета Калужскаго на высшій почетный постъ служеженія въ средѣ Присутствующихъ въ Св. Сѵнодѣ, имѣлъ ближайшимъ послѣдствіемъ то, что вскорѣ же высокопр. Филаретъ былъ перемѣщенъ изъ Калужской епархіи на высшую каѳедру—въ епархію Рязанскую [2]). Перемѣ-

---

[1]) За-то этотъ же самый о. Архимандритъ Фотій когда уже сталъ знать лично высокопр. Филарета, то всего болѣе понималъ и высоко цѣнилъ его достоинства и притомъ въ отношеніи именно его значенія въ личномъ участіи въ дѣлахъ Св. Сѵнода, въ которомъ онъ, по званію Первосвятителя Кіевскаго, занялъ старѣйшее мѣсто послѣ Первенствующаго Члена. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны самыя выраженія и чувства, въ какихъ писалъ по этому предмету о. Архимандритъ Фотій къ преосв. Иннокентію (Борисову), бывшему въ эту пору Викаріемъ Кіевскимъ.—Вотъ въ *подлинной орѳографіи* письмо А. Фотія. «О радости Кіева и твоей, Владыко святый, я поздно уже пишу тебѣ: за двѣ недѣли я видѣлъ видѣніе во снѣ, что Филаретъ тотъ сдѣланъ въ Кіевъ, который уже и сдѣланъ; не хотѣлъ вѣровать и жалѣлъ даже на время малое въ Кіевѣ ему числиться. Ибо мню, что не будетъ онъ до конца въ Кіевѣ... Но уже теперь за вѣрное онъ въ Кіевъ сдѣланъ Митрополитомъ: и въ Пасху былъ въ бѣломъ клобукѣ. Единственный твой благодѣтель и любитель: вѣрь мнѣ. Ты теперь на время въ полной радости.—Но вотъ что скажу тебѣ *по секрету:* не мани его къ себѣ подъ разными видами: епархія всегда имѣла своего Владыку на лицо. Ему надобно быть въ Сѵнодѣ, и будетъ: и посему пиши ему, что все Богъ устрояетъ и устроитъ. И болѣе пиши умненько, дабы онъ не спѣшилъ посѣщать паству новую, такъ какъ *нужды болѣе въ немъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ свѣтитъ*... Ты меня понимаешь, къ чему все нужно дѣлать Бога ради сіе».—(Смотр. Христ. Чтеніе 1887 г. Письмо XV. стран. 756—757).

[2]) Съ прежнихъ давнихъ временъ всѣ епархіи въ Россійской Имперіи раздѣлялись на классы по старѣйшинству на основаніи

щеніе это состоялось по Высочайшему повелѣнію, изображенному въ Указѣ Св. Сѵнода 12 Января 1825 года.

Такимъ образомъ управленіе въ Бозѣ почившаго Калужской епархіею продолжалось всего шесть лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами.—Но, очевидно, здѣсь имѣло значеніе не количество времени, а качество святительскаго служенія. О послѣднемъ же мы видѣли свидѣтельство, что Калужская паства и въ свое время и поднесь молитъ Господа да пошлетъ ей въ утѣшеніе подобнаго отца—Архипастыря и пр. Потому-то,—читаемъ у другаго доставителя свѣдѣній,—„и при прощаніи и проводахъ Владыки Филарета были такія умилительныя, трогательныя сцены, которыя возможно только чувствовать сердцемъ, а выразить словами—нѣтъ".

На прощанія и проводы, о коихъ мы хотимъ сказать, многіе, правда, смотрятъ двусмысленно, а иные, пожалуй, положительно видятъ въ нихъ одинъ лишь обычай, обрядъ, или просто—церемонію, хотя для духовенства обязательную, какъ заведенный и сохранившійся отъ старины порядокъ. Но да позволено будетъ прежде всего обратиться къ подобнымъ *многимъ* съ вопросомъ, такъ рѣзко и мѣтко выраженнымъ въ извѣстномъ стихотворномъ изреченіи: *„Съ кого портреты они пишутъ? Гдѣ разговоры эти слышутъ"?!* Странное въ самомъ дѣлѣ явленіе!! Не эти ли же самыя лица, если бы дѣло коснулось ихъ личной, какъ говорится, живой струны, въ родѣ напр. того,-когда на какомъ либо заздравномъ, или прощальномъ обѣдѣ нужно бываетъ почтить какое либо лицо, иногда и заочно, то не пер-

---

историческаго значенія главныхъ городовъ, бывшихъ въ свое время столицами Россійскихъ удѣльныхъ Князей. Рязанская епархія была въ разрядѣ втораго класса; и до настоящей поры, хотя классы эти уничтожены, осталась всетаки въ особомъ значеніи, что доказывается тѣмъ, что архіереи Рязанскіе всегда, какъ и въ послѣднюю коронацію, вызываются на это священное торжество; такъ точно, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, изъ Рязани же высокопреосв. Филаретъ былъ вызванъ на Коронованіе Императора Николая Павловича въ 1826 г 22 Августа.

вые ли они готовы бываютъ разразиться на перерывъ какимъ либо спичемъ, оглушительными кликами и рукоплесканіями, или отнестись съ адресомъ, или отправить телеграмму.?! И во всемъ этомъ они же готовы всѣми силами доказывать, что здѣсь не обычай только, а изліяніе душевныхъ, и будто бы, священныхъ чувствъ и проч. Итакъ, если у автора—поэта вопросъ его не остался безъ извѣстнаго отвѣта, то и въ настоящемъ мѣстѣ онъ ясенъ самъ собою...

Да, прощанія и проводы, какіе въ большинствѣ, къ утѣшенію, доднесь видимъ и слышимъ мы при разлукѣ Архипастырей съ своими паствами, берутъ основанія и побужденія не изъ другаго источника, какъ изъ религіознаго настроенія, и истекаютъ изъ той внутренней духовной связи, гдѣ паства становится истинно *едино тѣло* и *единъ духъ* съ своимъ Архипастыремъ—святителемъ... Говоримъ—паства, а не избранныя лишь и представительныя лица ея, такъ какъ, что̀ замѣчательно, всегда, при подобныхъ событіяхъ, всѣ даже сословія какъ бы уничтожаются,—всѣ сливаются какъ бы въ одну семью, всѣ одинаково простираютъ свои взоры и руки, чтобы не пропустить послѣдняго взгляда, не проронить послѣдняго слова, не остаться безъ послѣдняго благословенія со стороны своего бывшаго Архипастыря.—Ачто здѣсь дѣйствуетъ не одно лишь общечеловѣческое чувство, доказательство въ томъ, что можемъ ли мы указать подобныя чувствованія и отношенія къ кому либо при подобныхъ разставаніяхъ и проводахъ;—бываетъ ли напр. это при отъѣздѣ Начальниковъ губерній и другихъ равностепенныхъ лицъ?!—Можетъ быть изъ сотенъ случаевъ одинъ примѣръ, и то не въ такомъ родѣ и видѣ. Нѣтъ,—кромѣ Помазанниковъ Божіихъ—Царей и Августѣйшихъ Лицъ, ни къ кому не относится Русскій Православный народъ съ такими единодушными чувствами, какія видимъ мы и въ отношеніи къ Святителямъ и при встрѣчахъ, и при проводахъ;—слѣдовательно эти чувства прямо приносятся на алтарь Церкви и Престола, освящаемаго Церковію же.—Самый церковный колокольный звонъ имѣетъ при этомъ свою особенную знаменатель-

ность.—Производить же эти явленія изъ обычаевъ старины, собственно говоря, не значитъ ослаблять и унижать ихъ значеніе, а, напротивъ, только лишь подтверждать ихъ истинность, естественность, законность и священность. Желающій пусть раскроетъ страницы изъ жизнеописаній древнихъ великихъ Святителей Церкви напр. св. Іоанна Златоустаго, и уразумѣетъ, какъ этотъ Святитель, громоносно обличавшій и поражавшій всякое раболѣпство, ласкательство въ средѣ своей паствы, не исключая даже самаго двора, въ тоже время понималъ и принималъ тѣ заявленія и выраженія чувствъ, какими сопровождали его и при разлукѣ съ ними, и при встрѣчѣ при его возвращеніи, Православные жители Цареграда. Для примѣра развернемъ свитокъ его златословесной бесѣды, которую онъ говорилъ по возвращеніи своемъ изъ Азіи, когда въ несмѣтномъ множествѣ и съ громкими кликами встрѣтили его пасомыя чада его. „Радуюсь и восхищаюсь, какъ бы воспаряю отъ восторга и не могу выразить, какъ велика моя радость. Что̀ скажу любви вашей и тому благорасположенію, какое показали вы, когда радостныя восклицанія ваши проникали въ небо?! Самый воздухъ освятили вы, и городъ содѣлали церковью: почтенъ былъ я, а прославленъ Богъ! [1])“. Думать ли, что тогда были особыя времена и обстоятельства, въ которыхъ и паствы и пастыри имѣли особенныя причины и побужденія имѣть такую тѣсную, внутреннюю и внѣшнюю связь между собою?!. Но кто же далъ намъ право не признавать эту же самую связь, ту связь чувствъ и отношеній, въ силу которой и Калужская паства молила Господа, да пошлетъ ей въ утѣшеніе подобнаго отца и архипастыря,— и самъ въ Бозѣ почившій въ своей прощальной бесѣдѣ взывалъ молитвенно ко Господу предъ лицемъ, оставляемой имъ, паствы: „Господи Сердцевѣдче! Ты вѣси, сколь-

---

[1]) Смотр. «Подробное описаніе жизни и пастырской дѣятельности св. Отца нашего Іоанна Златоустаго», составленное священник. Василемъ Лебедевымъ. Москва. 1860 г. стр. 383.

ко сердце мое воздыхало и будетъ воздыхать къ Тебѣ, да сей знаменитый градъ, цвѣтущій благочестіемъ и добродѣтелями отцевъ нашихъ, очистится отъ послѣднихъ останковъ заблужденія и сусевѣрія."

Свѣдѣнія о прощаніяхъ и проводахъ преосв. Филарета, при отъѣздѣ его изъ Калуги въ Рязань, доставлены отъ различныхъ лицъ—очевидцевъ, и въ общемъ ихъ составѣ они состоятъ въ слѣдующемъ.—

„12 Генваря 1825 года былъ полученъ указъ Св. Сунода о назначеніи преосв. Филарета во второклассную епархію Рязанскую—(хотя въ званіи Епископа же). Выѣздъ его послѣдовалъ въ первую недѣлю великаго поста—въ Воскресенье. Съ Семинаріей Преосвященный простился еще наканунѣ послѣ вечерни. Когда собрались всѣ начальствующіе, учащіе и ученики въ покои его Преосвященства, сколько могли вмѣститься, Преосвященный вышелъ и сказалъ съ чувствомъ: *„О если бы намъ увидѣться такими чистыми на судѣ Господнемъ!* ибо въ этотъ день сподобились пріобщенія Св. Таинъ; а затѣмъ, обратившись къ Ректору Семинаріи, сказалъ ему: *„попекитесь о дѣтяхъ; пусть они будутъ имѣть недостатки въ познаніяхъ, только были бы истинные христіане"*. Въ самый же день отбытія своего изъ Калужской епархіи въ недѣлю Православія (15 Февраля) [1]), Преосв. Филаретъ, по совершеніи Божественной Литургіи соборнѣ, прощальнымъ словомъ своимъ тронулъ всѣхъ присутствовавшихъ во храмѣ, собравшихся въ чрезвычайномъ множествѣ, до всей глубины души,—и слезы-искреннѣйшіе знаки искреннѣйшей привержен-

---

[2]) Смотр. «Замѣтки о жизни высокопр. Филарета Митроп. Кіевскаго», составленныя въ Бозѣ почившимъ Антоніемъ, архіеп. Казанскимъ (Первая половина, 1879 г. стран. 23—24).—Авторъ этихъ замѣтокъ, архіеп Антоній, какъ родной племянникъ преосв. Филарета и жившій при немъ постоянно въ годы своего дѣтства въ Калугѣ, самъ былъ очевидцемъ описываемыхъ проводовъ, хотя и понималъ ихъ значеніе тогда по дѣтски, за—то доставленныя ему свѣдѣнія онъ провѣрялъ тщательно и мнѣ объяснялъ ихъ по мѣстамъ.

ности свидѣтельствовали о печальныхъ чувствованіяхъ горестнаго разлученія.—По окончаніи молебствія предъ Иконою Калужской Божіей Матери съ колѣнопреклоненіемъ, происходившаго въ присутствіи всего городскаго духовенства, маститый старецъ каѳедральный протоіерей Іоаннъ отъ лица всей паствы произнесъ предъ Его Преосвященствомъ благодарственную рѣчь, въ которой, прерывающимся отъ лѣтъ и чувствительной горести, голосомъ, изъявилъ совершеннѣйшую признательность пасомыхъ къ истинно-пастырскому управленію сею паствою и отеческимъ благодѣяніямъ Его Преосвященства. Все Калужское духовенство въ глубокой скорби и слезахъ поверглось къ стопамъ Его Преосвященства и принимало его благословеніе. За симъ Преосвященнѣйшій изволилъ прощаться со всѣми сословіями паствы своей и изъявилъ особенную признательность, предъ лицемъ всего собранія, за усердіе къ святой церкви и благочестивый примѣръ, Его Превосходительству г. Гражданскому Губернатору Н. К. О., также и духовенству—за отличное его поведеніе. Въ два часа по полудни начался въ соборѣ благовѣстъ къ сопровожденію Архипастыря, а въ три часа Его Преосвященство, приложась къ св. иконамъ въ домовой церкви и будучи напутствованъ рѣчью, произнесенною Архимандритомъ Ректоромъ Семинаріи Венедиктомъ, сопровождаемый искренними благословеніями всѣхъ жителей Калуги, при многочисленнѣйшемъ стеченіи всякаго званія людей, съ слезными рыданіями провождавшихъ своего добраго Архипастыря, коими наполнена была вся площадь около собора, и при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ, изволилъ отправиться въ путь свой по московскому тракту.—Духовенство и граждане проводили его за городъ до часовни, извѣстной подъ именемъ Креста, гдѣ Преосвященнѣйшій, по молитвѣ о благосостояніи Калужской паствы, паки прощался со всѣми, желая всему граду благословенія отъ Господа.—Граждане напутствовали Его Преосвященство хлѣбомъ и солью. Народъ толпился и бѣжалъ въ слѣдъ за своимъ Архипастыремъ, провождая его взорами, доколѣ не потерялъ совершенно изъ виду.

Но можно ли описать такія трогательныя сцены, которыя сердце лучше можетъ чувствовать?! Преосвященнѣйшій Филаретъ оставилъ признательной паствѣ своей вѣчный памятникъ своего истинно-пастырскаго служенія по духу Пастыреначальника—Христа Спасителя. Его святая и подвижническая жизнь—примѣръ толико назидательный для нынѣшняго христіанства, мудрое правосудіе, безкорыстное, примѣрное милосердіе, отеческое вниманіе, покровительство и ободреніе учащихъ и учащихся въ духовной Семинаріи и училищѣ, искреннѣйшая сострадательность къ бѣднымъ и безпомощнымъ, которымъ, не имѣя возможности удовлетворить инымъ образомъ, столь часто удѣлялъ онъ въ пособіе отъ своего имущества,—кроткое и необыкновенно терпѣливое снисхожденіе и смиренное обращеніе со всѣми, въ которомъ никогда не отказывалъ и послѣднему нищему,—назидательнѣйшія его поученія и бесѣды, которыя онъ, изъ желанія спасенія всей паствѣ своей, почти каждый воскресный день предлагалъ въ церкви,—дали ему имя незабвеннаго и добрѣйшаго Отца-Владыки.—Сиротствующая Калужская паства молитъ Господа, да пошлетъ ей въ утѣшеніе подобнаго отца и архипастыря".

На пути своемъ преосв. Филаретъ заѣзжалъ въ г. Боровскъ и тамъ такъ же прощался съ паствою въ Боровскомъ Пафнутьевомъ монастырѣ, о чемъ свидѣтель-очевидецъ пишетъ слѣдующее: „Прощаніе происходило въ теплой Рождественской церкви, куда собраны были и всѣ ученики Боровскаго духовнаго училища. Когда начали пѣть: *Нынѣ отпущаеши...*, то съ какимъ глубокимъ благоговѣніемъ преклонилъ преосв. Владыка святительскія колѣна свои предъ престоломъ Благодати, и какъ долго и умиленно молился!!—По окончаніи моленія вышелъ на амвонъ и началъ говорить рѣчь, но слезы помѣшали, и онъ замолкъ. Въ это время подошелъ къ Преосвященному намѣстникъ монастыря о. Ѳеофилъ, нашъ бывшій о. Смотритель училища и, не могши произнести отъ слезъ рѣчь, прочиталъ ее по тетради.—За нимъ приблизился къ Владыкѣ родной братъ его—о. Протоіерей Гавріилъ Егоровичъ (Амфитеатровъ), который началъ было тоже

говорить рѣчь, но горькія слезы его смѣшались со слезами брата-- Архипастыря, и мы всѣ заплакали.—Простившись съ братіею, благосердый Архипастырь началъ прощаться и со всѣми учениками, каждаго благословлялъ, нѣкоторыхъ цѣловалъ въ голову, и на не многихъ возлагалъ святительскую руку и проч. (а чѣмъ ознаменовались эти архипастырскія дѣйствія, читатели уже знаютъ изъ прежде сдѣланной нами выписки изъ этого же самаго письма [1]).

Путь свой изъ Калуги направилъ преосв. Филаретъ не прямо въ Рязань, а отправился сначала въ Москву. Вотъ что писалъ онъ объ этой поѣздкѣ, а равно и о прибытіи своемъ въ Рязань, въ самомъ первомъ письмѣ [2]). „Очень—очень тяжело мнѣ было разлучаться съ любимою Калужскою паствою. Отъ сего я еще въ Калугѣ былъ довольно боленъ, но Господь помогъ перенесть все.—Бывши въ Москвѣ, я въ тамошнихъ холодныхъ соборахъ простудился и потерялъ было голосъ, но, не смотря на простуду, слеталъ въ Троицкую Лавру къ свышнему Покровителю моему по Господѣ Св. Угоднику Преподобному Сергію въ одинъ день. А на другой день съ простудою отправился въ Коломну и цѣлую ночь былъ въ дорогѣ. Но смотрите, какъ Господь ко мнѣ милостивъ. Отправляясь уже изъ Москвы, узналъ я, что недалеко отъ большой дороги находится въ Епархіи моей Николаевскій Радовицкій Монастырь, въ которомъ чудотворная икона Святителя Николая, издревле прославленная чудесами и всѣми здѣсь почитаемая, и монастырь весьма устроенный и богатый. Узнавши о семъ, я тотчасъ рѣшился прибѣгнуть, прежде Рязани, къ Святителю и испросить его помощи на предлежащій мнѣ подвигъ, а вмѣстѣ и отдохнуть. Довольно больной явился я въ

---

[1]) Смотр. письмо свящ. Іоан. Андр. Звѣрева къ преосв. Антонію.

[2]) Изъ писемъ высокопр. Филарета Митроп. Кіевскаго къ монахинѣ Калужскаго Монастыря Агніи,—напечатанныхъ въ Полтав. Епарх. Вѣдомостяхъ въ 1866 г. по распоряженію тамошняго Архіеп. Іоанна, родственника высокопр. Филарета.

обитель Угодника Божія 2-го Февраля. Помолился Святителю, и цѣлую недѣлю провелъ въ обители въ тишинѣ и безмолвіи, и совершено оздоровѣлъ молитвами Святаго.—28-го Февраля вечеромъ прибылъ весьма благополучно въ Троицкій Монастырь, находящійся въ предмѣстіи Рязани. Тутъ отслушалъ всенощное бдѣніе и переночевалъ, а въ воскресенье, 1-го Марта, съ наступленіемъ перваго весеннаго мѣсяца, вступилъ въ Рязань. Жители съ великою радостію срѣтили меня. Отъ мала до велика всѣ стеклись на срѣтеніе своего пастыря. Встрѣча съ Литургіею продолжалась три часа слишкомъ, и я хотя и усталъ, но все кончилъ съ посильнымъ усердіемъ весьма благополучно и теперь чувствую себя здоровѣе, нежели въ Калугѣ, при разлученіи моемъ съ вами—болѣзненномъ. Возблагодарите за мое недостоинство Господа Іисуса Христа. Вашъ всегда усердный Богомолецъ Филаретъ Епископъ Рязанскій. P. S. Возокъ вамъ возвращаю во всей исправности. Онъ такъ былъ для меня полезенъ, что безъ него едва бы доѣхалъ я до Рязани".

Въ теченіе послѣдующей жизни высокопр. Владыки Филарета, читаемъ въ заключеніи прежде приводимой выписки [1]). Калужская паства дважды имѣла счастіе видѣть его, именно: въ 1837 и 1842 годахъ, когда онъ былъ уже Митрополитомъ Кіевскимъ. Въ оба эти раза онъ заѣзжалъ въ Калугу на пути изъ С.-Петербурга въ Кіевъ, и изъ Калуги въ оба же раза ѣздилъ онъ въ любимую имъ Оптину Пустынь".—При описаніи посѣщенія высокопр. Филаретомъ этой Пустыни въ 1842 г., мы приводили знаменательный фактъ,—какъ во время совершенія имъ Богослуженія и молебна въ Церкви, по свидѣтельству составителя исторіи этой Пустыни, „внезапно была ниспослана благодать Божія на тамошніе предѣлы, а именно: послѣ долговременной страшной засухи (въ теченіе всего Мая) пролился на землю обильный благотворный дождь и оросилъ, почернѣвшія уже отъ засухи.

---

[1]) Смотр. выписку стран. 8 и историч. описаніе Оптиной Пустыни и Скита.

поля и пр. Въ это же время при бытности высокопр. Филарета и въ Калугѣ совершилось тоже и еще болѣе знаменательно. — По случаю той же страшной засухи были уже совершаемы особыя церковныя молебствія; но когда прибылъ высопр. Филаретъ, то жители и города и ближайшихъ окрестныхъ селеній приняли это самое прибытіе его какъ бы знаменіемъ, и потому всѣ обратились къ нему съ усерднѣйшими просьбами, чтобы онъ вознесъ свои теплыя святыя моленія о своей бывшей любимой паствѣ, угрожаемой бѣдствіемъ неурожая и голода.—И помимо просьбъ, тронутый до глубины души такимъ, постигшимъ Калужскую паству, бѣдствіемъ, Первосвятитель явилъ всю свою готовность вознести съ прежними пасомыми общія моленія. Совершивъ Божественную Литургію въ Соборѣ, онъ когда только вышелъ съ крестнымъ ходомъ на ближайшую площадь, переполненную народомъ, тогда уже было замѣчено что-то въ родѣ подвигавшагося облака хотя и самаго не большаго и тонкаго.—Но какъ только совершена было еще половина молебна, облако внезапно увеличилось и сгустилось, затѣмъ, въ самое чтеніе молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, вдругъ хлынулъ дождь какъ изъ ведра и, затѣмъ, болѣе и болѣе усиливался.—Всѣ такъ и думали, что вотъ-вотъ Владыка Митрополитъ, какъ бывшій въ полномъ праздничномъ облаченіи, въ которомъ совершалъ онъ Литургію, почтетъ нужнымъ поспѣшить въ Соборъ, а иные изъ сослужащихъ готовы были бы и просить его объ этомъ, изъ опасенія, между прочимъ, чтобы онъ, промоченный насквозь ливнемъ, не получилъ послѣдствій вредныхъ для здоровья;—но, говорилъ намъ очевидецъ, Владыка поступилъ наоборотъ:—во первыхъ, онъ обратился ко всему народу съ поученіемъ изъ текста: „аще имате вѣру, яко зерно горушичное и пр. и продолжалъ его нѣсколько минутъ; во вторыхъ, когда народъ, буквально, бросился къ нему за благословеніями, а другіе съиздалека преклонялись предъ нимъ на землю, то онъ почти не двигался съ мѣста, пока могъ благословить всѣхъ, двигавшихся къ нему массами,—причемъ снова продолжалъ разныя поучительныя изреченія въ назиданіе

и утѣшеніе всѣхъ. Послѣ окончанія этого молебствія, когда Владыка, разоблачившись въ Соборѣ, вышелъ, народъ снова обступилъ его, и онъ, вмѣсто того, чтобы сѣсть въ поданную уже карету, опять продолжалъ преподаваніе благословенія.

Послѣ прибытія въ архіерейскій домъ, куда собрались въ слѣдъ за нимъ избранные изъ представительныхъ лицъ города, мѣстный Преосвященный и другіе изъ присутствующихъ высказались предъ Владыкою, что они крайне опасались, что его совсѣмъ затолкаетъ народъ, потому что не было силъ и самой полиціи оградить его отъ натисковъ и толчковъ... Владыка отвѣчалъ: „А знаете ли, что это-то толканіе насъ и есть особенная милость Божія... Худо и горе, когда насъ перестанутъ такъ толкать... Вѣдь эти-то толкающіе (разумѣю простой народъ) толкаютъ насъ именно отъ того, что ихъ самихъ толкаетъ внутреннее чувство вѣры, столь обильной въ простыхъ сердцахъ ихъ.—Въ этихъ толканіяхъ ихъ несомнѣнно исполненіе словъ Господа: *толцыте и отверзется вамъ,—просите и дастся*... И я вѣрую, что они-то такъ сильно и толкали всею силою своей вѣры въ самыя двери неба, что оно отверзлось и излило столь не ожиданный и обильнѣйшій дождь... И я помню, не по памяти только одной, а паче по сердцу чувствую какъ теперь,—какъ меня толкали и прежде мои добрые пасомые Калужскіе, и особливо, между прочимъ, при прощаньѣ и проводахъ изъ Калуги, не смотря на тогдашнюю зимнюю, сильную стужу..; значитъ и самая стужа не могла охладить ихъ горячихъ чувствъ... Вотъ вы говорите еще, что для самой полиціи не было силъ ограждать отъ натисковъ и толчковъ... Это опять новое свидѣтельство той же истины... Запрещали, чуть ротъ не зажимали и слѣпцу, сидѣвшему на пути шествія Господа Спасителя, отталкивали и отгоняли и жену Хананейскую, вопіявшую во слѣдъ Его же... но вѣдомо намъ, что сіе означало и чѣмъ завершилось.. [1]). Кстати скажу

---

[1]) Приведенный разсказъ былъ выслушанъ нами изъ устъ въ

вамъ, что̀ бывало со мной на опытѣ въ Казанской паствѣ, гдѣ многое множество инородцевъ изъ язычниковъ и татаръ некрещенныхъ и крещенныхъ, хотя и мало утвержденныхъ въ Христіанской Вѣрѣ.—У послѣднихъ оказывалось особенное предъубѣжденіе противъ Архіереевъ. Когда я въ первый разъ обозрѣвалъ Епархію, то при въѣздѣ въ тотъ, или иной приходъ изъ новокрещенныхъ встрѣчали меня у церкви священникъ съ причтомъ и земскій чиновникъ съ урядниками.—Народъ же стоялъ, бывало, далеко на полверсту... Что̀ это значитъ? спрашивалъ я. „Не смѣютъ.—отвѣчали мнѣ...“—Какъ не смѣютъ? И я приказалъ тутъ же священнику и чиновнику звать всѣхъ... Онѣ придвинулись, а я къ нимъ, и началъ благословлять ихъ всѣхъ, и дѣтей, которымъ и раздавалъ тутъ же и пятачки серебрянные и крестики и иконки маленькія, и все преобразилось... Когда же я пріѣзжалъ въ слѣдующіе разы, то тѣ же не смѣвшіе прежде вездѣ спѣшили еще за околицы ко мнѣ на встрѣчу... Случилось однажды, что нужно было освятить церковь въ новокрещенскомъ приходѣ, и я назначилъ-было для этого миссіонера—Архимандрита. Но не тутъ-то было... Прихожане—мещеряки новокрещенные пристали ко мнѣ: нѣтъ—нѣтъ, бачка, такъ не можна... айда самъ... Я хотѣлъ объяснить имъ причину.., но они свое: нѣтъ—нѣтъ,—наша сама тащимъ твоя... айда!.. И надо было видѣть и паче чувствовать, какъ эти же самые, не смѣвшіе прежде и приближаться, затаскали и затолкали меня во все время моего пребыванія на освященіи церкви въ ихъ селеніи, куда собрались въ огромномъ множествѣ и изъ ближайшихъ селеній.—Все это такъ живо сердечно чувствуется мнѣ и до днесь, и молитва моя объ нихъ—этихъ истинно простодушныхъ овечкахъ выну въ душѣ моей. [1]). Эти же чувства унесу я

Бозѣ почившаго высокопр. Арсенія Митроп. Кіевскаго (въ 1867 г), который самъ слышалъ его отъ очевидцевъ. Часть этого разсказа записана и въ дневникѣ о. Намѣстника Лавры.

[1]) Приводимый разсказъ въ краткомъ содержаніи записокъ въ

и теперь и сохраню навсегда и о сегоднешнемъ днѣ, въ который, слава Богу, потискали и потолкали меня своею любовію добрые незабвенные мои, бывшіе пасомые Калужскіе.“—Этимъ же чувствамъ и словамъ бывшаго Архипастыря можетъ ли быть большее и достойнѣйшее соотвѣтствіе со стороны пасомыхъ, какъ то̀, которое выражено доставителемъ свѣдѣній, а именно: „Калужская паства и въ свое время и поднесь молитъ Господа, да пошлетъ Онъ ей въ утѣшеніе подобнаго Отца—Архипастыря, каковъ былъ приснопамятный Филаретъ“ [1]).

Переходимъ къ повѣствованію о служеніи въ Бозѣ почившаго въ Рязанской Епархіи.

дневникѣ о Намѣстника подъ 8-мъ числомъ Декабря 1857 г., сѣдов. за 12-ть дней до кончины высокопр. Филарета,—подъ заглавіемъ: «Вспоминалъ Владыка и о Казани...» Значитъ, дѣйствительно молитвенная память его о новокрещенцахъ Казанскихъ была неизмѣнна на всегда до гроба.

[1]) Смотр. эти слова въ эпиграфѣ въ настоящей главѣ.

ОТДѢЛЪ IX.

ГЛАВА XXVI.

«Вообще намъ тамъ хорошо всегда, и не можетъ быть лучше, гдѣ Самъ Господь насъ поставитъ, нежели гдѣ бы мы сами предустроили... Потому-то и не толкуйте и вы, что при такомъ-де Архіереѣ было то и то, а при другомъ не такъ-то.. [1])

«Одинъ отецъ скончался, за-то другой живъ остался» [2]).

«Велитъ ли Богъ мнѣ еще увидѣть тебя, моя возлюбленная паства Рязанская?!. Нѣтъ и нѣтъ! [3]).

Служеніе высокопр. Филарета въ Рязанской Епархіи, сравнительно со всѣми другими мѣстами его епископства, было весьма не продолжительно. Рязанскою епархіею онъ управлялъ всего *три года;* а какъ въ продолженіе этого времени онъ былъ вызываемъ въ Петербургъ для присутствованія въ св. Сунодѣ, то личное его пребываніе на каѳедрѣ епархіальной продолжалось всего *одинъ годъ и девять мѣсяцевъ* [4]). По Высочайше утверж-

---

[1]) Слова изъ писемъ высокопр Филарета изъ Рязани въ Калугу.

[2]) Выраженіе, вошедшее въ поговорку между сиротствующими въ средѣ духовенства.

[3]) Слова высокопр. Филарета на пути изъ Рязани въ С.-Петербургъ.

[4]) Смотр. свѣдѣнія, составленныя изъ документовъ Рязанской духовн. Консисторіи стр. 2.

денному докладу Св. Сунода, въ 25-й день Февраля 1828 г., преосвящ. Филаретъ перемѣщенъ былъ въ Казанскую Епархію.

Относительно подобныхъ скоровременныхъ перемѣщеній Святителей изъ одной Епархіи въ другую существуютъ мнѣнія, высказывавшіяся и въ печати, не въ пользу этого обычая и порядка. Представляютъ обыкновенно, что въ подобныхъ случаяхъ дѣло не можетъ обходиться безъ ущерба и для благосостоянія епархій. въ которыхъ, въ одно напр. десятилѣтіе, перемѣнится иногда два—три епископа. и для самыхъ лицъ перемѣщаемыхъ. Таковы мнѣнія особенно о тѣхъ епископахъ, которые поступаютъ на епархію съ самаго перваго времени принятія сана святительскаго, слѣдов. пріемлютъ свою паству какъ *первенца* своего духовно-благодатнаго рожденія и воспитанія, или какъ *невѣсту обрученную* имъ... [1]). Естественно. что такіе Святители, съ перваго раза, всегда готовы бываютъ особенно возлюбить свою паству, соеди-

---

[1]) Въ знаменованіе сего *обрученія* у Римскихъ Католиковъ всякому новопоставленному епископу дается *перстень*. который, какъ извѣстно, они и носятъ всегда при служебныхъ отправленіяхъ. Одинъ изъ бывшихъ архіепископовъ [именно бывшій Полотскій и Витебскій Василій Лужинскій], какъ бывшій изъ уніатскихъ епископовъ и потому имѣвшій въ свое время подобный же перстень. съ особенною ревностію высказывался за это церковное установленіе въ силу именно того, что Епископъ собственно не долженъ разлучаться съ своею паствою до конца жизни, или выходить въ отставку.— Самъ онъ такъ и оставался, доколѣ перемѣщенъ былъ въ Члены Св. Сунода безъ управленія Епархіею.—Бывали примѣры. что Епископы наши оставались на всегда въ одной епархіи отъ самаго рукоположенія до кончины своей: когда же и были предназначаемы они въ другія высшія епархіи, то смиренно отказывались.—Таковъ примѣръ недавній былъ въ лицѣ Архіеп. Калужскаго Григорія [Митковича], прослужившаго въ одной епархіи свыше 30-ти лѣтъ и до самой своей кончины остававшагося епархіальнымъ Архіереемъ.— Таковы же примѣры и еще въ лицѣ двухъ Архипастырей, именно: Полтавскаго Архіепископа Іоанна, прослужившаго на одномъ мѣстѣ съ 1861 г. по 1887-й и вышедшаго по прошенію на покой, и Архіепископа Тульскаго высокопр. Никандра, съ 1860 г. по настоящее время управляющаго одною и тою же Тульскою Епархіею.

ниться съ нею всѣми узами духа, жизни и всѣхъ пастырскихъ отношеній.— и потому обращаются къ ней со всею энергіею, посвящая всѣ силы, усердіе, умѣнье, чтобы упрочить все свое вліяніе на нее, имѣя въ виду именно долгое въ ней пребываніе. Между тѣмъ, когда вдругъ воспослѣдуетъ перемѣщеніе,—многія истинно благія начинанія рѣдко-рѣдко не остаются безъ желанныхъ плодовъ; а на новыхъ паствахъ тѣ же Святители могутъ быть менѣе энергичны. И самыя паствы такъ часто, по буквальному церковно-каноническому выраженію *вдовствующія*, естественно, могутъ вообще терять, или ослаблять въ себѣ силу чувствъ къ пастырямъ при частыхъ ихъ перемѣнахъ.

Останавливаться на этихъ мнѣніяхъ ни pro ни contra, конечно, здѣсь не мѣсто. Но тѣмъ не менѣе мы не можемъ не указать на то, что даетъ намъ самое содержаніе повѣствованія.—Въ этомъ отношеніи нѣтъ сомнѣнія, что лучшимъ отвѣтомъ на сказанныя мнѣнія служитъ именно то, что мы узнаемъ изъ подлинныхъ писемъ самого же жизнеописуемаго, въ которыхъ самымъ живымъ и безпристрастнымъ образомъ представляется и его собственное состояніе и состояніе паствы (Калужской), съ которой онъ разстался, и той, въ которую вступилъ.— Прочитаемъ нѣсколько писемъ въ Бозѣ почившаго на самыхъ же первыхъ порахъ его служенія въ Рязани, писанныхъ въ Калугу.

„Знаю, что вамъ очень грустно разлучаться съ пастырями. Но поплакали и погрустили предъ Господемъ и довольно; уже теперь пора перестать, а всю печаль свою возложить на Господа, Который вся устрояетъ на пользу и спасеніе душъ нашихъ. Ибо милостивѣе Его къ намъ грѣшнымъ никто не можетъ быть; а вы знаете меня и увѣрены, что отъ Его Десницы получилъ я послѣ Калужской Рязанскую паству. Такъ грѣшно бы было грустить о томъ, что Господу угодно; вообще же намъ тамъ хорошо всегда, и не можетъ быть лучше, гдѣ Самъ Господь насъ поставилъ, нежели гдѣ бы мы предустрояли“.

„Благодарю (писано въ другомъ письмѣ), что писа-

ніями вашими возбуждаете и мою немощь писать часто. И на будущее время прошу меня пожуривать, чтобъ здѣсь въ удаленіи отъ васъ я не избаловался. Въ самомъ дѣлѣ я очень виноватъ и предъ вами и предъ многими. Но что̀ мнѣ дѣлать съ бумажными дѣлами, которыхъ оставлено мнѣ многое множество и которыми занимаясь, я почти одичалъ. Повѣрители, что, пріѣхавши въ Рязань, ни однихъ даже газетъ не читалъ и совсѣмъ не знаю, что̀ на свѣтѣ дѣлается. Къ тому же цѣлое лѣто обстраиваю обветшалый домъ, и доселѣ еще живу въ экономскихъ кельяхъ.—Впрочемъ надѣюсь перейти въ свой домъ 4-го числа Октября. И тамъ можетъ быть сколько нибудь успокоюсь. Къ хлопотамъ моимъ присоединилась еще зубная болѣзнь, которою страдалъ съ самой Пасхи; но теперь, слава Богу, недѣли три не чувствую оной. Много употреблялъ лекарствъ отъ сей несносной болѣзни; но не отъ нихъ, а отъ Господа получилъ исцѣленіе.— Помолившись Господу, положилъ я на больные зубы масло отъ гроба Господня, и съ тѣхъ поръ совсѣмъ не чувствую боли. Молитвами вашими Господь хранитъ мое здоровье". „Поздравляю всѣхъ васъ съ новымъ добрымъ Архипастыремъ, Преосвященнымъ Григоріемъ. Имѣйте его въ любви, какъ и меня грѣшнаго имѣли. Господь услышалъ и мое недостойное моленіе; ибо я всегда желалъ и молилъ Господа, чтобъ былъ назначенъ въ любимую мнѣ Калужскую паству Преосв. Григорій [1]). Онъ истинно добрый, благонамѣренный и просвѣщенный Пастырь Церкви Православной. Когда извѣщусь о прибытіи его въ Калугу, буду его просить, чтобъ онъ васъ и утѣшалъ и укрѣплялъ въ немощахъ вашихъ,—а вамъ заповѣдую пастырскимъ моимъ словомъ имѣть его воистинну Отцемъ и Архипастыремъ".

---

[1]) Преосв. Григорій былъ впослѣдствіи преемникомъ высокопр. Филарета и на Казанской паствѣ, хотя и не непосредственно послѣ него, именно съ 1848 по 1856 г. Какъ воспитанникъ 1-го курса С.-Петербургской Академіи высокопр. Григорій (Георгій Постниковъ) имѣлъ высокопреосв. Филарета своимъ Инспекторомъ (1813 г.).

„Располагаюсь въ Іюлѣ мѣсяцѣ (писано въ другомъ письмѣ) обозрѣть епархію и отправиться въ уѣздные города.—Климатъ здѣсь здоровьемъ не уступаетъ Калугѣ. И городъ изрядный, только малъ и бѣденъ; а народъ къ церкви усердный и весь Православный. Только Калуга по всему лучше Рязани. А впрочемъ опять скажу: намъ тамъ хорошо, гдѣ Богъ насъ поставилъ. Посему-то и не толкуйте и вы, что при такомъ-де Архіереѣ было тò и тò, а при другомъ не такъ-то.. Прочитайте съ благоговѣйнымъ вниманіемъ, чтò благовѣствуетъ Св. Апостолъ къ Коринѳянамъ: *„Егда глаголетъ кто отъ васъ: азъ убо есмь Павловъ; другій же-азъ Аполлосовъ, или Кифинъ: не плотстіи ли есте? Кто убо есть Павелъ, кто же ли Аполлосъ?... Азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти.—Тьмже ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возращаяй Богъ. Насаждаяй же и напаяяй едино суть: кійждо же свою мзду пріиметъ по своему труду.“* (1 Кор. III, 4—8).—

Наконецъ еще читаемъ въ одномъ изъ писемъ: „Господь возвратилъ мнѣ по вашимъ молитвамъ здоровье, хотя и чувствую нѣкоторую слабость. Впрочемъ Единъ же Господь Самъ видитъ, что я стараюсь жить только для единаго служенія Ему, а потому Онъ же даруетъ столько и силъ, сколько Ему угодно и мнѣ потребно“.

Итакъ изъ этихъ, приведенныхъ изъ писемъ, данныхъ становится яснымъ отвѣтъ на существующія сужденія не въ пользу архіерейскихъ перемѣщеній изъ одной епархіи въ другую. Понятно, что все дѣло здѣсь зависитъ отъ духа и характера Святителей въ значеніи истиннаго ихъ призванія къ ихъ столь высокому служенію.—Потому каковымъ былъ преосв. Филаретъ въ Калужской паствѣ, таковымъ увидимъ его и въ Рязанской, при всей кратковременности его служенія, которой онъ, конечно, не могъ предвидѣть. Первымъ свидѣтельствомъ объ этомъ служатъ слѣдующія свѣдѣнія, взятыя изъ дѣлъ Рязанскаго Консисторскаго архива. Составитель этихъ свѣдѣній пишетъ отъ слова до слова такъ.—

„Изъ дѣлъ, производившихся въ Рязанской духовной Консисторіи, усматривается: Высокопреосвященнѣй-

шій Филаретъ во время трехлѣтія управлялъ Рязанскою епархіею мирно и кротко. Онъ заботился о нравственномъ состояніи бѣлаго и чернаго духовенства; невоздержаныхъ исправлялъ съ отеческою снисходительностью, а не исправлявшихся въ поведеніи предавалъ законному суду. На священно-церковно-служительскія мѣста опредѣлялъ не иначе, какъ по строгомъ испытаніи въ знаніи предметовъ, необходимыхъ для церковно-священно-служителя. Особенную оказывалъ сострадательность къ вдовствующимъ и сиротствующимъ, строго внушая благочиннымъ ограждать и защищать ихъ отъ притѣснителей и причиняющихъ имъ какія либо обиды. Изыскивалъ способы къ увеличенію доходовъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Устное преданіе свидѣтельствуетъ, что онъ былъ милостивъ ко всѣмъ бѣднымъ и нищимъ, а потому жители г. Рязани называли его—Владыку—*Филаретомъ милостивымъ*, каковое пріятное названіе и доселѣ еще сохраняется въ устахъ, помнящихъ его человѣколюбіе и щедрость. Его Высокопреосвященство имѣлъ великое попеченіе о благолѣпіи храмовъ Господнихъ, попечителямъ и строителямъ оныхъ изъявлялъ архипастырскую признательность и благословеніе“ [1]).

Читая эти свѣдѣнія, хотя въ общихъ и краткихъ чертахъ, кто не видитъ въ нихъ какъ бы буквальнаго повторенія всего, изложеннаго въ подробности объ этихъ же самыхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ въ бытность въ Бозѣ почившаго въ Калужской епархіи?!—Если же и есть какая разность, то не болѣе, какъ въ томъ, въ чемъ, естественно, могла открыться надобность по требованіи мѣстныхъ обстоятельствъ и условій. Во всякомъ случаѣ служеніе въ Рязанской епархіи было не иное, какъ продолженіе Калужскаго, разумѣемъ по духу и характеру и вообще по внутреннимъ началамъ, которыя, очевидно, остались не измѣнными.—Въ этомъ же послѣднемъ отношеніи и самая кратковременность не могла имѣть боль-

---

[1]) Смотр. свѣдѣнія, составленныя изъ документовъ Рязанск. духовн. Консисторіи, стр. 3—4.

шаго значенія и вліянія; сущность дѣла здѣсь, какъ говорится, не въ количествѣ, а въ качествѣ. На этомъ-то основаніи мы и предпослали читателямъ мысль,—почему въ повѣствованіи о Калужской жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившаго считали нужнымъ изложить факты и дѣйствія съ особенною подробностію и характеристичностію, именно, чтобы не повторять одного и того же.

Съ такъ называемой формулярной стороны служенія преосв. Филарета въ Рязанской епархіи тотъ же составитель архивныхъ свѣдѣній говоритъ. „Перемѣщеніе высокопр. Филарета изъ Калужской епархіи въ Рязанскую послѣдовало по случаю открывшейся вакансіи за смертію бывшаго Архіепископа Рязанскаго Сергія. Впрочемъ, при самомъ назначеніи въ Рязань, преосв. Филаретъ не былъ возведенъ въ санъ Архіепископа, а пожалованъ былъ этимъ званіемъ уже спустя годъ слишкомъ, именно 1826 года Августа 22 дня по случаю священнаго Коронованія блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича, при которомъ (коронованіи) онъ удостоился лично находиться и участвовать въ священно-служеніи. Вслѣдъ за этимъ повышеніемъ въ санѣ, Архіепископъ Филаретъ былъ призванъ и къ высшему посту служенія внѣ епархіи. Въ томъ же 1826 г. Высочайшимъ повелѣніемъ, отъ 6-го Ноября, онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ, а чрезъ три мѣсяца назначенъ, независимо отъ присутствованія въ Св. Сунодѣ, Членомъ, существовавшей тогда, Коммиссіи духовныхъ училищъ. Не успѣвъ и возвратиться въ свою Рязанскую епархію, въ Бозѣ почившій, по Высочайше утвержденному въ 25 день Февраля 1828 г. докладу Св. Сунода, назначенъ былъ на Казанскую епархію, старѣйшую изъ всѣхъ архіепископскихъ каѳедръ. Предъ временемъ же этого новаго назначенія, именно не далѣе какъ за два мѣсяца (31 Декабря 1827 г.) онъ удостоенъ Высочайшей награды—сопричтенія къ ордену Св. Анны 1-й степени“ [1]).

[1]) Смотр. свѣдѣнія изъ Рязан. Консисторіи, и также формулярный списокъ.

Смотря на эту службу съ одной формулярной стороны, нельзя не сказать, что въ столь короткое время высокопреосв. Филаретъ прошелъ быстро и много ступеней къ его очевидному возвышенію. Что же послужило для него къ такому благоуспѣшному восхожденію? Прямымъ и справедливѣйшимъ отвѣтомъ на это служатъ слова Высочайшей Грамматы, въ подлинномъ текстѣ которой изображено: „Долговременное служеніе ваше Церкви, управленіе паствою, вамъ ввѣренною, и труды по дѣламъ Святѣйшаго Сунода и Коммиссіи духовныхъ училищъ даютъ вамъ справедливое право на особенное Наше благоволеніе [1]).

Эта Высочайшая награда, свидѣтельствующая о достойности служенія высокопреосв. Филарета, хотя относится ближайшимъ образомъ къ описываемой порѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ, очевидно, обнимаетъ собою и все предшествующее время его управленія паствою Калужскою; иначе нельзя было бы и называть это служеніе долговременнымъ. А чрезъ это ясно засвидѣтельствовано и то, что управленіе Рязанскою паствою именно было продолженіемъ управленія паствою Калужскою,—что указано и въ приведенныхъ прежде краткихъ свѣдѣніяхъ.

Впрочемъ, кромѣ этихъ краткихъ свѣдѣній, въ доставленной выпискѣ изъ дѣлъ Рязанской Консисторіи, читаемъ еще нѣкоторыя, взятыя изъ самыхъ фактовъ частнѣйшихъ.

Одинъ изъ этихъ фактовъ изложенъ въ той же выпискѣ Консисторской съ достаточною подробностію. „По прибытіи въ Рязань, Его Высокопреосвященство обратилъ особенное вниманіе на теплый каѳедральный Рождественскій соборъ въ г. Рязани и нашелъ нужнымъ оный возобновить, потому болѣе, что въ немъ помѣщались три придѣла, которые дѣлали храмъ сей тѣснымъ и темнымъ. Архипастырское Его Высокопреосвященства по сему предмету распоряженіе началось въ Маѣ мѣсяцѣ 1825 г. (слѣдов. чрезъ какіе нибудь три мѣсяца по

[1]) Высочайшая Граммата дана 31-го Декабря 1827 г.

прибытіи его въ Рязань). а въ 1827 г. храмъ сей окончательно возобновленъ и освященъ. за отсутствіемъ Владыки. Ректоромъ Рязанской Семинаріи Спасскимъ Архимандритомъ Гедеономъ. Храмъ сей, за упраздненіемъ въ немъ двухъ придѣловъ. теперь составляетъ одинъ. Стѣны подняты на три съ половиною аршина. потолокъ же поддерживается шестнадцатью колоннами. которыя придаютъ сему храму видъ самый величественный. Ширина его двадцать одинъ. а длина сорокъ съ половиною аршинъ. Сей соборный храмъ возобновленъ собственнымъ иждивеніемъ благочестиваго гражданина г. Рязани, Статскаго Совѣтника и Кавалера Гавріила Васильевича Рюмина. и стоимость сего возобновленія простирается до тридцати тысячъ [1]).

Что же свидѣтельствуетъ этотъ фактъ? Съ перваго взгляда, конечно, въ немъ не представляется ничего кромѣ обыкновеннаго дѣла, т. е. перестроенъ и возобновленъ храмъ соборный по требованію встрѣтившихся нуждъ и обстоятельствъ и—только. Но въ чемъ заключались эти нужды и обстоятельства? Въ одномъ изъ писемъ преосв. Филарета мы уже видѣли, какъ отзывался онъ о Рязанскомъ народѣ,—что онъ весь Православный и къ церкви усердный... Нужно ли договаривать, что и самъ высокопреосв. Филаретъ, несомнѣнно, явился и въ Рязани такъ же, какъ и въ Калугѣ, самымъ ревностнымъ совершителемъ Богослуженія, не исключая и неопустительнаго служенія преждеосвященныхъ Литургій въ великій постъ, во время котораго онъ и прибылъ. По этому, сколько по новости самаго Архипастыря, столько же и по новости сего послѣдняго служенія, граждане Рязанскіе на перерывъ стали стекаться къ Богослуженію въ соборъ: отъ этого же стеченія, естественно, тотчасъ же и ощутилась тѣснота.—Съ своей стороны высокопреосв. Филаретъ, видя на первыхъ же порахъ многочисленность молящихся и уповая видѣть то же и впредь, естественно, могъ обратить самъ же пер-

---

1) Смотр. свѣдѣнія изъ Рязанск. Консисторіи, стран. 4—5.

вый вниманіе на замѣченный недостатокъ въ соборномъ храмѣ и принялъ къ устраненію его свои заботы и мѣры.— хотя средствъ на это совершенно не было никакихъ на готовѣ, да и не предвидѣлось ихъ въ достаточности, чтобы можно было распорядиться ими и для самаго начинанія работъ. Явились же эти средства совершенно нежданно и посланы именно особеннымъ знаменательнымъ путемъ Божіимъ на столь благопотребное святое дѣло.

Выше сказано, что соборный храмъ перестроенъ и возобновленъ собственнымъ иждивеніемъ благочестиваго гражданина Рязанскаго,—Статскаго Совѣтника Рюмина. Но что̀ побудило и расположило этого мужа къ такому пожертвованію?—Отвѣтъ на это читаемъ въ тѣхъ же свѣдѣніяхъ: „Въ то время, когда высокопреосв. Филаретъ приготовлялся приступить къ возобновленію соборнаго храма, г. Рюминъ былъ одержимъ жестокою болѣзнію и напутствованъ уже св. Таинствами Церкви—исповѣдію, причащеніемъ и елеосвященіемъ.—Владыка посѣтилъ больнаго. Больной не имѣлъ уже никакой надежды на возстановленіе своего здоровья и просилъ Владыку помолиться о немъ Господу Богу. Владыка обѣщалъ съ готовностію исполнить его прошеніе, вмѣстѣ же съ тѣмъ предложилъ ему совершить какое либо Богоудное дѣло, указавъ ему, между прочимъ, на необходимость перестройки соборнаго храма. На это предложеніе Рюминъ изъявилъ полное душевное свое согласіе. Послѣ архипастырскаго посѣщенія на другой день больной извѣщаетъ Владыку, что ему стало лучше, а потомъ вскорѣ и совершенно онъ выздоровѣлъ. Въ знакъ благодарности Господу, исцѣлившему его отъ смертельной болѣзни святительскими молитвами Владыки, г. Рюминъ и возобновилъ упомянутый соборный храмъ собственнымъ иждивеніемъ“ [1]).

Не думаемъ, чтобы на этотъ фактъ взглянулъ кто либо съ какой либо своеобразной стороны, въ родѣ напр.

---

[1]) Смотр. свѣдѣнія изъ Рязанск. Консисторіи, стран. 5—6.

того, что высокопреосв. Филаретъ воспользовался здѣсь для расположенія къ благотворительности такимъ состояніемъ человѣка, при которомъ онъ, не видя себѣ инаго исхода, кромѣ могилы, могъ рѣшиться, по одному страху безъисходности, на какое угодно пожертвованіе...— Искренно говоря, при одномъ только представленіи возможности подобной профанаціи, мы опасаемся, какъ бы не оскорбить благочестивое чувство тѣхъ, кои наоборотъ, при одномъ разсказѣ о сейчасъ изложенномъ фактѣ, несомнѣнно, сложили уже въ сердцахъ своихъ всю знаменательность и назидательность его. Посѣщеніе болящаго Святителемъ, прошеніе перваго молитвъ за себя у втораго, и наконецъ прямое и рѣшительное обѣщаніе послѣдняго исполнить сіе прошеніе съ упованіемъ и дерзновеніемъ съ своей стороны, а съ тѣмъ вмѣстѣ съ расположеніемъ самого просящаго къ возблагодаренію Господа еще прежде полученія просимаго, какъ бы уже дарованнаго,— все это составляетъ такое явленіе, подобное которому встрѣчается лишь, по преимуществу, въ примѣрахъ первыхъ временъ, цвѣтущаго духомъ вѣры и благочестія и силою благодатныхъ дарованій и знаменій, состоянія Церкви Христовой. И замѣчательно, что какъ въ Калужской паствѣ засвидѣтельствовано было такое состояніе высокопреосв. Филарета по случаю пожара, которому подвергся теплый каѳедральный соборъ, послѣ котораго соборъ былъ исправленъ и обновленъ,—такъ и здѣсь въ Рязани необходимость въ исправленіи собора же послужила поводомъ къ проявленію силы и дѣйствія его молитвеннаго дерзновенія предъ Господомъ, какъ засвидѣтельствовалъ самъ первый исцѣлившійся отъ болѣзни жертвователь, и что̀ не замедлило тотчасъ же, конечно, перейти въ общее народное свѣдѣніе, какъ предметъ благоговѣйнаго вѣрованія. О послѣднемъ не даромъ доставитель свѣдѣній говоритъ, между прочимъ, такъ: „О случаѣ, расположившемъ г. Рюмина къ возобновленію соборнаго храма и доднесь говоритъ народное преданіе съ благоговѣніемъ“.

По части храмоздательства, въ связи съ перестройкой соборнаго храма, въ тѣхъ же свѣдѣніяхъ говорится,

что одинъ изъ упраздненныхъ въ соборѣ придѣловъ во имя Рождества Св. Іоанна Предтечи Господня перенесенъ въ архіерейскій домъ и обращенъ въ крестовую (домовую) церковь [1]). Кромѣ сего попеченіемъ Его Высокопреосвященства въ 1826 г. устроено при архіерейскомъ домѣ парадное крыльцо, а во внутренности онаго пространный ходъ, который былъ прежде весьма тѣсенъ и для входящихъ затруднителенъ [2]). Ясно, что устройство этого домоваго храма сколько зависѣло отъ удобнаго случая, т. е. что отъ упраздненнаго соборнаго придѣла остались готовые и удобные къ дѣлу матеріалы и церковныя принадлежности, столько же, несомнѣнно, здѣсь руководило желаніемъ устроителя его примѣрная любовь ко храму Господню и стремленіе къ постоянному слушанію Богослуженія. А какъ въ храмъ сей не замедлили учащать и многіе изъ усердствующихъ къ Богослуженію и особенно желавшихъ участвовать въ немъ подъ однимъ кровомъ и въ непосредственномъ общеніи съ своимъ Святителемъ—молитвенникомъ, по этому самому открылась уже, между прочимъ, потребность и въ распространеніи входа въ домъ святительскій.

Съ другой стороны, чтобы понять, отъ чего прежнее крыльцо и входъ въ покои преосв. Филарета оказались тѣсными и затруднительными для входящихъ,—довольно только припомнить содержаніе прежде сдѣланной нами выписки. Насколько любвеобильное и сострадательное сердце архипастыря было отверзто широко и безотказно ко всѣмъ, нуждающимся въ чемъ либо, настолько понятною становится и тѣснота входа и помѣщенія для послѣднихъ. Какъ высокопреосв. Филарета жители г. Рязани, по сказанному въ выпискѣ, именовали

---

[1]) Смотр. тамъ же, стр 5.

[2]) Тамъ же, стр. 6. Въ одномъ изъ писемъ своихъ въ Калугу къ. . самъ преосв. Филаретъ писалъ объ этомъ такъ: «Домъ у меня въ Рязани преогромный и великолѣпный; только входъ тѣсный и лѣстница такъ высока, что тебѣ по старости и слабости силъ очень трудно будетъ взойти, ибо живу въ третьемъ этажѣ.—Скоро непремѣнно займусь перестройкой, чтобы устранить неудобство.

не иначе, какъ *Филаретомъ милостивымъ*. то, подобно своему св. тезоименнику, который самъ стоялъ у вратъ своего дома. или у дверей житницъ своихъ. чтобы принимать и удовлетворять всякаго, и Владыка Филаретъ съ такою же цѣлію устроилъ въ домѣ своемъ и парадное крыльцо и пространный входъ въ свои покои.

Но не въ однихъ покояхъ своихъ дѣйствовалъ такъ преосв. Филаретъ; онъ оказывалъ свое участіе и помощь не тѣмъ только, кто самъ приходилъ къ нему и обращался съ личною просьбою: онъ предусматривалъ и предупреждалъ нужды другихъ еще прежде прошенія ихъ и такимъ образомъ *обрѣтался*. по выраженію слова Божія. и *не ищущимъ его*. О такихъ именно дѣйствіяхъ преосв. Филарета одинъ изъ доставителей свѣдѣній свидѣтельствуетъ слѣдующими словами: „Въ Рязанской епархіи и доселѣ сохранилась о немъ поговорка: *одинъ отецъ скончался. за то другой живъ остался.*“—т. е. такъ обыкновенно утѣшали дѣтей-сиротъ. по смерти ихъ роднаго отца. И. дѣйствительно, онъ былъ истиннымъ отцомъ для сиротъ. Однимъ изъ первыхъ его дѣлъ, по поступленіи его на Рязанскую епархію, было то, что онъ потребовалъ подробныхъ свѣдѣній о сиротахъ, особенно же не пристроенныхъ, и на нихъ прежде всего обратилъ пастырское свое вниманіе [1]). На сколько успѣлъ осуществить столь благія начинанія свои высокопреосв. Филаретъ, особливо когда суждено было пробыть ему лично въ Рязани только одинъ годъ и девять мѣсяцевъ, на это мы не имѣемъ опредѣленныхъ данныхъ. Но, какъ свидѣтельствуютъ всѣ его дѣйствія, онъ любилъ свои намѣренія выражать не на словахъ только, а приводить ихъ въ дѣло. Въ этомъ убѣждаетъ и сохранившееся въ преданіи, данное преосв. Филарету жителями г. Рязани. наименованіе *Филарета милостиваго*,—и та поговорка между духовными по отношенію къ осиро-

---

[1]) Смотр. письмо священ. Ростиславова отъ 23 Марта 1859 года на имя преосв. Антонія, бывшаго тогда Викарія Кіевскаго. впослѣдствіи Архіепископа Казанскаго

тѣвшимъ дѣтямъ: „*одинъ отецъ скончался, за то другой живъ остался*“. Наконецъ самъ въ Бозѣ почившій, ведя частую дружественную переписку (съ 1844 по 1857 г.) съ бывшимъ въ это время Рязанскимъ архіепископомъ Гавріиломъ [1]), не рѣдко выражалъ прямое участіе въ своихъ письмахъ, въ смыслѣ совѣщательномъ, по нѣкоторымъ дѣламъ управленія Рязанской епархіи, особливо напр. въ распредѣленіи приходовъ по вновь вышедшимъ штатамъ. выражая скорбное опасеніе, дабы чрезъ штатное размѣщеніе наличнаго духовенства не оставить кого либо напрасно безъ мѣста. При этомъ какъ бы прямо указывалъ на тотъ порядокъ. какимъ руководился онъ самъ. (какъ мы видѣли въ выпискѣ). Вообще же онъ. до самой кончины своей, сохранилъ самыя искреннія чувства и отношенія къ бывшей нѣкогда его паствѣ Рязанской. „Богоспасаемой паствѣ Вашей—Рязанской, *мнѣ всегда любезной*, благословеніе Отца Небеснаго. Вашему Высокопреосвященству желаю много лѣтъ управлять ею. А моя земная храмина день отъ дня приближается къ разрушенію.“ Такъ писалъ онъ Архіепископу Гавріилу въ послѣднемъ письмѣ своемъ отъ 15-го Апрѣля 1857 года,—слѣдовательно за восемь только мѣсяцевъ до своей кончины.

Такое выраженіе особеннаго воспоминанія о *своей любезной* бывшей паствѣ Рязанской съ преподаніемъ ей благословенія Отца небеснаго кромѣ того значенія, что оно было послѣднее, предсмертное. прощальное засвидѣтельствованіе архипастырскихъ чувствъ и отношеній. имѣло и другое значеніе. Это было какъ бы восполненіе того полсѣдняго прощанія, которое не могло быть сдѣлано въ свое время.—именно при личномъ разставаньѣ съ паствою, при отъѣздѣ его въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ. Какъ подобныя назначенія для присутствованія бываютъ временныя и

[1]) Письма. въ количествѣ 13-ти. доставлены преосвящ. Архіеп. Гавріиломъ, при собственноручномъ письмѣ отъ 20 Декабря 1858 г., преосв. Антонію. съ назначеніемъ ихъ для біографіи высокопреосвящ. Филарета.

на срокъ опредѣленный, почти всегда не болѣе годичнаго,—то и разставанье преосв. Филарета съ Рязанскою паствою было временное. Но оказалось, что предполагавшееся *на время* обратилось *въ разставанье на всегда*. По минованіи годичнаго срока, преосв. Филаретъ былъ оставленъ въ С.-Петербургѣ и на дальнѣйшее время, а, затѣмъ, вскорѣ же былъ назначенъ на новое мѣсто служенія—на архіепископію Казанскую. И какъ это назначеніе состоялось по особеннымъ важнымъ обстоятельствамъ въ положеніи Казанской епархіи, требовавшимъ безотлагательнаго прибытія туда высокопреосв. Филарета, то онъ и отправился изъ С.-Петербурга прямо въ Казань, не имѣя ни времени, ни возможности даже заѣхать въ свою Рязанскую епархію.

Впрочемъ въ истинно возлюбившемъ паству сердцѣ Архипастыря было не только предчувствіе, но даже какъ бы предвѣдѣніе, что выѣздъ его изъ Рязанской епархіи былъ безвозвратный. Вотъ что знаемъ мы объ этомъ изъ собственныхъ устъ маститаго—82-хъ лѣтняго старца, отца Архимандрита Павла, бывшаго настоятеля, (а затѣмъ жившаго въ заштатѣ на покоѣ) Солотчинскаго второкласснаго монастыря Рязанской епархіи, въ описываемую же нами пору, бывшаго казначеемъ архіерейскаго дома и сопутствовавшаго преосв. Филарету въ С.-Петербургъ.—„Когда мы, отправясь въ С.-Петербургъ 13-го Декабря 1826 года, говорилъ о. Архимандритъ, подъѣзжали къ г. Коломнѣ, и стали переѣзжать рѣку Оку, служащую граничною межою между Рязанскою и Московскою губерніями,—вдругъ преосвященный Владыка приказалъ остановится. Вышедши изъ экипажа и обратившись лицемъ туда, гдѣ по направленію находилась Рязань, онъ началъ класть молитвенные поклоны земные, и положивъ три поклона и, затѣмъ, троекратно осѣнивъ своимъ благословеніемъ въ эту же сторону, съ глубокимъ вздохомъ и слышнымъ для насъ голосомъ произнесъ: *Велитъ ли Богъ мнѣ увидѣть еще тебя, моя возлюбленная паства Рязанская?!!* И затѣмъ, какъ бы подумавъ что-то, сказалъ: *Нѣтъ и нѣтъ!*—Такъ и сбылось, какъ прорекли его святительскія уста. Изъ С.-Петер-

бурга, впослѣдствіи, мы проводили святаго Владыку прямо въ Казань,—а сами, т. е. вся свита, бывшая при немъ, возвратились сиротами въ Рязань [1]).

По порядку времени и по ходу нашего повѣствованія обратимся къ свѣдѣніямъ о жизни и служебной дѣятельности высокопр. Филарета въ С.-Петербургѣ.

[1]) Разсказъ этотъ, равно какъ и другой, помѣщенный ниже, мы слышали отъ о. Архимандрита Павла, при личной встрѣчѣ съ нимъ (22—24 чис. Августа 1866 г.) въ св. Троицк. Сергіевой Лаврѣ.

ГЛАВА XXVII.

«Преосвященнѣйшій Владыка жилъ и держалъ себя въ Петербургѣ во всемъ по-просту, какъ и обыкновенно всегда, а не по столичному, какъ, можетъ быть, дѣлаютъ нѣкоторые другіе.—И за это-то, по всему было видно, особенно его любили и уважали многіе знатные въ столицѣ люди. Служить онъ любилъ, какъ и всегда прежде въ Рязани, весьма часто; и въ церковь нашу, бывало, собиралось много богомольцевъ всякаго званія;—бывали и знатныя лица цѣлыми семьями и послѣ обѣдни всегда захаживали въ покои Владыки для бесѣдованія назидательнаго, такъ какъ онъ разговоровъ мірскихъ свѣтскихъ не подлюбливалъ вести и слушать...» [1]).

Вызванный въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ въ началѣ Ноября 1826 г., высокопр. Филаретъ имѣлъ тамъ пребываніе до начала Марта 1827 г. Въ повѣствованіи нашемъ объ этомъ пребываніи его неминуемо должна быть не полнота, по крайней мѣрѣ, сравнительно со всѣмъ прежнимъ изложеніемъ, и именно по части подробностей и характеристики служебной дѣятельности. Неполнота такого рода естественна. Причина главнымъ образомъ та, что указываемая сторона служебной дѣятельности въ большинствѣ, такъ сказать, поглощается въ общемъ состояніи Высшаго Церковнаго Управленія.—и потому, понятно, трудно исчерпывать въ отдѣльности, что̀ относится къ частнымъ дѣяніямъ лицъ, участвующихъ въ этомъ Управленіи, и тѣмъ болѣе, что служеніе это обыкновенно бываетъ временное и продол-

---

[1]) Изъ разсказа Архимандрита Павла, бывшаго экономомъ при бытности высокопр. Филарета въ С.-Петербургѣ.

жающееся не по долгу. Въ настоящемъ разѣ для насъ довольно знать только, что вызванный для присутствованія въ Св. Сунодъ прошелъ это поприще новаго служенія, по возлагаемымъ на него обязанностямъ, достойнѣйшимъ образомъ, такъ что, какъ мы видѣли уже въ Высочайшей Грамматѣ, труды его по дѣламъ Св. Сунода и Коммиссіи духовныхъ училищъ пріобрѣли ему справедливое право на особенное благоволеніе Монарха.

Въ частности же, если какое либо спеціальное занятіе высокопр. Филарета, въ описываемую пору, можетъ свидѣтельствовать о его особенныхъ достоинствахъ и вообще личномъ характеристичномъ образѣ дѣйствованія,— то мы не можемъ не указать и не признать послѣдняго условія въ служебной дѣятельности его по званію Члена Коммиссіи духовныхъ училищъ, которое оставалось за нимъ на всегда, какъ титулъ служебный.—Назначеніе— состоять Членомъ Коммиссіи послѣдовало, спустя лишь мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ прибытія преосв. Филарета для присутствованія въ Св. Сунодѣ, и отнюдь не исключало его отъ занятій по дѣламъ и въ Св. Сунодѣ, такъ какъ и самая Коммиссія хотя и составляла отдѣльную административную коллегію, но относилась къ вѣдѣнію Сунода, какъ часть къ своему цѣлому. Въ описываемую же пору, не обинуясь должно сказать, Коммиссія достигала своего, такъ называемаго, апогея. И вотъ въ составъ ея наличныхъ дѣятелей и назначенъ былъ Архіепископъ Филаретъ. Излишне, кажется, и представлять вопросъ,—чего могла ожидать Коммиссія для успѣха въ своей дѣятельности отъ такого новаго Члена-дѣятеля? Одно то, что этотъ новый Членъ былъ тотъ, кто самъ и учился, и училъ, и начальствовалъ въ учебныхъ заведеніяхъ, существовавшихъ еще на старинныхъ положеніяхъ,—затѣмъ былъ наставникомъ и начальникомъ въ двухъ высшихъ заведеніяхъ при самомъ началѣ ихъ преобразованія, такъ что въ одномъ изъ сихъ заведеній онъ полагалъ самъ и начало, и всю основу сего преобразованія, наконецъ, какъ епархіальный Архіерей въ двухъ епархіяхъ былъ самымъ неусыпнымъ попечителемъ о благосостояніи тамошнихъ духовныхъ заведеній, такъ что

не стѣснялся самъ быть иногда преподавателемъ уроковъ (въ Калужской Семинаріи), не говоря о томъ, что неопустительно производилъ самъ лично испытанія учениковъ,—одно это, говоримъ, не составляло ли, само собою, такой своего рода дипломъ относительно достоинствъ его, какъ спеціалиста, чтобы по всему праву занять ему первостатейное мѣсто въ составѣ Коммиссіи?!—Наконецъ нужно знать, какъ самъ, по собственному чувству и убѣжденію, въ Бозѣ почившій относился къ значенію бывшей Коммиссіи духовныхъ училищъ за все время ея существованія.—По его всегдашнимъ собственнымъ отзывамъ, Коммиссія была однимъ изъ положительно-раціональныхъ и благодѣтельныхъ учрежденій въ области всей нашей духовной администраціи по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ. Когда, по обстоятельствамъ, приходилъ конецъ существованію Коммиссіи съ замѣненіемъ ея другими учрежденіями—Духовно-учебнымъ и Хозяйственнымъ Управленіями при Св. Сунодѣ, а, совмѣстно съ этимъ, составлялся проэктъ о преобразованіи и самыхъ заведеній по части программъ учебныхъ предметовъ,—то едва ли кто былъ болѣе въ пользу первой и противъ послѣднихъ, какъ въ Бозѣ почившій, хотя, конечно, какъ выражался онъ самъ словами пословицы: *одинъ въ полѣ не воинъ*,—о чемъ услышимъ рѣчь впослѣдствіи.

Что же касается до прочихъ сторонъ и условій житейскаго положенія, временно пребывающихъ въ столицѣ. Святителей особливо въ давнюю описываемую пору, то, по разсказамъ покойнаго высокопр. Антонія (Архіеп. Казанскаго), дядя его—высокопр. Филаретъ, при воспоминаніяхъ объ этомъ положеніи, выражался *больно не красно*, а въ письмахъ своихъ даже до крайней, по видимому, рѣзкости, именуя свое пребываніе въ Петербургѣ пресельничествомъ „*Вавилонскимъ*“. Какую подлинно грустную, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ глубоко назидательную, картину можно было представить, говаривалъ покойный Владыка Антоній (Казанскій), изъ воспоминаній дяди обо всей внѣшней обстановкѣ и о состояніи внутренней жизни нашихъ смиренныхъ Святителей въ столицѣ, начиная

съ разбросанности самыхъ мѣстожительствъ ихъ на такъ называемыхъ подворьяхъ [1]). Одинъ лишь, едва-едва за-

---

[1]) Покойный Владыка Антоній разсказывалъ, что высокопр Филаретъ часто и съ чувствомъ явнаго недовольства высказывался о томъ, что жизнь на подворьяхъ особенно стѣснительна въ отношеніи помѣщенія свиты и самаго совершенія Богослуженія архіерейскаго. «Извѣстно всѣмъ и каждому, что всякій Архіерей долженъ непремѣнно привозить съ собою въ Петербургъ нѣсколько лицъ: іеромонаховъ—не менѣе 4—5, протодіакона, и еще діаконовъ двухъ, да двухъ иподіаковъ и наконецъ пѣвчихъ человѣкъ около двадцати и даже болѣе, привозить съ собою также и ризницу всякаго рода и архіерейскую и прочую, притомъ по преимуществу приличную. А служить-то приводится почти исключительно въ подворьевской церкви и тѣсной и темной... А мнѣ такъ бы думалось, что я и высказывалъ не разъ: въ Петербургѣ два Собора—Казанскій и Петропавловскій, а вотъ скоро и еще Исаакіевскій; въ этихъ соборахъ когда—когда бываетъ архіерейское служеніе... Между тѣмъ что благоприличнѣе, какъ въ этихъ-то соборахъ и назначить бы Присутствующимъ въ Сѵнодѣ Архіереямъ совершать Богослуженіе во всѣ праздничные дни, да и во всѣ воскресные. А такъ какъ въ этихъ соборахъ и штатъ наличныхъ священнослужителей—протоіереевъ и священниковъ и діаконовъ со старшимъ во главѣ весьма достаточный, да и пѣвчіе свои соборные прекрасные, и ризничныя всѣ облаченія и принадлежности для архіерейскаго служенія тоже имѣются, то и вышло бы, что пріѣзжающимъ для присутствованія въ Сѵнодѣ Преосвященнымъ вовсе не приводилось бы тянуться изъ своихъ епархій цѣлыми обозами на такія огромныя пространства, какъ напр. изъ Кіева и по дорогамъ такимъ, что по мѣстамъ Боже упаси ѣхать-то. При Архіерейскихъ же постоянныхъ служеніяхъ въ Соборахъ, столь пространныхъ, не сомнѣнно и молящихся собиралось бы во множествѣ.—Для совершенія же Богослуженія въ домовыхъ церквахъ на подворьяхъ достаточно было бы привозить изъ епархій только нѣсколько человѣкъ, сравнительно съ настоящимъ числомъ втрое меньше, да и заботъ и разной возни съ ними—всѣми свитниками, чтобы держать ихъ всѣхъ въ подобающемъ порядкѣ и приличіи въ средѣ столичнаго населенія, уменьшилось бы въ десятеро...».—N.B. Относительно неудобствъ и положительныхъ крайнихъ затрудненій въ путешествіяхъ въ Петербургъ читаемъ въ одномъ изъ писемъ высокопр. Филарета къ преосв Иннокентію (отъ 11-го Ноября 1840 г.) слѣдующее: «Мы уподобились человѣку нѣкоему, сходящему отъ Іерусалима въ Іерихонъ и впадшему въ разбойники. Видно не благовременно оставили мы нашъ Россійскій Іерусалимъ. Едва едва дотащились къ утру въ Козелецъ (верстъ 60-ть отъ Кіева) по несносной дорогѣ, всю ночь ѣхавши и нисколь-

мѣтный, водруженный надъ этими зданіями св. крестъ ради обозначенія, находящагося здѣсь, храма Господня, ихъ единаго и единственнаго прибѣжища и утѣшенія,— одинъ этотъ крестъ своимъ миніятюрнымъ видомъ служитъ какъ бы знаменемъ ихъ смиренія, чтобъ не сказать—уничиженія среди людей міра сего!!. Такое состояніе Святителей есть именно состояніе страннопришельничества и обуреваемаго плаванія среди волнъ столичнаго шумнаго житейскаго моря!..—Что это отнюдь не есть, такъ называемая, іереміада, послушаемъ, какъ отзывался самъ въ Бозѣ почившій о своемъ состояніи, которое переживалъ, находясь въ разныя времена въ С.-Петербургѣ. Въ письмѣ своемъ отъ 17-го Сентября 1841 г. писалъ онъ изъ Петербурга именно къ родному племяннику своему, бывшему тогда Инспекторомъ въ Кіевской духовной Семинаріи іеромонаху Антонію, покойному Архіепископу Казанскому: „Всеобщею ко мнѣ любовію здѣшнихъ хотя я и утѣшаюсь въ *странничествѣ моемъ*, но сердце мое все во святой чудотворной Лаврѣ. Тамъ я и молюсь, тамъ и живу духомъ“. Въ письмѣ же къ бывшему преосв. Архіепископу Рязанскому Гавріилу, только что возвратившемуся изъ С.-Петербурга съ чреды присутствованія въ Св. Сунодѣ, писалъ такъ: „Сорадуюсь Вашей радости о мирномъ и безмятежномъ пребываніи среди ввѣренной Вамъ паствы. По всему чувствую и знаю цѣну возвращенія *изъ Вавилона въ Сіонъ*“ [1]). А какъ это письмо было отвѣтное, то оче-

---

ко не спавши Изъ Козельца ѣхать вовсе не возможно. Ужасная грязь полузамерзшая отнимаетъ даже надежду продолжать далѣе наше путешествіе Десять лошадей и то не везутъ экипажа моего,— да и никакой экипажъ не вынесетъ такой ужасной дороги. Сидимъ съ утра въ Козельцѣ и ночуемъ тутъ въ ожиданіи другаго утра. Но, кажется, не дождемся лучшаго. А безъ перемѣны на лучшее принуждены будемъ возвратиться въ Іерусалимъ, *и сидѣть тамъ, дондеже облечемся силою свыше*...—Видно не даромъ мнѣ зѣло не хотѣлось оставлять Іерусалима и отправляться въ такую опасную дорогу. Впрочемъ мы пока еще всѣ живы и здоровы. А дорога такъ дурна, что и до Кіева надлежитъ ѣхать не менѣе сутокъ».

[1]) Письмо къ преосв. Гавріилу отъ 3-го Января 1844 г.—

видно, и самъ преосв. Гавріилъ *не красно* отзывался о своемъ бывшемъ житьѣ-бытьѣ въ столицѣ...

Такой отзывъ въ Бозѣ почившаго, по которому онъ уподоблялъ столицу Вавилону, правда, представляется чрезчуръ рѣзкимъ и щекотливымъ особливо для людей міра.... но, конечно, употребленіе подобныхъ выраженій нужно понимать въ значеніи особой терминологіи,—именно духовной свято-подвижнической, что̀ показываютъ и тѣ выраженія, гдѣ писавшій называетъ пребываніе свое въ столицѣ странничествомъ, именно по отношенію къ Св. Чудотворной Лаврѣ Кіевопечерской, гдѣ онъ заочно и молится и живетъ духомъ.—Между тѣмъ и живя въ столицѣ, онъ имѣлъ даже, какъ самъ свидѣтельствовалъ, свое душевное утѣшеніе, видя къ себѣ всеобщую любовь и самъ сочувствуя любящимъ. Объ этихъ благопріятныхъ отношеніяхъ высокопр. Филарета, въ описываемую именно пору пребыванія его въ С.-Петербургѣ, упомянутый нами прежде, старецъ Архимандритъ Павелъ сообщилъ намъ, хотя краткій, но характеристичный разсказъ о домашней жизни преосв. Филарета и объ отношеніяхъ къ нему столичнаго общества, и еще объ одномъ фактѣ, который сохранился особенно глубоко въ благоговѣйномъ памятованіи старца разсказчика, о чемъ онъ и самъ просилъ насъ записать на память.—„Преосвященнѣйшій Владыка жилъ и держалъ себя во всемъ по просту, какъ и обыкновенно всегда, а не по столичному, какъ, можетъ быть, дѣлаютъ нѣкоторые другіе... И за это-то, по всему было видно, особенно его любили и уважали многіе знатные въ столицѣ люди. Служить онъ

Подобное содержаніе встрѣтимъ впослѣдствіи въ письмахъ къ другимъ лицамъ Напр. въ письмѣ къ своему Викарію преосв. Іереміи (отъ 31 Марта 1842 г.) писано было такъ: «Ахъ, помолитесь усердно, Владыка святый, да возглаголетъ Господь въ сердцѣ Царевомъ благое о моемъ недостоинствѣ... (Здѣсь разумѣется рѣшительное желаніе высокопр. Филарета объ увольненіи навсегда отъ личнаго присутствованія въ Сунодѣ, о чемъ приготовлено было уже и прошеніе). Истинно, нѣтъ силъ и возможности продолжать еще раззорительныя и безплодныя для Св. Церкви разъѣздки въ столицу и пр...

любилъ, какъ и всегда прежде въ Рязани, весьма часто: и въ церковь нашу, бывало, собиралось много богомольцевъ всякаго званія, и бывали и знатныя лица цѣлыми, бывало. семьями, и послѣ обѣдни захаживали всегда въ покои Владыки, для бесѣдованія назидательнаго, такъ какъ онъ разговоровъ мірскихъ свѣтскихъ не подлюбливалъ вести и слушать.—Что же касается его келейнаго образа и правила жизни, то и говорить нечего. Молитва для него была чуть ли не первымъ отдыхомъ послѣ всякихъ трудовъ по разнымъ дѣламъ, отъ коихъ онъ нерѣдко не зналъ. что есть день, что ночь... Бывало, дивишься не надивишься, какъ силъ у него доставало. а времени, видимо, не доставало. И подлинно молитва его только и укрѣпляла его силы и какъ бы удлинняла и умножала для него и самое время". И вотъ къ слову о молитвѣ и въ частности о благодатной силѣ и дѣйственности ея въ состояніи въ Бозѣ почившаго о. Архим. Павелъ сообщилъ намъ тутъ же, свидѣтельствуемый имъ самимъ благоговѣйнымъ и умиленнѣйшимъ призываніемъ имени Божія, фактъ такого рода.

„Знаете, конечно, говорилъ о. Архимандритъ, и вы сами, что въ 1827 г. въ Ноябрѣ въ С.-Петербургѣ было одно изъ самыхъ сильныхъ и ужасныхъ наводненій. Мы жили въ то время на Псковскомъ подворьѣ, что на Васильевскомъ островѣ. Вотъ, когда только началось это гибельное событіе, когда стали раздаваться одинъ за другимъ и одинъ другаго сильнѣе и чаще извѣстные сигнальные выстрѣлы, а вода съ каждой минутой поднималась все быстрѣе и быстрѣе,—что было дѣлать?! Ужасъ сразу объялъ всѣхъ насъ. Я, какъ главный въ домѣ, прежде всего, разумѣется, освѣдомился и окликалъ всѣхъ своихъ изъ нашей свиты, а также и прислугу и кучеровъ. Съ тѣмъ же вмѣстѣ все, что было въ нижнихъ мѣстахъ, распорядился взносить вверхъ на второй и третій этажи. О самомъ же Владыкѣ, сказать правду, какъ бы и забылъ; благо, думалъ себѣ, что онъ дома. Да, пожалуй, и безпокоить и тревожить его не желалось. Только когда вода стала уже заливаться и на

второй этажъ, я вспомнилъ про лошадей въ конюшнѣ; онѣ бѣдняжки начали сильно ржать и биться, поднятыя водою почти совсѣмъ отъ пола. Тотчасъ же, не смотря на опасность, упросилъ я кучеровъ какъ нибудь добраться къ конюшнѣ, чтобы отвязать лошадей и переправить къ дому. Но куда было дѣвать ихъ? Приходилось провести лошадей въ одну изъ просторныхъ комнатъ, въ родѣ корридора, служившую проходомъ съ двора къ нашей домовой церкви. И какъ наводненіе все болѣе и болѣе усиливалось, и надо было такъ, или иначе убрать къ мѣсту лошадей.—то я тутъ-то и рѣшился идти ко Владыкѣ, чтобы доложить обо всемъ, что произошло и что сдѣлано, и въ особенности просить о позволеніи помѣстить лошадей въ помянутой комнатѣ. Комнаты Владыки были всѣ притворены; отворяю и вхожу прямо, куда слѣдовало, и вижу, что Владыка стоитъ на колѣнахъ и молится. Постоявши нѣсколько, я осмѣлился сказать ему о своемъ приходѣ, но отвѣта не послѣдовало, даже не замѣтно было, чтобы онъ сколько нибудь пошевельнулся, или вздрогнулъ отъ внезапности моего прихода и говора.—Я ушелъ, но бѣда не уменьшалась, а увеличивалась. Я снова ко Владыкѣ,—и опять то же... И такъ же въ третій разъ. Что было дѣлать?! Рѣшился перевести лошадей, куда предполагалъ прежде. Но вдругъ выходитъ Владыка изъ своихъ покоевъ, и такъ тихо и кротко и ласково говоритъ: *Ну, а что?.. Вода пошли назадъ?!* Сказалъ онъ эти слова, какъ бы спрашивая насъ. И лишь только мы хотѣли отвѣчать, хотя и не знали—что и какъ.., потому что не могли опредѣлить уровень воды, онъ, не давъ намъ выговорить, продолжалъ: *ну слава Богу! Богъ вѣдь милостивъ! Успокойтесь же! Скоро и все пройдетъ*... Въ этотъ же самый моментъ, дѣйствительно, бывшіе внизу, люди отъ радости закричали, что вода пошла на убыль и весьма быстро".— Сказавъ это, старецъ не удержалъ своихъ слезъ и, видимо, радовался имъ, какъ благодатному утѣшенію, и сквозь слезной улыбки договаривалъ свой разсказъ: „Да! вотъ какой я счастливецъ, что удостоился быть свидѣтелемъ такого истиннаго чуда отъ силы и дѣйствія мо-

литвы нашего бывшаго Владыки, которому во все время я служилъ, какъ онъ былъ нашимъ Архипастыремъ Рязанскимъ. И не диво впрочемъ, что онъ такъ былъ дерзновененъ и силенъ въ молитвахъ своихъ предъ Господомъ Богомъ, какъ вѣрный рабъ и истинный служитель Его. Силою его молитвъ еще прежде, какъ извѣстно всякому изъ Рязанцевъ, былъ исцѣленъ отъ тяжкой смертной болѣзни и тотъ самый господинъ Статскій Совѣтникъ Рюминъ, который на свой счетъ впослѣдствіи возобновилъ въ Рязани теплый каѳедральный соборъ. А гораздо прежде, когда Владыка служилъ еще въ Калугѣ, то же совершилось, что и во время наводненія въ С.-Петербургѣ. Здѣсь молитвы его имѣли силу и дѣйствіе надъ стихіею водною, а тамъ въ Калугѣ—надъ стихіею огненною, ибо извѣстно, по дошедшимъ и къ намъ въ Рязань разсказамъ, что въ то время, когда загорѣлся теплый соборъ, смежный со стѣнами покоевъ архіерейскихъ, Владыка дотолѣ не вставалъ съ подвига своей молитвы, пока его силою вытащили изъ комнаты, въ которую дымъ началъ уже пробиваться; а между тѣмъ пожаръ тутъ же и прекратился".

Такъ окончилъ свой разсказъ достопочтенный собесѣдникъ нашъ.—Такъ и мы закончимъ наше повѣствованіе о первыхъ годахъ святительскаго служенія въ Бозѣ почившаго (1819—1828 г.) въ трехъ перемѣнныхъ мѣстахъ его жительства—въ Калугѣ, Рязани и С.-Петербургѣ,—закончимъ съ тою назидательною для насъ и читающихъ мыслію, что подлинно ни время, ни мѣсто, никакія перемѣны по служебнымъ, частнымъ и общественнымъ условіямъ и отношеніямъ въ жизни не могутъ измѣнить истиннаго духа и характера (и во внутреннихъ и внѣшнихъ состояніяхъ) въ томъ, кто истинно вѣренъ своему призванію о Господѣ и пріемлетъ его какъ талантъ по слову Свято-Евангельскому, дабы употреблять и приумножать его, не *въ себя, а въ Бога богатѣя*. Эта истина по отношенію къ лицу въ Бозѣ почившаго, какъ несомнѣнно увидитъ и убѣдится всякій, оправдается такъ же вѣрно и во всей дальнѣйшей жизни и служеніи его до самой блаженной кончины (1857 г.),—

ближайшимъ образомъ на архіепископской каѳедрѣ Казанской (1828—36 г.) и наконецъ на каѳедрѣ Кіевской Митрополитской (1837—57 г.).—

Повѣствованіе объ этомъ *двадцатидевятилѣтнемъ* періодѣ жизни и святительскаго служенія въ Бозѣ почившаго составитъ содержаніе *втораго* и *третьяго* тома настоящаго нашего сочиненія. Въ первомъ изъ этихъ томовъ будетъ изложено повѣствованіе о служеніи въ Бозѣ почившаго въ Казанской Епархіи, а въ послѣднемъ о служеніи его въ Кіевской Епархіи.

Конецъ перваго тома.

ОПЕЧАТКИ.

(ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ)

Стран	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣд. читать.*
1	7 сверху	Колычевыхъ.	Колычевыхъ,
3	11 —	фамилій	фамилии
12	19 —	не прекращались	не прекращалось
12	20 —	разгорались	разгоралось
49	13 —	кои гдѣ	кое гдѣ
54	9 снизу	ставропальномъ	ставропигіальномъ
55	14 сверху	циркулярно	циркулярно:
98	8 снизу	толковости	толковитости
112	2 снизу	доставать	доставить
144	3 сверху	предполождніе....	предположеніе....
,,	16 снизу	пророчичей.. .	пророчицей...,
178	12 сверху	не нуженъ	ни нуженъ
187	6 сверху	Академіи	Академій
188	9—10 —	бѣсе—дахъ	бесѣ—дахъ
,,	14 —	сомо	само
194	2 снизу	преподаванія	преподаваніе
273	8 сверху	докаду	докладу
282	18 —	предстояшпе	предстоявшіе
285	3 снизу	Беседѣ	Бесѣдѣ
334	17 сверху	какъ какъ	какъ
342	18 —	къ болышему	къ большому
350	3 —	замѣчателано.	замѣчательно,
351	3 снизу	въ послуженіи	въ сослуженіи
369	18 сверху	въ всѣхъ	во всѣхъ
456	12 —	проводимъ	проводилъ
528	12 —	съ ними,	съ нимъ,
543	7 снизу	по требованіи	по требованію
551	5 —	полсѣдняго	послѣдняго
552	10 —	остановится.	остановиться.